С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КАБИНЕТСКАЯ, Д. № 13.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ

ШКОЛА и ЖИЗНЬ

L'ÉCOLE ET LA VIE

Schule und Leben — School & Life

Джонъ Локкъ.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ

и

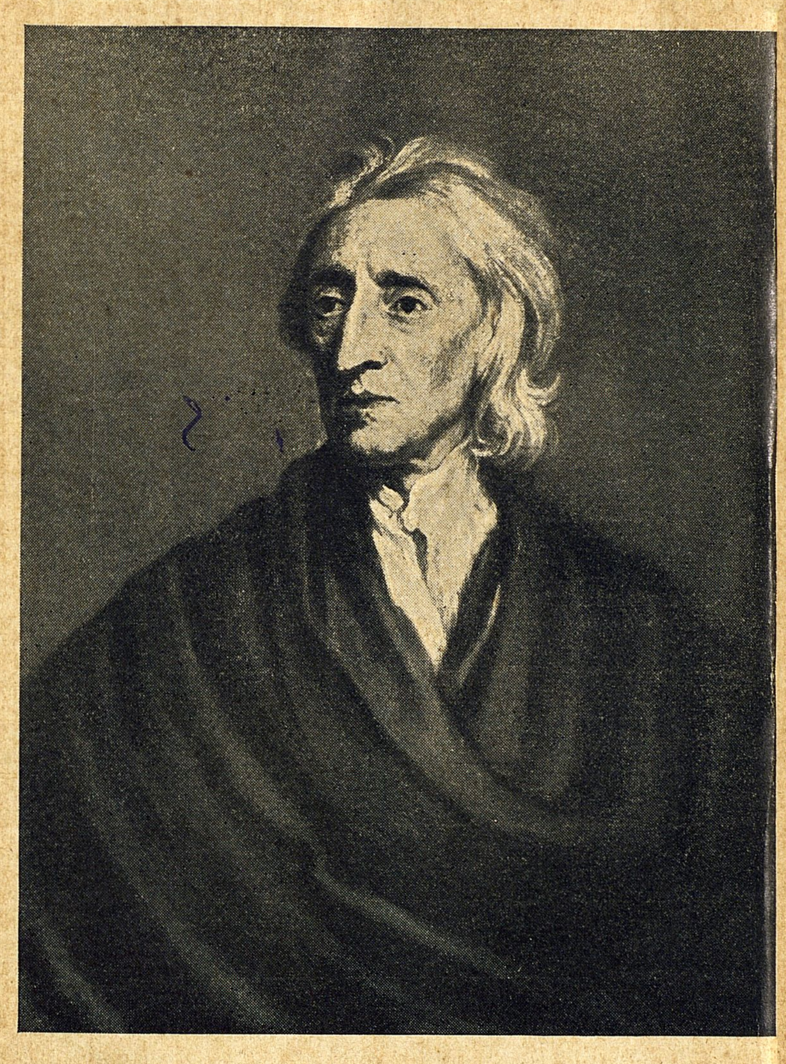
О ВОСПИТАНІИ РАЗУМА.

Введеніе и примѣчанія Эв. Даніэля.

Переводъ съ англійскаго М. А. Энгельгардта.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

Джонъ Локкъ.

1632—1704 г.г.

ПЕТЕРБУРГЪ, КАБИНЕТСКАЯ, Д. № 18.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ
ШКОЛА и ЖИЗНЬ
L'ÉCOLE ET LA VIE
Schule und Leben — School & Life

Джонъ Локкъ.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ

и

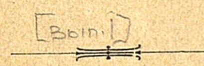
О ВОСПИТАНІИ РАЗУМА.

Введеніе и примѣчанія Эв. Даніэля.

Съ приложеніемъ портрета и очерка жизни и дѣятельности Локка.

Переводъ съ англійскаго М. А. Энгельгардта.

[вып. I]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

Типографія „Сѣверъ“, Спб., Невскій, 140-2.

Жизнь Локка.

Джонъ Локкъ родился 29 августа 1632 г. въ Рингстонѣ, въ графствѣ Сомерсетширъ. Отецъ его, средней руки землевладѣлецъ, былъ адвокатомъ, но съ наступленіемъ революціи присоединился къ партіи парламента и служилъ капитаномъ въ арміи «круглоголовыхъ». Онъ очень внимательно относился къ воспитанію сына, примѣняя систему, которую Локкъ рекомендуетъ родителямъ и воспитателямъ въ своихъ «Мысляхъ»: въ раннемъ дѣтствѣ налегалъ на «родительскую власть», требовалъ отъ ребенка безусловнаго почтенія и послушанія, но постепенно отпускалъ возжи, переходя къ болѣе свободнымъ и дружескимъ отношеніямъ. Когда мальчикъ подросъ, между ними установились отношенія тѣснѣйшей дружбы, не нарушавшіяся до смерти старика.

Двѣнадцати лѣтъ мальчикъ поступилъ въ Вестминстерскую школу въ Лондонѣ, гдѣ преподавались почти исключительно латинскій и греческій языки. Впрочемъ, ученики здѣсь лучше освоивались съ розгой, чѣмъ съ древними языками, преподававшимися по схоластическому методу: синтаксическія тонкости являлись самодовлѣющей цѣлью преподаванія; въ языкахъ видѣли «гимнастику ума», а не средство къ ознакомленію съ литературой, жизнью, духовной дѣятельностью античнаго міра.

Отсюда Локкъ перешелъ въ 1652 въ Оксфордскій университетъ, гдѣ преподавались реторика, логика и мораль, языки древніе, а также арабскій и еврейскій, и обрывки математическихъ наукъ. Локкъ окончилъ университетъ въ 1656 со степенью баккалавра, а два года спустя получилъ дипломъ магистра (magister artium) и мѣсто стипендіата.

Оксфордское преподаваніе внушило ему такое же отвращеніе, какъ и Вестминстерское. Онъ даже сожалѣлъ впослѣдствіе, что поступилъ въ этотъ университетъ. Впрочемъ, врядъ ли бы любой тогдашній университетъ удовлетворилъ его. Школа не поспѣвала за жизнью; движеніе гуманизма лишь слабо коснулось ея, да и то, что гуманизмъ вносилъ въ школу — напр., увлеченіе классиками—перерабатывалось послѣдней на схола-

стическій ладъ. Новые методы научнаго изслѣдованія и философской критики, выработывавшіеся великими учеными и мыслителями, Коперниками и Галилеями, Бэконами и Декартами—которые и сами рѣдко принадлежали къ профессорскому цеху и стояли въ большинствѣ случаевъ внѣ университетовъ—оставались достояніемъ частныхъ лицъ и кружковъ и мало отражались на школьныхъ программахъ. Здѣсь господствовала схоластика, построеніе безсодержательныхъ системъ путемъ діалектическаго развертыванія общихъ понятій: упражненіе низшей, діалектической способности ума въ ущербъ высшимъ способностямъ наблюденія и сопоставленія опытныхъ данныхъ. Критическая провѣрка общихъ понятій матеріаломъ опыта считалась излишней,—да о ней просто не думали: предполагалось, что общія идеи, которымъ соотвѣтствуютъ общія сущности, составляющія истинную реальность вещей, вложены въ человѣческую душу изначала, такъ что для полученія правильнаго міровоззрѣнія достаточно развивать ихъ содержаніе аналитически, не заботясь о провѣркѣ его данными опыта. Неподвижность и безплодіе на протяженіи многихъ вѣковъ характеризовали эту систему, исчерпывавшуюся чисто формальной перетасовкой однихъ и тѣхъ же понятій. Именно Локку предстояло нанести ей послѣдній и окончательный ударъ своей теоріей познанія.

Самостояльно онъ изучилъ Декарта, который пробудилъ въ немъ охоту къ философіи и, безъ сомнѣнія, далъ сильный толчокъ его мысли, хотя отнюдь не удовлетворилъ ея: напротивъ, заставилъ искать новаго обоснованія философіи. Онъ интересовался также точными науками, а въ особенности медициной; но въ этомъ отношеніи Оксфордъ далъ ему еще меньше, чѣмъ въ области философіи и гуманитарныхъ наукъ. Локкъ продолжалъ свои занятія самостоятельно, живо интересовался трудами Англійскаго Королевскаго Общества Поощренія Наукъ, учрежденнаго въ 1662, и внимательно изучалъ ихъ, какъ видно изъ его отзывовъ о трудахъ Роберта Бойля, Ньютона, о «корпускулярной теоріи» (тогдашняя форма атомической теоріи) и т. п.; позднѣе написалъ небольшой медицинскій трактатъ и даже получилъ въ Оксфордѣ степень баккалавра медицины. Самъ онъ отзывался о своихъ медицинскихъ знаніяхъ очень скромно, повидимому слишкомъ скромно,—если судить по отзыву знаменитѣйшаго изъ тогдашнихъ врачей, реформатора врачебнаго искусства, Сайденгэма, который находилъ, что по основательности, проницательности и вѣрности сужденій въ этой области Локкъ врядъ ли уступалъ лучшимъ врачамъ того времени.

Его учебные годы совпали съ самой бурной эпохой въ исторіи Англіи. Попытка насажденія абсолютизма, предпринятая Карломъ I, привела къ революціи, гражданской войнѣ, казни

короля, провозглашенію республики, правленію Кромвеля. Однако, республиканская форма правленія оказалась не соотвѣтствующей политическимъ понятіямъ и традиціямъ англійской націи; и по смерти Кромвеля, въ 1660, парламентъ пригласилъ прежннюю династію, въ лицѣ Карла II, вернуться на англійскій престолъ. Рѣшеніе это оказалось не совсѣмъ удачнымъ: старая династія не отказалась отъ старыхъ абсолютистскихъ замашекъ, не могла примириться съ преобладаніемъ народнаго представительства и парламентскимъ строемъ, и въ концѣ концовъ была устранена безкровной революціей 1689 и приглашеніемъ новой династіи, подчинившейся парламентскому режиму.

Локкъ, противникъ абсолютизма, сторонникъ представительнаго правленія, теорію котораго онъ же и разработалъ впослѣдствіи въ своихъ политическихъ трактатахъ, уже по этому одному не могъ бы играть видной активной роли въ государственныхъ дѣлахъ того времени. Но къ практической политикѣ его и не тянуло: во-первыхъ, его умъ былъ поглощенъ разработкой теоретическихъ вопросовъ, волновавшихъ ту эпоху, во вторыхъ, какъ человѣкъ слабаго здоровья, вѣчно прихварывавшій, страдавшій чахоткой (кажется) и астмой, онъ искалъ спокойной и правильной жизни и, елико возможно, избѣгалъ Лондона, климатъ котораго былъ ему вреденъ.

Онъ написалъ въ 1660 небольшой трактатъ объ отношеніяхъ государтва къ церкви, вѣроятно, въ надеждѣ на то, что испытанія революціоннаго періода научили старую династію терпимости. Но ему нетрудно было убѣдиться, что его воззрѣнія совершенно не подходятъ къ реакціоннымъ стремленіямъ правительства. Дѣйствительно, его литературная дѣятельность не продолжалась; и довольно долгій періодъ реставраціи Стюартовъ (1660—1689) былъ для него періодомъ «самообразованія», внѣшкольнаго ученья и подготовки ряда трудовъ по вопросамъ философіи, религіи, политики и воспитанія, появившихся позднѣе, послѣ революціи 1689.

Онъ учился не только по книгамъ, не только въ бесѣдахъ съ наиболѣе образованными и выдающимися людьми своего времени, общества которыхъ всегда искалъ и которыхъ умѣлъ группировать вокругъ себя, но и въ сношеніяхъ съ широкими кругами людей — крестьянъ, ремесленниковъ и пр., которыми отнюдь не брезгалъ. Характерно, напр., его замѣчаніе (въ «Воспитаніи разума») о французскихъ крестьянахъ (гугенотахъ), которые умѣютъ разбираться въ религіозныхъ вопросахъ не хуже ученыхъ богослововъ, потому что отказались отъ принятыхъ на вѣру воззрѣній и рѣшились мыслить самостоятельно. Эти наблюденія надъ жизнью укрѣпили въ немъ центральную идею его будущихъ трудовъ: идею автономіи человѣческаго разума. Разумъ безсиленъ только потому, что порабощенъ; онъ

дремлетъ, подавленный традиціями, обычаемъ, неразсуждающей вѣрой, внѣшнимъ авторитетомъ,—вотъ почему человѣчество не достигаетъ тысячной доли того, чего могло бы достигнуть. Освободившаяся отъ гнета навязанныхъ внѣшнимъ авторитетомъ воззрѣній, ставшая самостоятельной личность, сумѣетъ при помощи свободной критической дѣятельности разума, опирающагося на данныя внѣшняго и внутренняго опыта, пересоздать жизнь во всѣхъ направленіяхъ...

Въ 1664 Локкъ принялъ мѣсто секретаря въ посольствѣ сэра Вальтера Вэна въ Бранденбургъ, гдѣ и оставался до слѣдующаго года. Вернувшись въ Англію, онъ получилъ предложеніе занять другую дипломатическую должность, но отклонилъ его, и предпочелъ устроиться (съ 1666) въ домѣ Антони Эшли Купера, позднѣе (1672) графа Шефтсбери. Это былъ умный и даровитый человѣкъ, прославившійся, какъ искуссный политикъ и государственный дѣятель; что въ тѣ времена было почти синонимомъ искуснаго плута, такъ какъ чистоплотной политической дѣятельности тогдашніе люди рѣшительно не могли себѣ представить. Впрочемъ, онъ оказалъ родинѣ серьезныя услуги. Первоначально сторонникъ правительства и членъ реакціоннаго министерства „Кабаль", онъ перешелъ позднѣе на сторону народной партіи, былъ лидеромъ оппозиціи и провелъ знаменитый Habeas corpus act, гарантирующій личную свободу англичанина противъ произвола правительства.

Шефтсбери былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, живо интересовался успѣхами духовной культуры и оцѣнилъ способности и познанія Локка. Когда послѣдній оказалъ ему серьезную услугу удачнымъ медицинскимъ совѣтомъ, Шефтсбери предложилъ Локку поселиться у него въ домѣ, въ качествѣ друга, помощника и воспитателя его внука, впослѣдстіи знаменитаго писателя. Локкъ согласился—по тогдашнимъ нравамъ такое положеніе въ домѣ просвѣщеннаго мецената не представляло ничего двусмысленнаго и считалось вполнѣ естественнымъ—и оставался у Шефтсбери до смерти послѣдняго. Леклеркъ разсказываетъ характерный анекдотъ изъ этого періода жизни Локка. Собрались однажды къ Шефтсбери нѣсколько извѣстныхъ дѣятелей и усѣлись за карты. Локкъ, не принимавшій участія въ игрѣ, помѣстился тутъ же съ записной книжкой, въ которую заносилъ всѣ замѣчанія играющихъ. На вопросъ одного изъ нихъ, что такое онъ записываетъ, онъ отвѣтилъ: „я стараюсь наилучшимъ образомъ воспользоваться вашимъ обществомъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ чести очутиться въ кругу избраннѣйшихъ умовъ моего времени и, добившись, наконецъ, этой чести, рѣшилъ записывать то, что услышу, и дѣйствительно записалъ сущность вашей бесѣды." Это увѣщаніе подѣйствовало, карты были оставлены, и „бесѣда" смѣнилась болѣе содержательной.

Въ 1668 Локкъ путешествовалъ вмѣстѣ съ Шефтсбери по Франціи и Италіи, въ 1672, когда его покровитель былъ лордомъ канцлеромъ казначейства (министромъ финансовъ),—занималъ должность въ его вѣдомствѣ, которую потерялъ въ слѣдующемъ году, когда Шефтсбери поссорился съ правительствомъ. Въ 1675 болѣзнь заставила его отправиться во Францію, гдѣ онъ прожилъ четыре года, по обыкновенію пользуясь всякимъ случаемъ для расширенія своихъ знаній. Изъ французскихъ писателей особенное значеніе имѣли для него аббатъ Николь, янсенистъ, повліявшій на его религіозные взгляды, и Монтэнь, которому онъ несомнѣнно многимъ обязанъ, особливо въ области воспитанія, хотя скептицизмъ этого автора пришелся не по душѣ Локку.

Въ это время онъ былъ занятъ обдумываніемъ своего главнаго труда, „Опытъ о человѣческомъ разумѣ“ [1] (Essay concerniog human understanding), мысль котораго возникла у него еще въ 1670, а первый набросокъ составленъ въ послѣдній годъ пребыванія во Франціи (1679). Онъ самъ такъ разсказываетъ о возникновеніи этого труда въ обращеніи къ читателю. „Однажды человѣкъ пять-шесть друзей собрались у меня и вступили въ разговоръ на тему очень далекую отъ предмета этой книги, но вскорѣ должны были остановиться передъ затрудненіями, вставашими со всѣхъ сторонъ. Послѣ тщетныхъ попытокъ разобраться въ смущавшихъ насъ сомнѣніяхъ, мнѣ пришло въ голову, что мы направились ложнымъ путемъ, и что прежде, чѣмъ заниматься изысканіями этого рода, необходимо изслѣдовать наши способности и разсмотрѣть, какіе предметы доступны нашему разуму, какіе нѣтъ“. Словомъ, онъ поставилъ своей задачей изслѣдовать самый процессъ познанія; разсмотрѣть, какимъ путемъ человѣкъ проходитъ къ сужденію о вещахъ, о мірѣ, о себѣ; откуда берется матеріалъ для его представленій и понятій, и уже на этомъ основаніи оцѣнить качество и значеніе послѣднихъ. Въ основу философскаго міропониманія онъ рѣшилъ положить гносеологію, теорію познанія и, посвятивъ систематической разборкѣ послѣдней 17 лѣтъ, выполнилъ свою задачу съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, что по справедливости можетъ быть названъ основателемъ современной, гносеологической, т. е. опирающейся на теорію познанія, философіи.

Вернувшись въ Англію, онъ занялъ было оффиціальную должность (Шефтсбери былъ въ это время премьеръ-министромъ), но въ слѣдующемъ году отказался отъ нея въ виду слабаго здоровья, заставившаго его переселиться изъ Лондона въ Оксфордъ. Вскорѣ ему пришлось снова покинуть Англію, на этотъ разъ не совсѣмъ добровольно. Партія виговъ, во главѣ

[1]) Есть русскій переводъ А. Савина (Д. Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. М. 1898).

которой стоялъ Шефтсбери, окончательно разошлась съ правительствомъ и попыталась устранить его посредствомъ заговора (райгаусскій заговоръ). Заговоръ не удался, нѣкоторые изъ его руководителей были казнены, другіе, въ томъ числѣ Шефтсбери, спаслись бѣгствомъ въ Голландію (1682). Локкъ, на котораго смотрѣли косо въ виду его дружбы съ лидеромъ народной партіи, тоже долженъ былъ бѣжать. Въ 1683 Шефтсбери умеръ, а Локку пришлось остаться въ изгнаніи до революціи 1689. Король Карлъ II умеръ въ 1685, но положеніе дѣлъ въ Англіи измѣнилось отъ этого только къ худшему: преемникомъ его былъ Іаковъ II, монархъ, замѣчательный безграничностью своего ничтожества, великими размѣрами маленькихъ пороковъ, безнадежно тупой, мелко, но неумолимо злобный и мстительный, Передоновъ на престолѣ, инстинктивно тянувшійся къ худшимъ элементамъ націи, упрямый, какъ всѣ бараны міра, пока считалъ себя сильнымъ, и жалко, трусливо терявшійся, когда чувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами... Его правленіе ознаменовалось неудачнымъ возстаніемъ Монмута, свирѣпымъ усмиреніемъ и преслѣдованіемъ участниковъ возстанія при почти полномъ устраненіи закона, благодаря угодливости лорда верховнаго судьи Джеффриза, подчинившаго судъ требованіямъ правительства („кровавыя ассизы"), и временнымъ торжествомъ злѣйшихъ реакціонеровъ, группировавшихся вокругъ родственнаго имъ по духу Іакова. Въ Англіи такой король не могъ усидѣть долго; за четыре года онъ такъ опостылѣлъ народу, что когда, въ 1689, по приглашенію народной партіи, Вильгельмъ Оранскій предпринялъ экспедицію въ Англію, Іаковъ не нашелъ ни въ комъ поддержки и, растерявшись, бѣжалъ во Францію, оттуда уже не вернулся.

Въ ожиданіи этого Локкъ оставался въ Голландіи, одно время принужденъ былъ скрываться, потомъ жилъ открыто, большею частью въ Амстердамѣ. Онъ закончилъ здѣсь «Опытъ о разумѣ», извлеченіе изъ котораго, въ французскомъ переводѣ, было напечатано въ 1688 въ «Bibliothèque universelle» Леклерка, набросалъ, въ письмахъ къ Клэрку, рядъ «Мыслей о воспитаніи», напечатанныхъ нѣсколько лѣтъ спустя, составилъ первое «письмо о вѣротерпимости» (тоже напечатанное позднѣе) и подготовлялъ рядъ политическихъ трактатовъ.

Въ 1689 онъ вернулся въ Англію во флотѣ Вильгельма Оранскаго. Теперь послѣдовалъ самый плодотворный періодъ въ жизни Локка: въ 1689 были напечатаны его «Трактаты о правительствѣ» (Treatise of government) и «Письма о вѣротерпимости» (сначала одно, потомъ два дополнительныя въ отвѣтъ на нападки), оказавшіе—независимо отъ своего значенія въ исторіи политической мысли—существенную поддержку новому англійскому правительству; въ 1690 «Опытъ о человѣческомъ рузумѣ»; въ 1693 «Мысли о воспитаніи» (Some Thoughts concerning

Education); въ 1695 «Разумность христіанства» (The reasonableness of christianity).

Важнѣйшимъ изъ этихъ трудовъ былъ «Опытъ». Какъ мы уже упоминали, съ момента появленія этой книги современная (гносеологическая) философія можетъ начинать свое лѣтосчисленіе; притомъ, разработанная Локкомъ теорія познанія (психологическая) донынѣ остается неизмѣнной въ своихъ существенныхъ чертахъ. Это исключительное значеніе «Опыта» связало имя Локка съ исторіей философіи и какъ бы заслонило его остальныя работы, гораздо менѣе совершенныя и сохранившія нынѣ лишь историческій интересъ. Но онѣ также оказали огромное вліяніе на всё умственное движеніе XVIII вѣка и обезпечили своему автору высокое и своеобразное мѣсто въ исторіи европейской духовной культуры.

Совокупность его трудовъ по философіи, религіи, политикѣ педагогіи представляетъ какъ бы центральный, узловой пунктъ, къ которому сходится и отъ котораго расходится рядъ путей европейской мысли. Въ нихъ мы находимъ съ одной стороны итогъ, резюмэ великаго броженія, извѣстнаго подъ именемъ эпохи Возрожденія, съ другой исходный пунктъ духовной работы, доставившей XVIII вѣку названіе «вѣка Разума» или «вѣка Просвѣщенія». Хаотическое, бурное, полное противорѣчій, движеніе Возрожденія, потрясавшее европейскую жизнь XVI и XVII вѣковъ страшными катастрофами, войнами и переворотами, и одушевлявшееся скорѣе освободительными инстинктами, чѣмъ ясно осознанными цѣлями, улеглось къ концу XVII вѣка, оставивъ въ европейскомъ сознаніи опредѣленный результатъ: идею автономіи разума. Не искать новой вѣры, новаго откровенія, новыхъ авторитетовъ, земныхъ или небесныхъ, нужно человѣчеству; а освободить разумъ отъ подчиненія какимъ бы то ни было авторитетамъ, избавить его отъ роли служебнаго орудія, направляемаго вѣрой, преданіемъ, откровеніемъ, поставить его верховнымъ судьей истины и заблужденія. Самостоятельная, освободившаяся отъ вѣры въ руководителей, направляющихъ и указующихъ, человѣческая личность свободной, критической дѣятельностью разума, переработывающаго данныя опыта, создастъ точное знаніе, философское міропониманіе, новыя общественныя отношенія, основанныя на свободномъ договорѣ свободныхъ людей, и т. д.

Эта идея нашла своего выразителя въ лицѣ Локка, который формулировалъ её и вытекающія изъ нея новыя задачи философской, религіозной, политической мысли въ своихъ трудахъ,—намѣчающихъ, такимъ образомъ, какъ бы программу работы «вѣка разума»; представляющихъ, по выраженію Виндельбанда, «прелюдію великой симфоніи идей этой эпохи,—прелюдію, въ которой звучатъ то громче, то тише всѣ теченія, всѣ отдѣльныя формы движенія».

О значеніи трудовъ Локка въ философіи мы уже говорили. Сущность его теоріи познанія можно вкратцѣ передать такъ. Нѣтъ «врожденныхъ идей»,*) изначала вложенныхъ въ человѣческую душу; нѣтъ идей полученныхъ до опыта, т. е. чувственнаго воспріятія, и независимыхъ отъ него.

Всѣ идеи (представленія) получаются изъ ощущеній: весь матеріалъ мышленія, все содержаніе познанія дается опытомъ.

Правда, опытъ, которымъ располагаетъ человѣкъ, двоякаго рода: внѣшній (sensation)—воспріятія органовъ чувствъ, дающія намъ весь матеріалъ знанія о внѣшнемъ мірѣ (включая наше собственное тѣло), и внутренній (reflexion)—непосредственное наблюденіе собственныхъ душевныхъ состояній и дѣйствій. Но внутренній опытъ обусловленъ внѣшнимъ: наши душевныя состоянія порождаются чувственными воспріятіями.

Такимъ образомъ, источникомъ всякаго знанія являются данныя внѣшнихъ чувствъ (наблюденіе и опытъ въ тѣсномъ смыслѣ слова), ощущенія, переработываемыя интеллектомъ. Безъ чувственнаго воспріятія душа—бѣлый листъ (tabula rasa): въ ней нѣтъ никакихъ представленій и слѣдовательно никакого мышленія.

На основаніи матеріала, доставляемаго чувственнымъ воспріятіемъ, интеллектъ строитъ свое знаніе, путемъ ли непосредственнаго констатированія факта, или опредѣленія связи между данными опыта, или умозаключенія о фактахъ, непосредственно недоступныхъ воспріятію **).

Эта теорія познанія *психологическая*: изслѣдованіе психофизіологическаго процесса познанія, описаніе возникновенія нашихъ представленій и работы интеллекта надъ ними. Въ видѣ намековъ, афоризмовъ, догадокъ, ея положенія высказывались и раньше; но Локкъ развилъ ее въ своемъ двухтомномъ «Опытѣ» съ такой послѣдовательностью, систематичностью и обстоятельностью, что сдѣлалъ прочнымъ и вѣчнымъ пріобрѣтеніемъ человѣческой мысли. Онъ разъ навсегда точно опредѣлилъ отношеніе между чувственными воспріятіями и представленіями, представленіями и абстрактными идеями, умозаключеніями и непосредственными данными опыта. Показавъ, что абстрактныя понятія заимствуютъ все свое содержаніе отъ конкретныхъ, бѣднѣе каждаго изъ нихъ и являются лишь общими значками для

---

*) Подъ «идеями» здѣсь подразумѣваются не только понятія въ тѣсномъ смыслѣ слова (т. е. отвлеченныя понятія), но всѣ вообще представленія, всѣ объекты мышленія, отъ конкретнаго, напр. «домъ» или «роза», до абстрактнаго: «Богъ», «отношеніе» и пр.

**) Напр., о бытіи Бога, которое Локкъ считаетъ возможнымъ доказать на основаніи опытныхъ данныхъ, отвергая принятіе его на вѣру. Этого рода познанія (о Богѣ, о законахъ природы и т. п.) онъ называетъ *демонстративными* (demonstrative): они результатъ самостоятельной, свободной, критической дѣятельности разума, опирающагося на данныя опыта.

множества конкретныхъ представленій, а отнюдь не образами реальныхъ «общихъ сущностей», онъ окончательно убилъ схоластику, которую пытался устранить Бэконъ и къ которой по существу вернулся Декартъ въ своей философіи.

Но теорія познанія, разработанная Локкомъ, не рѣшаетъ философской проблемы міра, такъ называемой онтологической проблемы. Она уясняетъ, какимъ образомъ индивидуумъ пріобрѣтаетъ познаніе объ окружающемъ его мірѣ и о себѣ самомъ, и рѣшеніемъ этого вопроса выдвигаетъ новый: о качествѣ или значеніи этого познанія или, что то же, познаваемаго индивидуумомъ міра: о его абсолютномъ (въ себѣ) или относительномъ (въ формахъ познанія) бытіи. Локкъ ставитъ эту проблему (его ученіе о первичныхъ и вторичныхъ свойствахъ), но не рѣшаетъ ея: да она и до сихъ поръ остается не рѣшенной. Мы не можемъ здѣсь пускаться въ эту область, гдѣ до сихъ сихъ поръ царитъ полная разноголосица и уживаются рядомъ системы, взаимно исключающія другъ друга цѣликомъ, отъ альфы до омеги. Мы должны ограничить наше изложеніе безспорной заслугой Локка: разработкой теоріи познанія, которую всякая современная философская система принимаетъ, поскольку имѣетъ дѣло съ психологическимъ познавательнымъ процессомъ, и его результатомъ: точнымъ (научнымъ) познаніемъ.

Въ трудахъ Локка по религіознымъ вопросамъ мы не находимъ той послѣдовательности и законченности, какими отличается его теорія познанія. Религія должна и можетъ быть основана на доказательствахъ, извлекаемыхъ разумомъ изъ познанія природы; ничего не слѣдуетъ принимать на вѣру, безъ критическаго изслѣдованія; тѣмъ не менѣе большинство догматовъ, хотя и не противорѣчатъ разуму и выдерживаютъ его критику, не могли бы быть найдены безъ помощи откровенія. Это очевидное противорѣчіе, какъ его общему принципу автономіи разума, дѣйствующаго вполнѣ самостоятельно, такъ и теоріи познанія, не признающей иного источника знаній, кромѣ данныхъ внѣшняго и внутренняго опыта.

При всемъ томъ, задача обоснованія раціоналистической, основанной на доказательствахъ, религіи формулирована Локкомъ съ достаточной ясностью; и къ нему примыкаетъ игравшее такую видную роль въ XVIII столѣтіи теченіе деизма (Толландъ, Коллинзъ, во Франціи—Вольтеръ и др.)

Къ «Письмамъ о вѣротерпимости» примыкаетъ другое теченіе, логическимъ завершеніемъ котораго является «свободная церковь въ свободномъ государствѣ» или отдѣленіе церкви отъ государства, въ Америкѣ осуществившееся въ концѣ XVIII вѣка, въ Европѣ до сихъ поръ не проведенное въ жизнь (за исключеніемъ Франціи). Признавая религію дѣломъ свободнаго, критическаго изслѣдованія, Локкъ естественно является

сторонникомъ свободы вѣроисповѣданій. Но этого мало: религія является личнымъ дѣломъ каждаго, человѣкъ устанавливаетъ свои отношенія къ Богу, не нуждаясь для этого въ какихъ-либо посредникахъ, внѣшнемъ авторитетѣ и пр., и не навязывая своей религіи другимъ; люди, согласившіеся на этотъ счетъ, сами вырабатываютъ и устанавливаютъ свой культъ, который не можетъ быть обязательнымъ для другихъ: религія, ея культъ, ея обряды—дѣло общины вѣрующихъ, а не государства. Локкъ не дошелъ до вполнѣ точной формулировки этого конечнаго вывода, но далъ сильный толчекъ въ этомъ направленіи.

Въ трактатахъ о правительствѣ Локкъ набрасываетъ теорію представительнаго правленія. Всѣ люди рождаются свободными и равноправными; каждый вправѣ работать для своего благополучія и никто не вправѣ насиловать другихъ; для защиты отъ насилій люди образуютъ, по свободному договору, общественный союзъ, которому добровольно подчиняются и передаютъ часть своихъ правъ для пользы всѣхъ и каждаго. Естественныя права этимъ не уничтожаются: власть отъ самихъ людей, а не извнѣ: это общая воля, которой подчиняются ради взаимной выгоды. Отношенія между гражданами и правительствомъ—не отношенія рабовъ къ господину, овецъ къ пастырю, дѣтей къ отцу, это отношенія свободныхъ людей къ свободно установленной ими самими организаціи. Такими по крайней мѣрѣ должны быть общественныя отношенія.

Наилучшее осуществленіе общей воли достигается въ представительномъ образѣ правленія. Верховная власть—законодательная—вручается націей своимъ представителямъ, рѣшающимъ по большинству голосовъ. Для правильнаго функціонированія различныя сферы власти должны быть точно разграничены: законодательная отъ исполнительной. Исполнительную власть Локкъ раздѣляетъ на экзекутивную (собственно исполнительная и судебная, которыя, такимъ образомъ, у него смѣшаны) и федеративную (внѣшнія дѣла). Глава исполнительной власти король, подчиненный законамъ. Въ случаѣ нарушенія закона правительство лишается власти, которая возвращается къ народу.

Высказывавшіяся уже раньше мысли о договорномъ происхожденіи власти, о правахъ народа и пр. нашли у Локка, хотя и несовершенную, но систематическую разработку. Можно сказать, что въ его работахъ политическая мысль Европы навсегда покончила съ патріархальными и т. п. теоріями государства. Къ нему примыкаютъ теченія, главными представителями которыхъ въ XVIII вѣкѣ явились Руссо (теорія общественнаго договора) и Монтескье (теорія конституціоннаго правленія и раздѣленія властей).

Нетрудно видѣть общую идею, связующую перечисленные

выше труды. Человѣческая личность можетъ и должна обходиться собственными силами: работой разума надъ данными опыта она достигаетъ знанія, практическаго и теоретическаго; самостоятельно опредѣляетъ свои отношенія къ Богу; путемъ свободнаго договора устраиваетъ общественныя отношенія... Характерно и естественно, что такой взглядъ на человѣческую природу выработался раньше всего въ Англіи.

Во всякомъ случаѣ, онъ требовалъ кореннаго преобразованія системы воспитанія. Этому вопросу посвящены «Мысли о воспитаніи» Локка. Онъ ясно формулируетъ здѣсь новую задачу воспитанія: не подавлять, а развивать творческія силы личности; а, стало быть, беречь и уважать ея достоинство, самостоятельность и свободу. Поэтому книга оказала большое вліяніе на педагогическія теоріи XVIII вѣка, вплоть до Руссо, который собственно и исполнилъ задачу, поставленную (но не рѣшенную) англійскимъ философомъ.

Дѣло въ томъ, что, поставивъ воспитанію новую цѣль—развитіе творческихъ силъ личности—Локкъ не нашелъ средствъ для осуществленія этой цѣли. Система, посредствомъ которой онъ думаетъ осуществить ее, слишкомъ заражена старымъ духомъ, слишкомъ близка къ педагогіи Домостроя или Іисуса сына Сирахова. Старая система была системой терроризма „спасительнаго страха"; она насаждала „послушаніе—корень всѣхъ добродѣтелей" посредствомъ укрѣпленія родительской власти, становившагося такимъ образомъ самодовлѣющей цѣлью воспитанія; въ личности она видѣла прирожденное злое начало, которое нужно выколачивать палкой, розгой, всяческими истязаніями, вколачивая на мѣсто него, тѣми же орудіями и средствами, доброе: т. е. все тоже послушаніе, безпрекословное послушаніе авторитету родителей, авторитету церкви, авторитету правительства, авторитету разъ навсегда признанныхъ ученій... Въ этой системѣ была своя логика: при отсутствіи идеи прогресса, когда творческая дѣятельность личности признавалась ненужной и пагубной, когда нетолько государство, религія, церковь, но сама наука считалась разъ навсегда установленной, законченной и неприкосновенной, — логично было сдѣлать цѣлью воспитанія укрѣпленіе власти родителей и старшихъ вообще, какъ хранителей традиціи, и трудно было придумать для этого иное средство, кромѣ палки. Но, разумѣется, задача, поставленная воспитанію Локкомъ и перемѣщавшая центръ тяжести отъ родителей къ дѣтямъ, требуетъ совершенно иныхъ пріемовъ. Для развитія творческихъ силъ личности система „спасительнаго страха" не годится безусловно. И Локкъ это чувствуетъ: онъ высказывается противъ терроризма въ воспитаніи, возстаетъ противъ „рабьей дисциплины", пригнетающей личность, обнаруживаетъ отвращеніе къ розгамъ,—и тѣмъ не менѣе, не въ силахъ вырваться изъ когтей старой системы, отказаться

начисто отъ ея пріемовъ. Онъ только старается свести ихъ къ минимуму: отецъ долженъ внушить ребенку въ самомъ раннемъ дѣтствѣ „благоговѣйный страхъ“ (awe), но затѣмъ постепенно ослаблять возжи; розги должны примѣняться лишь „въ крайнемъ случаѣ“ и т. д. Читатель найдетъ у него не мало страницъ, возмутительныхъ съ точки зрѣнія современной педагогіи (особливо о розгахъ: желая устранить ихъ, какъ средство наказанія, Локкъ превращаетъ ихъ въ орудіе настоящаго истязанія), не мало противорѣчій, не мало наивностей... Иныя предлагаемыя имъ мѣры (напр. „принудительная игра“) имѣютъ характеръ утонченный моральной пытки, нравственнаго терроризма, пожалуй еще худшаго, чѣмъ грубый физическій терроризмъ старой системы Но книга его, разумѣется, не имѣетъ значенія руководства для воспитанія; .какъ таковое, она устранена уже „Эмилемъ“. Локкъ формулировалъ только цѣль новаго воспитанія; но не далъ его системы, его основныхъ началъ: эту задачу исполнилъ Руссо, такъ многимъ обязанный Локку и такъ безконечно далекій отъ него. Книга Локка представляетъ интересъ историческаго памятника: памятника борьбы двухъ системъ, старой и новой. Мы видимъ, читая ее, съ какимъ трудомъ новый принципъ воспитанія, соотвѣтствующій новымъ основамъ европейской культуры, пролагалъ себѣ путь среди старыхъ понятій, закрѣпленныхъ тысячелѣтней традиціей. Мы видимъ, какимъ тяжелымъ гнетомъ, какимъ кошмаромъ ложилась на новую жизнь старая система. Какъ характерны вѣчно возвращающіяся на протяженіи всей книги увѣщанія: „не слѣдуетъ бить“, „побои должны примѣняться, какъ можно рѣже“, „надо по возможности избѣгать побоевъ“,—и какъ характерно, что человѣкъ, питавшій такое отвращеніе къ насилію, великій мыслитель, такъ ясно формулировавшій новое представленіе о человѣческой природѣ, о ея способностяхъ и потребностяхъ, все-таки не могъ отрѣшиться отъ старыхъ пріемовъ... Удивляться ли, что въ обывательской педагогіи и до сихъ поръ сохранилось такъ много пережитковъ старой системы?

Всѣ перечисленныя работы вышли въ періодъ съ 1689 по 1695. Изъ нихъ особенно сильное впечатлѣніе произвелъ „Опытъ о человѣческомъ разумѣ“, выдержавшій въ 10 лѣтъ 4 изданія (что для того времени и для такой книги было огромнымъ успѣхомъ), возбудившій немалый гнѣвъ въ Оксфордѣ и великій восторгъ въ болѣе живомъ и отзывчивомъ къ духу времени Кембриджѣ.

Новое правительство относилось къ Локку совершенно иначе, чѣмъ старое. Но болѣзненное состояніе заставило его отказаться отъ участія въ оффиціальной дѣятельности и принять приглашеніе сэра Фрэнсиса Мэшема, въ домѣ котораго, въ Эссексѣ, онъ и провелъ послѣдніе годы своей жизни.

Онъ составилъ еще записку о монетной реформѣ—вопросъ,

очень интересовавшiй тогдашнихъ политиковъ и экономистовъ,— нѣсколько маленькихъ богословскихъ трактатовъ и философско-педагогическiй этюдъ „О воспитанiи разума“ („Of the conduct of the understanding“). Основную мысль этого небольшого трактата можно, пожалуй, формулировать такъ: «человѣкъ глупъ только потому, что не знаетъ, что онъ уменъ». Онъ похоронилъ свой разумъ подъ грузомъ традицiи, неразсуждающей вѣры, навязанныхъ внѣшнимъ авторитетомъ понятiй etc.; нужно стряхнуть этотъ грузъ, освободиться отъ него для свободной критической работы; тогда окажется, что послѣднiй поденщикъ обладаетъ достаточной долей природнаго ума для устройства разумной жизни. Словомъ, здѣсь высказывается центральная идея Локка, автономiя разума, дается рядъ совѣтовъ относительно воспитанiя разума: не принимать ничего на вѣру, сопоставлять различныя точки зрѣнiя и проч.; и соотвѣтственно тому опредѣляется цѣль обученiя: не нагружать голову ребенка фактами и на вѣру усвоенными понятiями, а прiучать его интеллектъ къ упорной, самостоятельной, критической работѣ; если это дастся ему,—все остальное приложится. Въ цѣломъ этотъ этюдъ—какъ бы возвѣщенiе „вѣка разума“, своего рода гимнъ разуму, если только можно употребить слово „гимнъ“, говоря о произведенiяхъ Локка, у котораго ясность мысли соединяется съ трезвымъ, спокойнымъ, холоднымъ, тяжеловатымъ изложенiемъ, не стѣсняющимися повторенiями, грамматически неправильными и стилистически некрасивыми оборотами, и тщательно избѣгающимъ всякой реторики, всякихъ красотъ слога. У него есть, однако, своя физiономiя, нѣчто пуританское, напоминающее о суровой обстановкѣ пуританскихъ церквей; не даромъ же отецъ Локка бился въ рядахъ кромвелевскихъ круглоголовыхъ. Подъ этимъ трезвымъ, суровымъ изложенiемъ таится свой пафосъ: любви къ истинѣ, голой, не прикрашенной, которую онъ ни за что не хочетъ внушить читателю, дѣйствуя на его чувство. Локкъ имѣлъ право сказать о себѣ: „онъ служилъ истинѣ“,—въ составленной имъ для самого себя эпитафiи, вырѣзанной на его надгробномъ камнѣ послѣ смерти великаго мыслителя, послѣдовавшей 28 мая 1704 года въ имѣнiи Мэшема, въ Эссексѣ.

Введеніе.

Можетъ показаться, что учителя, знакомые съ теоріей и практикой современнаго воспитанія, извлекутъ мало пользы изъ чтенія книги о воспитаніи, написанной двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ авторомъ, который, какъ-бы ни были велики его заслуги въ области философіи, не былъ профессіональнымъ учителемъ и обладалъ лишь весьма ограниченнымъ опытомъ, какъ частный воспитатель. Но если методы воспитанія, въ теченіе этихъ двухъ вѣковъ, безъ сомнѣнія сильно подвинулись впередъ, то принципы, на которыхъ они основываются въ конечномъ счетѣ и которые нужно искать въ природѣ ребенка и назначеніи человѣка, остаются неизмѣнными. Именно потому, что Локкъ бросаетъ свѣтъ на эти основные вопросы, опытъ его до сихъ поръ заслуживаетъ вниманія учителей и родителей. Онъ занялся этимъ предметомъ въ возрастѣ шестидесяти слишкомъ лѣтъ, вооруженный знаніями и образованіемъ врача и психолога, и внесъ въ его изслѣдованіе умъ, отличавшійся замѣчательнымъ спокойствіемъ и безстрастіемъ сужденій, даръ тонкой наблюдательности, острый, практическій, здравый смыслъ, и накопившійся опытъ богатой событіями жизни, проведенной въ обществѣ избраннѣйшихъ умовъ; и хотя многія изъ его наставленій по вопросамъ, на которыя современная наука бросила новый свѣтъ, должны быть отвергнуты, иные же совѣты могутъ вызвать улыбку, однако мыслящій читатель, кончая эту книгу, не можетъ не чувствовать, что его взгляды на воспитаніе расширились, что она заставляетъ его пересмотрѣть свою оцѣнку различныхъ родовъ знанія и методовъ обученія, и углубляетъ его познаніе дѣтской природы и образованія характера.

Лейбницъ ставилъ «Мысли о воспитаніи» выше «Опыта о человѣческомъ разумѣ». Книга Локка оказала сильное вліяніе на умъ Руссо, а черезъ него на всю современную Европу [1]).

Чтобы правильно оцѣнить справедливость сужденій Локка о современномъ воспитаніи и ясно видѣть поводъ и цѣль его сообра-

¹) «Изъ Англіи явился первый зародышъ Эмиля; въ Германіи Эмиль принесъ всѣ свои хорошіе или дурные плоды».—Hist. Critique des Doctrines de l'Education en France, par G. Compayré, ii. 24.

женій, необходимо помнить о томъ, что представляло изъ себя тогдашнее семейное и школьное воспитаніе.

О семейномъ обращеніи съ дѣтьми Галламъ говоритъ: «Въ обращеніи господствовала, повидимому, страстная и варварская строгость, чередовавшаяся съ нелѣпымъ потворствомъ. Первое часто притнетало дѣтскія души и уничтожало въ нихъ чистосердечіе; второе поощряло привычки своеволія и распущенности» 1).

Школы той эпохи велись съ такой же строгостью, которой не облегчала случайное потворство, оказываемое дѣтямъ дома. Розга находила такое-же регулярное примѣненіе, какъ ученіе и книги. «Многіе школьные учителя», говоритъ старикъ Фоллеръ, «заслуживаютъ скорѣе названія педотрибовъ, чѣмъ педагоговъ, такъ какъ болѣе истязаютъ своихъ учениковъ розгами, чѣмъ даютъ имъ хорошее воспитаніе. Немудрено, что ихъ ученики ненавидятъ музъ, являющихся имъ въ образѣ враждебныхъ фурій. Подобный Орбилій скорѣе портитъ школьниковъ, чѣмъ обучаетъ ихъ. Ихъ тиранія сдѣлала косноязычными многихъ, которые по природѣ говорили ясно, и заиканіе которыхъ было вначалѣ только страхомъ, отнимавшимъ у нихъ языкъ въ присутствіи учителя. А битье по головамъ превратило въ тупицъ не мало такихъ, которые превосходили быстротою ума своего учителя».

Курсъ преподаванія почти всецѣло сосредоточивался на изученіи мертвыхъ языковъ. Возрожденіе наукъ, сказавшееся безчисленными успѣхами въ разныхъ областяхъ, оказало въ высшей степени вредное дѣйствіе на воспитаніе; оно заставило школьныхъ учителей видѣть въ знаніи латинскаго и греческаго языковъ альфу и омегу воспитанія. Когда обширныя сокровища латинской и греческой литературы были впервые открыты и сдѣлались доступными, благодаря

---

1) Для иллюстраціи этого замѣчанія можно привести слѣдующее мѣсто изъ Обри: «Въ такомъ состояніи находилось обученіе отъ временъ Эразма до 1660 г.; оно было насквозь пропитано педантизмомъ. Бесѣда и нравы того времени отличались такой-же чопорностью, какъ брыжжи и квадратныя бороды. Ученые были старые холостяки. Тяжеловѣсная игра словами сходила за остроуміе даже въ проповѣдяхъ. Джентри и горожане получали скудное образованіе, и ихъ способъ воспитанія дѣтей соотвѣтствовалъ всему остальному. Они относились къ дѣтямъ такъ же строго, какъ школьные учителя. Дѣти ненавидѣли общество своихъ родителей. Тридцати- или сорокалѣтніе джентльмены должны были стоять передъ родителями, обнаживъ головы, безмолвно, какъ дураки; а дочери (взрослыя женщины) стоять у буфета, не присѣдая, все время, пока продолжался визитъ матери, если только послѣдняя не разрѣшала имъ (какъ это было въ обычаѣ) опуститься на колѣни на подушку. Мальчики (я подразумѣваю молодыхъ людей) должны были держать головы прямо, стоять въ учтивой позѣ, одна рука на груди, другая за спиной. Дамы употребляли огромные вѣера, которыми часто шлепали и наказывали своихъ дочерей. Сэръ Эдуардъ Кокъ объѣзжалъ округъ съ такимъ вѣеромъ, имъ пользовался также графъ Манчестеръ. Въ Оксфордѣ розга часто примѣнялась воспитателями и деканами; а докторъ Поттеръ, въ Тринити-Голлѣ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, высѣкъ своего воспитанника, явившагося къ нему уже при шпагѣ проститься передъ отъѣздомъ въ Inns of Court».

только что изобрѣтенному искусству книгопечатанія, тѣ, чьи глаза были поражены ихъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, рѣшили, что все, достойное познанія, содержится въ этихъ литературахъ, и что знаніе языковъ, которые являются ключами къ этимъ сокровищамъ, должно быть главной цѣлью воспитанія. Другія вліянія дѣйствовали въ томъ же направленіи. Латынь была языкомъ отцовъ церкви, языкомъ богослуженія и Святого Писанія. На этомъ языкѣ писались почти всѣ ученыя произведенія, теологическія, философскія, политическія и научныя, до конца семнадцатаго столѣтія. Греческій языкъ былъ ключемъ къ изученію Новаго Завѣта въ подлинникѣ и однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ орудій реформаціи въ ея борьбѣ съ Римомъ. «Папская система», говоритъ мистеръ Квикъ, «была связана въ умахъ реформатовъ съ схоластическими тонкостями, монашеской латынью и незнаніемъ греческаго языка; тогда какъ сама реформація— съ возрожденіемъ изученія классиковъ. Ихъ противники, іезуиты, тоже поощряли латынь, какъ церковный языкъ, и изучали греческій, какъ необходимый для диспутовъ. Такимъ образомъ, результатомъ реформаціи было въ теченіе нѣкотораго времени сосредоточеніе преподованія почти исключительно на классическихъ языкахъ. Старинные trivium (грамматика, логика и реторика) и quadrivium (ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія) признавали, по крайней мѣрѣ по имени, необходимость преподаванія тогдашней энциклопедіи наукъ. Но теперь всѣ великіе школьные учителя—Эшемъ въ Англіи, Штурмъ въ Германіи, іезуиты повсемѣстно, думаютъ только о латинскомъ и греческомъ языкахъ» [1]).

Иногда человѣкъ съ независимымъ геніемъ, вродѣ Монтэня или Мильтона, давалъ правильную оцѣнку значенію мертвыхъ языковъ, признавая въ то-же время, что они, быть можетъ, по выраженію Монтэня, «покупаются черезчуръ дорогою цѣною». Они ясно видѣли, что есть способности человѣческаго духа, которыя совершенно не затрогиваются литературными занятіями, что есть другія занятія и другія отрасли знанія, имѣющія широкое практическое приложеніе въ различныхъ областяхъ жизни, и что истинная цѣль классическаго воспитанія должна заключаться не въ пріобрѣтеніи учениками способности подражать классическимъ образцамъ на мертвомъ языкѣ, а въ ознакомленіи съ тѣмъ, что наиболѣе достойно знанія въ древней литературѣ, въ расширеніи взглядовъ путемъ мысленнаго перенесенія въ отдаленныя времена и отдаленную обстановку, въ поощреніи самостоятельнаго изслѣдованія истины и созданія оригинальныхъ произведеній на родномъ языкѣ. Въ теченіе почти трехъ столѣтій новаторы въ дѣлѣ воспитанія настаивали на этихъ очевидныхъ истинахъ, но до очень недавняго времени безъ успѣха. Чары, которыми Возрожденіе опутало воспитаніе, оставались неразрушимыми до нашего времени, да и теперь еще не вполнѣ разрушены. Самыя ревностныя усилія преподавателей посвящались снабженію мальчиковъ (безотносительно

1) Educational Reformers, p. 32.

къ ихъ будущей житейской работѣ) ключами къ сокровищамъ, которыми лишь очень немногіе изъ нихъ пользовались; тогда какъ другія, и гораздо болѣе цѣнныя знанія, находившіеся у нихъ подъ руками и доступныя безъ всякихъ спеціальныхъ ключей, оставались въ крайнемъ пренебреженіи. Воспитаніе, въ истинномъ смыслѣ этого слова, совершенно упускалось изъ вида узкой системой обученія, которое развивало только одну сторону ума и имѣло мало отношенія къ дѣйствительнымъ потребностямъ жизни. «Мы учимся», говоритъ Локкъ, «не жить, а спорить, и наше воспитаніе подготовляетъ насъ скорѣе для университета, чѣмъ для міра. Но не удивительно, что тѣ, которые создаютъ моду, приспособляютъ ее къ тому, что у нихъ есть, а не къ тому, въ чемъ нуждаются ученики». Въ томъ-же духѣ замѣчаетъ, со свойственной ему мѣткостью, Фоллеръ: «Наше обычное воспитаніе не стремится сдѣлать насъ добрыми и мудрыми, а хлопочетъ только о нашей учености; оно не учитъ насъ обрѣтать и усваивать добродѣтель и благоразуміе, а только объясняетъ намъ происхожденіе и этимологію этихъ словъ; оно выбираетъ для насъ не тѣ книги, въ которыхъ содержатся наиболѣе здравыя и вѣрныя мнѣнія, а тѣ, которыя изложены наилучшимъ латинскимъ или греческимъ языкомъ; и, благодаря этимъ правиламъ, внушаетъ нашему воображенію пустѣйшія причуды древности. Но хорошее воспитаніе измѣняетъ сужденіе и нравы... Нелѣпо думать, что люди, не обладающіе знаніемъ языковъ, не обладаютъ разумомъ. Во всѣ времена были люди, изъ ряду вонъ выдававшіеся своими способностями; и не слѣдуетъ думать будто Мудрость говоритъ съ своими учениками только на латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ языкахъ».

Если цѣль воспитанія отличалась узостью, то и методы его были несостоятельны. Можно-бы было ожидать, что такъ какъ латинскій и греческій языки были почти единственными предметами обученія, то они по крайней мѣрѣ проходились очень хорошо; но въ дѣйствительности было наоборотъ [1]). Хотя Коле совѣтовалъ школьнымъ учителямъ преподавать латынь посредствомъ изученія хорошихъ авторовъ и подражанія имъ, и «оставить въ покоѣ правила»; хотя Эшемъ показалъ, что правила всего лучше изучать въ связи съ чтеніемъ авторовъ, тогда какъ «грамматика одна, сама по себѣ, скучна для учителя, трудна для ученика, холодна и непривѣтлива для нихъ обоихъ»; хотя Монтэнь доказалъ на собственномъ примѣрѣ (если только такая очевидная истина нуждалась въ доказательствахъ), что латынь можно изучить въ разговорахъ такъ-же, какъ родной языкъ; хотя Ратихъ, Коменскій и другіе снова и снова выясняли нелѣпость начинать преподаваніе языка съ заучиванія опредѣленій и правилъ, но практика «освоиванія» дѣтей съ латинской грамматикой прежде

[1]) „Мы попусту тратимъ семь или восемь лѣтъ на собираніе жалкихъ крохъ латинскаго и греческаго языка, которыя можно-бы было легко и свободно пріобрѣсти въ одинъ годъ".—Milton, Tractate of Education.

чѣмъ они примутся за автора, продолжала невозмутимо дѣйствовать до нашего времени. Въ довершеніе зла греческія грамматики и греческіе словари писались по латыни. Сидней Смитъ рисуетъ забавную картину ребенка въ общественной школѣ, пытающагося разобраться въ греческомъ авторѣ съ помощью лексикона Гедериха, и выбрать изъ ста двухъ значеній семнадцати латинскихъ выраженій, соотвѣтствующихъ βάλλω то именно, которое требуется для находящагося предъ нимъ текста [1]). Мы отказались отъ метода изученія неизвѣстнаго языка при помощи другого, нѣсколько менѣе неизвѣстнаго, но все же намъ остается еще много сдѣлать въ смыслѣ установленія надлежащей постепенности въ преодолѣніи трудностей, которыя представляетъ изученіе мертваго языка и въ правильномъ ея согласованіи съ возрастомъ.

Неподвижность методовъ воспитанія въ теченіе періода, о которомъ я говорилъ, легко объясняется. Учителя не подготовлялись къ своей профессіи [2]), которую часто избирали какъ ступень къ чему-нибудь лучшему, или какъ средство избѣжать худшаго; они часто принимались за исполненіе своихъ обязанностей съ скуднымъ запасомъ знаній, не имѣя другого побужденія увеличивать его, кромѣ любознательности; и каждое поколѣніе продѣлывало все тотъ же циклъ

---

[1]) «Мальчикъ, который сидитъ за греческимъ авторомъ съ лексикономъ и грамматикой, долженъ овладѣть незнакомыми особенностями незнакомаго языка; отыскивать слова въ лексиконѣ, въ употребленіи котораго онъ не опытенъ; выбрать, послѣ многихъ попытокъ, то именно изъ многочисленныхъ значеній слова, приведенныхъ въ лексиконѣ, какое ему требуется, принимать въ соображеніе измѣненія словъ въ зависимости отъ падежей и временъ; осваиваться съ синтаксисомъ языка, и притомъ осваиваться съ этими измѣненіями и съ этимъ синтаксисомъ изъ книгъ, написанныхъ на иностранныхъ языкахъ и наполненныхъ самыми нелѣпыми и варварскими терминами; и все это въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, когда умъ совершенно неспособенъ справляться съ большими трудностями; и мальчикъ, который возмущается всей этой чепухой и безсмыслицей, признается олухомъ и принужденъ идти въ солдаты или матросы».—*Review of Hamilton's «Method of Teaching Languages»*. Works, p. 447.

[2]) Это продолжается и до сихъ поръ, хотя дѣлаются усилія устранить этотъ изъянъ. «Персоналъ англійскихъ школъ», говорятъ г.г. Деможо и Монтюсси, французскіе коммисары, въ своемъ отчетѣ о нашихъ начальныхъ школахъ, «по нашему мнѣнію уступаетъ персоналу нашихъ лицеевъ, не по талантамъ и способностямъ своихъ представителей, а вслѣдствіе недостатковъ организаціи. Преподаваніе въ Англіи не такая карьера, которая имѣетъ свою подготовительную стадію, свой новиціатъ, свои повышенія, свои отличія, свою стадію заслуженности. Отсутствіе высшей нормальной школы вынуждаетъ молодого учителя руководиться своимъ ученическимъ опытомъ и личными попытками на ощупь». Правда, учителя въ нашихъ общественныхъ школахъ обыкновенно люди способные, съ блестящими познаніями и съ дисциплинированнымъ умомъ, способнымъ быстро оріентироваться и учиться; но интеллектуальныя способности или ученость не могутъ компенсировать незнаніе законовъ жизни и душевнаго развитія ребенка и недостаточное знакомство съ исторіей и техникой дѣла, которое въ своей значительной части является практическимъ ремесломъ.

опытовъ наудачу за счетъ своихъ питомцевъ, что и его предшественники. Въ учительской профессіи не было постоянно наростающаго потока техническихъ традицій. Не было науки о воспитаніи. Что душа и тѣло ребенка одинаково подчинены ненарушимымъ законамъ, что между ними существуетъ тѣсная связь, въ силу которой все, дѣйствующее на тѣло, отражается на душѣ, и обратно, что обязанность учителя приспособлять свои методы къ этимъ законамъ, а не стремиться наложить собственные законы на ребенка, что, словомъ, единственный способъ воспитанія и контролированія ребенка есть сообразованіе съ природой,—всѣ эти истины понимались еще очень несовершенно и, конечно, рѣдко прилагались на дѣлѣ. Главный фактъ, повидимому, твердо усвоенный старинными учителями, по отношенію къ человѣческой душѣ, заключался въ томъ, что, какъ говоритъ Карлейль, «она обладаетъ способностью, называемой памятью, и на нее можно воздѣйствовать черезъ мускульные покровы, прилагая къ нимъ березовую розгу». Нѣтъ надобности прибавлять, что они щедро пользовались этими скромными свѣдѣніями по физіологіи души, хотя и не достигали особенно замѣчательныхъ педагогическихъ результатовъ. Тѣло ребенка всегда было доступно, хотя бы его душа оставалась скрытой; и его кожа носила свидѣтельство трудовъ учителя, если даже его успѣхи не обнаруживали ихъ.

Можно сказать, что изъ нашихъ старинныхъ общественныхъ школъ и гимназій вышло извѣстное число великихъ людей и способныхъ ученыхъ. Пожалуй, впрочемъ, правильнѣе сказать, что эти великіе люди и способные ученые достигли своихъ отличій, несмотря на дурную систему воспитанія. Имѣя въ виду, что почти вся знатная англійская молодежь проходила черезъ наши общественныя школы, не приходится удивляться тому, что среди нея оказалось нѣсколько геніевъ, сумѣвшихъ отличиться. Истинный пробный камень системы воспитанія не число геніевъ, появившихся во время ея господства, а то, что она даетъ ребенку среднихъ способностей и средняго прилежанія. Прилагая этотъ критерій къ стариннымъ школамъ, мы убѣдимся изъ свидѣтельствъ современниковъ, что онѣ были въ высшей степени несовершенны; а Отчетъ Коммиссаровъ Ея Величества, опубликованный не далѣе, какъ въ 1864, показываетъ, что положеніе вещей и къ тому времени не слишкомъ улучшилось. «При имматрикуляціи въ колледжъ» — говоритъ деканъ коллегіи Кристчерчъ, — «очень немногіе умѣютъ точно перевести отрывокъ изъ автора, котораго они будто бы читали. Мы никогда не пробуемъ давать имъ незнакомыя мѣста. Это было бы безполезно... Отвѣты по ариѳметикѣ не внушаютъ намъ охоты экзаменовать по геометріи и алгебрѣ... При испытаніяхъ, называемыхъ «репетиціями» (responsions), которыя происходятъ въ Университетѣ такъ рано, что являются провѣркой школьной работы—очень низкой провѣркой — въ одномъ случаѣ изъ 168 кандидатовъ провалились 67. Изъ нихъ 43, какъ показали ихъ письменныя работы, были совершенно неподготовлены

къ какому бы то ни было экзамену» [1]). Свидѣтельство представителей Кембриджскаго и Лондонскаго университетовъ говоритъ о томъ же. Докторъ Смитъ, экзаменаторъ по древнимъ языкамъ въ Лондонскомъ университетѣ, говоритъ: «Судя по экзаменамъ въ Лондонскомъ университетѣ и по всѣмъ вообще экзаменамъ, которые мнѣ случалось производить, гдѣ бы то ни было, рѣдко попадаются молодые люди, способные перевести самый легкій латинскій или греческій отрывокъ ad aperturam libri... Я думаю, что если бы молодые люди пріобрѣтали хорошее знаніе латинскаго или греческаго языка, то можно бы было сказать кое-что въ пользу существующей системы; но въ виду того, что они почти не знаютъ ни латыни, ни греческаго языка, не можетъ быть вредной попытка ввести какіе-нибудь другіе предметы, которые они могли бы изучать.

«Лордъ Стэнли: Вы, стало быть, думаете, что существуетъ черезчуръ исключительная приверженность къ изученію классическихъ языковъ и далѣе, что преподаваніе классическихъ языковъ, которому жертвуютъ многими другими предметами, поставлено неправильно и несовершенно?—Да, таково мое мнѣніе [2])».

Если таковы были результаты воспитанія, дававшагося въ нашихъ общественныхъ школахъ еще такъ недавно, то можно себѣ представить, какого рода воспитаніе давалось, когда Локкъ учился въ Вестминстерской школѣ. „Дѣйствительно“, говоритъ Галламъ, „онъ находилъ неправильнымъ рѣшительно все; ошибочную систему наградъ и наказаній, ошибочныя понятія о цѣляхъ воспитанія, ошибочный выборъ предметовъ, ошибочные методы ихъ преподаванія».

Его „Мысли о Воспитаніи“ выросли изъ ряда частныхъ писемъ, адресованныхъ его другу, Эдуарду Клэрку, изъ Чипли. Эти письма были написаны легкимъ, фамильярнымъ стилемъ, который остался неизмѣненнымъ, когда они были собраны и приведены въ порядокъ для напечатанія. Повидимому, ихъ достоинство было высоко оцѣнено еще въ рукописи, такъ какъ Локкъ говоритъ мистеру Клэрку въ своемъ посвященіи: „Настоянія друзей—обычное оправданіе публикацій, авторы которыхъ боятся признаться, что они сами добивались ихъ. Но, какъ вамъ извѣстно, я могу по совѣсти сказать, что если бы нѣкоторыя лица, слышавшія о моихъ письмахъ, не выразили настойчиваго желанія увидѣть ихъ, а затѣмъ имѣть ихъ напечатанными, то они до сихъ поръ покоились-бы въ частныхъ рукахъ, для которыхъ предназначались... Ко мнѣ самому обращались въ послѣднее время столько лицъ, признающихся въ своемъ недоумѣніи, какъ имъ воспитывать своихъ дѣтей, а жалобы на раннюю испорченность молодежи сдѣлались теперь до такой степени общими, что нельзя обвинять въ чрезмѣрной дерзости того, кто выступаетъ публично съ обсужденіемъ этого вопроса, и предлагаетъ что-либо, хотя-бы лишь

---

[1]) Цит. у R. Quain, F. R. S. (On some Defects in General Education, p. 29)

[2]) Цит. op. cit. pp. 31, 32.

съ цѣлью поощрить другихъ или ускорить дѣло исправленія; вѣдь ошибки въ дѣлѣ воспитанія менѣе терпимы, чѣмъ гдѣ-бы то ни было».

Весьма недостаточно уяснивъ себѣ физическую сторону души и дѣйствіе среды и наслѣдственности въ смыслѣ дифференцированія индивидуумовъ, Локкъ высказывалъ по вопросу объ услугахъ, которыя воспитаніе можетъ оказать человѣчеству, мнѣніе, которое самые восторженные поборники воспитанія въ настоящее время признаютъ пожалуй, преувеличеннымъ. Въ первой части своего опыта онъ говоритъ: «Я, кажется, могу сказать, что изъ всѣхъ людей, съ которыми мы встрѣчаемся, девять десятыхъ становятся тѣмъ, что они есть, добрыми или злыми, полезными или нѣтъ, благодаря воспитанію. Оно то и создаетъ великую разницу между людьми. Слабыя или почти нечувствительныя впечатлѣнія въ нашемъ раннемъ дѣтствѣ имѣютъ очень важныя и длящіяся послѣдствія: такъ у источниковъ нѣкоторыхъ рѣкъ небольшое усиліе можетъ отвести послушныя воды въ русло, которое заставитъ ихъ течь въ почти противоположную сторону; и благодаря этому легкому направленію, сообщенному у источника, онѣ получаютъ различныя устремленія и достигаютъ наконецъ очень удаленныхъ и далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстъ» (§ 1). По поводу этого мѣста Галламъ вполнѣ правильно замѣчаетъ: «Такими фантастическими аналогіями съ явленіями внѣшней природы очень легко было-бы подтвердить и противоположное утвержденіе. Само по себѣ это положеніе до крайности гиперболично. Значеніе воспитанія ничуть не умаляется тѣмъ фактомъ, что оно не можетъ произвести одинаковаго дѣйствія на каждаго индивидуума, какъ значеніе земледѣлія (я нарочно употребляю эту пустую аналогію) не умаляется отъ того, что мы не можемъ получить одинаковое количество зерна на всякой почвѣ. Тѣ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ многочисленными дѣтьми, я полагаю единодушно отвергнуть уравнительное значеніе воспитанія. Разнообразіе характеровъ даже у дѣтей одной и той же семьи, гдѣ домашнія впечатлѣнія дѣтства приблизительно одинаковы, а многочисленныя черты физическаго средства могутъ порождать и дѣйствительно порождаютъ моральное сходство,—явленіе достаточно обыкновенное и доказывающее, что человѣческія существа обладаютъ присущими ихъ природѣ внутренними различіями, которыхъ воспитаніе не можетъ преодолѣть» *). Это преувеличеніе, впро-

*) Локкъ не говоритъ объ „уравнительномъ дѣйствіи“ воспитанія; а въ §§ 66, 101, 102 своего трактата подчеркиваетъ неустранимую воспитаніемъ разницу характеровъ и умовъ и неискоренимость „прирожденныхъ“ свойствъ. Но психическіе задатки, съ которыми человѣкъ родится, такъ же неоднородны, какъ физическіе: какъ между различными анатомическими элементами—клѣтками, тканями—втеченіе развитія организма происходитъ борьба, причемъ одни атрофируются, другіе, вытѣсняя ихъ, развиваются; такъ, подобная же борьба происходитъ между психическими задатками; и воспитаніе, создавая благопріятныя условія для проявленія однихъ, и неблагопріятныя для другихъ, можетъ опредѣлять направленіе психическаго развитія ребенка; мало того, можетъ даже (какъ показали

чемъ, весьма простительно, и устраненіе его не ослабляетъ силы той истины, изъ которой оно вытекло. Нельзя указать предѣла улучшенію человѣческой природы. Если учитель не исходитъ изъ этого убѣжденія, его цѣли будутъ узки и не будутъ одушевлены благороднымъ энтузіазмомъ. Только вѣруя въ великія дѣла, можно творить великія дѣла. Я не вижу ничего, болѣе способнаго парализовать учителя и превратить его въ чистую машину, чѣмъ убѣжденіе въ томъ, что характеры и способности его учениковъ окончательно и неизмѣнно опредѣлены предшествующими условіями. Хотя онъ не можетъ измѣнять природы того матерьяла, надъ которымъ работаетъ, но можетъ придать этому матерьялу почти любую форму, какую захочетъ, если будетъ сообразоваться съ законами его бытія.

Взгляды Локка на задачи воспитанія, это взгляды утилитариста, стремящагося къ высокимъ моральнымъ цѣлямъ. Главная цѣль учителя, говоритъ онъ, помочь своему питомцу развить въ себѣ привычку самообузданія. «Великое начало и основаніе всяческой добродѣтели и достоинства состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ былъ способенъ отказываться отъ своихъ желаній, дѣйствовать наперекоръ собственнымъ наклонностямъ, и слѣдовать исключительно тому, что разумъ указываетъ какъ лучшее, хотя бы влеченіе тянуло въ другую сторону.» (§ 33) «Тотъ, кто не въ силахъ господствовать надъ своими наклонностями, тотъ, кто не умѣетъ сопротивляться удовольствію или страданію настоящей минуты, когда разумъ говоритъ ему, что это должно быть сдѣлано, тотъ не обладаетъ истиннымъ началомъ добродѣтели и усердія, и рискуетъ оказаться ни на что не годнымъ» (§ 45). Идеальный «джентльменъ» Локка, воспитанію котораго спеціально посвященъ его опытъ, долженъ «обладать познаніями дѣлового человѣка, имѣть поведеніе, подобающее его званію, и быть выдающимся и полезнымъ въ своей странѣ, соотвѣтственно своему положенію». (§ 94). „Великая задача воспитателя выработать поведеніе и образовать душу; внѣдрить въ своего питомца хорошія привычки и начала добродѣтели и мудрости, дать ему мало по малу понятіе о людяхъ; внушить любовь и подраженіе тому, что превосходно и похвально, и сообщить силу, бодрость и усердіе въ преслѣдованіи этого. Занятія, которыхъ онъ требуетъ отъ него, являются въ сущности только упражненіемъ его способностей и заниманіемъ его души, дабы предохранить его отъ шалопайства и праздности, научить его прилежанію, пріучить къ работѣ и дать ему нѣкоторое понятіе о томъ, что должно совершить его личное усердіе. Никто не ожидаетъ, конечно, что подъ руководствомъ наставника молодой джентльменъ сдѣлается заправскимъ критикомъ, ораторомъ или логикомъ; постигнетъ глубины метафизики, естественной философіи или математики; или станетъ знатокомъ исторіи или хронологіи. Хотя кое-какія свѣдѣнія по всѣмъ

хорошо поставленные пріюты для малолѣтнихъ преступниковъ, безпризорныхъ дѣтей и т. п.) измѣнять установившееся было направленіе развитія, отклоняя его въ другую сторону. *Перев.*

этимъ предметамъ должны быть сообщены ему; но этимъ лишь открывается дверь, чтобы онъ могъ заглянуть въ нее и, такъ сказать, свести знакомство, однако не засиживаться тамъ долго; и заслуживаетъ строгаго порицанія тотъ воспитатель, который задерживаетъ своего питомца черезчуръ долго и заводитъ его черезчуръ далеко въ большинствѣ этихъ областей. Но въ отношеніи благовоспитанности, знанія свѣта, добродѣтели, усердія и любви къ доброму имени не можетъ быть избытка; и если онъ обладаетъ ими, то не долго будетъ нуждаться и въ остальномъ, что ему потребно или желательно. И такъ какъ нельзя надѣяться, что у него хватитъ времени и силы изучить все, то наибольшія усилія должны быть приложены къ тому, что наиболѣе необходимо; и заботиться нужно главнымъ образомъ о томъ, что всего больше и всего чаще понадобится ему въ свѣтѣ». (§ 94).

Равнымъ образомъ онъ замѣчаетъ, говоря о занятіяхъ молодого джентльмена: «Наставникъ долженъ помнить, что его дѣло нестолько научить его всему, что можно знать, сколько внушить ему любовь и уваженіе къ знанію и поставить его на правильный путь познанія и улучшенія самого себя, когда у него является охота къ этому» (§ 194).

Локкъ придаетъ лишь подчиненное значеніе ученью самому по себѣ. Великая цѣль, которую ставитъ себѣ учитель, — не сообщеніе знаній, а образованіе привычекъ. «Главное въ дѣлѣ воспитанія», говоритъ онъ, «помнить о томъ, какія привычки вы хотите вкоренить; и потому, какъ въ этомъ (онъ говоритъ здѣсь о привычкѣ пить въ неположенное время), такъ и въ другихъ отношеніяхъ, не начинать съ обращенія въ привычку того, что вамъ вовсе нежелательно продолжать и усиливать» (§ 18). Онъ предвидитъ то время, когда дѣти вырастутъ и эмансипируются отъ школы и родительскаго контроля; и очень ясно видитъ, что только укоренившіяся привычки помогутъ имъ тогда противиться соблазну. «Каждаго», говоритъ онъ, «придется когда-нибудь предоставить ему самому и его собственному поведенію; и хорошій, добродѣтельный и способный человѣкъ долженъ быть сдѣланъ такимъ внутри. А потому, то, что онъ долженъ получить отъ воспитанія, что должно воздѣйствовать и влiять на его жизнь, слѣдуетъ влагать въ него своевременно; это привычки, переплетающіяся съ самыми основами его натуры, а не поддѣлка добраго поведенія, не фальшивая личина, надѣтая изъ страха, только для того, чтобы избѣжать гнѣва отца, который можетъ лишить его наслѣдства» [1]) (§ 42).

---

[1]) Въ томъ-же духѣ говоритъ лордъ Бэконъ въ опытѣ О Привычкѣ и Воспитаніи:—«Мысли людей весьма согласуются съ ихъ наклонностями; ихъ разговоры и рѣчи согласуются съ ихъ образованіемъ и воспринятыми мнѣніями; но ихъ дѣла соотвѣтствуютъ тому, къ чему они привыкли... Поэтому, разъ привычка есть главный правитель человѣческой жизни, пусть люди всѣми средствами стараются пріобрѣтать хорошія привычки. Конечно, привычка наиболѣе совершенна, если она начинается въ молодые годы. Это мы и называемъ воспитаніемъ, которое есть въ дѣйствительности ничто иное, какъ ранняя привычка. Такъ, въ отношеніи язы-

Настойчивыя указанія на возможность образованія хорошихъ привычекъ составляютъ, по моему мнѣнію, главное достоинство трактата Локка. Онъ обсуждаетъ это во всевозможныхъ отношеніяхъ— по отношенію къ тѣлеснымъ привычкамъ, умственнымъ привычкамъ, соціальнымъ привычкамъ, моральнымъ привычкамъ. Онъ никогда не позволяетъ читателю упустить изъ вида, хотя-бы на мгновеніе, перманентный характеръ результатовъ всякой формы ранняго вліянія. Хотя онъ очень склоненъ превозносить силу разума, но признаетъ въ привычкѣ еще болѣе мощную силу, такъ какъ «привычки дѣйствуютъ болѣе непрерывно и съ большей легкостью, чѣмъ разумъ, который, когда мы наиболѣе нуждаемся въ немъ, рѣдко призывается на совѣтъ, и котораго мы еще рѣже слушаемся».

Читатель замѣтитъ, что Локкъ не начинаетъ съ философскаго разбора способностей души и тѣла, чтобы, исходя отсюда, разсмотрѣть средства, съ помощью которыхъ можно равномѣрно и гармонично развить эти способности. Почти всѣ его совѣты основаны на качествахъ, которыя требуются для джентльмена, чтобы онъ могъ исполнить свои житейскія обязанности. Онъ не имѣетъ дѣла съ абстрактной человѣческой природой, ни съ какой-либо конкретной формой ея, за исключеніемъ джентльмена. Онъ не занимается воспитаніемъ ученыхъ или купцовъ, или тѣхъ, кого онъ называетъ «презрѣнной чернью» (the abhorred rascality). Такое ограниченіе цѣли умаляетъ до нѣкоторой степени цѣнность его трактата, но усиливаетъ его практическій характеръ, и представляетъ то преимущество, что фиксируетъ идеи читателя. Воспитаніе охватываетъ обширную область, и его цѣли и методы по необходимости измѣняются, смотря по тому, съ какимъ классомъ дѣтей онъ имѣетъ дѣло. Читая Локка, мы всегда точно знаемъ, какой классъ дѣтей онъ имѣетъ въ виду.

Въ оцѣнкѣ относительнаго значенія различныхъ родовъ знанія Локкъ обращаетъ мало вниманія на ихъ значеніе въ качествѣ орудій умственной дисциплины; его неизмѣнный критерій цѣнности всякаго предмета — примѣненіе послѣдняго къ позднѣйшей жизни. «Латынь», говоритъ онъ, «я считаю абсолютно необходимой для джентльмена; и, дѣйствительно, обычай, который преобладаетъ надъ всѣмъ, сдѣлалъ ее такой существенной частью воспитанія, что даже въ тѣхъ дѣтей, которымъ по выходѣ изъ школы никогда въ жизни не придется имѣть съ ней дѣла, вколачиваютъ латынь, заставляя ихъ понапрасну тратить на нее много часовъ драгоцѣннаго времени. Можетъ-ли быть что-нибудь смѣшнѣе того, что отецъ тратитъ свои деньги и время

ковъ мы видимъ, что выговоръ легче схватываетъ всѣ выраженія и звуки, суставы лучше приспособляются ко всѣмъ особенностямъ произношенія въ молодости, чѣмъ позднѣе... Но если велика сила привычки, простой и единичной, то сила привычки, сочетанной (copulate) и соединенной и сборной, гораздо больше. Ибо примѣръ научаетъ, компанія подкрѣпляетъ, соревнованіе ускоряетъ, слава повышаетъ; такъ что въ подобныхъ мѣстахъ сила привычки заключается въ ея экзальтаціи».

своего сына, заставляя его изучать римскій языкъ, когда въ то же самое время предназначаетъ его для торговли, занимаясь которой тотъ, не находя примѣненія для своей латыни, не преминетъ забыть то немногое, что вынесъ изъ школы, и что—можно поставить десять противъ одного — ненавистно ему въ виду мученій, которымъ онъ подвергался? Возможно-ли было-бы повѣрить, если-бы примѣры этого рода не попадались среди насъ на каждомъ шагу, что ребенка могутъ принуждать къ изученію начатковъ языка, которымъ онъ никогда не будетъ пользоваться на предназначенномъ для него поприщѣ жизни, и все это время пренебрегаютъ научить его четко писать и вести счеты, что весьма полезно во всѣхъ положеніяхъ жизни, а въ торговомъ дѣлѣ безусловно необходимо? Но хотя эти качества, требующіяся для промышленности и торговли и для дѣловыхъ занятій, рѣдко или никогда не пріобрѣтаются въ грамматическихъ школахъ [1]), однако, не только джентльмены отдаютъ туда своихъ младшихъ сыновей, предназначаемыхъ для торговыхъ профессій, но и торговцы и фермеры посылаютъ туда своихъ дѣтей, хотя не имѣютъ ни намѣренія, ни возможности сдѣлать изъ нихъ ученыхъ. Если вы спросите ихъ, зачѣмъ они дѣлаютъ это, вашъ вопросъ покажется имъ такимъже страннымъ, какъ если-бы вы спросили, зачѣмъ они ходятъ въ церковь. Обычай замѣняетъ разумъ, и въ глазахъ тѣхъ, которые принимаютъ его за разумъ, такъ освящаетъ этотъ методъ, что онъ почти религіозно соблюдается ими, и они цѣпляются за него, какъ будто ихъ дѣти получатъ не правовѣрное воспитаніе, если не вызубрятъ грамматику Лилли» (§ 164). Локкъ удовольствовался бы очень незначительной порціей латыни. Онъ высказывается въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ противъ занятія дѣтей «латинскими сочиненіями и декламаціями, не говоря уже о стихахъ всякаго рода». «Вы можете настаивать на томъ», говоритъ онъ, указывая, чего должны требовать родители, отдавая своихъ дѣтей въ школу, «что вовсе не собираетесь сдѣлать изъ него латинскаго оратора или поэта, а желали бы только, чтобъ онъ вполнѣ свободно читалъ латинскихъ авторовъ». Его главныя возраженія противъ сочиненій и стиховъ сводятся къ тому, что нелѣпо заставлять ребенка писать прежде чѣмъ у него образуются идеи, которыя онъ могъ-бы выразить, и что трудность писанія на иностранномъ языкѣ не слѣдуетъ увеличивать, прибавляя къ ней трудность изобрѣтенія.

О стихахъ онъ говоритъ: «Если можно привести возраженія противъ писанія дѣтьми въ школѣ латинскихъ сочиненій, то еще болѣе имѣю я сказать, и съ гораздо большимъ вѣсомъ, противъ писанія ими стиховъ, стиховъ какого-бы то ни было рода; такъ какъ, если ребенокъ не обладаетъ поэтическимъ геніемъ, то самая неразумная вещь на свѣтѣ мучитъ его и заставлять тратить время на то,

---

[1]) Grammar-schools—школы, въ которыхъ основой преподаванія являются древніе языки; по современной терминологіи, классическія гимназіи. Пер.

въ чемъ онъ никогда не можетъ имѣть успѣха; если-же у него есть поэтическая жилка, то, по моему, самая странная вещь на свѣтѣ — желаніе или разрѣшеніе отца поощрять или совершенствовать ее. Мнѣ кажется, родители должны стараться заглушить и подавить ее, елико возможно; я не знаю, на какомъ основаніи отецъ можетъ желать, чтобы его сынъ сдѣлался поэтомъ; если не хочетъ, чтобы онъ пренебрегъ всѣми остальными профессіями и дѣлами». (§ 174) Локкъ приводитъ и другіе резоны противъ поощренія стихотворства, какъ, напримѣръ, тотъ, что риѳмоплетъ и остроумецъ, имѣющій успѣхъ, можетъ попасть въ дурное общество и попусту растратить свое время и состояніе, «ибо рѣдко случается, чтобы кто-нибудь находилъ золотыя и серебряныя копи на Парнасѣ. Тамъ пріятный воздухъ, но безплодная почва, и очень мало найдется людей, которые увеличили свое наслѣдственное состояніе насчетъ собранныхъ тамъ плодовъ». Это низменный аргументъ, удачно выраженный. Локкъ, хотя и не лишенъ поэтическаго воображенія, какъ показываютъ многія мѣста въ его произведеніяхъ, врядъ-ли можетъ считаться компетентнымъ судьей въ поэзіи, судя по его похвалѣ сэру Ричарду Блэкмору, о которомъ его корреспондентъ Молине говоритъ: «Всѣ наши англійскіе поэты (исключая Мильтона)—простые риѳмоплеты въ сравненіи съ нимъ!»—мнѣніе, повидимому раздѣляемое Локкомъ Въ самомъ дѣлѣ, ему повидимому вообще не хватало пониманія облагораживающаго вліянія искусства во всѣхъ его формахъ. Онъ никогда не ссылается на художественную литературу, а въ музыкѣ и рисованіи видитъ такія пріобрѣтенія, на которыя не стоитъ затрачивать труда.

Допуская, что «у грековъ надо искать, такъ сказать, источникъ и основаніе всей учености, какою мы обладаемъ въ этой части свѣта», Локкъ тѣмъ не менѣе устраняетъ греческій языкъ изъ своего курса. Онъ говоритъ: «Я... прибавлю, что никто не можетъ считаться ученымъ, если онъ не знаетъ греческаго языка. Но я разсматриваю здѣсь не воспитаніе профессіональнаго ученаго, а воспитаніе джентльмена, для котораго по общему признанію необходимо при нынѣшнихъ условіяхъ знаніе латинскаго и французскаго языковъ». (§ 195).

Локкъ опередилъ свой вѣкъ, признавъ важность изученія родного языка. Онъ не думаетъ, что джентльменъ можетъ выражаться, какъ угодно, лишь-бы его понимали, и довольствоваться этимъ. «Онъ долженъ», говоритъ Локкъ, «хорошо изучить грамматику въ числѣ другихъ вспомогательныхъ средствъ разговора,—но грамматику собственнаго языка, рѣчи, которой онъ пользуется,—чтобы отчетливо понимать языкъ своей страны и говорить правильно, не оскорбляя слуха тѣхъ, къ которымъ онъ обращается, солецизмами и грубыми неправильностями... Нельзя не удивляться, почему молодые джентльмены принуждены изучать грамматику иностраннаго и мертвыхъ языковъ, и никогда не слышать о грамматикѣ своего родного языка; они даже не знаютъ, что подобная вещь существуетъ, тѣмъ менѣе,

что имъ не мѣшало-бы изучить ее. Никогда имъ не рекомендуютъ родного языка, въ качествѣ предмета, достойнаго попеченія и совершенствованія, хотя они ежедневно пользуются имъ, а въ позднѣйшемъ теченіи ихъ жизни о нихъ нерѣдко судятъ по изящному или неуклюжему способу выражаться на немъ. Напротивъ, на тѣхъ языкахъ, грамматиками которыхъ они такъ усердно занимаются, имъ, вѣроятно, врядъ-ли когда придется говорить или писать. Если-же это когда-нибудь случится ненарокомъ, то имъ охотно извинятъ неправильности и ошибки. Если-бы какой-нибудь китаецъ познакомился съ нашимъ способомъ воспитанія, онъ, пожалуй, вообразилъ-бы, что всѣ наши молодые джентльмены готовятся быть учителями и профессорами мертвыхъ языковъ въ чужихъ странахъ, а не дѣловыми людьми на своей родинѣ» [1]). (§ 168). Намъ потребовалось много времени, чтобы признать важность изученія нашего собственнаго языка и литературы. Именно теперь представляется извѣстная опасность перегруженія англійской грамматики и литературы филологіей и критикой словъ. Синтаксисъ, та часть грамматики, на изученіи которой особенно настаивалъ Локкъ, почти упускается изъ виду въ историческомъ изученіи языка—весьма цѣнная вещь на надлежащемъ мѣстѣ—и наши классики погребаются подъ грудой примѣчаній комментаторовъ-филологовъ.

Локкъ включаетъ въ свой курсъ ариѳметику, бухгалтерію, астрономію, географію, хронологію, исторію, геометрію, анатомію, гражданское право и законы Англіи. Онъ думаетъ, что подъ руководствомъ наставника достаточно пройти первые шесть книгъ Эвклида. Если мальчикъ «обладаетъ даромъ и склонностью къ этой наукѣ, то онъ въ состояніи продолжать самъ, безъ помощи учителя». Хронологія должна идти рука объ руку съ географіей. Безъ нихъ обѣихъ «и с т о р і я—в е л и к а я у ч и т е л ь н и ц а б л а г о р а з у м і я и г р а ж д а н с к а г о з н а н і я, и з у ч а т ь к о т о р у ю с л ѣ д у е т ъ д ж е н т л ь м е н у и л и д ѣ л о в о м у ч е л о в ѣ к у, будетъ очень плохо усвоиваться и принесетъ мало пользы». Нравственности надо учиться болѣе на практикѣ, чѣмъ при помощи правилъ. Ребенокъ можетъ найти потребные для него уроки морали въ Библіи; мальчикъ, который хорошо владѣетъ латынью, можетъ изучать этику систематически по

---

[1]) Мистеръ Лоуе (Lowe), говоря о томъ-же предметѣ, замѣчаетъ: «Мы обладаемъ, смѣло скажу, литературой, которой нѣтъ равной въ мірѣ. Требуется-ли отъ молодого человѣка, чтобы онъ читалъ кого-либо изъ нашихъ великихъ классическихъ авторовъ для полученія тѣхъ отличій, которыя учебное заведеніе можетъ дать ему? Онъ изучаетъ, какъ можно подробнѣе, древнія описанія Рима и Греціи. Но о Чосерѣ и Спенсерѣ, о раннихъ классикахъ, о старыхъ драматургахъ, о писателяхъ временъ Елизаветы и Карла I онъ не имѣетъ понятія; а въ результатѣ нашъ слогъ оскудѣлъ, благородный старинный языкъ нашихъ предковъ выходитъ изъ употребленія, и способности нашихъ молодыхъ людей затрачиваются на компилированіе заученныхъ наизустъ отрывковъ изъ латинскихъ поэтовъ и переложеніе ихъ въ отвратительные гекзаметры». Основаніе для этого упрека въ настоящее время до нѣкоторой степени устранено.

«Обязанностямъ» Туллія [1]) и «De Officiis Hominis et Civis» Пуффендорфа. Гражданское право надо изучать по «De Jure Belli et Pacis» Гроція и «De Jure naturali et Gentium» Пуффендорфа. «Эта общая часть гражданскаго права и исторія», говоритъ Локкъ, «предметы, которыми джентльменъ долженъ заниматься не слегка, а постоянно, никогда не разставаясь съ ними. Добродѣтельнаго и благонравнаго молодого человѣка, который хорошо освоился съ общей частью гражданскаго права (трактующей не о крючкотворствѣ частныхъ столкновеній, а о дѣлахъ и сношеніяхъ цивилизованныхъ націй вообще, на основаніи принциповъ разума), хорошо понимаетъ латынь и умѣетъ писать четко, можно выпустить въ свѣтъ съ увѣренностью, что онъ всюду найдетъ занятіе и почетъ» (§ 186). Право, которое имѣетъ въ виду Локкъ, есть то, что мы назвали-бы теперь исторіей конституціи (constitutional history). (См. примѣчаніе къ § 187). Локкъ плохо вѣритъ въ полезность логики и реторики для молодежи. Онъ говоритъ: «если вы хотите научить вашего сына хорошо разсуждать, заставьте его читать Чиллингворта; если-же вы хотите, чтобы онъ хорошо говорилъ, заставьте его основательно ознакомиться съ Тулліемъ, чтобы дать ему понятіе объ истинномъ краснорѣчіи; и читать вещи, написанныя на хорошемъ англійскомъ языкѣ, чтобы усовершенствовать его стиль въ отношеніи чистоты нашего языка». Жалкіе и неудобоваримые трактаты по логикѣ и реторикѣ, бывшіе въ употребленіи въ тѣ времена, вѣроятно, оказали вліяніе на отрицательное мнѣніе Локка объ этихъ предметахъ, которые, впрочемъ, и сами по себѣ не соотвѣтствуютъ способностямъ дѣтей. Наилучшимъ упражненіемъ въ логикѣ для молодежи является такое преподаваніе, которое вообще, во всѣхъ преподаваемыхъ предметахъ, настаиваетъ на ясности идей, точности опредѣленій, научной классификаціи, и строгомъ разсужденіи; наилучшимъ упражненіемъ въ реторикѣ—развитіе способности выражать просто, ясно и сильно, какъ въ устномъ, такъ и въ письменномъ изложеніи, тѣ идеи, какими обладаетъ ребенокъ. Логика и реторика должны примѣняться на дѣлѣ какъ искусства, прежде чѣмъ будутъ изучаться какъ науки.

Локкъ высказываетъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній о стилѣ. «Умѣнье правильно писать и говорить», замѣчаетъ онъ, «придаетъ изящество и привлекаетъ благосклонное вниманіе къ тому, что человѣкъ имѣетъ сказать; и такъ какъ англійскій джентльменъ будетъ постоянно пользоваться англійскимъ языкомъ, то этотъ языкъ, главнымъ образомъ, ему и слѣдуетъ совершенствовать, прилагая величайшую заботу къ отдѣлкѣ и улучшенію своего стиля. Умѣнье лучше говорить или писать по латыни, чѣмъ по англійски, можетъ сдѣлать человѣка предметомъ разговоровъ, но онъ убѣдится, что для него полезнѣе умѣть правильно выражаться на родномъ языкѣ, которымъ онъ пользуется то и дѣло, чѣмъ заслужить пустую похвалу другихъ

[1]) Т. е. «De Officiis» Цицерона. Пер.

за весьма незначительное достоинство. Я нахожу, что этимъ всюду пренебрегаютъ и совершенно не заботятся объ усовершенствованіи молодыхъ людей въ ихъ родномъ языкѣ, чтобы они могли понимать его и владѣть имъ въ совершенствѣ. Если кто-либо изъ насъ владѣетъ роднымъ языкомъ съ большею, чѣмъ обыкновенно, легкостью и правильностью, то онъ обязанъ этимъ случайности, или своему дарованію или чему бы то ни было, только не своему воспитанію и не заботамъ учителя. Думать о томъ, какъ его питомецъ говоритъ или пишетъ по англійски, не пристало достоинству того, кто вскормленъ латынью и греческимъ языкомъ, хотя и не слишкомъ хорошо владѣетъ ими. Только эти ученые языки достойны того, чтобы ученые мужи занимались ими и преподавали ихъ; англійскій языкъ—языкъ непросвѣщенной черни; хотя мы и видимъ, что правительство нашихъ сосѣдей считаетъ достойнымъ государственной заботы поощрять и награждать усовершенствованіе родного языка» [1]) (§ 189).

Въ настоящее время повсюду настаиваютъ на введеніи естествознанія въ программы всѣхъ школъ [2]), особливо для мальчиковъ, не обнаруживающихъ охоты или способностей къ изученію языковъ. Когда писалъ Локкъ, врядъ ли существовала какая-нибудь отрасль естествознанія, кромѣ астрономіи, достаточно созрѣвшая для школьнаго преподаванія. Онъ говоритъ: «Натуральной философіи, какъ спекулятивной науки, я полагаю, у насъ нѣтъ, и, можетъ быть, я вправѣ утверждать, что намъ никогда не удастся сдѣлать ее наукой. Ходъ природы устроенъ мудростью и совершается путями, черезчуръ превосходящими наши способности изслѣдованія или постиженія, чтобы мы могли когда-нибудь свести ихъ къ наукѣ». Онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду общія системы вселенной, вродѣ Декартовской или древнихъ. Но онъ не отвергаетъ изученія природы. Онъ рекомендуетъ «такихъ писателей, которые занимались раціонально поста-

---

1) Локкъ имѣетъ въ виду труды французской академіи.

2) «Еслибы въ пользу этого можно было сказать только то, что научное воспитаніе учитъ насъ думать, а литературное—выражать наши мысли, то развѣ намъ не требуется то и другое? И развѣ тотъ, кто не обладаетъ тѣмъ или другимъ, не является жалкимъ, уродливымъ, кривобокимъ обломкомъ человѣчества?» (Дж. С. Милль). Однимъ изъ преимуществъ разговорнаго обученія латинскому языку Локкъ считаетъ то обстоятельство, что оно оставляетъ больше времени для «различныхъ наукъ: каковы значительная часть географіи, астрономія, хронологія, анатомія, кромѣ того, нѣкоторыя части исторіи, и всѣ другія части познанія вещей, доступныхъ внѣшнимъ чувствамъ и требующихъ не одной только памяти; ибо здѣсь, если мы правильно возьмемся за дѣло, начинается наше знаніе и въ этихъ вещахъ заложены его основы; а не въ абстрактныхъ понятіяхъ логики и матефизики, которыя способны скорѣе забавлять, чѣмъ научать разумъ, когда онъ впервые пускается на поиски знанія». Немногіе приверженцы науки согласились бы съ Локкомъ, что истины, о которыхъ онъ говоритъ, требуютъ «не одной только памяти»; но онъ отстаиваетъ правильный принципъ—вытекающій непосредственно изъ его философіи — утверждая, что душа должна запастись идеями, извлеченными изъ окружающаго міра, прежде чѣмъ заниматься абстракціями.

вленными опытами и наблюденіями, вмѣсто измышленія чисто спекулятивныхъ системъ», и ссылается на сочиненія мистера Бойля и другихъ, писавшихъ о хозяйствѣ, земледѣліи, садоводствѣ и т. п. Онъ съ глубокимъ уваженіемъ говоритъ о «несравненномъ мистерѣ Ньютонѣ», и думаетъ, что хотя лишь немногіе обладаютъ достаточнымъ знаніемъ математики, чтобы понять его доказательства, однако, «его книга заслуживаетъ чтенія и доставитъ не мало свѣта и удовольствія тому, кто, желая понять движенія, свойства и дѣйствія огромныхъ массъ матеріи въ нашей солнечной системѣ, тщательно продумаетъ его заключенія» (§ 194).

Программа Локка удѣляетъ немного мѣста такъ называемымъ общественнымъ талантамъ (accomplishments). Онъ высокаго мнѣнія о танцахъ, такъ какъ они вырабатываютъ изящество движеній, а главное, развиваютъ у дѣтей мужественность и приличную увѣренность. Музыку онъ отвергаетъ, такъ какъ она заставляетъ молодого человѣка тратить много времени на пріобрѣтеніе весьма посредственнаго умѣнья и ведетъ его въ «дурное общество». Первое возраженіе не имѣетъ силы относительно вокальной музыки, которая постепенно пролагаетъ себѣ путь въ наши общественныя школы; что же касается второго, то можно смѣло сказать, что въ настоящее время любовь къ музыкѣ чаще удаляетъ молодого человѣка отъ дурной компаніи, чѣмъ приводитъ къ ней. О часахъ досуга надо такъ же позаботиться, какъ и о дѣловой сторонѣ жизни. Живопись не одобряется имъ, потому что связана съ сидячей жизнью, и требуетъ слишкомъ большой затраты времени для достиженія сносныхъ успѣховъ; но онъ желалъ бы, чтобъ молодой джентльменъ обладалъ «такимъ знаніемъ перспективы и умѣньемъ рисовать, которыя позволяли бы ему сносно воспроизводить на бумагѣ все, что онъ видитъ, кромѣ лицъ». Фехтованье и верховая ѣзда рекомендуются, какъ упражненія, полезныя для здоровья, послѣднее же, кромѣ того, какъ искусство, которое можетъ пригодиться и въ мирѣ и на войнѣ.

Локкъ совѣтуетъ джентльмену изучить какое-нибудь ремесло, какъ въ качествѣ здороваго упражненія, такъ и ради практическаго умѣнья. Въ этомъ отношеніи ему слѣдовалъ Руссо. Мастерскія вводятся теперь во многихъ нашихъ публичныхъ школахъ, и мальчики занимаются въ нихъ очень охотно. Ручной трудъ не только пріятный отдыхъ послѣ интеллектуальныхъ занятій, но развиваетъ ловкость и знакомство съ механическими пріемами, находящими широкое приложеніе. Локкъ называетъ садоводство, земледѣліе вообще, плотничество, столярное ремесло, токарное искусство, копаніе земли, посадку деревьевъ, прививку, парфюмерію, лакированіе, гравированіе, обработку желѣза, мѣди и серебра; рѣзьбу, шлифовку и оправку драгоцѣнныхъ камней и шлифовку оптическихъ стеколъ.

Локкъ вполнѣ цѣнитъ преимущества, доставляемыя путешествіемъ, но считаетъ самымъ подходящимъ для поѣздки заграницу съ цѣлью изученія языковъ возрастъ между семью и четырнадцатью годами. Путешествіе, какъ средство расширить опытъ, онъ предпочелъ

бы отложить, пока юноша не достигнетъ такихъ лѣтъ, что будетъ обходиться безъ опеки воспитателя. Большинство согласится съ этими совѣтами. Извлечь всю возможную пользу изъ посѣщенія чуждыхъ странъ можно, лишь ознакомившись предварительно съ ихъ исторіей, литературой и искусствомъ, чтобы знать, что смотрѣть, и находить удовольствіе въ томъ интересѣ, который связь съ прошлымъ сообщаетъ настоящему. «Глазъ», говоритъ Кольриджъ, «видитъ то, что онъ въ силахъ видѣть»; и если за нимъ нѣтъ образованнаго и просвѣщеннаго ума, то онъ извлекаетъ мало пользы и удовольствія изъ зрѣлища красотъ природы, памятниковъ древности или чудесъ искусства.

Таковы отрасли знанія и практическія занятія, которыя необходимо было включить въ програму воспитанія Локковскаго идеальнаго джентльмена. Но гдѣ и какъ онъ долженъ былъ воспитываться? Воспоминанія Локка о Вестминстерѣ были отнюдь неблагопріятны для общественнаго школьнаго воспитанія; и ему казалось невозможнымъ, чтобы какая бы то ни было общественная школа могла осуществить благопріятныя условія для образованія хорошихъ привычекъ, которымъ онъ придавалъ такое значеніе. Онъ очень ясно видитъ невыгодныя стороны домашняго воспитанія, но тѣмъ не менѣе рѣшаетъ въ его пользу. «Вы скажете: что же мнѣ дѣлать съ моимъ сыномъ? Если всегда держать его дома, онъ, чего добраго, сядетъ мнѣ на голову; если же я помѣщу его у чужихъ, какъ могу я оберечь его отъ заразы грубости и порока, которые всюду въ такомъ ходу. Дома онъ быть можетъ, лучше сохранитъ невинность, но не пріобрѣтетъ знанія жизни; оставаясь всегда въ одномъ и томъ же обществѣ, привыкнувъ постоянно видѣть одни и тѣ же лица, онъ окажется простофилей или чудакомъ, когда выступитъ внѣ дома».

«Признаюсь, оба рѣшенія имѣютъ свои неудобства. Пребываніе внѣ дома, правда, сдѣлаетъ его болѣе смѣлымъ и болѣе способнымъ изворачиваться и пробивать себѣ путь среди своихъ сверстниковъ а соревнованіе со школьными товарищами часто внушаетъ увлеченіе и усердіе мальчика. Но если вы не найдете школы, гдѣ учитель можетъ слѣдить за нравами своихъ школьниковъ и указать на такіе-же серьезные результаты своихъ попеченій о насажденіи добродѣтели въ ихъ душахъ и привычекъ благовоспитанности въ ихъ поведеніи, какъ объ ознакомленіи ихъ съ учеными языками, то надо сознаться, что вы придаете странную цѣну словамъ, если, предпочитая языки древнихъ римлянъ и грековъ тому, что дѣлало ихъ такими доблестными людьми, считаете возможнымъ рисковать невинностью и добродѣтелью вашего сына ради крупицъ латыни и греческаго. Вѣдь эти смѣлость и бойкость, пріобрѣтаемыя мальчиками въ обществѣ своихъ товарищей, представляютъ обыкновенно такую смѣсь грубости и дурно направленной самоувѣренности, что позднѣе приходится отучиваться отъ этихъ непристойныхъ и не выгодныхъ способовъ пролагать себѣ дорогу въ свѣтѣ и смывать всю пріобрѣтенную окраску, усваивая вмѣсто нея лучшіе принципы и такія манеры, которыя подходятъ истинно достойному человѣку... Добродѣтель труднѣе пріобрѣсти,

чѣмъ знаніе свѣта; и если она утрачена молодымъ человѣкомъ, то рѣдко обрѣтается имъ снова. Застѣнчивость и незнаніе свѣта, недостатки, которые ставятъ въ укоръ домашнему воспитанію, не являются его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ и, если они возникли, не оказываются неисцѣлимымъ зломъ. Порокъ есть болѣе упорное и болѣе опасное зло, чѣмъ незнаніе свѣта; и потому противъ него надо прежде всего принять мѣры. Если слѣдуетъ тщательно избѣгать той застѣнчивой мягкости, которая часто обезсиливаетъ дѣтей, избалованныхъ домашнимъ воспитаніемъ, то главнымъ образомъ ради добродѣтели; изъ опасенія, что такой податливый характеръ окажется черезчуръ воспріимчивымъ къ порочнымъ впечатлѣніямъ, и сдѣлаетъ новичка слишкомъ легко доступнымъ порчѣ... Итакъ, неразумно жертвовать его невинностью пріобрѣтенію самоувѣренности и извѣстнаго умѣнья найтись среди другихъ благодаря общенію съ дурновоспитанными и порочными мальчиками, если главная цѣль этой грубости и умѣнья стоять на своихъ ногахъ—сохраненіе его добродѣтели. Вѣдь если самоувѣренность и ловкость смѣшаются когда-нибудь съ порокомъ для поддержки его дурного поведенія, то онъ тѣмъ вѣрнѣе погибъ... Какимъ образомъ пребываніе въ смѣшанной толпѣ распущенныхъ мальчишекъ, гдѣ обучаются ссориться при игрѣ въ мячъ, или плутовать при игрѣ въ span-farthing, можетъ подготовить его къ общественнымъ и дѣловымъ отношеніямъ, я не вижу... Я увѣренъ, что тотъ, кто въ состояніи имѣть воспитателя дома, можетъ сообщить своему сыну болѣе пріятныя манеры, болѣе мужественныя мысли, и пониманіе того, что достойно и прилично, съ добавленіемъ болѣе основательныхъ знаній, и скорѣе сдѣлать его зрѣлымъ человѣкомъ, чѣмъ любая школа. Я не порицаю за это школьнаго учителя, и не думаю, что это можетъ быть поставлено ему въ укоръ. Большая разница имѣть дѣло съ двумя или тремя воспитанниками въ одномъ и томъ же домѣ, или съ шестью или восемью десятками мальчиковъ, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ; вѣдь какъ бы ни были велики искусство и усердіе учителя, онъ можетъ наблюдать за пятьюдесятью или сотней учениковъ только въ теченіе того времени, пока они находятся въ школѣ; нельзя также ожидать, чтобы онъ съ успѣхомъ научилъ ихъ чему-либо, кромѣ того, что содержится въ учебникахъ... Не проказы и шалости школьниковъ, не ихъ грубое обращеніе другъ съ другомъ, не хитроумные планы обворовыванія фруктовыхъ садовъ создаютъ путнаго человѣка, а принципы справедливости, великодушія и умѣренности, соединенные съ добросовѣстностью и усердіемъ, качествами, которыхъ, какъ я думаю, школьники не могутъ усвоить другъ отъ друга. И если молодой джентльменъ, воспитанный дома, усвоилъ ихъ не въ большей степени, чѣмъ могъ-бы сдѣлать это въ школѣ, то, значитъ, его отецъ неудачно выбралъ воспитателя". (§ 70).

Замѣтимъ, что Локкъ сравниваетъ общественныя школы, какими онѣ были, съ домашнимъ воспитаніемъ, какимъ оно могло-бы быть,—способъ аргументаціи, очевидно неправильный, разъ не доказано, съ

одной стороны, что недостатки общественныхъ школъ неразлучны съ самою системой, а съ другой, что воспитателя съ указанными качествами не трудно найти. Не вдаваясь въ сложный вопросъ объ общественныхъ школахъ versus домашнее воспитаніе, можно указать, что при болѣе просвѣщенныхъ методахъ и организаціи современнаго воспитанія, и, что гораздо важнѣе, при возрастающемъ чувствѣ отвѣтственности современныхъ учителей, многія отрицательныя стороны общественнаго воспитанія почти исчезли. Правда, въ частной школѣ или дома ребенокъ можетъ быть предметомъ болѣе индивидуальнаго вниманія въ отношеніи какъ моральныхъ, такъ и интеллектуальныхъ успѣховъ, но онъ лишается того воспитанія, какое даетъ товарищество; онъ теряетъ огромное преимущество, какимъ является преподаваніе различныхъ предметовъ спеціалистами, и другое, именно стимулъ, доставляемый благороднымъ соревнованіемъ, возникающимъ въ большой группѣ [1]. Никакой воспитатель не можетъ хорошо знать всѣ предметы, которымъ слѣдуетъ учиться мальчику. Если даже онъ знаетъ по данному предмету больше, чѣмъ нужно знать мальчику, то отсюда не слѣдуетъ, что онъ способенъ преподавать его. Каждый предметъ долженъ, по мѣрѣ возможности, преподаваться спеціалистомъ, который знаетъ его до тонкости, знаетъ, слѣдовательно, и то, съ какой стороны онъ наиболѣе доступенъ уму мальчика, умѣетъ внушить почтеніе и довѣріе полнотою и точностью своихъ знаній и поставить высокій образецъ совершенства въ качествѣ цѣли для своихъ учениковъ. Что въ нашихъ общественныхъ школахъ до сихъ поръ существуетъ много безобразій, требующихъ устраненія, не подлежитъ сомнѣнію, хотя утѣшительно сознавать, что эти безобразія постепенно исчезаютъ. «Въ общественной школѣ», говоритъ Сидней Смитъ, «(ибо такова система, установившаяся съ незапамятныхъ временъ) каждый мальчикъ бываетъ поочередно тираномъ и рабомъ. Власть, которой старшіе члены этихъ общинъ пользуются надъ младшими, чрезвычайно велика, очень трудно контролируема, и нерѣдко сопровождается жестокостью и капризомъ. Обычное право этихъ заведеній требуетъ, чтобы младшій безпрекословно подчинялся старшимъ мальчикамъ, и

[1]) Докторъ Джонсонъ говоритъ объ этомъ весьма разумно, хотя съ велерѣчіемъ, которое иногда смѣшитъ читателя: „Въ большой школѣ вся пышность и блескъ многочисленныхъ умовъ; сіяніе всѣхъ концентрируется въ каждомъ или по крайней мѣрѣ отражается на каждомъ. Но мы должны признаться, что ни тупой мальчикъ, ни лѣнивый мальчикъ не окажутъ въ большой школѣ такихъ успѣховъ, какъ въ частной. Ибо въ большой школѣ найдется всегда достаточно мальчиковъ, которые легко успѣваютъ и такимъ образомъ поддерживаютъ репутацію школы; въ виду этого, убѣдившись въ безполезности порокъ, тупицъ и лѣнтяевъ оставляютъ въ покоѣ, махнувъ на нихъ рукою, и предоставляютъ имъ для видимости проходить курсъ, не научаясь въ дѣйствительности ничему. Такіе мальчики могутъ оказывать успѣхи въ частной школѣ, гдѣ къ нимъ относятся съ неослабнымъ вниманіемъ и не выпускаютъ ихъ изъ подъ надзора. Такимъ образомъ вопросъ объ общественномъ или частномъ воспитаніи, собственно говоря, не есть общій вопросъ; это вопросъ о томъ, которое изъ двухъ наиболѣе подходитъ для моего сына». (Boswell, p. 291).

это подчиненіе болѣе похоже на подчиненіе раба своему господину, или матроса своему капитану, чѣмъ на то обычное и естественное почтеніе, которое всегда долженъ чувствовать мальчикъ къ старшему нѣсколькими годами товарищу». Ясно, что такая система должна доставлять многимъ мальчикамъ, особливо слабымъ, не способнымъ защитить себя отъ тираніи, цѣлые годы несчастнаго существованія и производить самое дурное дѣйствіе на ихъ характеръ и нравственность.

Далѣе, въ нашихъ общественныхъ школахъ слишкомъ терпимо относятся къ лѣности. Перспектива удаленія изъ школы, если къ извѣстному возрасту онъ не достигнетъ извѣстнаго уровня, — угроза слишкомъ отдаленная, чтобы оказать сильное и дѣйствительное вліяніе на лѣниваго мальчика. Для него требуется болѣе непосредственное понужденіе, которое бы всегда представлялось его уму. Сидней Смитъ говоритъ по этому поводу: «Наилучшая школа есть та, которая наилучше приспособлена къ наибольшему разнообразію характеровъ и обнимаетъ наибольшее возможное число случаевъ. Не можетъ быть главной цѣлью воспитанія дѣлать блестящихъ еще болѣе блестящими и осыпать попеченіями тѣхъ, которые почти не нуждаются въ попеченіяхъ. Общественная школа дѣйствительно такъ и поступаетъ; но обыкновенно оставляетъ лѣнтяя такимъ же лѣнтяемъ, тупицу такимъ же тупицей, какими они поступаютъ въ неё. Она пренебрегаетъ скучнымъ дѣломъ воспитанія тѣхъ среднихъ способностей, какими одними обладаетъ человѣческая масса. Когда сильное желаніе усовершенствованія оказывается на лицо, оно поощряется, но никакихъ усилій не дѣлается съ цѣлью внушить его. Мальчикъ помѣщается въ обществѣ пяти-или шестисотъ другихъ мальчиковъ, и ему предоставляется вырабатывать собственный характеръ; если его любознательность выдержитъ это суровое испытаніе,—она, въ большинствѣ случаевъ, заведетъ его далеко; на томъ же основаніи дикарь, который достигнетъ зрѣлаго возраста, оказывается, вообще говоря, хорошо сложеннымъ и свободнымъ отъ всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ не потому, что суровыя условія дикаго состоянія благопріятны для животной жизни, а наоборотъ,—потому что они такъ неблагопріятны, что только сильнѣйшій можетъ выдержать ихъ. Немногіе мальчики неисправимо лѣнивы или, наоборотъ, неисправимо ретивы къ пріобрѣтенію знаній; большинство, масса, находятся въ состояніи сомнѣнія и колебанія и поступаютъ въ школу именно для того, чтобы не быть предоставленными самимъ себѣ—что могло-бы быть сдѣлано вездѣ,—а найти въ учителѣ понужденіе и поддержку для своихъ колеблющихся вкусовъ и склонностей». Злоупотребленіе атлетическимъ спортомъ въ общественныхъ школахъ часто вызываетъ суровое осужденіе, но это менѣе серьезное зло, чѣмъ моральный вредъ, неразлучный съ незанятымъ временемъ или реакціей на чрезмѣрно усердныя занятія.

Болѣе серьезное основаніе для жалобъ на наши общественныя школы даютъ привычки къ расточительности и мотовству, которымъ

позволяютъ укореняться въ мальчикахъ. Но это зло, хотя и поощряемое глупымъ соперничествомъ, которое должно существовать между мальчиками въ большой школѣ, обусловлено глупой снисходительностью слабыхъ родителей, о которыхъ можно смѣло сказать, что если они портятъ своихъ дѣтей въ школѣ, то врядъ-ли оказываютъ хорошее вліяніе на нихъ дома.

Повидимому, наиболѣе желательной формой воспитанія нужно считать такую, которая даетъ возможность мальчику пользоваться преимуществами принадлежности къ большой школѣ и въ то же время позволяетъ жить дома. Я предполагаю, конечно, что домашнія вліянія хороши и благопріятны для дѣла воспитанія: предположеніе, не всегда оправдывающееся на практикѣ. Школа должна быть достаточно велика, чтобы допускать хорошую классификацію мальчиковъ, однако, не слишкомъ велика,—чтобы директоръ имѣлъ возможность установить личное отношеніе съ каждымъ поступающимъ въ нее мальчикомъ. Учителю легче обучать тридцать или сорокъ мальчиковъ одинаковыхъ способностей и подготовки, чѣмъ двухъ или трехъ съ разными качествами.

Требованія Локка по отношенію къ воспитателю таковы, что ихъ не особенно легко удовлетворить, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достойны вниманія. Воспитатель долженъ быть «разсудительный человѣкъ и ученый»; «онъ долженъ быть самъ хорошо воспитанъ, понимать пріемы обращенія и правилъ вѣжливости во всемъ ихъ разнообразіи соотвѣтственно лицамъ и условіямъ времени и мѣста, и заставлять своего питомца постоянно соблюдать ихъ, насколько это требуется его возрастомъ». Онъ «долженъ хорошо знать людей: обычаи, нравы, причуды, плутни, пороки своего вѣка, а въ особенности своей страны». Онъ долженъ умѣть обучать латыни посредствомъ разговора. Чтобы обезпечить за собой такой образецъ знанія, добродѣтели и хорошаго воспитанія, родители, по мнѣнію Локка, не должны отступать передъ издержками. «Что касается расходовъ (на хорошее воспитаніе)», говоритъ онъ, «то по моему мнѣнію это наилучшее употребленіе денегъ, какое вы можете сдѣлать для вашихъ дѣтей; и потому если бы даже они превышали обычную норму, ихъ нельзя назвать чрезмѣрными Тотъ, кто какой-бы то ни было цѣною доставляетъ своему ребенку добрую душу съ хорошими принципами, закаленную въ добродѣтели и полезной дѣятельности и украшенную вѣжливостью и благовоспитанностью, дѣлаетъ для него болѣе выгодную покупку, чѣмъ если бы онъ затратилъ эти деньги на пополненіе своихъ прежнихъ имѣній новыми землями». (§ 90). Онъ признаетъ трудность найти такого воспитателя, «такъ какъ люди молодые, невысокихъ способностей и добродѣтели, не годятся для этой обязанности; тѣ же, которые обладаютъ болѣе высокими качествами, врядъ ли согласятся взять на себя такую должность»; но не слѣдуетъ жалѣть никакихъ заботъ и издержекъ для пріобрѣтенія такого человѣка.

Похоже ли было на то, что состоятельные люди пожелаютъ обзавестись воспитателями, подходящими къ Локковскому образцу,

можно судить по одному мѣсту въ письмѣ Молине къ Локку. Мистеръ Молине былъ такъ прельщенъ достоинствами идеальнаго Локковскаго воспитателя, что просилъ своего друга помочь ему найти такого на слѣдующихъ условіяхъ: «Онъ будетъ ѣсть за моимъ столомъ и пользоваться помѣщеніемъ, стиркой бѣлья, отопленіемъ и освѣщеніемъ въ приличной хорошенькой комнатѣ; да, кромѣ того, я буду платить ему 20 фунтовъ въ годъ!» [1]).

Самъ отличавшійся всю жизнь слабымъ здоровьемъ и много занимавшійся медициной, Локкъ естественно придаетъ важное значеніе здоровому развитію физическаго организма, хотя онъ еще мало зналъ о тѣсной связи между тѣломъ и духомъ. Онъ говоритъ въ введеніи къ своему опыту: «Я полагаю, что дѣтскія души могутъ быть направлены въ ту или другую сторону такъ же легко, какъ вода; и хотя это самая существенная часть воспитанія и намъ слѣдуетъ заботиться главнымъ образомъ о внутреннемъ, но и «глиняной хижиной» нельзя пренебрегать. Я начну, поэтому, съ оболочки». Современная наука показала намъ, что тѣло есть нѣчто большее, чѣмъ простая «оболочка» заключеннаго въ ней таинственнаго душевнаго механизма. Она показала, что всѣ наши душевныя операціи имѣютъ физическіе коррелятивы и что здоровье и сила души зависитъ отъ здоровья и силы тѣла вообще, и болѣе спеціально тѣхъ его частей, которыя являются непосредственными орудіями души.

Не задаваясь цѣлью методическаго изложенія этого предмета, Локкъ дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о теплѣ, плаваніи, воздухѣ, привычкахъ, одеждѣ, режимѣ, ѣдѣ, питьѣ, спаньѣ и медицинѣ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ предваряетъ заключенія современной науки, но въ другихъ къ его совѣтамъ нужно относиться съ большою осторожностью. Онъ рекомендуетъ «побольше чистаго воздуха, упражненіе и сонъ; простой столъ, воздержаніе отъ вина или крѣпкихъ напитковъ; поменьше или никакихъ лѣкарствъ; не слишкомъ теплую и не тѣсную одежду, особливо же держать голову и ноги въ холодѣ и почаще пріучать ноги къ холодной водѣ и промачивать ихъ». Онъ совѣтуетъ ежедневно обмывать ноги молодого джентльмена холодной водой и «шить ему обувь настолько тонкую, чтобы она могла

---

[1]) Воспитатели получали жалкое вознагражденіе до нашего столѣтія. Стиль говоритъ (Guardian, № 94): «Дѣйствительно, плата, считающаяся достаточнымъ вознагражденіемъ за преимущества, которыя юноша можетъ получить отъ образованнаго человѣка, безобразно мала; увеличеніе ея не только усилило бы заботливость воспитателей, но и явилось бы большимъ поощреніемъ для тѣхъ, кто посвящаетъ себя этой профессіи, запасаться болѣе общими и широкими знаніями. При существующихъ обстоятельствахъ люди важнаго званія платятъ воспитателямъ вдвое меньше, чѣмъ лакеямъ: какой морали, какихъ историческихъ знаній, какой освѣдомленности въ языкахъ, какихъ, наконецъ, качествъ, дѣлающихъ человѣка счастливымъ или великимъ, можно ожидать за такое роскошное вознагражденіе! Право чудовищно, что люди знатнѣйшихъ фамилій, обладающіе огромными состояніями, больше заботятся объ уходѣ за любимой собакой или лошадью, чѣмъ за своимъ наслѣдникомъ".

промокать и пропускать воду, когда ему случится ступить въ нее». Локкъ, очевидно, вѣрилъ въ систему закаливанія, которая—нужно ли мнѣ прибавлять это?—въ настоящее время совершенно дискредитирована. Обширный фактическій матеріалъ, относящійся какъ къ низшимъ животнымъ, такъ и къ человѣку, убѣдительно доказалъ, что существа, которыя переживаютъ процессъ закаливанія, становятся сильными не благодаря ему, а несмотря на него, и что хорошая и достаточная пища, регулярная ѣда и тепло необходимы для высшаго физическаго развитія. Процессъ закаливанія убиваетъ слабыхъ [1]); и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ процессъ кажется вполнѣ успѣшнымъ, не трудно убѣдиться, что успѣхъ купленъ въ ущербъ развитію. Какъ бы то ни было, при всей основательности возраженій, какія можно сдѣлать Локку по этому предмету, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторое «небреженіе о здоровьи» («healthy neglect») лучше того, что онъ называетъ «баловствомъ» («cockering»).

Локкъ, вообще склонный въ большинствѣ случаевъ полагаться на природу, повидимому не рѣшается довѣрять естественному вкусу и аппетиту въ отношеніи ѣды и питья. Онъ совѣтуетъ не давать дѣтямъ мясной пищи втеченіе первыхъ трехъ или четырехъ лѣтъ жизни, и даже позднѣе давать ее не чаще одного раза въ день, и притомъ какой-нибудь одинъ сортъ мяса. Онъ совѣтуетъ умѣренно заправлять пищу сахаромъ и готовъ запретить всѣ сласти. Въ настоящее время мы думаемъ, что въ высшей степени нераціонально давать дѣтямъ

---

[1]) Гербертъ Спенсеръ говоритъ: «Къ ощущеніямъ, служащимъ для нашего руководства, относятся ощущенія холода и тепла; и потому одежда, которая не считается съ этими ощущеніями, должна быть отвергнута. Обычное представленіе о «закаливаніи» есть печальное заблужденіе. Не мало дѣтей были «закалены» до смерти; тѣ-же, которые переживаютъ закаливаніе, постоянно страдаютъ отъ его послѣдствій, вредно отзывающихся на ихъ развитіи или организаціи... Разсужденіе, на которое опирается теорія закаливанія, чрезвычайно поверхностно. Состоятельные родители, видя полуодѣтыхъ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, играющихъ на открытомъ воздухѣ, и сопоставляя этотъ фактъ съ общимъ здоровьемъ рабочаго народа, дѣлаютъ неосновательный выводъ, что здоровье есть результатъ пренебреженія къ условіямъ тепла и холода и рѣшаются водить своихъ дѣтей легко одѣтыми! При этомъ забываютъ, что ребятишки, рѣзвящіеся на деревенскомъ лугу, во многихъ отношеніяхъ пользуются благопріятными условіями,—что ихъ жизнь проходитъ въ почти непрерывной игрѣ; что они весь день дышутъ свѣжимъ воздухомъ; и что равновѣсіе ихъ нервной системы не нарушается переразвитіемъ мозга... Если организмъ достаточно силенъ, чтобы вынести пренебреженіе къ условіямъ температуры, оно имѣетъ результатомъ закаливаніе, но въ ущербъ росту. Эта истина подтверждается одинаково животными и человѣкомъ. Шотландскіе пони выносятъ болѣе суровый климатъ, чѣмъ южныя лошади, но имѣютъ карликовые размѣры. Горныя овцы и скотъ, живущіе въ болѣе холодномъ климатѣ, малорослы въ сравненіи съ англійскими (низменными) породами. Какъ въ арктическомъ, такъ и въ антарктическомъ поясахъ, человѣческія расы гораздо ниже обыкновеннаго роста; лапландцы и огнеземельцы очень малорослы; и Дарвинъ описываетъ жителей Огненной Земли, ходящихъ нагими въ суровомъ климатѣ, какъ безобразныхъ карликовъ, которыхъ «иной съ трудомъ рѣшится причислить къ своимъ собратьмъ-людямъ». Educ. 163—4.

пищу, которой они не въ силахъ переварить, и что ихъ пища, въ общемъ, должна быть болѣе, а не менѣе, питательной, чѣмъ пища взрослыхъ, такъ какъ имъ не только нужно возмѣщать болѣе значительный, по отношенію къ размѣрамъ ихъ тѣла, расходъ тканей и тепла, чѣмъ взрослымъ, но и удовлетворять потребностямъ роста. Въ словѣ «простой» (plain) есть нѣчто очень соблазнительное для насъ, трезвенныхъ англичанъ. Мы любимъ простоту во всемъ, въ пищѣ, одеждѣ, бесѣдѣ, ораторскомъ искусствѣ, и результатъ этого всѣмъ извѣстенъ. Наша пища однообразна и безвкусна; наша одежда проста до безобразія; жилища однообразны и лишены красоты; разговоръ слишкомъ часто грубъ до оскорбительности; ораторы часто просты до тупости. Разнообразіе и украшеніе всегда кажутся намъ подозрительными. Напротивъ, физіологія показываетъ цѣнность разнообразнаго и возбуждающаго аппетитъ стола. «Надоѣданіе одного и того же, часто повторяющагося блюда, и удовольствіе, достовляемое новымъ», говоритъ Гербертъ Спенсеръ, «не пустякъ, какъ утверждаютъ обыкновенно; это стимулы къ полезному разнообразію стола. Многочисленными опытами установленъ тотъ фактъ, что врядъ ли найдется хоть одна пища, какъ бы ни была она хороша, доставляющая въ надлежащихъ пропорціяхъ или формахъ всѣ элементы, требующіеся для нормальнаго теченія жизненныхъ процессовъ. Физіологамъ извѣстенъ далѣе тотъ фактъ, что удовольствіе, доставляемое особенно нравящейся пищей, есть нервный стимулъ, который, усиливая дѣятельность сердца и кровообращенія, способствуетъ пищеваренію. Эти истины гармонируютъ съ правилами современнаго кормленія скота, требующими чередованія раціоновъ» [1]). (p. 160). Любовь дѣтей къ сластямъ нѣчто большее, чѣмъ простое желаніе полакомиться. Сахаръ въ большихъ количествахъ потребляется организмомъ какъ источникъ теплоты, [2]) и если его не даютъ дѣтямъ, другія вещества превращаются въ сахаръ и замѣщаютъ его. Даже по отношенію къ количеству пищи, которое

---

[1]) Значеніе разнообразія и вкусовыхъ качествъ пищи для выдѣленія пищеварительныхъ соковъ и, соотвѣтственно тому, быстраго, правильнаго и легкаго усвоенія пищи, равно какъ и роль нервной системы въ этомъ процессѣ, выяснены съ чрезвычайной обстоятельностью и точностью въ новѣйшее время пр. Павловымъ и его школой. Пер.

[2]) Здѣсь мы опять приведемъ цитату изъ Герберта Спенсера: „Какъ сахаристыя, такъ и жирныя вещества могутъ окисляться въ тѣлѣ; чѣмъ вызывается соотвѣтственное развитіе тѣла. Сахаръ есть та форма, въ которую различныя вещества превращаются прежде чѣмъ могутъ быть утилизированы въ качествѣ порождающей тепло пищи; и это образованіе сахара происходитъ въ тѣлѣ. Не только крахмалъ превращается въ сахаръ въ процессѣ пищеваренія, но Клодъ Бернаръ доказалъ, что печень есть лабораторія, въ которой другія составныя части пищи превращаются въ сахаръ: потребность въ сахарѣ такъ сильна, что онъ вырабатывается даже изъ азотистыхъ соединеній, если нѣтъ другихъ источниковъ. Сопоставляя тотъ фактъ, что дѣти обнаруживаютъ сильное пристрастіе къ этому источнику тепла, съ другимъ фактомъ, что они же обыкновенно обнаруживаютъ сильное отвращеніе къ пищѣ, дающей наибольшее количество тепла при окисленіи (именно, къ жиру), мы имѣемъ основаніе думать, что избытокъ

долженъ поглощать ребенокъ, мы начинаемъ съ большимъ вниманіемъ относится къ его аппетиту, чѣмъ къ нашимъ предвзятымъ мнѣніямъ о достаточномъ для него количествѣ. Дѣти рѣдко обнаруживаютъ излишество въ ѣдѣ или питьѣ,—развѣ въ качествѣ реакціи на неразумныя запрещенія; и если даже наша излишняя опека побуждаетъ ихъ къ этому, то послѣдствія подобнаго излишества рѣдко бываютъ такъ серьезны, какъ послѣдствія продолжительнаго недоѣданія.

Замѣчанія Локка относительно холодной воды согласуются съ современной практикой. Холодный душъ сдѣлался почти общеупотребительнымъ среди образованныхъ классовъ. Но къ счастію мы еще не дошли до убѣжденія, что благоразумно шить дѣтямъ легко промокающую обувь. Конечно благоразумнѣе водить дѣтей босикомъ, чѣмъ допускать, чтобы у нихъ всегда были мокрыя ноги. Но намъ сообщаютъ, что лордъ Эшли, воспитанникъ Локка, юноша деликатнаго сложенія, сдѣлался здоровякомъ при такомъ спартанскомъ режимѣ. Локкъ рѣзко осуждаетъ пичканье дѣтей лекарствами при малѣйшемъ недомоганіи. Онъ предпочелъ бы положиться на діету и цѣлебныя силы самой природы. Не мало родителей, думается мнѣ, признаютъ справедливость слѣдующихъ замѣчаній о черезчуръ ретивомъ и неразумномъ пичканьи дѣтей:

«Если мой барченокъ немножко расклеился, его первымъ дѣломъ спрашиваютъ: не хочешь ли, милый, покушать? Что тебѣ дать? Немедленно заставляютъ ѣсть и пить; всякій изощряется, придумывая блюдо, достаточно лакомое и тонкое, чтобы пересилить отсутствіе аппетита, которое природа мудро посылаетъ въ началѣ недуга, съ цѣлью помѣшать его усиленію; такъ какъ, освободившись отъ обычной работы перевариванія новаго груза въ желудкѣ, она можетъ безпрепятственно заняться исправленіемъ и преодолѣніемъ испорченныхъ соковъ».

Читатель уже знаетъ, какое важное значеніе Локкъ придавалъ моральному воспитанію. Великая цѣль учителя, говоритъ онъ, заключается въ такомъ тренированіи души, чтобы она «при всякихъ обстоятельствахъ была расположена соглашаться лишь на то, что соотвѣтствуетъ достоинству и првосходству разумнаго созданія». Съ этою цѣлью дѣти должны пріучаться къ самообузданію съ самаго начала, когда «и х ъ д у ш и н а и б о л ѣ е н ѣ ж н ы, н а и б о л ѣ е п о д а т л и в ы»; ибо «если ребенка пріучали дѣлать все, что ему заблагоразсудится, пока онъ носилъ рубашенку, то почему мы находимъ страннымъ, что онъ желаетъ того же и настаиваетъ на томъ же, когда надѣнетъ

одного компенсируетъ недостатокъ другого,—что организмъ требуетъ больше сахара, потому что не можетъ справиться съ большимъ количествомъ жира». (р. 150) *).

*) Къ этому можно прибавить, что высокое пищевое значеніе сахара позднѣе было выяснено внѣ всякихъ сомнѣній лабораторными изслѣдованіями Шово и др., и практическими опытами введенія сахара въ раціонъ солдатъ и т. п. (Меркеръ и др.). Относительно мяса современная гигіена сходится съ Локкомъ: дѣтямъ его не слѣдуетъ давать раньше 4 года жизни, до и позднѣе выбирать наиболѣе усвояемые сорта. *Пер.*

штаны?» (§ 35) «Я посовѣтовалъ бы,» говоритъ онъ «въ противуположность обычнымъ пріемамъ, пріучать дѣтей подавлять свои желанія и отказываться отъ своихъ влеченій съ самой колыбели. Первое, чему они должны научиться,—это, что они получаютъ то и другое-ли не потому, что оно имъ нравится, а только потому, что оно считается для нихъ подходящимъ. Если доставлять имъ вещи, соотвѣтствующія ихъ нуждамъ, никогда не позволяя имъ имѣть то, чего они требовали съ плачемъ, то они научатся обходиться безъ этихъ требованій, никогда не станутъ ревомъ и капризничаньемъ добиваться господства, и не будутъ и въ половину такими несносными для себя и для другихъ, какими оказываются вслѣдствіе того, что эти пріемы не примѣняются къ нимъ съ самаго начала. Если никогда не допускать исполненія желаній, выражаемыхъ ими нетерпѣливо, то они не станутъ плакать изъ-за того, что имъ не даютъ разныхъ вещей, какъ не плачутъ изъ-за того, что имъ не даютъ луны». (§ 38).

«Локкъ, который никогда не былъ отцомъ», говоритъ Галламъ, «не зналъ, какъ трудно отцу подавлять любовь къ своему ребенку и какъ трудно ребенку обходиться безъ постояннаго и живого чувства отцовской любви». Имѣя дѣло съ очень маленькими дѣтьми, съ которыми невозможно разсуждать, надо прятать отъ нихъ предметы которые нежелательно давать имъ. Пока они еще неспособны понять резоны, въ силу которыхъ имъ отказываютъ въ томъ или другомъ, этотъ отказъ часто долженъ казаться результатомъ нежеланія родителей доставить имъ удовольствіе. Подвергать ребенка безпричиннымъ лишеніямъ въ видахъ моральной дисциплины, является верхомъ жестокости и нелѣпости. Родителямъ, которые усвоятъ эту практику, не мѣшаетъ подчинить извѣстному контролю самихъ себя и тщательно устранять отъ дѣтей предметы, способные возбуждать желанія, не подлежащія удовлетворенію. Въ болѣе позднемъ возрастѣ дѣти не станутъ требовать чрезмѣрной снисходительности къ ихъ желаніямъ, если родители будутъ снисходить къ нимъ въ отношеніи безвредныхъ удовольствій.

Локкъ, повидимому, недостаточно принималъ въ соображеніе вліяніе привязанности въ смыслѣ корректива себялюбія. Дѣти, которые привыкаютъ любить своихъ родителей и сознавать, что послѣдніе радуются ихъ счастью, вскорѣ научатся спокойно относиться къ такимъ случаямъ, когда родительская привязанность заставляетъ отказывать въ томъ, что было бы неудобно исполнить; и, конечно, лучше, если они обуздываютъ свои желанія изъ глубокаго убѣжденія въ родительской любви, чѣмъ изъ сознанія безплодности попытокъ бороться съ непоколебимой волей. Гораздо раньше, чѣмъ дѣти дойдутъ до пониманія того, что для нихъ годится, они могутъ оцѣнить желаніе родителей позаботиться объ ихъ счастьѣ; и это сознаніе породитъ привязанность, которая будетъ надежнымъ средствомъ противодѣйствія всякимъ эгоистическимъ наклонностямъ.

По поводу суровости Локковскихъ правилъ Дегальдъ Стюартъ говоритъ:

«Нѣкоторой жесткости характера, нерѣдко соединяющейся съ нечувствительностью къ чарамъ поэзіи и краснорѣчія, можно отчасти приписать духъ строгости и запрещенія, внушившій нѣкоторыя правила «Мыслей о воспитаніи» [1]). Повидимому, самъ онъ воспитывался своими родителями безъ всякихъ послабленій, и вѣроятно сыновнее почтеніе, съ которымъ онъ всегда относился къ ихъ памяти, заставляло его приписывать ранней привычкѣ къ самообузданію, внушавшейся ему ихъ аскетической системой морали, тѣ нравственныя качества, которыми онъ былъ обязанъ вліянію собственнаго разума, обуздывавшаго его естественныя склонности, и которыя при болѣе нѣжномъ и искусномъ воспитаніи могли бы принять еще болѣе привлекательную и пріятную форму. Его отецъ, служившій въ арміи парламента, повидимому, всю жизнь сохранялъ суровость нравовъ, характеризовавшую его товарищей-пуританъ; и несмотря на сравнительную широту и культуру ума Локка, эта наслѣдственная черта, если не ошибаюсь, до нѣкоторой степени сохранилась у него, и продолжала влиять на его мнѣнія и привычки мышленія. Если въ «Conduct of the Understanding» онъ (какъ думаютъ многіе) черезчуръ полагался на природу и придавалъ слишкомъ мало значенія логическимъ правиламъ, то во всемъ, что связано съ воспитаніемъ сердца, безъ сомнѣнія впадалъ въ противоположную крайность, совершенно не довѣряя природѣ и возлагая всю надежду на дѣйствіе систематической и бдительной дисциплины. Повидимому, для здраваго смысла должно быть очевидно, что великая задача воспитанія не въ томъ, чтобы становиться поперекъ дороги и разстраивать, а въ томъ, чтобы изучать цѣль и способствовать ея достиженію при помощи разумныхъ пріемовъ; однако, даже среди философовъ признаніе этого пріобрѣло почву лишь очень поздно. Простая справедливость по отношенію къ Руссо заставляетъ признать, что пафосъ и краснорѣчіе, съ какими онъ отстаивалъ этотъ взглядъ, съ лихвою компенсируютъ ошибочность нѣкоторыхъ его мнѣній».

По справедливости слѣдуетъ указать на то, что Локкъ всюду требуетъ нѣжнаго обращенія съ дѣтьми; но онъ, очевидно, слишкомъ мало вѣритъ въ привязанность, какъ мотивъ повиновенія.

Важность ранняго воспитанія привычки къ повиновенію не подлежитъ сомнѣнію. «Если вы хотите», говоритъ Локкъ, «чтобы вашъ сынъ повиновался вамъ, выйдя изъ дѣтскихъ лѣтъ, позаботьтесь установить вашъ отцовскій авторитетъ, лишь только ребенокъ станетъ способнымъ подчиняться и понимать, въ чьей власти онъ находится. Если вы хотите, чтобы онъ относился къ вамъ съ почтеніемъ, внѣдряйте это въ него съ малолѣтства; а по мѣрѣ того, какъ онъ при-

---

[1]) Напримѣръ, слѣдующее: «никогда не слѣдуетъ допускать чтобы ребенокъ получалъ то, что ему хочется, *разъ онъ говоритъ, что ему этого хочется*, особливо если онъ требуетъ съ плачемъ!» Правило (пословамъ его корреспондента, Молине), которое, какъ кажется, налагаетъ черезчуръ суровыя требованія на нѣжный духъ ребенка и на естественную привязанность родителей.

ближается къ возрасту взрослаго, сближайтесь съ нимъ на болѣе дружеской ногѣ; такимъ образомъ онъ будетъ вашимъ послушнымъ подданнымъ (какъ оно и подобаетъ) въ дѣтствѣ и вашимъ любящимъ другомъ, когда выростетъ. По моему мнѣнію совершенно неправильно понимаютъ обхожденіе съ дѣтьми тѣ, которые снисходительны и фамильярны съ ними, пока они малы, но становятся суровыми и держатъ ихъ на извѣстномъ разстояніи, когда они выростутъ: свобода и потворство не приносятъ пользы дѣтямъ; недостатокъ разсудка дѣлаетъ для нихъ необходимыми принужденіе и дисциплину; и наоборотъ, повелительный и суровый тонъ не годятся для обращенія со взрослыми, которые могутъ руководиться собственнымъ разумомъ, если только вы не собираетесь сдѣлаться въ тягость вашимъ дѣтямъ, когда они подрастутъ, и заставить ихъ говорить про себя: когда же вы умрете, отецъ?» (§ 40). Если бы Локкъ былъ отцомъ, онъ зналъ бы, что обращеніе съ дѣтьми требуетъ не большей повелительности и строгости, чѣмъ обращеніе съ подростками. Любовь и почтительность вполнѣ совмѣстимы,—мало того, тамъ, гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и истинной почтительности. Недоступность и повелительныя манеры могутъ породить рабскій страхъ и рабское послушаніе, но не создадутъ любящаго довѣрія къ привязанности родителей, которое развивается изъ тѣсныхъ и любовныхъ отношеній.

Утверждая, что «строгость, поскольку она необходима, тѣмъ умѣстнѣе, чѣмъ дѣти младше», Локкъ, однако, рѣзко высказывается противъ чрезмѣрной суровости. «Я такъ много говорилъ», замѣчаетъ онъ, «о необходимости строгаго веденія дѣтей, что, можетъ быть, меня заподозрятъ въ недостаточно внимательномъ отношеніи къ требованіямъ ихъ нѣжнаго возраста и конституціи. Но это подозрѣніе исчезнетъ, если вы послушаете, что я буду говорить дальше; такъ какъ я весьма склоненъ думать, что очень строгія наказанія приносятъ мало добра, болѣе того, великій вредъ воспитанію; и я полагаю, что, caeteris paribus, дѣти, которыя особенно часто подвергались наказанію, рѣдко выходятъ лучшими людьми». Самообузданіе и готовность къ повиновенію должны воспитываться съ самаго начала, чтобы стать легкими и естественными. Случаи, когда наказаніе кажется абсолютно необходимымъ, по большей части именно тѣ, въ которыхъ пренебрегали воспитаніемъ съ раннихъ лѣтъ. Ребенокъ, пріобрѣтшій дурныя привычки благодаря родительской халатности, становится, наконецъ, нестерпимымъ, и въ такомъ случаѣ строгость является необходимой для его исправленія; но было бы большой ошибкой заключать по такимъ случаямъ объ обращеніи съ дѣтьми вообще. Родители и учителя часто создаютъ недостатки, которые имъ приходится потомъ искоренять строгостью. Локкъ разсматриваетъ воспитаніе въ цѣломъ и убѣжденъ, что вліяніе рано-пріобрѣтенныхъ привычекъ сдѣлаетъ крайнія мѣры совершенно ненужными въ болѣе позднемъ возрастѣ.

Не совѣтуетъ онъ также черезчуръ пригибать и принижать дѣтей, «такъ какъ своенравные ребята (young fellows), полные жизни

и одушевленія, выходятъ иногда на прямой путь и становятся дѣльными и выдающимися людьми; но пришибленныя души, робкія и вялыя, и лишенныя бодрости, врядъ ли могутъ когда-нибудь воспрянуть и очень рѣдко достигаютъ чего-нибудь. Чтобы избѣжать опасности, которая грозитъ съ двухъ сторонъ, требуется большое искусство; и тотъ, кто нашелъ способъ сохранить душу ребенка непринужденной, дѣятельной и свободной, а въ то же время удержать его отъ многихъ вещей, къ которымъ онъ питаетъ склонность, и направить къ такимъ, которыя ему не подушѣ; кто, говорю я, сумѣлъ примирить эти кажущіяся противуположности, тотъ, по моему мнѣнію, овладѣлъ тайной истиннаго воспитанія»[1]) (§ 46). Тѣлесныя наказанія, «обычный лѣнивый и короткій пріемъ», онъ считаетъ самымъ негоднымъ средствомъ воспитанія, такъ какъ они усиливаютъ, а не ослабляютъ наше стремленіе избѣгать страданій, внушаютъ отвращеніе къ ученью, порождаютъ лицемѣріе и робкій характеръ (что, прибавили бы мы, неизмѣнно подразумѣваетъ и тиранической) и калѣчатъ душу. «Кто», спрашиваетъ Локкъ, «не почувствуетъ отвращенія къ самому невинному развлеченію, которое само по себѣ безразлично для него, если его заставляютъ пинками или бранью развлекаться, когда ему не хочется, или постоянно подвергаютъ такому обращенію за какія-нибудь обстоятельства, связанныя съ нимъ? Это вполнѣ естественно. Непріятныя обстоятельства портятъ самыя невинныя вещи, если сопровождаютъ ихъ; одинъ видъ чашки, изъ которой приходилось принимать отвратительное лѣкарство, уже вызываетъ тошноту, такъ что все покажется въ ней противнымъ, хотя бы она была совершенно чиста, красива и изъ самаго дорогого матеріала» (§ 49). Учителя іезуиты чувствовали силу этого возраженія противъ тѣлесныхъ наказаній до такой степени, что поручали сѣченіе специальному «исправителю», не принадлежавшему къ ордену. Коменскій находилъ, что единственные проступки, за которые дѣти должны подвергаться тѣлесному наказанію, проступки противъ нравственности. Если они не учатся, то это не ихъ вина, а учителя. Локкъ желаетъ ограничить тѣлесное наказаніе случаями упорства и буйства, но не думаетъ, что какое бы то ни было наказаніе будетъ полезнымъ для ребенка, если «стыдъ подвергнуться наказанію за проступокъ не будетъ вліять на него сильнѣе, чѣмъ само наказаніе». Его замѣчанія о дѣйствіи системы терроризма, парализующей душу, столь же цѣнны, какъ прекрасно выражены. «Невозможно дѣтямъ научиться чему-либо, пока ихъ мысли захвачены или возмущены какой бы то ни было страстью,

---

[1]) Противуположности въ совѣтахъ Локка къ сожалѣнію были отнюдь не кажущимися только. При всемъ своемъ отвращеніи къ розгамъ, онъ однако оставляетъ ихъ именно для «своенравныхъ ребятъ» въ качествѣ единственнаго средства выколачиванія своенравія, доходя въ этомъ отношеніи до рекомендаціи настоящаго истязанія (напр., Мысли, §§ 83, 112 и пр.). Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ пунктахъ, онъ не сумѣлъ отдѣлаться отъ старой системы терроризма.

Пер.

особливо страхомъ, который производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе на ихъ еще нѣжный и слабый духъ. Держите душу въ непринужденномъ и спокойномъ состояніи, если хотите, чтобы она воспринимала ваши наставленія и накопляла знанія. Напечатлѣть четкія и правильныя буквы на трепещущей душѣ такъ же невозможно, какъ на трясущейся бумагѣ» (§ 167). Не одинъ ребенокъ прослылъ тупымъ или упрямымъ изъ-за смущенія и растерянности, которыя нагонялъ на него «plagosus Orbilius», стоявшій надъ нимъ съ угрозами и сердитыми словами, дѣлавшими невозможнымъ всякое умственное усиліе.

Локкъ признаетъ необходимость наградъ и наказаній, но онъ противъ такихъ наградъ, которыя принимаютъ характеръ матеріальныхъ удовольствій. Онъ желаетъ, чтобы къ дѣтямъ относились какъ къ разумнымъ существамъ, и старались вліять на нихъ не при посредствѣ тѣла, а при посредствѣ духа. «Честь и позоръ», говоритъ онъ, «могущественнѣйшіе изъ всѣхъ возбудителей души, разъ они способна оцѣнить ихъ. Если вы сумѣли внушить дѣтямъ любовь къ хорошей репутаціи и страхъ стыда и позора, то вы вложили въ нихъ правильный принципъ, который будетъ постоянно дѣйствовать и склонять ихъ къ добру» (§ 56). Онъ указываетъ, что дѣти очень чувствительны къ похвалѣ и быстро замѣчаютъ всякое ослабленіе или уменьшеніе ея. Но чтобы чувство почета или безчестія укоренилось глубже, другія пріятныя или непріятныя обстоятельства должны сопровождать эти состоянія; не въ качествѣ спеціальныхъ наградъ или наказаній, произвольно связанныхъ съ ними, а въ качествѣ ихъ естественныхъ послѣдствій, ожидающихъ того, чье поведеніе заслуживаетъ порицанія или одобренія. Руссо полагался на автоматическія наказанія. Онъ говоритъ: «Сохраните для ребенка зависимость только отъ вещей, вы будете слѣдовать естественному порядку въ его воспитаніи. Противупоставляйте его безразсуднымъ желаніямъ только физическія препятствія или наказанія, которыя вытекаютъ изъ самихъ дѣйствій и о которыхъ онъ вспомнитъ въ соотвѣтственномъ случаѣ». Гербертъ Спенсеръ развилъ этотъ принципъ еще далѣе и указалъ различные способы его примѣненія. Онъ показалъ, что природа наказываетъ за нарушеніе ея законовъ, причемъ эти наказанія не являются искусственными или произвольными карами, а «неизбѣжными послѣдствіями поступковъ, за которыми они слѣдуютъ», «неизбѣжными реакціями на дѣйствія ребенка»; онъ показалъ, что эти возмездія въ точности пропорціональны совершеннымъ нарушеніямъ законовъ, и что они постоянны, непосредственны и немедленны. Онъ желаетъ, чтобы нарушенія моральнаго закона наказывались, насколько возможно, тѣмъ же способомъ. Обязанность родителей предостерегать противъ послѣдствій проступка и придавать имъ такую форму, когда потребуется ихъ вмѣшательство, чтобы связь между причиной и дѣйствіемъ была очевидной. Преимущества этого образа дѣйствій, по его словамъ, въ томъ, что онъ пріучаетъ дѣтей связывать поступки съ ихъ неизбѣжными послѣдствіями, и такимъ

образомъ приходить къ опредѣленнымъ представленіямъ о добрѣ и злѣ, опирающимся на существенную разницу между ними; обращается къ чувству справедливости, такъ какъ «тѣ, которые терпятъ только зло, естественно вытекающее изъ ихъ собственнаго дурного поведенія, будутъ менѣе склонны считать себя жертвами несправедливости, чѣмъ тѣ, которымъ приходится терпѣть искусственно налагаемое зло;» устраняетъ ненужное раздраженіе со стороны родителей и дѣтей, такъ какъ замѣняетъ безличнымъ воздѣйствіемъ природы личное воздѣйствіе родителей и приводитъ къ болѣе дружескимъ и потому болѣе сильно вліяющимъ отношеніямъ между родителями и ребенкомъ. Въ случаѣ важныхъ моральныхъ проступковъ (которые, по его мнѣнію, будутъ далеко не такъ часты при рекомендуемомъ режимѣ, какъ при обычномъ), Спенсеръ считаетъ желательными соединять прямыя естественныя послѣдствія проступка съ изъявленіемъ родительскаго неудовольствія. Дѣйствіе этихъ изъявленій будетъ, конечно, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ нѣжнѣе выражалась привязанность между родителями и ребенкомъ. Онъ желалъ бы по возможности избѣжать умноженія правилъ, но считаетъ необходимымъ, чтобы за нарушеніемъ правила возмездіе слѣдовало такъ же неизбѣжно, какъ въ неодушевленной природѣ.

Локкъ также противникъ многочисленныхъ правилъ и больше полагается на образованіе привычекъ, «которыя, разъ установившись, дѣйствуютъ сами собой легко и естественно безъ помощи правилъ». Какъ и слѣдовало ожидать, онъ признаетъ воспитательное вліяніе, въ дурномъ и хорошемъ, оказываемое на дѣтей тѣми, съ кѣмъ они водятся, и предостерегаетъ родителей противъ дурныхъ примѣровъ, которые часто подаетъ дѣтямъ прислуга. Чѣмъ болѣе маленькіе дѣти ограничены предѣлами дѣтской, тѣмъ важнѣе имъ имѣть интеллигентную и хорошо воспитанную няньку или гувернантку. Когда они подрастутъ, надо съ неменьшимъ тщаніемъ контролировать ихъ знакомства. Ребенокъ всегда учится, и нерѣдко уроки, которые онъ получаетъ отъ прислуги и товарищей, совершенно противоположны урокамъ родителей и учителей. Къ несчастью, примѣры, доставляемые самими родителями, часто имѣютъ нежелательный характеръ. «Если вы наказываете за то, что, сами дѣлаете на его глазахъ, онъ не повѣритъ, что эта строгость вытекаетъ изъ привязанности, заботящейся объ исправленіи его недостатковъ, но склоненъ будетъ толковать ее, какъ сварливость и капризный произволъ отца, безъ всякаго основанія отказывающаго своему сыну въ свободѣ и удовольствіяхъ, которыя разрѣшаетъ себѣ. Если же вы сохраняете за собой эту свободу, какъ привилегію зрѣлаго возраста, на которую ребенокъ не можетъ претендовать, то этимъ лишь придаете новую силу вашему примѣру и еще внушительнѣе рекомендуете ему поступокъ. Надо всегда помнить, что дѣти начинаютъ притворяться взрослыми раньше, чѣмъ мы думаемъ; и любятъ штаны не за ихъ покрой или удобство, а потому, что штаны признакъ или шагъ къ состоянію взрослаго» (§ 71). Этимъ

стремленіемъ подражать взрослымъ объясняются многіе скороспѣлые пороки, вродѣ куренья или питья спиртныхъ напитковъ, которые сначала въ высшей степени противны дѣтямъ. Подростки готовы терпѣть пытку, чтобы только казаться старше, чѣмъ они есть.

Хотя Локкъ рекомендуетъ родителямъ внушать маленькимъ дѣтямъ извѣстный страхъ и почтеніе, но высказывается въ пользу все болѣе и болѣе дружескаго обращенія съ ними по мѣрѣ того, какъ они подрастаютъ. Таковъ, какъ я уже указывалъ, былъ методъ его собственнаго отца. «Многіе отцы», говоритъ онъ, «щедро снабжая своихъ дѣтей средствами, соотвѣтственно ихъ возрасту и положенію, скрываютъ отъ нихъ свое состояніе и дѣла съ такой ревностью, словно берегутъ государственную тайну отъ шпіона или непріятеля... Ничто такъ не скрѣпляетъ и не упрочиваетъ дружбы, какъ откровенное сообщеніе о дѣлахъ и заботахъ» (§ 96). Но это не единственная выгода. Довѣріе порождаетъ довѣріе; а врядъ ли нужно распространяться о необходимости откровеннаго и довѣрчиваго отношенія дѣтей къ родителямъ. Много дурныхъ послѣдствій можно бы было предотвратить въ семьяхъ, еслибъ родительское сочувствіе поощряло дѣтей искать родительскаго совѣта. На основаніи подобныхъ же мотивовъ учителямъ не слѣдовало бы держать своихъ питомцевъ на слишкомъ большомъ разстояніи.

Правила Локка относительно практической работы обученія, хотя и характеризуются его обычнымъ здравымъ смысломъ, однако, не такъ цѣнны для современнаго учителя, какъ его замѣчанія о принципахъ воспитанія; но и въ этой области онъ даетъ много полезныхъ указаній. Начнемъ съ того, что онъ ясно видитъ абсолютную необходимость помогать вниманію ребенка при обученіи. Безъ этого самыя обширныя знанія и самое ясное изложеніе учителя окажутся тщетными. «Дѣтскіе умы узки и слабы и обыкновенно способны схватывать лишь одну мысль заразъ. Что запало въ голову ребенка, то и наполняетъ ее на нѣкоторое время, особливо, если вызываетъ съ его стороны страстное отношеніе. Поэтому, умѣнью и искусству учителя надлежитъ очистить ихъ головы отъ всякихъ постороннихъ мыслей, пока они учатся чему-нибудь, чтобы освободить мѣсто для того, что онъ хочетъ вложить въ нихъ и что они должны усваивать со вниманіемъ и прилежаніемъ, безъ которыхъ урокъ пройдетъ безслѣдно. Натура дѣтей располагаетъ ихъ умы къ блужданію. Только новое занимаетъ ихъ; они съ увлеченіемъ хватаются за то, что представляется въ данный моментъ, и быстро удовлетворяются. Одно и тоже скоро надоѣдаетъ имъ и почти все ихъ удовольствіе въ перемѣнѣ и разнообразіи. Фиксировать ихъ летучія мысли противорѣчитъ естественному состоянію дѣтства» (§ 167). Очевидно, что при такихъ условіяхъ обязанность учителя воспользоваться любовью ребенка къ новизнѣ и превратить ее изъ источника разсѣянности въ средство привлечь вниманіе. Онъ долженъ руководить инстинктомъ любопытства, возбуждая его интересными предметами; долженъ умножать свои наглядныя поясненія и варьировать свои методы; долженъ, словомъ,

дѣлать ученье болѣе привлекательнымъ, чѣмъ посторонніе предметы. У очень маленькихъ дѣтей вниманіе только въ слабой степени подчиняется контролю воли, и усилія учителя съ цѣлью противодѣйствовать ихъ непостоянству должны быть соотвѣтственно велики. Когда дѣти начинаютъ видѣть пользу знанія и цѣнить его отдаленныя выгоды, привычки, порожденныя автоматическимъ вниманіемъ, становятся все болѣе и болѣе волевыми. Въ искусствѣ возбуждать и поддерживать вниманіе наши учителя, несомнѣнно, сдѣлали большіе успѣхи, и я осмѣливаюсь думать, что преподаватели нашихъ высшихъ школъ могли бы извлечь много цѣнныхъ практическихъ указаній изъ наблюденій надъ учителемъ, дающимъ урокъ шестидесяти или семидесяти дѣтямъ въ начальной школѣ.

Одна изъ лучшихъ главъ Локка—глава о «любопытствѣ». «Любопытство у дѣтей», говоритъ онъ, «есть ничто иное, какъ влеченіе къ знанію; и, слѣдовательно, должно быть поощряемо, не только, какъ добрый знакъ, но и какъ великое орудіе, полученное ими отъ природы, для устраненія невѣжества, съ которымъ они рождаются, и которое, безъ этой дѣятельной пытливости, сдѣлало-бы ихъ тупыми и безполезными созданіями». (§ 118) Для поощренія его онъ совѣтуетъ: 1) не обрывать и не обезкураживать ребенка по поводу его вопросовъ, каковы-бы они ни были, и не допускать, чтобы его высмѣивали, но отвѣчать на его вопросы и объяснять ему то, что онъ хочетъ знать; 2) хвалить въ его присутствіи тѣхъ, которые обладаютъ болѣе значительными знаніями; 3) заботиться о томъ, чтобы онъ никогда не получалъ лживыхъ и уклончивыхъ отвѣтовъ; 4) обращать его вниманіе на новыя и странныя вещи съ цѣлью расширить его пытливость.

Чтобы сдѣлать ученіе привлекательнымъ, Локкъ желалъ-бы облегчить и упростить его, насколько это допускаетъ методъ, и сблизить его съ забавой, насколько это возможно для серьезнаго дѣла воспитанія. Онъ одобрительно разсказываетъ исторію мальчика, который выучилъ азбуку и «игралъ въ склады», забавляясь въ домино съ наклеенными на костяхъ буквами. Онъ желаетъ, чтобы дѣти учились читать по интереснымъ книгамъ, «содержаніе которыхъ могло-бы увлекать ихъ и вознаграждать за трудъ чтенія». Такія книги должны быть иллюстрированы. Онъ не торопится пользоваться чтеніемъ, какъ средствомъ сообщенія знаній и предпочелъ-бы для начинающихъ такія книги, какъ «басни Эзопа» и «Сказка о лисѣ» («Reynard the Fox»). Языки по его мнѣнію слѣдуетъ изучать разговорнымъ способомъ, отложивъ изученіе грамматики до того времени, когда мальчикъ будетъ свободно владѣть языкомъ. «Если грамматику слѣдуетъ изучать, то лишь тому, кто уже можетъ говорить на данномъ языкѣ; иначе какъ онъ ее изучитъ?.. Я не знаю, зачѣмъ тратить время и ломать голову надъ латинской грамматикой тому, кто не собирается стать критикомъ, или говорить рѣчи и писать письма на латинскомъ языкѣ. Если кто-нибудь находитъ для себя необходимымъ или желательнымъ изучить досконально какой-нибудь иностранный языкъ и

знать его вполнѣ точно, у него найдется время заняться его грамматикой» (§ 168).

Иные утверждаютъ, что это стремленіе сдѣлать для дѣтей все легкимъ, противорѣчитъ главной цѣли воспитанія, которая заключается въ подготовкѣ ихъ къ борьбѣ съ будущими затрудненіями. На это, однако, можно возразить, что постепенность въ преодолѣніи трудностей не только вполнѣ совмѣстима съ интеллектуальной дисциплиной, но и абсолютно необходима для ея успѣха. Взрослому часто приходится дѣлать большія физическія усилія, однако, мы не считаемъ необходимымъ заставлять ребенка носить тяжелый грузъ, или дѣлать ежедневно прогулки въ тридцать миль. Умственный прогрессъ осуществляется посредствомъ преодолѣнія затрудненій въ порядкѣ ихъ простоты и только по одному заразъ. Легкая побѣда поощряетъ ребенка къ болѣе трудной попыткѣ, и такимъ образомъ онъ съ самаго начала вкушаетъ радость успѣха. Главное, что требуется въ началѣ воспитанія,—это внушить дѣтямъ охоту къ ученью, а этого, очевидно, можно достигнуть, только уменьшивъ, елико возможно, его трудности, и сдѣлавъ его источникомъ положительнаго удовольствія. Нѣкоторые учителя думаютъ, повидимому, что дѣти обладаютъ естественнымъ отвращеніемъ къ знанію. Общеизвѣстное любопытство дѣтей показываетъ, что это не такъ. Если они и питаютъ отвращеніе, то лишь къ такому знанію, которое не удовлетворяетъ интеллектуальныхъ интересовъ, знанію, которое превышаетъ ихъ способность усвоенія, знанію, въ которомъ они не могутъ видѣть никакой пользы. Для дѣтей такъ же естественно любить пищу для ума, какъ пищу для тѣла. Но мы должны позаботиться о томъ, чтобы пища соотвѣтствовала ихъ способности пищеваренія, и чтобы ее не навязывали имъ, когда у нихъ нѣтъ аппетита. Однимъ изъ послѣдствій ошибочнаго мнѣнія, о которомъ я только что упомянулъ, является убѣжденіе въ томъ, что извѣстная степень отвращенія къ работѣ неизбѣжна въ началѣ воспитанія. Безъ сомнѣнія, нѣтъ другого момента въ воспитаніи, когда отвращеніе къ работѣ болѣе не допустимо и болѣе способно принести плачевные результаты. Вступленіе къ каждому роду занятій должно быть сдѣлано какъ можно болѣе привлекательнымъ; и пока привлекательность самого предмета не успѣла вполнѣ обнаружиться, учитель вправѣ вносить въ свой методъ обученія другіе источники привлекательности, лишь бы только онъ не злоупотреблялъ этими добавочными источниками интереса и не возбуждалъ неосновательныхъ ожиданій.

Другое печальное послѣдствіе мнѣнія о естественномъ отвращеніи дѣтей къ знанію, есть отказъ отъ всякихъ попытокъ сдѣлать для нихъ понятнымъ то, что они учатъ, и принужденіе ихъ заучивать наизусть то, что, по мнѣнію учителей, имъ слѣдуетъ запомнить. Разсуждаютъ, что если вы не можете сдѣлать предметъ понятнымъ и интереснымъ для ребенка, то можете по крайней мѣрѣ запечатлѣть ваши уроки въ его памяти, и если располагаете «благозвучными формулами», то можете строить на нихъ все, что вамъ угодно. Къ

несчастью, благозвучная формула, безсмысленно заученная, скоро забывается или, если и остается въ памяти, то не связывается ни съ какими или связывается съ ложными идеями, внушаетъ ребенку отвращеніе къ ученію въ то самое время, когда особенно желательно привлечь къ дѣлу его естественную склонность, и оказывается никуда не годной, когда мы пытаемся что-нибудь построить на ней.

Въ то же время важно, чтобы учителя не впадали въ противуположную крайность и не предоставляли своимъ питомцамъ пассивно воспринимать вливаемое въ нихъ знаніе. Такъ не развиваются умственныя силы. Учитель можетъ сообщить форму знанія безъ сотрудничества со стороны учениковъ, но онъ не можетъ сдѣлать знаніе ихъ дѣйствительной собственностью безъ извѣстнаго активнаго усилія съ ихъ стороны. Еще менѣе можетъ онъ сообщить умственную энергію, которую самъ пріобрѣлъ путемъ самостоятельныхъ занятій. Къ счастью для учителя, дѣти, при правильной постановкѣ занятій, находятъ гораздо больше удовольствія въ активномъ сотрудничествѣ съ нимъ, чѣмъ въ состояніи пассивнаго воспринимания. Въ виду этого, пытаться сдѣлать ученье черезчуръ легкимъ есть двойная ошибка. Это отнимаетъ половину его прелести и больше половины его цѣнности. Локкъ допускаетъ, что въ извѣстныхъ предметахъ учитель можетъ даже ставить затрудненія, чтобы побудить питомцевъ къ самостоятельнымъ усиліямъ; «но», прибавляетъ онъ, «я считаю, что этого не слѣдуетъ дѣлать, пока дѣти еще очень малы, ни въ тѣхъ случаяхъ, когда они только еще приступаютъ къ изученію какого-нибудь предмета. Тутъ все и безъ того трудно, и главное значеніе и искусство учителя въ умѣньи облегчить все, насколько онъ можетъ».

Два нововведенія въ практикѣ обученія связываются обыкновенно съ именемъ Локка: подстрочный способъ изученія языковъ и способъ обученія письму посредствомъ обведенія буквъ, намѣченныхъ свѣтлыми чернилами. Первый способъ, какъ я указалъ въ примѣчаніи, не принадлежитъ ему, и если бы принадлежалъ, не много прибавилъ бы ему славы. Второй почти всюду принятъ учителями.

Мистеръ Квикъ такъ резюмируетъ мнѣнія Локка о воспитаніи. «Его цѣль—дать мальчику сильный духъ въ сильномъ тѣлѣ. Тѣло должно пріучиться къ лишеніямъ, разумъ—научиться самообузданію. Но къ этому результату нужно вести, а не гнать. Ребенокъ воспитывается не для университета, а для общества. Добрыя начала, добрые нравы и скромность должны стоять на первомъ планѣ, затѣмъ интеллектуальная энергія и, наконецъ, дѣйствительныя знанія. Нужно поддерживать его бодрость ласковымъ обращеніемъ, а ученье никогда не слѣдуетъ превращать въ скучную, внушающую отвращеніе, работу. Что касается предметовъ обученія, то тѣ отрасли знанія, которыя относятся къ вещамъ, должны предшествовать тѣмъ, которыя состоятъ изъ абстрактныхъ идей. Преобладающее обученіе грамматикѣ при изученіи классическихъ языковъ должно быть оставлено. Родной языкъ слѣдуетъ изучать тщательно, остальными овладѣвать при помощи разговора или переводовъ. Всегда нужно имѣть въ виду роль,

которую учащійся будетъ играть въ жизни; а идеаломъ Локка не является совершенный ученый, но совершенный джентльменъ» [1]).

Недостатки Локковской схемы воспитанія были естественнымъ послѣдствіемъ реакціи на господствовавшую въ то время систему и его личныхъ пристрастій. Онъ недостаточно оцѣниваетъ значеніе классической культуры и почти совершенно упускаетъ изъ вида облагораживающее вліяніе искусствъ. «Воспитанію въ Англіи», говоритъ д-ръ Джонсонъ, «грозила опасность потерпѣть ущербъ отъ двухъ ея величайшихъ людей: Мильтона и Локка. Планъ Мильтона невыполнимъ, и, кажется, никто не пробовалъ его осуществить. Планъ Локка, думается мнѣ, довольно часто примѣнялся на практикѣ, но онъ очень далекъ отъ совершенства; онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе одной сторонѣ и слишкомъ малое—другой; онъ удѣляетъ слишкомъ малую роль литературѣ». Съ этимъ сужденіемъ согласятся большинство читателей Локка. Онъ гораздо живѣе чувствуетъ цѣнность того, что называетъ «реальнымъ знаніемъ», чѣмъ красоту литературной формы, и совершенно упускаетъ изъ вида необходимость воспитанія эстетическихъ способностей. Въ своемъ разсужденіи о значеніи мертвыхъ языковъ онъ почти совершенно игнорируетъ цѣнность великихъ греческихъ и римскихъ классиковъ, какъ образцовъ литературнаго совершенства,—цѣнность, которой никакой переводъ не можетъ уменьшить. Никогда гипсовый снимокъ не замѣнитъ Венеру Медицейскую или Аполлона Бельведерскаго. Слѣдуетъ ли каждому отправляться въ Римъ, чтобъ посмотрѣть первую, или во Флоренцію, чтобъ видѣть второго,—другой вопросъ. Близкое знакомство съ хорошимъ переводомъ можетъ оказаться полезнѣе несовершеннаго знанія подлинника, и въ общественной школѣ найдется много мальчиковъ, для которыхъ первое желательнѣе второго. При всемъ томъ, было бы крайне прискорбно пожертвовать классическою ученостью изъ-за того, что немногіе мальчики слишкомъ тупы или лѣнивы, чтобы усвоить ее, а очень многіе нуждаются въ учености иного рода. «Лучшіе изъ древнихъ писателей, какъ греческіе, такъ и латинскіе, даютъ такъ много мудрыхъ размышленій, благороднаго чувства, всего, что прекрасно и полезно, что никто, имѣвшій счастье узнать и почувствовать, что они такое, не пожелаетъ устранить или ограничить ихъ изученіе, разъ дѣло идетъ о воспитаніи тѣхъ, которые должны быть первыми и лучшими въ странѣ. И хотя огромное большинство человѣчества должно, уже въ силу срока своихъ занятій, оставаться въ рамкахъ интеллектуальной посредственности, но плохо то время, которое не позаботится о людяхъ, возвышающихся надъ среднимъ уровнемъ» [2]).

Въ настоящемъ изданіи принятъ текстъ изданія «Мыслей» 1836, который былъ тщательно сопоставленъ съ изданіями (in octavo) 1693 и 1699, и съ изданіемъ (in folio) 1722. Изданіе 1699 содержитъ

[1]) Educational Reformers, p. 95.
[2]) Hallam's Lit. Hist. iv. 187.

много добавленій сравнительно съ первымъ изданіемъ, и показываетъ, что Локкъ занимался вопросомъ о воспитаніи до конца своей жизни. При жизни Локка и при его содѣйствіи появился французскій переводъ «Мыслей о воспитаніи», сдѣланный Костомъ, съ многочисленными примѣчаніями, съ цитатами изъ Монтэня и древнихъ авторовъ.

Въ 1787 въ Лейпцигѣ появился нѣмецкій переводъ Увріера, съ добавленіями переводчика; за нимъ послѣдовалъ въ томъ же году второй переводъ Рудольфа, опубликованный Вольфенбюттелемъ. Но оба перевода не полны. Послѣдній, составляющій девятую часть «Общаго обзора школьнаго дѣла, составленнаго ассоціаціей учителей практиковъ» Кампе, тоже снабженъ дополненіями».

Только что приведенная цитата сдѣлана изъ предисловія доктора Шустера къ его переводу Локка. Докторъ Шустеръ помѣстилъ въ своемъ переводѣ, кромѣ собственныхъ примѣчаній, важнѣйшія изъ примѣчаній предшествовавшихъ комментаторовъ. Я заимствовалъ у него нѣкоторыя изъ нихъ, также немногія примѣчанія къ англійскому изданію 1836, редактированному Дж. А. Сентъ Джономъ [1]).

Подробное аналитическое оглавленіе я заимствовалъ изъ изданія доктора Шустера.

Э. Даніэль.

---

[1]) Въ нашемъ переводѣ примѣчанія Даніэля отмѣчены буквой Д., Шустера—буквой Ш. и Сентъ Джона—буквами Ст. Дж.—Перев.

Эдуарду Клэрку, эскв., изъ Чипли.

Сэръ, эти мысли о воспитаніи, выходящія нынѣ въ свѣтъ, по праву принадлежатъ вамъ, такъ какъ написаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ для васъ, и содержатъ лишь то, что уже имѣется у васъ въ моихъ письмахъ. Я такъ мало измѣнилъ что-либо, кромѣ порядка, въ которомъ онѣ посылались вамъ въ разное время и по разнымъ случаямъ, что читатель легко убѣдится, по фамильярности и характеру стиля, что это скорѣе частная бесѣда между двумя друзьями, чѣмъ разсужденіе, предназначенное для публики.

Настояніе друзей—обычное оправданіе публикацій, авторы которыхъ боятся признаться, что они сами добивались ихъ. Но, какъ вамъ извѣстно, я могу по совѣсти сказать, что если бы нѣкоторыя лица, слышавшія о моихъ письмахъ, не выразили настойчиваго желанія увидѣть ихъ, а затѣмъ имѣть ихъ напечатанными, то они до сихъ поръ покоились бы въ частныхъ рукахъ, для которыхъ предназначались. Но высказавъ убѣжденіе, что мой бѣглый набросокъ можетъ принести пользу, если будетъ сдѣланъ доступнымъ для болѣе широкой публики, люди, мнѣніе которыхъ я высоко цѣню, затронули то, что всегда имѣло особенное значеніе въ моихъ глазахъ; ибо я считаю непремѣннымъ долгомъ каждаго оказывать родинѣ всѣ услуги, какія онъ можетъ оказать ей, и не вижу, въ чемъ же будетъ полагать различіе между собою и своимъ скотомъ тотъ, кто живетъ безъ этой мысли. Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ такое важное значеніе, правильный способъ воспитанія дѣтей такъ общеполезенъ, что если бы я считалъ мои способности соотвѣтствующими моимъ желаніямъ, то не нуждался бы въ увѣщаніяхъ и настояніяхъ со стороны другихъ. Какъ бы то ни было, незначительность этихъ замѣтокъ и мое справедливое недовѣріе къ нимъ не помѣшаютъ мнѣ— изъ стыда сдѣлать такъ мало—внести мою лепту, разъ отъ меня требуется только выпустить ихъ въ обращеніе. И если у нихъ найдутся еще читатели такого же калибра и такихъ же свѣдѣній, какъ тѣ, которые одобрили ихъ настолько, что признали достойными печати, то я могу льстить себя надеждой, что трудъ, затраченный на ихъ чтеніе, ни для кого не окажется потеряннымъ попусту.

Ко мнѣ самому обращались въ послѣднее время за совѣтомъ столько лицъ, признающихся въ своемъ недоумѣніи, какъ имъ воспитывать своихъ дѣтей, а жалобы на раннюю испорченность молодежи сдѣлались теперь до такой степени общими, что нельзя обвинять въ чрезмѣрной дерзости того, кто выступаетъ публично съ обсужденіемъ этого вопроса и предлагаетъ что-либо, хотя бы лишь съ цѣлью поощрить другихъ или ускорить дѣло исправленія; вѣдь ошибки въ воспитаніи менѣе терпимы, чѣмъ гдѣ-либо. Подобно неправильностямъ на первой стадіи пищеваренія, которыя уже не исправляются на второй и третьей, онѣ приносятъ неисправимый ущербъ, остающійся на всѣхъ позднѣйшихъ ступеняхъ и стадіяхъ жизни.

Я такъ мало пристрастенъ къ своимъ предложеніямъ, что, уже

имѣя въ виду вашу пользу, ничуть не огорчился бы, если бы кто-нибудь болѣе способный и лучше подготовленный къ такой задачѣ, исправилъ мои ошибки въ основательномъ трактатѣ о воспитаніи, приспособленномъ къ нуждамъ нашей англійской джентри; для меня гораздо желательнѣе, чтобы воспитаніе и образованіе молодого джентльмена было поставлено на правильный путь (о чемъ слѣдовало бы заботиться каждому), чѣмъ чтобы мое мнѣніе объ этомъ было принято. Вы не откажетесь, впрочемъ, засвидѣтельствовать, что предлагаемый здѣсь методъ далъ не заурядные результаты въ примѣненіи къ сыну одного джентльмена, хотя и не предназначался для него. Я не стану отрицать, что хорошій характеръ ребенка много содѣйствовалъ этому; но думаю, что вы и его родители убѣдились въ томъ, что противуположные пріемы, соотвѣтствующіе обычной муштровкѣ дѣтей, не улучшили бы этого характера, не внушили бы ему любви къ книгамъ, охоты къ ученію и желанія научиться большему, чѣмъ думали его научить пекшіеся о немъ.

Но я не собираюсь рекомендоватъ этотъ трактатъ ни вамъ, чье мнѣніе о немъ мнѣ извѣстно, ни свѣту, опираясь на ваше мнѣніе или покровительство. Хорошее воспитаніе дѣтей—такая существенная обязанность и забота родителей, отъ него до такой степени зависитъ благополучіе и процвѣтаніе націи, что каждому слѣдовало бы принимать его близко къ сердцу, и, тщательно разсмотрѣвъ и обсудивъ то, что совѣтуютъ въ данномъ случаѣ капризъ, обычай и разумъ, содѣйствовать съ своей стороны повсемѣстному осуществленію того способа воспитанія молодежи, который, принимая въ соображеніе различныя условія ея жизни, всего легче, быстрѣе и вѣрнѣе создаетъ добродѣтельныхъ, полезныхъ и способныхъ къ осуществленію своихъ различныхъ призваній людей; хотя всего важнѣе позаботиться о призваніи молодыхъ джентльменовъ. Ибо, если представители этого класса будутъ поставлены на вѣрный путь воспитаніемъ, то они быстро приведутъ въ порядокъ все остальное.

Не знаю, достигъ ли я въ этомъ краткомъ разсужденіи чего-либо, кромѣ выраженія моихъ желаній; такое, какъ оно есть, оно находится теперь въ рукахъ публики, и если въ немъ найдется что-либо, достойное ея вниманія, то благодарность принадлежатъ вамъ. Моя привязанность къ вамъ послужила первымъ толчкомъ къ его возникновенію и мнѣ пріятно оставить потомству этотъ знакъ дружбы, существовавшей между нами, такъ какъ я не знаю большаго удовольствія въ этой жизни, ни лучшаго воспоминанія, какое можно оставить по себѣ, чѣмъ продолжительная непрерывная дружба съ честнымъ, полезнымъ и достойнымъ человѣкомъ, любящимъ свою страну.

Остаюсь, сэръ,

Вашъ покорнѣйшій

и преданнѣйшій слуга

Джонъ Локкъ.

Марта 7, 1693.

Мысли о воспитанiи.

I. Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ [1]),—вотъ краткое, но полное описанiе счастливаго состоянiя въ этомъ мiрѣ. Кто обладаетъ ими обоими, тому немногаго остается желать; а кто лишенъ того или другого—тому плохо поможетъ какая угодно замѣна. Счастье или несчастье человѣка создается большею частью имъ самимъ. Тотъ, чей духъ управляетъ неразумно, никогда не найдетъ вѣрнаго пути, а тотъ, чье тѣло хрупко и слабо, не будетъ въ состоянiи двигаться по немъ. Правда, есть люди, обладающiе такой мощной и такъ хорошо устроенной отъ природы конституцiей тѣла и духа, что они не особенно нуждаются въ помощи другихъ, но силой своего природнаго генiя отъ колыбели влекутся къ лучшему и, пользуясь привилегiей своей счастливой конституцiи, способны творить чудеса. Но примѣры этого рода немногочисленны и я, кажется, могу сказать, что изъ всѣхъ людей, съ которыми мы встрѣчаемся, девять десятыхъ [2]) становятся тѣмъ, что они есть, добрыми или злыми, полезными или нѣтъ, благодаря воспитанiю. Оно то и создаетъ великую разницу между людьми. Слабыя или почти нечувствительныя впечатлѣнiя въ нашемъ раннемъ дѣтствѣ, имѣютъ очень важныя и длящiяся послѣдствiя: такъ у источниковъ нѣкоторыхъ рѣкъ небольшое усилiе можетъ отвести послушныя воды въ русло, которое заставитъ ихъ течь почти въ про-

---

[1]) Локкъ имѣетъ въ виду знаменитый стихъ Ювенала: «Orandum est ut sit mens sana in corpore sano». (Надо молиться о томъ, чтобы здоровый духъ былъ въ здоровомъ тѣлѣ). Сатира X, 356.—Д.

[2]) См. замѣчанiе Галлама (цит. стр. 24) по поводу этого мѣста. Подъ «воспитанiемъ» Локкъ подразумѣваетъ здѣсь нетолько школьное воспитанiе, но и всѣ внѣшнiя влiянiя, которыя помогаютъ человѣку формироваться. «Воспитанiе подразумѣваетъ»—говоритъ Джонъ Стюартъ Милль—«не только то, что мы сами дѣлаемъ для себя и что другiе дѣлаютъ для насъ, съ сознательнымъ намѣренiемъ приблизить насъ, насколько возможно, къ человѣческому совершенству, но и нѣчто гораздо большее: въ своемъ широчайшемъ значенiи оно охватываетъ также косвенныя дѣйствiя, производимыя на характеръ и способности человѣка вещами, прямая цѣль которыхъ совершенно иная: законами, формами правленiя, промышленными искусствами, строемъ общественной жизни; даже физическими факторами, не зависящими отъ воли человѣка: климатомъ, почвой и мѣстоположенiемъ. Все, что помогаетъ формировать человѣка, дѣлать индивидуума тѣмъ, что онъ есть, или препятствуетъ ему сдѣлаться инымъ, чѣмъ онъ есть, составляетъ часть его воспитанiя». (Inaugural address at St. Andrews)—Д.

тивуположную сторону и, благодаря этому легкому направленію, сообщенному у источника, они получаютъ различныя устремленія и достигаютъ, наконецъ, очень удаленныхъ и далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстъ [1]).

2. Я полагаю, что дѣтскія души могутъ быть направлены въ ту или другую сторону такъ же легко, какъ вода; и хотя это самая существенная часть воспитанія, и намъ слѣдуетъ заботиться главнымъ образомъ о внутреннемъ, но и «глиняной хижиной» [2]) нельзя пренебрегать. Я начну, поэтому, съ оболочки и займусь сначала здоровьемъ тѣла, какъ вы, можетъ быть, и ожидаете отъ меня въ виду моихъ спеціальныхъ занятій [3]), а также и потому, что всего скорѣе покончу съ этимъ предметомъ, который, если не ошибаюсь, не займетъ много мѣста.

(Отдѣлъ I. §§ 3—30).

(О здоровьи).

3. Какъ необходимо здоровье для нашихъ дѣлъ и счастья и какъ нужна сильная конституція, способная выносить лишенія и усталость, для всякаго, кто хочетъ играть какую-нибудь роль въ свѣтѣ,—настолько очевидно, что не требуетъ доказательствъ.

4. Въ моихъ разсужденіяхъ о здоровьи я буду говорить не о томъ, что долженъ дѣлать врачъ для больного или хилаго ребенка, а о томъ, что слѣдуетъ дѣлать родителямъ, безъ помощи врача, для сохраненія и поддержанія здоровой или по крайней мѣрѣ, не болѣзненной конституціи у своихъ дѣтей. А это, пожалуй, можно выразить въ одномъ коротенькомъ правилѣ, именно: джентльмены должны воспитывать своихъ дѣтей такъ же, какъ честные фермеры и зажиточные іомены [4]) воспитываютъ своихъ. Но такъ какъ матери, пожалуй, найдутъ это положеніе черезчуръ грубымъ, а отцы—черезчуръ краткимъ, то я объяснюсь болѣе обстоятельно, положивъ въ основу, въ качествѣ общаго и достовѣрнаго наблюденія, рекомендуемаго вниманію женщинъ, тотъ фактъ, что конституціи большинства дѣтей портятся или, по крайней мѣрѣ, терпятъ ущербъ вслѣдствіе баловства и изнѣживанія.

---

[1]) «Каждый новый воспитатель оказываетъ менѣе сильное дѣйствіе чѣмъ его предшественникъ; такъ что въ концѣ концовъ, если разсматривать жизнь, какъ воспитательное учрежденіе, всѣ націи, съ которыми встрѣчается мореплаватель, объѣхавшій вокругъ свѣта, менѣе вліяютъ на него, чѣмъ его нянька».—Жанъ Поль Рихтеръ. Предисловіе къ Levana.—Д.

[2]) «Clay cottage», т. е. бренная оболочка, тѣло. Ср.: «Lord, be pleased to shake my clay cottage before Thou throwest it down». (Боже да будетъ тебѣ угодно разбить мою бренную оболочку прежде чѣмъ уничтожить её). Fuller, Good Thoughts in Bad Times.).—Д.

[3]) Медициной (ср. «Жизнь Локка»).

[4]) Jeoman—мелкій земельный собственникъ. Пер.

(О теплѣ).

5. Первое, о чемъ слѣдуетъ позаботиться,—это, чтобы дѣти не одѣвались и не закутывались черезчуръ тепло ни зимою, ни лѣтомъ. Когда мы родимся, наше лицо такъ же нѣжно, какъ всякая другая часть тѣла. Только привычка закаляетъ его и дѣлаетъ болѣе способнымъ выносить холодъ.

По этому поводу одинъ скифскій философъ далъ очень характерный отвѣтъ афинянину, удивлявшемуся, какъ онъ можетъ ходить нагимъ въ морозъ и снѣгъ.—«Отчего—спросилъ скифъ—твое лицо можетъ выносить холодный зимній воздухъ»?—«Мое лицо привыкло къ этому»—отвѣчалъ афинянинъ.—«Представь же себѣ, что я весь лицо»,—сказалъ скифъ [1]). Наши тѣла могутъ переносить все, къ чему они пріучились съ самаго начала.

Замѣчательный примѣръ того, что можетъ сдѣлать привычка, подходящій къ нашей темѣ, хотя и относящійся къ противуположной крайности—жарѣ—я нашелъ въ одномъ интересномъ новѣйшемъ путешествіи [2]), и приведу его словами автора: «жара—говоритъ онъ—на Мальтѣ сильнѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было части Европы: она превосходитъ даже римскую и удушлива невыносимо; тѣмъ болѣе, что здѣсь рѣдко дуютъ освѣжающіе вѣтры. Отъ этого кожа у простонародья черна, какъ у цыганъ, но крестьяне не боятся солнца; они работаютъ въ самое жаркое время дня, безъ перерыва, и не укрываясь отъ палящихъ лучей. Это убѣдило меня, что природа можетъ осуществить многое, что кажется невозможнымъ, лишь бы мы пріучались съ дѣтства. Мальтійцы достигаютъ такихъ результатовъ, закаляя и пріучая къ жарѣ тѣла своихъ дѣтей, которыхъ съ колыбели до десятилѣтняго возраста водятъ нагими, безъ рубашекъ, безъ панталонъ и съ обнаженными головами».

Позвольте мнѣ, въ виду этого, посовѣтовать вамъ не слишкомъ усердно оберегаться отъ холода въ нашемъ климатѣ. Есть въ Англіи люди [3]), которые носятъ одно и то же платье зимою и лѣтомъ, и притомъ безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій и не страдая отъ холода сильнѣе, чѣмъ другіе. Но если мать требуетъ уступки морозу и снѣгу изъ опасенія вреда, а отецъ изъ опасенія осужденія, то пусть по крайней мѣрѣ не дѣлаютъ его зимняго платья черезчуръ теплымъ; и

---

[1]) Эта исторія разсказана у Эліана нѣсколько иначе: «Одинъ скифскій царь, увидѣвъ кого-то изъ своихъ подданныхъ почти нагимъ въ сильную мятель, спросилъ его, неужели онъ не зябнетъ.—«Зябнетъ ли твое лицо»?—возразилъ тотъ. Царь отвѣчалъ отрицательно.—«Представь же себѣ, что я весь лицо»!—сказалъ скифъ». (Var. Hist. vii 6). Ст. Дж.

Костъ говоритъ, что скифскій философъ, о которомъ идетъ рѣчь, Анахарсисъ, но не указываетъ источника.—Д.

[2]) Nouveau Voyage du Levant.

[3]) По словамъ Коста, Ньютонъ, за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, говорилъ ему, что онъ носитъ одинаковое платье зимою и лѣтомъ.—Д.

помнять, между прочимъ, о томъ, что если природа такъ хорошо одѣла голову волосами, и укрѣпляетъ ихъ въ возрастѣ одного-двухъ лѣтъ настолько, что онъ можетъ цѣлый день бѣгать безъ шапки, то и ночью лучше ему оставаться съ непокрытой головой; ничто такъ не располагаетъ къ головнымъ болямъ, простудамъ, катаррамъ и разнымъ другимъ заболѣваніямъ, какъ привычка держать голову въ теплѣ.

6. Я сказалъ «онъ» потому, что мое разсужденіе имѣетъ въ виду главнымъ образомъ воспитаніе, съ дѣтскихъ лѣтъ, молодого джентльмена, которое не вполнѣ сходится съ воспитаніемъ дочерей; при этомъ не трудно разобрать, въ чемъ именно разница пола требуетъ различнаго обращенія.

7. Я бы совѣтовалъ также ежедневно обмывать ему ноги холодной водой и шить ему обувь настолько тонкую, чтобы она могла промокать и пропускать воду, когда ему случиться ступить въ нее. Боюсь, что въ этомъ случаѣ хозяйки и служанки будутъ противъ меня. Первыя скажутъ, что это черезчуръ грязно, а вторыя найдутъ, пожалуй, черезчуръ хлопотливымъ чистить его чулки. Но дѣло-то въ томъ, что его здоровье гораздо, вдесятеро, дороже всѣхъ подобныхъ соображеній. И всякій, кто подумаетъ о томъ, какъ вредно и опасно промачивать ноги людямъ, получившимъ деликатное воспитаніе, пожалѣетъ, что не бѣгалъ босикомъ, подобно дѣтямъ бѣдныхъ людей, которыя, такимъ способомъ, до того привыкаютъ ходить съ мокрыми ногами, что это причиняетъ имъ не больше страданія или вреда, чѣмъ мокрыя руки. Да и что, какъ не привычка, создаетъ такую разницу между руками и ногами? Я не сомнѣваюсь, что если бы человѣкъ отъ колыбели пріучался ходить босикомъ, тогда какъ руки его были бы постоянно одѣты въ теплыя митенки и «ручные башмаки», какъ голландцы называютъ перчатки [1]), я не сомнѣваюсь, что такой обычай сдѣлалъ бы промачиваніе рукъ настолько же опаснымъ для него, насколько теперь опасно для очень многихъ промачиваніе ногъ. Чтобы предупредить это, нужно дѣлать обувь, пропускающую воду, и ежедневно мыть ноги холодной водой. Эту мѣру можно рекомендовать въ видахъ чистоплотности; но я, собственно имѣю въ виду здоровье и потому не пріурочиваю обмыванія ногъ къ какому-нибудь опредѣленному времени дня. Мнѣ извѣстенъ случай, когда оно практиктовалось съ большимъ успѣхомъ каждый вечеръ въ теченіе всей зимы, не пропуская ни одного дня, въ очень холодной водѣ; даже когда ее покрывала толстая пленка льда, ребенокъ обмывалъ въ ней ступни и ноги, хотя былъ еще такъ малъ и слабъ, что не могъ самъ вытирать и осушать ихъ; а когда къ нему начали примѣнять эту мѣру, онъ былъ очень нѣжный пискунъ. Но такъ какъ главная цѣль— закалить эти части посредствомъ частаго и привычнаго употребленія холодной воды и такимъ образомъ предупредить вредныя послѣдствія,

---

[1]) Голланд. «Handschoen» (нѣмецк. «Handschuh») — перчатка—буквально значитъ: «ручной башмакъ».—Пер.

которыми обычно сопровождается случайное промачиванiе ногъ у тѣхъ, кто воспитанъ иначе, то я думаю, что можно предоставить благоразумiю и удобствамъ родителей выборъ вечера или утра; время кажется мнѣ безразличнымъ, лишь-бы мѣра дѣйствительно примѣнялось. Прiобрѣтаемыя, благодаря ей, здоровье и крѣпость были-бы хорошей покупкой даже при гораздо болѣе дорогой цѣнѣ. Она-же, прибавлю, предохраняетъ отъ мозолей, что для нѣкоторыхъ людей будетъ весьма важнымъ соображенiемъ. Только начинайте весною съ тепловатой воды, переходя постепенно къ болѣе и болѣе холодной, пока черезъ нѣсколько дней не перейдете къ совершенно холодной водѣ, которую и продолжайте примѣнять зимою и лѣтомъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отступленiяхъ отъ обычнаго порядка жизни, измѣненiя должны происходить постепенно и нечувствительно; такимъ образомъ мы можемъ прiучить наше тѣло ко всему, не подвергая его страданiямъ и опасностямъ.

Не трудно предвидѣть, какъ отнесутся любящiя матери къ этому ученiю. Подвергать такому обращенiю нѣжныхъ малютокъ,— да развѣ это не значитъ убивать ихъ? Какъ! Погружать ихъ ноги въ холодную воду, въ морозъ и снѣгъ, когда и безъ того не знаешь, какъ ихъ согрѣть! Попытаюсь нѣсколько ослабить этотъ страхъ примѣрами, безъ которыхъ самые очевидные резоны рѣдко выслушиваются: Сенека [1]) разсказываетъ намъ, что онъ имѣлъ привычку купаться зимою въ холодной ключевой водѣ. Врядъ-ли бы онъ сталъ такъ поступать, если-бы не считалъ этого не только выносимымъ, но и здоровымъ, такъ какъ огромное состоянiе позволяло ему имѣть теплыя ванны, а возрастъ (онъ былъ въ это время уже старикъ) извинялъ-бы и большiя послабленiя. Не думаете-ли вы, что къ этой суровости его побуждали стоическiе принципы,—пусть такъ; допустимъ, что онъ закаливалъ себя водой, согласно ученiю своей секты. Но что же дѣлало этотъ режимъ полезнымъ для его здоровья? Вѣдь оно не страдало отъ этой суровой привычки. А что сказать о Горацiи [2]), который не увлекался никакой сектой и всего менѣе сочувствовалъ стоическимъ строгостямъ? Между тѣмъ, онъ сообщаетъ намъ, что привыкъ купаться зимою въ холодной водѣ. Но можетъ быть ука-

---

[1]) Epist. Liii: «Вспомнивъ о моемъ старомъ искусствѣ, я погрузился въ море въ моемъ шерстяномъ нижнемъ платьѣ». Epist LXXXiii: «Я, славившiйся выносливостью къ холодной водѣ, купался въ Эврипѣ въ январьскiя календы».—Д.

[2]) Epist. I. XV. 4:

«Nam mihi Baias

Musa supervacuas Antonius, et tamen illis
Me facit invisum, gelida quum perluor unda
Per medium frigus».

(Ибо Антонiй Муза считаетъ для меня Байи безполезными; и тѣмъ не менѣе дѣлаетъ меня ненавистнымъ для нихъ, когда я купаюсь въ ледяной водѣ посреди зимы). Горацiй былъ воплощенiемъ эпикурейства и слѣдовательно совершенно чуждъ воззрѣнiямъ стоиковъ.—Д.

жутъ на то, что Италія гораздо теплѣе Англіи, и воды ея не такъ холодны, какъ наши зимою. Но если рѣки Италіи теплѣе, то германскія и польскія рѣки гораздо холоднѣе нашихъ; а между тѣмъ, евреи, какъ мущины такъ и женщины, купаются въ нихъ во всѣ времена года безъ всякаго вреда для здоровья. Не всякій также повѣритъ, что холодныя воды знаменитаго источника св. Уинфреда[1]) не причиняютъ вреда купающимся въ нихъ нѣжнымъ тѣламъ вслѣдствіе чуда или какихъ-либо особенныхъ свойствъ. Всѣмъ извѣстно теперь, какія чудеса дѣлаютъ холодныя ванны въ смыслѣ возстановленія здоровья и силы разстроенныхъ и слабыхъ конституцій; слѣдовательно, ихъ нельзя считать невыносимыми или не примѣнимыми для поправленія и укрѣпленія тѣла тѣхъ, которые находятся въ гораздо лучшихъ условіяхъ.

Если вы думаете, что эти примѣры взрослыхъ людей не годятся для дѣтей и считаете послѣднихъ черезчуръ нѣжными и не способными вынести подобное обращеніе, то посмотрите, какъ поступали съ ними древніе германцы [2]) и какъ поступаютъ современные ирландцы, и вы увидите, что дѣти, которыя кажутся вамъ такими нѣжными, также могутъ выносить безъ всякой опасности обмываніе не только ногъ, но и всего тѣла холодной водою. И теперь еще въ горной Шотландіи есть женщины, которыя примѣняютъ эту мѣру къ своимъ дѣтямъ посреди зимы и находятъ, что холодная вода не причиняетъ имъ вреда, если даже въ ней плаваетъ ледъ [3]).

---

[1]) Находится въ Голиуеллѣ (Флинтшайръ); пользовался когда-то славой цѣлебнаго источника и привлекалъ множество пилигримовъ.—Д.

[2]) Тацитъ опредѣленно говоритъ о германцахъ, что «проснувшись утромъ, обыкновенно очень поздно, они купаются, преимущесвенно въ теплой водѣ, такъ какъ здѣсь преобладаетъ главнымъ образомъ холодная погода». (Germania, 22).—Д.

[3]) «Новорожденныя дѣти въ Спартѣ подвергались этому испытанію; но оно устраивалось такъ, что болѣе слабыя—которыя впрочемъ въ позднѣйшей жизни часто оказывались наиболѣе цѣнными членами государства—легко погибали при этомъ. Подобный же обычай господствовалъ нѣкогда у многихъ варварскихъ народовъ сѣвера, въ томъ числѣ у шотландцевъ, о которыхъ упоминаетъ Вирэй. «Многіе народы сѣвера», замѣчаетъ онъ, «погружали своихъ новорожденныхъ дѣтей въ холодную воду или даже клали ихъ на снѣгъ; этотъ обычай существовалъ у шотландцевъ, ирландцевъ, древнихъ гельветовъ и германцевъ, первоначальныхъ обитателей Италіи, о которыхъ поэтъ сказалъ:

Durum e stirpe genus: natos ad flumina primum
Deferimus, saevoque gelu duramus et undis.

(Суровый искони родъ: новорожденныхъ несемъ сначала къ рѣкамъ и закаляемъ жестокимъ холодомъ и водою). Морлаки, исландцы, сибирскія племена и многіе другіе примѣняютъ еще и нынѣ этотъ обычай, который съ раннихъ лѣтъ пріучаетъ человѣка къ холоду и закаляетъ его здоровье; при всемъ томъ нужно опасаться затвердѣнія клѣточной ткани, отъ которой кожа синѣетъ и дѣти гибнутъ. (Hist. Nat. du genre humain tome I. pp. 89, 90)». Ст. Дж.

(Плаванiе).

8) Мнѣ нѣтъ надобности распространяться о плаванiи, когда ребенокъ достигнетъ такого возраста, что можно ему учиться и когда есть кому его учить. Это искусство спасло жизнь многимъ и римляне [1]) считали его настолько необходимымъ, что ставили на ряду съ грамотностью; и говорили о необразованномъ, ни на что не годномъ человѣкѣ, что онъ не научился ни читать, ни плавать: *Nec literas didicit nec natare* [2]). Но независимо отъ искусства, которое можетъ пригодиться ему при случаѣ, выгоды частаго купанья въ холодной водѣ въ лѣтнiя жары такъ многочисленны, что, мнѣ кажется, нѣтъ надобности толковать объ этомъ; лишь-бы соблюдалась одна предосторожность: не позволять ребенку входить въ воду, пока онъ разгоряченъ упражненiемъ, взволновавшимъ его кровь или пульсъ.

(Воздухъ).

9. Другая, очень важная для всякаго, особливо для дѣтей, вещь— дольше оставаться на свѣжемъ воздухѣ и какъ можно меньше у огня, даже зимою. Это также будетъ прiучать къ жарѣ и холоду, къ солнцу и дождю; а если тѣло человѣка не привыкнетъ переносить все это, оно будетъ плохо служить ему на этомъ свѣтѣ; взрослому-же слишкомъ поздно начинать прiучаться. Привычку надо прiобрѣтать рано и постепенно. Такимъ способомъ тѣло можно прiучить почти ко всему. Если я посовѣтую предоставлять ребенку бѣгать на вѣтру и на солнцѣ безъ шапки, то врядъ ли мои слова найдутъ сочувствiе. Мнѣ сдѣ-

---

[1]) «Въ этомъ, какъ и почти во всемъ остальномъ, римляне были только разумными подражателями грековъ. По законамъ Солона каждый аѳинянинъ долженъ былъ умѣть читать и плавать (Petit. Legg. Att. p. 239); и для народа, чье величiе, можно даже сказать, почти все существованiе зависѣло отъ его высокаго искусства въ мореходномъ дѣлѣ, плаванiе было почти также полезно, какъ грамота. Франклинъ въ письмѣ къ Оливеру Нилю высказалъ по этому поводу нѣсколько дѣльныхъ замѣчанiй; давъ своему другу указанiя, какъ прiобрѣсти это искусство и пр., онъ прибавляетъ: «научитесь хорошенько плавать; я-бы желалъ, чтобы всѣ люди учились этому въ юности; это искусство во многихъ случаяхъ оказалось-бы для нихъ полезнымъ и сдѣлало бы ихъ счастливѣе, свободнѣе отъ тягостныхъ ощущенiй опасности, не говоря уже объ удовольствiи, которое доставляетъ такое прекрасное и здоровое упражненiе. Солдатъ въ особенности, думается мнѣ, слѣдуетъ обучать плавать: это нерѣдко можетъ понадобиться при погонѣ за непрiятелемъ или чтобы спастись самимъ. И еслибы мнѣ нужно было отдавать въ ученiе мальчиковъ, я предпочелъ-бы такую школу (при прочихъ равныхъ условiяхъ), гдѣ возможно научиться этому полезному искусству, которое, разъ прiобрѣтенное, уже никогда не забывается». Ст. Дж.

[2]) Тоже выраженiе было въ ходу у грековъ: μήτε νεῖν, μήτε γράμματα ἐπίσταται—Д.

лаютъ тысячу возраженій, которыя, впрочемъ, сказать по правдѣ, сводятся въ концѣ концовъ къ одному: что онъ загоритъ отъ солнца. Но держать юнаго джентльмена всегда въ тѣни и никогда не выпускать его на солнце и вѣтеръ, изъ опасенія за цвѣтъ его лица, это быть можетъ, хорошій способъ сдѣлать изъ него красавчика (a beau) [1], но отнюдь не дѣльнаго человѣка. И хотя красота дочерей требуетъ большаго попеченія, но я возьму на себя смѣлость сказать, что чѣмъ больше времени онѣ будутъ проводить на воздухѣ, безъ ущерба для своихъ лицъ, тѣмъ будутъ сильнѣе и здоровѣе; и чѣмъ ближе ихъ воспитаніе будетъ подходить въ отношеніи суровости къ воспитанію ихъ братьевъ, тѣмъ полезнѣе оно окажется для всей ихъ послѣдующей жизни [2].

(О привычкахъ).

10. Игра на открытомъ воздухѣ сопряжена, насколько я знаю, только съ одной опасностью; именно, ребенку, вспотѣвшему отъ бѣготни, вредно садиться или ложиться на холодную или влажную землю. Съ этимъ я согласенъ; также и холодное питье, когда человѣкъ вспотѣлъ отъ работы или упражненія, сводитъ въ могилу или приво-

[1] «Законы Спарты, неблагопріятные для изнѣженности, запрещали мущинѣ быть блѣднымъ или жирнымъ; первое указывало на то, что онъ рѣдко бываетъ на солнцѣ; второе—на уклоненіе отъ мужескихъ упражненій или на чрезмѣрную преданность удовольствіямъ стола. Разъ въ десять дней эфебы, или молодежь, являлись нагими передъ эфорами, которые осматривали, хорошей-ли скульптуры ихъ тѣла, по характерному выраженію Эліана, или обнаруживаютъ наклонность къ ожирѣнію! Однажды, когда тѣло Навклида, сына Полибіада, оказалось болѣе полнымъ, чѣмъ разрѣшалъ законъ, молодой человѣкъ былъ публично удаленъ изъ собранія, причемъ ему пригрозили изгнаніемъ, если онъ не спуститъ лишній жиръ. (Aelian Var. Hist. lib. XiV. C. 7)». Ст. Дж.

[2] Значительная часть содержанія этой главы находится у Монтэня: «Опыты» XX и XXVii. Въ первомъ Монтэнь говоритъ: «Пріучайте его къ жару и холоду, къ солнцу и вѣтру, и къ опасностямъ, которыми онъ долженъ пренебрегать. Устраняйте отъ него всякую изнѣженность и изысканность въ одеждѣ и помѣщеніи, въ ѣдѣ и питьѣ, чтобы изъ него вышелъ не дамскій угодникъ, не салонный витязь, а закаленный, смѣлый и сильный молодой человѣкъ». Въ опытѣ XXVii (объ обычаѣ носить одежду) онъ говоритъ: «Если бъ необходимость носить юбки и панталоны была для насъ прирожденной, то безъ сомнѣнія природа укрѣпила бы тѣ части тѣла, которыя должны подвергаться суровости стихій болѣе толстой кожей, какъ она сдѣлала это съ концами пальцевъ и подошвами ногъ. Разница между моимъ платьемъ и одеждой нашего крестьянина гораздо больше, чѣмъ между нимъ и совершенно неодѣтымъ человѣкомъ. Какъ много людей, особливо въ Турціи, ходятъ почти нагими изъ благочестія. Кто-то встрѣтивъ зимою нищаго въ одной рубахѣ, но не уступавшаго весельемъ и бодростью ему, закутанному по уши въ мѣха, спросилъ, какъ можетъ онъ выносить такой холодъ?—«Очень просто, сударь,—отвѣтилъ тотъ—ваше лицо выноситъ его, а я весь—лицо». Локкъ былъ усердный читатель Монтэня, какъ мы узнаемъ изъ вступленія къ его дневнику. См. Lord King, Life of Locke, p. 159. Д.

дитъ на край гроба, порождая лихорадку и другія заболѣванія, больше людей, чѣмъ какая бы то ни было другая, извѣстная мнѣ причина. Эти вредныя вліянія не особенно трудно предупредить, пока ребенокъ малъ, такъ какъ въ это время онъ рѣдко остается безъ надзора. Если-же въ дѣтскіе годы ему постоянно и строго запрещаютъ садиться на землю или пить холодную жидкость, когда онъ вспотѣлъ, то эта предосторожность, превратившись въ привычку, будетъ много способствовать его сохраненію, когда онъ выйдетъ изъ-подъ надзора гувернантки или воспитателя. Это, по моему мнѣнію, все, что можетъ быть сдѣлано въ данномъ случаѣ; такъ какъ съ возрастомъ должна являться свобода; и въ очень многихъ вещахъ придется предоставить его самому себѣ, въ виду невозможности вѣчно хранить надъ нимъ надзоръ, исключая того, который вы вложили въ его душу въ видѣ хорошихъ принциповъ и укоренившихся привычекъ, что и составляетъ самый лучшій и самый надежный надзоръ, о которомъ, поэтому, всего болѣе слѣдуетъ позаботиться. Отъ повторенія же предостереженій и правилъ, если они не осуществляются всякій разъ на дѣлѣ, вы, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, можете ожидать пользы лишь постольку, поскольку практика превратитъ ихъ въ привычки.

(Одежда).

11. Упоминаніе о дѣвочкахъ приводитъ мнѣ на мысль одну вещь, о которой не слѣдуетъ забывать; именно, что платье вашего сына не должно быть тѣсно, особливо на груди. Предоставимъ природѣ формировать тѣло такъ, какъ она находитъ лучшимъ. Сама по себѣ, она работаетъ гораздо лучше и вѣрнѣе, чѣмъ если мы вздумаемъ направлять ее. И еслибы женщины могли сами формировать тѣла своихъ дѣтей въ своихъ утробахъ, какъ онѣ часто пытаются исправлять ихъ формы послѣ рожденія, то у насъ, конечно, не рождалось бы безупречно сложенныхъ дѣтей, какъ мало найдется правильно сформированныхъ среди тѣхъ, которыя подвергались шнуровкѣ и другимъ стѣсненіямъ. Это соображеніе, думается мнѣ, должно-бы было удержать занятыхъ этимъ людей (я не говорю о невѣжественныхъ мамкахъ и корсетныхъ мастерахъ) отъ вмѣшательства въ дѣло, котораго они не понимаютъ; и имъ слѣдовало-бы опасаться сбивать природу съ ея путей въ формированіи частей тѣла, разъ они не знакомы съ устройствомъ малѣйшей и маловажнѣйшей изъ нихъ. А между тѣмъ я видѣлъ столько дѣтей, терпѣвшихъ большой вредъ отъ тугой шнуровки, что могу придти лишь къ одному заключенію: кромѣ обезьянъ, есть и другія, еще менѣе разумныя созданія, которыя губятъ своихъ дѣтей безсмысленной нѣжностью и черезчуръ сильными объятіями.

12. Узкая грудь, короткое и зловонное дыханіе, слабыя легкія и искривленія—естественный и почти постоянный результатъ жесткаго

корсета, и платья, которое жметъ. Этотъ способъ формированія тонкихъ талій и изящныхъ формъ служитъ въ дѣйствительности только къ вящему обезображиванію ихъ. Да и не можетъ получиться ничего, кромѣ нарушенія пропорціональности частей, разъ что пища, изготовляемая въ различныхъ отдѣленіяхъ тѣла, не въ состояніи распредѣляться какъ ей указываетъ природа. Что-же удивительнаго, если, отлагаясь тамъ, гдѣ можетъ, въ какой нибудь неправильно затянутой части, она часто дѣлаетъ плечо или бедро выше или толще, чѣмъ требуется правильными пропорціями. Всѣмъ извѣстно, что китаянки (воображая въ этомъ не вѣсть какую красоту) обладаютъ очень маленькими ногами, потому что туго затягиваютъ и перевязываютъ ихъ съ дѣтства. Мнѣ случилось видѣть недавно пару китайскихъ башмаковъ, предназначенныхъ, какъ мнѣ говорили, для взрослой женщины; они были такъ непропорціонально малы сравнительно съ ногами нашихъ женщинъ того же возраста, что врядъ ли бы оказались впору даже для нашихъ маленькихъ дѣвочекъ. Кромѣ того, замѣчено также, что ихъ женщины очень малорослы и недолговѣчны; тогда какъ мужчины обыкновеннаго роста, не ниже другихъ народовъ, и доживаютъ до соотвѣтственнаго возраста. Эти дефекты женскаго пола въ ихъ странѣ приписываются нѣкоторыми неразумному стягиванію ногъ, отчего нарушается правильность кровообращенія и страдаетъ ростъ и здоровье всего тѣла. А какъ часто мы видимъ, что въ случаѣ поврежденія небольшой части ступни вывихомъ или ушибомъ, вся нога или бедро теряетъ силу и питаніе, и отсыхаетъ? Насколько же большихъ поврежденій можно ждать, если грудь, гдѣ помѣщается сердце и сѣдалище жизни, противоестественно стискивается и не можетъ достигнуть надлежащихъ размѣровъ?

(Пища).

13. Что касается пищи, то она должна быть очень проста и неизысканна; и я бы взялъ на себя смѣлость посовѣтовать не давать ребенку мяса, пока онъ ходитъ въ платьицѣ (coats) или по крайней мѣрѣ до двухъ или трехлѣтняго возраста. Но какъ бы ни было это полезно для его настоящаго и будущаго здоровья и силы, я боюсь, что врядъ ли на то согласятся родители, сами сбитые съ пути привычкой ѣсть много мяса и готовые думать, что ихъ дѣти, какъ и они сами, рискуютъ умереть съ голода, если не будутъ ѣсть мясо по крайней мѣрѣ дважды въ день. Я увѣренъ, что дѣти будутъ гораздо легче переносить прорѣзываніе зубовъ, гораздо менѣе страдать отъ болѣзней въ младенчествѣ и успѣшнѣе пріобрѣтать задатки здороваго и сильнаго сложенія, если нѣжныя маменьки и глупые слуги перестанутъ ихъ пичкать и если они не будутъ получать мяса въ теченіе первыхъ трехъ или четырехъ лѣтъ жизни.

Но если мой барчукъ не можетъ обойтись безъ мяса, то пусть получаетъ его только разъ въ день и какого нибудь одного сорта за

разъ. Говядина, баранина, телятина etc., безъ всякой приправы, кромѣ голода, всего лучше; и нужно внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ ѣлъ много хлѣба, одного и со всякимъ другимъ блюдомъ; а также, чтобы онъ хорошенько пережевывалъ твердую пищу. Мы, англичане, часто пренебрегаемъ этимъ; отсюда разстройство желудка и другія очень вредныя послѣдствія.

14. На завтракъ и ужинъ очень полезно давать дѣтямъ молока, молочный супъ, кашу на водѣ (water gruel), овсяную кашицу и тому подобныя блюда, употребительныя у насъ въ Англіи; нужно только позаботиться о томъ, чтобы они были просты, безъ примѣсей и съ очень небольшимъ количествомъ сахара, а еще лучше совсѣмъ безъ него; особенно же нужно избѣгать пряностей и другихъ приправъ, которыя горячатъ кровь. Слѣдуетъ также умѣренно солить ихъ пищу и не давать имъ сильно приправленныхъ блюдъ. Мы пріобрѣтаемъ охоту и пристрастіе къ приправамъ и стряпнѣ, къ которымъ пріучаетъ насъ привычка; а чрезмѣрное употребленіе соли не только вызываетъ жажду и заставляетъ много пить, но и оказываетъ дурное дѣйствіе на тѣло. Я думаю, что ломоть хорошо вымѣшаннаго и хорошо выпеченнаго полубѣлаго хлѣба [1]), иногда съ масломъ или сыромъ, иногда безъ нихъ, былъ-бы наилучшимъ завтракомъ для моего барчука. Я увѣренъ, что этотъ завтракъ не менѣе здоровъ и сдѣлаетъ его не менѣе сильнымъ человѣкомъ, чѣмъ разные деликатессы; да и нравиться будетъ не меньше, когда онъ привыкнетъ къ нему. Если онъ попроситъ ѣсть въ непоказанное время, не давайте ему ничего, кромѣ сухого хлѣба. Если онъ голоденъ, а не просто капризничаетъ, то хлѣба достаточно; если же не голоденъ, то не зачѣмъ ему и ѣсть. Этимъ вы достигните двухъ хорошихъ результатовъ. 1. Привычка заставитъ его полюбить хлѣбъ, ибо, какъ я уже сказалъ, нашему вкусу и нашимъ желудкамъ нравится то, къ чему мы ихъ пріучили. 2. Другое благо, достигаемое этимъ, заключается въ томъ, что вы не пріучите его ѣсть больше или чаще, чѣмъ требуетъ природа. Я не думаю, что всѣ народы обладаютъ одинаковымъ аппетитомъ: у однихъ желудки по природѣ сильнѣе, у другихъ слабѣе. Но я думаю, что многіе, не будучи отъ природы лакомками и обжорами, становятся таковыми въ силу привычки; и я вижу въ разныхъ странахъ, что люди, которые ѣдятъ только два раза въ день, такъ же веселы и сильны, какъ тѣ, которые пріучили свои желудки поднимать тревогу четыре или пять разъ. Римляне обыкновенно постились до ужина, [2]), и это была единственная настоящая ѣда даже для тѣхъ, которые ѣли болѣе одного раза въ день; такъ какъ тѣ, которые имѣли привычку завтракать, иные въ восемь, иные въ девять, иные въ десять, иные въ двѣнадцать часовъ или позднѣе, никогда не ѣли при этомъ мяса и не

---

[1]) Brown bread: хлѣбъ изъ непросѣянной пшеничной муки. Пер.

[2]) «Обычаи въ этомъ отношеніи измѣнялись въ различныя эпохи республики. У грековъ, даже въ Гомеровскія времена, было въ обычаѣ, какъ у насъ, ѣсть три, иногда четыре раза въ день». Ст. Дж.

заставляли готовить для себя особаго блюда. Августъ, [1]) когда онъ былъ величайшимъ монархомъ на землѣ, закусывалъ, по его словамъ, хлѣбомъ въ сухомятку въ своей колесницѣ. А Сенека [2]), разсказывая въ восемдесятъ третьемъ письмѣ о своихъ привычкахъ, когда онъ былъ старъ и его возрастъ оправдывалъ послабленія, говоритъ, что онъ обыкновенно съѣдалъ кусокъ хлѣба въ сухомятку вмѣсто полдника, не садясь за столъ, хотя при его состояніи онъ могъ бы заплатить за лучшее блюдо (еслибы требовало здоровье) такъ-же, какъ любой англійскій подданный, хотя бы двойную цѣну. Повелители міра росли на этой скудной пищѣ; и молодые джентльмены въ Римѣ не чувствовали недостатка силы или мужества изъ-за того, что ѣли только разъ въ день. Если-же и случалось иногда, что у кого-нибудь не хватало терпѣнія проподститься до ужина, ихъ единственной настоящей трапезы, то онъ съѣдалъ кусокъ хлѣба въ сухомятку или, самое большее, съ небольшимъ количествомъ винограда или другой легкой приправы, чтобы заморить червячка. Это требованіе умѣренности считалось настолько необходимымъ для здоровья и дѣла, что обычай садиться за столъ только разъ въ день устоялъ противъ наплыва роскоши, занесенной восточными походами и грабежами; и тѣ, которые отказались отъ старинной умѣренности въ ѣдѣ и стали задавать пиры, всетаки начинали ихъ только вечеромъ. Садиться за столъ больше одного раза въ день казалось настолько чудовищнымъ, что до временъ Цезаря считалось предосудительнымъ устраивать пиръ или садиться за обѣдъ до заката солнца [3]); а потому, если бы это не

---

[1]) Повидимому, Локкъ имѣетъ въ виду сообщеніе Светонія, который приводитъ въ Жизни Августа (гл. LXXVI) слѣдующія выдержки изъ писемъ императора: «Въ нашей путевой колесницѣ мы закусили хлѣбомъ съ финиками». Также: «Вернувшись въ носилкахъ домой изъ дворца, я съѣлъ кусокъ хлѣба съ изюмомъ».—Д.

[2]) Epist. LXXXIII: «Затѣмъ, не садясь за столъ, я съѣдаю ломоть хлѣба вмѣсто полдника, послѣ чего мнѣ не требуется мыть руки». Д.

[3]) Дѣловой день въ Римѣ начинался около девяти часовъ. Ему предшествовала легкая закуска, называвшаяся jentaculum. Она состояла изъ хлѣба, который обмакивали въ вино, или съѣдали съ какой-нибудь приправой. Марціалъ разсказываетъ, что мальчики по дорогѣ въ школу покупали въ качествѣ jentaculum пирожки у пекаря. Первой существенной ѣдой въ теченіе дня былъ prandium, соотвѣтствовавшій французскому déjeuner à la fourchette, и имѣвшій мѣсто въ полдень. Въ раннія времена полуденной трапезой была cena, а prandium игралъ роль завтрака; но постепенно cena была перенесена на болѣе позднее время. Prandium, состоялъ изъ мяса, горячаго и холоднаго, рыбы, овощей, фруктовъ и вина. Главной ѣдой былъ обѣдъ (cena), происходившій лѣтомъ около половины третьяго, а зимою около половины второго. Въ раннія времена обычнымъ блюдомъ за обѣдомъ, равно какъ и за завтракомъ, была похлебка изъ полбы, къ ней прибавлялись обыкновенно различныя овощи: горохъ, бобы, чечевица, капуста, порей и лукъ. Мясо рѣдко подавалось даже за столомъ богатыхъ. Даже хлѣбъ не всегда употреблялся. Обыкновенный обѣдъ состоялъ изъ трехъ перемѣнъ. На первую подавались такія кушанья, которыя, какъ предполагалось, возбуждали аппетитъ Затѣмъ слѣдовала въ старыя времена одна перемѣна, напримѣръ, свинина съ бобами; позднѣе-же шесть

казалось суровымъ, я считалъ бы самымъ подходящимъ давать моему барчуку на завтракъ только хлѣбъ. Вы не можете себѣ представить, какую силу имѣетъ привычка; и я приписываю большую часть нашихъ болѣзней привычкѣ англичанъ ѣсть слишкомъ много мяса и слишкомъ мало хлѣба.

(Время ѣды).

15. Что касается времени ѣды, то, по моему мнѣнію, самое лучшее избѣгать, насколько возможно, пріурочиванія ея къ опредѣленному часу [1]): такъ какъ, если онъ пріучится ѣсть въ извѣстное время, то его желудокъ будетъ требовать пищи въ обычный часъ и протестовать въ случаѣ ея отсутствія, либо раздражаясь до вреднаго излишества, либо ослабѣвая до потери аппетита. Поэтому, я бы не сталъ устанавливать опредѣленнаго времени для завтрака, обѣда и ужина, но измѣнялъ бы ихъ часы почти каждый день. Если же онъ захочетъ ѣсть въ промежуткахъ между ними, то давайте ему, всякій разъ, какъ онъ потребуетъ, хорошій хлѣбъ въ сухомятку. Если кто нибудь найдетъ этотъ режимъ черезчуръ суровымъ и скуднымъ для ребенка, то пусть онъ знаетъ, что ребенокъ, которому, кромѣ мяса за обѣдомъ и похлебки или чего-нибудь въ этомъ родѣ за ужиномъ, даются хорошій хлѣбъ и пиво [2]) всякій разъ, какъ онъ пожелаетъ,

---

или семь перемѣнъ. Напослѣдокъ подавался дессертъ, состоявшій изъ фруктовъ и печеній. (По Wilkins Roman Antiquities) —*Д.*

«Локкъ даетъ намъ слишкомъ благопріятный отзывъ о частной жизни богатыхъ римлянъ, какъ видно изъ современныхъ, болѣе обстоятельныхъ изслѣдованій. Уже во второмъ столѣтіи до Р. Ц. среди богатыхъ водворилась непрерывно возраставшая роскошь и не поддающаяся описанію распущенность, тогда какъ бѣдные классы изнемогали отъ голода и нищеты». *Ш.*

[1]) Современная гигіена, на основаніи точныхъ и тщательныхъ изслѣдованій надъ пищевареніемъ, пришла къ обратному выводу: регулярная ѣда въ опредѣленные часы дня чрезвычайно облегчаетъ пищевареніе и способствуетъ наиболѣе выгодному для организма усвоенію пищи. Пер.

[2]) «Здѣсь опять таки Локкъ высказываетъ мнѣніе, абсолютно непріемлемое. Молоко и вода подходятъ для дѣтей гораздо больше, чѣмъ пиво или вино и тому подобные напитки. По истинѣ, преступленіе пріучать ихъ къ употребленію спиртныхъ напитковъ, которое такъ легко приводитъ къ эксцессамъ. Это въ особенности можно сказать о крѣпкихъ сортахъ пива, но и со слабыми незачѣмъ ихъ знакомить». *Ш.*

Древніе греки давали дѣтямъ вино, какъ видно, напр., изъ разсказа Феникса о воспитаніи Ахиллеса (Иліада IX, 487—496, пер. Гнѣдича):

. . . . ничего не вкушалъ ты и дома,
Прежде, покolѣ тебя не возьму я къ себѣ на колѣна,
Пищи разрѣзавъ не дамъ и вина къ устамъ не приближу.
Сколько ты разъ, Ахиллесъ, заливалъ мнѣ одежду на персяхъ,
Брызжа изъ устъ вино, во время неловкаго дѣтства.

Но Платонъ былъ того мнѣнія, что дѣтямъ совсѣмъ не слѣдуетъ давать вина до восемнадцатилѣтняго возраста. (De Legibus, lib. ii) Напомнимъ, что во времена Локка чай и кофе еще не были въ общемъ употребленіи, и дѣти по всей вѣроятности совсѣмъ не пили ихъ.—*Д.*

не будетъ голодать или чахнуть отъ недостатка пищи. Въ виду этого, по зрѣломъ размышленіи, я нахожу такой режимъ наилучшимъ для дѣтей. Утро обыкновенно предназначается для ученія, которое не пойдетъ на ладъ при полномъ желудкѣ. Сухой хлѣбъ, хотя и наилучшая пища, представляетъ наименѣе соблазна; а кто же, внимательно относящійся къ душѣ и тѣлу ребенка, и не желающій сдѣлать послѣдняго тупымъ и болѣзненнымъ, захочетъ пичкать его до отвала за завтракомъ. Не думайте также, что этотъ режимъ неприличенъ. Джентльменъ во всѣ времена долженъ воспитываться такъ, чтобъ быть способнымъ носить оружіе и служить солдатомъ. Но тотъ, кто въ наше время воспитываетъ своего сына, какъ будто предназначаетъ его почивать всю жизнь въ изобиліи и довольствѣ крупнаго состоянія, которое собирается оставить ему, тотъ упускаетъ изъ вида примѣры, которые могъ видѣть своими глазами [1]), и не принимаетъ въ соображеніе, въ какомъ вѣкѣ мы живемъ.

(Питье).

16. Питьемъ его должно быть только легкое пиво, да и то никогда не слѣдуетъ давать въ промежуткахъ между ѣдою, а только послѣ того, какъ онъ съѣстъ кусокъ хлѣба. Вотъ основанія, заставляющія меня говорить это:

17. 1. Питье въ разгоряченномъ состояніи порождаетъ больше лихорадокъ и желудочныхъ разстройствъ, чѣмъ какая-нибудь другая, извѣстная мнѣ, причина. Если ребенокъ вспотѣлъ отъ игры и томится жаждою, то хлѣбъ не пойдетъ ему въ глотку; а разъ онъ не можетъ пить иначе, какъ подъ этимъ условіемъ, ему волей не волей придется потерпѣть; такъ какъ въ случаѣ очень сильной испарины ему никоимъ образомъ нельзя давать пить; по крайней мѣрѣ, онъ долженъ сначала съѣсть добрый ломоть хлѣба, что даетъ время нагрѣть пиво до теплоты крови, послѣ чего онъ можетъ пить его безопасно. И если ему очень хочется пить, то онъ охотно выпьетъ его нагрѣтымъ, и тѣмъ лучше утолитъ свою жажду; если же онъ не захочетъ пить нагрѣтымъ, то воздержаніе не причинитъ ему вреда. Кромѣ того, это будетъ пріучать его къ терпѣнію: привычка, полезнѣйшая для тѣлеснаго и душевнаго здоровья.

18. 2. Запрещеніе пить, не поѣвши, предупредитъ привычку часто прикладываться къ кружкѣ: опасное начало и подготовка къ веселой компаніи. Люди часто пріобрѣтаютъ способность испытывать мнимые голодъ и жажду въ силу привычки; и если угодно, вы мо-

---

[1]) Локкъ вѣроятно подразумѣваетъ превратности судьбы, которыя пришлось испытать множеству англійскихъ семей въ періодъ отъ начала гражданской войны до революціи 1688. Его собственный отецъ наслѣдовалъ гораздо большее состояніе, чѣмъ передалъ сыну. Д.—Ср. аналогичныя разсужденія и пророческія замѣчанія о грядущей революціи въ Эмилѣ, Руссо, кн. III (стр. 182 изд. «Школы и Жизнь» 1912). Пер.

жете развить у ребенка, пріучая его къ этому, такую потребность пить на ночь, что, не удовлетворивъ ея, онъ не въ состояніи будетъ уснуть. Такъ какъ это обычный способъ убаюкивать дѣтей, примѣняемый кормилицами, то я думаю, что матерямъ вообще довольно трудно бываетъ отучать своихъ дѣтей отъ питья на ночь, когда онѣ возьмутъ ихъ домой [1]). Повѣрьте, привычка господствуетъ днемъ и ночью; и вы можете, если угодно, пріучить любого чувствовать жажду каждый часъ.

Мнѣ случилось какъ-то жить въ семьѣ, гдѣ ублажали капризнаго ребенка, давая ему пить всякій разъ, какъ онъ плакалъ; такъ что онъ то и дѣло прихлебывалъ. И хотя онъ еще не умѣлъ говорить, но выпивалъ въ теченіе сутокъ больше, чѣмъ я. Попытайтесь, если угодно, и вы пріучите себя, какъ съ помощью слабаго, такъ и съ помощью крѣпкаго пива, чувствовать постоянную жажду. Главное въ дѣлѣ воспитанія—помнить о томъ, какія привычки вы хотите вкоренить; и потому, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, не начинать съ обращенія въ привычку того, что вамъ вовсе нежелательно продолжать и усиливать. Въ видахъ сохраненія здоровья и трезвости не слѣдуетъ пить больше, чѣмъ требуетъ естественная жажда; и тотъ, кто не ѣстъ соленаго мяса и не пьетъ крѣпкихъ напитковъ, рѣдко будетъ чувствовать жажду въ промежуткахъ между ѣдою, если не пріучить его къ этому несвоевременнымъ питьемъ.

19. Главное, позаботьтесь о томъ, чтобы онъ рѣдко, или никогда не пилъ вина или крѣпкихъ напитковъ. Въ Англіи какъ нельзя болѣе распространенъ обычай давать ихъ дѣтямъ, а между тѣмъ ничто не дѣйствуетъ на нихъ такъ разрушительно. Они не должны пить никакихъ крѣпкихъ напитковъ, иначе, какъ въ качествѣ лѣкарства по предписанію доктора, да и въ этомъ случаѣ нужно какъ можно тщательнѣе слѣдить за слугами и какъ можно строже взыскивать съ нихъ за нарушеніе предписаній. Этотъ плохой сортъ людей, полагая значительную долю своего счастья въ крѣпкихъ напиткахъ, всегда старается угодить барчуку, предлагая ему то, что всего больше нравится имъ самимъ; а такъ какъ вино дѣлаетъ ихъ веселыми, то они глупо думаютъ, что оно не повредитъ ребенку. За этимъ вы должны слѣдить очень внимательно и устранять подобныя вещи со всей энергіей и рвеніемъ, на какія вы способны; такъ какъ ничто не закладываетъ такого прочнаго фундамента порчи, тѣлесной и душевной, какъ привычка ребенка къ употребленію крѣпкихъ напитковъ, особливо, если онъ пьетъ ихъ потихоньку, въ обществѣ слугъ.

---

[1]) Т. е. отъ кормилицъ. Въ Англіи какъ и на континентѣ, обычай сдавать дѣтей въ деревню кормилицѣ былъ очень распространенъ, пока Руссо не выступилъ съ своимъ ученіемъ: «Point de mère, point d'enfant». (Нѣтъ матери, нѣтъ ребенка). *Д.*

(Фрукты).

20. Фрукты представляютъ одинъ изъ самихъ трудныхъ пунктовъ въ дѣлѣ попеченія о здоровьѣ, особливо дѣтскомъ. Наши прародители рискнули изъ-за нихъ раемъ; мудрено-ли, что наши дѣти не могутъ устоять противъ искушенія, хотя-бы оно стоило имъ здоровья. Въ этомъ случаѣ нельзя установить никакого общаго правила; такъ какъ я отнюдь не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, которые желали бы почти совсѣмъ не давать дѣтямъ фруктовъ, какъ вещи безусловно нездоровой для нихъ; этой строгостью они только возбуждаютъ въ нихъ жадность и заставляютъ ихъ ѣсть хорошіе и плохіе, зрѣлые и незрѣлые, если только имъ удастся раздобыть ихъ. Я думаю, что дѣтямъ не слѣдуетъ давать дынь, персиковъ, большинства сливъ и всѣхъ сортовъ винограда, растущихъ въ Англіи [1]), такъ какъ они обладаютъ очень соблазнительнымъ вкусомъ при очень нездоровомъ сокѣ; нужно постараться, если возможно, чтобы дѣти никогда не видали ихъ и даже не слыхали о существованіи подобныхъ вещей. Но клубника, вишни, крыжовникъ или смородина, если они совершенно спѣлы, могутъ быть по моему мнѣнію разрѣшены безъ опасенія въ довольно большомъ количествѣ, если только при ѣдѣ будутъ соблюдаться слѣдующія предосторожности: 1. Не ѣсть ихъ послѣ другой ѣды, какъ мы обыкновенно дѣлаемъ, когда желудокъ уже переполненъ другою пищей; я думаю, что лучше ѣсть ихъ передъ ѣдой или въ промежуткахъ между ѣдой, и давать дѣтямъ на завтракъ. 2. Ѣсть ихъ съ хлѣбомъ. 3. Фрукты должны быть совершенно спѣлыми. Если ѣсть ихъ съ соблюденіемъ этихъ предосторожностей, то, я думаю, они окажутся скорѣе полезными, чѣмъ вредными для здоровья. Лѣтніе плоды, соотвѣтствующіе жаркому времени года, въ которое они являются, освѣжаютъ томящійся и изнемогающій отъ жары желудокъ. А потому я бы избѣгалъ въ этомъ пунктѣ той строгости, какую иные примѣняютъ къ дѣтямъ; въ результатѣ послѣднія, не получая ничего, вмѣсто умѣренной порціи отборныхъ фруктовъ, которая ублаготворила бы ихъ, удовлетворяютъ свое влеченіе всякой дрянью, какую только могутъ добыть, оставшись на свободѣ или уговоривъ слугу достать имъ фруктовъ, и наѣдаются до пресыщенія.

Яблоки и груши, если они совершенно спѣлы и выдержаны послѣ сбора, тоже, мнѣ кажется, можно ѣсть безопасно во всякое

---

[1]) «Неосновательное предостереженіе противъ дынь, персиковъ, сливъ и винограда, растущихъ въ Англіи, объясняется, быть можетъ, недозрѣваніемъ этихъ фруктовъ въ Англіи. Это напоминаетъ анекдотъ о Карраччіоли, который увѣрялъ, съ шутливымъ преувеличеніемъ, что единственные спѣлые фрукты, какіе ему случалось видѣть въ Англіи, были печеныя яблоки. Докторъ Бокъ говоритъ: «черезчуръ водянистые плоды содержатъ мало питательнаго вещества и ихъ питательныя части въ большинствѣ случаевъ лишены азота. Они не легко перевариваются въ виду неперевариваемой клѣтчатки, кожуры и красящихъ веществъ». Что касается кожуры, то плоды слѣдуетъ ѣсть очищенными». *Ш.*

время и въ довольно большомъ количествѣ; особливо яблоки, которыя, насколько мнѣ извѣстно, никому еще не причиняли вреда послѣ октября.

Сушеные безъ сахара фрукты я также считаю очень здоровой пищей. Но слѣдуетъ избѣгать всякаго рода сластей, относительно которыхъ трудно сказать, кому они причиняютъ больше вреда: тому, кто ихъ дѣлаетъ [1]), или тому, кто ихъ ѣстъ. Въ одномъ я увѣренъ: что это одинъ изъ самыхъ неосновательныхъ способовъ тратить деньги, какіе только могло придумать тщеславіе; а потому я предоставляю его дамамъ.

(Сонъ).

21. Изъ всего, что выглядитъ баловствомъ и изнѣженностью, ничто не должно разрѣшаться дѣтямъ съ такою снисходительностью, какъ сонъ. Только въ этомъ отношеніи имъ надо предоставлять полную свободу; ничто такъ не способствуетъ росту и здоровью дѣтей, какъ сонъ. Все, что нужно здѣсь регулировать, сводится къ вопросу, какіе именно изъ двадцати четырехъ часовъ слѣдуетъ посвящать сну; на это можно только сказать, что очень полезно пріучать ихъ вставать рано утромъ. Это самое лучшее для здоровья; и тотъ, кто, въ силу укоренившейся съ дѣтства привычки, освоился съ раннимъ вставаніемъ и не затрудняется имъ, не станетъ, сдѣлавшись взрослымъ, тратить лучшую и полезнѣйшую часть своей жизни въ лѣнивой дремотѣ, валяясь въ постели. Если, поэтому, нужно будить дѣтей рано утромъ, то отсюда слѣдуетъ, конечно, что они должны рано ложиться спать; это пріучитъ ихъ избѣгать нездоровыхъ и вредныхъ часовъ гульбы, которая происходитъ по вечерамъ; тотъ, кто привыкъ своевременно ложиться и вставать, рѣдко доходитъ до большихъ излишествъ. Я не хочу сказать, что вашъ сынъ, выросши, никогда не засидится въ компаніи позднѣе восьми часовъ, или не проболтаетъ за стаканомъ вина до полуночи. Но, пріучая его въ нѣжные годы, вы, насколько можете, внѣдряете въ него нерасположеніе къ такому безпорядочному времяпровожденію; и не малой выгодой будетъ то, что привычка рано ложиться, сдѣлавъ для него непріятнымъ позднее сидѣніе, заставитъ его часто избѣгать и очень рѣдко устраивать ночныя пирушки. Но если даже этого не удастся достигнуть, если люди и собутыльники одержатъ верхъ и заставятъ его жить, какъ всѣ, въ возрастѣ около [2]) двадцати лѣтъ, то все же до поры до времени полезно пріучать его рано вставать и рано ложиться ради улучшенія его здоровья и другихъ выгодъ.

---

[1]) «Вслѣдствіи угольныхъ испареній, постоянно вдыхаемыхъ лицами, дѣлающими жидкія конфекты (liquid confections), къ которымъ, собственно, относится это замѣчаніе». (Костъ). Это примѣчаніе Коста сдѣлано, вѣроятно, по соглашенію съ Локкомъ. *Д.*

[2]) „Около“ (about) въ изданіяхъ 1693 и 1699. Въ изданіи 1714 сказано „выше“ (above). *Д.*

Хотя я сказалъ, что дѣтямъ, пока они малы, слѣдуетъ давать волю въ отношеніи спанья, даже предоставлять имъ спать, сколько хотятъ, но я не думаю, что эту снисходительность нужно все время продолжать въ томъ же объемѣ и предоставлять имъ лѣниво валяться въ постеляхъ, когда они подрастутъ. Нужно ли, однако, начать ограничивать ихъ въ семь лѣтъ, или въ десять, или въ какомъ-нибудь другомъ возрастѣ,—это невозможно точно опредѣлить. Тутъ приходится принимать въ соображеніе ихъ темпераменты, силу и конституцію. Но въ возрастѣ между семью и четырнадцатью годами, если они окажутся черезчуръ большими любителями постели, умѣстно будетъ, думается мнѣ, начать постепенно ограничивать время ихъ сна восемью часами, что, вообще говоря, достаточно для здоровыхъ взрослыхъ людей. Если вы пріучили ребенка, какъ оно и слѣдовало, вставать всегда рано утромъ, то вредная наклонность долго валяться въ постели легко устраняется, и большинство дѣтей сами готовы будутъ укоротить это время, чтобъ подольше посидѣть въ обществѣ вечеромъ; хотя, если не смотрѣть за ними, то они станутъ, пожалуй, возмѣщать это вечернее сидѣнье утреннимъ лежаньемъ, чего ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать. Ихъ надо всегда поднимать съ постели въ положенный ранній часъ; остерегаясь, однако, будить слишкомъ быстро, громкимъ или пронзительнымъ голосомъ, или какимъ нибудь другимъ внезапнымъ и сильнымъ шумомъ [1]). Это часто пугаетъ дѣтей и причиняетъ имъ большой вредъ; и такой перерывъ здороваго сна внезапной тревогой способенъ разстроить всякаго. Когда вамъ нужно будить дѣтей, непремѣнно начинайте съ тихаго оклика, или какого-нибудь легкаго движенія, и такимъ образомъ постепенно разгоняйте ихъ сонъ, обращаясь къ нимъ только съ ласковыми словами и пріемами, пока они не очнутся совершенно и не встанутъ, такъ что вы можете быть увѣрены, что они вполнѣ проснулись. Принудительное пробужденіе отъ сна при самыхъ ласковыхъ пріемахъ достаточно непріятно для нихъ; и надо стараться не прибавлять къ этому другихъ непріятныхъ впечатлѣній, особливо такихъ, которыя могутъ напугать ихъ.

22. Постель ихъ должна быть жесткой и матрацъ предпочтительнѣе перины. Жесткое ложе укрѣпляетъ члены; напротивъ, зарываніе каждую ночь въ перины изнѣживаетъ и распускаетъ тѣло, часто бываетъ причиной слабости и предтечей ранней могилы. Кромѣ каменной болѣзни, которая часто возникаетъ вслѣдствіе черезчуръ теплаго закутыванія поясницы, различные другіе недуги, равно какъ и ихъ общій корень, нѣжное хилое сложеніе, въ значительной степени обязаны своимъ происхожденіемъ пуховикамъ. Далѣе, тотъ, кто при-

---

[1]) Локкъ слѣдуетъ здѣсь Монтэню, который говоритъ: „Такъ какъ нѣкоторые держатся того мнѣнія, что внезапно будить утромъ дѣтей и черезчуръ поспѣшно и рѣзко нарушать ихъ сонъ (въ который они погружаются гораздо глубже, чѣмъ мы) значитъ возмущать и разстраивать ихъ мозгъ, то онъ будилъ меня звукомъ какого нибудь музыкальнаго инструмента, для чего держалъ музыканта“. *Д.*

выкъ къ жесткому ложу дома, не будетъ страдать отъ безсонницы во время своихъ путешествій (когда сонъ особенно важенъ для него) изъ-за отсутствія мягкой постели и подушекъ, сложенныхъ въ привычномъ порядкѣ. А потому, я думаю, что не слѣдуетъ упускать изъ вида дѣлать постель ребенка на разный ладъ, такъ, чтобы его голова иногда лежала выше, иногда ниже, и онъ могъ сдѣлаться нечувствительнымъ ко всякимъ маленькимъ перемѣнамъ, съ которыми, конечно, придется встрѣтиться тому, кто не собирается всю жизнь проваляться дома въ своей постели, имѣя подъ руками служанку, готовую все устроить для него и укутать его потеплѣе. Сонъ—великое укрѣпляющее средство природы. Кого онъ бѣжитъ, тотъ будетъ страдать отъ этого; и очень несчастенъ тотъ, кто можетъ принимать это средство только въ изящномъ позолоченномъ кубкѣ своей матери, и не можетъ въ деревянной посудѣ. Тотъ, кто можетъ крѣпко спать, принимаетъ это средство; и рѣшительно все равно, спитъ-ли онъ на мягкой постели или на жесткихъ доскахъ. Необходимъ только сонъ.

(Запоръ).

23. Есть еще одна вещь, которая имѣетъ большое вліяніе на здоровье, именно правильный стулъ: люди, которыхъ часто слабитъ, рѣдко обладаютъ сильными умами или сильными тѣлами. Но такъ какъ это разстройство излѣчивается діэтой и лекарствами гораздо легче, чѣмъ противоположный недугъ, то о немъ нѣтъ надобности распространяться: если оно принимаетъ угрожающій характеръ, оказываясь черезчуръ сильнымъ или продолжительнымъ, то заставитъ довольно скоро, иногда даже слишкомъ скоро, послать за врачемъ; если же оно умѣренно или слабо, то, вообще говоря, всего лучше предоставить его природѣ. Съ другой стороны, запоръ также имѣетъ свои дурныя послѣдствія, и съ нимъ гораздо труднѣе справиться врачебному искусству; слабительныя средства, которыя съ виду доставляютъ облегченіе, скорѣе усиливаютъ, чѣмъ устраняютъ его.

24. Имѣя особенныя причины заняться изслѣдованіемъ этого недуга, и не найдя въ книгахъ указанія на его лѣченіе, я принялся размышлять о немъ, предполагая, что и болѣе значительныя измѣненія могутъ быть вызваны въ нашихъ тѣлахъ, если мы найдемъ правильный путь и будемъ дѣйствовать раціонально.

1. Я принялъ въ соображеніе, что отправленіе большой нужды является результатомъ извѣстныхъ движеній тѣла; особливо перистальтическаго движенія кишекъ.

2. Я принялъ въ соображеніе, что различныя движенія, не вполнѣ произвольныя, могутъ, однако, благодаря практикѣ и постояннымъ упражненіямъ, превратиться въ привычныя, если стараться производить ихъ въ опредѣленное время и практиковать это непрерывно.

3. Я наблюдалъ людей, которые, выкуривъ послѣ ужина трубку табака, всегда успѣшно ходили за большой нуждой, и у меня воз-

никло сомнѣніе, не привычка-ли, вѣрнѣе чѣмъ табакъ, доставляла имъ это благодѣяніе природы; или, по крайней мѣрѣ, если тутъ дѣйствовалъ табакъ, то не тѣмъ-ли, что онъ вызывалъ сильное движеніе кишекъ, а вовсе не своими послабляющими свойствами, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ дѣйствіе было-бы другое. Когда, такимъ образомъ, у меня составилось мнѣніе, что это отправленіе можно сдѣлать привычнымъ, моей ближайшей задачей было разсмотрѣть, какимъ путемъ и какими средствами всего вѣрнѣе достигнуть этого.

4. Тогда я предположилъ, что если какой-нибудь человѣкъ, послѣ своей первой утренней ѣды, вздумаетъ немедленно безпокоить природу и пытаться заставить себя ходить на низъ, то съ теченіемъ времени, при постоянномъ упражненіи, онъ можетъ превратить это въ привычку.

25. Причины, заставившія меня избрать это время, были слѣдующія: 1. Такъ какъ желудокъ въ это время пустъ, то получивъ пріятную для него пищу (такъ какъ я никогда, исключая случаевъ необходимости, никого не заставилъ-бы ѣсть то, что ему не по вкусу и когда у него нѣтъ аппетита), онъ въ состояніи плотно охватить ее посредствомъ сильнаго сжатія своихъ фибръ; каковое сжатіе я полагаю, можетъ по всей вѣроятности распространиться и на кишки и такимъ образомъ усилить ихъ перистальтическое движеніе, какъ мы это видимъ при коликахъ, когда обратное движеніе, начавшись гдѣ нибудь внизу, продолжается по всей длинѣ и можетъ заставить самый желудокъ повиноваться своимъ неправильнымъ толчкамъ.

2. Такъ какъ во время ѣды люди обыковенно перестаютъ размышлять, и жизненные духи, освободившись отъ другихъ занятій, съ большей энергіей распредѣляются въ брюшной части тѣла, содѣйствуя такимъ образомъ тому-же результату.

3. Такъ какъ, если у людей имѣется досугъ для ѣды, то у нихъ найдется достаточно досуга, чтобы поухаживать за Мадамъ Клоациной [1]), насколько это необходимо для нашей настоящей цѣли; иначе, въ виду разнообразія человѣческихъ дѣлъ и приключеній, невозможно пріурочить это дѣйствіе къ какому-нибудь опредѣленному часу, вслѣдствіе чего практика не будетъ непрерывной. Такъ какъ рѣдко случается, чтобы здоровые люди не ѣли хоть однажды въ день, хотя часъ ѣды можетъ мѣняться, то привычка всетаки можетъ быть сохранена.

26. На этомъ основаніи былъ предпринятъ опытъ, и я не знаю человѣка, который, упорно продолжая его, обязательно отправляясь въ отхожее мѣсто послѣ первой ѣды, гдѣ бы она ни происходила и хотѣлось-бы ему или нѣтъ, и тамъ стараясь заставить природу исполнить ея долгъ, не достигъ бы въ нѣсколько мѣсяцевъ желаннаго результата, и не превратилъ бы его въ такую регулярную привычку, что позднѣе ему рѣдко случалось оставаться безъ стула послѣ первой ѣды, развѣ по собственной небрежности; хотя бы у него отсутство-

---

[1]) Madam Cloacina—шуточное названіе кишечнаго аппарата. Пер.

валъ позывъ, но стоило ему отправиться въ нужное мѣсто и сдѣлать приготовленіе съ своей стороны, и онъ могъ быть увѣренъ, что природа окажется послушной.

27. Поэтому я-бы совѣтовалъ примѣнять ту-же мѣру къ ребенку каждый день, тотчасъ послѣ того, какъ онъ позавтракаетъ. Заставьте его сѣсть на судно, какъ будто опорожненіе кишекъ настолько-же въ его власти, насколько и наполненіе ихъ; и пусть онъ и его нянька не предполагаютъ ничего другого, а думаютъ, что такъ оно и есть; и если вы будете заставлять его дѣлать это, не позволяя ему играть или ѣсть вторично, пока онъ не сходилъ на низъ или по крайней мѣрѣ не сдѣлалъ всѣхъ усилій къ этому, то я не сомнѣваюсь, что скоро это сдѣлается совершенно естественнымъ для него. Ибо есть основаніе подозрѣвать, что дѣти, обычно увлекаясь игрою и не думая ни о чемъ другомъ, часто пропускаютъ безъ вниманія естественные позывы, если природа зоветъ ихъ лишь слегка; и такимъ образомъ, пренебрегая своевременными предложеніями, пріобрѣтаютъ привычный запоръ. Утверждая, что запоръ можетъ быть предупрежденъ вышеуказаннымъ методомъ, я основываюсь не только на предположеніяхъ; мнѣ извѣстенъ ребенокъ, который путемъ постоянной практики въ теченіе нѣкотораго времени, пріобрѣлъ привычку ходить на низъ регулярно каждое утро послѣ завтрака.

28. Найдутъ-ли взрослые люди удобнымъ для себя испытать указанное средство,—это ихъ дѣло; я-же могу только сказать, что, принимая въ соображеніе многочисленныя вредныя послѣдствія, связанныя съ отсутствіемъ этого необходимаго естественнаго облегченія, не знаю никакого другого средства, болѣе способствующаго сохраненію здоровья. Разъ въ сутки, по моему мнѣнію, достаточно; и никто, я полагаю, не найдетъ, что это слишкомъ часто. А указанными средствами этого можно достигнуть безъ помощи медецины, которая, обыкновенно, оказывается крайне не дѣйствительной при лѣченіи упорнаго и привычнаго запора.

(Медицина).

29. Вотъ все, что я хотѣлъ сообщить вамъ относительно попеченія о здоровьи ребенка при обычныхъ условіяхъ. Быть можетъ, отъ меня ожидаютъ какихъ-либо врачебныхъ указаній въ видахъ предупрежденія болѣзней; но я дамъ лишь одно, которое слѣдуетъ свято соблюдать: никогда не давать дѣтямъ никакого лѣкарства для предупрежденія заболѣваній. Соблюденіе тѣхъ правилъ, которыя я указалъ, приведетъ къ этому вѣрнѣе, чѣмъ лѣкарственные декокты барынь и аптечныя снадобья. Всѣ эти средства надо примѣнять очень осторожно; иначе, вы навлечете, а не предупредите болѣзнь. Даже въ случаѣ легкаго недомоганія, не слѣдуетъ непремѣнно давать лѣкарство или приглашать къ дѣтямъ врача, особливо, если онъ усердный человѣкъ, который немедленно уставитъ ихъ окна стклянками и напол-

нить ихъ желудки микстурами. Гораздо безопаснѣе предоставить ихъ всецѣло природѣ, чѣмъ отдавать въ руки врача, готоваго пичкать лѣкарствами, или полагающаго, что дѣтей, при обыкновенныхъ разстройствахъ, нужно лѣчить чѣмъ-либо, кромѣ діеты, или весьма близкаго къ ней метода: мой разумъ и опытъ одинаково говорятъ мнѣ, что нѣжныя конституціи дѣтей слѣдуетъ поручать имъ какъ можно рѣже, и только въ случаѣ безусловной необходимости. Немного свѣжей воды, смѣшанной съ настоемъ краснаго мака,—этой истинной «желудочной воды» [1]),—покой и воздержаніе отъ мяса часто въ самомъ началѣ кладутъ конецъ различнымъ разстройствамъ, которыя, въ случаѣ черезчуръ усерднаго лѣченія, могутъ превратиться въ сильныя заболѣванія. Если такое мягкое пользованіе не остановитъ возрастающаго недуга и не помѣшаетъ ему превратиться въ настоящую болѣзнь, тогда и наступитъ время обратиться за совѣтомъ къ какому нибудь благоразумному и осторожному врачу. Въ этомъ отношеніи, я надѣюсь, мнѣ легко повѣрятъ. Никто не можетъ усумниться въ основательности мнѣнія человѣка, потратившаго извѣстное время на изученіе медицины, когда онъ совѣтуетъ не слишкомъ торопиться съ обращеніемъ къ медицинѣ и къ врачамъ.

30. Такимъ образомъ я покончилъ съ тѣмъ, что касается тѣла и здоровья, и сводится къ немногимъ и легко соблюдаемымъ правиламъ. Побольше чистаго воздуха, упражненіе и сонъ; простой столъ, никакихъ лѣкарствъ; не слишкомъ теплая и не тѣсная одежда; особливо-же, держать голову и ноги въ холодѣ, и почаще пріучать ноги къ холодной водѣ и промачивать ихъ.

(Воспитаніе ума.—Отдѣлъ II §§ 31—42).

(Душа).

31. Разъ установлено надлежащее попеченіе о силѣ и крѣпости тѣла, чтобы оно было способнѣе повиноваться душѣ и исполнять ея приказанія,—ближайшимъ и главнымъ дѣломъ является правильно устроить душу (set the mind right), чтобы она при всякихъ обстоятельствахъ была расположена соглашаться лишь на то, что соотвѣтствуетъ достоинству и превосходству разумнаго созданія.

32. Если то, что я сказалъ вначалѣ этого разсужденія, вѣрно въ чемъ я не сомнѣваюсь—а именно, что наблюдаемая нами разница нравовъ (manners) и способностей человѣческихъ обязана своимъ происхожденіемъ воспитанію болѣе, чѣмъ чему-бы то ни было дру-

---

[1]) Surfeit-water «вода, перегнанная съ макомъ и другими травами и употребляемая противъ желудочныхъ разстройствъ» (Boyer, Dict. 1752). *Д.*

тому[1]), то мы имѣемъ основаніе заключить, что необходимо приложить большое тщаніе къ формированію дѣтскихъ душъ, и съ раннихъ лѣтъ давать имъ обработку (seasoning), которая повліяетъ на всю ихъ послѣдующую жизнь: ибо, если они будутъ поступать хорошо или дурно, то къ этой именно подготовкѣ будутъ относиться похвала или порицаніе, и если что-либо будетъ дѣлаться ими неумѣло, то общій голосъ рѣшитъ, что это объясняется ихъ воспитаніемъ.

33. Какъ сила тѣла заключается главнымъ образомъ въ способности выносить лишенія, такъ точно и сила духа. Великое начало и основаніе всяческой добродѣтели и достоинства состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ былъ способенъ отказаться отъ своихъ желаній, дѣйствовать наперекоръ собственнымъ наклонностямъ и слѣдовать исключительно тому, что разумъ указываетъ, какъ лучшее, хотя бы влеченіе тянуло въ другую сторону.

34. Важная ошибка, замѣченная мною въ воспитаніи людьми своихъ дѣтей, та, что объ этомъ недостаточно заботятся въ надлежащее время; что душу не дѣлаютъ послушной дисциплинѣ и покорной разуму въ самомъ началѣ, когда она наиболѣе нѣжна, наиболѣе податлива. Родители, которыхъ природа мудро заставила любить дѣтей, весьма способны, если разумъ плохо слѣдитъ за этой естественной привязанностью, весьма способны, говорю я, превращать ее въ ба-

---

[1]) См. Введеніе, стр. 18. Гельвецій, который считаетъ себя ученикомъ Локка, доказываетъ въ своей книгѣ, De l'homme et de ses facultés intellectuelles, что воспитаніе есть единственный факторъ человѣческаго развитія, что первоначальныя способности у всѣхъ равны, что различія между людьми не зависятъ отъ организаціи или природы и что воспитаніе,—это все. (См. Compayré, i i. 221). Конечно, онъ включаетъ въ сферу воспитанія «тайныхъ collaborateurs (сотрудниковъ) учителя: ласки няни и родителей, первыя игры, первыя ощущенія, первые ландшафты, которые поражаютъ его взоръ; позднѣе-же, съ наступленіемъ юношескаго возраста, форму правленія, общественные нравы, религію страны, положеніе, занимаемое имъ въ свѣтѣ, богатство или бѣдность, дружбу и любовь» (i. 225). Локкъ слишкомъ остороженъ, чтобы впасть въ ошибку своего ученика, но и онъ не придаетъ надлежащаго значенія наслѣдственнымъ свойствамъ и тѣсной зависимости между тѣломъ и духомъ. *Д.*

Ср. примѣчаніе на стр. 24 Къ сказанному тамъ можно прибавить, что вопросъ объ относительной силѣ и стойкости наслѣдственныхъ или «прирожденныхъ» (бластогенныхъ: опредѣляемыхъ структурой зародышевой плазмы) и «пріобрѣтенныхъ» (соматогенныхъ: пріобрѣтаемыхъ индивидуумомъ втеченіе его жизни подъ вліяніемъ условій существованія) свойствъ отнюдь не можетъ считаться рѣшеннымъ. Несомнѣнно одно: всѣ клѣтки организма (въ томъ числѣ и нервныя, которыми опредѣляются психическія свойства) въ извѣстныхъ предѣлахъ пластичны, т. е. способны пріобрѣтать новыя (не заложенныя въ зародышевой плазмѣ) свойства и функціи; иными словами, «прирожденныя« или наслѣдственныя свойства могутъ вытѣсняться» пріобрѣтенными», по крайней мѣрѣ втеченіе индивидуальной жизни (опыты Фишера, Штандфусса, Каммерера, Семона и др.). Тоже относится къ психическимъ свойствамъ (т. е. свойствамъ и функціямъ нервной системы). По мнѣнію ряда біологовъ (Каммереръ, Семонъ, Плате и др.) пріобрѣтенныя свойства могутъ передаваться зародышевымъ клѣткамъ, т. е. становиться наслѣдственными. *Пер.*

ловство. Они любятъ своихъ малютокъ, и это ихъ долгъ; но они часто лѣлѣятъ вмѣстѣ съ ними и ихъ недостатки. Дѣтямъ, изволите видѣть, не слѣдуетъ перечить; надо позволять имъ поступать во всемъ по ихъ волѣ; и такъ какъ въ дѣтствѣ они неспособны къ большимъ порокамъ, то родители думаютъ, что можно безъ опасенія разрѣшить имъ мелкія проказы, и забавляются этой милой шаловливостью, которая, по ихъ мнѣнію, вполнѣ подходитъ къ невинному возрасту. Но Солонъ [1]) очень хорошо отвѣтилъ нѣжному родителю, который не хотѣлъ наказать ребенка за шалость, а извинялъ его, говоря, что это пустяки: да, но привычка важное дѣло.

35. Баловнику надо спускать удары и брань, давать ему все, чего онъ требуетъ, дѣлать все, что ему угодно. Такъ родители, балуя и ублажая своихъ дѣтей, пока они еще малы, портятъ ихъ природные задатки, а позднѣе удивляются, что воды, источникъ которыхъ они сами отравили, оказываются горькими. Ибо, когда дѣти, а съ ними и дурныя привычки, выростутъ; когда они станутъ слишкомъ большими, чтобы няньчиться съ ними, и родители не могутъ забавляться ими, какъ игрушками, тогда-то послѣдніе начинаютъ жаловаться, что ребята вышли неслухами и испорченными; тогда-то они оскорбляются ихъ своеволіемъ и смущаются дурнымъ характеромъ, который сами же внѣдряли и поощряли въ нихъ; и тогда-то, пожалуй слишкомъ поздно, они были-бы рады выполоть эти сорныя травы, насажденныя ихъ же руками и пустившія такіе глубокіе корни, что ихъ уже не легко вырвать. Вѣдь, если ребенка пріучали дѣлать все, что ему заблагоразсудится, пока онъ носилъ рубашонку, то почему мы находимъ страшнымъ, что онъ желаетъ того же и настаиваетъ на томъ-же, когда надѣнетъ штаны? Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ онъ приближается къ возрасту взрослаго, его недостатки обнаруживаются все рѣзче; такъ что немного найдется родителей, которые и въ это время остаются настолько слѣпыми, что

---

[1]) Лордъ Бэконъ разсказываетъ эту исторію по Платону (Apophthegms). Эразмъ приводитъ другую версію, согласно которой философъ сурово упрекалъ одного молодого человѣка за игру въ кости, а тотъ отвѣтилъ: «стоитъ-ли сердиться на такіе пустяки»? На что философъ возразилъ: «не пустяки пріобрѣсть привычку». Правиломъ учителя должно быть Obsta principiis (противоборствуй началамъ). «Я нахожу», говоритъ Монтэнь, «что наши величайшіе пороки вытекаютъ изъ первыхъ наклонностей, проявляющихся въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, и что наше главное воспитаніе зависитъ отъ мамокъ. Матерямъ доставляетъ большое удовольствіе видѣть, какъ ребенокъ свертываетъ шею цыпленку, или забавляется, мучая собаку или кошку; и есть на свѣтѣ такіе мудрые отцы, которые усматриваютъ проявленіе воинственнаго духа въ грубомъ или высокомѣрномъ обращеніи своихъ сыновей съ лакеями, не смѣющими возразить или дать отпоръ; и признакъ большого остроумія въ томъ, что имъ удается одержать верхъ надъ товарищами съ помощью какой-нибудь вѣроломной и коварной выходки; на самомъ же дѣлѣ всѣ эти проявленія истинные сѣмена и корни жестокости, тираніи и предательства. Тутъ они укореняются и пускаютъ побѣги, а впослѣдствіи мощно разрастаются и достигаютъ чудовищныхъ размѣровъ, насаждаемые и поощряемые привычкой» (і. 22). *Д.*

не замѣчаютъ ихъ, настолько безсмысленными, что не чувствуютъ дурныхъ послѣдствій собственной снисходительности. Онъ распоряжался своей нянькой, прежде чѣмъ научился говорить или ходить, командовалъ своими родителями, лишь только началъ лепетать; почему-же теперь, когда онъ выросъ, когда онъ сильнѣе и умнѣе, чѣмъ былъ раньше,—почему-же теперь онъ внезапно долженъ сдерживать себя и покоряться? Почему, достигнувъ семи, четырнадцати или двадцати лѣтъ, онъ долженъ утратить привилегію, которую родительская снисходительность до тѣхъ поръ представляла ему въ такихъ размѣрахъ? Испытайте это надъ собакой, лошадью или какимъ-нибудь другимъ животнымъ и вы увидите, легко-ли исправить у взрослыхъ дурныя привычки и норовъ, пріобрѣтенные въ молодости; а между тѣмъ, ни одно изъ этихъ созданій не обладаетъ и на половину такимъ своеволіемъ и гордостью, или такимъ желаніемъ распоряжаться собой и другими, какъ человѣкъ.

36. Мы вообще достаточно благоразумны, чтобы приниматься за нихъ съ раннихъ лѣтъ и дисциплинировать своевременно эти другія созданія, если хотимъ сдѣлать ихъ полезными и годными на что-нибудь. Только по отношенію къ нашимъ собственнымъ отпрыскамъ мы упускаемъ изъ вида этотъ пунктъ; и сдѣлавъ ихъ дурными дѣтьми, безсмысленно ожидаемъ, что они будутъ хорошими взрослыми. Вѣдь, если ребенку слѣдуетъ давать винограда или конфектъ всякій разъ, когда онъ потребуетъ ихъ, чтобы не заставить бѣднаго крошку плакать или огорчаться, то почему, когда онъ выраститъ, не удовлетворять его желаній, если онъ потребуетъ вина или женщинъ? Эти предметы такъ-же соотвѣтствуютъ влеченію взрослаго, какъ тѣ, изъ-за которыхъ онъ плакалъ въ малолѣтствѣ, соотвѣтствовали наклонностямъ ребенка. Имѣть желанія, соотвѣтствующія разумѣнію и вкусу этихъ различныхъ возрастовъ,—не порокъ; порокъ—не умѣть подчинять ихъ правиламъ и ограниченіямъ разума: разница заключается не въ наличности или отсутствіи влеченій, а въ способности управлять ими и отказываться отъ нихъ. Кто не привыкъ подчинять свою волю разуму другихъ, пока онъ молодъ, тотъ врядъ-ли будетъ слушаться собственнаго разума или подчиняться ему въ возрастѣ, когда можетъ имъ пользоваться. И не трудно предвидѣть, какого сорта человѣкъ, по всей вѣроятности, выйдетъ изъ него.

37. Таковы промахи, обыкновенно совершаемые людьми, которые, повидимому, съ величайшимъ тщаніемъ относятся къ воспитанію своихъ дѣтей. Но если мы обратимъ вниманіе на обычное обхожденіе съ дѣтьми, то найдемъ основаніе удивляться, какъ среди великой распущенности нравовъ, на которую жалуется свѣтъ, остаются еще хоть какіе-нибудь слѣды добродѣтели. Желалъ-бы я знать, найдется-ли такой порокъ, котораго родители и тѣ, кто имѣетъ дѣло съ дѣтьми, не внушали бы имъ, сѣмена котораго они не забрасывали бы въ нихъ, какъ скоро тѣ станутъ способными къ воспріятію? Я подразумѣваю не примѣры, которые они даютъ, не образцы, которые они ставятъ передъ дѣтьми, что является уже достаточно сильнымъ поощреніемъ; нѣтъ, я хотѣлъ-бы обратить здѣсь вниманіе на прямое

обученіе ихъ пороку и дѣйствительное совращеніе ихъ съ пути добродѣтели. Прежде чѣмъ они начали ходить, имъ внушаютъ правила насилія, мести и жестокости. Тресни меня, а я поколочу его,— вотъ урокъ, который большинство дѣтей слышатъ ежедневно; и это считается пустякомъ, потому что ихъ руки не обладаютъ силою причинить боль. Но я спрашиваю, развѣ это не развращаетъ ихъ душу? Развѣ это не значитъ ставить ихъ на путь насилія и грубости? И если они пріучались въ малолѣтствѣ бить и обижать другихъ съ разрѣшенія старшихъ, забавляться зломъ, которое причиняли другимъ и видѣть ихъ страданія, то развѣ это не подготовляло ихъ поступать точно такъ-же, когда они достаточно сильны, чтобы дать почувствовать себя, и могутъ бить ради какихъ-нибудь цѣлей?

Одежда, которую мы носимъ въ видахъ скромности, согрѣванія и защиты тѣла, получаетъ, благодаря безразсудству или порочности родителей, совершенно иное назначеніе у дѣтей. Она становится предметомъ тщеславія и соревнованія. Ребенка заставляютъ мечтать о новомъ костюмѣ ради его щегольства; и когда маленькая дѣвочка нарядится въ новое платьице и commode [1]), можетъ ли мамаша не учить ее любоваться собою, называя дочку своей маленькой королевой и принцессой? Такъ малютки пріучаются гордиться своей одеждой, раньше чѣмъ научатся надѣвать ее. И почему бы имъ не продолжать цѣнить себя за внѣшнюю элегантность издѣлій портного или модистки [2]), если родители такъ рано пріучили ихъ къ этому?

Ложь и увертки и оправданія, немногимъ отличающіяся отъ лжи, влагаются въ уста малолѣтковъ и рекомендуются ученикамъ и дѣтямъ, если онѣ выгодны для ихъ учителей и родителей. А можно ли думать, что тотъ, кому разрѣшаютъ уклоняться отъ истины и даже одобряютъ это уклоненіе, когда оно оказывается кстати для его почтеннаго учителя, не станетъ пользоваться той-же привилегіей для себя самаго, если можетъ извлечь изъ этого выгоду?

Людямъ низшихъ сословій недостатокъ состоянія не позволяетъ поощрять въ своихъ дѣтяхъ неумѣренность, соблазняя ихъ разными блюдами или уговаривая ихъ ѣсть или пить больше, чѣмъ нужно; но ихъ поведеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ удастся нажить состояніе, показываетъ, что не отвращеніе къ пьянству или обжорству удерживаетъ ихъ отъ излишествъ, а недостатокъ средствъ. Но заглянемъ въ домы тѣхъ, которымъ нѣсколько больше повезло въ отношеніи средствъ: здѣсь ѣда и питье составляютъ такое важное дѣло и счастье жизни, что дѣти считались-бы заброшенными, если-бъ не получали соотвѣтственной доли. Соусы и рагу, пища, естественный вкусъ которой измѣненъ всѣми ухищреніями стряпни, должны возбуждать аппетитъ, когда животы переполнены, а затѣмъ, опасеніе обременить желудокъ служитъ предлогомъ выпить лишній стаканъ вина, съ цѣлью облегчить пищевареніе, хотя оно только усиливаетъ пресыщеніе.

---

[1]) Старинный головной уборъ, носившійся женщинами. Пер.

[2]) Tirewoman, собственно, женщина, изготовляющая головные уборы. Пер.

Если мой барченокъ (young master) немножко расклеился, его первымъ дѣломъ спрашиваютъ: не хочешь-ли, милый, покушать? что тебѣ дать? Немедленно заставляютъ ѣсть и пить; всякій изощряется, придумывая блюдо, достаточно лакомое и тонкое, чтобы пересилить отсутствіе аппетита, которое природа мудро посылаетъ вначалѣ недуга, съ цѣлью помѣшать его усиленію, такъ какъ, освободившись отъ обычной работы переваріванія новаго груза въ желудкѣ, она можетъ безпрепятственно заняться исправленіемъ и преодолѣніемъ испорченныхъ соковъ [1]).

А тамъ, гдѣ дѣти настолько счастливы въ отношеніи родительскихъ попеченій, что благоразумно устраняются родителями отъ излишествъ стола и принуждены довольствоваться здоровой и простой пищей, они все-же врядъ-ли избѣгаютъ заразы, отравляющей душу; хотя благоразумный режимъ, быть можетъ, хорошо предохраняетъ ихъ здоровье, пока они остаются подъ домашнимъ надзоромъ, но ихъ влеченія должны поддаваться урокамъ, которые они получаютъ со всѣхъ сторонъ относительно этой стороны эпикурейства. Одобреніе, которымъ всюду пользуется хорошая ѣда, не преминетъ съ успѣхомъ подстрекнуть ихъ естественный аппетитъ, и живо пріучитъ ихъ любить изысканный столъ и тратиться на него. Это вѣдь и значитъ, по мнѣнію всѣхъ, даже обличителей порока, хорошо жить. Что-же осмѣлится сказать угрюмый разумъ противъ общественнаго мнѣнія? И можно-ли надѣяться, что его послушаютъ, если онъ назоветъ распущенностью то, къ чему такъ стремятся, и что повсемѣстно практикуется людьми высшаго круга.

Въ настоящее время этотъ порокъ такъ разросся и находитъ такую сильную опору, что я не знаю, не считается-ли онъ уже добродѣтелью; и не сочтутъ-ли безуміемъ или незнаніемъ свѣта высказываться противъ него. И, право, я бы опасался, что сказанное мною найдутъ сатирической выходкой, не относящейся къ моей темѣ, еслибъ не имѣлъ въ виду, упоминая о немъ, пробудить заботу и бдительность родителей въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и обратить ихъ вниманіе на то, что послѣдніе осаждены со всѣхъ сторонъ не только соблазнами, но и наставниками въ порокѣ, быть можетъ, именно въ лицѣ тѣхъ, которые считаются ихъ оберегателями.

Я не могу дольше останавливаться на этомъ предметѣ, а тѣмъ менѣе входить во всѣ подробности, которыя показали бы, какія усилія примѣняются для совращенія дѣтей и укорененія въ нихъ порока; но я желаю, чтобы родители твердо разсмотрѣли, есть ли такой безпорядокъ или порокъ, которому бы ихъ дѣти не обучались явно, и не обязываетъ ли долгъ и благоразуміе доставить имъ другіе уроки.

---

[1]) «Peccant humours» (лат. vitiosi humores) по понятіямъ старинной физіологіи-испорченныя жидкости человѣческаго организма, служащія причиной болѣзней. Пер.

(Требовательность).

38. Мнѣ кажется яснымъ, что начало всякой добродѣтели и превосходства обрѣтается въ способности отказываться отъ удовлетворенія нашихъ желаній, когда разумъ не одобряетъ ихъ. Эту способность надо пріобрѣтать и совершенствовать практикой, которая становится легкой и естественной, благодаря раннему навыку. Если-бы, слѣдовательно, я могъ разсчитывать, что меня послушаютъ, я посовѣтовалъ-бы, въ противуположность обычнымъ пріемамъ, пріучать дѣтей подавлять свои желанія и отказываться отъ своихъ влеченій съ самой колыбели. Первое, чему они должны научиться, —это, что они получаютъ что-либо не потому, что оно имъ нравится, а только потому, что оно считается для нихъ подходящимъ[1]).

Если доставлять имъ вещи, соотвѣтствующія ихъ нуждамъ, никогда не позволяя имъ имѣть то, чего они требовали съ плачемъ, то они научатся обходиться безъ этихъ требованій, никогда не станутъ ревомъ и капризничаньемъ добиваться господства, и не будутъ и вполовину такими несносными для себя и для другихъ, какими оказываются вслѣдствіе того, что эти пріемы не примѣняются къ нимъ съ самаго начала. Если никогда не допускать исполненія желаній, выражаемыхъ ими нетерпѣливо, то они не станутъ плакать изъ-за того, что имъ не даютъ разныхъ вещей, какъ не плачутъ изъ-за того, что имъ не даютъ луны.

39. Я не говорю, что дѣтямъ ни въ чемъ не слѣдуетъ давать

---

[1]) Совѣты Локка по поводу требовательности звучатъ нѣсколько рѣзко и, смѣю сказать, обнаруживаютъ большое невѣденіе въ области обхожденія съ дѣтьми. Для ребенка естественно требовать того, въ чемъ онъ нуждается; онъ ничего не знаетъ о пригодности для него предметовъ, которые ему хочется получить, за исключеніемъ ихъ способности доставлять ему непосредственное удовольствіе; и воспитывается, какъ отказомъ, такъ и удовлетвореніемъ его требованій. Въ самомъ дѣлѣ, вначалѣ онъ только этимъ путемъ узнаетъ, что для него годится и что не годится. Онъ соображаетъ, что то, въ чемъ отказываютъ ему любящіе родители, не годится для него, иначе не было-бы и отказа; и вскорѣ научается охотно и искренно покоряться отказамъ, на которые иногда бываютъ вынуждены родительская любовь и благоразуміе. Идеальный ребенокъ Локка, научившійся подавлять свои желанія и отказываться отъ своихъ влеченій съ колыбели, вслѣдствіе рано-пріобрѣтеннаго убѣжденія въ безполезности высказывать свои желанія и влеченія, можетъ быть очень «хорошимъ» ребенкомъ, въ томъ смыслѣ, что никому не будетъ мѣшать; но я подозрѣваю, что онъ будетъ вести безрадостное существованіе и что его реальныя нужды будутъ подавляться такъ же, какъ мнимыя. Такой способъ воспитанія оставляетъ слишкомъ мало мѣста для развитія сыновней привязанности и благодарности, такъ какъ родительская любовь выражается не въ удовлетвореніи требованій, а въ предупрежденіи ихъ и, слѣдовательно, не можетъ привлечь вниманія ребенка; онъ отнимаетъ у родителей драгоцѣнную возможность обращаться къ пробуждающемуся разуму дѣтей и, въ концѣ концовъ, подавленіе желанія, къ которому онъ принуждаетъ ребенка, будетъ не результатомъ разумнаго самообузданія, а результатомъ убѣжденія въ совершенной безполезности или даже опасности выражать свои чувства. (См. Введеніе, стр. 43). Д.

поблажку, и не ожидаю, что они поймутъ резоны и поведенiе старшихъ. Я смотрю на нихъ, какъ на дѣтей, которыя требуютъ нѣжнаго обращенiя, должны играть и имѣть игрушки. Я хочу только сказать, что если они стремятся получить или сдѣлать что-нибудь, неподходящее для нихъ, то имъ не слѣдуетъ разрѣшать этого на томъ основанiи, что они малы и что имъ хочется; напротивъ, они должны быть увѣрены, что если вздумаютъ приставать съ чѣмъ-нибудь, то именно на этомъ основанiи и получатъ отказъ [1]). Видалъ я дѣтей, которыя не требовали ничего, что бы ни подавалось на столъ, а довольствовались тѣмъ, что имъ давали; видалъ и такихъ, которыя съ крикомъ

[1]) Г. Молине, которому Локкъ послалъ свой опытъ съ просьбой дать отзывъ, дѣлаетъ резонное исключенiе для содержанiя этихъ параграфовъ. Онъ говоритъ: «Я думаю, что все, предлагаемое въ вашей книгѣ, весьма разумно и весьма исполнимо, за исключенiемъ одной частности, которая кажется мнѣ слишкомъ тяжелой для нѣжнаго духа дѣтей и для привязанности родителей. Это то мѣсто, гдѣ вы совѣтуете никогда не допускать, чтобы ребенокъ получалъ то, чего ему хочется, разъ онъ говоритъ, что ему хочется, особливо, если онъ требуетъ съ плачемъ. Я признаю, что ваше объясненiе этого правила (§ 101) по отношенiю къ естественнымъ потребностямъ, особливо къ голоду, можно признать основательнымъ; но въ § 102, гдѣ вы прилагаете его къ потребностямъ воображенiя или причудливости, вы кажетесь мнѣ черезчуръ строгимъ и суровымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вы говорите, что это научитъ ихъ подавлять свои желанiя и привыкать къ скромности и умѣренности; но для обученiя этимъ добродѣтелямъ мы имѣемъ, мнѣ кажется, достаточно случаевъ, относящихся къ ихъ вреднымъ желанiямъ, и нѣтъ надобности ограничивать ихъ такъ всецѣло въ вещахъ безразличныхъ и невинныхъ, которыя имѣютъ цѣлью только занять и развлечь ихъ дѣятельный духъ. Вы вѣдь соглашаетесь, что было-бы безчеловѣчно отказывать имъ въ тѣхъ вещахъ, которыя, какъ замѣтилъ воспитатель, радуютъ ихъ; если такъ, то я не вижу, почему бы не позволить имъ, скромно, и подчиняясь волѣ старшихъ, самимъ заявлять, что именно ихъ обрадуетъ. Нѣтъ, говорите вы, никогда не слѣдуетъ слушать или соглашаться на какiя бы то ни было заявленiя, относящiяся къ воображаемымъ и выдуманнымъ потребностямъ. Я никогда не соглашусь съ этимъ, такъ какъ это значитъ отрицать въ отношенiяхъ между ребенкомъ и его родителями ту свободу, которой мы желаемъ и которая намъ дарована въ отношенiяхъ между человѣкомъ и его Творцомъ. И какъ въ этомъ случаѣ человѣку дозволено заявлять о своихъ нуждахъ и съ покорностью обращать свои просьбы къ Богу, такъ, думается мнѣ, и дѣтямъ должно быть дозволено то же по отношенiю къ родителямъ и воспитателямъ. И подобно тому, какъ въ отношенiяхъ созданiя къ создателю воспрещено всякое неудовольствiе по поводу отказа или разочарованiя, такъ и въ случаѣ съ дѣтьми всякое брюзжанiе или неудовольствiе по поводу отказа должно вызывать строгое порицанiе. Но я согласенъ съ вами въ томъ, что если они выражаютъ свои желанiя, относящiяся къ реальнымъ или воображаемымъ потребностямъ, брюзгливо и капризно, то должны обязательно получать отказъ. Другой мотивъ, заставляющiй меня высказываться за предоставленiе дѣтямъ свободы выражать свои невинныя желанiя, тотъ, что противуположное требованiе неосуществимо; и вамъ придется или почти уморить дѣтей съ тоски вслѣдствiе отсутствiя развлеченiй и забавъ, или заставлять тѣхъ, кто смотритъ за ними цѣлый день, ничѣмъ другимъ не заниматься, кромѣ придумыванiя, чѣмъ бы ихъ занять; а какого это потребуетъ напряженiя человѣческой изобрѣтательности, сами можете судить. Но если бы даже для взрослаго человѣка было нетрудной задачей изучать круглый годъ воображенiе, безотчетные дѣтскiе порывы и фантазiи, то это

требовали всего, что только видѣли; которыя желали получить каждаго блюда, и притомъ раньше всѣхъ. Чѣмъ объясняется эта огромная разница, какъ не тѣмъ, что одинъ привыкъ получать все, чего потребуетъ, а другой привыкъ обходиться безъ этого? Чѣмъ они младше, тѣмъ менѣе слѣдуетъ, по моему мнѣнію, потворствовать ихъ необузданнымъ и безпорядочнымъ влеченіямъ; и чѣмъ меньше у нихъ разсудка, тѣмъ болѣе они должны подчиняться абсолютной власти и обузданію со стороны тѣхъ, на чьемъ попеченіи находятся. Отсюда слѣдуетъ, я согласенъ, что ихъ можно поручать только благоразумнымъ людямъ. Если свѣтъ обыкновенно дѣлаетъ иначе, то я не могу этому помочь. Я говорю, что, по моему мнѣнію, нужно дѣлать; если бы это было уже въ ходу, мнѣ не было-бы надобности безпокоить свѣтъ разсужденіями объ этомъ предметѣ. Но все же я не сомнѣваюсь, что по обсужденіи дѣла найдутся и другіе сторонники моего мнѣнія, которые согласятся со мною, что чѣмъ раньше вступить на этотъ путь съ дѣтьми, тѣмъ легче онъ окажется, какъ для нихъ, такъ и для ихъ воспитателей; и что слѣдующее правило должно быть ненарушимымъ: того, въ чемъ отказано дѣтямъ, они ни въ какомъ случаѣ не добьются плачемъ и приставаньемъ, если только вы не хотите сдѣлать ихъ нетерпѣливыми и надоѣдливыми, награждая за проявленіе этихъ свойствъ.

40. Поэтому тѣ, которые собираются всегда управлять своими дѣтьми, должны начинать это, пока они еще очень малы, и слѣдить за тѣмъ, чтобы они всецѣло покорялись родительской волѣ. Если вы хотите, чтобы вашъ сынъ повиновался вамъ, выйдя изъ дѣтскихъ лѣтъ, позаботьтесь установить вашъ отцовскій авторитетъ, лишь только ребенокъ станетъ способнымъ подчиняться и понимать, въ чьей вла-

---

все же не доставило бы радости ребенку, такъ какъ онъ не пользовался бы свободой выбора. Вы скажете, впрочемъ, что того и добиваетесь, чтобъ дѣти не могли выбирать по своей волѣ; но почему не дозволить этого въ невинныхъ вещахъ, въ играхъ или развлеченіяхъ,—я не вижу». (Письмо отъ 12 Авг., 1693).

Локкъ отвѣчаетъ: «Если вы потрудитесь прочесть еще разъ это мѣсто и вникнуть въ мою цѣль, то увидите, что имъ (дѣтямъ) нельзя потакать въ томъ, что ихъ причуды дѣлаютъ для нихъ потребностью, требующею удовлетворенія». Онъ далекъ отъ мысли, что дѣти не могутъ шага ступить безъ предписанія, и придаетъ такую важность развлеченію, что желалъ бы, насколько возможно, превратить въ развлеченіе все, что они дѣлаютъ. Имъ воспрещено только „распускаться въ своихъ желаніяхъ до навязчивыхъ требованій всего, что имъ придетъ въ голову". Читатели, полагаю, согласятся со мною, что отецъ въ этихъ вопросахъ можетъ судить лучше, чѣмъ философъ.

Требованія дѣтей, не подлежащія исполненію, всего лучше отклонять посредствомъ отвлеченія вниманія. «Недостаточно», говоритъ Зульцманъ, «отказывать имъ въ ихъ бурныхъ требованіяхъ, нужно еще умѣть отказывать. Просто отнимать у нихъ то, что они схватили, просто отказывать имъ въ ихъ просьбахъ значитъ вызывать огорченіе; такимъ способомъ легко можно посѣять сѣмена озлобленія, такъ какъ ребенокъ еще не понимаетъ мотивовъ отказа. Въ такихъ случаяхъ самый разумный способъ—попытаться отвлечь вниманіе отъ требуемаго предмета на что-нибудь другое. Если ребенокъ требуетъ ножа, покажите ему картинку; если хотите избавить отъ его рукъ птичку, покажите ему собачку. Заинтересовавшись послѣдней, онъ забудетъ думать о первой». Д.

сти онъ находится. Если вы хотите, чтобы онъ относился къ вамъ съ почтеніемъ, внѣдряйте это въ него съ малолѣтства; а по мѣрѣ того, какъ онъ приближается къ возрасту взрослаго, сближайтесь съ нимъ на болѣе дружеской ногѣ; такимъ образомъ онъ будетъ вашимъ послушнымъ подданнымъ (какъ оно и подобаетъ) въ дѣтствѣ и вашимъ любящимъ другомъ, когда выростетъ [1]). По моему мнѣнію, совершенно неправильно понимаютъ обхожденіе съ дѣтьми тѣ, которые снисходительны и фамильярны съ ними, пока они малы, но становятся суровыми и держатъ ихъ на извѣстномъ разстояніи, когда они выростутъ: свобода и потворство не приносятъ пользы дѣтямъ; недостатокъ разсудка дѣлаетъ для нихъ необходимыми принужденіе и дисциплину; и, наоборотъ, повелительный и суровый тонъ не годятся для обращенія со взрослыми, которые могутъ руководиться собственнымъ разумомъ, если только вы не собираетесь сдѣлаться въ тягость вашимъ дѣтямъ, когда они подростутъ, и заставить ихъ говорить про себя: когда же вы умрете, отецъ? [2]).

41. Я полагаю, что всякій найдетъ разумнымъ, чтобы его дѣти, пока они малы, смотрѣли на своихъ родителей, какъ на своихъ господъ, на своихъ абсолютныхъ повелителей, и относились къ нимъ съ соотвѣтственнымъ благоговѣніемъ; а достигнувъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, видѣли бы въ нихъ своихъ лучшихъ, единственныхъ надежныхъ друзей, и въ качествѣ таковыхъ любили и почитали ихъ. Указанный мною путь, если не ошибаюсь,—единственный, который можетъ привести къ этому. Мы должны видѣть въ нашихъ дѣтяхъ, когда они выростутъ, существа, подобныя намъ самимъ, съ тѣми же страстями и желаніями. Мы бы желали считаться разумными созданіями и пользоваться нашей свободой; мы не любимъ, когда насъ стѣсняютъ безпрестанными порицаніями и окриками, и не выносимъ суроваго обращенія со стороны тѣхъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Взрослый человѣкъ, подвергающійся такому обращенію, будетъ искать другой компаніи,

[1]) Лордъ Кингъ въ своей Жизни Локка сообщаетъ намъ, что образъ дѣйствій, предлагаемый здѣсь родителямъ, тотъ самый, котораго держался отецъ философа, приблизившій къ себѣ сына, когда годы и твердость характера сдѣлали его достойнымъ этой чести, и позднѣе всегда жившій съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Д.

[2]) Ср. Монтэнь, ii, 8: «Истинная и правильная привязанность должна возникать и возрастать по мѣрѣ того, какъ они даютъ узнать себя, и, если они оказываются достойными ея, лелѣять ихъ—такъ какъ въ этомъ случаѣ естественная склонность идетъ рука объ руку съ разумомъ—съ истинно отеческой любовью; а въ противномъ случаѣ судить и разбирать, по-прежнему подчиняясь разуму, что бы ни говорило естественное влеченіе. На дѣлѣ же бываетъ иногда совершенно наоборотъ; и очень часто мы болѣе интересуемся бѣготней, играми и ребяческой простотой нашихъ дѣтей, чѣмъ ихъ позднѣйшими, болѣе сознательными, дѣйствіями, какъ будто любимъ ихъ для нашей забавы, скорѣе какъ обезьянъ, чѣмъ какъ людей. Есть и такіе, которые очень щедры при покупкѣ имъ мячей для игры, и крайне скупы на самыя необходимыя издержки, когда они выростутъ. Да, до такой степени, что выходитъ похоже, будто зависть при видѣ того, какъ они вступаютъ въ міръ и наслаждаются имъ, межъ тѣмъ, какъ намъ приходится покидать его, дѣлаетъ насъ скаредными и жадными по отношенію къ нимъ. Насъ раздражаетъ то, что они слѣдуютъ за нами, какъ будто приглашая насъ уйти». Д.

другихъ друзей, другихъ собесѣдниковъ, съ которыми могъ бы чувствовать себя легко. Итакъ, если держать дѣтей въ ежовыхъ рукавицахъ съ самаго начала, то съ ними легко будетъ обращаться въ дѣтскомъ возрастѣ и они будутъ спокойно подчиняться, такъ какъ никогда не знали другого обращенія; а если, по мѣрѣ того, какъ они подрастаютъ и входятъ въ разумъ, строгость воспитанія, поскольку они этого заслуживаютъ, постепенно ослабляется, обращеніе отца становится все болѣе ласковымъ и разстояніе между нимъ и дѣтьми мало-по-малу уменьшается, то его первоначальная требовательность только усилитъ ихъ любовь, когда они убѣдятся, что она вытекала единственно изъ участія къ нимъ и желанія сдѣлать ихъ способными заслужить расположеніе своихъ родителей и уваженіе всѣхъ и каждаго.

42. Вотъ общее правило установленія вашего авторитета надъ вашими дѣтьми. Страхъ и благоговѣніе должны доставить вамъ первую власть надъ ихъ душами, а любовь и дружба въ болѣе зрѣлые годы сохранитъ ее, ибо наступитъ время, когда они перерастутъ розгу и наказаніе, а тогда, если любовь къ вамъ не сдѣлаетъ ихъ послушными и почтительными, если любовь къ добродѣтели и доброму имени не удержитъ ихъ на похвальномъ пути, то, спрашивается, за что вамъ ухватиться, чтобы направить ихъ на него? Въ самомъ дѣлѣ, опасеніе лишиться наслѣдства въ случаѣ вашего неудовольствія, можетъ сдѣлать ихъ рабами вашего состоянія, но это не помѣшаетъ имъ остаться втайнѣ испорченными и развращенными; и эта сдержка сохранится не навсегда. Каждаго придется когда-нибудь предоставить ему самому и его собственному поведенію; и хорошій, добродѣтельный и способный человѣкъ доженъ быть сдѣланъ такимъ внутри [1]). А потому, то, что онъ долженъ получить отъ воспитанія, что должно воздѣйствовать и вліять на его жизнь, слѣдуетъ влагать въ него своевременно; это привычки, переплетающіяся съ самыми основами его натуры, а не поддѣлка добраго поведенія, не фальшивая личина, надѣтая изъ страха, только для того, чтобы избѣжать гнѣва отца, который можетъ лишить его наслѣдства [2]).

---

[1]) Это принципъ первостепенной важности для родителей и учителей. Строгая дисциплина можетъ обезпечить внѣшнюю благопристойность поведенія, но эта благопристойность исчезнетъ вмѣстѣ съ дисциплиной. Наша цѣль не должна заключаться въ борьбѣ съ затрудненіями даннаго момента и въ наведеніи на нашихъ дѣтей или воспитанниковъ тонкаго лака хорошаго поведенія, который сохранится въ теченіе дѣтства; мы должны укоренять въ нихъ добрыя начала и развивать привычки, которыя будутъ оказывать хорошее вліяніе въ послѣдующей жизни. Чтобы достигнуть этого результата, мы должны работать изнутри, а не извнѣ. Мы должны начинать съ сердца. Д.

[2]) „Несчастенъ тотъ отецъ, къ которому дѣти привязаны — если это можно назвать привязанностью—лишь постольку, поскольку они нуждаются въ его помощи; онъ долженъ внушать почтеніе своею добродѣтелью и мужествомъ, любовь—своей добротой и мягкостью обращенія. Самый пепелъ дорогого предмета имѣетъ свою цѣнность; и мы съ уваженіемъ относимся къ костямъ и останкамъ достойныхъ людей. Самый преклонный возрастъ не можетъ быть разрушителенъ и уничижителенъ для человѣка, который съ честью прожилъ свою жизнь, но долженъ внушать къ нему почтеніе,

(Отдѣлъ III. §§ 43—51).

(О наказаніяхъ).

43. Установивъ такимъ образомъ общее направленіе, какого слѣдуетъ держаться, полезно будетъ разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе отдѣльныя стороны дисциплины, которую слѣдуетъ примѣнять. Я такъ много говорилъ о необходимости строгаго веденія дѣтей, что, можетъ быть, меня заподозрятъ въ недостаточно внимательномъ отношеніи къ требованіямъ ихъ нѣжнаго возраста и конституціи. Но это подозрѣніе исчезнетъ, если вы послушаете, что я буду говорить дальше; такъ какъ я весьма склоненъ думать, что очень строгія наказанія приносятъ мало добра, болѣе того, великій вредъ воспитанію; и я полагаю, что, caeteris paribus, дѣти, которыя особенно часто подвергались наказанію, рѣдко выходятъ лучшими людьми. Все, что я утверждалъ до сихъ поръ, сводится къ тому, что строгость, поскольку она необходима, тѣмъ умѣстнѣе, чѣмъ дѣти младше; и что, когда она при надлежащемъ примѣненіи принесла свои плоды, ее можно ослабить и замѣнить болѣе мягкимъ способомъ обращенія.

44. Покорность и гибкость ихъ воли, достигнутая настойчивостью родителей въ такой ранній періодъ, о которомъ дѣти не могли сохранить воспоминанія, будетъ казаться имъ естественной и продолжать свое дѣйствіе, предупреждая всякое сопротивленіе и непослушаніе. Нужно лишь позаботиться о томъ, чтобы это началось рано и продолжалось неотступно, пока покорность и почтительность не сдѣлаются привычными, а подчиненіе и безпрекословное повиновеніе не будутъ вызывать ни малѣйшаго сопротивленія въ ихъ душахъ. Разъ эта почтительность установилась (что должно быть достигнуто рано, иначе она будетъ стоить многихъ наказаній и побоевъ, и тѣмъ больше, чѣмъ дольше откладывать), она, въ связи съ такой степенью снисходительности, которая не можетъ повести къ злоупотребленіямъ съ ихъ стороны, а не побои, брань, унизительныя наказанія, должна служить въ будущемъ средствомъ ихъ воспитанія, по мѣрѣ того, какъ они подрастаютъ и становятся болѣе разумными.

45. Что это такъ, съ тѣмъ легко согласится всякій, кто разсмотритъ, чего должно добиваться серьезное воспитаніе и на чемъ оно вертится. 1. Кто не въ силахъ господствовать надъ своими наклонностями, кто не умѣетъ сопротивляться удовольствію или страданію настоящей минуты, когда разумъ говоритъ ему, что это должно быть сдѣлано, тотъ не обладаетъ истиннымъ началомъ добродѣтели и усердія (industry), и рискуетъ оказаться ни на что негоднымъ. Эти качества, столь противуположныя ненаправляемой природѣ, надо, поэтому, пріобрѣтать своевременно; и эта привычка, истинная

особливо со стороны дѣтей, въ душѣ которыхъ онъ обязанъ воспитать чувство долга, опираясь на разумъ, а не на ихъ нужду въ его помощи, не на грубость и насиліе“ (Монтэнь, ii. 8). Д.

основа будущихъ добропорядочности и счастья, должна укореняться въ душѣ какъ можно раньше, съ первыми проблесками сознательности и пониманія у дѣтей, и утверждаться въ нихъ всевозможными путями и средствами тѣмъ, кто завѣдуетъ ихъ воспитаніемъ.

46. 2. Съ другой стороны, если дѣтская душа черезчуръ придавлена и принижена; если ихъ духъ пришибленъ и сломленъ черезчуръ строгой властью, тяготѣющей надъ ними, то они теряютъ всю свою силу и усердіе (industry) и оказываются въ худшемъ состояніи, чѣмъ были, такъ какъ своенравные ребята, полные жизни и одушевленія, выходятъ иногда на прямой путь и становятся дѣльными и выдающимися людьми; но пришибленныя души, робкія и вялыя, и лишенныя бодрости, врядъ ли могутъ когда-нибудь воспрянуть и очень рѣдко достигаютъ чего-нибудь. Чтобы избѣжать опасности, которая грозитъ съ двухъ сторонъ, требуется большое искусство; и тотъ, кто нашелъ способъ сохранить душу ребенка непринужденной, дѣятельной и свободной, а въ тоже время удержать его отъ многихъ вещей, къ которымъ онъ питаетъ склонность, и направить къ такимъ, которыя ему не по душѣ; кто, говорю, сумѣлъ примирить эти кажущіяся противуположности, тотъ, по моему мнѣнію, овладѣлъ тайной истиннаго воспитанія [1]).

47. Обычный лѣнивый и короткій способъ воздѣйствія посредствомъ тѣлеснаго наказанія и розги, это единственное орудіе управленія, признаваемое и понимаемое большинствомъ учителей, менѣе всѣхъ другихъ пригодно въ дѣлѣ воспитанія, такъ какъ приводитъ къ общимъ вышеупомянутымъ вреднымъ послѣдствіямъ, представляющимъ, какъ мы показали, Сциллу и Харибду, которыя такъ или иначе губятъ неудачно поставленное дѣло.

48. 1. Этотъ родъ наказанія вовсе не способствуетъ обузданію нашей естественной склонности предаваться тѣлесному и наличному удовольствію и всѣми способами избѣгать страданія, но скорѣе поощряетъ его и такимъ образомъ укрѣпляетъ въ насъ то, что является корнемъ, изъ котораго выростаютъ всѣ порочные поступки и неправильности жизни. Въ самомъ дѣлѣ, какой-же иной мотивъ, кромѣ чувственнаго удовольствія или страданія, руководитъ ребенкомъ, который томится надъ книгой наперекоръ своей склонности, или воздерживается ѣсть нездоровый плодъ, хотя тотъ ему нравится, единственно изъ опасенія розогъ? Въ этомъ случаѣ онъ только предпочитаетъ

---

[1]) Съ удовольствіемъ можно отмѣтить, что большинство нашихъ англійскихъ школъ овладѣли этой тайной. Безъ всякихъ тѣлесныхъ наказаній или какого бы то ни было торроризма вообще, въ силу простого сообразованія съ законами природы и обращенія къ законнымъ мотивамъ, дѣти научаются контролировать свои естественныя наклонности, не теряя живости и веселья, свойственныхъ дѣтской природѣ. Не стѣсняйте безъ надобности свободу ребенка, дайте ему почувствовать, что ограниченія, налагаемыя на него, имѣютъ въ виду его же благополучіе, пускайте въ ходъ всѣ разумные мотивы, которые могутъ побудить его къ исполненію долга, когда это непріятно, не налагайте на него бремени, черезчуръ тяжелаго для его силъ, и вы увидите, что онъ научится обуздывать себя, оставаясь въ тоже время «непринужденнымъ, дѣятельнымъ и свободнымъ». Д.

большее тѣлесное удовольствіе или избѣгаетъ большаго тѣлеснаго страданія. Что же значитъ управлять его поступками и управлять его поведеніемъ посредствомъ подобныхъ мотивовъ? Что это значитъ, говорю я, какъ не поощрять въ немъ то самое начало, въ искорененіи и истребленіи котораго заключается наша задача? И потому, я не могу считать какое-бы то ни было наказаніе полезнымъ для ребенка, если стыдъ пострадать за проступокъ (shame of suffering for having done amiss) не дѣйствуетъ на него сильнѣе самого страданія [1]).

49. 2. Этотъ родъ исправленія естественно порождаетъ отвращеніе къ тому, къ чему воспитатель долженъ внушить любовь. Какъ очевидно для наблюдателя, что дѣти начинаютъ ненавидѣть вещи, которыя первоначально были для нихъ пріемлемы, послѣ того, какъ подвергнутся изъ-за нихъ сѣченію, брани и истязаніямъ! И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь и взрослымъ людямъ нельзя внушить склонности къ чему-либо подобными средствами. Кто не почувствуетъ отвращенія къ самому невинному развлеченію, которое само по себѣ безразлично для него, если его пинками или бранью заставляютъ развлекаться, когда ему этого не хочется; или постоянно подвергаютъ такому обращенію за какія-нибудь обстоятельства, связанныя съ нимъ. Это вполнѣ естественно. Непріятныя обстоятельства отравляютъ обыкновенно самыя невинныя вещи, съ которыми они связаны; одинъ видъ чашки, изъ которой приходилось принимать отвратительное лѣкарство, уже вызываетъ тошноту, такъ что все покажется въ ней противнымъ, хотя бы она была совершенно чиста, красивой формы и изъ самаго дорогого матерьяла.

50. 3. Этотъ родъ рабьей дисциплины создаетъ рабій характеръ. Ребенокъ подчиняется и притворяется послушнымъ, пока надъ нимъ виситъ страхъ розги; но когда онъ устраненъ, и ребенокъ, въ виду отсутствія надзора, можетъ расчитывать на безнаказанность, онъ даетъ тѣмъ большій просторъ своей естественной наклонности, которая, такимъ образомъ, ничуть не измѣняется, а, напротивъ, разрастается и усиливается; и послѣ такой насильственной сдержки прорывается обыкновенно еще болѣе бурно; или,

51. 4. Если строгость, доведенная до высшей степени, беретъ верхъ и исцѣляетъ отъ имѣющейся дурной наклонности, то это часто

---

[1]) Не стыдъ наказанія, а стыдъ самого поступка долженъ удерживать отъ его совершенія, разъ дѣло идетъ о моральныхъ основахъ поведенія. Если воспитаніе, достойное человѣка, не можетъ основываться на запугиваніи ребенка физическими страданіями, то еще менѣе можетъ оно основываться на запугиваніи его позоромъ, т. е. униженіемъ и надругательствомъ надъ душою. Это относится не къ тѣлесному наказанію только—которое современная педагогія всегда, во всякихъ случаяхъ и при всякихъ обстоятельствахъ считаетъ преступленіемъ со стороны воспитателя—но къ наказаніямъ вообще: у нихъ нѣтъ и не можетъ быть моральнаго значенія, такъ какъ, если моральное начало, голосъ совѣсти, способенъ удерживать ребенка отъ проступка, то наказанія излишни. Самый фактъ наказанія показываетъ, что въ данномъ случаѣ воспитатель считаетъ моральное начало безсильнымъ или не дѣйствующимъ. Оттого, при невозможности избѣжать наказаній, нужно предпочитать такія, которыя являются естественными и неизбѣжными послѣдствіями поступка. Перев.

достигается путемъ насажденія худшаго и болѣе опаснаго недуга, душевной пришибленности; а въ такомъ случаѣ вмѣсто безпорядочнаго малаго мы создаемъ малодушное, вялое существо, которое можетъ очень нравиться своей противоестественной степенностью глупымъ людямъ, одобряющимъ смирныхъ, вялыхъ дѣтей, потому что они не шумятъ и не доставляютъ имъ безпокойства; но въ концѣ концовъ, вѣроятно, окажется непріятнымъ для своихъ друзей и на всю жизнь останется безполезнымъ для себя и другихъ [1]).

(Отдѣлъ IV. §§ 52—63).

(О наградахъ).

52. Побои всякаго рода и другія рабскія и тѣлесныя наказанія не годятся для воспитанія тѣхъ, кого мы хотимъ сдѣлать разумными, добрыми и чистосердечными людьми; и потому должны примѣняться очень рѣдко, лишь по важнымъ поводамъ и въ крайнихъ случаяхъ. Съ другой стороны, нужно такъ же тщательно избѣгать поощренія дѣтей вещами, которыя имъ нравятся. Тотъ, кто даетъ своему сыну яблоки или конфекты, или что-нибудь въ этомъ родѣ, что ему особенно нравится, съ цѣлью заставить его учить свои книжки, только поощряетъ его любовь къ удовольствіямъ и потакаетъ той опасной склонности, которую слѣдуетъ всячески обуздывать и подавлять. Не надѣйтесь научить его господствовать надъ нею, если, препятствуя его наклонности въ одномъ отношеніи, вы поощряете ее въ другомъ. Чтобы сдѣлаться хорошимъ, разумнымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ, онъ долженъ научиться обуздывать свое влеченіе и подавлять свои склонности къ роскоши, щегольству, лакомству etc., когда его разумъ совѣтуетъ, а долгъ требуетъ противуположнаго. Но

---

[1]) «Я осуждаю всякое насиліе»,—говоритъ Монтэнь, «въ воспитаніи нѣжной души, предназначенной для чести и свободы. Въ строгости и принужденіи есть нѣчто рабье; и я того мнѣнія, что, чего нельзя достигнуть разумомъ, благоразуміемъ или умѣньемъ, того не слѣдуетъ добиваться силой. Я самъ былъ воспитанъ такимъ образомъ; и знаю, что въ раннемъ дѣтствѣ былъ всего два раза наказанъ розгой, и притомъ очень легко. Я примѣнялъ тотъ же методъ къ моимъ дѣтямъ, которые умерли въ пеленкахъ, за исключеніемъ Леоноры, моей единственной дочери, прожившей болѣе шести лѣтъ, безъ всякаго наказанія за свои дѣтскія выдумки (чему содѣйствовала кротость ея матери), кромѣ словъ, притомъ всегда очень ласковыхъ... Единственное дѣйствіе порки, которое мнѣ пришлось наблюдать, заключается въ томъ, что она дѣлаетъ ихъ болѣе трусливыми или болѣе своевольными и упорными. Желаемъ-ли мы, чтобы наши дѣти любили насъ? Должны-ли мы устранять отъ нихъ всякій поводъ желать нашей смерти? (хотя такое ужасное желаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть справедливымъ или извинительнымъ: nullum scelus rationem habet),—въ такомъ случаѣ будемъ разумно устраивать ихъ жизнь, насколько это въ нашей власти» (Essais, lib. ii. ch. 8). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Безъ ухищреній, безъ книгъ, безъ грамматики или правилъ, безъ побоевъ и слезъ, я овладѣлъ латынью такъ-же хорошо, какъ владѣлъ ею мой учитель» (Essais, lib. i. ch. 25). *Д.*

если вы побуждаете его дѣлать, что слѣдуетъ, даря ему деньги, если вы награждаете его за непріятную работу надъ учебникомъ лакомствами; если вы обѣщаете ему кружевной галстухъ или хорошенькій новый костюмъ за исполненіе какой-либо изъ его маленькихъ обязанностей; то что вы собственно дѣлаете, предлагая эти награды? Вы соглашаетесь, что эти хорошія вещи должны быть цѣлью его стремленій, и такимъ образомъ поощряете его влеченіе къ нимъ и пріучаете его видѣть въ нихъ свое счастье. Такъ люди, добиваясь отъ дѣтей, посредствомъ неправильно примѣняемыхъ наградъ и наказаній, усердія къ грамматикѣ, танцамъ или другимъ подобнымъ-же предметамъ, вовсе неважнымъ для счастья или полезности ихъ будущей жизни, жертвуютъ ихъ добродѣтелью, извращаютъ правила ихъ воспитанія и пріучаютъ ихъ къ роскоши, гордости или сребролюбію etc., ибо, потворствуя такимъ образомъ этимъ дурнымъ наклонностямъ, вмѣсто того, чтобы обуздывать и подавлять ихъ, они вкладываютъ основу будущихъ пороковъ, которыхъ можно избѣжать только преодолѣвая наши желанія и съ раннихъ поръ привыкая подчинять ихъ разуму.

53. Я не хочу сказать, что дѣтей нужно лишать тѣхъ жизненныхъ удобствъ и удовольствій, которыя безвредны для ихъ здоровья и добродѣтели. Напротивъ, я желалъ-бы, чтобы ихъ жизнь была сдѣлана настолько отрадной и пріятной, насколько это возможно, и чтобы они пользовались всѣмъ, что можетъ доставить имъ невинное развлеченіе; съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы эти развлеченія были простыми послѣдствіями, основанныхъ на уваженіи и довѣріи отношеній съ родителями и воспитателями; но никогда не обѣщались и не доставлялись имъ за исполненіе той или другой обязанности, которая внушаетъ имъ отвращеніе, и осталась бы неисполненной ими безъ этого соблазна.

54. Но (скажутъ мнѣ) если вы устраните съ одной стороны розгу, а съ другой—маленькія поощренія, то какъ же вы будете управлять дѣтьми? Устраните надежду и страхъ.—конецъ всякой дисциплинѣ. Я согласенъ, что добро и зло, награды и наказанія—единственные мотивы для разумнаго существа: это шпоры и возжи, побуждающія все человѣчество заниматься дѣломъ и руководящія имъ, а потому онѣ должны примѣняться и къ дѣтямъ. Ибо я совѣтую родителямъ и воспитателямъ всегда помнить о томъ, что съ дѣтьми слѣдуетъ обходиться, какъ съ разумными существами.

55. Я согласенъ, что награды и наказанія должны примѣняться къ дѣтямъ, если мы желаемъ дѣйствовать на нихъ. Ошибка, мнѣ кажется, заключается въ томъ, что общеупотребительныя наказанія и награды плохо выбраны. Тѣлесныя страданія и удовольствія приводятъ, по моему мнѣнію, къ дурнымъ послѣдствіямъ, если примѣняются въ качествѣ наказаній и наградъ, посредствомъ которыхъ люди думаютъ воздѣйствовать на своихъ дѣтей; ибо, какъ я уже сказалъ, они только усиливаютъ и укрѣпляютъ тѣ наклонности, которыя намъ слѣдуетъ искоренять и обуздывать. Какое начало добродѣтели заложите вы въ ребенка, если будете обуздывать желаніе одного удо-

вольствія, предлагая взамѣнъ другое? Это значитъ только расширять его влеченія и пріучать ихъ переноситься съ предмета на предметъ. Если ребенокъ требуетъ съ плачемъ нездороваго и опаснаго плода, вы покупаете его спокойствіе, давая ему менѣе вредныя сласти. Это, быть можетъ, сохраняетъ его здоровье, но развращаетъ его душу и сбиваетъ его съ толка. Вѣдь вы только мѣняете объектъ, но поощряете его влеченіе и соглашаетесь, что оно должно быть удовлетворено, а въ этомъ, какъ я показалъ, и заключается корень зла; и пока вы не сдѣлаете его способнымъ отказываться отъ удовлетворенія, ребенокъ можетъ оставаться въ данный моментъ спокойнымъ и благонравнымъ; но онъ не вылѣчился отъ недуга. Дѣйствуя такимъ образомъ, вы поддерживаете и поощряете въ немъ то, что является источникомъ, изъ котораго вытекаетъ все зло, и можно быть увѣренными, что на слѣдующій разъ онъ прорвется еще болѣе бурно, сообщитъ ему еще болѣе сильныя влеченія, а вамъ доставитъ еще больше хлопотъ.

56. Итакъ, награды и наказанія, посредствомъ которыхъ мы должны держать въ порядкѣ дѣтей, совершенно иного рода и такой силы, что разъ только намъ удалось пустить ихъ въ ходъ,—дѣло, по моему, уже сдѣлано и затрудненіе устранено. Честь и позоръ могущественнѣйшіе изъ всѣхъ стимуловъ души, разъ она способна оцѣнить ихъ. Если только вамъ удалось внушить дѣтямъ любовь къ хорошей репутаціи и страхъ стыда и позора, то вы вложили въ нихъ правильный принципъ который будетъ дѣйствовать постоянно и склонять ихъ къ добру. Но вы спросите: какъ же это сдѣлать? Сознаюсь, что на первый взглядъ это кажется довольно затруднительнымъ; но все же я думаю, что намъ стоитъ поискать путей [и воспользоваться ими, если они будутъ найдены] къ достиженію того, что я считаю главнымъ секретомъ воспитанія.

57. Во-первыхъ дѣти [быть можетъ раньше чѣмъ мы думаемъ] очень чувствительны къ похвалѣ и одобренію. Имъ доставляетъ удовольствіе, если ихъ одобряютъ и цѣнятъ, особливо родители, и другія лица, отъ которыхъ они зависятъ. Если, слѣдовательно, отецъ ласкаетъ и одобряетъ ихъ, когда они поступаютъ хорошо, и обнаруживаетъ холодное и пренебрежительное отношеніе къ нимъ, когда они поступаютъ дурно, и если той же системы держатся ихъ мать и всѣ окружающіе, то немного времени потребуется, чтобы они почувствовали эту разницу въ обращеніи; и я не сомнѣваюсь, что при постоянномъ примѣненіи эта система будетъ дѣйствовать успѣшнѣе угрозъ и побоевъ, которые теряютъ свою силу, если становятся обыкновенными, и ни къ чему не служатъ, если не сопровождаются стыдомъ; а потому должны быть устранены и никогда не примѣняться, за исключеніемъ перечисленныхъ ниже случаевъ, когда ихъ примѣненіе вызывается крайностью.

58. Но, во-вторыхъ, чтобы глубже укоренить чувство почета или позора и придать имъ больше вѣса, другія пріятныя или непріятныя вещи должны постоянно сопровождать эти различныя состоянія; не въ качествѣ спеціальныхъ наградъ и наказаній за тотъ или другой спеціальный поступокъ, а какъ необходимое достояніе и постоянный

удѣлъ того, кто своимъ поведеніемъ поставилъ себя въ состояніе одобряемаго или неодобряемаго. Этотъ способъ обращенія съ дѣтьми можетъ привести ихъ къ убѣжденію, что тѣ, которыхъ одобряютъ и отличаютъ за хорошее поведеніе, непремѣнно будутъ любимы и ласкаемы всѣми, а вслѣдствіе этого будутъ получать всѣ остальныя хорошія вещи; и, наоборотъ, тотъ, кто вслѣдствіе своего дурного поведенія утрачиваетъ хорошее мнѣніе и не заботится о своей репутаціи, неизбѣжно навлечетъ на себя презрѣніе и осужденіе; а результатомъ этого состоянія будетъ отсутствіе всего, что можетъ доставить ему удовлетвореніе и удовольствіе. Такимъ образомъ объекты нашихъ желаній становятся пособниками добродѣтели, если постоянный опытъ съ самаго начала научаетъ дѣтей, что вещи, которыя доставляютъ имъ удовольствіе, принадлежатъ и достаются только тѣмъ, кто пользуется хорошей репутаціей. Если только вамъ удастся этими средствами заставить ихъ стыдиться своихъ проступковъ [я бы охотно ограничилъ этимъ всѣ наказанія] и находить удовольствіе въ сознаніи, что о нихъ хорошо думаютъ, то вы будете въ состояніи дѣлать съ ними, что угодно, и они полюбятъ всѣ пути добродѣтели.

59. Главное затрудненіе въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, заключается въ глупости и развращенности прислуги, которой трудно помѣшать дѣйствовать въ разрѣзъ съ намѣреніями отца и матери. Дѣти, заслужившія неодобреніе родителей какимъ-нибудь проступкомъ, находятъ обыкновенно убѣжище и утѣшеніе въ ласкахъ этихъ глупыхъ льстецовъ, которые такимъ образомъ разрушаютъ все, что родители пытаются создать. Если отецъ или мать сердиты на своего ребенка, то и всѣ должны относиться къ нему съ той же холодностью и никто не долженъ ободрять его, пока, испросивъ прощеніе и исправивъ свой проступокъ онъ не возстановитъ своихъ правъ и не вернетъ прежняго расположенія. Если это будетъ постоянно соблюдаться, то я ручаюсь, что всякіе побои и брань окажутся излишними: собственное благополучіе и довольство живо научатъ дѣтей добиваться одобренія и избѣгать такихъ поступковъ, которые, какъ они убѣдились, осуждаются всѣми и доставляютъ имъ страданіе, хотя бы не въ смыслѣ побоевъ или брани. Это научитъ ихъ скромности и стыдливости; и они вскорѣ пріобрѣтутъ естественное отвращеніе къ тому, что навлекаетъ на нихъ неодобреніе и пренебреженіе со стороны всѣхъ и каждаго. Но какъ устранить вредное вмѣшательство прислуги,—о томъ пусть подумаютъ и позаботятся родители; я же придаю этому большое значеніе, и считаю счастливыми тѣхъ, кто можетъ окружить своихъ дѣтей надежными людьми.

60. Итакъ, слѣдуетъ всячески избѣгать частыхъ побоевъ или брани; такъ какъ этотъ родъ исправленія можетъ оказаться полезнымъ лишь постольку, поскольку возбуждаетъ стыдъ и отвращеніе къ дурному поведенію, которое повлекло его за собою; если же главная часть наказанія не заключается въ сознаніи своей неправоты и опасенія, что этимъ навлекъ на себя справедливое неудовольствіе своихъ лучшихъ друзей, то боль отъ сѣченія является очень ненадежнымъ лѣкарствомъ. Оно только затягиваетъ рану, накладываетъ на нее пла-

стырь, но не проникаетъ вглубь. Искренній стыдъ и опасеніе вызвать неудовольствіе,—вотъ единственныя дѣйствительныя сдерживающія начала. Они одни должны служить возжами и держать ребенка въ порядкѣ; тѣлесныя же наказанія неизбѣжно утрачиваютъ силу и убиваютъ чувство стыда, если часто повторяются. Стыдъ у дѣтей тоже, что скромность у женщинъ, которая не можетъ сохраниться, если часто нарушается. Что касается опасенія возбудить неудовольствіе родителей, то оно не будетъ играть значительной роли, если признаки этого неудовольствія быстро исчезаютъ, и нѣсколько ударовъ вполнѣ искупаютъ проступокъ. Родители могутъ правильно разбирать, какіе проступки дѣтей достаточно серьезны, чтобы вызвать проявленіе ихъ гнѣва; но разъ ихъ неудовольствіе проявилось въ степени, влекущей ка собой наказаніе, не слѣдуетъ быстро перелагать гнѣвъ на милость, нужно возвращать дѣтямъ свое расположеніе не безъ труда и откладывать окончательное примиреніе до тѣхъ поръ, пока ихъ послушаніе и исключительно хорошее поведеніе не докажутъ искренности ихъ раскаянія[1]). При иномъ порядкѣ, наказаніе, вслѣдствіе привычки, станетъ зауряднымъ дѣломъ и утратитъ свое вліяніе; совершить проступокъ, претерпѣть наказаніе, а затѣмъ быть прощеннымъ будетъ казаться такимъ же естественнымъ и необходимымъ, какъ смѣна дня, ночи и утра.

61. Относительно хорошей репутаціи прибавлю одно: хотя это не есть истинное начало и мѣрило добродѣтели (таковымъ является сознаніе долга и готовность повиноваться Творцу, слѣдуя указаніямъ того свѣта, который Богъ даровалъ человѣку, съ надеждой на благоволеніе и воздаяніе свыше), но наиболѣе близко подходитъ къ нему; и будучи признаніемъ и одобреніемъ, которое разумъ другихъ, какъ бы по общему соглашенію, выноситъ добродѣтельнымъ и добропорядочнымъ поступкамъ, можетъ служить подходящимъ руководствомъ и поощреніемъ для дѣтей, пока они не вырастутъ настолько, что станутъ способными судить самостоятельно, и собственнымъ разсудкомъ находить то, что хорошо.

62. Это соображеніе можетъ служить для родителей указаніемъ, чего имъ держаться въ отношеніи исправленія и поощренія дѣтей. Выговоры и порицанія, которыхъ иногда невозможно избѣжать, должны имѣть спокойный, серьезный и безстрастный характеръ и дѣлаться наединѣ, съ глазу на глазъ; похвалы же, если дѣти заслуживаютъ ихъ,—высказываться въ присутствіи другихъ[2]). Это удваиваетъ на-

[1]) Эта система моральнаго угнетенія, конечно, не хуже физическихъ наказаній, приведетъ къ душевной пришибленности, или озлобленію, или лицемѣрію со стороны ребенка. Попадая то въ положеніе отверженца, то въ положеніе любимца, онъ выведетъ изъ того лишь одно: что старшимъ надо умѣть угодить, иначе будетъ плохо. Вмѣсто развитія самостоятельной личности ребенка — общая цѣль Локка —получится ея калѣченіе. Задача воспитанія не въ замѣнѣ физическихъ истязаній моральными, а въ устраненіи всякихъ истязаній. Пер.

[2]) Публичность усиливаетъ дѣйствіе похвалы и порицанія, но нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы она не поощряла тщеславія въ первомъ случаѣ и

граду, распространяя похвалу; тогда какъ нежеланіе родителей доводить до общаго свѣдѣнія проступки дѣтей заставитъ послѣднихъ больше дорожить своей репутаціей и научитъ ихъ бережно относиться къ хорошему мнѣнію другихъ, пока они думаютъ, что пользуются имъ; если же осрамить ихъ, разгласивъ объ ихъ дурномъ поведеніи, эта сдержка исчезнетъ, и они тѣмъ менѣе будутъ заботиться о сохраненіи добраго мнѣнія другихъ, чѣмъ сильнѣе будутъ подозрѣвать, что ихъ репутація уже запятнана.

63. Но въ случаѣ правильной постановки воспитанія дѣтей, къ обычнымъ наградамъ и наказаніямъ придется прибѣгать далеко не такъ часто, какъ мы воображаемъ, и какъ повелось въ установившейся практикѣ. Во всѣхъ невинныхъ дурачествахъ, играхъ и дѣтскихъ выходкахъ имъ слѣдуетъ предоставлять полную, ничѣмъ не стѣсняемую, свободу, насколько она совмѣстима съ подобающимъ уваженіемъ къ присутствующимъ; и предоставлять съ полной готовностью. Если исправленіе этихъ недостатковъ не столько самихъ дѣтей, сколько ихъ возраста, предоставить, какъ оно и слѣдуетъ, времени, подражанію и болѣе зрѣлымъ годамъ, то дѣти будутъ избавлены отъ множества неумѣстныхъ и безполезныхъ взысканій, которыя либо не въ силахъ преодолѣть естественной склонности дѣтскаго возраста, и въ такомъ случаѣ, создавая привычку къ наказаніямъ, уменьшаютъ ихъ пользу въ другихъ, серьезныхъ, случаяхъ; либо оказываются достаточно сильными, чтобы обуздать естественную веселость этого возраста, и въ такомъ случаѣ приносятъ только ущербъ тѣлесный и душевный. Если шумъ и суматоха ихъ игръ оказываются въ данный моментъ неудобными или не соотвѣтствующими мѣсту или обществу, въ которомъ они находятся (что можетъ случиться только, когда родители съ ними), то одного взгляда или слова отца или матери, если они сумѣли какъ должно установить свой авторитетъ, будетъ достаточно, чтобы удалить или успокоить ихъ на время. Но это веселое настроеніе [1]), мудро приспособленное природой къ ихъ возрасту и характеру, слѣдуетъ поощрять въ видахъ поддержанія ихъ бодрости и улучшенія

не ослабляла чувства стыда во второмъ. Все зависитъ отъ характера ребенка и способа хвалить или порицать. Д.

[1]) Счастье есть первое условіе физическаго, интеллектуальнаго, моральнаго и духовнаго развитія, и мы должны стремиться обезпечить его за дѣтьми на всѣхъ стадіяхъ воспитанія. Хорошо, что условія разумнаго воспитанія суть въ то же время условія истиннаго счастья. Счастье, къ тому-же, легче поддается наблюденію, чѣмъ мудрость, и за его указаніями нужно тщательно слѣдить. Если ребенокъ постоянно чувствуетъ себя несчастнымъ, то это вѣрный знакъ, что въ условіяхъ его жизни есть нѣчто глубоко ненормальное. «Взрослые», говоритъ Исаакъ Тэйлоръ, «ищутъ внѣшнихъ средствъ развлеченія и находятъ счастье въ удовлетвореніи спеціальныхъ влеченій или желаній; но ребенокъ, если только онъ избавленъ отъ положительнаго страданія, черпаетъ счастье въ своихъ собственныхъ рессурсахъ и въ постоянномъ наплывѣ радостныхъ эмоцій, пробивающихся наружу безъ опредѣленнаго направленія... Счастье дѣтей не есть нѣчто такое, что нужно добыть и приготовить для нихъ, какъ ежедневную пищу; они уже обладаютъ имъ, и намъ приходится хлопотать и заботиться лишь о томъ, чтобы у нихъ не отнимали его». Д.

ихъ здоровья и силы, а не подавлять и обуздывать; да и главное искусство воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать все, чѣмъ они должны заниматься, игрою и забавою [1]).

(Отдѣлъ V. §§ 64—66).

(О правилахъ).

64. Здѣсь позвольте мнѣ обратить вниманіе на одну вещь, которую я считаю ошибкой обычнаго метода воспитанія; это обремененіе дѣтской памяти всевозможными правилами и предписаніями, которыя часто остаются непонятными для нихъ и постоянно забываются тотчасъ по усвоеніи. Если вы желаете пріучить дѣтей дѣлать, что нибудь или дѣлать иначе всякій разъ, какъ они забываютъ или дѣлаютъ неловко, заставляйте ихъ передѣлывать это снова и снова [2]), пока они не достигнутъ совершенства; это доставитъ вамъ двѣ выгоды: во-первыхъ, вы увидите, способны-ли дѣти къ такому-то дѣйствію, и можно-ли его ожидать отъ нихъ; такъ какъ иногда дѣтей заставляютъ дѣлать такія вещи, которыя, какъ показываетъ испыта-

---

[1]) Это интересное предвосхищеніе Фребелевскихъ дѣтскихъ садовъ, въ которыхъ регулированная игра сдѣлана орудіемъ воспитанія. Но не только въ дѣтской школѣ работа можетъ быть комбинирована съ развлеченіемъ, развлеченіе съ работою. На каждой стадіи воспитанія искусный учитель можетъ найти средство уменьшить скучныя, увеличить привлекательныя стороны ученья.

Локкъ не имѣетъ въ виду отстаивать тотъ предосудительный методъ, который пытается устранить всякія серьезныя усилія со стороны ребенка. Онъ имѣетъ въ виду тотъ фактъ, что всякая работа, разъ она дѣлается съ охотой и удовольствіемъ, становится развлеченіемъ. Ребенокъ не знаетъ разницы между работою и игрою. «Игра для ребенка», замѣтилъ кто-то, «есть серьезное дѣло жизни». Съ другой точки зрѣнія работа, пока она удовлетворяетъ естественные инстинкты и совершается добровольно, имѣетъ характеръ игры. Д.

[2]) Repetitio est mater studiorum было однимъ изъ любимыхъ правилъ іезуитскихъ школъ. Равнымъ образомъ вѣрно и то, что повтореніе есть мать привычекъ. Это не только средство запечатлѣть что либо въ памяти; это необходимое условіе пріобрѣтенія способности легко дѣлать что нибудь. Какъ тѣлесныя, такъ и душевныя способности должны развиться до соотвѣтствія своей работѣ. Мало того, если ребенокъ научился дѣлать что нибудь неправильно, онъ не можетъ отказаться отъ этого неправильнаго пріема по простому приказанію или замѣчанію другого. Мы не обладаемъ абсолютной властью надъ свой памятью, и какъ для исправленія, такъ и для новыхъ пріобрѣтеній, какъ для устраненія старыхъ, такъ и для образованія новыхъ привычекъ, требуется время. Учитель долженъ помнить, что если онъ хочетъ образовать новую привычку, то для того, чтобы сдѣлать ее легкой и безсознательной, требуется достаточное число повтореній. Рихтеръ говоритъ: «Подобно художнику, рисующему фрески, учитель накладываетъ на влажную штукатурку краски, которыя постоянно блекнутъ, такъ что приходится постоянно накладывать все новые и новые слои, пора они не перестанутъ терять яркость» (Левана, фраг. I. гл. ii 7). Д.

ніе, не по силамъ для нихъ, такъ что сначала слѣдуетъ научить ихъ ихъ этимъ вещамъ и поупражнять въ нихъ, а затѣмъ уже требовать исполненія. Но для воспитателя гораздо легче приказывать, чѣмъ учить. Другая выгода заключается въ томъ, что вслѣдствіе повторенія одного и того-же дѣйствія, пока оно не сдѣлается привычнымъ, исполненіе его перестаетъ зависѣть отъ памяти [1]) или размышленія, спутниковъ благоразумія и зрѣлаго возраста, а не дѣтства, и становится естественнымъ. Такъ, отвѣчать поклономъ на привѣтствіе джентльмена и смотрѣть въ лицо тому, съ кѣмъ разговариваешь, становится вслѣдствіе постоянной практики такимъ-же естественнымъ для благовоспитаннаго человѣка, какъ дышать; это дѣлается безъ соображенія и размышленія. Устранить такимъ способомъ какой-нибудь недостатокъ вашего ребенка значитъ устранить его навсегда; и вы можете этимъ путемъ искоренить ихъ всѣ, одинъ за другимъ, и насадить какія вамъ угодно привычки.

65. Я знавалъ родителей, которые обременяли своихъ дѣтей такой грудой правилъ, что бѣднымъ крошкамъ невозможно было запомнить, а тѣмъ менѣе исполнить, десятую ихъ долю. Тѣмъ не менѣе ихъ наказывали бранью или побоями за нарушеніе этихъ безчисленныхъ и часто нелѣпыхъ правилъ. Естественнымъ слѣдствіемъ было то, что дѣти игнорировали замѣчанія, которыя имъ дѣлались, такъ какъ для нихъ было очевидно, что все вниманіе, на которое они только способны, не предохранитъ ихъ отъ нарушеній и слѣдующихъ за ними взысканій. Поэтому предписывайте вашему сыну какъ можно меньше правилъ, и пусть ихъ лучше будетъ меньше, а не больше, чѣмъ представляется абсолютно необходимымъ. Ибо если вы обременяете его многочисленными правилами, то неизбѣжно послѣдуетъ одно изъ двухъ; или его придется очень часто наказывать, что будетъ сопровождаться дурными послѣдствіями, такъ какъ наказаніе сдѣлается черезчуръ обыкновеннымъ и привычнымъ; или вамъ придется оставлять безнаказанными нарушенія нѣкоторыхъ изъ вашихъ правилъ, что, конечно, вызоветъ пренебрежительное отношеніе къ нимъ, и будетъ подрывать вашъ авторитетъ. Давайте лишь немногіе законы, но слѣдите за тѣмъ, чтобы они точно соблюдались. Для малолѣтняго нужно мало законовъ, а по мѣрѣ того, какъ онъ возрастаетъ, вы можете дополнять правила, превратившіяся благодаря практикѣ въ привычку, новыми.

(Привычки!)

66. Но прошу помнить, что дѣтей нельзя обучать посредствомъ правилъ, которыя всегда ускользаютъ изъ памяти. Если вы считаете необходимымъ пріучить ихъ къ чему-нибудь, укореняйте въ нихъ это

---

[1]) Подъ «памятью» Локкъ подразумѣваетъ здѣсь сознательное воспоминаніе, въ противуположность автоматическимъ внушеніямъ привычки. См. § 66. Д.

посредствомъ практики всякій разъ, какъ представится случай; и если возможно сами создайте случай. Это породитъ у нихъ привычки, которыя, разъ установившись, дѣйствуютъ сами собой, легко и естественно, безъ помощи со стороны памяти. Но здѣсь позвольте мнѣ сдѣлать два предостереженія: 1. Заставляйте ихъ исполнять то, что вы хотите превратить въ привычку, ласковыми словами и кроткими внушеніями какъ будто напоминая имъ о томъ, что они позабыли; а не грубыми окриками и взысканіями, какъ будто они умышленно провинились. 2. Не пытайтесь укоренять въ нихъ нѣсколько привычекъ заразъ, иначе разнообразіе собъетъ ихъ съ толку, и они не усвоятъ какъ слѣдуетъ ни одной. Когда постоянная практика сдѣлаетъ для нихъ какое-нибудь дѣйствіе легкимъ и естественнымъ, такъ что они могутъ исполнять его безъ размышленія, вы можете перейти къ другому.

Этотъ методъ обученія дѣтей путемъ повторной практики и продѣлыванія одного и того же дѣйствія снова и снова, подъ надзоромъ и руководствомъ воспитателя, пока они не пріобрѣтутъ привычки выполнять его хорошо, и не полагаясь на правила, довѣренныя ихъ памяти, представляетъ столько преимуществъ, съ какой стороны ни разбирай его, что я могу только удивляться (если можно вообще удивляться существованію дурныхъ обычаевъ), какъ могутъ имъ такъ пренебрегать. Укажу еще на одно преимущество. Благодаря этому методу мы можемъ видѣть, соотвѣтствуютъ ли наши требованія способностямъ ребенка, подходитъ ли данный пріемъ къ его природнымъ дарованіямъ и конституціи; такъ какъ это должно приниматься въ соображеніе при правильномъ воспитаніи. Мы не должны надѣяться всецѣло измѣнить ихъ природный характеръ, сдѣлать веселаго задумчивымъ и серьезнымъ или меланхолика рѣзвымъ, не портя ихъ. Богъ запечатлѣлъ въ душахъ людей извѣстныя свойства, которыя подобно ихъ внѣшнимъ формамъ, можно, пожалуй, слегка исправить, но врядъ-ли возможно совершенно измѣнить и превратить въ противуположныя. Итакъ, тотъ, кому приходится имѣть дѣло съ дѣтьми, долженъ тщательно изучать ихъ натуры и способности, и удостовѣряться путемъ частыхъ испытаній, какое направленіе они часто принимаютъ и что для нихъ подходитъ; наблюдать, каковы ихъ природные задатки, какъ ихъ можно улучшить и на что они способны. Онъ долженъ соображать, чего имъ не достаетъ, способны-ли они воспринять это съ помощью прилежанія и усвоить посредствомъ практики; и стоитъ-ли дѣлать попытку въ этомъ направленіи. Ибо во многихъ случаяхъ все, что мы можемъ сдѣлать или къ чему должны стремиться,—это использовать наилучшимъ образомъ то, что дала природа, предупредить пороки и недостатки, къ которымъ наиболѣе склонна данная конституція, и дать ей возможность осуществить всѣ преимущества, на которыя она способна. Природныя дарованія каждаго надо доводить до высшей возможной степени; но пытаться навязать ему другія было-бы безплодной работой, и то, что приклеено такимъ образомъ, въ лучшемъ случаѣ окажется совершенно не къ лицу и всегда будетъ производить непріятное впечатлѣніе принужденности и притворства.

Притворство нельзя признать недостаткомъ ранняго дѣтства или

продуктомъ невоспитанной природы. Оно принадлежитъ къ числу тѣхъ сорныхъ травъ, которыя растутъ не на дикомъ невоздѣланномъ пустырѣ, а въ саду, въ случаѣ небрежнаго или неумѣлаго ухода садовника. Требуются умѣнье и обученіе, а также извѣстное сознаніе необходимости хорошаго воспитанія, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ къ притворству, которое старается исправить природные недостатки и всегда ставитъ себѣ похвальную цѣль нравиться, хотя никогда не достигаетъ ея; а чѣмъ больше старается казаться пріятнымъ, тѣмъ дальше уходитъ отъ этой цѣли. На этомъ основаніи за нимъ нужно слѣдить особенно тщательно, такъ какъ оно есть собственная ошибка (proper fault) воспитанія; правда, воспитанія извращеннаго, но которое часто достается на долю молодежи, въ силу ея собственнаго заблужденія или вслѣдствіе плохого образа дѣйствій ея руководителей.

Тотъ, кто разсмотритъ, въ чемъ заключается пріятность обращенія, которая всегда нравится, убѣдится, что она вытекаетъ изъ естественной связи между поступкомъ и душевнымъ настроеніемъ, которое нельзя не признать соотвѣтствующимъ данному случаю. Намъ не можетъ не нравиться гуманный, доброжелательный, вѣжливый характеръ, гдѣ бы мы съ нимъ ни встрѣтились. Свободный духъ, владѣющій собою и своими дѣйствіями, не приниженный и узкій, не высокомѣрный и нахальный, не запятнанный крупными пороками, производитъ обаятельное дѣйствіе на каждаго. Поступки, естественно вытекающіе изъ такой благородной души, нравятся намъ какъ ея подлинные признаки; и, являясь какъ-бы естественными эманаціями духа и внутренняго расположенія, не могутъ не быть свободными и непринужденными. Въ этомъ, кажется мнѣ, и заключается та красота, которая сіяетъ въ поступкахъ нѣкоторыхъ людей, украшаетъ всё, что они дѣлаютъ и плѣняетъ всѣхъ, кто къ нимъ приближается: путемъ постоянной практики они выработали свое поведеніе и сдѣлали всѣ тѣ мелкія выраженія вѣжливости и уваженія, которыя природа или обычай установили въ сношеніяхъ между людьми, настолько легкими для себя, что они кажутся не искусственными, не заученными, а естественно вытекающими изъ душевной мягкости и благожелательнаго настроенія.

Напротивъ, притворство есть неуклюжее и вынужденное подражаніе тому, что должно быть неподдѣльнымъ и непринужденнымъ, лишенное той красоты, которая сопровождаетъ естественное; такъ какъ при этомъ всегда обнаруживается разладъ между внѣшнимъ дѣйствіемъ и внутреннимъ душевнымъ настроеніемъ,— обнаруживается двумя путями:

1. Въ одномъ случаѣ человѣкъ желаетъ обнаружить душевное настроеніе, котораго у него нѣтъ, стараясь проявить его посредствомъ не искренняго поведенія, но такъ, что принужденіе бросается въ глаза. Такъ люди стараются иногда казаться грустными, веселыми или любезными, не будучи на самомъ дѣлѣ таковыми.

2. Въ другомъ случаѣ люди не стараются обнаружить душевнаго настроенія, котораго у нихъ нѣтъ, но пытаются выразить то, которое испытываютъ, въ несоотвѣтствующемъ поведеніи: таковы всѣ искус-

ственныя движенія, дѣйствія, слова или взгляды, которые должны выражать уваженіе или привѣтъ собесѣдникамъ или удовольствіе, доставляемое ихъ обществомъ, но отнюдь не являются естественными и неподдѣльными признаками того или другого, а скорѣе проявленіемъ внутреннихъ изъяновъ и недостатковъ. Подражаніе другимъ, не разбирая, что именно въ нихъ привлекательно, или что составляетъ особенность ихъ характеровъ, часто играетъ при этомъ большую роль. Но всякаго рода притворство, чѣмъ бы оно ни вызывалось, всегда непріятно, такъ какъ мы естественно ненавидимъ всякую подделку и осуждаемъ тѣхъ, кто не можетъ зарекомендовать себя ничѣмъ лучшимъ.

Простая и грубая натура, предоставленная самой себѣ, гораздо лучше искусственной неудачной любезности и заученныхъ пріемовъ плохой свѣтскости. Недостатокъ лоска или какой-нибудь изъянъ въ манерахъ, съ точки зрѣнія утонченной учтивости, часто ускользаютъ отъ наблюденія и порицанія. Но притворство въ какихъ бы то ни было проявленіяхъ нашего поведенія освѣщаетъ наши изъяны, и никогда не укроется отъ наблюденія, обнаруживающаго подъ нимъ отсутствіе смысла или искренности. Воспитатели должны слѣдить за нимъ тѣмъ усерднѣе, что это пріобрѣтенный недостатокъ, обусловленный неправильнымъ воспитаніемъ и свойственный обыкновенно лишь тѣмъ, которые претендуютъ на благотворительность и не хотятъ, чтобы ихъ считали несвѣдущими въ хорошихъ манерахъ и приличіяхъ; если не ошибаюсь, онъ часто возникаетъ также вслѣдствіе халатности тѣхъ, кто даетъ правила и указываетъ примѣры, не присоединяя къ своимъ наставленіямъ практики, и не заставляя своихъ питомцевъ повторять извѣстное дѣйствіе въ ихъ присутствіи, съ цѣлью исправлять то, что въ немъ есть неумѣстнаго или принужденнаго, пока оно не станетъ вполнѣ свободнымъ и привычнымъ.

(Отдѣлъ VI. §§ 67 — 70.)

(Наше обращеніе—манеры—танцы).

67. Такъ называемымъ манерамъ, изъ за которыхъ дѣтямъ такъ часто достается, и по поводу которыхъ имъ приходится слышать столько благихъ увѣщаній отъ мудрыхъ нянекъ и гувернантокъ, мнѣ кажется, легче выучиться съ помощью примѣра, чѣмъ съ помощью правилъ; въ такомъ случаѣ дѣти, если устранять отъ нихъ дурную компанію, будутъ гордиться своимъ умѣніемъ держать себя прилично, по образцу другихъ, замѣчая, что ихъ хвалятъ и одобряютъ за это. Если-же, вслѣдствіе извѣстной небрежности въ этомъ отношеніи, мальчикъ не умѣетъ изящно снять шляпу и расшаркаться, то учитель танцевъ исправитъ этотъ недостатокъ и вытравитъ всю ту природную простоту, которую модники называютъ неотесанностью. А какъ ничто, по моему мнѣнію, не сообщаетъ дѣтямъ такъ много пристойной

увѣренности и умѣнья держать себя въ обществѣ старшихъ, какъ танцы, то я нахожу, что ихъ слѣдуетъ начинать учить танцамъ, какъ только они станутъ способными къ этому обученію. Потому что, хотя это искусство состоитъ только во внѣшней граціи движеній но, незнаю какимъ образомъ оно больше, чѣмъ что либо другое, сообщаетъ дѣтямъ мужественныя привычки и повадки. Вообще же, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ черезчуръ донимать дѣтей мелочами и тонкостями этикета.

Не смущайтесь недостатками, которые, какъ вамъ извѣстно, будутъ исправлены возрастомъ: оттого и отсутствіе свѣтской учтивости въ обращеніи, если только учтивость есть въ душѣ (въ противномъ случаѣ вамъ слѣдуетъ постараться насадить ее пораньше), должно наименѣе тревожить родителей, пока дѣти малы. Если только ихъ нѣжныя души исполнены благоговѣнія (veneeratіon) къ родителямъ и учителямъ, состоящаго изъ любви и уваженія и боязни оскорбить ихъ; если онѣ исполнены почтенія и доброжелательства ко всѣмъ людямъ, то это почтеніе само научитъ ихъ выражать его такими способами, какіе, по ихъ наблюденію, наиболѣе пріятны для другихъ. Непремѣнно поддерживайте въ немъ начала доброжелательства и благосклонности; старайтесь сдѣлать ихъ привычными, насколько можете, посредствомъ похвалы и одобренія, и пріятныхъ вещей, сопровождающихъ это состояніе; когда же они укоренились въ ихъ душѣ и упрочились въ ней путемъ постоянной практики, будьте покойны: учтивость и внѣшнія приличныя манеры явятся въ свое время, если, разставшись съ попеченіями няньки, ребенокъ перейдетъ въ руки благовоспитаннаго гувернера. Пока дѣти очень малы, можно смотрѣть сквозь пальцы на извѣстную беззаботность ихъ манеръ, если въ ней не обнаруживается признаковъ гордости или дурного нрава; но эти недостатки, разъ они проявляются въ какомъ-либо дѣйствіи, должны немедленно исправляться вышеуказанными способами. Сказанное мною относительно манеръ не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто я считаю излишнимъ со стороны тѣхъ, кому надлежитъ заботиться объ этомъ, ласково исправлять ухватки и манеры дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ. Это будетъ очень полезно, если только тѣ, кому приходится заботиться о дѣтяхъ съ того момента, когда они научатся ходить, сумѣютъ правильно повести это дѣло. Я осуждаю лишь тѣ ошибочные пріемы, которые обыкновенно примѣняются въ этомъ отношеніи. Дѣтей, которыя еще не имѣютъ понятія о томъ, что такое учтивое обращеніе, часто (особливо въ присутствіи постороннихъ) бранятъ за то или другое прегрѣшеніе противъ хорошихъ манеръ, а затѣмъ осыпаютъ упреками и наставленіями относительно того, какъ снимать шляпу или расшаркиваться etc. Хотя при этомъ дѣлаютъ видъ, будто озабочены исправленіемъ ребенка, но въ дѣйствительности это дѣлается въ большинствѣ случаевъ для того, чтобы прикрыть свой собственный стыдъ и перенести порицаніе, иногда довольно гнѣвное, на бѣдныхъ крошекъ, отклонивъ его отъ себя, изъ опасенія, что присутствующіе припишутъ небрежности и неумѣлости родителей дурныя манеры ребенка.

Въ самомъ дѣлѣ, что касается самихъ дѣтей, то они никогда ни на іоту не улучшаются, благодаря такимъ случайнымъ урокамъ. Въ свое время надо показать имъ, что именно они должны дѣлать, и путемъ повторной практики заблаговременно пріучить ихъ держать себя пристойно и прилично, а не толковать и не разглагольствовать на мѣстѣ о томъ, къ чему они не пріучены и чего не сумѣютъ сдѣлать какъ слѣдуетъ. Допекать и журить ихъ такимъ образомъ изъ за всякаго пустяка значитъ не учить ихъ, а безцѣльно мучить и изводить. Лучше оставить ихъ въ покоѣ, чѣмъ бранить за проступокъ въ которомъ они не виноваты и исправить который не въ ихъ власти. И гораздо лучше предоставить исправленіе ихъ естественной дѣтской беззаботности или простоты болѣе зрѣлому возрасту, чѣмъ донимать ихъ неумѣстными выговорами, которые не могутъ сообщить имъ изящныхъ манеръ. При хорошей натурѣ, проникнутой началомъ внутренней вѣжливости, время и наблюденіе сотрутъ большую часть внѣшней, проистекающей изъ недостаточнаго обученія, грубости, если они воспитываются въ хорошей компаніи; если же въ плохой, то никакія правила въ мірѣ и никакія наказанія не въ состояніи будутъ отшлифовать ихъ. Ибо вы можете считать за несомнѣнную истину, что при какихъ угодно наставленіяхъ и урокахъ благовоспитанности, хотя бы вы давали ихъ имъ ежедневно, наибольшее вліяніе на ихъ поведеніе окажетъ компанія, въ которой они вращаются и образцы, находящіеся у нихъ передъ глазами. Дѣти (да и взрослые также) руководятся въ большинствѣ случаевъ примѣромъ. Мы нѣчто вродѣ хамелеоновъ, постоянно принимающихъ окраску окружающихъ предметовъ; и нечего удивляться этому въ дѣтяхъ, которые лучше понимаютъ то, что видятъ, чѣмъ то, что слышатъ.

(Компанія).

68. Я уже упоминалъ о великомъ вредѣ, причиняемомъ дѣтямъ прислугой, которая своей лестью ослабляетъ остроту и силу родительскихъ выговоровъ и такимъ образомъ умаляетъ авторитетъ родителей; другое крупное зло заключается въ дурныхъ примѣрахъ, которые дѣти могутъ встрѣтить среди низшихъ слугъ.

Если возможно, слѣдуетъ совершенно устранить ихъ общеніе съ дѣтьми, такъ какъ зараза этихъ дурныхъ примѣровъ, въ отношеніи какъ благовоспитанности, такъ и добродѣтели, страшно портитъ дѣтей, разъ они попадутъ подъ ея вліяніе. Они часто научаются отъ невоспитанныхъ или испорченныхъ слугъ такимъ выраженіямъ, такимъ непристойнымъ штукамъ и порокамъ, какихъ безъ этого, быть можетъ, не знали бы всю жизнь.

69. Трудно вполнѣ предупредить это зло. Счастье ваше, если вамъ никогда не случится имѣть грубаго или порочнаго слуги и если ваши дѣти ничѣмъ не заразятся отъ него; но во всякомъ случаѣ противъ этого нужно принимать всѣ доступныя мѣры и держать дѣтей

по возможности въ обществѣ родителей [1]) и тѣхъ, кому ввѣрено ихъ воспитаніе. Для этого нужно, чтобы дѣти чувствовали себя непринужденно въ ихъ обществѣ: они должны пользоваться свободой, соотвѣтствующей ихъ возрасту, и не подвергаться ненужнымъ стѣсненіямъ въ присутствіи родителей или воспитателей. Если общество послѣднихъ превращается для нихъ въ тюрьму, то не мудрено, что они не любятъ его. Не нужно препятствовать имъ быть дѣтьми, играть и развлекаться по дѣтски, нужно только удерживать ихъ отъ дурныхъ поступковъ, а во всемъ остальномъ предоставлять свободу. Далѣе, чтобы заставить ихъ полюбить общество родителей, они должны получать всѣ пріятныя для нихъ вещи именно здѣсь, изъ родительскихъ рукъ. Не слѣдуетъ допускать, чтобы прислуга угождала имъ, давала имъ крѣпкіе напитки, вино, фрукты, игрушки, и тому подобныя вещи, заставляющія ихъ дорожить ея обществомъ.

(Отдѣлъ VII. §§ 70—71).

(О преимуществахъ домашняго воспитанія).

70. Начавъ рѣчь объ обществѣ, я почти готовъ бросить перо и не безпокоить васъ болѣе этимъ предметомъ: вѣдь, если оно имѣетъ больше значенія, чѣмъ всѣ предписанія, правила и наставленія, то мнѣ кажется почти совершенно безполезнымъ распространяться о другихъ вещахъ и толковать объ этомъ врядъ-ли есть надобность. Вѣдь вы уже готовы спросить: что же мнѣ дѣлать съ моимъ сыномъ? Если всегда держать его дома, онъ, чего добраго, сядетъ мнѣ на голову; если-же я помѣщу его у чужихъ людей, какъ мнѣ оберечь его отъ заразы грубости и порока, которые всюду въ такомъ ходу? Дома онъ, быть можетъ, лучше сохранитъ невинность, но не пріобрѣтетъ знанія жизни; оставаясь всегда въ одномъ и томъ же обществѣ, привыкнувъ къ однимъ и тѣмъ-же лицамъ, онъ окажется простофилей или чудакомъ, когда выступитъ внѣ дома.

Сознаюсь, оба рѣшенія представляютъ свои неудобства. Пребы-

---

[1]) До какой степени римляне считали воспитаніе дѣтей дѣломъ лежащимъ на обязанности самихъ родителей можно видѣть у Светонія, Augustus § 64; Плутарха въ Vita Catonis Censoris; Діодора Сицилійскаго, l. ii. cap. 3 (Локкъ).

Светоній говоритъ объ Августѣ: «Онъ самъ главнымъ образомъ училъ своихъ внуковъ чтенію, письму, плаванію и другимъ начаткамъ знаній, и особенно настойчиво заставлялъ ихъ копировать его почеркъ». Плутархъ въ Жизни Марка Порція Катона Цензора разсказываетъ, что Катонъ самъ училъ своего сына читать, а также метать дротикъ, фехтовать, ѣздить верхомъ, биться на кулачки и переплывать Тибръ во время прилива, что онъ писалъ для него разсказы о великихъ подвигахъ и добродѣтеляхъ предковъ и воздерживался отъ непристойныхъ выраженій, также старательно, какъ въ присутствіи весталокъ». Ш.

Діодоръ въ указанномъ мѣстѣ не говоритъ ничего, достойнаго упоминанія. Д.

ваніе внѣ дома сдѣлаетъ, правда, мальчика болѣе смѣлымъ и болѣе способнымъ изворачиваться и пробить себѣ путь среди своихъ сверстниковъ; а соревнованіе школьниковъ часто внушаетъ мальчикамъ одушевленіе и усердіе. Но если вы не найдте школы, въ которой учитель можетъ слѣдить за нравственностью своихъ учениковъ и указать такіе же серьезные результаты своихъ попеченій о насажденіи добродѣтели [1]) въ ихъ душахъ и привычекъ благовоспитанности въ ихъ поведеніи, какъ и объ ознакомленіи ихъ съ учеными языками, то вамъ придется сознаться, что вы придаете странную цѣну словамъ, если, предпочитая языки древнихъ грековъ и римлянъ тому, что дѣлало ихъ доблестными людьми, считаете возможнымъ рисковать невинностью и добродѣтелью вашего сына ради крупицъ латыни и греческаго. Вѣдь эти смѣлость и бойкость, пріобрѣтаемыя мальчиками среди школьныхъ товарищей, представляютъ обыкновенно такую смѣсь грубости и дурно направленной самоувѣренности, что впослѣдствіи приходится отучаться отъ этихъ неприличныхъ и неблаговидныхъ способовъ пролагать себѣ дорогу въ свѣтѣ, и смывать всю пріобрѣтенную окраску, чтобы усвоить лучшіе принципы и подобающія истинно достойному человѣку манеры. Кто приметъ въ соображеніе діаметральную противуположность между умѣньемъ жить добропорядочно и устраивать свои дѣла въ свѣтѣ, какъ подобаетъ человѣку, и безстыдствомъ, плутовствомъ и грубостью, пріобрѣтаемыми въ обществѣ школьниковъ, тотъ согласится, что недостатки домашняго воспитанія безконечно предпочтительнѣе такихъ пріобрѣтеній, и постарается оберечь дома невинность и скромность своего ребенка, какъ качества, болѣе родственныя и болѣе близкія къ тѣмъ, которыя требуются отъ полезнаго и способнаго человѣка. Врядъ ли такъ же кто-нибудь признаетъ или хотя бы только предположитъ, что уединеніе и стыдливость, въ которыхъ воспитываются его дочери, дѣлаютъ ихъ менѣе свѣдущими или менѣе способными женщинами. Когда онѣ вступятъ въ свѣтъ, общеніе съ людьми быстро сообщитъ имъ приличную увѣренность; а все то грубое и развязное, что сверхъ того пріобрѣтаютъ мужчины, и для послѣднихъ совершенно излишне, ибо мужество и настойчивость, насколько я понимаю, не заключаются въ грубости и невоспитанности.

Добродѣтель труднѣе пріобрѣсти, чѣмъ знаніе свѣта; и если она утрачена молодымъ человѣкомъ, то рѣдко обрѣтается снова. Застѣнчивость и незнаніе свѣта—недостатки, приписываемые домашнему воспитанію,—не являются его необходимыми послѣдствіями и не представляютъ неисцѣлимаго зла. Порокъ—болѣе упорное и болѣе опасное зло; поэтому, противъ него прежде всего слѣдуетъ принимать мѣры. Если слѣдуетъ тщательно избѣгать той застѣнчивой мягкости, которая часто обезсиливаетъ дѣтей, избалованныхъ домашнимъ воспитаніемъ, то главнымъ образомъ ради добродѣтели; изъ опасенія, что такой податливый темпераментъ окажется слишкомъ воспріимчивымъ къ порочнымъ

---

[1]) Ср. старинную латинскую пословицу: „qui proficit in literis et deficit in moribus plus deficit quam proficit". (Кто успѣваетъ въ ученіи и отстаетъ въ нравственности, тотъ болѣе отстаетъ, чѣмъ успѣваетъ). Д.

впечатлѣніямъ, и слишкомъ легко подвергнетъ новичка опасности развращенія. Прежде чѣмъ молодой человѣкъ разстанется съ родительскимъ кровомъ и присмотромъ воспитателя, онъ долженъ быть укрѣпленъ рѣшимостью и ознакомленъ съ людьми, чтобы обезопасить его добродѣтели; иначе онъ легко можетъ быть увлеченъ на опасный путь или въ роковую пропасть, прежде чѣмъ основательно ознакомится съ опасностями общества и пріобрѣтетъ достаточную твердость, чтобы не поддаваться всякому искушенію. Не будь этого, стыдливость и неопытность молодого человѣка не требовали-бы такихъ раннихъ заботъ. Общеніе съ людьми исцѣлитъ его въ значительной степени; если же оно не сдѣлаетъ этого достаточно рано, то это лишній мотивъ имѣть хорошаго воспитателя въ семьѣ. Вѣдь если приходится хлопотать о томъ, чтобы своевременно сообщить мальчику мужественность и увѣренность въ себѣ, то главнымъ образомъ ради охраны его добродѣтели, когда онъ выступитъ въ свѣтъ, будучи предоставленъ самому себѣ[1]).

Итакъ, неразумно жертвовать его невинностью пріобрѣтенію самоувѣренности и извѣстнаго умѣнья найтись среди другихъ, посредствомъ общенія съ дурно воспитанными и порочными мальчиками; разъ главною цѣлью этой грубости и стоянія на собственныхъ ногахъ является охраненіе его добродѣтели. Вѣдь если самоувѣренность и ловкость смѣшаются когда-нибудь съ порокомъ и будутъ поддерживать дурное поведеніе, то онъ тѣмъ вѣрнѣе погибнетъ; и вамъ придется снова разрушать и уничтожать въ немъ то, что онъ пріобрѣлъ отъ своихъ товарищей, или предоставить его гибели. Мальчики непремѣнно пріобрѣтутъ увѣренность въ сношеніяхъ со взрослыми людьми, когда будутъ допущены въ ихъ общество; а времени

[1]) „Одно изъ предполагаемыхъ преимуществъ общественной школы есть большее знаніе свѣта, которое мальчикъ будто-бы выноситъ изъ нея; но если подъ знаніемъ свѣта подразумѣвается знаніе формъ и пріемовъ, которые оказываются наиболѣе пріятными и полезными въ свѣтѣ, то мальчикъ изъ общественной школы почти всегда чрезвычайно хромаетъ въ этомъ отношеніи; и его сестра, которая оставалась дома, держась за передникъ матери, далеко превосходитъ его въ отношеніи знанія манеръ. По всей вѣроятности, вѣрно то, что мальчикъ въ общественной школѣ дѣлаетъ больше наблюденій надъ человѣческимъ характеромъ, такъ какъ у него больше случаевъ для наблюденія, чѣмъ у молодыхъ людей, воспитывающихся дома или въ частныхъ школахъ; но это маленькое преимущество, пріобрѣтаемое въ общественной школѣ, такъ быстро достигается въ колледжѣ или въ свѣтѣ, что раннее пріобрѣтеніе его имѣетъ самое ничтожное значеніе и совершенно не стоитъ связаннаго съ нимъ риска. Можно-ли поставить въ укоръ человѣку тридцати или тридцати пяти лѣтъ—ученому, юристу или почтенному декану—что въ восемнадцать лѣтъ они не такъ хорошо знали свѣтъ, какъ нѣкоторые другіе юноши того-же положенія. Они, вѣроятно, избѣжали заносчивости, такъ часто сопутствующей этому ничтожному превосходству, а также имѣли много шансовъ избѣжать обычной юношеской ошибки ранняго ознакомленія съ порокомъ въ видахъ познанія жизни; а въ дополненіе къ этой полезной неосвѣдомленности одна зима, проведенная въ Лондонѣ, поставитъ всѣхъ на одинъ уровень и доставитъ каждому новичку преимущества, будто бы вытекающія изъ этой преждевременно пріобрѣтенной самоувѣренности и шлифовки“. (S. Smith, W o r k s, p. 182). Д.

для этого будетъ достаточно. До тѣхъ поръ скромность и подчиненіе лучше соотвѣтствуютъ цѣлямъ воспитанія, а потому нѣтъ особенной надобности заблаговременно надѣлять ихъ самоувѣренностью. Наиболѣе времени, трудовъ и настойчивости потребуетъ внѣдреніе въ нихъ принциповъ и практики добродѣтели и благовоспитанности. Вотъ приправа, съ которой слѣдуетъ заготовлять ихъ такъ, чтобы отъ нея не легко было отдѣлаться. Приправы этой требуется немало, такъ какъ общеніе съ людьми, когда они вступятъ въ свѣтъ, прибавитъ имъ знанія и увѣренности, но весьма легко можетъ нанести ущербъ ихъ добродѣтели, которой поэтому имъ надо имѣть большой запасъ, причемъ она должна укорениться въ нихъ глубоко.

Какъ слѣдуетъ подготовлять ихъ къ общенію съ людьми и вступленію въ свѣтъ, когда они созрѣютъ для этого, мы разсмотримъ въ другомъ мѣстѣ. Но какимъ образомъ пребываніе въ смѣшанной толпѣ распущенныхъ мальчишекъ, гдѣ онъ научится ссориться при игрѣ въ трапъ [1]) или плутовать въ спанъ-фарсингъ [2]) можетъ подготовить его къ общественнымъ и дѣловымъ отношеніямъ,—я не вижу. Трудно также представить себѣ, какія именно качества, пріобрѣтаемыя обыкновенно въ этой толпѣ школьныхъ товарищей, дѣтей самыхъ разнообразныхъ родителей, могутъ плѣнить отца. Я увѣренъ, что тотъ, кому состояніе позволяетъ имѣть воспитателя въ домѣ, можетъ сообщить своему сыну болѣе пріятныя манеры, болѣе мужественный образъ мыслей и пониманіе того, что достойно и прилично, да еще вдобавокъ болѣе основательныя знанія, и скорѣе сдѣлать его зрѣлымъ человѣкомъ, чѣмъ какая угодно школа. Я отнюдь не порицаю за это школьнаго учителя, и не думаю, что это можно поставить ему въ вину. Большая разница имѣть двухъ-трехъ питомцевъ [3]), живущихъ въ томъ же домѣ, или шестдесятъ-восемдесятъ мальчиковъ, проживающихъ въ разныхъ мѣстахъ; вѣдь

---

[1]) Trap—особая форма игры въ мячъ.

[2]) Span-farthing—„дѣтская игра, которая, какъ предполагаютъ, заключалась въ слѣдующемъ: одинъ бросаетъ марку или монету, которую другой выигрываетъ, если брошенная имъ монета попадетъ въ нее или ляжетъ не дальше ладони отъ нея“ (Нэрсъ). Эта игра называлась также „span-counter“. Ср.: „Скажи королю, что ради его отца Генриха V, во времена котораго мальчишки играли въ span-counter французскими кронами, я согласенъ предоставить ему царствовать (Шекспиръ, Генрихъ VI, 2. iv. 2.). Д.

[3]) Исаакъ Тэйлоръ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ относительныя преимущества домашняго и школьнаго воспитанія: „Итакъ, выгодныя стороны домашняго воспитанія (имѣя въ виду только воспитаніе интеллекта) заключаются только въ томъ, что, во первыхъ, процессъ обученія можно основать на взаимной привязанности между учащимъ и учащимся, а не на подчиненіи правиламъ, рутинѣ и механической дисциплинѣ; во вторыхъ, въ томъ, что все обученіе, его методы и содержаніе можетъ быть приспособлено къ индивидуальнымъ способностямъ и влеченіямъ ученика, и для всякаго спеціальнаго таланта обезпечены наиболѣе благопріятныя условія; въ третьихъ, что оно совершенно освобождается или, можетъ быть, освобождено отъ всякой помѣхи или деспотизма уставовъ или традиціонныхъ, но, быть можетъ, нераціональныхъ обычаевъ, или преобладающихъ воззрѣній, и всецѣло подчинено контролю здраваго смысла, причемъ оно свободно можетъ усвоить всякій одобренный пріемъ; и въ четвертыхъ, что въ то время, какъ публичное воспитаніе по необходимости является

при всемъ усердіи и искусствѣ учителя ему возможно наблюдать за пятьюдесятью или сотней учениковъ лишь въ теченіе того времени, пока они находятся въ школѣ; нельзя также ожидать, чтобы онъ съ успѣхомъ училъ ихъ чему либо, кромѣ того, что содержится въ учебникахъ; образованіе душъ и манеръ требуетъ непрестаннаго вниманія и спеціальнаго примѣненія къ каждому отдѣльному мальчику, что невозможно въ многочисленной толпѣ, и осталось бы совершенно безплоднымъ (если бъ даже онъ нашелъ время изучать и исправлять спеціальные недостатки и дурныя наклонности каждаго), разъ мальчикъ большую часть сутокъ предоставляется самому себѣ или вліянію своихъ товарищей.

Но отцы, замѣчая, что фортуна часто особенно благопріятствуетъ дерзкимъ и пронырливымъ людямъ, радуются, если ихъ сыновья рано проявляютъ бойкость и ловкость; видятъ въ этомъ доброе предзнаменованіе ихъ будущаго преуспѣянія и усматриваютъ въ штукахъ, которыя они устраиваютъ товарищамъ или которымъ научаются отъ нихъ, проявленіе умѣнья жить и пролагать себѣ дорогу въ свѣтѣ. Но я позволю себѣ замѣтить, что тотъ, кто полагаетъ основу фортуны своего сына въ добродѣтели и благовоспитанности, избираетъ един-

---

системой ускоренія развитія, домашнее можетъ слѣдовать противуположному принципу замедленнаго развитія.

„Если бы въ мою задачу входило обсужденіе общаго вопроса о сравнительныхъ преимуществахъ, въ цѣломъ, обѣихъ системъ, то мнѣ слѣдовало бы разсмотрѣть многіе другіе пункты; а въ особенности заняться моральной и религіозной сторонами вопроса. Но хотя этотъ общій вопросъ здѣсь не ставится, я всетаки желалъ бы указать, что мнѣ не безызвѣстны многочисленные и сильные мотивы, которые могутъ побуждать родителей, даже имѣющихъ средства на устройство домашняго воспитанія, посылать, тѣмъ не менѣе, своихъ дѣтей, или, по крайней мѣрѣ, своихъ сыновей, въ школу. Таковы—болѣе высокія качества учителей, посвятившихъ жизнь спеціальнымъ отраслямъ преподаванія; важная для мальчиковъ возможность опредѣлить свой уровень среди другихъ, здоровое и возбуждающее вліяніе соревнованія; возможность пріобрѣсти довѣріе къ своимъ силамъ и вѣроятность пріобрѣтенія осмотрительности и гибкости на болѣе широкомъ полѣ дѣятельности; и—не послѣднее благо—благотворное жизненное возбужденіе, бодрое одушевленіе спорта при общихъ играхъ, которыя крайне трудно, даже попросту невозможно, возмѣстить чѣмъ-либо дома.

„Но съ другой стороны, разъ уже мы коснулись общаго вопроса, приходится положить на другую чашку вѣсовъ—независимо отъ чисто интеллектуальныхъ преимуществъ, о которыхъ рѣчь шла выше—мотивы, вытекающіе изъ того факта (отрицаніе котораго врядъ ли возможно), что дома, въ своей семьѣ, лучше чѣмъ гдѣ-либо, душевная чистота предохраняется отъ заразы, воспитываются семейныя чувства и деликатность сердца и влеченій; а главное, наилучшимъ образомъ внушаются, сохраняются и поощряются: религіозное разумѣніе, религіозныя привычки, искренняя совѣстливость и непритворное благочестіе. Эти мотивы, въ глазахъ нѣкоторыхъ родителей, перевѣшиваютъ всѣ остальныя соображенія; однако же, имъ слѣдуетъ помнить, что есть и другая сторона, даже въ отношеніи морального благополучія дѣтей, и что чрезмѣрное стараніе предохранить молодежь отъ всякаго ознакомленія и соприкосновенія съ внѣшнимъ зломъ часто приводитъ къ реакціи, сопровождающейся худшими послѣдствіями, чѣмъ раннее и неосторожное знакомство съ міромъ, какъ онъ есть“.—Home Education, pp. 16—18. Д.

ственный вѣрный и надежный путь. Не шалости и проказы школьниковъ, не ихъ грубое обращеніе другъ съ другомъ, не хитроумные планы совмѣстнаго обворовыванія фруктовыхъ садовъ создаютъ путнаго человѣка; а принципы справедливости, великодушія и умѣренности, въ соединеніи съ добросовѣстностью и усердіемъ, качествами, которымъ, думается мнѣ, школьники врядъ ли научатся другъ отъ друга. И если молодой джентльменъ, воспитанный дома, не преуспѣетъ въ нихъ больше, чѣмъ могъ бы преуспѣть въ школѣ, то значитъ—его отецъ очень неудачно выбралъ воспитателя. Возьмите мальчика изъ лучшихъ учениковъ грамматической школы и его сверстника, получившаго надлежащее воспитаніе въ отцовской семьѣ, и приведите ихъ вмѣстѣ въ хорошее общество, — увидите, кто изъ нихъ лучше сумѣетъ держать себя съ достоинствомъ и обращаться къ незнакомымъ съ приличной увѣренностью. Я думаю, что самоувѣренность школьника въ этомъ случаѣ или измѣнитъ ему или скомпрометируетъ его, а разъ она годится только для общества мальчишекъ, лучше ему совсѣмъ обойтись безъ нея.

Если вѣрить общимъ жалобамъ, порокъ въ наши дни такъ быстро созрѣваетъ и такъ рано пускаетъ корни въ молодежи, что невозможно оберечь мальчика отъ распространенной заразы, если помѣстить его внѣ семьи, въ толпѣ сверстниковъ, и предоставить его собственнымъ склонностямъ выборъ школьныхъ товарищей. Въ силу какихъ роковыхъ обстоятельствъ порокъ оказалъ такіе успѣхи среди насъ въ послѣдніе годы и чьи руки доставили ему такое неограниченное господство,—это я предоставляю изслѣдовать другимъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы тѣ, кто жалуется на великій и повсемѣстный упадокъ христіанскаго благочестія и добродѣтели, равно какъ и образованія и стремленія къ улучшеніямъ въ джентри нашего поколѣнія, подумали о томъ, какъ исправить это въ ближайшемъ будущемъ. Я съ своей стороны увѣренъ, что если не заложить основу этого исправленія въ воспитаніи юношества и укореніи въ немъ добрыхъ началъ, то всѣ остальныя усилія останутся тщетными. И если не позаботиться о сохраненіи невинности, умѣренности и трудолюбія въ подрастающемъ поколѣніи, то смѣшно ожидать, что тѣ, которые явятся намъ на смѣну, будутъ отличаться добродѣтелью, способностями и образованіемъ, которыя когда-то доставили Англіи ея значеніе въ мірѣ. Я бы прибавилъ: и мужествомъ,—хотя оно считается природнымъ наслѣдіемъ англичанъ. Однако, толки по поводу нѣкоторыхъ недавнихъ дѣйствій на морѣ [1]), такого рода, какой былъ невѣдомъ нашимъ предкамъ,

---

[1]) Локкъ намекаетъ здѣсь на нерѣшительное сраженіе между англійской и французской эскадрами въ Бантри Бай (1684) и на рѣшительное пораженіе соединенныхъ англійскаго и голландскаго флотовъ подъ начальствомъ адмирала Торрингтона французскимъ подъ начальствомъ Турвиля при Бичи Гедъ въ 1690. Маколей живо описываетъ тревогу, вызванную этой морской неудачей: «Не было кажется такого печальнаго дня въ Лондонѣ, какъ тотъ, въ который пришли вѣсти о сраженіи при Бичи Гедъ. Позоръ былъ нестерпимый, опасность грозная. Что, если побѣдоносный непріятель сдѣлаетъ тоже, что сдѣлалъ Де Рюйтеръ? Что, если Четэмское

даютъ мнѣ поводъ сказать, что развратъ понижаетъ также мужество людей; и когда распущенность вытравляетъ истинное чувство чести, храбрость рѣдко переживаетъ его. И мнѣ думается, невозможно найти примѣръ націи, какъ бы ни была она прославлена своимъ мужествомъ, которая сохранила бы свою военную славу и осталась страшной для своихъ сосѣдей послѣ того, какъ проникшая въ нее испорченность разрѣшила узы дисциплины, а порокъ до того поднялъ голову, что рѣшается выступать открыто, нимало не стѣсняясь [1]). Итакъ, добродѣтель, прямая добродѣтель, а не скороспѣлая развязность и мелкія плутни,—есть цѣнная и трудно достижимая цѣль воспитанія. Всѣ остальныя соображенія и успѣхи должны уступать дорогу и подчиняться этому. Это прочное и существенное благо не должно быть только предметомъ наставленій и бесѣдъ воспитателя; нѣтъ, искусство и трудъ воспитанія должны внѣдрить его въ душу, и закрѣпить въ ней, и неустанно дѣйствовать въ этомъ направленіи, пока молодой человѣкъ не полюбитъ его и не станетъ полагать въ немъ свою силу, славу и удовольствіе.

Чѣмъ успѣшнѣе пойдетъ это дѣло, тѣмъ легче будутъ достигаться успѣхи въ другихъ отношеніяхъ, потому что тотъ, кто готовъ подчиняться добродѣтели, не станетъ противиться или упираться во всемъ остальномъ, что ему приличествуетъ; а потому я не могу не предпочесть домашняго воспитанія—разъ его можно устроить и организовать, какъ слѣдуетъ—на глазахъ отца, подъ руководствомъ хорошаго гувернера, какъ наилучшаго и вѣрнѣйшаго пути къ достиженію великой и главной цѣли воспитанія. Въ домахъ джентльменовъ обыкновенно бываетъ разнообразное общество: родители могутъ пріучать своихъ сыновей къ знакомымъ, которые у нихъ бываютъ, и доставлять имъ общеніе съ талантливыми и благовоспитанными людьми, какъ скоро они станутъ способны къ этому. Не знаю также, почему бы тѣмъ, которые живутъ въ деревнѣ, не брать ихъ съ собою, когда они дѣлаютъ визиты къ сосѣдямъ. Я увѣренъ, что отецъ, который воспитываетъ своего сына дома, можетъ пользоваться этимъ

адмиралтейство снова будетъ уничтожено? Что, если самый Тоуэръ подвергнется бомбардировкѣ? Что, если обширный лѣсъ мачтъ ниже Лондонскаго моста будетъ охваченъ пламенемъ?» (Hist. of Eng. V. 241). Торрингтонъ былъ привлеченъ къ военному суду и оправданъ, но вскорѣ затѣмъ уволенъ въ отставку. Турвиль, послѣ пораженія англичанъ у Бичи Гедъ, безпрепятственно разгуливалъ въ Ламаншѣ. «Двадцать перваго іюня мачты его судовъ были замѣчены съ Портсмутскихъ скалъ. Двадцать второго онъ бросилъ якорь въ Торбэйской гавани». Вскорѣ затѣмъ онъ разрушилъ Тэнмутъ. Д.

[1]) Жалобы Локка въ данномъ случаѣ не представляли обычнаго брюзжанья на современность, отказавшуюся отъ моральныхъ устоевъ „добраго стараго времени". Онъ писалъ свои „Мысли" до революціи 1689, въ періодъ торжества реакціи и моральной распущенности, которая всегда неразлучна съ реакціей. Худшіе элементы націи взяли верхъ и заражали своей безпринципностью и безнравственностью слабыхъ и податливыхъ. Это временное торжество распущенности, которое онъ видѣлъ вокругъ себя, безъ сомнѣнія было однимъ изъ мотивовъ, заставлявшихъ его выдвигать на первый планъ—иногда чрезмѣрно, въ ущербъ интеллектуальному элементу—моральное значеніе воспитанія. *Перев.*

для того, чтобы больше держать его въ своемъ обществѣ, поощрять его въ томъ, что считаетъ полезнымъ, и лучше оберегать его отъ развращающаго вліянія прислуги и разной челяди, чѣмъ это возможно при воспитаніи внѣ дома. Но какое рѣшеніе принять въ этомъ случаѣ—это въ значительной степени должно быть предоставлено родителямъ и опредѣляться ихъ обстоятельствами и удобствами; я же думаю одно: плохо расчитываетъ тотъ отецъ, который не желаетъ побезпокоиться о воспитаніи сына, лучшемъ наслѣдствѣ, которое онъ можетъ оставить ему, каково бы ни было его положеніе. Но если въ окончательномъ итогѣ, кто-нибудь найдетъ, что домашнее воспитаніе связано съ недостаткомъ общества, а общество, находимое въ обыкновенныхъ школахъ, не подходитъ для молодого джентльмена, то, думается мнѣ, всегда можно найти средство избѣжать того и другого неудобства.

(Примѣръ).

71. Принимая въ соображеніе, какъ велико вліяніе общества и какъ мы всѣ, особливо дѣти, склонны къ подражанію, я долженъ взять на себя смѣлость обратить вниманіе родителей на одну вещь, а именно: кто хочетъ, чтобы его сынъ съ уваженіемъ относился къ нему и его указаніямъ, долженъ самъ съ уваженіемъ относиться къ своему сыну. Maxima debetur pueris reverentia[1]). Вы не должны дѣлать въ его присутствіи такихъ вещей, подражаніе которымъ съ его стороны находите нежелательнымъ. Если съ вашей стороны проскользнетъ что-либо, что вы поставили бы ему въ вину, то онъ укроется подъ защиту вашего примѣра, и укроется такъ основательно, что вамъ не легко будетъ добраться до него и подвергнуть его справедливому наказанію. Если вы наказываете его за то, что сами дѣлаете на его глазахъ, онъ не повѣритъ, что эта строгость вытекаетъ изъ привязанности, заботящейся объ исправленіи его недостатковъ; онъ будетъ склоненъ объяснять ее сварливостью и деспотическимъ произволомъ отца, безъ всякаго основанія отказывающаго сыну въ свободѣ и удовольствіяхъ, которыя онъ разрѣшаетъ себѣ. Если же вы присваиваете себѣ эту свободу, какъ привилегію болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, о которой ребенокъ не долженъ мечтать, то этимъ лишь придаете новую силу своему примѣру и еще убѣдительнѣе рекомендуете ему данный поступокъ. Вы должны всегда помнить, что дѣти начинаютъ притворяться взрослыми[2]) раньше, чѣмъ мы думаемъ; и что они любятъ штаны не за ихъ покрой или удобство, а потому, что штаны признакъ или шагъ къ состоянію взрослаго. Сказанное мною о поведеніи отца въ присутствіи дѣтей распространяется на всѣхъ, кто пользуется надъ ними извѣстнымъ авторитетомъ, и къ кому отецъ желаетъ внушить имъ извѣстное почтеніе.

---

[1]) Съ величайшимъ почтеніемъ подобаетъ относиться къ дѣтямъ. Iuv. Sat. X¹V.

[2]) См. Введеніе, стр. 48.

(Отдѣлъ VII §§ 72—87).

(Наказанія и награды [резюме]).

72. Но вернемся къ наградамъ и наказаніямъ. Такъ какъ всѣ дѣтскія выходки и неприличное поведеніе, и все, что исправятъ время и возрастъ, не должно (какъ я уже говорилъ) быть поводомъ къ примѣненію розги, то вовсе не требуется такого битья дѣтей, какое практикуется обыкновенно. Если мы прибавимъ къ этому обученіе чтенію, письму, танцамъ, иностраннымъ языкамъ и проч., какъ занятія, пользующіяся той-же привиллегіей, то при толковомъ воспитаніи очень рѣдко представится поводъ примѣнять побои или насиліе. Правильный способъ обученія этимъ вещамъ заключается въ умѣньи возбудить въ ученикахъ охоту и склонность [1]) къ тому, что вы предлагаете имъ изучить и что потребуетъ съ ихъ стороны усердія и прилежанія. Я думаю, что это нетрудно сдѣлать, если вести дѣтей какъ должно, и осторожно примѣнять указанныя выше награды и наказанія [2]), соблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ въ методѣ обученія слѣдующія немногія правила.

73. 1. Ни одинъ предметъ, который они должны изучить, не слѣдуетъ превращать для нихъ въ бремя [3]), или навязывать имъ, какъ

---

[1]) Инстинкты любознательности и дѣятельности будутъ такъ же легко проявляться въ школѣ, какъ и внѣ школы, если учитель умѣетъ представить своимъ питомцамъ подходящіе для нихъ объекты. Ему нужно только продолжать воспитаніе ребенка съ того пункта, на которомъ природа оставила его въ дѣтской, и приспособлять свои методы къ ея методамъ. Онъ долженъ переходить отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ простого къ сложному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, и все время помнить, что онъ не образуетъ пассивную душу, а развиваетъ активную. Сотрудничество ребенка и учителя является первымъ условіемъ успѣшнаго обученія и лучшей гарантіей поддержанія разумной дисциплины. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, какое отвращеніе къ знанію должно возникать въ душахъ дѣтей, когда ихъ заставляютъ заучивать вещи, которыхъ они не понимаютъ и которыми не могли бы заинтересоваться, если-бы понимали ихъ. Д.

[2]) Учитель не долженъ слишкомъ полагаться на какія-бы то ни было награды и наказанія, включая и санкціонированныя Локкомъ. Если онъ толково выбираетъ предметы своего обученія и умѣло примѣняетъ методы преподаванія, то ему не придется прибѣгать въ сколько нибудь значительной степени къ наградамъ и наказаніямъ. Удовольствіе, доставляемое ученіемъ, будетъ достаточнымъ стимуломъ усердія и прилежанія. Награждать ребенка за интеллектуальный голодъ такъ-же излишне, какъ и за тѣлесный. Истинной наградой является удовлетвореніе аппетита. Д.

[3]) Воспитаніе было-бы странной подготовкой къ обязанностямъ позднѣйшей жизни, еслибъ не возлагало на ребенка никакого бремени и даже не требовало отъ него дѣлать то, что соотвѣтствуетъ его склонности, разъ онъ почему либо не расположенъ заниматься (См. § 74, 2). Но, какъ бы то ни было, въ словахъ Локка заключается важный элементъ истины. Уроки должны быть какъ можно менѣе обременительны; не слѣдуетъ упускать изъ вида никакихъ благопріятныхъ обстоятельствъ; надо пользоваться главнымъ образомъ тѣми часами дня, когда можетъ быть развитъ максимумъ энергіи въ занятіяхъ. Д.

обязательную работу. Все, что предлагается имъ въ такой формѣ, немедленно становится скучнымъ; душа отвращается отъ такихъ предметовъ, хотя раньше они были для нея пріятны или безразличны. Заставьте ребенка ежедневно въ извѣстное время гонять кубарь, хочется ли ему того или не хочется; требуйте отъ него этого, какъ обязанности, которой онъ обязанъ посвящать столько-то часовъ утромъ и послѣ полудня,—увидите, какъ скоро ему надоѣстъ всякая игра на такихъ условіяхъ. Не то же ли бываетъ и со взрослыми людьми? Развѣ то, что они охотно дѣлаютъ по собственной волѣ, не становится для нихъ тягостнымъ и невыносимымъ, какъ скоро вмѣняется имъ въ обязанность? Думайте о дѣтяхъ, какъ вамъ угодно, но имъ также хочется показать, что они свободны, что ихъ добрыя дѣйствія исходятъ отъ нихъ самихъ, что они самостоятельны и независимы,—какъ самому гордому изъ взрослыхъ.

74. 2. Вслѣдствіе этого надо избѣгать заставлять ихъ дѣлать тѣ вещи, къ которымъ они обнаруживаютъ склонность, въ такое время, когда они не чувствуютъ охоты и расположенія къ этому [1]).

Человѣкъ можетъ любить чтеніе, писаніе, музыку и проч., и тѣмъ не менѣе бываетъ время, когда эти занятія не доставляютъ ему удовольствія; и если въ такіе моменты принуждать его къ нимъ, онъ будетъ только изнемогать и мучиться безъ всякаго толка. Тоже бываетъ и съ дѣтьми. За этими перемѣнами настроенія нужно тщательно слѣдить и неукоснительно пользоваться этими періодами готовности и расположенія; если же они недостаточно часто наступаютъ сами собою, то слѣдуетъ внушать дѣтямъ благопріятное настроеніе посредствомъ бесѣды [2]), прежде чѣмъ сажать ихъ за дѣло. Я думаю, что

---

[1]) Здѣсь Локкъ упускаетъ изъ вида важность развитія у дѣтей привычекъ къ регулярности. Взрослымъ приходится работать, не считаясь съ настроеніемъ данной минуты, и надлежащей подготовкой къ этой суровой необходимости является раннее пріученіе дѣтей къ опредѣленнымъ часамъ занятій. Правда, мы не всегда одинаково расположены къ интеллектуальнымъ усиліямъ, но достаточное вниманіе будетъ удѣлено этому факту, если наше расписаніе дня согласуется съ общими законами, регулирующими распредѣленіе энергіи въ теченіе сутокъ. Мы можемъ утилизировать ранѣе пріобрѣтенное знаніе въ новыхъ комбинаціяхъ, когда неспособны къ пріобрѣтенію новаго; можемъ заняться механическимъ трудомъ, когда неспособны разсуждать. Школьные уроки должны быть непродолжительны и часто прерываться играми и музыкой. Никакой урокъ и никакое положеніе не должны продолжаться черезчуръ долго. Перемѣна есть отдыхъ какъ для тѣла, такъ и для души. Д.

[2]) Локкъ хочетъ сказать, что учитель долженъ возбуждать умственный аппетитъ своихъ питомцевъ, подстрекая ихъ любопытство, объясняя имъ пользу знаній, которыя желаетъ имъ сообщить, и такъ далѣе. Большое искусство требуется при введеніи новаго предмета, такъ какъ начатки большинства предметовъ имѣютъ въ себѣ нѣчто мало привлекательное. Худшій изъ всѣхъ методовъ—начинать новый предметъ съ опредѣленій. «Предполагаютъ», говоритъ м-ръ Спенсеръ, «что общія формулы, придуманныя людьми взамѣнъ цѣлыхъ группъ деталей, и упростившія наши концепціи посредствомъ объединенія многихъ фактовъ въ одномъ фактѣ, должны упростить также концепціи ребенка. При этомъ забываютъ, что обобщеніе проще только въ сравненіи съ цѣлой массой подразумѣваемыхъ подъ нимъ част-

что это не составитъ особенной трудности для внимательнаго воспитателя, который изучилъ характеръ своего питомца и не затруднится наполнить его голову подходящими идеями, способными возбудить охоту къ предстоящимъ занятіямъ. Такимъ способомъ можно сберечь много времени и усилій; такъ какъ ребенокъ сдѣлаетъ втрое больше, когда онъ расположенъ къ занятіямъ, чѣмъ при затратѣ двойного труда и усилій, когда онъ занимается неохотно или по принужденію. Еслибы на это обращалось надлежащее вниманіе, дѣтямъ можно бы было предоставлять играть до изнеможенія и все-таки у нихъ оставалось бы достаточно времени для изученія того, что соотвѣтствуетъ способностямъ каждаго возраста. Но ничего подобнаго не принимаетъ и не можетъ принимать въ разсчетъ обычный способъ воспитанія. Грубая дисциплина розги основана на другихъ принципахъ, лишена всякой привлекательности, не обращаетъ вниманія на настроеніе дѣтей и не слѣдитъ за моментами благопріятнаго настроенія. Да и въ самомъ дѣлѣ, смѣшно было-бы, внушивъ принужденіемъ и колотушками ребенку отвращеніе къ его работѣ, ожидать, что онъ свободно, по собственному побужденію, броситъ игру, и съ удовольствіемъ воспользуется случаемъ поучиться. Между тѣмъ, при правильной организаціи дѣла, занятіе какимъ-либо предметомъ обученія могло-бы служить отдыхомъ отъ игры, какъ игра отдыхомъ отъ учебныхъ занятій. Въ обоихъ случаяхъ трудъ одинаковъ. Да и не онъ отталкиваетъ дѣтей, потому что они любятъ быть занятыми [1]), а разнообразіе и перемѣна

ныхъ истинъ; что оно сложнѣе, чѣмъ какая бы то ни было изъ этихъ истинъ, взятая сама по себѣ; что только послѣ усвоенія многихъ простыхъ истинъ обобщеніе облегчаетъ запоминаніе и помогаетъ разуму; и что для ума, не обладающаго этими простыми истинами, оно по необходимости остается тайной. Такъ, смѣшивая два рода упрощенія, учителя постоянно заблуждались, отправляясь отъ «основныхъ началъ» (first principles): пріемъ, если не по видимости, то по существу расходящійся съ элементарнымъ правиломъ (перехода отъ простого къ сложному), согласно которому умъ нужно приводить къ основнымъ началамъ посредствомъ примѣровъ, то есть вести отъ частнаго къ общему и отъ конкретнаго къ абстрактному» Логическій порядокъ не является необходимо порядкомъ преподаванія. Очень часто гораздо удобнѣе слѣдовать историческому порядку развитія науки, такъ какъ между интеллектуальнымъ развитіемъ индивидуума и рода существуетъ тѣсная связь. Начиная съ преподаванія правилъ и опредѣленій, мы начинаемъ съ того пункта, на которомъ остановился философъ, и такимъ образомъ извращаемъ естественный порядокъ воспитанія. Д.

[1]) Въ этомъ и заключается одинъ изъ важнѣйшихъ секретовъ успѣшнаго обученія и дисциплины. Дѣтей часто обвиняютъ въ лѣности, когда въ дѣйствительности они дѣятельно ищутъ, чѣмъ-бы заняться. Не ихъ чрезмѣрная лѣнь, а ихъ чрезмѣрная дѣятельность не подходятъ къ удобствамъ тѣхъ, на кого возложено попеченіе о нихъ. Они находятъ удовольствіе въ душевной и тѣлесной дѣятельности, и дѣло учителя использовать этотъ инстинктъ, доставляя имъ подходящія занятія, организуя ихъ сотрудничество, гдѣ только возможно, упражняя каждую душевную способность, когда наступитъ ея очередь, и давая исходъ бьющей черезъ край энергіи посредствомъ разумно выбранныхъ предохранительныхъ клапановъ. Подходящее упражненіе есть существенное условіе какъ счастья, такъ и душевнаго и тѣлеснаго развитія. Д.

естественно увлекаютъ ихъ. Единственная разница въ томъ, что при такъ называемой нами игрѣ, они дѣйствуютъ по собственному усмотрѣнію и свободно прилагаютъ свои труды (которыхъ, въ чемъ легко убѣдиться, никогда не щадятъ); къ ученію-же ихъ принуждаютъ, зовутъ, сажаютъ насильно и заставляютъ заниматься. Это сразу отталкиваетъ и разочаровываетъ ихъ; они чувствуютъ утрату свободы. Добейтесь того, чтобы они просили воспитателя поучить ихъ, какъ часто просятъ своихъ товарищей поиграть съ ними, а не онъ-бы ихъ звалъ учиться; въ такомъ случаѣ, удовлетворенные сознаніемъ того, что и въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ такъ же свободно, какъ въ остальныхъ, они и за ученіе будутъ приниматься съ не меньшей охотой, и оно перестанетъ отличаться отъ ихъ остальныхъ забавъ и игръ. Путемъ тщательнаго примѣненія этихъ пріемовъ, вы можете внушить ребенку желаніе научиться всему, чему вамъ хотѣлось-бы его научить. Всего труднѣе справиться съ первымъ или старшимъ; но разъ это устроилось правильно, нетрудно будетъ при его посредствѣ вести остальныхъ, куда вамъ вздумается.

75. Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что самое подходящее время для учебныхъ занятій дѣтей есть то, когда ихъ души настроены и расположены къ этому, когда ни душевная вялость, ни сосредоточеніе мысли на чемъ либо другомъ не дѣлаютъ ученья черезчуръ труднымъ или противнымъ для нихъ; однако, слѣдуетъ имѣть въ виду двѣ вещи: 1) Если за этими моментами не достаточно тщательно слѣдятъ и не пользуются ими всякій разъ, какъ они наступаютъ, или если они наступаютъ не такъ часто, какъ бы слѣдовало, то изъ за этого нельзя пренебрегать успѣхами ребенка и предоставлять ему привыкать къ лѣности, укрѣпляя такимъ образомъ этотъ недугъ[1]). Хотя ученье идетъ плохо, если душа не расположена къ нему или занята другими предметами, но очень важно и достойно нашихъ усилій пріучить душу господствовать надъ собой и быть способной по собственному рѣшенію отказываться отъ увлекательнаго занятія однимъ предметомъ и обращаться, легко и съ удовольствіемъ, къ другому, или въ любое время стряхивать съ себя вялость и бодро приниматься за то, къ чему призываетъ собственный разумъ или совѣтъ другого. Этого нужно добиваться отъ дѣтей, испытывая ихъ при случаѣ, когда они не склонны заниматься вслѣдствіе лѣни или отвлечены отъ занятій чѣмъ

[1]) Локкъ, очевидно, сознаетъ опасность приспособленія ученія къ непостоянному настроенію дѣтей Онъ видитъ, что, приспособляясь къ этимъ настроеніямъ, мы рискуемъ поощрять лѣность, и что хотя въ извѣстные моменты ученіе несомнѣнно идетъ лучше, чѣмъ въ другіе, но образоавніе регулярныхъ привычекъ и укрѣпленіе воли имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ пріобрѣтеніе знаній. Опасности, о которой идетъ рѣчь, можно избѣжать, принимая въ соображеніе только общіе законы успѣшнаго приложенія умственнаго труда (игнорируя случаи простого каприза), и приводя разумные мотивы для поддержки долга въ его первой борьбѣ съ наклонностями. Дѣти вскорѣ научаются цѣнить преимущества регулярности, убѣждаясь, что систематическое пожертвованіе частью своей свободы есть вѣрнѣйшая гарантія веселаго употребленія остальнаго времени. Д.

либо другимъ, и стараясь сосредоточить ихъ вниманіе на предлагаемомъ предметѣ. Если такимъ путемъ душа пріобрѣтаетъ привычку властвовать надъ собой, откладывать въ сторону мысли или занятія, если того требуютъ обстоятельства, и обращаться къ новымъ и менѣе привлекательнымъ предметамъ безъ отвращенія или разстройства, то это пріобрѣтеніе будетъ поважнѣе латыни или логики или большинства тѣхъ предметовъ, которымъ принято обучать дѣтей.

(Принужденіе)..

76. Такъ какъ дѣти живѣе и дѣятельнѣе въ эту пору жизни, чѣмъ въ какую бы то ни было другую, и такъ какъ для нихъ безразлично, чѣмъ заниматься, лишь бы заниматься, то танцы и «scotch-hoppers [1]) были бы одинаково привлекательны для нихъ, при равенствѣ поощряющихъ или отталкивающихъ условій. Но по отношенію къ учебнымъ занятіямъ важнымъ и единственнымъ отталкивающимъ условіемъ является то, что ихъ требуютъ отъ дѣтей [2]), что эти занятія считаются ихъ дѣломъ, за которое ихъ бранятъ и истязаютъ, такъ что они принимаются за него съ дрожью и страхомъ; или, если они берутся за него охотно, ихъ черезчуръ долго держатъ за урокомъ [3]), пока они не выбьются изъ силъ: все

[1]) Дѣтская игра, въ которой дѣти прыгаютъ на одной ногѣ черезъ борозды или линіи, проведенныя на землѣ. Д.

[2]) Практическій комментарій къ этому заключается въ слѣдующемъ: дѣлайте ученье привлекательнымъ и дѣти сами будутъ требовать его. Дѣлайте всѣ сопровождающія обстоятельства пріятными, и то скучное, что всетаки останется въ ученьи, будетъ охотно преодолѣваться ради сопутствующаго удовольствія. Дѣтей отталкиваетъ не столько ученье, сколько сердитые взгляды, сердитыя слова, и сердитыя взысканія; но ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что они переносятъ свое отвращеніе къ учителю на предметъ его преподаванія. Въ случаѣ отсутствія этой помѣхи, дѣти обнаруживаютъ такую же естественную склонность къ подходящему ученью, какъ къ подходящей пищѣ. Къ несчастью, значительная часть духовной пищи, предлагаемой дѣтямъ, такъ же мало годится для ихъ ума, какъ камни для ихъ желудка. Послѣдствіемъ является то, что мы теряемъ огромное преимущество естественной привлекательности ученья и дѣлаемъ прилежаніе ребенка почти всецѣло зависящимъ отъ силы ихъ воли,—и это въ такомъ возрастѣ, когда воля всего слабѣе, а соблазны къ нарушенію долга всего сильнѣе. Гораздо разумнѣе было бы прекращать ученье, когда оно явно не по плечу дѣтямъ, дѣлать остальное ученье болѣе привлекательнымъ посредствомъ болѣе внимательнаго отношенія къ законамъ духа, и такимъ образомъ присоединять другіе мотивы къ естественной склонности. Намъ нечего опасаться потерять удобный случай становиться поперекъ желанію ребенка. Воля будетъ расти вмѣстѣ съ ростомъ тѣла, и величайшее безуміе предполагать, что мы усиливаемъ её, противорѣча ей. Д.

[3]) Разумная дисциплина и успѣшное ученье въ значительной степени зависятъ отъ толковаго распредѣленія времени. Дѣтей вообще не слѣдуетъ занимать болѣе получаса однимъ и тѣмъ же урокомъ, а уроки, требующіе напряженія однѣхъ и тѣхъ же умственныхъ способностей и сохраненія одной и той же позы не должны слѣдовать непрерывно одинъ за другимъ. Учителямъ нужно помнить, что для дѣтей полезно оставлять умственную, какъ и тѣлесную трапезу, раньше пресыщенія, и что въ этомъ, какъ и во

это черезчуръ нарушаетъ ту естественную свободу, которую они принимаютъ такъ близко къ сердцу. Только эта свобода и сообщаетъ прелесть и увлеченіе ихъ играмъ. Переверните отношенія — и вы увидите, что они вскорѣ перемѣнятъ объектъ своего рвенія, особливо если будутъ видѣть примѣры другихъ, которыхъ уважаютъ и ставятъ выше себя. И если устроить такъ, что они станутъ относиться къ тому, что дѣлаютъ другіе, какъ къ привилегіи болѣе высокаго возраста и положенія, то честолюбіе и желаніе продвинуться впередъ и выше, и уподобиться тѣмъ, кто выше ихъ, заставятъ ихъ приняться за работу и исполнять ее ревностно и съ удовольствіемъ; удовольствіемъ оттого, что они начали заниматься по собственному желанію, не отступаясь отъ своей милой свободы, которая явится въ этомъ случаѣ не малымъ поощреніемъ. Если ко всему этому прибавится удовольствіе, доставляемое похвалой и хорошей репутаціей, то я склоненъ думать, что не потребуется никакого другого поощренія, чтобы возбудить ихъ усердіе и прилежаніе, насколько это необходимо. Конечно для достиженія этого результата потребуется вначалѣ большое терпѣніе и искусство, кротость и вниманіе, и благоразумное поведеніе. Но зачѣмъ же вамъ воспитатели, если это дѣло не потребуетъ никакого труда? Зато, разъ этотъ результатъ достигнутъ, все остальное послѣдуетъ гораздо легче, чѣмъ при любой болѣе суровой и деспотической дисциплинѣ. И я не думаю, чтобы достигнуть этого было особенно трудно; я увѣренъ, что затрудненій не представится, если дѣти не видятъ вокругъ себя дурныхъ примѣровъ. Серьезная опасность, слѣдовательно, угрожаетъ только со стороны слугъ, или другихъ дурно поведенныхъ дѣтей, или вообще порочныхъ и глупыхъ людей, которые портятъ дѣтей, какъ подавая имъ дурной примѣръ своимъ собственнымъ поведеніемъ, такъ и доставляя имъ двѣ вещи, которыхъ имъ никогда бы не слѣдовало получать; я разумѣю порочныя удовольствія и одобренія дурныхъ поступковъ.

(Брань).

77. Какъ побои очень рѣдко должны примѣняться для исправленія дѣтей, такъ и частая брань, особливо страстная, ведетъ, по моему мнѣнію, къ дурнымъ послѣдствіямъ. Она умаляетъ родительскій авторитетъ и почтительность ребенка; такъ какъ, прошу помнить, дѣти очень рано начинаютъ отличать страсть отъ разума и если они могутъ питать лишь почтеніе къ тому, что вытекаетъ изъ послѣдняго, то быстро пріобрѣтаютъ презрѣніе къ первой; если же она и внушаетъ сначала испугъ, то къ нему вскорѣ привыкаютъ, и естествен-

---

многихъ другихъ случаяхъ, «половина больше цѣлаго». Масса усилій преподавателя постоянно тратится безплодно вслѣдствіе игнорированія умственнаго аппетита дѣтей. Къ нимъ относятся, какъ къ пассивнымъ резервуарамъ неограниченной вмѣстимости, а не какъ къ незрѣлымъ организмамъ съ слабыми силами духовнаго пищеваренія и усвоенія. Эта-то практика и составляетъ такъ называемое «пичканье». Д.

ная склонность легко научается пренебрегать подобными пугалами, которыя поднимают много шума, но не одушевлены разумомъ.

Такъ какъ родители должны запрещать дѣтямъ только дурные поступки (очень немногочисленные въ ихъ нѣжномъ возрастѣ), то простого взгляда или жеста будетъ достаточно для исправленія ихъ погрѣшностей; если-же придется иногда прибѣгать къ словамъ, то они должны быть серьезны, ласковы и сдержанны, имѣть характеръ объясненія дурныхъ или неприличныхъ сторонъ проступка, а не запальчиваго разноса ребенка; такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ онъ не сумѣетъ разобрать, относится ли ваше неудовольствіе къ нему лично или къ его поступку. Страстная брань сопровождается обыкновенно грубыми и неприличными выраженіями, и имѣетъ еще то дурное послѣдствіе, что научаетъ имъ дѣтей и оправдываетъ употребленіе подобнаго языка съ ихъ стороны: имѣя за себя такой высокій авторитетъ, они не постыдятся и не постѣснятся надѣлять другихъ эпитетами, которыми надѣляли ихъ родители или воспитатели.

(Упорство).

78. Я предвижу, что здѣсь мнѣ возразятъ: какъ вы хотите, что бы дѣтей никогда не били и не бранили за какой бы то ни было проступокъ? Да вѣдь это значитъ дать полную волю всяческой распущенности. Не такъ оно страшно, какъ воображаютъ, если съ самаго начала выбранъ правильный путь для формированія дѣтской души и внѣдренія въ нее почтенія къ родителямъ, о которомъ говорилось выше.

Вѣдь битье, какъ показываетъ наблюденіе, приноситъ мало добра, если боль, причиняемая имъ, есть единственное наказаніе, которое чувствуется и внушаетъ страхъ; вліяніе его быстро утрачивается вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о немъ. Есть впрочемъ одна вина, за которую дѣтей слѣдуетъ, по моему мнѣнію, бить; а именно упорство и открытое неповиновеніе (rebellion). Но и въ этомъ случаѣ я устроилъ-бы по возможности такъ, чтобы стыдъ быть высѣченымъ, а не боль, составлялъ главную часть наказанія. Стыдъ совершить дурной поступокъ [1]) и заслужить наказаніе есть единственная надежная сдержка, приличествующая добродѣтели. Боль отъ розги, если она не сопровождается стыдомъ, быстро прекращается и забывается, и вслѣдствіе привычки, вскорѣ перестаетъ пугать. Я зналъ дѣтей одной

---

[1]) И здѣсь мы видимъ смѣшеніе двухъ противуположныхъ понятій. «Стыдъ совершить дурной поступокъ» есть проявленіе моральнаго начала, возмущеніе совѣсти, которое само по себѣ является настолько серьезнымъ воздѣйствіемъ, что о наказаніяхъ, взысканіяхъ, сѣченіяхъ etc. тамъ, гдѣ дѣйствуетъ это начало, не можетъ быть рѣчи. «Стыдъ быть высѣченнымъ» — нѣчто совершенно иное: это страхъ оскорбленія, униженія, надругательства; такой же, какъ страхъ физической боли, но еще болѣе развращающій и способный навсегда искалѣчить душу ребенка. Это принадлежность воспитанія, дѣйствующаго терроромъ, застращиваніемъ, то есть, устраняющ го моральное начало. Пер.

знатной особы, которыхъ угроза снять съ нихъ башмаки, держала въ не меньшемъ послушанiи, чѣмъ другихъ страхъ нависшей надъ ними розги.

Подобныя наказанiя я предпочитаю побоямъ; такъ какъ не боль, а стыдъ проступка и навлекаемаго имъ взысканiя, долженъ быть страшенъ для дѣтей, если вы хотите, чтобы они обладали истиннымъ благородствомъ характера. Но упрямство и упорное неповиновенiе должны быть побѣждаемы силой и ударами; такъ какъ противъ нихъ нѣтъ другого лѣкарства. Разъ вы предписываете и запрещаете ребенку что нибудь дѣлать, вы должны быть увѣрены въ его повиновенiи; тутъ не можетъ быть никакого снисхожденiя, никакого сопротивленiя; ибо разъ дѣло доходитъ до состязанiя, до спора, чья возьметъ, какъ оно и бываетъ, когда вы приказываете, а ребенокъ не слушается, вы непремѣнно должны взять верхъ, какихъ-бы это ни стоило побоевъ, разъ слова или жесты не производятъ дѣйствiя; если только не хотите на всю жизнь остаться подъ командой вашего сына. Одна моя знакомая, благоразумная и добрая мать, принуждена была въ подобномъ случаѣ высѣчь свою маленькую дочь тотчасъ по возвращенiи ея отъ кормилицы, восемь разъ подрядъ въ одно и тоже утро для того, чтобы преодолѣть ея упрямство и добиться послушанiя въ одной, въ сущности пустой и безразличной, вещи. И еслибы она бросила дѣло и остановилась на седьмомъ сѣченiи[1]), то навсегда испортила бы ребенка, и своими безплодными побоями только укрѣпила бы ея упрямство, исправить которое впослѣдствiи было бы крайне трудно; но разумно настаивая, пока не согнула ея духа и не сдѣлала податливой ея воли [2]), что и является единственной цѣлью исправленiя и

---

[1]) Локкъ не разсматриваетъ, что могло-бы случиться, еслибы она вовсе не начинала сѣчь, и не изслѣдуетъ конечнаго дѣйствiя на характеръ маленькаго ребенка восьми послѣдовательныхъ порокъ. Тѣлесное наказанiе часто можетъ показаться успѣшнымъ, потому что вызываетъ непосредственное послушанiе; но мы-бы иначе взглянули на него, если-бы могли прослѣдить весь рядъ его длительныхъ влiянiй на характеръ. Д.

[2]) Эти метафоры могутъ повести къ недоразумѣнiямъ. Локкъ говоритъ о волѣ, какъ будто это кусокъ твердой кожи. Все, чего добивается успѣшное (?!) наказанiе,—это сдѣлать страхъ боли достаточнымъ опредѣляющимъ мотивомъ для обезпеченiя непосредственнаго повиновенiя. Читатель хорошо сдѣлаетъ, если будетъ внимательно изслѣдовать метафоры, обычно употребляемыя для описанiя душевныхъ процессовъ и явленiй. Онѣ производятся въ большинствѣ случаевъ отъ матерьяльныхъ вещей, и нерѣдко, опираясь на метафору, мы разсуждаемъ такъ, какъ будто бы имѣли дѣло съ чисто физическимъ вопросомъ. Иногда мы говоримъ о душѣ, какъ объ интеллектуальномъ желудкѣ, иногда какъ о комкѣ пластической глины, иногда какъ о сосудѣ, иногда какъ о листѣ бумаги. Это не представляетъ опасности, пока мы имѣемъ въ виду метафорическiй характеръ нашего языка, но приводитъ къ вреднымъ послѣдствiямъ, когда мы начинаемъ принимать метафоры за чистую монету и подставлять ихъ на мѣсто фактовъ дѣйствительности.

Джорджъ Эллiотъ разсказываетъ намъ, что такъ какъ мозгъ Тома Толливера былъ особенно недоступенъ этимологiи и математическимъ доказательствамъ, то мистеръ Стеллингъ, его воспитатель, пришелъ къ заключенiю о необходимости особенно тщательно вспахать и воздѣлать его

наказанія, она вполнѣ установила свой авторитетъ въ первомъ-же случаѣ, и позднѣе всегда встрѣчала со стороны своей дочери послушаніе и повиновеніе, такъ что этотъ первый случай былъ кажется и послѣднимъ, когда она побила ее. Разъ приходится примѣнять такую мѣру, какъ боль, причиняемая розгой, ее нужно продолжать и усиливать, пока она не одержитъ верха, не сломитъ душу и не установитъ родительскаго авторитета; а затѣмъ серьезность, соединенная съ лаской, должна закрѣпить его навсегда.

Если бы люди хорошо обдумали это, они были бы сдержаннѣе въ употребленіи розги и палки, и не такъ склонны считать побои надежнымъ и универсальнымъ средствомъ, которое можно примѣнять наудачу во всѣхъ случаяхъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: если это средство не приноситъ пользы, то приноситъ большой вредъ; если оно не затрагиваетъ души и не дѣлаетъ волю податливой, то ожесточаетъ наказываемаго; и хотя бы ему приходилось терпѣть сильнѣйшую боль, оно только закаляетъ его упорство, доставившее ему побѣду и подготовляющее его къ борьбѣ съ надеждой на успѣхъ въ будущемъ. Я не сомнѣваюсь, что это безтолково примѣняемое наказаніе сдѣлало упорными и неподатливыми многихъ, которые при другихъ условіяхъ могли бы быть очень послушными и покладистыми. Ибо если вы наказываете ребенка такъ, какъ будто мстите ему за проступокъ, возбудившій вашъ гнѣвъ, какое дѣйствіе произведетъ это на его душу, подлежащую исправленію? Если къ его проступку не примѣшивалось упрямство или своеволіе [1]), то въ немъ не было ничего,

---

этими патентованными орудіями. «Его любимой метафорой», продолжаетъ она, «было утвержденіе, что классики и геометрія составляютъ культуру ума, подготовляющую его ко всякому послѣдующему посѣву. Я ничего не говорю противъ теоріи мистера Стеллинга: если для всѣхъ умовъ долженъ быть установленъ одинъ режимъ, то его система кажется мнѣ не хуже всякой другой. Я знаю только, что она имѣла для Тома Толливера такія же плачевныя послѣдствія, какъ если-бы его напихивали сыромъ въ качествѣ лѣкарства противъ слабости желудка, отказывающагося переварить этотъ продуктъ. Удивительно къ какимъ различнымъ результатамъ приводитъ перемѣна метафоры. Стоитъ назвать мозгъ интеллектуальнымъ желудкомъ, и остроумное опредѣленіе классиковъ и математики, какъ плуговъ и боронъ, окажется, повидимому, совершенно ни къ чему. Но вѣдь всякому вольно послѣдовать другимъ великимъ авторитетамъ и назвать душу листомъ бѣлой бумаги или зеркаломъ, а въ этомъ случаѣ и представленіе о пищеварительномъ процессѣ окажется совершенно неподходящимъ. Безъ сомнѣнія было очень удачной идеей назвать верблюда кораблемъ пустыни, но врядъ-ли это помогло кому нибудь дрессировать это полезное животное. О, Аристотель! Если-бы ты пользовался преимуществомъ быть «самымъ передовымъ изъ современниковъ», а не величайшимъ изъ древнихъ, ты бы навѣрно присоединилъ къ своимъ похваламъ метафорической рѣчи, какъ признаку высокаго ума, жалобу на то, что умъ такъ рѣдко проявляется въ рѣчи безъ метафоръ, и мы такъ рѣдко можемъ объяснить, что представляетъ изъ себя данная вещь, иначе, какъ заявленіемъ, что она представляетъ изъ себя нѣчто» (Mill on the Floss, book ii. chap. I). Д.

[1]) Такъ называемое своеволіе (wilfulness), какъ указалъ д-ръ Карпентеръ, часто есть нѣчто «прямо противуположное своеволію; такъ какъ является прямымъ результатомъ недостатка волевого контроля надъ автоматической дѣятельностью мозга» (Mental Physiology, p. 135). Д.

требовавшаго такой суровой мѣры, какъ побои. Ласковаго или серьезнаго увѣщанія достаточно для исправленія промаховъ слабости, забывчивости или разсѣянности, и это все, чего они требуютъ. Но если въ проступкѣ проявляется порочная воля, если онъ представляетъ умышленное, обдуманное неповиненіе, то наказаніе должно измѣряться не важностью или неважностью самого проступка, а его несоотвѣтствіемъ съ покорностью и почтеніемъ по отношенію къ приказаніямъ отца; въ такомъ случаѣ надо примѣнять его строго и возобновлять удары до тѣхъ поръ, пока они не подѣйствуютъ на душу и вы замѣтите признаки истиннаго огорченія, стыда и готовности повиноваться[1]).

Правда, для этого требуется нѣчто большее, чѣмъ усадить ребенка за работу и сѣчь его безъ всякихъ церемоній, если онъ не выполнилъ ее или выполнилъ не такъ, какъ намъ хочется. Требуется забота, вниманіе, наблюденіе и тщательное изученіе дѣтскихъ характеровъ, ровно какъ и основательное обсужденіе проступковъ, прежде чѣмъ мы прибѣгнемъ къ такого рода наказанію. Но развѣ это не лучше, чѣмъ вѣчно держать розгу въ рукѣ, какъ единственное орудіе управленія, и, примѣняя ее то и дѣло во всевозможныхъ случаяхъ, испортить и сдѣлать недѣйствительнымъ это послѣднее и полезное средство, когда въ немъ окажется надобность? А развѣ можно ждать чего либо другого, если оно примѣняется безъ разбора при всякомъ пустомъ промахѣ? Если грамматическая ошибка или неправильное чтеніе стиха навлекаютъ на благонравнаго и прилежнаго мальчика розги такъ же неизбѣжно, какъ умышленный проступокъ упорнаго и испорченнаго неслуха, то какъ можно ожидать, что подобный способъ исправленія принесетъ пользу душѣ и поставитъ ее на правый путь? А вѣдь это все, къ чему нужно стремиться; и если это достигнуто, то все остальное, чего вы можете пожелать, послѣдуетъ само собою.

79. Гдѣ нѣтъ на лицо дурного направленія воли, требующаго исправленія, тамъ не можетъ быть надобности въ побояхъ. Всѣ остальные проступки, при которыхъ душа настроена правильно и не отвергаетъ власти или авторитета отца или воспитателя,—простыя ошибки, на которыя часто можно смотрѣть сквозь пальцы; если-же онѣ сдѣлались предметомъ замѣчанія, то не требуютъ ничего другого, кромѣ мягкихъ средствъ увѣщанія, наставленія и выговора, пока повторное и умышленное пренебреженіе этими замѣчаніями не покажетъ, что изъянъ коренится въ душѣ и что въ основѣ неповиновенія лежитъ очевидное извращеніе. Но разъ только обнаруживается упорство, то есть открытый вызовъ, его нельзя спускать или игнорировать, а необходимо подавить и обуздать въ самомъ началѣ; нужно только

---

[1]) Локкъ не объясняетъ, какъ отличить эти чувства отъ простой боязни дальнѣйшихъ мученій. Безъ сомнѣнія, мы можемъ воздѣйствовать черезъ тѣло на душу, но не можемъ быть увѣрены, что воздѣйствуемъ этимъ способомъ на ту именно часть души, до которой желаемъ добраться. Надо также помнить, что поддержка, оказываемая выносливости гордостью, усиливается пропорціонально наказанію. Чѣмъ дольше мальчикъ можетъ вынести тѣлесное наказаніе, тѣмъ болѣе онъ гордится своимъ торжествомъ. Д.

тщательно слѣдить, чтобы не вышло ошибки, и быть увѣреннымъ, что это дѣйствительно упорство, а не что либо другое.

80. Но такъ какъ поводовъ къ наказанію, особливо къ побоямъ, слѣдуетъ избѣгать елико возможно, то я не думаю, чтобы пришлось часто прибѣгать къ этому средству. Если тотъ почтительный страхъ (awe), о которомъ я говорилъ выше, внушенъ ребенку, то въ большинствѣ случаевъ будетъ достаточно простого взгляда. Нельзя, конечно, требовать отъ маленькихъ дѣтей такого-же поведенія, серьезности или прилежанія, какъ отъ болѣе зрѣлыхъ. Надо разрѣшить имъ, какъ я уже говорилъ, дѣтскія шалости и дурачества, соотвѣтствующія ихъ возрасту, не обращая на нихъ вниманія. Неосторожность, беззаботность и веселье въ природѣ ихъ возраста, и строгость, о которой я говорилъ, не должна выражаться въ неумѣстныхъ ограниченіяхъ. Не слѣдуетъ также черезчуръ поспѣшно объяснять упорствомъ или своеволіемъ то, что является естественнымъ продуктомъ ихъ возраста или характера. Въ такихъ случаяхъ дурного поведенія надо помогать дѣтямъ и содѣйствовать исправленію, какъ помогаютъ больнымъ при естественномъ недугѣ; при этомъ нельзя приписывать каждый рецидивъ, хотя-бы случившійся послѣ предостереженія, умышленной небрежности и немедленно третировать ихъ какъ упорныхъ. Промахи легкомыслія никогда не слѣдуетъ игнорировать или пропускать безъ замѣчанія, но если къ нимъ не примѣшивается воля, не нужно преувеличивать ихъ или взыскивать за нихъ черезчуръ строго; надо исправлять ихъ кроткими мѣрами, насколько позволяютъ время и возрастъ. Благодаря этому дѣти начнутъ замѣчать, что именно въ данномъ проступкѣ наиболѣе предосудительно, и такимъ образомъ научатся избѣгать дурного. Это будетъ поощрять ихъ направлять свою волю къ добру, такъ какъ они убѣдятся, что это избавляетъ ихъ отъ сильнаго неудовольствія, и что во всѣхъ своихъ остальныхъ промахахъ они находятъ дружеское участіе и помощь, а не гнѣвъ и запальчивые упреки со стороны воспитателей и родителей. Удерживайте ихъ отъ порока и порочныхъ наклонностей, и ихъ поведеніе вообще будетъ принимать съ каждой ступенью возраста форму, соотвѣтствующую этому возрасту и обществу, въ которомъ они обычно вращаются; а съ годами будетъ возрастать ихъ вниманіе и прилежаніе. Но для того, чтобы ваши слова могли всегда имѣть вѣсъ и авторитетъ въ ихъ глазахъ, если понадобится, даже въ томъ случаѣ, когда вы приказываете имъ прекратить какую нибудь чисто дѣтскую забаву, вы должны быть увѣрены въ ихъ послушаніи и не позволять имъ господствовать. При всемъ томъ, отецъ, по моему мнѣнію, долженъ какъ можно рѣже проявлять свой авторитетъ и приказывать въ подобныхъ случаяхъ, да и во всѣхъ остальныхъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ проявляется склонность къ дурнымъ привычкамъ. Я думаю, что есть лучшіе способы обращенія съ дѣтьми; и что ласковое убѣжденіе посредствомъ доводовъ (разъ первый пунктъ—подчиненіе вашей волѣ—обезпеченъ) дастъ въ большинствѣ случаевъ лучшіе результаты.

(Разсужденіе).

81. Быть можетъ, покажется страннымъ, что я упоминаю о разсужденіи съ дѣтьми? Тѣмъ не менѣе, я считаю, что это—правильный способъ обращенія съ ними. Дѣти начинаютъ понимать разсужденія съ того момента, когда начинаютъ говорить; и если наблюденіе не обманываетъ меня, они раньше, чѣмъ мы думаемъ, начинаютъ желать, чтобы съ ними обращались, какъ съ разумными существами. Эту гордость надо поощрять въ нихъ, и, насколько возможно, пользоваться ею, какъ главнѣйшимъ орудіемъ обращенія съ ними.

Но, говоря о разсужденіи, я подразумѣваю лишь то, которое соотвѣтствуетъ способностямъ и пониманію ребенка. Никто не думаетъ, что съ трехлѣтнимъ или семилѣтнимъ мальчикомъ надо разсуждать, какъ со взрослымъ человѣкомъ. Длинныя рѣчи и философскія разсужденія въ лучшемъ случаѣ ошеломляютъ и сбиваютъ съ толка, а не научаютъ дѣтей. Поэтому, когда я говорю, что съ ними нужно обращаться, какъ съ разумными существами, я подразумѣваю подъ этимъ, что вы должны дать имъ понять, кротостью вашего поведенія и сдержанностью даже въ томъ случаѣ, когда вы наказываете ихъ, что ваши дѣйствія имѣютъ разумное основаніе, и полезны и необходимы для нихъ; и что вы не руководитесь капризомъ, страстью или фантазіей, приказывая или запрещая имъ что-либо. Это они способны понять; и я думаю, что ихъ можно убѣдить въ необходимости всякой добродѣтели, которую желательно имъ внушить, и во вредѣ всякаго порока, отъ котораго ихъ нужно удержать; но, разумѣется, убѣждать ихъ слѣдуетъ такими доводами, которые доступны ихъ пониманію, и всегда въ немногихъ и ясныхъ словахъ. Основанія, на которыхъ построены различныя обязанности, и источники добра и зла, изъ которыхъ они вытекаютъ, не легко уразумѣть и взрослымъ людямъ, если они не привыкли отрѣшаться отъ ходячихъ общепринятыхъ мнѣній. Дѣти еще менѣе способны къ разсужденіямъ, исходящимъ отъ отдаленныхъ принциповъ. Они не могутъ осилить длинныхъ дедукцій. Доводы, которые на нихъ дѣйствуютъ, должны быть очевидными и соотвѣтствовать уровню ихъ мышленія; должны быть такими, которые можно (если позволительно такъ выразиться) осязать, ощупать. При всемъ томъ, если вы принимаете въ расчетъ ихъ возрастъ, характеръ и наклонности, у васъ никогда не будетъ недостатка въ доводахъ, достаточныхъ для ихъ убѣжденія. Если не найдется другого, болѣе спеціальнаго, то все же есть доводы, которые всегда будутъ понятны и достаточно сильны, чтобы удержать ихъ отъ всякаго проступка, способнаго навлечь на нихъ замѣчаніе, а именно: что этотъ проступокъ доставитъ имъ срамъ и порицаніе, а вамъ неудовольствіе.

(Примѣры).

82. Но изъ всѣхъ способовъ обученія дѣтей и образованія ихъ характеровъ, самый простой, удобный и дѣйствительный—ставить

передъ ихъ глазами примѣры [1]) того, что они должны дѣлать и чего должны избѣгать; эти примѣры изъ практики знакомыхъ имъ лицъ, сопровождаемые замѣчаніями объ ихъ достоинствѣ или неприличіи, сильнѣе привлекутъ или отвратятъ ихъ подражательность, чѣмъ какія бы то ни было разсужденія. Никакія слова не могутъ дать имъ такого яснаго представленія о добродѣтеляхъ и порокахъ, какъ поступки другихъ людей, если вы будете руководить ихъ наблюденіемъ и обращать ихъ вниманіе на ту или другую, хорошую или дурную, сторону поведенія. И достоинство или негодность многихъ вещей, въ хорошемъ или дурномъ воспитаніи, будетъ лучше усваиваться ими и производить на нихъ болѣе глубокое впечатлѣніе въ примѣрахъ другихъ, чѣмъ при помощи какихъ бы то ни было правилъ и наставленій.

Вотъ методъ, который нужно примѣнять не только пока они малы, но и все время, пока они находятся на попеченіи или подъ руководствомъ другихъ; да, я не знаю, найдется ли лучшее средство которое отецъ можетъ примѣнять такъ долго, какъ онъ найдетъ это умѣстнымъ, во всѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ въ чемъ-либо исправить своего сына; ничто не проникаетъ такъ незамѣтно и такъ глубоко въ душу людей, какъ примѣръ. И если они не замѣчаютъ или извиняютъ какіе-нибудь недостатки, присущіе имъ самимъ, то не преминутъ почувствовать къ нимъ отвращеніе и устыдиться, когда имъ покажутъ ихъ въ другомъ.

(Розги).

83. Относительно сѣченія, когда оно становится необходимымъ, какъ крайнее средство, можетъ возникнуть сомнѣніе, когда и кто долженъ его производить: тотчасъ ли по совершеніи проступка, когда впечатлѣніе еще свѣжо и ярко, и слѣдуетъ ли самимъ родителямъ бить своихъ дѣтей? Относительно перваго пункта я думаю, что оно должно производиться не тотчасъ, чтобы къ нему не примѣшалась страсть; и такимъ образомъ наказаніе, превзойдя справедливую мѣру, не утратило бы достодолжнаго вѣса, такъ какъ даже дѣти разбираютъ, когда мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ страсти. Но какъ я уже говорилъ, наиболѣе вѣса имѣетъ въ ихъ глазахъ то, что является спокойнымъ рѣшеніемъ разума родителей; и они умѣютъ замѣчать эту разницу. Затѣмъ, если у васъ имѣется годный для этой цѣли разумный слуга, принимающій участіе въ воспитаніи вашего ребенка (если есть гувернеръ, то не возникаетъ и сомнѣній), то, мнѣ кажется, лучше, чтобы боль причинялась непосредственно рукою другого, хотя и по приказанію отца, который долженъ слѣдить за наказаніемъ; такимъ обра-

---

[1]) «Отецъ Горація примѣнялъ этотъ методъ къ воспитанію своего сына. Горацій, который разсказываетъ объ этомъ въ Sat. i V, lib. i, сообщаетъ очень поучительныя подробности. Это мѣсто слѣдуетъ какъ можно чаще перечитывать тѣмъ, которые занимаются воспитаніемъ дѣтей. Они должны знать его наизусть и почаще вспоминать» (Костъ).

зомъ родительскій авторитетъ сохраняется, а озлобленіе ребенка, вызванное болью, которую ему приходится терпѣть, обращается главнымъ образомъ на того, кто непосредственно причиняетъ ее. Вообще, я бы посовѣтовалъ отцу, какъ можно рѣже бить своего ребенка, только въ случаѣ крайней необходимости и въ качествѣ послѣдняго средства; и въ такомъ случаѣ, можетъ быть, лучше дѣлать это такъ, чтобы ребенокъ не скоро забылъ о наказаніи.

84. Но, какъ я уже говорилъ выше, побои—худшее, а потому послѣднее средство, которое можетъ примѣняться въ воспитаніи дѣтей; и то лишь въ случаяхъ крайности, когда всѣ болѣе мягкія средства были уже испытаны и оказались безуспѣшными; если же это будетъ строго соблюдаться, то очень рѣдко понадобится прибѣгать къ ударамъ. Ибо трудно себѣ представить, что ребенокъ часто будетъ оспаривать положительныя приказанія отца въ какомъ-либо спеціальномъ случаѣ; и если, съ другой стороны, отецъ не станетъ проявлять свою абсолютную власть въ обязательныхъ правилахъ, касающихся дѣтскихъ или безразличныхъ поступковъ, въ которыхъ его сынъ долженъ пользоваться свободой, или ученья, въ которомъ принужденіе не должно имѣть мѣста,—то развѣ лишь при запрещеніи какихъ-либо порочныхъ дѣйствій ребенокъ можетъ проявить упорство, и слѣдовательно, заслужить побои; такимъ образомъ, для того, кто разсуждаетъ здраво и ведетъ воспитаніе своего ребенка, какъ его слѣдуетъ вести, представится очень мало поводовъ для примѣненія этой мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ порокахъ можетъ провиниться ребенокъ въ теченіе первыхъ семи лѣтъ своей жизни, кромѣ лжи и какихъ-нибудь злонравныхъ (ill-natured) шалостей, повтореніе которыхъ, послѣ прямого запрещенія со стороны отца, навлечетъ на него обвиненіе въ упорствѣ и наказаніе розгой? Если всякая порочная наклонность, при первомъ ея проявленіи и осуществленіи, будетъ встрѣчена какъ должно,—сначала удивленіемъ, потомъ, въ случаѣ повторенія, недовольствомъ и суровымъ видомъ отца, воспитателя и всѣхъ окружающихъ,—и обращеніемъ, соотвѣтствующимъ этому состоянію опалы, о которомъ упоминалось выше; если это будетъ продолжаться, пока ребенокъ не почувствуетъ и не устыдится своей вины, то я думаю, что къ другимъ средствамъ исправленія не придется прибѣгать и поводовъ къ побоямъ никогда не представится. Необходимость тѣлеснаго наказанія является обыкновенно только послѣдствіемъ прежней снисходительности или небрежности; еслибы мы слѣдили за порочными наклонностями съ самаго начала, исправляя мягкими средствами первыя, вызванныя ими, уклоненія, намъ рѣдко приходилось бы имѣть дѣло съ болѣе чѣмъ однимъ изъяномъ заразъ; и легко было-бы исправить его безъ шума и гвалта, не примѣняя такой суровой кары, какъ побои. Такимъ образомъ, ихъ можно было-бы выпалывать одинъ за другимъ по мѣрѣ появленія, не оставляя ни слѣда, ни воспоминанія о томъ, что они были когда-то. Но мы предоставляемъ недостаткамъ (снисходя и потворствуя нашимъ малюткамъ) разрастаться, пока они не сдѣлаются упорными и многочисленными, а затѣмъ, когда ихъ безобразіе начи-

наетъ конфузить насъ и становится неудобнымъ, поневолѣ хватаемся за плугъ и борону, за мотыгу и заступъ, которыми приходится рыть глубоко, до самыхъ корней; и вся наша сила, умѣнье и усердіе оказываются недостаточными, чтобы очистить запущенную гряду, заросшую сорными травами, и возстановить наши надежды на плоды, которые въ свое время должны вознаградить насъ за трудъ.

85. Этотъ порядокъ, если онъ будетъ соблюдаться, избавитъ какъ отца, такъ и ребенка, отъ повторныхъ внушеній и многочисленныхъ правилъ, предписывающихъ, что дѣлать и чего не дѣлать. По крайней мѣрѣ, я того мнѣнія, что изъ тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ обнаруживается склонность къ дурнымъ привычкамъ (единственныхъ, въ которыя отецъ долженъ вмѣшиваться съ своимъ авторитетомъ и приказаніями), ни одно не должно запрещаться дѣтямъ раньше, чѣмъ они окажутся виновными въ немъ. Ибо такія несвоевременныя запрещенія, если они не приводятъ къ еще худшимъ результатамъ, все-же научаютъ и поощряютъ дѣтей къ совершенію проступковъ, на которые ихъ считаютъ способными и относительно которыхъ имъ лучше было-бы оставаться въ невѣдѣніи. Лучшее средство остановить ихъ,— это, какъ я уже говорилъ, выражать глубокое изумленіе по поводу каждаго поступка, въ которомъ проявляется порочная наклонность, въ первый же разъ, какъ ребенокъ будетъ замѣченъ въ немъ. Напримѣръ, если онъ уличенъ во лжи или въ какой-нибудь дурной шалости, первое, что вы должны сдѣлать, это говорить съ нимъ о ней, какъ о поразительной чудовищной вещи, которой никто не могъ ожидать отъ него,—и такимъ образомъ пристыдить его.

86. На это возразятъ, вѣроятно, что я могу воображать что угодно о сговорчивости дѣтей и предпочтительности мягкихъ способовъ пристыженія и одобренія; но есть много такихъ, которыя никогда не возьмутся за учебники и не проявятъ усердія къ тому, что они должны выучить, если не поощрять ихъ розгами. Но я боюсь, что это только отговорки обычныхъ школъ и практики, которая никогда не допускала надлежащаго испытанія другихъ пріемовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они могли бы быть провѣрены. Почему изученіе латинскаго и греческаго языковъ требуетъ розги, а французскаго и итальянскаго не требуетъ? Дѣти учатся танцовать и фехтовать безъ помощи сѣченія; мало того, ариѳметикой, рисованіемъ и проч. они занимаются очень охотно, не нуждаясь для этого въ побояхъ; это заставляетъ подозрѣвать, что есть нѣчто странное, противоестественное и непріятное для этого возраста [1]) въ предметахъ, преподаваемыхъ въ грамматическихъ

[1]) Правильное упражненіе всякой способности, которой мы обладаемъ, сопровождается удовольствіемъ. Дѣти всегда любятъ упражнять свои спо-способности, если мы предоставляемъ этимъ способностямъ оперировать надъ подходящими предметами. Если, стало быть, ребенокъ питаетъ отвращеніе къ предмету преподаванія, то отсюда смѣло можно заключить, либо что предметъ не соотвѣтствуетъ стадіи умственной культуры, которой онъ достигъ, либо, что онъ преподается не такъ, какъ слѣдуетъ. Виноватъ учитель, а не ребенокъ. Еще разъ повторяю, для ребенка естественно находить такое же удовольствіе въ подходящемъ упражненіи души, какъ и въ под-

школахъ или въ методахъ преподаванія, если дѣтей можно заставить заниматься ими только жестокой поркой, да и то съ большимъ трудомъ; или-же, что мнѣніе, будто этимъ языкамъ нельзя научить безъ побоевъ, ошибочно.

87. Но допустимъ, что иные такъ нерадивы или лѣнивы, что ихъ не принудишь къ ученію предложенными мною мягкими средствами, такъ какъ мы должны предполагать, что среди дѣтей встрѣчаются всякіе характеры; все-же отсюда не слѣдуетъ, что суровая дисциплина палки должна примѣняться ко всѣмъ. Нельзя также заключать о неприложимости болѣе мягкихъ методовъ воспитанія къ кому-бы то ни было, пока они не были испытаны надъ нимъ со всѣмъ тщаніемъ; и лишь послѣ того какъ они оказались безсильными принудить его приложить усердіе и дѣлать то, что онъ способенъ дѣлать, мы не находимъ извиненія для этого упорства. Для такихъ побои являются подходящимъ средствомъ, которое, однако, надо примѣнять совершенно иначе, чѣмъ это дѣлается обыкновенно. Того, кто умышленно пренебрегаетъ ученіемъ и упорно отказывается дѣлать то, что ему по силамъ, несмотря на требованіе отца, выраженное въ формѣ серьезнаго, положительнаго приказанія, не слѣдуетъ исправлять двумя или тремя сердитыми ударами за неприготовленный урокъ, повторяя это наказаніе снова и снова послѣ каждаго проступка; нѣтъ, разъ уже дошло до того, что своеволіе становится очевиднымъ и дѣлаетъ побои необходимыми, наказаніе должно быть, по моему мнѣнію, посерьезнѣе и построже, и сѣченіе (чередующееся съ увѣщаніями) слѣдуетъ продолжать, пока его впечатлѣніе на душу можно будетъ прочесть на лицѣ, въ голосѣ и въ покорности ребенка, чувствительнаго не столько къ боли, сколько къ сознанію своей вины и смягчившагося въ искреннемъ сожалѣніи о ней. Если подобное наказаніе, повторенное нѣсколько разъ, черезъ надлежащіе промежутки времени, и исполненное съ крайней строгостью, при явномъ неудовольствіи отца, высказывающемся все время, не произведетъ дѣйствія, не исправитъ души и не создастъ послушанія въ будущемъ, то чего можно достигнуть побоями и ради какой цѣли ихъ примѣнять? Побои, разъ вы не ожидаете отъ нихъ никакого добра, будутъ смахивать скорѣе на бѣшенство разъяреннаго врага, чѣмъ на доброжелательность сострадательнаго друга; а такое наказаніе является простымъ подстрекательствомъ безъ всякой надежды на исправленіе. Если какой-нибудь злополучный отецъ имѣетъ такого испорченнаго и неукротимаго сына, то я не знаю, что ему остается съ нимъ сдѣлать,—развѣ только молиться за него[1]). Но я думаю, что если правильный методъ будетъ принятъ съ

ходящемъ упражненіи тѣла. Учитель долженъ найти подходящія упражненія. Въ школахъ, современныхъ Локку, предметы плохо выбирались и методы преподаванія были плохи. См. Введеніе. Д.

[1]) По поводу этого мѣста Кампе замѣчаетъ: «А также молить Бога о прощеніи за то, что допустилъ злу зайти такъ далеко по собственной винѣ, по милости своего прежняго нелѣпаго обращенія съ сыномъ. Врядъ ли ребенокъ можетъ дойти до такой закоснѣлости безъ какой либо серьезной ошибки со стороны родителей». Д.

дѣтьми съ самаго начала, то очень немногіе окажутся такими; и если подобные образчики попадаются, то они не могутъ служить правиломъ для воспитанія тѣхъ, которыя обладаютъ лучшей натурой и могутъ быть руководимы съ помощью лучшихъ пріемовъ.

(Отдѣлъ IX. §§ 88—94).

(Необходимыя качества воспитателя).

88. Если можно найти воспитателя, который, считая себя замѣстителемъ отца, взявшимъ на себя его заботы, и сочувствуя вышеизложеннымъ правиламъ будетъ примѣнять ихъ на дѣлѣ съ самаго начала, то впослѣдствіи его задача сдѣлается очень легкой; и, думается мнѣ, вашъ сынъ въ короткое время сдѣлаетъ такіе успѣхи въ ученьи и въ благовоспитанности, какихъ вы, можетъ быть, и не ожидали. Только ни подъ какимъ видомъ не позволяйте воспитателю бить ребенка безъ вашего согласія и распоряженія, по крайней мѣрѣ пока вы не убѣдились на опытѣ въ его разсудительности и сдержанности. Но чтобы не подрывать его авторитета въ глазахъ воспитанника, вы должны не только скрывать отъ послѣдняго, что онъ не властенъ примѣнять розгу, но и относиться къ нему съ большимъ почтеніемъ [1]), требуя того же отъ вашего семейства, такъ какъ нельзя ожидать, чтобы вашъ сынъ питалъ какое-нибудь почтеніе къ тому, къ кому его отецъ, или мать, или другіе относятся пренебрежительно. Если вы считаете его достойнымъ презрѣнія — вы сдѣлали плохой выборъ; и если вы выражаете презрѣніе къ нему, оно врядъ ли ускользнетъ отъ вниманія вашего сына; а разъ это случится, то хотя бы онъ былъ достойный человѣкъ самъ по себѣ и обладалъ способностями къ своему дѣлу,—все это пропадетъ для вашего сына и уже не можетъ быть сдѣлано полезнымъ для него.

89. Какъ примѣръ отца долженъ внушать ребенку почтеніе къ его воспитателю, такъ примѣръ воспитателя долженъ побуждать ребенка къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыхъ тотъ добивается отъ него. Его

---

[1]) Монтэнь говоритъ о выборѣ воспитателя: «Я бы желалъ также, чтобы его друзья позаботились найти для него воспитателя, нестолько ученаго, сколько элегантнаго (elégant) или соединяющаго въ себѣ то и другое, если такого человѣка возможно найти; но во всякомъ случаѣ нравъ и разсудокъ надо ставить выше эрудиціи. Этотъ человѣкъ долженъ исполнять свою обязанность по новому методу. Въ обычаѣ школьныхъ учителей вѣчно трубить въ уши своимъ питомцамъ, которые обязаны только повторять то, что имъ натвержено; мнѣ бы хотѣлось, чтобы воспитатель исправилъ эту ошибку; и съ самаго начала, сообразуясь съ характеромъ той способности, съ которой ему приходится имѣть дѣло, подвергалъ бы ее испытанію, предоставляя своему питомцу самому пробовать и разбираться въ вещахъ, иногда указывая ему путь къ нимъ, иногда заставляя его ломать ледъ собственными усиліями; словомъ, мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ не одинъ придумывалъ и говорилъ, а слушалъ бы также и то, что говоритъ воспитанникъ».—Essais. i. 25.—Д.

поведеніе отнюдь не должно противорѣчить его правиламъ, если онъ не хочетъ испортить воспитанника. Безцѣльно со стороны воспитателя толковать объ обузданіи страстей, если самъ онъ разнуздываетъ ихъ; тщетно онъ будетъ стараться исправить какой-нибудь порокъ или неприличіе своего питомца, разъ позволяетъ ихъ себѣ. Дурные примѣры дѣйствуютъ сильнѣе хорошихъ правилъ; а потому онъ долженъ тщательно оберегать своего питомца отъ дурныхъ прецедентовъ, особливо отъ опаснѣйшихъ изъ всѣхъ, отъ примѣровъ прислуги; отъ этой компаніи надо его удалять не запрещеніями, которыя только подстрекнутъ его, а другими средствами, на которыя я указывалъ.

90. Во всемъ дѣлѣ воспитанія нѣтъ ничего, что такъ мало соблюдается и что такъ трудно осуществить, какъ то, о чемъ я намѣренъ теперь говорить; именно, чтобы ребенокъ съ самаго начала имѣлъ подлѣ себя разсудительнаго, трезваго, мало того,—мудраго человѣка, на которомъ бы лежала забота вести его правильно и оберегать отъ всего, особливо отъ заразы дурного общества. Я думаю, что эта область требуетъ большой трезвости, умѣренности, нѣжности, усердія и осмотрительности—качества, которыя врядъ ли можно найти въ ихъ совокупности у лицъ, обычно служащихъ за жалованье, да и вообще не легко найти. Что касается расходовъ, то, мнѣ кажется, не можетъ быть лучшей затраты денегъ, чѣмъ на воспитаніе дѣтей; и потому, хотя бы расходы оказались выше обычныхъ, они не могутъ считаться чрезмѣрными. Тотъ, кто какой бы то ни было цѣной доставляетъ своему ребенку хорошую душу, вооруженную добрыми принципами, испытанную въ добродѣтели и полезной дѣятельности и украшенную вѣжливостью и благовоспитанностью, дѣлаетъ для него лучшую покупку, чѣмъ если бы онъ затратилъ деньги на прибавку новыхъ земель къ своему имѣнію. Экономьте, сколько вамъ угодно, на игрушкахъ и забавахъ, на шелкахъ и лентахъ, на кружевахъ и другихъ безполезныхъ затратахъ; но не жалѣйте денегъ на такую необходимую вещь, какъ эта. Плохая экономія надѣлять его богатымъ состояніемъ и бѣдной душой. Мнѣ часто случалось съ удивленіемъ наблюдать, какъ люди щедро тратятъ деньги, доставляя своимъ дѣтямъ нарядные костюмы, роскошное помѣщеніе и столъ, безполезную прислугу, и въ то же время предоставляютъ ихъ душамъ голодать и не заботятся прикрыть ихъ постыднѣйшую наготу, то есть природныя дурныя наклонности и невѣжество. По моему, это значитъ приносить дѣтей въ жертву своему тщеславію; я вижу въ этомъ больше гордости, чѣмъ дѣйствительной заботы о благѣ дѣтей: все, что вы затратите на пользу души вашего сына, покажетъ вашу искреннюю привязанность, хотя бы повело къ уменьшенію его состоянія. Разумный и добрый человѣкъ не можетъ не быть великимъ и счастливымъ, какъ въ дѣйствительности, такъ и въ мнѣніи другихъ; но глупый или порочный не можетъ быть ни великимъ, ни счастливымъ, какое-бы вы ни оставили ему состояніе; и я спрашиваю васъ, не предпочтете-ли вы, чтобы вашъ сынъ былъ такимъ, какъ нѣкоторые извѣстные вамъ люди съ доходомъ въ пятьсотъ фунтовъ, чѣмъ такимъ, какъ иные съ доходомъ въ пять тысячъ?

91. Поэтому расходы не должны останавливать тѣхъ, кто въ состояніи ихъ сдѣлать. Главное затрудненіе—найти подходящаго человѣка; такъ какъ люди молодыхъ лѣтъ и незначительныхъ способностей и добродѣтелей не годятся для этого дѣла, а люди болѣе значительные врядъ-ли согласятся взять на себя подобную обязанность. Вы должны, поэтому, искать заблаговременно и освѣдомляться повсюду, такъ какъ на свѣтѣ есть всякаго рода люди. Мнѣ помнится, Монтэнь говоритъ въ одномъ изъ своихъ опытовъ, что ученый Касталіо [1]) принужденъ былъ заниматься въ Базелѣ вырѣзываніемъ кухонныхъ

[1]) Въ какомъ изданіи или въ какой части опытовъ Локкъ наткнулся на этотъ анекдотъ, я не могъ найти; вѣроятно, онъ нашелъ его въ примѣчаніи къ какому нибудь изъ старыхъ англійскихъ переводовъ. Можно бы было ожидать, что въ дневникѣ Монтэня (опубликованномъ спустя сто восемьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти) найдется упоминаніе о бѣдности Касталіо, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о Базельскихъ ученыхъ, по случаю своего проѣзда черезъ этотъ городъ по пути въ Италію (t. i. p. p. 44—58); но это имя здѣсь вовсе не упоминается. О его крайней бѣдности и голоданіи впрочемъ упоминается, но безъ всякаго указанія на вырѣзываніе кухонныхъ досокъ (trencher: доски для мяса) въ «Опытахъ» (l. i. ch. 34. t. ii. p. 270) тамъ, гдѣ онъ жалуется на отсутствіе въ Европѣ чего либо подобнаго нашей системѣ объявленій, которая и нынѣ нуждается во многихъ улучшеніяхъ. «Къ великому позору нашего вѣка», замѣчаетъ онъ, «я узнаю, что двое превосходнѣйшихъ ученыхъ мужей умерли на нашихъ глазахъ отъ неимѣнія средствъ утолить свой голодъ: Лиліусъ Грегоріусъ Джиральдусъ въ Италіи и Себастіанусъ Касталіо въ Германіи. Я думаю, однако, что нашлись-бы тысячи лицъ, которыя, зная объ ихъ положеніи, приняли бы ихъ въ свой домъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ или помогли бы имъ на мѣстѣ. Свѣтъ не такъ ужъ испорченъ и я знаю многихъ лицъ, которыя искренно желали бы употреблять богатство, полученное ими отъ предковъ—пока судьбѣ угодно оставлять его въ ихъ рукахъ—на избавленіе отъ бѣдности необыкновенныхъ и замѣчательныхъ людей, которыхъ злая судьба доводитъ иногда до послѣдней крайности; или по крайней мѣрѣ на обезпеченіе имъ такихъ условій, при которыхъ ихъ счастье зависѣло-бы только отъ ихъ собственнаго разума». Относительно Джиральдуса Монтэнь ошибся, такъ какъ онъ умеръ не отъ голода, а отъ подагры, и оставилъ значительное состояніе (см. его жизнь, Opera, folio, Jensii Proleg. om i. 12. Roscoe, Leo X. Vol. iV. p. 180). Ст. Дж.

Себастьянъ Кастальонъ или Шастильонъ родился въ Дофинэ въ 1515 г. Онъ рано пріобрѣлъ знаніе древнихъ языковъ и оказалъ особенные успѣхи въ греческомъ и еврейскомъ. Одно время онъ былъ профессоромъ въ Женевѣ, но ссора съ Кальвиномъ изъ-за религіозныхъ вопросовъ заставила его покинуть этотъ городъ и поселиться въ Базелѣ, гдѣ онъ посвятилъ себя преподаванію греческаго языка и писанію различныхъ произведеній, главнымъ образомъ на религіозныя темы. Главный трудъ его полный переводъ Библіи съ греческаго и еврейскаго на латинскій языкъ, изданный въ 1551 и посвященный нашему (англійскому) королю Эдуарду VI. Онъ издалъ и французскій переводъ въ 1555. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ крайней бѣдности и умеръ въ 1563. Говорятъ, что подъ старость онъ часто ходилъ на берегъ Рейна или Бирса во время половодья и вылавливалъ палкой съ крючкомъ дрова и хворостъ, плывшія по рѣкѣ, чтобы добыть топливо для своей семьи (Penny Cyclopaedia). См статью «Кастальонъ» въ Dictionary Бэйля, гдѣ упоминается, что Кастальону приходилось дѣлить свое время между учеными занятіями и обработкой земли. Д.

досокъ чтобы не умереть съ голода, межъ тѣмъ, какъ отецъ Монтэня не пожалѣлъ-бы никакихъ денегъ, чтобы имѣть такого воспитателя для своего сына, а Касталіо охотно согласился-бы взять на себя подобную обязанность на разумныхъ условіяхъ; но это не могло состояться за неосвѣдомленностью.

92. Если окажется затруднительнымъ найти такого воспитателя, какой желателенъ,—не удивляйтесь этому. Могу сказать одно: не жалѣйте хлопотъ и издержекъ, чтобы добыть такого. Этимъ способомъ можно все достать; и смѣю васъ увѣрить, что если вы добудете хорошаго воспитателя, то никогда не пожалѣете объ издержкахъ; и всегда будете съ удовольствіемъ сознавать, что именно эти деньги затрачены съ наибольшею пользой. Только ни въ какомъ случаѣ не берите никого по совѣту друзей, или изъ состраданія, или полагаясь на громкія похвалы. Мало того, если вы хотите сдѣлать, какъ слѣдуетъ, то и репутація разсудительнаго человѣка съ большимъ запасомъ учености (что обыкновенно требуется отъ воспитателя) окажется для васъ недостаточной. При этомъ выборѣ будьте такъ же осмотрительны, какъ при выборѣ жены для своего сына, такъ какъ вамъ не слѣдуетъ расчитывать на позднѣйшее испытаніе или перемѣну; это причинитъ вамъ большое неудобство, а вашему сыну еще большее. Раздумывая о рекомендуемыхъ мною предосторожностяхъ и разборчивости я нахожу, что выходитъ, будто я совѣтую вамъ такое дѣло которое можно предложить, но нельзя исполнить. Но всякій, кто приметъ въ соображеніе, какъ мало общаго имѣетъ дѣло воспитателя правильно поставленное, съ обычной практикой, какъ далеко оно отъ взглядовъ большинства даже тѣхъ, которые посвящаютъ себя этому занятію, быть можетъ, согласится со мной, что человѣка, способнаго образовать и воспитать душу молодого джентльмена, не встрѣтишь на каждомъ шагу, и что требуются не совсѣмъ обычныя заботы при его выборѣ, иначе вы рискуете промахнуться.

93. Качества разсудительнаго и ученаго человѣка, — вотъ чего требуетъ, какъ я уже замѣтилъ выше, всякій отъ воспитателя. Это, вообще говоря, считается достаточнымъ, и представляетъ все, чего обычно ищутъ родители. Но когда такой господинъ нагрузитъ своего питомца всей латынью и логикой, которыя вынесъ изъ университета,— сдѣлается ли тотъ, благодаря такому снаряженію, добропорядочнымъ джентльменомъ? И можно ли ожидать, что онъ окажется болѣе благовоспитаннымъ, болѣе свѣдущимъ въ обычаяхъ свѣта, болѣе проникнутымъ началами и основаніями истинной добродѣтели и благородства чѣмъ его молодой воспитатель?

Чтобы образовать молодого джентльмена, какимъ ему слѣдуетъ быть, самъ воспитатель долженъ быть благовоспитаннымъ, знать правила обхожденія и формы вѣжливости по отношенію ко всему разнообразію лицъ, временъ и мѣстъ, и заставлять своего питомца соблюдать ихъ, поскольку этого требуетъ его возрастъ. Этому искусству нельзя научиться изъ книгъ. Его могутъ дать только хорошее общество и наблюдательность. Портной можетъ одѣть по модѣ, танцмей-

стеръ—придать грацію движеніямъ; но это хотя и служитъ къ украшенію, однако еще не создаетъ благовоспитаннаго джентльмена. Нѣтъ,— если даже онъ напичканъ ученостью, которая, при дурномъ направленіи, дѣлаетъ его еще болѣе нахальнымъ и невыносимымъ въ обществѣ. Благовоспитанность придаетъ блескъ его остальнымъ хорошимъ качествамъ, и дѣлаетъ ихъ полезными для него, доставляя ему уваженіе и расположеніе всѣхъ, кто сталкивается съ нимъ. При отсутствіи хорошаго воспитанія его другія достоинства пріобрѣтаютъ ему только репутацію гордеца, надутаго, тщеславнаго или глупаго человѣка.

Смѣлость дурно воспитаннаго человѣка производитъ впечатлѣніе грубости. Ученость становится педантизмомъ; остроуміе—шутовствомъ; простота—неотесанностью; добродушіе—льстивостью. И нѣтъ такого достоинства, котораго недостатокъ воспитанія не исказилъ бы и не изуродовалъ къ ущербу его обладателя. Даже добродѣтель и таланты, хотя бы они нашли достодолжное признаніе, не всегда оказываются достаточными, чтобы обезпечить человѣку хорошій пріемъ и сдѣлать его желаннымъ гостемъ всюду. Никто не удовольствуется неотдѣланными алмазами и не станетъ носить ихъ въ такомъ видѣ, если хочетъ явиться нарядным. Они блестятъ только, когда отшлифованы и оправлены. Хорошія качества существенное богатство души, но хорошее воспитаніе служитъ для нихъ оправой: и тотъ, кто желаетъ быть принятымъ въ обществѣ, долженъ придавать своимъ поступкамъ не только силу, но и красоту. Основательности или даже полезности еще недостаточно: изящная манера и форма во всемъ украшаетъ и нравится. Въ большинствѣ случаевъ, манера дѣйствовать даже важнѣе самого дѣйствія, и отъ нея зависитъ вызванное послѣднимъ удовольствіе или неудовольствіе. Но хотя эта манера, которая заключается не въ искусствѣ снимать шляпу или отпускать комплименты, а въ надлежащей и свободной непринужденности языка, взглядовъ, жестовъ, позы и проч., и можетъ быть усвоена только путемъ привычки и практики, не по плечу дѣтямъ и не можетъ быть требуема отъ маленькихъ, однако, молодой джентльменъ долженъ приняться за ея усвоеніе и въ значительной степени усвоить, пока находится подъ руководствомъ воспитателя, раньше, чѣмъ выступитъ въ свѣтъ на собственныхъ ногахъ, такъ какъ въ это время обыкновенно уже поздно надѣяться на исправленіе различныхъ привычекъ неблаговоспитанности, проявляющихся въ мелочахъ. Манера держать себя не такова, какою она должна быть, пока она не сдѣлалась совершенно естественной, находящей гармоническіе тоны, какъ пальцы искуснаго музыканта, безъ всякаго усилія и обдумыванія. Если умъ человѣка, находящагося въ обществѣ, не направляется его манерой держать себя, а наоборотъ, занятъ безпокойнымъ наблюденіемъ за нею, то его поведеніе будетъ принужденнымъ, неловкимъ и непріятнымъ.

Кромѣ того, эту сторону необходимо образовать трудами и попеченіемъ воспитателя, такъ какъ промахи въ отношеніи благовоспитанности раньше всѣхъ замѣчаются другими, но послѣ всѣхъ указываются человѣку; не потому, чтобы свѣтское злословіе не спѣшило

болтать о нихъ; а потому что эта болтовня всегда происходитъ за спиною того, кто могъ бы воспользоваться отзывами другихъ и исправить свои недостатки соотвѣтственно ихъ критикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, это такой щекотливый пунктъ, что даже друзья, желающіе исправить эти недостатки, съ трудомъ рѣшаются заводить рѣчь о нихъ и говорить тому, кого они любятъ, что онъ проявилъ въ такомъ то и такомъ то случаѣ неблаговоспитанность. Промахи въ другихъ отношеніяхъ часто можно указать человѣку въ вѣжливой формѣ; и исправленіе его ошибокъ не будетъ нарушеніемъ хорошихъ манеръ или дружбы; но сама благовоспитанность не позволяетъ человѣку касаться этого пункта и намекать другому, что онъ показалъ себя невоспитаннымъ. Такія указанія могутъ исходить только отъ тѣхъ, кто пользуется авторитетомъ надъ нимъ, да и съ ихъ стороны покажутся черезчуръ грубыми и рѣзкими взрослому человѣку; и, хотя бы высказанныя въ самой мягкой формѣ, придутся не по вкусу тому, кто хоть немного пожилъ въ свѣтѣ. Отсюда слѣдуетъ, что эта часть должна быть предметомъ главной заботы воспитателя, чтобы привычное изящество и вѣжливость въ обхожденіи укоренились въ его питомцѣ, прежде чѣмъ онъ выйдетъ изъ его рукъ, и чтобы онъ не нуждался въ совѣтахъ по этому пункту, когда у него не будетъ ни времени, ни охоты воспользоваться ими, да не будетъ при немъ и человѣка, который могъ бы ихъ давать. Слѣдовательно, воспитатель прежде всего долженъ быть благовоспитаннымъ человѣкомъ; и молодой джентльменъ, который усвоитъ отъ своего гувернера хотя бы одно это качество, будетъ надѣленъ большимъ преимуществомъ, и убѣдится, что одно это достоинство шире откроетъ ему дорогу, доставитъ больше друзей и обезпечитъ большій успѣхъ въ свѣтѣ, чѣмъ всѣ мудреныя слова или реальное знаніе, которое онъ почерпнетъ изъ свободныхъ искусствъ или изъ ученой энциклопедіи своего воспитателя. Это не значитъ, что послѣдними нужно пренебрегать, но ни въ коемъ случаѣ имъ не слѣдуетъ оказывать предпочтеніе или допускать, чтобы они пріобрѣтались на счетъ указаннаго достоинства.

94. Кромѣ благовоспитанности, воспитатель долженъ обладать знаніемъ свѣта; онъ долженъ быть хорошо знакомъ съ обычаями, нравами, причудами, плутнями, недостатками своего вѣка, а особливо страны, въ которой живетъ. Онъ долженъ умѣть указать ихъ своему воспитаннику, поскольку тотъ способенъ уразумѣть ихъ; научить его разбираться въ людяхъ и ихъ повадкахъ; срывать маски, которыми прикрываютъ ихъ различныя профессіи и притязанія, и различать то, что лежитъ на днѣ подъ этой внѣшностью, чтобы онъ не могъ, какъ это бываетъ съ неопытными молодыми людьми, не получившими предостереженія, принимать одну вещь за другую, судить по наружности и поддаваться показному блеску, обольщаться ласковыми манерами или любезной услужливостью. Воспитатель долженъ научить своего питомца угадывать намѣренія людей, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, и остерегаться ихъ, не высказывая ни чрезмѣрной подозрительности, ни чрезмѣрнаго довѣрія; а такъ какъ молодой человѣкъ по

натурѣ въ высшей степени склоненъ къ односторонности, то слѣдуетъ поправлять его и отклонять въ другую сторону. Онъ долженъ пріучать его составлять себѣ насколько возможно правильное представленіе о людяхъ по тѣмъ признакамъ, которые всего лучше указываютъ, что они такое, и разоблачаютъ ихъ внутреннюю природу, причемъ часто проявляются въ мелочахъ, особливо когда эти люди не въ парадѣ и не на чеку. Онъ долженъ ознакомить его съ истиннымъ состояніемъ свѣта, и внушить ему привычку не считать человѣка лучшимъ или худшимъ, болѣе умнымъ или болѣе глупымъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Такъ, съ безопасной и нечувствительной постепенностью, воспитанникъ перейдетъ отъ состоянія ребенка къ состоянію взрослаго; самый критическій шагъ во всемъ теченіи жизни. Поэтому за нимъ нужно тщательно слѣдить и съ особеннымъ усердіемъ руководить молодымъ человѣкомъ въ этотъ моментъ, а не выпускать его, какъ это обыкновенно дѣлается, сразу изъ подъ опеки воспитателя въ свѣтъ, за собственный рискъ и страхъ, не безъ явной опасности немедленной порчи; въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ болѣе обыкновеннаго явленія, чѣмъ примѣры крайней распущенности, сумазбродства и безпутства, которымъ предаются молодые люди, какъ только избавятся отъ дисциплины суроваго и строгаго воспитанія, что, по моему мнѣнію, можно поставить въ вину, главнымъ образомъ, ложному способу ихъ воспитанія, особливо въ данномъ пунктѣ; такъ какъ, воспитанные въ полномъ невѣденіи того, что такое въ дѣйствительности свѣтъ, и найдя его совершенно не такимъ, какимъ воображали на основаніи всего, что имъ толковали о немъ, они легко поддаются наставленіямъ иного сорта воспитателей, которыхъ безъ сомнѣнія встрѣтятъ и которые постараются убѣдить ихъ, что тяготѣвшая надъ ними дисциплина и читавшіяся имъ лекціи — простыя формальности воспитанія и мѣры къ обузданію дѣтей; что свобода, принадлежащая взрослымъ, заключается въ широкомъ и неограниченномъ пользованіи всѣмъ, что раньше запрещалось имъ. Они показываютъ новичку свѣтъ, переполненный модными и блестящими образцами этого пользованія, которое сразу ослѣпляетъ его. Мой юный джентльменъ, разумѣется, не прочь показать себя такимъ же взрослымъ, какъ любой изъ его блестящихъ сверстниковъ, и съ этою цѣлью пускается во всѣ тяжкія по примѣру самыхъ распутныхъ; такимъ образомъ, онъ пріобрѣтаетъ репутацію молодца, отбрасывая скромность и умѣренность, которыя внушались ему воспитателемъ; и считаетъ съ своей стороны молодечествомъ ознаменовать свои первые шаги въ свѣтѣ нарушеніемъ всѣхъ правилъ добродѣтели, проповѣдывавшихся ему воспитателемъ. По моему мнѣнію, одно изъ лучшихъ средствъ предупредить это зло — показать ему свѣтъ, каковъ онъ есть, прежде чѣмъ онъ вступитъ въ него. Надо постепенно познакомить его съ модными пороками и предостеречь противъ подходовъ и плановъ тѣхъ, которые поставятъ своей задачей развратить его. Ему нужно сообщить объ ухищреніяхъ, къ которымъ они прибѣгаютъ, и о сѣтяхъ, которыя они разставляютъ; а время отъ времени выводить

передъ его глазами трагическіе или смѣшные примѣры тѣхъ, которые гибнутъ или гибли на этомъ пути. Врядъ-ли въ нашемъ вѣкѣ окажется недостатокъ примѣровъ подобного рода, которыя нужно сдѣлать для него предохранительными знаками, чтобы разочарованіе, болѣзнь, нищета и позоръ многообѣщавшихъ молодыхъ людей, доведенныхъ, такимъ образомъ, до гибели, могли послужить для него предостереженіемъ и раскрыть ему глаза на тѣхъ, которые подъ предлогомъ дружбы и уваженія толкали ихъ на путь гибели и помогали ихъ грабить, пока они разорялись, а затѣмъ отвернулись отъ нихъ съ презрѣніемъ и осужденіемъ. Пусть онъ увидитъ, прежде чѣмъ купитъ это слишкомъ дорогимъ опытомъ, что тѣ, которые убѣждаютъ его не слѣдовать разумнымъ совѣтамъ воспитателей, а положиться на собственный разсудокъ, которымъ будто-бы руководили до сихъ поръ другіе, дѣлаютъ это только для того, чтобы имѣть возможность самимъ руководить имъ; и увѣряютъ его, будто онъ дѣйствуетъ какъ самостоятельный человѣкъ, по собственному усмотрѣнію и для собственнаго удовольствія, когда на самомъ дѣлѣ онъ какъ малый ребенокъ увлекается ими въ пороки, наилучше служащіе ихъ интересамъ. Вотъ знаніе, которое воспитатель долженъ стараться внушить ему при всякомъ удобномъ случаѣ, добиваясь всѣми способами, чтобы онъ вполнѣ уразумѣлъ и усвоилъ его.

Часто говорятъ, что открывать молодому человѣку пороки вѣка значитъ научать его этимъ порокамъ. Правда, такъ оно и бываетъ весьма часто въ зависимости отъ того, какъ это дѣлается; оттого-то и нуженъ для этого разсудительный человѣкъ, который знаетъ свѣтъ и можетъ судить о темпераментѣ, наклонностяхъ и слабыхъ сторонахъ своего питомца. Далѣе надо помнить, что теперь невозможно (какъ, можетъ быть, было возможно ранѣе) удержать молодого человѣка отъ порока, оставляя въ невѣденіи о немъ, если только вы не рѣшили продержать его всю жизнь взаперти, никогда не пуская въ общество. Чѣмъ дольше онъ будетъ оставаться съ завязанными глазами, тѣмъ меньше будетъ видѣть, когда выйдетъ изъ дома на вольный свѣтъ и тѣмъ болѣе будетъ подвергаться опасности сдѣлаться добычей себя самого и другихъ. Такой взрослый птенецъ, лишь только онъ появится со всею степенностью, вынесенною изъ родного гнѣзда, непремѣнно привлечетъ на себя взоры и крики всей городской стаи, среди которой найдется не мало хищныхъ птицъ, готовыхъ пуститься за нимъ въ погоню.

Единственная защита отъ свѣта есть основательное знаніе его, которое нужно сообщать молодому человѣку постепенно, по мѣрѣ того, какъ онъ становится способнымъ усвоять его; и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, разъ онъ находится въ надежныхъ и искусныхъ рукахъ. Сцену нужно открывать по-немногу и вводить его шагъ за шагомъ, указывая опасности, ожидающія его со стороны людей разныхъ званій, характеровъ, намѣреній и кружковъ. Слѣдуетъ подготовить его къ тому, что иные будутъ задирать его, другіе ласкать; указать ему, кто, по всей вѣроятности, будетъ враждовать съ нимъ, кто направлять

его на ложный путь, кто подкапываться подъ него, и кто оказывать ему услуги. Онъ долженъ научиться узнавать и различать ихъ; долженъ знать, когда ему слѣдуетъ дать имъ понять, что онъ видитъ ихъ цѣли; когда сдѣлать видъ, что онъ не догадывается объ ихъ планахъ и махинаціяхъ. Если же онъ окажется черезчуръ склоннымъ полагаться на свою силу и умѣнье, то досада и непріятность неудачи, если она не причиняетъ ущерба его невинности, здоровью или репутаціи, можетъ быть недурнымъ средствомъ научить его осторожности.

Конечно, эта существенная часть мудрости не можетъ быть продуктомъ поверхностнаго мышленія или начитанности, а является результатомъ опыта и наблюденія человѣка, который жилъ въ свѣтѣ съ открытыми глазами и имѣлъ сношенія со всякаго рода людьми; поэтому я и считаю въ высшей степени важнымъ сообщать его молодому человѣку при всякомъ удобномъ случаѣ, чтобы, когда придетъ его время пуститься въ море житейское, онъ не оказался бы безъ направленія, компаса и карты; но ознакомился бы заранѣе съ подводными камнями, теченіями и движущимися песками, и умѣлъ бы хоть немного править рулемъ, чтобъ не потонуть прежде, чѣмъ пріобрѣтенъ опытъ. Тотъ, кто не считаетъ этого болѣе важнымъ для своего сына и болѣе требующимъ воспитателя, чѣмъ языки и науки, забываетъ, что умѣть правильно судить о людяхъ и разумно вести дѣла съ ними гораздо важнѣе умѣнья говорить по латыни и по гречески и разсуждать о модусѣ и фигурѣ [1]), или переполненія головы абстрактными спекуляціями натуральной философіи и метафизики; важнѣе даже основательнаго знакомства съ греческими и римскими писателями, хотя обладать имъ гораздо полезнѣе для молодого джентльмена, чѣмъ быть хорошимъ перипатетикомъ [2]) или картезіанцемъ [3]), такъ какъ древніе авторы умѣли наблюдать и изображать человѣчество и внесли много свѣта въ этотъ родъ знаній. Тотъ, кто отправится въ восточныя области Азіи, найдетъ тамъ способныхъ и достойныхъ людей, не имѣющихъ понятія обо всемъ этомъ; но безъ добродѣтели, знанія свѣта и вѣжливости нигдѣ нельзя быть почтеннымъ и достойнымъ человѣкомъ.

Большая часть знаній, преподаваемыхъ въ настоящее время въ европейскихъ школахъ и входящихъ обыкновенно въ кругъ воспитанія, такова, что джентльменъ можетъ прекрасно обойтись безъ нея, безъ особеннаго вреда для себя или ущерба для своихъ дѣлъ. Но благоразуміе [4]) и благовоспитанность необходимы во всѣхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ жизни; а большинство молодыхъ людей

---

[1]) Т. е. о формахъ и видахъ саллогизма. Пер.
[2]) Послѣдователи Аристотеля.
[3]) Послѣдователи Декарта.
[4]) «Кампе вспоминаетъ по этому поводу замѣчаніе Галена (De Aff. Curandis): «постыдно, что мы работаемъ и трудимся непрерывно многіе годы съ цѣлью сдѣлаться хорошими грамматиками, ораторами, математиками или врачами, и не дѣлаемъ ничего, чтобы стать хорошими людьми». Ш.

страдаютъ ихъ недостаткомъ, и именно по этой причинѣ вступаютъ въ свѣтъ болѣе неумѣлыми и неловкими, чѣмъ моглибы быть, такъ какъ эти качества, которыя нужнѣе всѣхъ остальныхъ и особенно нуждаются въ помощи и поддержкѣ со стороны учителя, остаются въ пренебреженіи и составляютъ лишь маловажную часть задачи воспитателя или вовсе не входятъ въ его обязанности. Хлопочатъ только о латыни и учености; и главныя усилія направлены на достиженіе успѣховъ въ такихъ вещахъ, большая часть которыхъ не имѣетъ никакого отношенія къ призванію джентльмена, требующему познаній дѣлового человѣка, поведенія, приличествующаго званію, и умѣнья быть полезнымъ своей странѣ соотвѣтственно своему положенію. Если часы досуга, остающіеся отъ обычныхъ занятій, или стремленіе усовершенствоваться въ какихъ-либо отрасляхъ знанія, съ которыми воспитатель ознакомилъ его лишь слегка, побудятъ его къ занятіямъ, то начальныя свѣдѣнія, усвоенныя имъ раньше, укажутъ путь, по которому онъ и можетъ зайти такъ далеко, какъ пожелаетъ его фантазія или позволятъ его способности. Если онъ желаетъ сократить себѣ время и трудъ при помощи учителя, который будетъ помогать ему въ затруднительныхъ случаяхъ, то можетъ взять человѣка, вполнѣ освѣдомленнаго въ данной области, или такого, котораго найдетъ подходящимъ для своихъ цѣлей. Но для того, чтобы ознакомить питомца съ какой-либо отраслью знанія, насколько это необходимо при обычномъ ходѣ занятій молодого человѣка, достаточно обыкновенныхъ познаній гувернера. Вовсе не требуется, чтобы онъ былъ глубокимъ ученымъ или въ совершенствѣ владѣлъ всѣми науками, съ которыми молодому джентльмену слѣдуетъ познакомиться въ формѣ общаго обзора или краткой системы. Джентльменъ, который пожелалъ-бы глубже проникнуть въ науку, долженъ добиваться этого собственными дарованіями и усердіемъ; такъ какъ никто еще не заходилъ далеко въ области знанія и не достигалъ выдающихся успѣховъ въ наукахъ, благодаря дисциплинѣ и принужденію со стороны наставника.

Великая задача воспитателя выработать поведеніе и образовать душу; укоренить въ питомцѣ хорошія привычки и начала добродѣтели и мудрости; сообщить ему мало-по-малу понятіе о человѣчествѣ и внушить любовь и стремленіе къ тому, что прекрасно и достойно похвалы, а также дать ему силу, бодрость и усердіе въ преслѣдованіи этихъ цѣлей. Занятія, которыхъ онъ требуетъ отъ него, служатъ только для упражненія способностей и заполненія времени, чтобы оберечь его отъ шалопайства и лѣности, научить прилежанію, пріучить къ усиліямъ и дать нѣкоторое понятіе о томъ, въ чемъ онъ долженъ усовершенствоваться съ помощью собственнаго рвенія. Вѣдь никто не ожидаетъ, что подъ руководствомъ воспитателя молодой джентльменъ сдѣлается заправскимъ критикомъ, ораторомъ или логикомъ, постигнетъ глубины метафизики, натуральной философіи или математики, или въ совершенствѣ овладѣетъ исторіей и хронологіей. Правда, ему слѣдуетъ сообщить кое-какія свѣдѣнія по

всѣмъ этимъ наукамъ: но лишь съ цѣлью отворить дверь, чтобы онъ могъ заглянуть въ нее и, такъ сказать, свести знакомство съ обитателями, однако не засиживаться у нихъ; заслуживаетъ строгаго порицанія тотъ воспитатель, который задерживаетъ своего питомца слишкомъ долго и заводитъ слишкомъ далеко въ большинствѣ этихъ наукъ. Но благовоспитанность, знаніе свѣта, добродѣтель, усердіе (industry) и любовь къ доброму имени никогда не могутъ оказаться въ избыткѣ; и тотъ, кто обладаетъ ими, не будетъ долго терпѣть недостатка во всемъ остальномъ, что ему потребно или желательно.

Такъ какъ нельзя надѣяться, что у него хватитъ времени и силы изучить все, то нужно приложить наибольшія усилія къ тому, что особенно необходимо; и обращать главное вниманіе на то, что всего болѣе и всего чаще понадобится для него въ свѣтѣ.

Сенека жалуется на противоположную практику, господствовавшую въ его время; а между тѣмъ Бургерсдиціусы и Шейблеры [1]) не развелись еще въ тѣ дни въ такомъ обиліи, какъ нынѣ. Что бы онъ подумалъ, еслибы жилъ теперь, когда воспитатели считаютъ своей главной обязанностью переполнять занятія и головы своихъ питомцевъ подобными авторами? У него было-бы гораздо больше основаній сказать: Non vitae sed scholae discimus, «мы учимся не для жизни, а для диспутовъ» [2]); такъ какъ наше воспитаніе подготовляетъ насъ скорѣе для университета, чѣмъ для жизни. Не удивительно, впрочемъ, что тѣ, которые создаютъ моду, приспособляютъ ее къ тому, чѣмъ сами обладаютъ, а не къ тому, что требуется для ихъ питомцевъ. А разъ установилась мода, никто не найдетъ страннымъ, что она преобладаетъ въ этомъ, какъ и вдругихъ дѣлахъ; и что большинство тѣхъ, которые находятъ выгоднымъ подчиняться ей, не преминутъ обвинить въ ереси всякаго, кто отступаетъ отъ нея. При всемъ томъ, нельзя не подивиться, что выдающіеся и даровитые люди доходятъ до такихъ заблужденій подъ вліяніемъ обычая и слѣпой вѣры. Посовѣтуйся они съ разумомъ, онъ указалъ-бы имъ на то, что можетъ оказаться для нихъ полезнымъ, когда они будутъ взрослыми, а не на забиваніе ихъ головъ кучей хлама, большая часть котораго обыкновенно забывается ими (несомнѣнно, она никогда не понадобится имъ) на всю остальную жизнь; а то, что остается въ памяти, служитъ только къ ихъ вреду. Это настолько общеизвѣстно, что я ссылаюсь на самихъ родителей, тратившихъ деньги на обученіе своихъ юныхъ наслѣдниковъ: не покажутся-ли ихъ сыновья смѣшными,

---

[1]) Бургерсдиціусъ и Шейблеръ, писатели по логикѣ и метафизикѣ, учебники которыхъ пользовались большой популярностью во время Локка. Галламъ замѣчаетъ мимоходомъ по поводу перваго: «Изъ сочиненій по логикѣ въ 16 столѣтіи наибольшую славу пріобрѣли труды Смиглеціуса, Бургерсдиціуса и нашего соотечественника Кравканторпа: всѣ они процвѣтали, если можно такъ выразиться о тѣхъ, которые никогда не приносили цвѣтовъ, въ началѣ слѣдующаго вѣка». (Lit. Hist iii, b). *Д.*

[2]) Точнѣе: «Мы учимся не для жизни, а для школы»—жалоба, которой заканчивается 106 письмо Сенеки къ Люцилію. Это мѣсто начинается: «Въ наукахъ, какъ и во всемъ, мы страдаемъ отъ избытка, и проч.» Ш.

если сохранятъ отпечатокъ этого сорта учености при своемъ выступленіи въ свѣтъ? Не уронитъ-ли ихъ въ глазахъ общества всякое проявленіе этой послѣдней? Хорошо пріобрѣтеніе, которое конфузитъ людей, когда имъ особенно важно проявить свои таланты и воспитаніе,—оно дѣйствительно заслуживаетъ быть предметомъ воспитанія!

Есть и другая причина, въ силу которой вы должны обращать вниманіе при выборѣ воспитателя на вѣжливость манеръ и знаніе свѣта; та именно, что способный человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ можетъ сообщить мальчику достаточныя свѣдѣнія въ любой изъ упомянутыхъ наукъ, хотя бы самъ не обладалъ въ нихъ глубокими знаніями[1]). Книги доставятъ ему нужныя знанія и возможность идти впереди своего юнаго питомца; но тотъ, кто хромаетъ въ отношеніи знанія свѣта, а особливо благовоспитанности, никогда не сообщитъ этихъ вещей другому.

Этимъ знаніемъ онъ долженъ обладать,—знаніемъ, вошедшимъ въ его натуру, благодаря практикѣ и общенію съ людьми, и продолжительной работѣ надъ самимъ собою, съ помощью наблюденій надъ тѣмъ, что разрѣшается и требуется въ лучшемъ обществѣ. Этого знанія, если онъ самъ не обладаетъ имъ, ему негдѣ будетъ заимствовать для надобностей своего питомца; если-же ему и удастся найти въ книгахъ толковыя указанія, касающіяся всѣхъ деталей поведенія англійскаго джентльмена, то его собственный дурной примѣръ, разъ онъ не получилъ хорошаго воспитанія, будетъ уничтожать всѣ его уроки; никто не можетъ выйти благовоспитаннымъ изъ неотесанной, дурно воспитанной кампаніи.

Говоря это, я вовсе не думаю, что такого воспитателя можно встрѣтить на каждомъ шагу или пріобрѣсти за обычное вознагражденіе; я думаю только, что тѣ, которые обладаютъ достаточными средствами не должны скупиться на поиски или издержки въ такомъ важномъ дѣлѣ; и что другіе родители, состояніе которыхъ не позволяетъ имъ платить большое жалованье, должны тѣмъ не менѣе помнить о томъ, что имъ слѣдуетъ главнымъ образомъ имѣть въ виду при выборѣ человѣка, которому они желаютъ поручить воспитаніе своихъ дѣтей; и на что главнымъ образомъ они должны обращать вниманіе въ отношеніи самихъ себя, пока дѣти находятся на ихъ попеченіи, и всякій разъ, когда они находятся на глазахъ у дѣтей; а не думать, что все заключается въ латыни и французскомъ языкѣ или въ сухихъ системахъ логики и философіи.

---

[1]) Никто не можетъ учить тому, чего онъ не знаетъ, и никто не можетъ учить хорошо, если онъ не знаетъ гораздо больше того, чему долженъ научить. Иногда утверждаютъ, что учитель, который лишь немного опередилъ своего ученика, способенъ лучше вникать въ его затрудненія, чѣмъ болѣе ученые преподаватели, которые забыли о затрудненіяхъ, представляющихся дѣтямъ, и подвигаются быстрѣе, чѣмъ ихъ питомцы могутъ слѣдовать за ними. Въ этомъ есть доля истины; но тотъ, кто знаетъ предметъ только съ одной стороны, можетъ и преподавать его только съ одной стороны. Чтобы преподавать предметъ хорошо, нужно знать его досконально, и умѣть представить ученикамъ съ наиболѣе доступной стороны, а въ случаѣ надобности—съ разныхъ сторонъ. Д.

(Отдѣлъ X, §§ 95—99).

(О близости родителей съ дѣтьми).

95. Но вернемся къ нашему методу. Хотя я упоминалъ о суровости отца и почтительномъ страхѣ (awe), внушаемомъ имъ дѣтямъ, пока они малы, какъ о главномъ орудіи воспитанія, но я далекъ отъ мысли, что это должно продолжаться все время, пока они подчиняются дисциплинѣ и опекѣ, какъ несовершеннолѣтнія; я думаю, что суровость должна ослабляться[1]) въ той мѣрѣ, въ какой это будутъ допускать ихъ возрастъ, благоразуміе и хорошее поведеніе; думаю, даже, что отецъ хорошо сдѣлаетъ, если, когда сынъ подрастетъ и окажется достойнымъ того, будетъ дружески бесѣдовать съ нимъ; мало того, спрашивать его мнѣнія и совѣтоваться съ нимъ о тѣхъ вещахъ, которыя доступны его знанію и пониманію. Этимъ способомъ отецъ выиграетъ двѣ вещи, обѣ очень важныя. Во-первыхъ, это гораздо успѣшнѣе будетъ побуждать его сына къ серьезнымъ размышленіямъ, чѣмъ всѣ правила и наставленія, которыя онъ можетъ ему дать. Чѣмъ скорѣе вы начнете относиться къ нему, какъ взрослому, тѣмъ скорѣе онъ начнетъ становиться таковымъ: и если вы будете иногда вступать съ нимъ въ серьезныя бесѣды, то будете этимъ самымъ незамѣтно поднимать его душу надъ обычными развлеченіями юности и тѣми пустыми занятіями, на которыя она обыкновенно тратится. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно замѣтить, что многіе молодые люди дольше остаются школьниками по мыслямъ и разсужденіямъ, чѣмъ оставались-бы при другихъ условіяхъ,—потому что ихъ родители всѣмъ своимъ отношеніемъ къ нимъ удерживаютъ ихъ на этомъ разстояніи и въ этомъ низкомъ положеніи.

96. Другая очень важная вещь, которой вы достигнете такимъ способомъ обращенія съ ребенкомъ, это его дружба. Многіе отцы, щедро снабжая своихъ сыновей средствами, соотвѣтственно ихъ возрасту и положенію, скрываютъ отъ нихъ свое состояніе и свои дѣла такъ тщательно, какъ будто оберегаютъ государственную тайну отъ шпіона или непріятеля. Если даже это не имѣетъ характера недовѣрія, то все же тутъ нѣтъ признаковъ доброжелательства и сердечности, которыя отецъ долженъ проявлять по отношенію къ сыну, и безъ сомнѣнія это часто тормозитъ или ослабляетъ ту готовность и удовольствіе, съ какими сынъ долженъ обращаться къ отцу и полагаться на него. И я часто удивляюсь при видѣ отцовъ, которые нѣжно любятъ своихъ сыновей, но создаютъ такія отношенія своей постоянной холодностью, своимъ видомъ суроваго авторитета и неприступности, сохраняемыхъ всю жизнь, какъ будто не желаютъ ни радости, ни утѣхи отъ тѣхъ, кого любятъ больше всѣхъ на свѣтѣ, пока не лишатся ихъ, удалившись въ иной міръ. Ничто такъ не скрѣпляетъ

[1]) Этой системы держался отецъ Локка. Многія замѣчанія Локка по этому предмету предвосхищены Монтэнемъ (см. Essais ii. 8, De l'affection des péres aux enfants). Д.

и не упрочиваетъ дружбы и расположенія, какъ довѣрчивое сообщеніе о дѣлахъ и предпріятіяхъ. Другія проявленія расположенія, при отсутствіи этого, всегда оставляютъ нѣкоторое сомнѣніе: но если вашъ сынъ видитъ, что вы открываете ему душу, если онъ находитъ, что вы стараетесь заинтересовать его вашими дѣлами, такъ какъ желаете, чтобы они со временемъ перешли въ его руки, то онъ заинтересуется ими, какъ своими собственными, будетъ терпѣливо ждать своего времени, и любить васъ за то, что вы не держите его на почтительномъ разстояніи, какъ посторонняго. Это покажетъ ему также, что владѣніе доставляетъ вамъ не мало хлопотъ; а чѣмъ яснѣе онъ пойметъ это, тѣмъ меньше станетъ завидовать вашему обладанію, и тѣмъ болѣе будетъ склоненъ считать себя счастливымъ на попеченіи такого любящаго друга и заботливаго отца. Врядъ ли найдется молодой человѣкъ, настолько скудоумный или лишенный смысла, что ему не доставитъ радости имѣть вѣрнаго друга, къ которому можно прибѣгнуть, съ которымъ можно свободно посовѣтоваться при случаѣ. Сдержанность и неприступность отцовъ лишаютъ сыновей этого прибѣжища, которое было бы для нихъ полезнѣе сотни выговоровъ и головомоекъ. Если вашъ сынъ приметъ участіе въ какой-нибудь проказѣ или увлечется какой-нибудь затѣей, то не лучше ли будетъ, если онъ сдѣлаетъ это завѣдомо для васъ, чѣмъ безъ вашего вѣдома? Разъ уже приходится дѣлать уступки молодымъ людямъ въ подобныхъ вещахъ, то чѣмъ больше вы будете знать о его затѣяхъ и планахъ, тѣмъ легче вамъ будетъ предотвратить серьезное зло; а, указывая ему на вѣроятныя послѣдствія поступка, вы найдете въ этомъ вѣрное средство убѣждать его отказываться и отъ менѣе важныхъ несуразностей. Если вы хотите, чтобы онъ открывалъ вамъ сердце и спрашивалъ вашего совѣта, то должны сдѣлать это первый, и своимъ поведеніемъ пріобрѣсти его довѣріе.

97. Но о чемъ бы онъ ни совѣтовался съ вами — если только его затѣя не ведетъ къ какой-нибудь роковой и непоправимой бѣдѣ— совѣтуйте только, какъ болѣе опытный другъ, не примѣшивайте къ вашему совѣту никакого приказанія или авторитета; относитесь такъ, какъ вы бы отнеслись къ равному себѣ или къ постороннему. Иначе, онъ больше уже не станетъ обращаться къ вамъ и пользоваться вашими совѣтами. Вы должны принимать въ соображеніе, что онъ молодой человѣкъ и обладаетъ влеченіями и фантазіями, какими и вы обладали въ свое время. Вы не должны ожидать, что его наклонности будутъ точно такими, какъ ваши, или, что въ двадцать лѣтъ онъ будетъ думать такъ-же, какъ вы въ пятьдесятъ. Все, чего вы можете ожидать, признавая, что молодость должна пользоваться извѣстной свободой въ дѣйствіяхъ и проказахъ, — это, чтобы она пользовалась ею съ сыновней откровенностью и съ вѣдома отца; въ такомъ случаѣ большого вреда изъ этого не выйдетъ. А чтобы добиться этого, нужно, какъ я уже говорилъ, бесѣдовать съ сыномъ (насколько вы считаете его способнымъ къ этому) о вашихъ дѣлахъ, дружески предлагать ему вопросы и спрашивать его мнѣніе, и если оно окажется

правильнымъ, слѣдовать ему, какъ поданному имъ; а въ случаѣ хорошаго результата, похвалить его. Это вовсе не умалитъ вашего авторитета, но увеличитъ его любовь и уваженіе къ вамъ. Пока вы сохраняете за собою состояніе, распоряженіе остается въ вашихъ рукахъ; и вашъ авторитетъ будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше онъ укрѣпляется довѣріемъ и привязанностью. Ибо вы не обладаете той властью, какою вамъ надлежитъ обладать надъ нимъ, если отношенія между вами не таковы, что онъ больше боится оскорбить друга, чѣмъ потерять часть ожидаемаго въ будущемъ наслѣдства.

98. Если ужъ отецъ можетъ снисходить до фамильярной бесѣды съ сыномъ, то воспитатель съ своимъ воспитанникомъ и подавно. Время, которое они проводятъ вмѣстѣ, не все должно уходить на объясненіе и спрашиваніе уроковъ и на безапелляціонныя предписанія воспитаннику заниматься тѣмъ-то и исполнять то-то. Выслушивая его въ свою очередь и пріучая разсуждать о томъ, что съ него требуется, воспитатель облегчитъ пониманіе и болѣе глубокое усвоеніе правилъ и внушитъ воспитаннику любовь къ занятіямъ и ученію: онъ начнетъ цѣнить знаніе, видя, что оно дѣлаетъ его способнымъ разсуждать и находя удовольствіе и поощреніе въ томъ, что его участіе въ разговорѣ допускается, а его доводы иногда одобряются и принимаются; особливо въ вопросахъ морали, благоразумія и благовоспитанности слѣдуетъ обращаться къ нему и спрашивать его мнѣнія. Это лучше всякихъ наставленій, хотя бы самыхъ толковыхъ, расширяетъ пониманіе и закрѣпляетъ правила въ памяти для практическаго выполненія. Этотъ способъ проводитъ въ душу вещи, которыя запечатлѣваются въ ней, сохраняя свою очевидность; тогда какъ слова въ лучшемъ случаѣ только блѣдныя представленія, только вѣрныя тѣни вещей и гораздо скорѣе забываются. Онъ лучше пойметъ основанія и мѣрила пристойности и справедливости, и получитъ болѣе живое и болѣе прочное представленіе о томъ, какъ ему должно поступать, если будетъ высказывать свое мнѣніе по предлагаемымъ ему вопросамъ и разсуждать съ воспитателемъ о подходящихъ примѣрахъ, чѣмъ при безмолвномъ, невнимательномъ и сонномъ выслушиваніи наставленій воспитателя; и гораздо лучше, чѣмъ при хитроумныхъ логическихъ диспутахъ или сочиняемыхъ по всѣмъ правиламъ декламаціяхъ на всякія темы. Послѣднія направляютъ мысль на остроумничанье и фальшивыя реторическія украшенія, а не на изысканіе истины; первыя пріучаютъ къ лукавству, изворотливости и упорству; и тѣ и другія искажаютъ сужденіе и сбиваютъ человѣка съ пути правильнаго и здраваго разсужденія; а потому ихъ слѣдуетъ тщательно избѣгать всякому, кто желаетъ усовершенствовать себя и быть пріятнымъ для другихъ.

(Почтительность).

99. Когда, давъ понять вашему сыну, что онъ зависитъ отъ васъ и находится въ вашей власти, вы установили свой авторитетъ;

а непреклонно суровымъ отношеніемъ къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ упорствуетъ въ какой-нибудь дурной, запрещенной вами, шалости, особливо же во лжи, внушили ему необходимый почтительный страхъ (awe); когда, съ другой стороны (предоставляя ему полную свободу, подобающую его возрасту, и не налагая въ своемъ присутствіи никакихъ стѣсненій на дѣтскія проказы и забавы, такъ же необходимыя ему въ малолѣтствѣ какъ ѣда и сонъ), вы примирили его съ вашимъ обществомъ и дали ему почувствовать вашу заботливость и любовь къ нему снисходительностью и нѣжностью, лаская его въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ поступитъ хорошо, и проявляя свою привязанность къ нему на тысячи ладовъ, соотвѣтствующихъ его возрасту, которымъ природа научаетъ родителей лучше, чѣмъ я могу научить; когда, говорю я, тѣми проявленіями нѣжности и привязанности, въ которыхъ у родителей не можетъ быть недостатка по отношенію къ дѣтямъ, вы внушите ему особенную привязанность къ вамъ; тогда вы доведете его до такого состоянія, какого можете пожелать, и образуете въ его душѣ ту истинную почтительность, которую останется только заботливо продолжать и поддерживать въ обѣихъ составныхъ частяхъ ея, любви и страхѣ, какъ великихъ началахъ, дающихъ вамъ возможность вліять на него и направлять его душу на пути добродѣтели и чести.

(Отдѣлъ X. §§ 100—102).

(О различныхъ характерахъ дѣтей).

100. Разъ этотъ фундаментъ хорошо заложенъ, и вы находите, что почтеніе начинаетъ дѣйствовать въ немъ, ближайшей задачей является тщательно изучить его характеръ и спеціальную конституцію его души. Упрямство, ложь и дурные поступки не должны (какъ сказано выше) допускаться съ самаго начала, каковъ бы ни былъ его характеръ. Не слѣдуетъ допускать, чтобы эти сѣмена пороковъ укоренились; ихъ нужно тщательно выпалывать при первомъ появленіи; и вашъ авторитетъ долженъ быть на лицо и вліять на его душу, лишь только въ ней начнетъ проявляться пониманіе, чтобы дѣйствовать какъ естественное условіе, начала котораго ребенокъ не могъ замѣтить, такъ что и не представляетъ себѣ, чтобы когда-нибудь было или могло быть иначе. Благодаря этому, если почтеніе, которымъ онъ обязанъ вамъ, установилось рано, онъ всегда останется священнымъ для него, и ему будетъ такъ же трудно противиться этому авторитету, какъ естественнымъ началамъ.

101. Установивъ такимъ образомъ очень рано вашъ авторитетъ, и мягкимъ примѣненіемъ его внушая ребенку стыдъ ко всему, что ведетъ къ безнравственнымъ привычкамъ, лишь только вы замѣтите въ немъ подобныя проявленія (такъ какъ я отнюдь не желалъ бы примѣненія брани, а тѣмъ менѣе побоевъ, если только упрямство

и неисправимость не сдѣлаютъ ихъ абсолютно необходимыми), вамъ слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какую сторону направляетъ его естественный складъ его души. Иные люди въ силу неизмѣннаго склада своей конституціи смѣлы, другіе боязливы, иные самоувѣренны, другіе скромны, покладисты или упорны, любознательны, или беззаботны, быстры или медлительны. Въ лицахъ людей и внѣшнихъ очертаніяхъ ихъ тѣлъ не больше различій, чѣмъ въ складахъ и характерахъ ихъ душъ; разница лишь въ томъ, что отличительныя особенности лица и очертанія тѣла становятся болѣе ясными и замѣтными съ времене мъ и возрастомъ; но особенности душевной физіономіи наиболѣе различимы у дѣтей, прежде чѣмъ искусство и хитрость научатъ ихъ скрывать свои уродливости и прятать свои дурныя наклонности подъ фальшивой внѣшностью.

102. Поэтому, своевременно начинайте пристально наблюдать характеръ вашего сына; и когда онъ совершенно непринужденно предается игрѣ, и не подозрѣваетъ, что вы за нимъ слѣдите, замѣчайте его преобладающія страсти и господствующія наклонности; сердитъ ли онъ или кротокъ, дерзокъ или застѣнчивъ, сострадателенъ или жестокъ, откровененъ или сдержанъ и проч. Ибо, сообразно различіямъ этихъ качествъ, должны различаться и ваши методы, и вашъ авторитетъ долженъ утверждаться различными средствами. Эти прирожденныя наклонности, эти преобладающія особенности конституціи не устраняются правилами или прямымъ противодѣйствіемъ, особливо болѣе низкія и дрянныя изъ нихъ, вытекающія изъ страха и малодушія, хотя при умѣньи можно въ значительной степени исправить ихъ и направить къ хорошимъ цѣлямъ. Но во всякомъ случаѣ, что-бы вы ни дѣлали, грузъ [1]) всегда будетъ тянуть въ ту сторону, на которой первоначально помѣстила его природа; и если вы тщательно наблюдаете свойства его души на первыхъ порахъ его жизни, то и впослѣдствіи всегда будете въ состояніи судить, куда клонятся его мысли, и чего онъ добивается; даже много позднѣе, когда, съ возрастомъ, его затѣи осложняются и онъ старается облекать ихъ въ различныя формы.

(Отдѣлъ XII. §§ 103—110).

(О своеволіи (self-will) дѣтей).

103. Я говорилъ вамъ раньше, что дѣти любятъ свободу; а потому, надо добиваться, чтобы они дѣлали то, что имъ слѣдуетъ дѣлать, не чувствуя надъ собой никакого принужденія. Теперь я скажу вамъ, что они любятъ нѣчто большее, именно господство: а

[1]) Bias. Уподобленіе заимствовано изъ игры въ шары. «Bias»—грузъ, помѣщаемый на одной сторонѣ шара и отклоняющій его отъ того направленія, по которому онъ пущенъ. *Д.*

это первая причина большинства порочныхъ привычекъ, которыя являются обыкновенными и естественными. Любовь къ власти и господству проявляется очень рано и сказывается въ двухъ вещахъ.

104. 1. Мы видимъ, что дѣти, почти тотчасъ послѣ рожденія (несомнѣнно, задолго до того, какъ начнутъ говорить) плачутъ, капризничаютъ, скулятъ и злятся только ради того, чтобы исполнялась ихъ воля. Они хотятъ, чтобы другіе подчинялись ихъ желаніямъ; требуютъ безпрекословнаго послушанія отъ всѣхъ окружающихъ, особливо отъ тѣхъ, которые близки къ нимъ или ниже ихъ по возрасту или положенію, какъ скоро начнутъ замѣчать между ними эти различія.

105. Другое проявленіе ихъ любви къ господству—желаніе присвоивать себѣ вещи: они стремятся къ обладанію и собственности, такъ какъ имъ нравится власть, доставляемая, повидимому, собственностью, и право распоряжаться ею, какъ угодно. Кто не замѣчалъ очень ранняго проявленія у дѣтей этихъ двухъ наклонностей, тотъ мало наблюдалъ ихъ поведеніе, а кто не думаетъ, что эти два корня почти всей неправды и раздоровъ, которые такъ возмущаютъ человѣческую жизнь, должны быть рано выполоты и замѣщены противуположными привычками, тотъ упускаетъ надлежащій моментъ для закладки основаній хорошаго и достойнаго человѣка. Достиженію этого, какъ мнѣ кажется, могутъ до нѣкоторой степени способствовать слѣдующія вещи.

106. 1. Я уже говорилъ, что никогда не слѣдуетъ допускать, чтобы ребенокъ получалъ то, чего онъ требуетъ, особливо, если онъ требуетъ съ плачемъ; но такъ какъ эти слова могутъ повести къ недоразумѣнію и быть объясненными въ томъ смыслѣ, будто по моему мнѣнію ребенокъ никогда не долженъ просить чего-бы то ни было у своихъ родителей, что найдутъ, быть можетъ, черезчуръ тяжелымъ гнетомъ для души ребенка, наносящимъ ущербъ любви и привязанности, которыя должны существовать между дѣтьми и родителями, то я объяснюсь нѣсколько подробнѣе. Конечно, дѣти должны пользоваться свободой заявлять родителямъ о своихъ нуждахъ, и эти заявленія надо выслушивать и удовлетворять со всей нѣжностью, по крайней мѣрѣ пока дѣти очень малы. Но большая разница сказать: я голоденъ, или: я хочу жаркого. Разъ они заявляютъ о своихъ нуждахъ, естественныхъ нуждахъ, о страданіяхъ, испытываемыхъ вслѣдствіе голода, жажды, холода или о другихъ естественныхъ потребностяхъ, обязанность родителей и тѣхъ, кто смотритъ за дѣтьми, облегчить эти страданія; но дѣти должны предоставить родителямъ выбирать и опредѣлять, что для нихъ требуется и въ какомъ количествѣ; нельзя позволить имъ выбирать самимъ и говорить: я хочу вина, или я хочу бѣлаго хлѣба; простое называніе предмета должно быть поводомъ къ отказу.

107. Родителямъ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ отличать мни-

мыя потребности отъ естественныхъ; дѣлать то, чему ихъ учитъ Горацій въ своемъ стихѣ:

Queis humana sibi doleat natura negatis [1]).

Дѣйствительно естественныя потребности—тѣ, которыхъ разумъ, одинъ, безъ всякой другой помощи, не въ состояніи устранить и которымъ онъ не можетъ помѣшать тревожить насъ. Страданія отъ болѣзней и ранъ, жажды и холода, безсонницы, отсутствія отдыха или облегченія для части, утомленной трудомъ, чувствуются всѣми людьми, и наилучше устроенныя души не могутъ не сознавать ихъ неудобства, а потому должны, путемъ соотвѣтственныхъ приспособленій, стараться устранять ихъ при первомъ появленіи, хотя безъ нетерпѣнія и чрезмѣрной торопливости, если только отсрочка не угрожаетъ непоправимымъ вредомъ. Страданія, вытекающія изъ естественныхъ потребностей, суть предостереженія, напоминающія намъ о болѣе серьезномъ злѣ, предвѣстіемъ котораго они являются, а потому не слѣдуетъ пренебрегать ими или допускать ихъ до чрезмѣрнаго напряженія. Но все же, чѣмъ больше дѣти будутъ пріучаться къ лишеніямъ этого рода [2]), благодаря разумному попеченію объ укрѣпленіи ихъ души и тѣла, тѣмъ лучше для нихъ. Мнѣ нѣтъ надобности предупреждать, что при этомъ нужно держаться въ границахъ, опредѣляемыхъ пользой, и тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы лишенія, которымъ подвергаются дѣти, не угнетали ихъ духа и не причиняли вреда ихъ здоровью, такъ какъ родители и безъ того черезчуръ способны болѣе, чѣмъ нужно, отклоняться въ сторону баловства.

Но если естественныя потребности требуютъ удовлетворенія, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ удовлетворять воображаемыя нужды дѣтей, ни даже дозволять имъ заявлять о нихъ. Самое требованіе подобной вещи должно вести къ отказу въ ней. Они должны имѣть одежду, въ которой нуждаются; но быть увѣрены, что если потребуютъ такой-то матеріи, или такого-го цвѣта, то именно ихъ и не получатъ. Я не хочу сказать, что родителямъ слѣдуетъ умышленно перечить желаніямъ своихъ дѣтей въ безразличныхъ вещахъ; напротивъ, если ихъ поведеніе заслуживаетъ этого и если мы увѣрены, что это не испортитъ ихъ, не изнѣжитъ ихъ душъ и не внушитъ имъ пристрастія къ пустякамъ, то, по моему мнѣнію, нужно устраивать все, насколько возможно, къ ихъ удовольствію, чтобы возбуждать въ нихъ охоту и готовность вести себя хорошо. Самое лучшее для дѣтей, чтобы они не находили никакого удовольствія въ подобныхъ вещахъ, не подчиняли своихъ влеченій своимъ фантазіямъ и относились безразлично ко всему, что природа создала таковымъ. Этого, главнымъ образомъ, должны добиваться родители и воспитатели; но пока это будетъ

---

[1]) «То, при лишеніи чего, человѣческая натура страждетъ». Hor Sat. I. v. 75.

[1]) Объ этой, совершенно ошибочной, системѣ закаливанія, см. Введеніе Стр. 36. *Д.*

достигнуто, я высказываюсь противъ свободы требованій, которыя въ этихъ проявленіяхъ прихоти [1]) должны обуздываться постояннымъ запрещеніемъ.

Это можетъ показаться черезчуръ строгимъ для естественной снисходительности нѣжныхъ родителей; но тѣмъ не менѣе это простая необходимость: такъ какъ предлагаемый мною методъ имѣетъ цѣлью изгнать розгу [2]), то это обузданіе дѣтскихъ языковъ окажется чрез-

---

[1]) То, что Локкъ называетъ «воображаемыми нуждами» (Wants of fancy) должно существовать только въ душѣ, въ отличіе отъ дѣйствительныхъ нуждъ. Нелѣпо ожидать, чтобы маленькія дѣти могли разбираться въ этомъ. Воображаемыя нужды такъ-же настоятельны въ ихъ глазахъ, какъ тѣлесныя, и они могутъ оказывать имъ предпочтеніе совершенно искренно. Все, чего слѣдуетъ требовать отъ нихъ, это, чтобы требованія дѣлались въ приличной формѣ, а отказъ, если онъ является необходимымъ, принимался безъ протеста. Добиться этого отъ дѣтей гораздо труднѣе, чѣмъ заставить ихъ бояться высказывать свои желанія, но этого требуетъ правильное воспитаніе. См. Введеніе, стр. 40. Локкъ такъ защищаетъ свою точку зрѣнія въ письмѣ къ Моливѣ:—«Дѣти очень склонны получать или дѣлать то, что получаютъ или дѣлаютъ старшіе, особливо, если это ихъ старшіе братья и сестры. Идетъ одинъ въ гости. Другой обязательно желаетъ отправиться туда-же. Получилъ кто-нибудь новое или нарядное платье или игрушку. Остальныя, если вы только допустите это, потребуютъ того-же и будутъ считать себя обиженными въ случаѣ отказа. Если къ этой склонности снисходить, пока они малы, то съ годами она разрастается, обращается на болѣе важныя вещи,—и разстроила уже не одну семью. Ее нужно подавлять при первомъ появленіи, и вы не должны позволять высказывать тѣ желанія, которыя не расположены поощрять. Это лучшій способъ заставить дѣтей таить ихъ про себя. Дѣти должны путемъ постоянной практики пріучаться быть очень скромными въ отношеніи желаній, и не просить родителей о томъ, чего, какъ они имѣютъ основаніе думать, родители не одобрятъ. А выговоръ за то, что они не переносятъ съ покорностью отказа, является запоздалымъ: проступокъ уже совершенъ и дозволенъ; и если вы позволяете имъ просить, то врядъ ли можете находить страннымъ, что они возмущаются отказомъ; такъ что вы допускаете ихъ совершить проступокъ и тогда уже находите моментъ подходящимъ для внушенія, я же думаю, что самый вѣрный и удобный путь—предупрежденіе. Ибо мы должны предполагать у дѣтей ту же природу, что и у взрослыхъ; а какъ часто мы видимъ, что взрослые раздражаются отказомъ въ чемъ-либо, о чемъ бы вовсе не безпокоились, если-бъ не вздумали попросить. Но я не буду распространяться на эту тему, такъ какъ полагаю, что мы сойдемся; да вѣдь и трудно, почти невозможно дать общія правила воспитанія, когда врядъ ли найдется ребенокъ, который не требовалъ бы, въ извѣстныхъ случаяхъ, иного отношенія, чѣмъ другіе. Всё, что мы можемъ дать въ видѣ общихъ положеній, сводится къ указанію цѣли, къ которой должны стремиться родители и воспитатели, но они сами должны разбираться въ частныхъ обстоятельствахъ каждаго отдѣльнаго случая». *Д.*

[2]) Замѣчаніе, очень характерно рисующее власть старой террористической системы воспитанія, тѣнь которой ложится на всѣ разсужденія Локка. Отвергая розгу, онъ ищетъ другого способа внѣдрять «спасительный страхъ»; но не рѣшается отвергнуть цѣликомъ самую систему «спасительнаго страха», какъ несовмѣстимую съ воспитаніемъ, стремящимся не подавить, а развить творческія силы личности. Въ результатѣ остаются и розги, и дикое требованіе: «Не смѣй называть вещь, которой тебѣ хочется», и т. под. пріемы, идущіе въ разрѣзъ съ существомъ новаго воспитанія. Только Руссо освободился отъ этого тысячелѣтняго кошмара и обосновалъ воспитаніе на новыхъ началахъ соотвѣтственно новой цѣли. Перев.

вычайно полезнымъ для внушенія того почтительнаго страха (awe), о которомъ мы столько говорили, и для поддержанія достодолжнаго уваженія и почтенія къ родителямъ. Во-первыхъ, оно будетъ пріучать ихъ сдерживаться и такимъ образомъ управлять своими наклонностями. Такимъ способомъ вы заставите ихъ научиться искусству подавлять свои желанія при первомъ возникновеніи, когда съ ними всего легче справиться. Вѣдь давая волю своимъ влеченіямъ, мы придаемъ имъ жизнь и силу; и тотъ, кто пользуется свободой превращать свои желанія въ просьбы, не далекъ отъ мысли, что они должны исполняться. Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что каждому легче вынести отказъ отъ самаго себя, чѣмъ отъ другого. Нужно поэтому съ раннихъ лѣтъ пріучать дѣтей совѣтоваться съ своимъ разумомъ и пользоваться имъ прежде, чѣмъ давать волю своимъ наклонностямъ. Большой шагъ къ господству надъ нашими желаніями--умѣть останавливать ихъ и принуждать къ молчанію. Усвоенная дѣтьми привычка сдерживать порывы своихъ влеченій, и обсуждать, умѣстны ли они или нѣтъ, раньше, чѣмъ высказывать, принесетъ имъ не малую пользу въ болѣе важныхъ вещахъ, въ послѣдующее время жизни. А я не устану повторять, что въ каждомъ данномъ случаѣ, крупномъ или мелкомъ, главное (я чуть не сказалъ единственное), на что мы должны обращать вниманіе въ поступкѣ ребенка, это: какое вліяніе онъ окажетъ[1]) на его душу; какую привычку способенъ укоренить въ немъ; какъ отразится на немъ, когда ребенокъ станетъ больше; и куда приведетъ его, въ случаѣ поощренія, когда онъ выраcтетъ.

Итакъ, я вовсе не думаю, что дѣтей нужно умышленно дѣлать недовольными. Для этого требуется слишкомъ много безчеловѣчности и безсердечія, которыя могутъ заразить и ихъ. Ихъ надо пріучить отказываться отъ своихъ влеченій; ихъ души, какъ и тѣла, надо сдѣлать стойкими, свободными и сильными посредствомъ привычки обуздывать свои наклонности, а тѣла закалить лишеніями; но все это, не давая повода заподозрить здѣсь дурное отношеніе къ нимъ. Постоянный отказъ въ томъ, чего они требуютъ или что хотятъ взять самовольно, долженъ научить ихъ скромности, подчиненію и умѣнью сдерживаться; но полученіе въ награду за скромность и молчаніе того, что имъ нравится, должно также увѣрить ихъ въ любви тѣхъ, которые строго требуютъ такого послушанія. Умѣнье примириться съ отсутствіемъ того, чего имъ хотѣлось, есть добродѣтель, которую слѣдуетъ вознаграждать при первомъ случаѣ тѣмъ, что полезно и пріятно для нихъ, чтобы это вознагражденіе являлось естественнымъ послѣд-

[1]) Надо, однако, помнить, что желаніе не угаснетъ оттого, что его запрещено выражать. Оно можетъ даже усилиться вслѣдствіе вынужденнаго молчанія. Гораздо лучше отказывать ребенку въ неумѣстной просьбѣ, или, если обстоятельства дѣла допускаютъ это безъ вредныхъ послѣдствій, посредствомъ уступки дать ему возможность убѣдиться въ нелѣпости его желанія. Родители могутъ представить резоны, которые смягчатъ отказъ и обезпечатъ повиновеніе: часто также можно безъ опасенія предоставить опыту оправдать предостереженія, которыхъ ребенокъ не послушался. *Д.*

ствіемъ ихъ хорошаго поведенія, а не выторгованной платой. Но вы потеряете свой трудъ и, что еще важнѣе, ихъ любовь и почтеніе, если они могутъ получать отъ другихъ то, въ чемъ отказываете вы. За этимъ нужно тщательно слѣдить и никоимъ образомъ не допускать подобныхъ вещей. Здѣсь опять таки прислуга становится мнѣ поперекъ дортги.

108. Если это начнется своевременно, и они съ раннихъ поръ пріучатся умалчивать о своихъ желаніяхъ, эта полезная привычка сдѣлаетъ ихъ способными къ самообузданію; и по мѣрѣ того какъ они будутъ становиться больше и разсудительнѣе, имъ можно будетъ предоставлять больше свободы въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ говоритъ разумъ, а не страсть; ибо къ голосу разума всегда слѣдуетъ прислушиваться. Но если ихъ никогда не слѣдуетъ слушать, разъ они первые заводятъ рѣчь о какихъ-либо спеціальныхъ вещахъ, которыя имъ хотѣлось бы имѣть, то, наоборотъ, всегда слѣдуетъ выслушивать и отвѣчать толково и ласково, когда они спрашиваютъ о чемъ-либо, что имъ интересно знать, и выражаютъ желаніе получить свѣдѣнія. Любознательность надо такъ же заботливо поощрять въ дѣтяхъ, какъ другія влеченія подавлять.

(Развлеченія).

Хотя воображаемыя желанія (desires of fancy) нужно строжайшимъ образомъ обуздывать, но есть одинъ случай, когда слѣдуетъ дать слово воображенію и прислушиваться къ нему. Развлеченіе такъ же необходимо, какъ трудъ или пища. Но такъ какъ развлеченія не можетъ быть безъ удовольствія, которое не всегда зависитъ отъ разума, а чаще отъ воображенія, то надо позволять дѣтямъ не только развлекаться, но и дѣлать это, какъ имъ самимъ вздумается, если только это развлеченіе невинное и не вредитъ ихъ здоровью; поэтому въ подобныхъ случаяхъ не нужно отвѣчать отказомъ, если они предложатъ какой-нибудь особенный способъ развлеченія. Правда, я думаю, что при хорошо поставленномъ воспитаніи, они рѣдко будутъ испытывать потребность въ подобной свободѣ: нужно позаботиться о томъ, чтобы они всегда дѣлали съ удовольствіемъ то, что для нихъ полезно; и прежде чѣмъ устанутъ отъ одного полезнаго занятія, находили развлеченіе въ какомъ-нибудь другомъ. Но если ихъ еще не удалось довести до такой степени совершенства, чтобы развлеченіемъ для нихъ могло служить какое-нибудь полезное занятіе, то нужно предоставить имъ полную свободу въ дѣтскихъ играхъ, отъ которыхъ они отстанутъ, когда тѣ надоѣдятъ имъ; полезныя же занятія слѣдуетъ прерывать раньше, чѣмъ они потеряютъ охоту къ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, раньше, чѣмъ они утомятся и почувствуютъ отвращеніе къ нимъ, чтобы они могли возвращаться къ этимъ занятіямъ, какъ къ ожидающему ихъ удовольствію. Ибо вамъ нечего и думать о правильной постановкѣ воспитанія, если они не находятъ удовольствія въ занятіяхъ похвальными вещами; и если чередованіе полезныхъ

упражненій тѣла и души не дѣлаетъ ихъ жизнь и ученіе пріятными, превращая ихъ въ непрерывную вереницу развлеченій, при которыхъ утомленная часть постоянно находитъ отдыхъ и облегченіе. Возможно ли это въ отношеніи всѣхъ характеровъ и согласятся ли родители и воспитатели взять на себя этотъ трудъ, хватитъ-ли у нихъ разсудительности и терпѣнія, необходимыхъ для его осуществленія, я не знаю; но я ни мало не сомнѣваюсь, что это достижимо въ отношеніи большинства дѣтей, если только будетъ взятъ правильный курсъ для возбужденія въ нихъ желанія похвалы, чести и добраго имени. А разъ они стали на такой правильный путь, съ ними можно откровенно говорить о томъ, что наиболѣе занимаетъ ихъ, и направлять ихъ или предоставлять имъ свободу; такимъ образомъ они не могутъ не замѣтить, что ихъ любятъ и лѣлѣютъ, и что тѣ, на попеченіи которыхъ они находятся, отнюдь не враги ихъ удовольствію. Такое отношеніе заставитъ ихъ любить руку, которая направляетъ ихъ и добродѣтель къ которой она ихъ направляетъ.

Предоставленіе имъ свободы въ ихъ развлеченіяхъ имѣетъ еще ту выгодную сторону, что раскрываетъ ихъ природные характеры, обнаруживаетъ ихъ наклонности и способности, и такимъ образомъ даетъ разумнымъ родителямъ указанія относительно выбора карьеры и занятія для дѣтей, ровно какъ и относительно средствъ, которыя пока что могутъ быть примѣнены противъ природныхъ наклонностей, грозящихъ направить ихъ на дурной путь.

109. 2. Дѣти, живущіе вмѣстѣ, часто спорятъ изъ-за господства, изъ за того, кому командовать остальными; это соперничество нужно пресѣкать въ самомъ началѣ. Но этого мало; ихъ нужно учить оказывать другъ другу всяческое вниманіе, снисхожденіе и любезность. Разъ они замѣтятъ, что это доставляетъ имъ одобреніе, любовь и честь, не лишая ихъ никакихъ преимуществъ, они будутъ находить въ этомъ больше удовольствія, чѣмъ въ нахальномъ командованіи, какимъ являются противуположныя отношенія.

Дѣтскія обвиненія [1]) другъ противъ друга, являющіяся обыкно-

---

[1]) Кампе говоритъ: «Во многихъ случаяхъ будетъ хорошо и достаточно отпустить маленькаго жалобщика съ замѣчаніемъ, что мы не должны придавать значеніе всякому пустяку, и что лучше спускать мелкія обиды, чѣмъ быть мстительнымъ. Но такъ какъ устранить ссоры и драки между дѣтьми можно лишь въ томъ случаѣ, если они знаютъ, что есть человѣкъ, къ которому можно обратиться за возстановленіемъ справедливости, то наставнику придется иногда брать на себя роль судьи, особливо въ болѣе важныхъ случаяхъ. Въ такомъ случаѣ ему слѣдуетъ не отказывать жалобщику, а сказать ему: «Дитя мое, ты теперь не владѣешь собой; но когда мы жалуемся на кого-нибудь, мы должны быть совершенно спокойны и хладнокровны, иначе рискуемъ оказаться несправедливыми къ обидчику, преувеличивъ обиду. Погоди, пока успокоишься; а затѣмъ обсуди, такая ли это обида, что ея нельзя пропустить. Если признаешь это, приходи ко мнѣ вечеромъ или завтра утромъ, и разскажи, что случилось,—ты найдешь во мнѣ справедливаго судью». Если тѣмъ временемъ вы посовѣтуете другой сторонѣ сдѣлать попытку примириться съ обиженнымъ, то можно ожидать что въ большинствѣ случаевъ дѣло уладится дружелюбно, и суда не по-

венно только крикомъ гнѣва и мести, ищущихъ поддержки, не слѣдуетъ принимать благосклонно, и выслушивать. Позволять имъ жаловаться значитъ ослаблять и изнѣживать ихъ души; если же они будутъ выносить иногда противорѣчія или обиды со стороны другихъ, не находя этого чѣмъ-то необычайнымъ и нестерпимымъ, то это имъ не повредитъ, а будетъ съ раннихъ поръ закалять ихъ и пріучать къ терпѣнію. Однако, не поощряя жалобъ со стороны вздорныхъ, старайтесь обуздывать нахальство и злобныя чувства обидчиковъ. Если вы сами замѣтите обиду, побраните за неё въ присутствіи обиженнаго; но въ случаѣ жалобы, заслуживающей вашего вниманія и предупрежденія на будущее время, сдѣлайте обидчику выговоръ наединѣ въ отсутствіи обиженнаго и заставьте его пойти попросить прощенія [1]) и исправить свою вину: онъ охотнѣе исполнитъ это, если будетъ дѣйствовать какъ будто по собственному побужденію, а обиженный ласковѣе приметъ его, и такимъ образомъ дружба между ними будетъ усиливаться, а привычка къ вѣжливости укореняться между вашими дѣтьми.

110. 3. Что касается обладанія и владѣнія вещами, то учите ихъ легко и свободно дѣлиться тѣмъ, что у нихъ есть, съ друзьями, и дайте имъ убѣдиться на опытѣ, что самый щедрый всегда оказывается самымъ богатымъ, получая вдобавокъ похвалу и честь; въ такомъ случаѣ они быстро научатся проявлять щедрость. Я думаю, что это сдѣлаетъ братьевъ и сестеръ болѣе ласковыми и любезными по отношенію другъ къ другу, а слѣдовательно и къ другимъ, чѣмъ двадцать правилъ о хорошихъ манерахъ, которыми обыкновенно донимаютъ и допекаютъ дѣтей. Такъ какъ жадность и желаніе имѣть въ своемъ распоряженіи и обладаніи больше, чѣмъ намъ нужно, есть корень всяческаго зла, то её нужно рано и тщательно выпалывать, а противуположное качество, готовность дѣлиться съ другими, насаждать. Это качество нужно поощрять одобреніемъ и похвалами и постоянно заботиться о томъ, чтобы ребенокъ ничего не терялъ отъ своей щедрости. Пусть во всѣхъ случаяхъ проявленія такой тароватости онъ всегда получаетъ награду [2]), и притомъ съ процентами; и пусть онъ

требуется. Въ то же время ребенокъ получитъ полезный урокъ въ томъ смыслѣ, что мы не должны ничего дѣлать въ раздраженіи, и что слѣдуетъ остерегаться несправедливости даже по отношенію къ тѣмъ, которые обижаютъ насъ». *Д.*

[1]) Конечно, въ высшей степени желательно воспитывать въ ребенкѣ готовность признавать и исправлять свою вину, свой насправедливый поступокъ, но нужно остерегаться заставлять его говорить, что онъ раскаивается, когда никакого раскаянія онъ не чувствуетъ, или просить прощенія, когда онъ считаетъ обиженнымъ себя. Лучше упорство, чѣмъ лицемѣріе. *Д.*

[2]) Не обязательно въ формѣ подарка, такъ какъ если это дѣлается постоянно, то проявленія доброты могутъ превратиться въ дѣло простого расчета. Истинная доброта несетъ въ себѣ самой свою награду. Въ то же время случайныя награды не лишены значенія, когда дѣло идетъ о малолѣтнихъ дѣтяхъ. Отъ ребенка нельзя требовать чрезмѣрнаго самоотверженія, и не мѣшаетъ вознаграждать его, пока «роскошь дѣлать добро» и болѣе высокіе мотивы не сдѣлаютъ прямую награду излишней. *Д.*

ясно пойметъ, что доброта, которую онъ проявляетъ къ другимъ, не плохой расчетъ; что она вызываетъ въ отвѣтъ доброе отношеніе какъ со стороны тѣхъ, которые пользуются ею, такъ и со стороны тѣхъ, кто видитъ её. Дѣлайте её предметомъ соревнованія между дѣтьми, чтобы они старались превзойти другъ друга въ этомъ направленіи: а когда, такимъ способомъ, благодаря постоянной практикѣ, дѣтямъ станетъ легко дѣлиться своимъ добромъ, благодушіе укоренится въ нихъ, какъ привычка, и они будутъ находить удовольствіе и гордиться своей добротой, щедростью и вѣжливостью къ другимъ.

Если щедрость слѣдуетъ поощрять, то, конечно, нужно слѣдить съ величайшимъ вниманіемъ, чтобы дѣти не нарушали правилъ справедливости: и всякій разъ, когда они это дѣлаютъ, ихъ надо исправлять и въ случаѣ необходимости подвергать строгому взысканію.

Такъ какъ наши первыя дѣйствія опредѣляются больше себялюбіемъ, чѣмъ разумомъ и размышленіемъ, то неудивительно, что у дѣтей они чрезвычайно способны отклоняться отъ правильной оцѣнки правды и неправды, которая является результатомъ успѣховъ разума и серьезнаго размышленія. Чѣмъ болѣе они склонны заблуждаться въ этомъ отношеніи, тѣмъ тщательнѣе нужно слѣдить за ними, не пропуская безъ замѣчанія и исправленія малѣйшаго нарушенія этой великой соціальной добродѣтели; даже въ самыхъ незначительныхъ и маловажныхъ случаяхъ нужно просвѣщать ихъ невѣденіе и предупреждать дурныя привычки, которыя начавшись съ пустяковъ, съ булавокъ и вишневыхъ косточекъ, выростутъ, если имъ предоставить свободу, въ крупныя плутни и грозятъ въ концѣ концовъ превратиться въ закоренѣлую нечестность.

При первомъ же проявленіи склонности къ какой-либо недобросовѣстности, она должна подавляться выраженіемъ удивленія и отвращенія со стороны родителей и воспитателей. Но такъ какъ дѣти не могутъ ясно понимать, что такое недобросовѣстность, пока не поймутъ, что такое собственность и какимъ образомъ она достается отдѣльнымъ лицамъ, то вѣрнѣйшій способъ обезпечить честность—съ раннихъ поръ заложить ея основы въ щедрости и готовности дѣлиться съ другими тѣмъ, что имѣешь или любишь. Къ этому можно пріучить ихъ рано, прежде чѣмъ они овладѣютъ рѣчью и разсудкомъ въ достаточной степени, чтобы составить себѣ ясное понятіе о собственности, и понять, что принадлежитъ имъ по спеціальному праву, исключающему право другихъ. И такъ какъ дѣти рѣдко получаютъ что либо инымъ путемъ, кромѣ подарка, въ большинствѣ случаевъ отъ родителей, то ихъ можно сначала учить не брать и не прятать ничего, кромѣ того, что дано имъ тѣми, отъ которыхъ они получили возможность располагать вещью. По мѣрѣ расширенія ихъ способностей можно объяснять и внушать имъ другія правила и случаи добросовѣстности, и права, относящіяся къ meum и tuum. Если будетъ замѣченъ съ ихъ стороны какой либо недобросовѣстный поступокъ, вытекающій не изъ недоразумѣнія, а изъ порочнаго направленія воли, и мягкіе выговоры и стыдъ окажутся безсильными испра-

вить эту порочную и корыстную наклонность, то слѣдуетъ примѣнить болѣе суровыя средства: но только отецъ или воспитатель могутъ отбирать у нихъ то, что они цѣнятъ и считаютъ своей собственностью, или поручать кому-нибудь сдѣлать это; и такими примѣрами сдѣлать для нихъ яснымъ, что они немного выиграютъ, если будутъ несправедливо завладѣвать чужимъ добромъ, разъ на свѣтѣ есть люди сильнѣе и старше ихъ. Но если позаботиться съ раннихъ поръ внушать имъ искреннее отвращеніе къ этому постыдному пороку, что я считаю вполнѣ возможнымъ, то это будетъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ способомъ противъ него и лучше предохранитъ ихъ отъ недобросовѣстности, чѣмъ всѣ соображенія, основанныя на интересѣ; привычки дѣйствуютъ болѣе непрерывно и съ большей легкостью, чѣмъ разумъ, который, когда мы наиболѣе нуждаемся въ немъ, рѣдко призывается на совѣтъ, и котораго мы еще рѣже слушаемся.

(Отдѣлъ XIII. § 111—114).

(О дѣтскомъ плачѣ и ревѣ).

111. Плачъ есть проступокъ, который не долженъ быть терпимъ со стороны дѣтей; не только потому, что онъ наполняетъ домъ непріятнымъ и неудобнымъ шумомъ, но и по болѣе важнымъ соображеніямъ, касающимся самихъ дѣтей, что и должно быть главной цѣлью воспитанія.

Ихъ плачъ бываетъ двухъ родовъ: упорный и властный или жалобный и ноющій.

1. Ихъ плачъ очень часто является притязаніемъ на господство и открытымъ проявленіемъ нахальства или упорства: не будучи въ состояніи исполнить свое желаніе, они хотятъ крикомъ и рыданіями поддержать свое право на его удовлетвореніе. Это открытое настояніе на своемъ требованіи и нѣчто вродѣ протеста противъ угнетенія и несправедливости тѣхъ, которые не разрѣшаютъ имъ того, чего они добиваются.

112. 2. Иногда ихъ плачъ есть слѣдствіе страданія или искренняго огорченія, и вызванная ими жалоба.

При внимательномъ наблюденіи не трудно различить эти два рода, по наружности, взглядамъ, дѣйствіямъ, и въ особенности по тону самого плача; но ни того, ни другого не слѣдуетъ допускать, тѣмъ менѣе поощрять.

1. Упорный или капризный плачъ никоимъ образомъ не долженъ быть позволяемъ, такъ какъ это значило бы въ другой формѣ потакать ихъ желаніямъ и поощрять страсти, обузданіе которыхъ является нашей главной задачей; и если, какъ это часто бываетъ, подобный плачъ слѣдуетъ за полученнымъ наказаніемъ, то онъ совершенно уничтожаетъ всѣ его полезное дѣйствіе; такъ какъ всякое наказаніе, которое оставляетъ ихъ въ состояніи такой явной оппо-

зиціи, только способствуетъ ихъ порчѣ. Взысканія и наказанія, налагаемыя на дѣтей, безтолковы и безплодны, если не побѣждаютъ ихъ воли, не научаютъ ихъ обуздывать свои страсти и не дѣлаютъ ихъ душъ уступчивыми и послушными родительскимъ увѣщаніямъ, подготовляя ихъ такимъ образомъ къ повиновенію увѣщаніямъ собственнаго разума въ позднѣйшей жизни. Но допуская, чтобы въ случаѣ какого бы то ни было запрещенія они отвѣчали ревомъ, вы позволяете имъ настаивать на своихъ желаніяхъ и сохранять дурное настроеніе, заявлять о своемъ правѣ и рѣшимости при первомъ удобномъ случаѣ удовлетворить свою склонностъ. Вотъ, слѣдовательно, еще аргументъ противъ частаго примѣненія побоевъ; ибо всякій разъ, когда вамъ случится примѣнять эту крайнюю мѣру, недостаточно будетъ просто побить или высѣчь, но придется продолжать наказаніе, пока вы не убѣдитесь, что подчинили ихъ душу, что они принимаютъ наказаніе съ покорностью и терпѣніемъ, въ чемъ вы всего лучше убѣдитесь по ихъ плачу и прекращенію его по вашему приказанію. Иначе, тѣлесное наказаніе дѣтей есть чистая тиранія; простая жестокость, а не исправленіе,—причинять боль ихъ тѣлу, не принося пользы ихъ душѣ. Будучи доводомъ противъ частаго примѣненія тѣлесныхъ наказаній, это устраняетъ въ то же время необходимость часто прибѣгать къ нимъ. Ибо если всякій разъ, когда дѣтей наказываютъ, дѣлать это безстрастно, трезво, и при всемъ томъ основательно, нанося удары не съ бѣшенствомъ, не всѣ заразъ, но медленно, съ увѣщаніями въ промежуткахъ, наблюдая за ихъ дѣйствіемъ и прекращая наказаніе, когда оно сдѣлало дѣтей уступчивыми, раскаявающимися и послушными; то они рѣдко будутъ нуждаться въ повтореніи подобнаго наказанія, такъ какъ постараются избѣгать проступковъ, заслуживающихъ его. Кромѣ того, если наказаніе при такомъ способѣ не останется безплоднымъ оттого, что было недостаточнымъ и недѣйствительнымъ, то оно не будетъ и чрезмѣрнымъ, разъ мы прекращаемъ его, лишь только замѣтимъ, что оно достигло души и вызвало въ ней улучшеніе. Брань или побои должны отпускаться дѣтямъ въ возможно меньшей дозѣ, но если это дѣлается въ пылу гнѣва, то рѣдко остается въ надлежащихъ границахъ и обыкновенно превосходитъ должную мѣру, не достигая въ то же время цѣли.

113. 2. Многія дѣти склонны плакать по поводу самой незначительной боли, и малѣйшая непріятность, случившаяся съ ними, вызываетъ съ ихъ стороны жалобы и вопли. Немногія дѣти свободны отъ этого; такъ какъ это первый и естественный способъ заявлять о своихъ страданіяхъ или нуждахъ, прежде чѣмъ они научатся говорить, то состраданіе, которое считается обязательнымъ по отношенію къ этому нѣжному возрасту, безсмысленно поощряетъ и длитъ эти проявленія спустя долгое время послѣ того какъ дѣти начнутъ говорить. Конечно, обязанность тѣхъ, кто смотритъ за дѣтьми, помогать имъ въ случаѣ какого-либо страданія, но не проявлять этого въ соболѣзнованіяхъ. Помогайте имъ, облегчайте ихъ, какъ только мо-

жете, но ни подъ какимъ видомъ не сѣтуйте надъ ними [1]). Это разслабляетъ ихъ души и дѣлаетъ ихъ податливыми къ малѣйшей боли, которую имъ случится испытать; вслѣдствіе чего она глубже проникаетъ въ ту часть, которая одна чувствуетъ, и вызываетъ въ ней болѣе тяжелыя раны, чѣмъ вызвала-бы сама по себѣ. Дѣти должны быть закалены противъ всякихъ страданій и проявлять только такую чувствительность, которая вытекаетъ изъ искренняго стыда и живого сознанія добраго имени. Многочисленныя превратности, которымъ подвержена наша жизнь, требуютъ, чтобы мы не были слишкомъ чувствительны ко всякому незначительному страданію. То, чему не поддаются наши души, производитъ лишь слабое впечатлѣніе и не причиняетъ намъ особеннаго вреда. Страданіе нашего духа,—вотъ что порождаетъ и продолжаетъ боль. Стойкость и нечувствительность души—лучшее оружіе противъ обычныхъ житейскихъ бѣдъ и несчастныхъ случайностей; а такъ какъ этотъ закалъ достигается упражненіемъ и привычкой вѣрнѣе, чѣмъ какимъ-бы то ни было другимъ путемъ, то соотвѣтственная практика должна начаться своевременно; и счастливъ тотъ, кто рано пріобрѣлъ его. Изнѣженность духа, которую нужно предотвращать или устранять болѣе, чѣмъ что-либо другое, усиливается у дѣтей вслѣдствіе плача; поэтому ничто такъ не ограничиваетъ и не подавляетъ ее, какъ запрещеніе имъ этого рода жалобъ. Въ случаѣ незначительной боли вслѣдствіе ушиба или паденія не слѣдуетъ выражать сожалѣнія, что они упали, а нужно запретить дѣлать это вторично; такое отношеніе не только прекращаетъ плачъ, но и отучаетъ отъ неосторожности и предупреждаетъ дальнѣйшія паденія лучше, чѣмъ брань или сожалѣніе. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были полученные ими ушибы, прекращайте ихъ плачъ; это дѣлаетъ ихъ спокойными и довольными въ данный моментъ и закаляетъ на будущее время.

114. Первый родъ плача требуетъ строгости для его прекращенія; и если взгляда или положительнаго приказанія оказывается недостаточнымъ,—необходимы удары; такъ какъ онъ вытекаетъ изъ гордости, упорства и каприза, то воля, въ которой коренится вина, должна быть сломана и сдѣлана уступчивой посредствомъ строгости, достаточной для ея обузданія [2]). Но такъ какъ второй родъ плача за-

---

[1]) Самый разумный способъ попытаться отвлечь вниманіе. «Впечатлѣнія, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ вызвали-бы сильную боль, могутъ въ теченіе нѣкотораго времени совершенно не чувствоваться, при исключительномъ направленіи вниманія на что-нибудь». (Carpenter, Ment Phys. p. 138).Д.

[2]) Трудно было бы связать этотъ совѣтъ съ новыми принципами высказанными Локкомъ выше (ср. §§ 46, 50, 51) и въ конечномъ результатѣ приведшими къ преобразованію воспитанія. Но легко найти его корни въ старой системѣ, противъ той говоритъ вся философія Локка. Ср., напримѣръ, „Нагибай выю его въ юности и сокрушай ребра его, доколѣ оно молодо, дабы сдѣлавшись упорнымъ оно не вышло изъ повиновенія тебѣ. Учи сына твоего и трудись надъ нимъ, чтобы не имѣть тебѣ огорченія отъ непристойныхъ поступковъ его". (Книга Премудр. Іисуса сына Сирахова, XXX, 12, 13). Но старый авторъ послѣдовательнѣе,

виситъ обыкновенно отъ душевной слабости, то есть отъ совершенно противуположной причины, то къ нему нужно относиться съ кротостью. Уговариванiе, или отвлеченiе мыслей въ другую сторону, или подтруниванiе надъ хныканьемъ могутъ оказаться подходящими средствами; но при этомъ нужно принимать въ соображенiе обстоятельства дѣла и особенности характера ребенка. Никакихъ неизмѣнныхъ, достовѣрныхъ правилъ въ данномъ случаѣ нельзя установить; дѣло должно быть предоставлено благоразумiю родителей или воспитателя. Но, я думаю, можно высказать въ качествѣ общаго правила, что и этотъ родъ плача требуетъ постояннаго порицанiя; и что отецъ, опираясь на свой авторитетъ, всегда долженъ прекращать его, проявляя большую или меньшую степень суровости въ своихъ взглядахъ и словахъ соотвѣтственно возрасту и болѣе или менѣе упрямому характеру ребенка; во всякомъ случаѣ, эта степень должна быть достаточной, чтобы прекратить хныканье и положить конецъ безпорядку.

(Отдѣлъ XIV. § 115).

(О робости и храбрости дѣтей).

115. Трусость и храбрость [1]) такъ тѣсно связаны съ только-что упомянутыми качествами, что нельзя не упомянуть о нихъ здѣсь. Страхъ есть побужденiе, которое, при надлежащемъ управленiи, имѣетъ свою полезную сторону. И хотя рѣдко случается, чтобы себялюбiе не поддерживало его въ насъ бдительнымъ и на достаточной высотѣ, но возможенъ также и избытокъ отваги. Безразсудная смѣлость и нечувствительность къ опасности такъ-же неразумны, какъ страхъ и трепетъ въ случаѣ приближенiя малѣйшей бѣды. Страхъ данъ намъ, какъ предостереженiе, побуждающее насъ напрягать наше усердiе и остерегаться грозящаго зла; поэтому, не опасаться наступающей бѣды, не взвѣшивать опасности, а кидаться въ нее, очертя голову, полагаясь на случай, и не думая о томъ, что изъ этого выйдетъ и каковы будутъ послѣдствiя, значитъ проявлять неистовство звѣря, а отнюдь не рѣшимость разумнаго существа. Тѣмъ, чьи дѣти обнаруживаютъ такой темпераментъ, остается только постараться пробудить

откровенно выдвигая на первый планъ интересъ отца („чтобы не имѣть тебѣ огорченiя") а не ребенка. Перев.

[1]) Храбрость въ значительной степени является дѣломъ воспитанiя. Люди, храбрые при извѣстныхъ обстоятельствахъ, часто оказываются очень робкими при другихъ, съ которыми они менѣе освоились. Выяснилось, что наше мужество зависитъ отчасти отъ знакомства съ опасностью и отъ нашей привычки и умѣнья бороться съ нею. Отсюда слѣдуетъ, что лучшiй способъ исправленiя дѣтской трусости—постепенно осваивать дѣтей съ опасностями и поощрять ихъ къ борьбѣ съ болѣе значительными затрудненiями посредствомъ преодолѣнiя менѣе значительныхъ. Ни одна часть воспитанiя не требуетъ отъ родителей такого терпѣнiя. Сильный страхъ парализуетъ разумъ. Д.

ихъ разсудокъ, прислушиваться къ которому вскорѣ заставитъ ихъ самосохраненіе, если только (какъ это обыкновенно бываетъ) какая-нибудь другая страсть не заставитъ его дѣйствовать, очертя голову, безъ смысла и безъ соображенія. Отвращеніе къ несчастью такъ естественно для человѣчества, что никто, я думаю, не можетъ не бояться его: страхъ есть ничто иное какъ непріятное чувство ожиданія, что съ нами случится то, что намъ не нравится. Слѣдовательно, если кто-нибудь стремится навстрѣчу опасности, то мы можемъ сказать, что онъ дѣйствуетъ по невѣденію или подчиняясь какой-нибудь болѣе сильной страсти, такъ какъ никто не врагъ самому себѣ настолько, чтобы добровольно подвергаться злу и искать опасности ради опасности. Если, слѣдовательно, гордость, тщеславіе или бѣшенство заглушаютъ страхъ ребенка, или заставляютъ не слушаться его совѣтовъ, то съ ними и нужно бороться, чтобы разсужденіе могло охлаждать его пылъ и заставляло бы его подумать, стоитъ-ли попытка риска. Но такъ какъ этотъ недостатокъ не часто встрѣчается у дѣтей, то я не буду распространяться о его исправленіи. Малодушіе гораздо болѣе распространенный недостатокъ и потому требуетъ гораздо большаго вниманія.

(Мужество).

Мужество есть стражъ и опора всѣхъ остальныхъ добродѣтелей, и тотъ, кто лишенъ мужества, врядъ-ли можетъ быть твердымъ въ исполненіи долга и проявить всѣ качества истинно достойнаго человѣка.

Мужество, побуждающее насъ бороться съ опасностями, которыхъ мы боимся, и зломъ, которое мы чувствуемъ, чрезвычайно полезно въ положеніи, подобномъ нашему въ здѣшней жизни, открытому для нападеній со всѣхъ сторонъ: а потому вполнѣ умѣстно какъ можно раньше снабжать дѣтей этимъ оружіемъ. Правда, природный характеръ играетъ здѣсь большую роль; но даже въ томъ случаѣ, когда онъ съ изъяномъ, и сердце само по себѣ слабо и робко, правильное воспитаніе можетъ сдѣлать его болѣе рѣшительнымъ. Я уже указалъ, что нужно дѣлать, чтобы предупредить разслабленіе дѣтской души боязливыми опасеніями, внѣдряемыми въ нее съ дѣтства, или привычкой хныкать по поводу каждаго незначительнаго страданія; теперь остается разсмотрѣть, какъ нужно закалять ихъ характеръ и увеличивать ихъ мужество, если они окажутся черезчуръ подверженными страху.

Истинное мужество выражается, по моему мнѣнію, въ спокойномъ самообладаніи и невозмутимомъ исполненіи своего долга, не взирая ни на какія бѣдствія или опасности. Такъ мало взрослыхъ людей, обладающихъ имъ, что мы не можемъ ожидать его отъ дѣтей. Кое-что, однако, можетъ быть сдѣлано: и разумное руководство можетъ путемъ нечувствительныхъ переходовъ завести ихъ дальше, чѣмъ мы ожидаемъ.

Пренебреженіе этой заботой, пока они малы, является, быть можетъ, причиной, въ силу которой столь немногіе обладаютъ этой добродѣтелью въ полномъ объемѣ, когда станутъ взрослыми. Я бы не сказалъ этого о націи, обладающей такой природной храбростью, какъ наша, если бы думалъ, что истинное мужество исчерпывается храбростью въ бою и презрѣніемъ къ жизни передъ лицомъ непріятеля. Конечно, эти качества составляютъ не малую долю его, и нельзя отрицать, что лавры и почести подобаютъ доблести тѣхъ, кто рискуетъ жизнью ради отечества. Но это еще не все. Опасности грозятъ намъ и въ другихъ мѣстахъ [1]), кромѣ поля сраженія; и хотя смерть — царь ужасовъ, но грозные лики болѣзни, униженія и нищеты тоже способны разстроить большинство людей, которымъ кажется, что эти бѣдствія готовы обрушиться на нихъ; и есть люди, которые, пренебрегая одними, смертельно боятся другихъ. Истинное мужество готово къ опасностямъ всякаго рода, и остается непоколебимымъ, какое бы бѣдствіе ни грозило ему. Я не хочу сказать, что оно недоступно никакому страху. Гдѣ на лицо опасность, тамъ не можетъ не быть опасенія, разъ нѣтъ тупоумія; гдѣ опасность, тамъ и сознаніе опасности, и такая доза страха, которая заставляетъ насъ держаться настороже, и напрягать наше вниманіе, усердіе и силу, но не лишаетъ насъ спокойнаго употребленія разсудка, и не препятствуетъ исполненію того, что онъ диктуетъ.

(Трусость).

Первый шагъ къ пріобрѣтенію этой благородной и мужественной твердости есть, какъ я уже сказалъ, тщательное обереганіе дѣтей, пока они малы, отъ страховъ всякаго рода. Не допускайте, чтобы дѣтямъ толковали о разныхъ ужасахъ или пугали страшными предметами. Это часто до того потрясаетъ и разстраиваетъ духъ, что онъ уже не можетъ оправиться; и затѣмъ въ теченіе всей жизни, при первомъ намекѣ или возникновеніи какой-нибудь страшной идеи, теряется и смущается; тѣло слабѣетъ, душа въ смятеніи, и человѣкъ

[1]) Моральное мужество чаще требуется, какъ взрослымъ, такъ и дѣтямъ, и должно заботливо поощряться. Напримѣръ, дѣтей, которые добровольно признаются въ проступкѣ, нужно если не совсѣмъ избавлять отъ наказанія, то подвергать болѣе слабому наказанію за ихъ сознаніе. Дѣти, устоявшія противъ сильнаго соблазна, заслуживаютъ спеціальнаго одобренія. Моральное мужество требуется не только для сопротивленія соблазну, но и для отстаиванія собственнаго мнѣнія, когда оно отличается отъ мнѣнія окружающихъ. Въ виду этого дѣтей слѣдуетъ поощрять честно высказывать свое мнѣніе по тѣмъ вопросамъ, о которыхъ они могутъ составить его. Школьники вообще отличаются нетерпимостью, и мальчику требуется не малое мужество, чтобы высказывать мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ мнѣніями товарищей. Въ этомъ, быть можетъ, и заключается причина того, что люди, получившіе домашнее воспитаніе, каковы бы ни были ихъ недостатки въ другихъ отношеніяхъ, отличаются обыкновенно большей силой и независимостью характера, чѣмъ воспитывавшіеся въ общественныхъ школахъ. Д.

перестаетъ быть самимъ собой и утрачиваетъ способность къ обдуманному и разумному дѣйствію. Зависитъ ли это отъ волненія животныхъ духовъ [1]), ставшаго привычнымъ подъ вліяніемъ перваго сильнаго впечатлѣнія, или отъ какого-нибудь иного, труднѣе объяснимаго, измѣненія конституціи, несомнѣнно одно, что такъ бываетъ. Примѣры людей съ боязливой слабой душею, хранившихъ всю жизнь послѣдствія испуга, пережитаго ими въ малолѣтствѣ, извѣстны всюду, и это нужно всячески предупреждать.

Далѣе, слѣдуетъ съ осторожной постепенностью пріучать дѣтей къ такимъ вещамъ, которыхъ они черезчуръ боятся. Но здѣсь требуется большая осмотрительность, чтобы избѣжать чрезмѣрной торопливости и не начинать лѣченія слишкомъ рано; иначе вы рискуете не устранить, а усилить зло. Отъ маленькихъ дѣтей, которыхъ носятъ на рукахъ, не трудно устранить пугающіе ихъ предметы, и пока они не умѣютъ говорить и понимать то, что имъ говорятъ, они не способны уразумѣть разсужденій и объясненій, требующихся для убѣжденія ихъ въ томъ, что нѣтъ ничего опаснаго въ страшныхъ предметахъ, съ которыми намъ хотѣлось бы освоить ихъ, приводя ихъ постепенно въ близкое соприкосновеніе съ ними. А потому рѣдко предется примѣнять къ нимъ этотъ пріемъ, пока они не научились бѣгать и говорить. Но все же, если ребенку случится испытать непріятное впечатлѣніе отъ чего-либо, что нелегко устранить изъ его обстановки, и онъ начнетъ обнаруживать признаки испуга всякій разъ какъ увидитъ этотъ предметъ, нужно пользоваться всѣми случаями, чтобы избавить его отъ этого страха, отвлекая его мысли или соединяя съ пугающимъ предметомъ какія-либо забавныя и пріятныя впечатлѣнія, пока онъ не сдѣлается привычнымъ и безобиднымъ.

Мы, кажется, можемъ замѣтить, что для недавно родившихся дѣтей всѣ объекты, попадающіеся имъ на глаза, безразличны; и они такъ же мало пугаются негра или льва, какъ своей кормилицы или кошки. Что же именно въ извѣстныхъ сочетаніяхъ формъ и красокъ пугаетъ ихъ позднѣе? Ничто иное, какъ опасеніе непріятностей, сопровождающихъ эти вещи. Я увѣренъ, что если бы ребенокъ ежедневно сосалъ грудь новой кормилицы, то перемѣна лицъ такъ же мало пугала бы его въ возрастѣ шести мѣсяцевъ, какъ въ возрастѣ шестидесяти лѣтъ. Причина, почему дѣти не идутъ къ постороннимъ, заключается въ томъ, что ребенокъ, привыкнувъ получать пищу и ласки только отъ одного или двухъ лицъ, постоянно находящихся при немъ, боится, очутившись въ рукахъ незнакомца, потерять то, что ласкаетъ и питаетъ его и постоянно удовлетворяетъ его нужды, которыя онъ такъ часто испытываетъ, что и заставляетъ его пугаться, когда кормилица ушла.

Единственное, чего мы естественно боимся, есть страданіе или утрата удовольствія. А такъ какъ они не связаны съ какой-либо

---

[1]) «Animal spirits»—то, что мы назвали бы теперь нервной энергіей. Д.

формой, цвѣтомъ или объемомъ видимыхъ предметовъ, то мы не боимся послѣднихъ, пока они не причинятъ намъ страданія или пока мы не узнаемъ, что они могутъ нанести намъ вредъ. Веселый блескъ и яркость огня такъ радуютъ дѣтей, что сначала они всегда стараются схватить его, но убѣдившись путемъ многократнаго опыта, сопровождающагося мучительной болью, какъ жестокъ и безжалостенъ огонь, они боятся дотрагиваться до него и старательно избѣгаютъ его. Разъ таково основаніе страха, нетрудно найти, откуда онъ вытекаетъ и какъ устранить его по отношенію ко всѣмъ предметамъ, страшнымъ только по недоразумѣнію. А когда душа окрѣпнетъ и пріобрѣтетъ власть надъ собою и надъ своими обычными страхами въ маловажныхъ случаяхъ, она подготовлена для встрѣчи съ болѣе серьезными опасностями. Вашъ ребенокъ кричитъ и обращается въ бѣгство при видѣ лягушки; пусть другой поймаетъ ее и положитъ на далекомъ разстояніи отъ него; пріучайте его сначала смотрѣть на нее; затѣмъ, когда это будетъ достигнуто, подходить къ ней ближе и не бояться ея прыжковъ; затѣмъ слегка дотрогиваться до нея, когда другой крѣпко держитъ ее въ рукѣ; и такъ далѣе, пока онъ не привыкнетъ обращаться съ нею такъ же безбоязненно, какъ съ бабочкой или воробьемъ. Тѣмъ-же способомъ можно устранить и другіе пустые страхи; если только дѣйствовать осмотрительно, не слишкомъ торопиться и не тянуть ребенка на новую ступень увѣренности, пока онъ не вполнѣ утвердился на предыдущей. Такъ слѣдуетъ подготовлять юнаго солдата къ житейской битвѣ; причемъ надо стараться не представлять опасными больше вещей, чѣмъ ихъ есть въ дѣйствительности, и всякій разъ, какъ вы замѣтите, что онъ боится больше чѣмъ слѣдуетъ, вести его путемъ нечувствительныхъ переходовъ, пока наконецъ, разставшись съ своими страхами, онъ не овладѣетъ затрудненіемъ и не выйдетъ изъ него со славой. Часто повторяющіеся успѣхи этого рода заставятъ его убѣдиться, что зло не всегда такъ несомнѣнно или велико, какъ рисуютъ его наши страхи; и что средство избѣжать его не въ томъ, чтобы обращаться въ бѣгство или смущаться, падать духомъ и теряться отъ страха тамъ, гдѣ наша честь или долгъ требуютъ идти впередъ.

(Закаливаніе).

Но такъ какъ главная основа страха у дѣтей есть боль, то есть еще средство закаливать и укрѣплять ихъ противъ страха и опасности,— это пріучать ихъ къ перенесенію боли. Возможно, что нѣжные родители найдутъ это совершенно противоестественной вещью по отношенію къ дѣтямъ; а большинство признаетъ неразумнымъ пытаться примирять кого-нибудь съ болью, заставляя его испытывать ее. Они скажутъ: «это, быть можетъ, внушитъ ребенку отвращеніе къ тому, кто причиняетъ ему страданіе; но никогда не примиритъ его съ самымъ страданіемъ. Вы предлагаете странный методъ. Вы не хотите, чтобы дѣтей сѣкли и наказывали за ихъ проступки, но готовы мучить

ихъ за хорошее поведеніе или ради самаго мученія». Я не сомнѣваюсь, что подобныя возраженія будутъ сдѣланы и что меня сочтутъ непослѣдовательнымъ или фантазеромъ за это предложеніе. Я согласенъ что его примѣненіе требуетъ большой осторожности, и потому не вижу ничего дурного въ томъ, что его примутъ и одобрятъ лишь тѣ, кто умѣетъ разсуждать и вникать въ суть вещей. Я не хочу, чтобы дѣтей часто били за ихъ проступки, такъ какъ не хочу, чтобы они считали тѣлесную боль сильнѣйшимъ наказаніемъ; и на томъ же основаніи я совѣтую иногда причинять имъ боль, когда они ведутъ себя хорошо, чтобы они пріучались выносить ее, не усматривая въ ней величайшаго изъ золъ. До какой степени воспитаніе можетъ примирить молодежь съ болью и страданіями, достаточно показываетъ примѣръ Спарты [1]); и тѣ, которые достигли убѣжденія, что тѣлесная боль не величайшее изъ золъ, или не такое зло, котораго нужно наиболѣе бояться, сдѣлали не малый шагъ на пути къ добродѣтели. Но я не такъ безуменъ, чтобы предлагать лакедемонскую дисциплину въ нашемъ вѣкѣ или при нашей конституціи. Все-же, однако, я утверждаю, что осторожное пріученіе дѣтей выносить не поморщившись, извѣстную степень боли, есть средство сообщить твердость ихъ душамъ и заложить основаніе мужеству и рѣшимости въ ихъ послѣдующей жизни.

Первый шагъ къ этому не хныкать надъ ними и не позволять имъ хныкать самимъ по поводу всякой незначительной боли. Но объ этомъ я уже говорилъ.

---

[1]) «Со дня своего рожденія каждый спартанскій мальчикъ считался ребенкомъ государства и въ качествѣ таковаго подлежалъ смерти, не взирая на положеніе отца, если оказывался безобразнымъ или болѣзненнымъ. Въ самые ранніе годы онъ не былъ всецѣло предоставленъ родителямъ, хотя и находился на ихъ попеченіи, а съ семилѣтняго возраста подвергался общественной дисциплинѣ, суровость которой возрастала по мѣрѣ его приближенія къ зрѣлости. Воспитаніе молодежи, а до извѣстной степени и попеченіе о всѣхъ старшихъ гражданахъ, находилось подъ контролемъ должностного лица, избраннаго спеціально для этой цѣли (παιδονόμος), который въ свою очередь назначалъ извѣстное число молодыхъ людей, достигшихъ двадцатилѣтняго возраста и зарекомендовавшихъ себя съ наилучшей стороны, въ качествѣ начальниковъ группъ (ἀγέλαι), на которыя дѣлились мальчики; и такъ какъ единственною цѣлью воспитанія было подготовить гражданъ, способныхъ служить своей странѣ и защищать ее, то дисциплина во всѣхъ отношеніяхъ подчинялась этой цѣли. Молодежь обучали исключительно военному дѣлу, цѣлью всѣхъ усилій было военное искусство, энергія, мужество и храбрость. Спартанецъ пріучался какъ терпѣть, такъ и дерзать мужественно, и ради этого съ раннихъ поръ привыкалъ къ грубой и скудной пищѣ, недостаточно теплой одеждѣ, къ самообузданію и къ самымъ жестокимъ и мучительнымъ истязаніямъ. Одно изъ нихъ, установленное по преданію Ликургомъ, заключалось въ томъ, что юноши, стоя вокругъ жертвенника Артемиды, состязались другъ съ другомъ въ перенесеніи розогъ, и иногда умирали въ этомъ состязаніи, не испустивъ ни единаго стона. (Pen. Cycl. art. «Sparta»). Цицеронъ говоритъ: «Мальчиковъ въ Спартѣ сѣкутъ у алтарей такъ, что кровь течетъ ручьями; мало того, иногда, какъ мнѣ говорили въ бытность мою тамъ, ихъ засѣкаютъ до смерти; и тѣмъ не менѣе никто не слыхалъ отъ нихъ крика, ни даже стона». (Tus. Quaest. II. 14.). Д.

Далѣе слѣдуетъ иногда умышленно причинять имъ боль; но дѣлать это нужно, когда ребенокъ находится въ хорошемъ настроеніи духа и увѣренъ въ расположеніи и добротѣ того, кто причиняетъ ему боль, въ то самое время, когда онъ дѣлаетъ это. При этомъ не должно быть никакихъ проявленій гнѣва или неудовольствія съ одной стороны, ни состраданія или раскаянія съ другой; и нужно быть увѣреннымъ, что боль не превышаетъ той, которую ребенокъ можетъ вынести, не раздражаясь и не принимая ее за обиду или наказаніе. Я видѣлъ, какъ при такихъ обстоятельствахъ со смѣхомъ выдержалъ изрядную порцію довольно сильныхъ ударовъ прутомъ по спинѣ ребенокъ, который заплакалъ бы отъ неласковаго слова и былъ бы очень огорченъ суровымъ взглядомъ со стороны того же лица. Убѣдите ребенка, постоянными заботами и лаской, что вы дѣйствительно любите его, и вы можете постепенно пріучить его выносить, не сопротивляясь и не жалуясь, очень суровое и мучительное обращеніе съ вашей стороны: мы ежедневно можемъ наблюдать это въ играхъ дѣтей другъ съ другомъ. Чѣмъ нѣжнѣе вашъ ребенокъ, тѣмъ болѣе вамъ слѣдуетъ искать случаевъ закаливать его такимъ способомъ въ подходящую минуту. Главное искусство заключается въ томъ, чтобы начинать съ самаго незначительнаго страданія и продолжать путемъ нечувствительныхъ переходовъ, въ такіе моменты, когда вы играете съ нимъ, находитесь съ нимъ въ ладу и одобряете его; и если только вамъ удалось заставить его видѣть достаточную награду за страданія въ вашей похвалѣ его мужеству; если онъ гордится такими проявленіями своего мужества и предпочитаетъ репутацію молодца и храбреца уклоненію отъ маленькой боли или жалобамъ на нее, то вы не должны отчаяваться преодолѣть со временемъ, при содѣйствіи его растущаго разума, его боязливость и исправить слабость его конституціи. Когда онъ подрастетъ, надо побуждать его къ болѣе смѣлымъ попыткамъ, чѣмъ тѣ, на которыя увлекаетъ его природный характеръ; и если вы замѣтите, что онъ колеблется въ такихъ случаяхъ, съ которыми, какъ вы имѣете основаніе думать, справился бы вполнѣ успѣшно, если бъ только рѣшился дѣйствовать, то сначала помогите ему; затѣмъ дѣйствуйте постепенно стыдомъ, пока наконецъ онъ не пріобрѣтетъ увѣренности, а съ нею и власти надъ собой; что должно вознаграждаться похвалой и одобреніемъ его поступка со стороны другихъ. Когда онъ пріобрѣлъ такимъ путемъ достаточно рѣшимости, чтобы не отступаться отъ задуманнаго изъ страха передъ опасностью; когда испугъ при внезапныхъ или опасныхъ происшествіяхъ не разстраиваетъ его души, не повергаетъ въ дрожь его тѣла, не лишаетъ его способности дѣйствовать и не заставляетъ его бѣжать,—тогда онъ обладаетъ мужествомъ разумнаго существа; и эту-то стойкость мы должны стараться укрѣплять у нашихъ дѣтей посредствомъ привычки и практики, пользуясь всѣми подходящими для этого случаями.

(Отдѣлъ XV. §§ 116—117).

(О расположеній дѣтей къ жестокости).

116. Я часто наблюдалъ у дѣтей одну вещь, именно, что когда въ ихъ руки попадетъ какое нибудь злополучное созданіе, они склонны дурно обходиться съ нимъ: они часто мучатъ и подвергаютъ жестокому обращенію маленькихъ птичекъ, бабочекъ и другихъ бѣдныхъ животныхъ, и продѣлываютъ это съ видимымъ удовольствіемъ. Я полагаю, что нужно слѣдить за ними въ этомъ отношеніи, и, если они обнаруживаютъ наклонность къ подобной жестокости, учить ихъ противоположному обращенію. Ибо привычка мучить и убивать животныхъ постепенно ожесточитъ ихъ души также по отношенію къ людямъ; и тѣ, которые забавляются страданіями и уничтоженіемъ низшихъ существъ, врядъ-ли окажутся особенно сострадательными и благосклонными къ себѣ подобнымъ. Наша практика считается съ этимъ, не допуская мясниковъ въ составъ присяжныхъ, рѣшающихъ вопросы о жизни и смерти. Дѣтей нужно съ самаго начала воспитывать, внушая имъ отвращеніе къ убійству или истязанію какого бы то ни было живого существа, и пріучать ихъ ничего не портить и не уничтожать, развѣ только въ видахъ сохраненія или пользы чего либо другого, болѣе цѣннаго. И въ самомъ дѣлѣ, если бы цѣлью каждаго, насколько это въ его силахъ, сдѣлалось сохраненіе всего человѣчества, что дѣйствительно является долгомъ каждаго и должно бы было стать основнымъ принципомъ нашей религіи, политики и морали, то на свѣтѣ было бы гораздо больше покоя и добра, чѣмъ нынѣ. Но вернемся къ нашему предмету; я не могу не одобрить благоразумія и доброты одной матери, моей знакомой, которая всегда относилась снисходительно къ желанію своихъ дочерей имѣть собачекъ, бѣлокъ, птицъ и тому подобныхъ животныхъ, которыми обыкновенно забавляются маленькія дѣвочки; но съ тѣмъ, чтобы, заведя ихъ, онѣ обращались съ нимъ хорошо, смотрѣли за ними и заботились, чтобы тѣ ни въ чемъ не нуждались и не подвергались дурному обхожденію. Если же онѣ пренебрегали заботами о нихъ, то это считалось серьезнымъ проступкомъ, часто вызывавшимъ отобраніе животнаго или по крайней мѣрѣ строгій выговоръ; такимъ образомъ онѣ съ раннихъ поръ пріучались къ заботливости и добронравію. И, право, я думаю, что людей надо съ колыбели пріучать относиться ласково ко всѣмъ чувствующимъ существамъ, и ничего не портить и не разрушать.

Это удовольствіе, находимое ими въ причиненіи зла, подъ которымъ я подразумѣваю безцѣльную порчу вещей, а особливо причиненіе, ради забавы, боли существамъ, способнымъ чувствовать ее, можетъ быть, по моему убѣжденію, только внушенной извнѣ склонностью, привычкой, заимствованной изъ обычаевъ и окружающей практики. Взрослые учатъ дѣтей драться и смѣяться, когда они причиняютъ боль или видятъ другихъ въ бѣдѣ; а окружающіе примѣры въ большинствѣ случаевъ только укрѣпляютъ ихъ въ этихъ привычкахъ.

Все, что имъ объясняютъ и разсказываютъ изъ исторіи, сводится почти исключительно къ битвамъ и убійствамъ, а почести и слава, достающіеся на долю побѣдителей (которые въ большинствѣ случаевъ являются только великими мясниками человѣчества) еще болѣе сбиваютъ съ толку подрастающую молодежь, заставляя ее видѣть въ бойнѣ похвальное дѣло и самую героическую доблесть. Такимъ путемъ въ нихъ насаждается противуестественная жестокость, и то, чѣмъ возмущается человѣчность, одобряется и внушается намъ обычаемъ, какъ путь къ славѣ. Такъ обычай и мнѣніе превращаютъ въ удовольствіе то, что само по себѣ вовсе не таково и не можетъ быть таковымъ. За этимъ надо тщательно слѣдить и съ раннихъ поръ противодѣйствовать такимъ вліяніямъ; именно, поощрять вмѣсто нихъ противуположное и болѣе естественное направленіе благосклонности и состраданія; но дѣйствовать при этомъ тѣми же осторожными методами, которые прилагаются къ двумъ вышеупомянутымъ недостаткамъ. Быть можетъ, не будетъ неумѣстнымъ прибавить здѣсь, что поврежденія, причиненныя во время игры, по неосторожности или невѣдѣнію, но безъ умысла или желанія причинить ущербъ или нанести вредъ, хотя они бываютъ иногда весьма серьезными, не должны навлекать на виновныхъ взысканіе, или развѣ самое легкое. Ибо я не устану повторять, что каковъ бы ни былъ проступокъ ребенка и каковы бы ни были его послѣдствія, при взысканіи нужно обращать вниманіе единственно на то, изъ какого корня онъ выросъ и какую привычку можетъ установить: съ этимъ должно сообразоваться исправленіе, и ребенка не слѣдуетъ подвергать наказанію за ущербъ, причиненный его игрою или неосторожностью. Недостатки, требующіе исправленія, коренятся въ душѣ и если они такого рода, что исправляются возрастомъ и не ведутъ за собою дурныхъ привычекъ, то и поступки, вытекающіе изъ нихъ, какъ бы ни были они неудобны, должны оставляться безъ всякаго взысканія.

117. Другой способъ внушать чувства человѣчности и поддерживать ихъ въ молодежи, это пріучать ихъ къ вѣжливости въ языкѣ и обращеніи съ низшими и простонародьемъ, особливо съ прислугой. Довольно часто приходится наблюдать, что дѣти въ семьяхъ джентльменовъ употребляютъ въ обращеніи съ домашней прислугой повелительный языкъ, пренебрежительныя клички и властный тонъ; какъ будто это существо другой, низшей породы и вида. Внушается ли это высокомѣріе дурнымъ примѣромъ, преимуществами состоянія или природнымъ тщеславіемъ, его во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предупреждать или выпалывать; и внѣдрять на мѣсто него кроткое, вѣжливое, привѣтливое обращеніе съ людьми низшаго званія. Ихъ превосходство отъ этого ничуть не умаляется, но почетъ возрастаетъ и авторитетъ усиливается, разъ къ внѣшней почтительности низшихъ присоединяется любовь, и уваженіе къ лицу играетъ роль въ ихъ подчиненіи; и слуги будутъ съ большей готовностью и охотой исполнять свои обязанности, если ихъ не шпыняютъ за то, что судьба поставила ихъ ниже другихъ, у ногъ господина. Не слѣдуетъ допускать, чтобы дѣти

утрачивали уваженіе къ человѣческой природѣ изъ-за случайностей внѣшняго положенія. Надо внушать имъ, что чѣмъ больше имъ дано, тѣмъ они должны быть добрѣе, сострадательнѣе и ласковѣе къ своимъ собратьямъ, стоящимъ ниже и надѣленнымъ скуднѣе. Если позволять имъ съ колыбели грубо третировать людей на томъ основаніи, что, благодаря отцовскому титулу, они обладаютъ надъ ними нѣкоторой властью, то въ лучшемъ случаѣ результатомъ явится дурная привычка, которая, если не принять мѣры противъ этого, превратитъ ихъ природную гордость въ обычное презрѣніе къ низшимъ. А къ чему другому это можетъ привести, кромѣ угнетенія и жестокости?

(Отдѣлъ XVI. §§ 118—122).

(О дѣтскомъ любопытствѣ).

118. Любопытство (curiosity) у дѣтей (о которомъ я только что имѣлъ случай упомянуть, § 108), есть ничто иное какъ влеченіе къ знанію; и, слѣдовательно, должно быть поощряемо, не только какъ добрый знакъ, но и какъ великое орудіе, полученное ими отъ природы[1]) для устраненія невѣжества съ которымъ они рождаются, и которое, безъ этой дѣятельной пытливости, сдѣлало-бы ихъ тупыми и безполезными созданіями. Способы поощренія этого влеченія и поддерживанія его дѣятельнымъ и бодрымъ заключаются, какъ я полагаю, въ слѣдующемъ:

1. Не обрывать и не обезкураживать ребенка при какихъ бы то ни было вопросахъ съ его стороны, не позволять смѣяться надъ нимъ; но отвѣчать на всѣ его вопросы и объяснять то, что онъ желаетъ знать, такъ, чтобы объясненіе было понятнымъ для него и соотвѣтствовало его возрасту и знаніямъ. Но не сбивайте его съ толка не-

---

[1]) Всѣ наши инстинкты развиваются въ силу обладанія нами органами и способностями, принаровленными къ извѣстнымъ цѣлямъ, и стимулируются удовольствіемъ которымъ сопровождается ихъ упражненіе, или страданіемъ, причиняемымъ ихъ бездѣйствіемъ. Любопытство, или инстинктъ знанія, вытекаетъ изъ нашей способности пріобрѣтать знаніе, и поощряется страданіемъ, которое мы испытываемъ при наличности тайнъ, которыхъ не можемъ изслѣдовать, и удовольствіемъ, испытываемымъ нами, когда эти тайны разоблачаются. Еще болѣе оно усиливается очевидной цѣнностью знанія, какъ источника власти. Грустно думать, какое множество лицъ, въ высшей степени любознательныхъ въ дѣтствѣ, превращаются въ тупыхъ, равнодушныхъ, не любознательныхъ мущинъ и женщинъ или находятъ удовольствіе въ удовлетвореніи мелкаго любопытства. Большая отвѣтственность лежитъ на учителяхъ, допускающихъ атрофированіе или извращеніе этого драгоцѣннаго инстинкта. Но такіе результаты неизбѣжны, разъ дѣтей начиняютъ знаніемъ, которое ихъ не интересуетъ, и не даютъ имъ того, которымъ они увлекаются. Прежде чѣмъ сообщать знаніе, учителя должны возбудить влеченіе къ нему, а для этого имъ необходимо тщательно изучить дѣтскую природу. Ребенокъ естественно желаетъ духовной, какъ и тѣлесной, пищи, и если онъ отворачивается отъ той, которую ему предлагаютъ, то виноватъ, по всей вѣроятности, учитель. Д.

доступными для него объясненіями или понятіями, или разнообразіемъ и множествомъ фактовъ, не относящихся непосредственно къ данному вопросу. Обращайте вниманіе на то, что собственно интересуетъ его въ данномъ вопросѣ, а не на то, въ какихъ словахъ онъ его выражаетъ; и когда вы освѣдомите и удовлетворите его по существу, то увидите какъ расширятся его мысли и какъ, благодаря удачнымъ отвѣтамъ, его можно завести дальше, чѣмъ вы, можетъ быть, воображаете. Ибо знаніе такъ же пріятно для разума, какъ свѣтъ для глазъ: дѣти радуются ему и увлекаются имъ въ высшей степени, особливо если видятъ, что къ ихъ вопросамъ относятся внимательно, и что ихъ желаніе знанія поощряется и одобряется. Я не сомнѣваюсь, что главная причина, въ силу которой многія дѣти всецѣло отдаются глупымъ забавамъ и безсмысленно тратятъ свое время, заключается въ томъ, что ихъ любопытству ставятъ преграды и къ ихъ вопросамъ относятся пренебрежительно. Но если бы къ нимъ относились болѣе ласково и уважительно, и отвѣчали бы на ихъ вопросы, каковы-бы они ни были, удовлетворяя ихъ любопытство, то, безъ сомнѣнія, они находили бы больше удовольствія въ ученьи и въ пріобрѣтеніи познаній, встрѣчая въ этой области новизну и разнообразіе, которыя имъ такъ нравятся и которыхъ они не находятъ въ вѣчно одинаковыхъ играхъ и игрушкахъ.

119. 2. Къ этимъ серьезнымъ отвѣтамъ на ихъ вопросы и обогащенію ихъ разума свѣдѣніями, которыя они желаютъ получить, слѣдуетъ присоединить спеціальные пріемы одобренія. Пусть другіе, къ которымъ они питаютъ уваженіе, говорятъ въ ихъ присутствіи объ ихъ познаніяхъ; и такъ какъ мы всѣ, съ колыбели, тщеславныя и гордыя существа, то пусть ихъ тщеславіе утѣшается такими вещами, которыя приносятъ имъ пользу; пусть гордость побуждаетъ ихъ къ работѣ, которая можетъ оказаться нужной для нихъ.

Ставъ на эту почву, вы убѣдитесь, что лучшій способъ заставить вашихъ старшихъ дѣтей учиться и пріобрѣтать свѣдѣнія, — это поручить имъ обучать младшихъ сестеръ и братьевъ.

120. 3. Какъ не слѣдуетъ пренебрежительно относиться къ вопросамъ дѣтей, такъ нужно позаботиться о томъ, чтобы они не получали лживыхъ и уклончивыхъ отвѣтовъ. Они безъ труда замѣчаютъ пренебрежительное отношеніе или обманъ, и быстро усваиваютъ небрежность, притворство и фальшь, наблюдаемыя ими у другихъ. Мы не должны нарушать истины, имѣя дѣло съ кѣмъ бы то ни было, а въ особенности съ дѣтьми; такъ какъ если мы фальшивимъ съ ними, то не только обманываемъ ихъ ожиданія и препятствуемъ имъ пріобрѣтать знанія, но развращаемъ ихъ невинность и научаемъ ихъ худшему изъ пороковъ. Они путешественники, только что прибывшіе въ чужую страну, о которой ничего не знаютъ; поэтому совѣсть обязываетъ насъ не давать имъ ложныхъ указаній. И хотя ихъ вопросы кажутся иногда довольно пустыми, но отвѣчать на нихъ надо серьезно; такъ какъ хотя бы они казались намъ (давно знакомымъ съ ними) не стоющими вниманія; но они важны для тѣхъ, кто еще ни-

чего не знаетъ. Дѣти—иностранцы, которые должны ознакомиться со всѣмъ; и всѣ вещи, съ которыми они сталкиваются, сначала неизвѣстны имъ, какъ и намъ были неизвѣстны; и счастливы тѣ, которые встрѣчаются съ вѣжливыми людьми, готовыми снизойти къ ихъ невѣжеству и помочь имъ отдѣлаться отъ него.

Еслибы я или вы внезапно очутились въ Японіи со всѣмъ нашимъ благоразуміемъ и познаніями, преувеличенное мнѣніе о которыхъ, быть можетъ, и заставляетъ насъ такъ пренебрежительно относиться къ мыслямъ и вопросамъ дѣтей; еслибы, говорю я, мы очутились въ Японіи, то безъ сомнѣнія (желая получить здѣсь всѣ, какія возможно, свѣдѣнія) предлагали бы тысячи вопросовъ, которые казались-бы поверхностному или неразсудительному японцу праздными и вздорными; хотя для насъ было-бы весьма существенно и важно получить на нихъ отвѣты; и мы были-бы очень рады найти снисходительнаго и любезнаго человѣка, готоваго удовлетворить наши требованія и пособить нашему невѣжеству.

Когда имъ попадается что нибудь новое, дѣти обыкновенно предлагаютъ обычный вопросъ иностранца: что это такое? Подъ этимъ они въ большинствѣ случаевъ подразумѣваютъ только названіе; и потому сказать имъ, какъ это называется, значитъ дать правильный отвѣтъ на ихъ вопросъ. Слѣдующій вопросъ обыкновенно таковъ: а для чего это? И на этотъ вопросъ нужно отвѣтить прямо и точно: указать имъ назначеніе вещи и объяснить, какимъ образомъ она служитъ для своего назначенія, насколько это доступно ихъ пониманію. Того-же нужно держаться въ отношеніи всѣхъ, предлагаемыхъ ими, вопросовъ; не отсылать ихъ, пока вы не дали имъ объясненія, которое они способны усвоить; и такимъ образомъ наводить ихъ вашими отвѣтами на дальнѣйшіе вопросы. И можетъ быть, подобный разговоръ окажется для взрослаго человѣка вовсе не такимъ пустымъ и ничтожнымъ, какъ мы склонны воображать. Естественные и не внушенные вопросы пытливыхъ дѣтей часто затрогиваютъ такія вещи, которыя могутъ дать толчекъ мысли разумнаго человѣка. И я думаю, что изъ неожиданныхъ вопросовъ ребенка часто можно научиться большему [1]), чѣмъ изъ разговоровъ съ людьми, которые высказываютъ ходячія мысли, соотвѣтственно заученнымъ понятіямъ и предразсудкамъ, привитымъ воспитаніемъ.

121. 4. Быть можетъ, не мѣшаетъ иногда возбуждать ихъ любопытство, показывая имъ рѣдкіе и новые предметы, съ цѣлью под-

---

[1]) «Это чрезвычайно мѣткое замѣчаніе, показывающее, что Локкъ былъ хорошо знакомъ съ дѣтскими разговорами, изъ которыхъ мудрѣйшій человѣкъ часто можетъ извлечь пользу. Они ставятъ его въ то положеніе, которое онъ оставилъ задолго до того, какъ началъ регистрировать свои наблюденія, и даютъ ему возможность, при помощи молодыхъ и не утомленныхъ глазъ, видѣть вещи въ такомъ свѣтѣ, въ которомъ онѣ не могли-бы явиться ему безъ этого отраженія». Ст. Дж.

Одинъ еврейскій раввинъ говорилъ: «я многому научился отъ своихъ учителей, многому изъ книгъ, но всего болѣе отъ моихъ учениковъ». Д.

стрекнуть ихъ пытливость и дать имъ случай получить свѣдѣнія о нихъ; если-же, случайно, любопытство заставитъ ихъ предложить вопросъ о томъ, чего имъ не слѣдуетъ знать, то гораздо лучше отвѣтить имъ прямо, что этого имъ еще не слѣдуетъ знать, чѣмъ отдѣлываться ложью или вздорными отвѣтами.

122. Бойкость, проявляющаяся иногда такъ рано, вытекаетъ изъ начала, которое рѣдко сопровождаетъ сильную конституцію тѣла или созрѣваетъ въ сильный разсудокъ. Если желательно сдѣлать ребенка болѣе бойкимъ на языкъ, то, мнѣ кажется, можно найти путь къ достиженію этого; но я полагаю, что мудрый отецъ предпочитаетъ, чтобы его сынъ былъ способнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, когда выраститъ, чѣмъ пріятной компаніей и развлеченіемъ для другихъ, пока онъ малъ; я, впрочемъ, думаю, что и со стороны ребенка здравыя разсужденія доставляютъ больше удовольствія, чѣмъ милая болтовня. Поощряйте, поэтому, его пытливость всѣми возможными средствами, удовлетворяя его запросы и обогащая его разсудокъ свѣдѣніями, насколько онъ способенъ ихъ вмѣстить. Если его доводы сколько нибудь сносны, одобряйте и хвалите ихъ; если-же онъ совершенно сбился съ пути, осторожно выводите его на дорогу, не издѣваясь надъ его ошибками; и если онъ обнаруживаетъ охоту разсуждать обо всемъ, что ему попадается, старайтесь, насколько можете, чтобы никто не подавлялъ въ немъ эту наклонность или не направлялъ ее на ложный путь вздорными и легкомысленными бесѣдами. Ибо воспитаніе этой высшей и важнѣйшей способности нашей души заслуживаетъ величайшей заботливости и вниманія: правильное усовершенствованіе и упражненіе нашего разума есть высшее совершенство, какого человѣкъ можетъ достигнуть въ этой жизни.

(Отдѣлъ XVII. §§ 123—127).

(О шалопайствѣ).

123. Въ противоположность этому дѣятельному пытливому темпераменту наблюдается иногда у дѣтей безпечная нерадивость, отсутствіе интереса къ чему бы то ни было и несерьезное отношеніе даже къ своему дѣлу. Это шалопайское настроеніе я считаю однимъ изъ худшихъ качествъ, какія могутъ проявиться у ребенка, и однимъ изъ наиболѣе трудно исцѣлимыхъ, если это природный недостатокъ. Но такъ какъ здѣсь возможны иногда недоразумѣнія, то слѣдуетъ позаботиться о правильной оцѣнкѣ нерадиваго отношенія къ книгамъ и занятіямъ, которое можетъ иногда подать поводъ къ недовольству ребенкомъ. Лишь только у отца возникаетъ подозрѣніе, что его сынъ обладаетъ темпераментомъ лѣнтяя, онъ долженъ заняться тщательнымъ наблюденіемъ, проявляется ли эта нерадивость и равнодушіе во всѣхъ его дѣйствіяхъ, или онъ вялъ и тяжелъ на подъемъ только въ извѣстныхъ вещахъ, а въ другихъ дѣятеленъ и бодръ. Хотя бы онъ зѣвалъ

надъ книжками и бездѣльничалъ большую часть времени, которое проводитъ въ своей комнатѣ или въ классѣ, нельзя сразу же рѣшать, что это вытекаетъ изъ лѣниваго темперамента. Причиной можетъ быть ребячество, увлеченіе чѣмъ-нибудь, отвлекающимъ его мысли отъ ученія; и онъ естественно недолюбливаетъ учебники, потому что ихъ навязываютъ ему какъ обязательную работу. Чтобы разобраться въ этомъ, вы должны слѣдить за нимъ во время игры, въ свободные отъ учебныхъ занятій часы, когда онъ слѣдуетъ собственнымъ наклонностямъ, и наблюдать, не проявляетъ ли онъ при этомъ подвижности и дѣятельности; не намѣчаетъ ли онъ себѣ какой-нибудь цѣли и не добивается ли усердно и ревностно ея осуществленія, или проводитъ время въ лѣнивой и вялой дремотѣ. Если эта вялость проявляется только за книгами, я думаю, что отъ нея легко вылѣчить. Если же она коренится въ его темпераментѣ, то потребуется больше усилій и вниманія, чтобы искоренить ее.

124. Если вы убѣдились по его рвенію въ игрѣ или въ чемъ либо другомъ, занимающемъ его въ промежутки между учебными часами, что самъ по себѣ онъ вовсе не склоненъ къ лѣности, и только отсутствіе интереса къ книгамъ дѣлаетъ его небрежнымъ и нерадивымъ въ занятіяхъ, то прежде всего вамъ слѣдуетъ попытаться ласково убѣдить его въ безразсудствѣ и нелѣпости такого поведенія, такъ какъ оно отнимаетъ у него значительную долю времени, которое онъ могъ бы посвятить развлеченію; только во всякомъ случаѣ говорите съ нимъ спокойно и ласково, и сначала не слишкомъ распространяйтесь, излагайте только вкратцѣ эти ясные доводы. Если это приведетъ къ успѣху, вы достигли своей цѣли самымъ желательнымъ путемъ: путемъ разума и кротости. Если этотъ ласковый способъ окажется безуспѣшнымъ, попытайтесь пристыдить его насмѣшками, ежедневными вопросами за столомъ если при этомъ нѣтъ постороннихъ— много ли онъ занимался сегодня? и если онъ не приготовилъ урока, хотя имѣлъ достаточно времени, высмѣивайте его [1]); однако не присоединяя къ насмѣшкамъ брани, и только обращаясь съ нимъ холодно, пока онъ не исправится; требуйте, чтобы его мать, воспитатель и всѣ окружающіе дѣлали тоже. Если и это не произведетъ желательнаго дѣйствія, то скажите ему, что больше его не заставятъ заниматься съ воспитателемъ, что вы не хотите тратить деньги на то, чтобы онъ попусту терялъ съ нимъ время; но если онъ предпочитаетъ то-то или то-то (смотря по тому, какая игра занимаетъ его) учебникамъ, то пусть этимъ и занимается; а затѣмъ, самымъ серьезнымъ образомъ заставляйте его заниматься любимой игрой, настойчиво и серьезно, утромъ и послѣ полудня, пока она не опостылѣетъ ему такъ, что онъ радъ будетъ вернуться къ книжнымъ занятіямъ [2]).

[1]) Это опасное средство, такъ какъ поведетъ къ озлобленію ребенка, который увидитъ въ немъ простое желаніе оскорбить его. Если ребенокъ плохо учится, то вина по всей вѣроятности лежитъ не въ немъ, а въ постановкѣ преподаванія и въ методахъ учителя. Д.

[2]) Это тоже опасное средство. „Чтобы не привести къ совершенно противоположнымъ результатамъ, оно должно прилагаться съ непоколебимой строгостью и во всякомъ случаѣ является неудобоисполнимымъ». Ш.

Но превративъ такимъ образомъ его игру въ обязательную работу, вы должны слѣдить за нимъ сами или поручить это какому нибудь надежному лицу, чтобы онъ дѣйствительно постоянно занимался ею и не оставался празднымъ. Я говорю: вы должны слѣдить за нимъ сами; такъ какъ достойно заботы отца, какъ бы ни былъ онъ занятъ, посвятить два или три дня своему сыну, съ цѣлью вылѣчить его отъ такого крупнаго порока, какъ отлыниваніе отъ занятій.

125. Таковы предлагаемыя мною средства, когда дѣло идетъ не о лѣности, коренящейся въ его темпераментѣ, а о спеціальномъ или пріобрѣтенномъ отвращеніи къ ученью, что нужно тщательно изслѣдовать и различать. Но слѣдя за ребенкомъ, наблюдая за его времяпровожденіемъ въ тѣ часы, которыми онъ располагаетъ по своему усмотрѣнію, вы или вашъ помощникъ должны продѣлывать это незамѣтно для него; иначе, наблюденіе можетъ помѣшать ему предаваться своей наклонности; не рѣшаясь, изъ страха внушаемаго вами, добиваться того, что наполняетъ его душу и сердце, онъ будетъ кое какъ заниматься всѣмъ остальнымъ, къ чему не чувствуетъ влеченія, и такимъ образомъ можетъ показаться лѣнивымъ и равнодушнымъ, хотя въ дѣйствительности просто не рѣшается, опасаясь вашего наблюденія, исполнить то, чѣмъ занятъ. Чтобъ уяснить этотъ пунктъ, наблюденіе должно производиться въ вашемъ отсутствіи, когда ребенокъ не подозрѣваетъ, что за нимъ слѣдятъ. Пусть въ часы полной свободы, когда онъ можетъ безпрепятственно предаваться своимъ наклонностямъ, кто-нибудь, на кого вы можете положиться, слѣдитъ за тѣмъ, какъ онъ пользуется временемъ и не проводитъ ли его въ лѣнивомъ бездѣльи. Такимъ образомъ, по тому какъ онъ употребляетъ свободное время, вы легко можете различить, что именно, вялый темпераментъ или отвращеніе къ учебнику, заставляетъ его лѣниться въ часы занятій.

126. Если какой нибудь изъянъ въ его конституціи наложилъ печать на его душу, и онъ по натурѣ равнодушенъ и вялъ, то съ этимъ мало-обѣщающимъ настроеніемъ очень нелегко справиться, такъ какъ оно обыкновенно связано съ равнодушіемъ къ будущему, и слѣдовательно съ отсутствіемъ двухъ великихъ пружинъ дѣятельности: предусмотрительности и желанія; возникаетъ вопросъ, какъ же ихъ насадить и вырастить тамъ, гдѣ природа создала противный имъ и холодный темпераментъ. Какъ скоро вы убѣдились, что передъ вами такой случай, вы должно тщательно изслѣдовать, нѣтъ ли чего нибудь, что доставляетъ ему удовольствіе; узнать, что ему всего болѣе нравится; и если вамъ удастся найти въ его душѣ какое нибудь спеціальное влеченіе, усиливайте его какъ только можете, и пользуйтесь имъ, чтобы заставить его работать и возбудить его усердіе. Если онъ любитъ похвалу, или игру, или нарядное платье и проч., или, съ другой стороны, боится боли, срама, или вашего неудовольствія и проч.,—словомъ, что бы онъ ни любилъ особенно сильно[1]), исключая

[1]) Это тоже не безопасный совѣтъ, такъ какъ этимъ способомъ можно оказать поощреніе наклонностямъ, еще болѣе предосудительнымъ, чѣмъ привычка къ лѣни. Разсудительность учителя проявляется не въ обраще-

лѣни (такъ какъ она никоимъ образомъ не заставитъ его работать), пользуйтесь этимъ съ цѣлью оживить его и побудить къ дѣятельности. При такомъ равнодушномъ темпераментѣ вамъ нечего опасаться (какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ) чрезмѣрно усилить влеченіе вашимъ поощреніемъ. Именно это вамъ и нужно, и потому вы должны стараться повышать и усиливать; ибо гдѣ нѣтъ желанія, тамъ не будетъ усердія.

127. Если вамъ не удается этимъ способомъ возбудить въ немъ бодрость и дѣятельность, то вы должны занять его какимъ нибудь постояннымъ тѣлеснымъ трудомъ, чтобы онъ пріобрѣлъ привычку дѣлать что нибудь. Заставлять его прилежно учиться было-бы лучшимъ способомъ создать у него привычку упражнять и прилагать къ дѣлу свой умъ. Но такъ какъ при этомъ прилежаніе невидимо, и никто не можетъ сказать, работаетъ ли ребенокъ или лѣнится, то вы должны найти для него какую-нибудь тѣлесную работу, которой онъ обязанъ постоянно заниматься; и если она нѣсколько груба и считается постыдной, то отъ этого не будетъ хуже, такъ какъ скорѣе надоѣстъ ему и возбудитъ въ немъ желаніе вернуться къ учебнику. Но когда вы мѣняете его учебникъ на эту другую работу, задавайте ему такую задачу, для исполненія въ такое время, чтобы у него не было возможности лѣниться[1]). Лишь послѣ того какъ вы заставите его, этимъ способомъ, быть внимательнымъ и усерднымъ за книгой, вы можете, если онъ кончилъ урокъ въ назначенное время, уменьшить долю другой работы и продолжать уменьшать ее, по мѣрѣ того какъ его прилежаніе будетъ возрастать, а затѣмъ и совсѣмъ отмѣнить, когда онъ вылечится отъ лѣни.

ніи ко всякому мотиву, но въ обращеніи къ законнымъ мотивамъ и въ умѣніи пользоваться природными влеченіями и способностями ребенка съ цѣлью образованія хорошихъ интеллектуальныхъ привычекъ. Врядъ-ли есть какой-нибудь предметъ человѣческаго интереса, который нельзя было-бы использовать въ качествѣ орудія воспитанія. Привычка заставляетъ насъ думать, что всѣ дѣти должны пройти одну и ту-же воспитательную колею. На самомъ-же дѣлѣ интеллектуальныя силы могутъ воспитываться безконечно разнообразными путями, какъ показываютъ случаи лицъ, которыя воспитали себя сами. Инстинктъ любознательности растетъ по мѣрѣ того, какъ питается. Одна отрасль знанія примыкаетъ къ другой, и если ребенокъ заинтересовался какой-либо отраслью, то можно въ концѣ концовъ заинтересовать его и другими, къ которымъ въ данный моментъ онъ, быть можетъ, совершенно равнодушенъ. Д.

1) Привычка лѣности является, вообще говоря, послѣдствіемъ какого-нибудь упущенія. Большая ошибка предполагать, что дѣти любятъ лѣность. Нѣтъ ничего, болѣе ненавистнаго для нихъ. То, что смущаетъ учителя, не лѣность, а дурно направленная дѣятельность. Если дѣтямъ даютъ больше времени на ихъ уроки, чѣмъ требуется для ихъ исполненія; если ихъ работа не разсматривается надлежащимъ образомъ послѣ того, какъ она сдѣлана; если за ними не слѣдятъ, когда они занимаются работой непривлекательнаго характера, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они пріобрѣтаютъ привычку шалопайничать. Необходимо проводить рѣзкую линію между работой и игрой. Та и другая должны выполняться серьезно, пока онѣ длятся. Д.

(Отдѣлъ XVIII. §§ 128—129).

(О принужденіи).

128. Мы уже замѣтили, что дѣтей увлекаютъ разнообразіе и свобода, которыя и дѣлаютъ игры пріятными для нихъ; и что, поэтому, не слѣдуетъ навязывать имъ книгу и вообще учебныя занятія, какъ обязательную работу. Родители, воспитатели и учителя слишкомъ склонны забывать объ этомъ; и нетерпѣливое желаніе видѣть дѣтей занятыми сооответствующими ихъ возрасту предметами мѣшаетъ имъ завлекать ихъ незамѣтно; а дѣти, по частымъ понуканіямъ, быстро распознаютъ, что отъ нихъ требуется, что нѣтъ. Разъ эта ошибка внушила имъ отвращеніе къ учебнику, за лѣченье нужно приниматься съ другого конца. Такъ какъ теперь уже поздно пытаться превратить ученье въ игру, то нужно попробовать противоположный пріемъ: замѣтьте, какая игра особенно нравится ему; сдѣлайте ее обязательной и заставляйте его играть [1]) по нѣсколько часовъ въ день не въ видѣ наказанія за игру, а въ качествѣ занятія, требуемаго отъ него. При такихъ обстоятельствахъ, если я не ошибаюсь, самая любимая игра въ нѣсколько дней до того надоѣстъ ему, что онъ предпочтетъ ей книгу или что угодно, особливо, если это можетъ избавить его хоть отчасти отъ обязательной для него игры; и если ему позволено затрачивать часть времени, предназначеннаго для игры, на чтеніе или на какое-нибудь другое, дѣйствительно для него полезное, занятіе. Я думаю, по крайней мѣрѣ, что это—болѣе дѣйствительное средство, чѣмъ запрещеніе (которое обыкновенно усиливаетъ желаніе) или какое-бы то ни было другое наказаніе, къ которому вы можете прибѣгнуть; такъ какъ разъ вы пресытили его аппетитъ (что можно дѣлать безопасно во всемъ, кромѣ ѣды и питья) и добились того, что какая-нибудь вещь набила ему оскомину,—вы внушили ему отвращеніе къ ней и можете быть увѣрены, что онъ уже не будетъ стремиться къ ней впослѣдствіи.

129. Я думаю, можно считать достаточно очевиднымъ, что дѣти вообще ненавидятъ праздность. Въ виду этого, всѣ заботы должны быть направлены къ тому, чтобы ихъ дѣятельный духъ былъ постоянно занятъ чѣмъ-нибудь полезнымъ для нихъ; а для того, чтобы достигнуть этого, вы должны сдѣлать предметъ ихъ занятій не работой, а развлеченіемъ для нихъ. Способъ добиться этого такъ, чтобы ребенокъ не могъ замѣтить вашего умысла, есть предлагаемый здѣсь; именно, внушать ему отвращеніе къ тому, что вы считаете нежела-

---

[1]) Изъ того, что ребенку надоѣстъ какая-нибудь игра, вовсе не слѣдуетъ, что онъ возьмется за книги. Естественнѣе ожидать, что желаніе новизны будетъ искать удовлетворенія въ какой-нибудь другой игрѣ. Далѣе, мальчикъ вскорѣ убѣдится, что непрерывная игра, которой отъ него требуютъ, вовсе не игра, а замаскированное наказаніе, а разъ это открытіе сдѣлано,—цѣль учителя уничтожена. Прямое обращеніе къ любви къ знанію, любви къ дѣятельности, любви къ одобренію гораздо лучше всякихъ обходныхъ методовъ, вродѣ предлагаемаго Локкомъ. *Д.*

тельнымъ, заставляя его заниматься этимъ до пресыщенія. Напримѣръ: вашъ сынъ слишкомъ много играетъ въ кубарь. Заставьте его играть по нѣсколько часовъ въ день и слѣдите за тѣмъ, чтобы онъ дѣлалъ это [1]); вы увидите, какъ скоро онъ почувствуетъ отвращеніе къ этой игрѣ и пожелаетъ оставить ее. Если, такимъ способомъ, вы будете превращать развлеченія, которыя вамъ не нравятся, въ обязательную работу для него, то онъ самъ будетъ съ радостью хвататься за тѣ занятія, какія вы считаете нужными для него, особливо, если вы будете предлагать ихъ взамѣнъ обязательной игры. Ибо, если вы заставляете его каждый день гонять кубарь до отвращенія, думаете ли вы, что онъ не ухватится за учебникъ, и не пожелаетъ заняться имъ, если вы предложите это въ награду за то, что онъ усердно гонялъ кубарь въ теченіе всего назначеннаго времени? Дѣти не проводятъ большого различія въ своихъ занятіяхъ, если они соотвѣтствуютъ ихъ возрасту: предпочтеніе, которое они оказываютъ тому или другому, заимствуется ими у другихъ; такъ что все, что старшіе дѣлаютъ наградой для нихъ, дѣйствительно является таковой. Благодаря этому, отъ воспитателя зависитъ сдѣлать для нихъ прыганье на одной ногѣ наградой за танцы или танцы наградой за прыганье на одной ногѣ; сдѣлать для нихъ пріятнѣе и желательнѣе игру въ кубарь или чтеніе, игру въ мячъ или изученіе глобуса; все, чего они желаютъ,—это быть занятыми, и притомъ такъ, чтобы предметы занятій выбирались ими самими, и разрѣшались имъ въ знакъ расположенія родителями или другими лицами, къ которымъ они питаютъ почтеніе и съ которыми находятся въ хорошихъ отношеніяхъ. Я полагаю что группа дѣтей, руководимая такимъ образомъ, причемъ отъ нея устранены дурные примѣры другихъ, будетъ вся до единаго учиться читать, писать и всему остальному, что отъ нихъ потребуется, съ такимъ же рвеніемъ и удовольствіемъ, какъ другіе играютъ; и

---

[1]) Врядъ-ли найдется ребенокъ, котораго можно заставить дѣлать это,—развѣ безпощадной поркой и т. под. средствами. Такого дикаго самодурства и такой инквизиторской пытки не выдержитъ самый смирный! Трудно заставить учиться, когда нѣтъ охоты къ ученью; но ученье самъ ребенокъ считаетъ нужнымъ дѣломъ; онъ не видитъ въ требованіи учиться несправедливости и самодурства; и къ его отвращенію не присоединяется сознаніе издѣвательства и глумленія, какимъ будетъ сопровождаться отвращеніе, возбуждаемое принудительной игрой. Ребенокъ прекрасно понимаетъ, что играютъ для забавы; превращеніе забавы въ обязательное занятіе отниметъ у нея смыслъ, а дѣлать по принужденію безсмыслицу—одна изъ самыхъ тяжелыхъ пытокъ, почти невыносимыхъ для человѣческой природы. Любопытно, что наивно-возмутительная система «принудительныхъ игръ», излагаемая въ этой главѣ (и находящаяся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его же совѣтами предоставлять дѣтямъ полную свободу въ ихъ играхъ), измышлена Локкомъ для того, чтобы избѣжать принудительнаго ученья! Здѣсь особенно рѣзко проявляется противорѣчіе, которое мы подчеркнули въ очеркѣ жизни Локка. Отвращеніе къ принудительному ученью вытекаетъ изъ его взгляда на самостоятельную творческую дѣятельность личности; въ то же время онъ не въ силахъ отрѣшиться отъ старой системы, видѣвшей въ ребенкѣ глину, изъ которой можно «принудительно» вылѣпить, что угодно. *Пер.*

если старшій будетъ поведенъ такимъ образомъ, и явится образцомъ, то имъ будетъ также трудно помѣшать учиться, какъ при обычномъ воспитаніи ихъ трудно оторвать отъ игры.

(Отдѣлъ XIX. § 130).

(Объ игрушкахъ).

130. Я думаю, что у дѣтей должны быть игрушки, и притомъ разнаго рода; но эти игрушки должны храниться у воспитателя или другого лица, которое выдаетъ ихъ дѣтямъ только по одной заразъ; и только вернувши одну, они могутъ получить другую. Это съ раннихъ поръ пріучаетъ ихъ не терять и не портить вещей, которыми они обладаютъ; напротивъ, обиліе и разнообразіе игрушекъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, дѣлаетъ ихъ легкомысленными и безпечными и съ самаго начала пріучаетъ къ мотовству и расточительности. Я согласенъ, что это мелочи, которыя покажутся недостойными вниманія воспитателя; но не слѣдуетъ пренебрегать ничѣмъ, что можетъ влiять на формированіе души ребенка; и все, что создаетъ у него привычки и навыки, заслуживаетъ вниманія и заботы воспитателя и не можетъ считаться мелочью въ виду своихъ послѣдствій.

Еще одно обстоятельство, касающееся дѣтскихъ игрушекъ, заслуживаетъ вниманія родителей. Хотя мы согласились, что онѣ должны быть разнообразными, но, по моему мнѣнію, ихъ не слѣдуетъ покупать. Этимъ устранится чрезмѣрное разнообразіе, которое часто обременяетъ дѣтей, служитъ только для пріученія ихъ души къ погонѣ за перемѣной и излишествомъ, къ безпокойству, къ вѣчному требованію чего то еще, хотя она и сама не знаетъ, чего именно, и къ постоянной неудовлетворенности тѣмъ, что у нихъ есть. Обычай дѣлать подарки дѣтямъ состоятельныхъ людей, изъ любезности къ родителямъ, причиняетъ малюткамъ большой вредъ. Онъ пріучаетъ ихъ къ гордости, суетности и жадности, прежде чѣмъ они научатся говорить; я зналъ ребенка, до того поглощеннаго числомъ и разнообразіемъ своихъ игрушекъ, что онъ утомлялъ свою няньку, ежедневно пересматривая ихъ; и такъ привыкъ къ изобилію, что никогда не считалъ его достаточнымъ и вѣчно спрашивалъ: «А еще что? А еще что? Что еще мнѣ подарятъ?» Хорошее вступленіе къ умѣренію желанію и вѣрный путь сдѣлать довольнаго, счастливаго человѣка!

Но откуда же они возьмутъ игрушки, если ихъ не будутъ покупать имъ? На это отвѣчу, что они должны дѣлать или по крайней мѣрѣ пытаться дѣлать ихъ сами; до тѣхъ поръ они не должны получить ихъ, да до тѣхъ поръ имъ и не понадобится какихъ-нибудь хитроумныхъ игрушекъ. Гладкій камешекъ, листокъ бумаги, связка ключей матери и любой предметъ, которымъ они не могутъ поранить себя, годятся для развлеченія маленькихъ дѣтей не хуже, чѣмъ дорогія и затѣйливыя покупныя игрушки, которыя они немедленно пор-

тятъ и ломаютъ. Дѣти никогда не дуются и не капризничаютъ изъ за отсутствія такихъ игрушекъ, если не пріучены къ нимъ: пока они малы, все, что попадаетъ въ ихъ руки, замѣняетъ игрушки; когда же они подрастутъ, то будутъ дѣлать ихъ сами, если не избалованы неразумной расточительностью другихъ. Разумѣется, когда они начнутъ работать надъ собственными изобрѣтеніями, имъ нужно объяснять и помогать; но не слѣдуетъ давать имъ ничего, пока они сидятъ праздно, расчитывая все получить изъ чужихъ рукъ, не прилагая своихъ. Если вы поможете имъ, когда они затрудняются, они будутъ болѣе благодарны за это, чѣмъ за самыя дорогія игрушки, которыя вы можете купить для нихъ. Правда, такія игрушки, изготовленіе которыхъ превышаетъ ихъ искусство, каковы кубарь, волчокъ, мячъ и т. п., служащіе для упражненія, приходится доставлять имъ. Но желательно, чтобы они получали ихъ не для развлеченія, а для упражненія; притомъ и эти игрушки должны быть самыми простыми. Если вы даете имъ кубарь, то они сами должны сдѣлать для него кнутикъ и ремень. Если же они сидятъ, разиня ротъ и дожидаясь, пока эти вещи свалятся имъ въ руки, то должны остаться безъ нихъ. Это будетъ создавать у нихъ привычку добиваться того, что имъ нужно, собственными средствами и собственными усиліями, и такимъ образомъ пріучать ихъ къ умѣренности въ желаніяхъ, прилежанію, усердію, размышленію, смѣтливости и расчетливости; качества, которыя окажутся полезными для нихъ, когда они станутъ взрослыми, и потому должны пріобрѣтаться, какъ можно раньше и укореняться, какъ можно глубже. Всѣ игры и развлеченія дѣтей должны быть направлены къ образованію хорошихъ полезныхъ привычекъ, иначе они будутъ приводить къ дурнымъ [1]). Все, что они дѣлаютъ въ этомъ нѣжномъ возрастѣ, оставляетъ извѣстный отпечатокъ и вліяетъ на возникновеніе склонности къ добру или злу, а тѣмъ, что оказываетъ подобное вліяніе, не слѣдуетъ пренебрегать.

(Отдѣлъ XX. §§ 131—133).

(О дѣтской лжи).

131. Ложь—такой удобный и легкій покровъ всякаго дурного поступка и до такой степени въ ходу у всякаго рода людей, что ребенокъ врядъ ли можетъ не замѣтить ея употребленія въ разныхъ случаяхъ, и только самая тщательная забота въ состояніи оберечь

[1]) Мы глубоко обязаны Фребелю показавшему, что играми можно пользоваться не только для развлеченія, дѣтей, но и для воспитанія ихъ пробуждающихся способностей и для образованія хорошихъ привычекъ. Особенное значеніе имѣютъ игрушки, расчитанныя на продолжительное развлеченіе, которое они могутъ доставить, и на воспитательныя услуги, которыя онѣ могутъ оказать. Затѣйливыя выдумки, которыхъ ребенокъ не можетъ понять, способны возбудить сильное минутное любопытство, но ничему не могутъ научить и вскорѣ утрачиваютъ интересъ. Д.

его отъ этого порока. Но это такое дурное качество и мать такого множества другихъ дурныхъ качествъ, вытекающихъ изъ нея или прикрываемыхъ ею, что ребенку нужно внушать къ ней величайшее отвращеніе [1]). О ней слѣдуетъ всегда говорить имъ (когда разговоръ случайно коснется лжи) съ величайшимъ негодованіемъ, какъ о порокѣ, настолько несовмѣстимомъ съ репутаціей и достоинствомъ джентльмена, что никто, пользующійся хоть какимъ-нибудь уваженіемъ, не потерпитъ обвиненія во лжи; какъ о признакѣ крайней безчестности, которая низводитъ человѣка на послѣднюю степень позорной низости и ставитъ его на одинъ уровень съ самой отверженной частью человѣчества и презрѣнной чернью; и не можетъ быть терпима ни въ комъ, кто желаетъ имѣть дѣло съ порядочными людьми и пользоваться уваженіемъ и почетомъ въ свѣтѣ. Первый же разъ, какъ ребенокъ будетъ уличенъ во лжи, она должна вызвать скорѣе изумленіе, какъ нѣчто чудовищное, чѣмъ наказаніе, какъ обыкновенный проступокъ. Если это не удержитъ его отъ повторенія, то въ слѣдующій разъ онъ долженъ получить строгій выговоръ, и попасть въ состояніе серьезной немилости со стороны отца и матери и всѣхъ окружающихъ, которымъ извѣстенъ его поступокъ. Если же и это не поможетъ, то вы должны перейти къ побоямъ; такъ какъ послѣ такихъ предостереженій умышленную ложь надо считать упрямствомъ и не допускать, чтобы она оставалась безнаказанной.

132. Дѣти, боясь показать свои проступки во всей ихъ наготѣ, склонны, подобно всѣмъ сынамъ Адамовымъ, умалять ихъ оправданіями. Эта наклонность обыкновенно граничитъ съ ложью или приводитъ къ ней, и потому не должна быть терпима; но ее слѣдуетъ устранять скорѣе стыдомъ, чѣмъ суровостью. Итакъ, если ребенокъ, спрошенный о чемъ-нибудь, начинаетъ съ оправданія, посовѣтуйте ему серьезнымъ тономъ разсказать правду; если-же онъ и послѣ этого будетъ упорно вилять и лукавить, его слѣдуетъ наказать; но если онъ откровенно сознается, вы должны похвалить его чистосердечіе и простить ему вину, какова бы она ни была; и притомъ такъ простить, чтобы ужъ никогда больше не упрекать его за нее и не упоминать о ней; ибо, если вы хотите, чтобы онъ полюбилъ чистосердечіе

[1]) Монтэнь говоритъ: «По истинѣ ложь есть ненавистный и проклятый порокъ. Только наше слово дѣлаетъ насъ людьми и устанавливаетъ связь между нами. Если бы только мы поняли всю гнусность и вредныя послѣдствія лжи, мы должны были бы преслѣдовать ее огнемъ и мечемъ, строже, чѣмъ другія преступленія. Я вижу, что родители обыкновенно, и довольно неразумно, наказываютъ своихъ дѣтей за невинныя маленькія шалости и мучатъ ихъ за легкомысленныя дѣтскія выходки, которыя не имѣютъ никакого значенія и не сопровождаются никакими послѣдствіями; а по моему, только ложь да упрямство нужно искоренять розгами еще въ дѣтствѣ, такъ какъ они даютъ начало порокамъ, которые растутъ вмѣстѣ съ ними». (Essais, i. 9). Родители и учителя часто несутъ отвѣтственность за дѣтскую лживость. Ненужная строгость и неохота выслушивать объясненія или извинять проступокъ являются прямымъ искушеніемъ для ребенка, провинившагося въ чемъ нибудь, солгать съ цѣлью избавиться отъ послѣдствій своего проступка. Д.

и путемъ постоянной практики усвоилъ его, какъ привычку, то вамъ слѣдуетъ позаботиться, чтобы оно никогда не доставляло ему ни малѣйшей непріятности; наоборотъ, откровенное сознаніе всегда должно приносить ему не только полное избавленіе отъ наказанія, но и поощряться какими-нибудь знаками одобренія. Если его оправданіе окажется случайно такимъ, что вы не можете обнаружить его лживости, отнеситесь къ нему какъ къ правдѣ, и не выказывайте никакихъ подозрѣній. Пусть онъ цѣнитъ какъ можно выше хорошую репутацію, которой пользуется въ вашихъ глазахъ, такъ какъ разъ онъ убѣдится, что она погибла, вы потеряете сильное и лучшее средство вліять на него. Поэтому не давайте ему думать, что вы считаете его лжецомъ, пока только можете такъ поступать, не поощряя въ немъ лживости. Въ виду этого, маленькія уклоненія отъ истины можно иногда пропускать безъ вниманія. Но послѣ того, какъ онъ былъ однажды наказанъ за ложь, вы уже никогда не должны прощать ее ни въ какомъ случаѣ, разъ только замѣтите, что онъ провинился въ ней; ибо такъ какъ этотъ проступокъ былъ ему запрещенъ и онъ могъ-бы избѣжать его, еслибы не стремился къ нему добровольно, то повтореніе его есть проявленіе настоящей порочности и заслуживаетъ соотвѣтственнаго наказанія.

133. Вотъ мои мысли относительно общаго метода воспитанія молодого джентльмена; полагая, что онъ можетъ имѣть извѣстное вліяніе на общій ходъ воспитанія, я отнюдь не воображаю, что въ немъ указаны всѣ частности, которыя могутъ потребоваться съ возрастомъ или въ виду особенностей характера. Но установивъ методъ въ общихъ чертахъ, мы должны теперь обратиться къ болѣе спеціальному разсмотрѣнію различныхъ частей воспитанія.

(Отдѣлъ XXI. §§ 34—139).

(О Богопочитаніи, какъ основѣ добродѣтели).

134. То, чего каждый джентльменъ желаетъ для своего сына (если сколько-нибудь заботится о его воспитаніи) заключается (полагаю) въ слѣдующихъ четырехъ вещахъ: добродѣтель, мудрость, благовоспитанность и знаніе. Я не буду затруднять себя разборомъ, не употребляются ли иногда эти имена для обозначенія одного и того же или не совпадаютъ ли они въ дѣйствительности по своему значенію. Для моей цѣли достаточно употреблять эти слова въ ихъ общепринятомъ значеніи, которое, на мой взглядъ, достаточно ясно, чтобы меня могли понять безъ затрудненія.

135. Я считаю добродѣтель первымъ и самымъ необходимымъ изъ этихъ качествъ, обязательныхъ для человѣка или джентльмена; безусловно требующимся для того, чтобы онъ могъ пріобрѣсть уваженіе и любовь другихъ, признаніе и одобреніе въ собственныхъ гла-

захъ. Безъ нея, думается мнѣ, онъ не будетъ счастливъ ни въ здѣшнемъ, ни въ иномъ мірѣ.

136. Въ качествѣ ея основанія слѣдуетъ съ раннихъ поръ запечатлѣть въ ихъ душахъ истинное понятіе о Богѣ, какъ о независимомъ Высшемъ Существѣ, Творцѣ и Создателѣ всѣхъ вещей, отъ котораго мы получаемъ все наше достояніе, который любитъ насъ и даетъ намъ все. Соотвѣтственно тому надо внушить имъ любовь и почтеніе къ этому Высшему Существу. Этого довольно для начала, и нѣтъ надобности объяснять этотъ предметъ подробнѣе; такъ какъ преждевременные разговоры съ ребенкомъ о духахъ и попытки сдѣлать для него понятной непостижимую природу этого безконечнаго Существа могутъ наполнить его голову ложными или сбить ее съ толку непонятными свѣдѣніями о немъ. Говорите ему только, при случаѣ, что Богъ все создаетъ и всѣмъ управляетъ, слышитъ и видитъ все, и даруетъ всяческое благо тѣмъ, которые любятъ его и повинуются ему; вы убѣдитесь, что, слыша о такомъ Богѣ, онъ довольно скоро самъ додумается до другихъ мыслей о немъ, которыя вы должны исправлять, если въ нихъ окажется что-либо неправильное. И я думаю, что было бы лучше, если-бъ люди вообще оставались при такой идеѣ о Богѣ, не заходя черезчуръ далеко въ стремленіи познать Существо, которое всѣ должны признать непостижимымъ; это приводитъ лишь къ тому, что многіе, не обладая достаточной силой и ясностью мысли, чтобы разобраться въ томъ, что они могутъ и чего не могутъ знать, впадаютъ въ суевѣріе или атеизмъ, уподобляя Бога самимъ себѣ или отрицая его (такъ какъ не могутъ понять). И я склоненъ думать, что заставляя дѣтей ежедневно утромъ и вечеромъ обращаться къ Богу, какъ ихъ Создателю, Хранителю и Благодѣтелю, съ простой и коротенькой молитвой, соотвѣтствующей ихъ возрасту и способностямъ, мы гораздо больше сдѣлаемъ для ихъ религіи, знанія и добродѣтели, чѣмъ сбивая съ толку ихъ мысли хитроумными разсужденіями о его неизслѣдимой сущности и бытіи.

(О духахъ и привидѣніяхъ).

137. Внѣдривъ постепенно, сообразуясь съ его пониманіемъ, такую идею о Богѣ въ его душѣ, и научивъ его молиться ему и восхвалять въ немъ своего Творца и подателя всѣхъ благъ, какими онъ пользуется, избѣгайте говорить съ нимъ о другихъ духахъ, пока упоминаніе о нихъ по случаю, о которомъ будетъ рѣчь ниже, и чтеніе Библіи не наведутъ его на этотъ вопросъ. Но даже тогда, и все время, пока онъ малъ, старайтесь оберегать его нѣжную душу отъ всякихъ представленій и понятій о духахъ и домовыхъ, или о какихъ бы то ни было страхахъ, связанныхъ съ темнотой. Эта опасность грозитъ со стороны неразумія слугъ, которые имѣютъ привычку пугать дѣтей и заставлять ихъ слушаться росказнями о букѣ, привидѣніяхъ и тому подобныхъ существахъ, представляющихъ будто бы

нѣчто страшное и опасное, чего они имѣютъ основаніе бояться, когда остаются одни, особливо въ темнотѣ. Противъ этого нужно принимать самыя тщательныя мѣры, такъ какъ хотя подобными глупыми средствами можно удержать дѣтей отъ маленькихъ провинностей, но это лѣкарство гораздо хуже болѣзни, и запечатлѣваетъ въ ихъ воображеніи идеи, которыя потомъ преслѣдуютъ ихъ, наполняя страхомъ и ужасомъ. Такія страшныя выдумки, проникнувъ въ нѣжную дѣтскую душу и произведя сильное впечатлѣніе, въ виду сопутствующаго имъ страха, западаютъ глубоко и такъ укореняются, что ихъ уже не легко, а пожалуй и совсѣмъ невозможно искоренить; оставаясь въ душѣ, онѣ тревожатъ ее странными видѣніями, дѣлаютъ дѣтей трусливыми, когда они остаются одни, и заставляютъ ихъ всю жизнь бояться своей тѣни и темноты. На это жаловались мнѣ взрослые люди, которые были такъ запуганы въ дѣтствѣ; хотя ихъ разумъ исправилъ воспринятыя имъ ложныя идеи, и они убѣдились, что нѣтъ основанія бояться невидимыхъ существъ въ темнотѣ больше, чѣмъ на свѣту, но ложныя представленія все же при случаѣ завладѣвали ихъ разстроеннымъ воображеніемъ, и справляться съ ними стоило имъ немалаго труда. Чтобы показать вамъ, какъ долговѣчны и страшны образы, воспринятые душею въ ранніе годы, я разскажу здѣсь довольно замѣчательную, но правдивую исторію. Въ одномъ западномъ городѣ жилъ человѣкъ съ разстроеннымъ умомъ, котораго обыкновенно дразнили мальчишки, когда онъ попадался имъ на встрѣчу; однажды этотъ молодецъ, увидѣвъ на улицѣ одного изъ своихъ гонителей, кинулся въ ножевую лавку, находившуюся по близости и, схвативъ тамъ обнаженную саблю, погнался за мальчикомъ; послѣдній, видя его вооруженнымъ, пустился на утекъ и къ счастью успѣлъ добѣжать до отцовскаго дома, прежде чѣмъ сумасшедшій догналъ его. Дверь была только на щеколдѣ; отворяя ее, мальчикъ оглянулся, чтобы посмотрѣть, далеко ли его врагъ, и увидѣлъ, что тотъ уже у крыльца и замахивается саблей, такъ что онъ едва успѣлъ вскочить въ домъ, и, захлопнувъ за собою дверь, избѣжать удара, который хотя и не коснулся его тѣла, но глубоко задѣлъ его душу. Этотъ грозный образъ произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе, что оно сохранялось много лѣтъ, если даже не всю жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, уже взрослымъ человѣкомъ, онъ говорилъ, разсказывая эту исторію, что съ тѣхъ поръ всякій разъ, входя въ эту дверь, невольно оглядывается, хотя бы его голова была занята совершенно другимъ, и хотя бы за минуту передъ тѣмъ онъ вовсе не думалъ объ этомъ сумашедшемъ.

Если бы дѣти были одни, они такъ же мало боялись бы темноты, какъ дневного свѣта: они радовались бы ей, какъ времени сна, а дню, какъ времени игры. Не слѣдуетъ внушать имъ всякими росказнями, что съ первой связано больше опасностей и страховъ, чѣмъ со вторымъ. Если же глупость кого нибудь изъ окружающихъ уже причинила имъ этотъ вредъ и заставила ихъ думать, что есть какая нибудь разница между пребываніемъ въ темнотѣ и на свѣту, то вы должны какъ можно скорѣе разубѣдить ихъ въ этомъ и увѣрить ихъ,

что Богъ, сотворившій все для ихъ блага, создалъ ночь для того, чтобы они могли спать крѣпче и спокойнѣе; и что въ темнотѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы повредить имъ, разъ они находятся подъ его покровительствомъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія о Богѣ и добрыхъ духахъ надо отложить до того времени, о которомъ мы упомянемъ ниже; что касается злыхъ духовъ, то лучше не допускать у ребенка ложныхъ представленій о нихъ, пока онъ не созрѣетъ для этого рода знаній.

(Правдивость и доброта).

139. Заложивъ основаніе добродѣтели въ истинномъ понятіи о Богѣ, мудро изложенномъ въ исповѣданіи вѣры, насколько оно доступно его возрасту и научивъ его молиться, вы должны позаботиться о томъ, чтобы онъ говорилъ правду, и всѣми возможными способами укоренять въ немъ наклонность къ добротѣ. Пусть онъ знаетъ, что ему скорѣе простятъ двадцать проступковъ, чѣмъ одно уклоненіе отъ истины съ цѣлью прикрыть вину какимъ нибудь оправданіемъ. А своевременно пріучить его относиться къ другимъ съ любовью и добротой значитъ съ раннихъ поръ заложить истинное основаніе честнаго человѣка: вся несправедливость обыкновенно вытекаетъ изъ черезчуръ сильной любви къ самому себѣ и черезчуръ слабой къ другимъ.

Вотъ все, что я скажу объ этомъ предметѣ вообще; этого довольно, чтобы заложить первыя основанія добродѣтели въ ребенкѣ; по мѣрѣ того, какъ онъ подрастаетъ, нужно слѣдить за направленіемъ его природныхъ наклонностей; и если оно отклоняетъ его болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, въ ту или другую сторону отъ вѣрнаго пути добродѣтели, то нужно принимать надлежащія мѣры. Ибо немногія изъ дѣтей Адама настолько счастливы, что родятся безъ всякаго изъяна въ своемъ природномъ характерѣ,—изъяна, устранить или уравновѣсить который есть дѣло воспитанія. Но входить въ подробности объ этомъ предметѣ значило бы выйти изъ рамокъ этого краткаго трактата о воспитаніи. Я не собираюсь разсуждать о всѣхъ добродѣтеляхъ и порокахъ и разсматривать, какъ достигается каждая отдѣльная добродѣтель и какими спеціальными средствами искореняется каждый отдѣльный порокъ. Я упомянулъ здѣсь только о болѣе обыкновенныхъ недостаткахъ и способахъ ихъ исправленія.

(Глава XXII. § 140).

(О мудрости).

140. Мудрость я принимаю въ общепринятомъ значеніи этого слова, какъ умѣнье вести свои дѣла въ этомъ мірѣ толково и предусмотрительно. Это—результатъ хорошаго природнаго характера, прилежной дѣятельности ума и опыта, недостижимый для дѣтей. Все, что

можно сдѣлать для нихъ въ этомъ направленіи, это—препятствовать имъ, елико возможно, сдѣлаться хитрыми; потому что хитрость, будучи обезьяной мудрости, какъ нельзя болѣе далека отъ нея; и, подобно обезьянѣ, которая при сходствѣ съ человѣкомъ, не обладаетъ подлинными человѣческими свойствами, становится отъ этого еще безобразнѣе. Хитрость есть только недостатокъ разума, который, не будучи въ состояніи достигнуть своихъ цѣлей прямыми путями, пытается достигнуть ихъ плутовскими и окольными; несчастье ея въ томъ, что она можетъ помочь только разъ, а потомъ лишь мѣшаетъ. Нельзя сдѣлать такого тонкаго или толстаго покрывала, чтобы оно скрывало самого себя. [1]) Никому еще не удавалось быть настолько хитрымъ, чтобы скрыть свою суть; а разъ она открыта, всякій настораживается, всякій начинаетъ подозрѣвать хитреца, и всѣ соединяются, чтобы нанести ему пораженіе; напротивъ, открытый, прямой, разумный человѣкъ находитъ поддержку въ каждомъ и идетъ прямо къ цѣли. Пріучать ребенка пріобрѣтать правильныя понятія о вещахъ и не удовлетворяться, пока онъ не получилъ ихъ, направлять его душу къ великимъ и достойнымъ мыслямъ и удерживать его вдали отъ фальши и хитрости, въ которой всегда имѣется значительная примѣсь лжи,—вотъ наиболѣе правильная подготовка ребенка къ мудрости. Остального, чему научатъ его время, опытъ и наблюденіе, и знакомство съ людьми, ихъ характерами и планами, нельзя ожидать отъ невѣденія и безпечности дѣтства или отъ необдуманнаго и довѣрчиваго пыла юности: все, что можно сдѣлать въ этомъ направленіи въ теченіе незрѣлаго возраста, это, какъ я уже говорилъ,—пріучать ихъ любить правду и искренность, подчиняться разуму и насколько возможно обдумывать свои поступки.

(Глава XXIII. §§ 141—146).

(О благовоспитанности).

141. Слѣдующее хорошее качество, необходимое для джентльмена, благовоспитанность. Есть два рода неблаговоспитанности: одинъ выражается въ неуклюжей застѣнчивости, другой—въ неумѣстной небрежности и непочтительности обращенія: того и другого можно избѣжать, соблюдая слѣдующее правило: не быть низкаго мнѣнія ни о себѣ самихъ, ни о другихъ.

142. Первую часть этого правила надо понимать не въ смыслѣ отсутствія скромности, а въ смыслѣ увѣренности въ себѣ. Мы не должны быть настолько высокаго мнѣнія о себѣ, чтобы заноситься

---

[1]) Ср. «On peut être plus fin qu'un autre, mais non pas plus fin que tous les autres». (Можно быть хитрѣе другого, но не хитрѣе всѣхъ другихъ).—La Rochefoucauld.

выше того, чего стоимъ, и требовать предпочтенія передъ другими въ виду какихъ-либо преимуществъ, которыми, какъ намъ кажется, мы обладаемъ; но скромно принимать то, что намъ предлагаютъ, если это заслужено нами. Но во всякомъ случаѣ, мы должны быть настолько хорошаго мнѣнія о самихъ себѣ, чтобы исполнять дѣйствія, которыхъ отъ насъ требуютъ или ожидаютъ, безъ смущенія или растерянности, въ чьемъ бы то ни было присутствіи; соблюдая почтеніе и сдержанность, подобающія званію каждаго. Часто случается, что люди, особливо дѣти, проявляютъ неуклюжую конфузливость въ присутствіи постороннихъ или высшихъ; они путаются въ мысляхъ, словахъ, взглядахъ; и теряются въ своемъ смущеніи до того, что не могутъ ничего дѣлать, по крайней мѣрѣ дѣлать съ тѣми свободой и изяществомъ, которыя нравятся и вызываютъ расположеніе къ нимъ. Единственное средство противъ этого, какъ и противъ всякаго другого недостатка,— укоренить путемъ практики противуположную привычку. Но такъ какъ мы не можемъ пріучиться имѣть дѣло съ посторонними и съ важными лицами, не бывая въ ихъ обществѣ, то устранить эту сторону неблаговоспитанности можетъ только общеніе съ разнообразными лицами и высокопоставленными людьми.

143. Какъ вышеупомянутая сторона неблаговоспитанности заключается въ черезчуръ большой заботѣ о томъ, какъ вести себя съ другими, такъ другая состоитъ въ черезчуръ маломъ стараніи нравиться и оказывать уваженіе тѣмъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Чтобы избѣжать этого, требуются двѣ вещи: во-первыхъ, наклонность души не оскорблять другихъ, и, во вторыхъ, наиболѣе привлекательный и пріятный способъ выраженія этой наклонности. Первое называется обходительностью, второе—хорошими манерами. Послѣднія заключаются въ благопристойности и изяществѣ взглядовъ, голоса, словъ, движеній, жестовъ и всего внѣшняго поведенія, которое нравится обществу и дѣлаетъ людей, съ которыми мы вступаемъ въ сношенія, непринужденными и пріятными. Это какъ бы языкъ, на которомъ выражается внутренняя вѣжливость души; и такъ какъ, подобно другимъ языкамъ, онъ въ значительной степени зависитъ отъ моды и обычаевъ каждой страны, то изучать его правила и практику нужно главнымъ образомъ путемъ наблюденія надъ манерами тѣхъ, которымъ удалось получить хорошее воспитаніе. Другая сторона, лежащая глубже внѣшней, заключается въ общей благожелательности и вниманіи ко всѣмъ, которыя заставляютъ человѣка стараться не выказывать въ своемъ обращеніи презрѣнія, неуваженія или пренебреженія къ другимъ, но проявлять, согласно обычаямъ и понятіямъ страны, уваженіе и признаніе, подобающее званію и положенію каждаго. Это расположеніе души выражается само собою въ обращеніи, благодаря которому никто не чувствуетъ себя стѣсненнымъ въ обществѣ такого человѣка.

Укажу четыре качества, совершенно противуположныя первому и въ высшей степени подрывающія всѣ соціальныя добродѣтели; то или другое изъ этихъ четырехъ качествъ является обыкновенно источ-

никомъ невѣжливости. Я опишу ихъ, чтобы дѣтей можно было предохранять или исправлять отъ ихъ дурного вліянія.

1. Первое есть природная грубость, которая дѣлаетъ человѣка нелюбезнымъ къ другимъ, невнимательнымъ къ ихъ наклонностямъ, характерамъ, положенію. Вѣрный признакъ грубіана—не думать о томъ, что нравится или не нравится тѣмъ, въ чьемъ обществѣ онъ находится. Между тѣмъ, часто приходится видѣть человѣка, одѣтаго по модѣ, не признающаго никакихъ препятствій для своего нрава и готоваго толкать и наступать на ноги всѣмъ, кто попадается ему навстрѣчу, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, какъ они къ этому относятся. Такая грубость бросается въ глаза и возбуждаетъ отвращеніе въ каждомъ, съ ней никто не можетъ мириться; слѣдовательно, ей нѣтъ мѣста у того, кому желаютъ сообщить хоть крупицу благовоспитанности. Ибо истинная цѣль и задача благовоспитанности—укротить природную рѣзкость и смягчить характеры людей, чтобы они могли быть обходительными и приспособляться къ тѣмъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

2. Презрѣніе или отсутствіе уваженія, обнаруживающееся во взглядахъ, словахъ или жестахъ, отъ кого-бы оно ни исходило, всегда производитъ непріятное впечатлѣніе; такъ какъ никому не можетъ доставить удовольствія сознаніе, что имъ пренебрегаютъ.

3. Придирчивость и нахожденіе недостатковъ у другихъ прямая противуположность вѣжливости. Люди, въ чемъ бы ни были они повинны или неповинны, не любятъ, чтобы ихъ недостатки выводили наружу и выставляли на показъ передъ ними самими и передъ другими людьми. Клеймо, наложенное на кого нибудь, всегда влечетъ за собою стыдъ; и обнаруженіе или даже простое приписываніе какого-нибудь недостатка не переносится безъ непріятнаго чувства. Насмѣшливость есть наиболѣе утонченный способъ выставлять на показъ недостатки другихъ; но такъ какъ она обыкновенно облекается въ остроумную и вѣжливую форму и забавляетъ общество, то создалось ошибочное мнѣніе, что если она держится въ надлежащихъ границахъ, то въ ней нѣтъ ничего невѣжливаго. Оттого шутливость этого сорта часто допускается въ бесѣдѣ людей лучшаго общества; и подобные остряки благосклонно выслушиваются и обыкновенно одобряются хохотомъ присутствующихъ. Но имъ слѣдовало бы принять въ соображеніе, что увеселеніе остальной кампаніи происходитъ за счетъ того, кого выставляютъ въ шутовскомъ свѣтѣ и кому это не можетъ быть пріятно, если только предметъ, вызвавшій насмѣшки, не представляетъ въ дѣйствительности похвальной черты. Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ забавные образы и представленія, изъ которыхъ состоитъ насмѣшка, заключаютъ въ себѣ похвалу въ формѣ шутки, и тотъ, надъ кѣмъ смѣются, получаетъ удовлетвореніе и принимаетъ участіе въ общемъ весельѣ. Но такъ какъ не каждому дано умѣнье справиться съ такимъ тонкимъ и щекотливымъ предметомъ, гдѣ малѣйшая неловкость можетъ испортить все, то я думаю, что тѣмъ, которые не хотятъ задѣвать другихъ, особливо молодымъ людямъ, слѣдуетъ тща-

тельно воздерживаться отъ насмѣшки, которая при малѣйшей ошибкѣ или неправильномъ толкованіи, можетъ оставить въ душѣ задѣтаго ею длительное воспоминаніе о томъ, какъ больно, хотя и остроумно, его укололи за какой-нибудь грѣшокъ. Наряду съ насмѣшливостью, противорѣчіе есть форма осужденія другихъ, въ которой часто проявляется дурное воспитаніе. Вѣжливость вовсе не обязываетъ насъ всегда принимать всѣ разсужденія или сообщенія, которыя мы услышимъ въ обществѣ, или проходить молчаніемъ все, что высказывается въ нашемъ присутствіи. Истина и милосердіе заставляютъ насъ иногда оспаривать мнѣнія и исправлять ошибки другихъ, и это не противорѣчитъ вѣжливости, если дѣлается съ надлежащей осмотрительностью и принимая во вниманіе обстоятельства. Но бываютъ люди, какъ будто одержимые духомъ противорѣчія, которые упорно и не обращая вниманія на правду или неправду, оспариваютъ того или другого, или всѣхъ и каждаго, что бы они ни говорили. Это такой очевидный и оскорбительный способъ осужденія, что врядъ ли найдется человѣкъ, который не сочтетъ себя задѣтымъ имъ. Всякое возраженіе на слова другого такъ легко толкуется въ смыслѣ осужденія и такъ рѣдко принимается безъ извѣстнаго униженія, что высказывать его нужно въ самой деликатной формѣ и въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ, такъ, что-бы въ цѣломъ не получалось впечатлѣнія охоты противорѣчить во чтобы то ни стало. Оно должно сопровождаться всѣми знаками уваженія и доброжелательности, чтобы, выигрывая въ спорѣ, мы не теряли расположенія тѣхъ, которые слушаютъ насъ.

4. Раздражительность есть другой недостатокъ, противуположный вѣжливости, не только потому, что она часто побуждаетъ къ неприличнымъ и обиднымъ выраженіямъ и поступкамъ; но и потому, что она является молчаливымъ обвиненіемъ и упрекомъ въ какой-либо невѣжливости со стороны тѣхъ, на которыхъ мы раздражены. Подобное подозрѣніе или намекъ не могутъ не вызывать непріятнаго чувства. Кромѣ того, раздражительный человѣкъ разстраиваетъ всю компанію, и гармонія исчезаетъ отъ одного такого спора.

Такъ какъ счастье, къ которому такъ упорно стремятся всѣ люди, состоитъ въ удовольствіи, то легко понять, почему обходительный человѣкъ принимается охотнѣе, чѣмъ полезный. Способности, искренность и добрыя намѣренія степеннаго и достойнаго человѣка или истиннаго друга рѣдко вознаграждаютъ за то непріятное чувство, которое порождается его важными и солидными представленіями. Власть и богатство, даже сама добродѣтель, цѣнятся лишь какъ средства, ведущія насъ къ счастью. А потому плохо рекомендуетъ себя другому въ смыслѣ содѣйствія его счастью тотъ, кто, оказывая ему услуги, дѣлаетъ это въ непріятной для него формѣ. Кто умѣетъ быть пріятнымъ для людей, съ которыми имѣетъ дѣло, не унижаясь до низкой и рабьей лести, тотъ усвоилъ истинное искусство жить на свѣтѣ и быть желательнымъ и цѣнимымъ всюду. Въ виду этого, нужно приложить всѣ старанія, чтобы вѣжливость вошла въ привычку у дѣтей и молодежи.

144. Есть другой недостатокъ воспитанія, именно—избытокъ церемоній [1]) и упорное стремленіе навязывать другому такія достоинства, которыми онъ не обладаетъ и которыхъ не можетъ признать за собою, не будучи сумасшедшимъ или безстыднымъ. Это кажется скорѣе намѣреніемъ поднять на смѣхъ, чѣмъ желаніемъ угодить; или, по крайней мѣрѣ, производитъ впечатлѣніе какого то состязанія въ превосходствѣ, и въ лучшемъ случаѣ только смущаетъ, а потому не можетъ быть признакомъ благовоспитанности, вся цѣль и назначеніе которой въ томъ, чтобы люди чувствовали себя непринужденно и пріятно въ нашемъ обществѣ. Молодые люди рѣдко обнаруживаютъ склонность впадать въ эту ошибку; но если они повинны въ ней или обнаруживаютъ уклоненіе въ эту сторону, имъ нужно указывать на это и предостерегать ихъ противъ такой ложно понятой вѣжливости. То, чего они должны добиваться, заключается въ уваженіи, почтеніи и благожелательности, въ воздаяніи каждому достодолжнаго вниманія и учтивости, предписываемыхъ вѣжливостью. Вести себя такъ, не навлекая подозрѣнія въ лести, притворствѣ или низости, есть большое искусство, которому могутъ научить только здравый смыслъ, разумъ и хорошее общество; но оно такъ полезно въ гражданской жизни, что вполнѣ заслуживаетъ изученія.

145. Хотя умѣнье держать себя хорошо носитъ названіе благовоспитанности, какъ будто является спеціальнымъ результатомъ воспитанія но, какъ я уже сказалъ, маленькихъ дѣтей не слѣдуетъ чересчуръ донимать въ этомъ отношеніи; я подразумѣваю требованія изящно снимать шляпу и расшаркиваться по всѣмъ правиламъ искусства. Научите ихъ, если можете, скромности и благожелательности, и хорошія манеры явятся сами собою; вѣдь истинная вѣжливость есть ничто иное, какъ забота не обнаружить пренебреженія или презрѣнія къ тому, съ кѣмъ имѣешь дѣло. О наиболѣе употребительныхъ и цѣнимыхъ способахъ выраженія ея мы уже говорили. Они такъ же своеобразны и различны въ разныхъ странахъ міра, какъ языки; а потому, если здраво разсуждать, правила и наставленія, даваемыя дѣтямъ на этотъ счетъ, такъ же безполезны и вздорны, какъ сообщеніе двухъ-трехъ правилъ испанскаго языка тому, кто водится только съ англичанами. Хлопочите сколько угодно насчетъ преподаванія вѣжливости вашему сыну, но какова его компанія, таковы будутъ и манеры. Читайте какія угодно наставленія хлѣбопашцу, вашему сосѣду, никогда не бывшему за предѣлами околодка, онъ останется и по рѣчи и по языку такимъ-же придворнымъ, какимъ былъ раньше, то есть не сдѣлается учтивѣе тѣхъ, въ средѣ которыхъ постоянно вращается. Поэтому нечего и хлопотать о манерахъ, пока ребенокъ не подрастетъ настолько, что къ нему можно будетъ взять воспитателя,

---

[1]) Монтэнь говоритъ: «Jai veu souvent des hommes incivils par trop de civilité, et importuns de courtoisie». (Я часто встрѣчалъ людей невѣжливыхъ вслѣдствіе избытка вѣжливости и несносныхъ вслѣдствіе избытка любезности). Essais, i. XIII. Д.

который долженъ быть благовоспитаннымъ человѣкомъ. Да въ сущности, говоря по правдѣ, если дѣти не дѣлаютъ ничего изъ упрямства, гордости и дурного нрава, то совсѣмъ неважно, какъ они раскланиваются и расшаркиваются. Если вы можете научить ихъ любить и уважать другихъ людей, то, когда ихъ возрастъ потребуетъ этого, они найдутъ способъ выразить это отношеніе въ пріятной для каждаго формѣ, соотвѣтственно тѣмъ манерамъ, къ которымъ пріучались; что касается тѣлодвиженій и осанки, то, какъ я уже сказалъ, танцмейстеръ научитъ ихъ въ свое время всему, что требуется въ этомъ отношеніи, а тѣмъ временемъ, пока они малы, никто и не ожидаетъ отъ нихъ особеннаго вниманія къ этимъ церемоніямъ; небрежность допускается въ этомъ возрастѣ и такъ-же приличествуетъ ему, какъ учтивость взрослымъ людямъ; если-же иные очень щекотливые люди найдутъ это недостаткомъ то я утверждаю, что на такой недостатокъ можно смотрѣть сквозь пальцы и предоставить времени, воспитателю и обществу устранить его. Поэтому я и думаю, что вамъ не слѣдуетъ допекать или бранить вашего сына за этотъ недостатокъ (какъ часто дѣлаютъ съ дѣтьми); только, если въ его обращеніи проявятся гордость или дурной нравъ, надо исправлять его убѣжденіемъ или стыдомъ.

Хотя дѣтей, пока они малы, не слѣдуетъ донимать правилами и церемоніальной частью воспитанія, но есть одинъ родъ невѣжливости, весьма способный разростаться у молодежи, если не обуздывать ея съ раннихъ поръ, именно стремленіе перебивать другихъ въ разговорѣ и останавливать ихъ какимъ нибудь замѣчаніемъ. Быть можетъ обычай диспутовъ и репутація талантливости и учености, которыя обыкновенно даетъ это искусство, какъ будто оно является единственнымъ мѣриломъ и доказательствомъ знанія, заставляютъ молодыхъ людей такъ ревностно искать случаевъ поправлять другихъ и не упускать повода блеснуть своими талантами, — не знаю; но я убѣдился, что школьники особенно заслуживаютъ порицанія въ этомъ пунктѣ. Нѣтъ большей грубости, чѣмъ перебивать другого во время его рѣчи, такъ какъ если въ этомъ не проявляется нелѣпаго желанія отвѣчать человѣку прежде чѣмъ узнаешь, что онъ хочетъ сказать, то во всякомъ случаѣ это ясное заявленіе, что намъ надоѣло его слушать, что мы пренебрегаемъ его мнѣніемъ, и находя его неинтереснымъ для общества, желаемъ чтобы оно слушало насъ, имѣющихъ заявить нѣчто, достойное вниманія. Это свидѣтельствуетъ о большомъ неуваженіи, которое не можетъ не быть оскорбительнымъ; а между тѣмъ этимъ неизбѣжно сопровождается почти всякое перебиваніе. Если, какъ это обыкновенно бываетъ, къ нему присоединяется исправленіе какой-либо ошибки или противорѣчіе тому, что было сказано, то это является признакомъ еще большей гордости и самомнѣнія, побуждающихъ насъ навязываться въ качествѣ наставниковъ и брать на себя либо исправленіе разсказа другого лица, либо разоблаченіе ошибокъ его сужденія.

Я не хочу сказать, что, по моему не должно быть разногласія

мнѣній въ бесѣдѣ или возраженій въ разговорахъ людей; это значило-бы уничтожить главнѣйшее преимущество общества и пользу, доставляемую компаніей остроумныхъ собесѣдниковъ, гдѣ вопросъ уясняется, благодаря противоположнымъ аргументамъ неглупыхъ людей, обнаруживающимъ различныя стороны предмета; эти различныя точки зрѣнія и вѣроятности были-бы совершенно упущены изъ вида, еслибы каждый былъ обязанъ соглашаться съ тѣмъ, что сказалъ первый изъ говорившихъ и поддакивать ему. Я высказываюсь не противъ заявленія о несогласіи съ другимъ, а противъ извѣстной манеры дѣлать это. Молодыхъ людей надо пріучать не соваться съ навязываніемъ своихъ мнѣній, пока ихъ не спрашиваютъ, или пока не высказались и не замолчали другіе, да и въ этомъ случаѣ высказывать ихъ въ формѣ вопроса, а не наставленія. Имъ надо избѣгать положительныхъ утвержденій и учительскаго тона; когда же представится случай воспользоваться общей паузой, они могутъ скромно предлагать свои вопросы въ качествѣ учениковъ.

Эта подобающая имъ скромность не скроетъ ихъ дарованій и не ослабитъ силы ихъ разума, но обезпечитъ имъ болѣе благосклонное вниманіе и выставитъ ихъ заявленіе въ болѣе выгодномъ свѣтѣ. Неудачный аргументъ или ординарное замѣчаніе, высказанное такимъ образомъ, съ вѣжливымъ предисловіемъ, выражающимъ почтеніе и уваженіе къ мнѣніямъ другихъ, доставитъ имъ больше похвалы и одобренія, чѣмъ самое ѣдкое остроуміе или глубочайшая ученость, проявляемыя грубо, заносчиво и шумно, что всегда шокируетъ слушателей и внушаетъ дурное мнѣніе о человѣкѣ, хотя бы его аргументы заслуживали лучшаго.

Итакъ, нужно внимательно слѣдить за проявленіемъ этого недостатка у молодежи, останавливать его въ самомъ началѣ и укоренять въ нихъ противуположную привычку; тѣмъ болѣе, что готовность вмѣшиваться въ разговоръ, часто перебивать и повышать голосъ слишкомъ часто встрѣчается у взрослыхъ людей, даже занимающихъ видное положеніе въ нашемъ обществѣ. Индѣйцы, которыхъ мы называемъ варварами, соблюдаютъ гораздо больше пристойности и вѣжливости въ своихъ разговорахъ и бесѣдахъ, такъ какъ выслушиваютъ говорящаго въ глубокомъ молчаніи, пока онъ не кончитъ; а затѣмъ отвѣчаютъ спокойно, безъ шума и страсти. И если мы не находимъ того же въ цивилизованной части свѣта, то должны приписывать это небрежному воспитанію, которое еще не искоренило въ нашей средѣ этотъ остатокъ древняго варварства. Не забавное ли, въ самомъ дѣлѣ, зрѣлище видѣть, какъ двѣ дамы, принадлежащія къ хорошему обществу, сидя на противуположныхъ концахъ комнаты, наполненной гостями, случайно затѣваютъ разговоръ, и до того разгорячаются, что въ пылу спора, сближая по немножку стулья, вскорѣ оказываются вплотную другъ противъ дружки на серединѣ комнаты, и съ азартомъ продолжаютъ спорить, точно пара бойцовыхъ пѣтуховъ, не обращая вниманія на окружающихъ, которые не могутъ не подсмѣиваться надъ ними. Мнѣ разсказывала объ этомъ одна знатная особа, присутство-

вавшая при этой схваткѣ, и невольно задумавшаяся о непристойности, до которой часто доводитъ людей горячность въ спорѣ, а такъ какъ эта привычка очень распространена, то воспитаніе должно отнестись къ ней тѣмъ съ большимъ вниманіемъ. Всякій осуждаетъ ее въ другихъ, но обыкновенно не замѣчаетъ у себя; а многіе, сознавая за собой этотъ недостатокъ, борятся съ нимъ, но не могутъ отдѣлаться отъ него, такъ какъ небрежное воспитаніе превратило его въ привычку.

146. Сказанное выше можетъ, пожалуй, если хорошенько поразмыслить, расширить нашъ кругозоръ и показать намъ, что вліяніе общества простирается гораздо дальше. Не одни только пріемы вѣжливости усваиваются подъ вліяніемъ общенія съ людьми; но вліяніе общества проникаетъ глубже внѣшности; и весьма возможно, что правильная оцѣнка морали и религіи міра показала бы намъ, что огромное большинство человѣчества воспринимаетъ даже тѣ мнѣнія и обряды, за которые оно готово умереть, отъ обычаевъ своей родины и постоянной практики окружающихъ, а не потому, что разумъ ихъ пришелъ къ такому убѣжденію. Я упоминаю объ этомъ только для того, чтобы показать вамъ, какое значеніе имѣетъ на мой взглядъ компанія для вашего сына во всѣ періоды его жизни, и, слѣдовательно, съ какимъ вниманіемъ и заботливостью надо отнестись къ этой сторонѣ, оказывающей на него болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ все что вы можете сдѣлать.

(Отдѣлъ XXIV. §§ 147—195).

(Объ ученьи).

147. Вы, можетъ быть, удивитесь, что я откладываю ученье напослѣдокъ, особливо, если я скажу вамъ, что дѣйствительно считаю его послѣднимъ дѣломъ. Это можетъ показаться страннымъ въ устахъ книжнаго человѣка; и такъ какъ оно составляетъ обыкновенно главную, если не единственную цѣль хлопотъ и возни съ дѣтьми и почти одно подразумѣвается, когда заходитъ рѣчь о воспитаніи, то мое заявленіе тѣмъ болѣе можетъ произвести впечатлѣніе парадокса. Когда я думаю о томъ, сколько шуму поднимается изъ за крупицъ латыни и греческаго, сколько лѣтъ затрачивается на ихъ пріобрѣтеніе, и сколько безплодныхъ заботъ и хлопотъ они причиняютъ, мнѣ начинаетъ казаться, будто родители все еще живутъ подъ страхомъ розги, школьнаго учителя, которую считаютъ единственнымъ орудіямъ воспитанія; точно вся его цѣль заключается въ изученіи одного или двухъ языковъ. Иначе, какъ могло-бы статься, что ребенка приковываютъ къ скамьѣ на семь, на восемь или на десять лучшихъ лѣтъ его жизни ради овладѣнія однимъ или двумя языками, хотя онъ могъ бы, по

моему мнѣнію, достигнуть того же результата съ гораздо меньшей затратой труда и времени и изучить ихъ почти шутя.

Простите мнѣ, поэтому, если я не могу спокойно отнестись къ мысли, будто молодого джентльмена слѣдуетъ засунуть въ стадо, и гнать его розгой и хлыстомъ, точно сквозь строй, изъ класса въ классъ ad capiendum ingenii cultum[1]). Какъ же это—скажутъ мнѣ—развѣ по вашему его не нужно учить читать и писать? Неужели онъ долженъ остаться болѣе невѣжественнымъ, чѣмъ нашъ приходскій пономарь, который считаетъ Гопкинга и Стернгольда лучшими поэтами въ мірѣ и еще портитъ ихъ своимъ сквернымъ чтеніемъ? Не торопитесь, не торопитесь, прошу васъ. Читать, писать и учиться,—все это я признаю необходимымъ, но не главнымъ дѣломъ. Я полагаю, что вы сами признали-бы большимъ глупцомъ того, кто не поставитъ добродѣтельнаго и мудраго человѣка безконечно выше, чѣмъ обладателя большихъ знаній. Я не отрицаю, что ученье принесетъ большую пользу хорошо направленнымъ умамъ, но нельзя не сознаться, что другихъ, иначе направленныхъ, оно дѣлаетъ еще болѣе глупыми или еще болѣе плохими людьми. Я утверждаю, что когда вы заботитесь о воспитаніи вашего сына и ищете учителя или воспитателя, вы не должны имѣть въ мысляхъ (какъ это обыкновенно дѣлается) только латынь и логику. Ученье для него необходимо, но оно стоитъ на второмъ планѣ, такъ какъ подчиняется болѣе важнымъ требованіямъ. Найдите кого-нибудь, кто могъ-бы разумно образовать его характеръ; отдайте его, если можете, въ руки того, кто сумѣетъ оберегать его невинность, лелѣять и поощрять добрыя начала, осторожно исправлять и выпалывать дурныя наклонности и насаждать хорошія привычки. Это—главный пунктъ, и разъ онъ обезпеченъ, можно присоединять ученье, и вести его, какъ мнѣ кажется, съ большимъ успѣхомъ при помощи слѣдующихъ методовъ.

(Чтеніе).

148. Когда ребенокъ умѣетъ говорить, пора начать учить его читать. Но по этому поводу позвольте мнѣ еще разъ напомнить здѣсь о томъ, что слишкомъ легко забывается, именно: слѣдуетъ всячески позаботиться, чтобы это обученіе не превращалось для него въ обязательную работу и чтобы онъ не смотрѣлъ на него, какъ на скучную обязанность. Какъ я уже сказалъ, мы, естественно, съ самой колыбели любимъ свободу и оттого питаемъ отвращеніе ко многимъ вещамъ, единственно по той причинѣ, что намъ навязываютъ ихъ принудительно. Мнѣ всегда казалось, что обученіе чтенію можетъ быть сдѣлано игрой и развлеченіемъ для дѣтей; и что имъ можно внушить желаніе учиться, если они будутъ видѣть въ этомъ нѣчто почетное, лестное, удовольствіе, развлеченіе или награду за что-либо; и если

[1]) «Ради пріобрѣтенія ителлектуальной культуры».

ихъ не будутъ бранить или наказывать за небрежность въ ученьи. Меня особенно укрѣпляетъ въ этомъ мнѣніи примѣръ португальцевъ, у которыхъ дѣти обнаруживаютъ такую охоту и рвеніе учиться читать и писать, что имъ невозможно помѣшать въ этомъ: они учатся другъ у друга, и такъ ретиво, словно имъ это запрещено. Я помню, какъ, будучи въ домѣ одного изъ моихъ друзей, младшій сынъ котораго, еще совсѣмъ малолѣтній, неохотно садился за книгу (онъ учился читать дома, у матери), я посовѣтовалъ не требовать отъ него этого, какъ обязанности, а примѣнить другой способъ; и вотъ мы завели между собою, въ его присутствіи, разговоръ о томъ, что быть учеными — привилегія и преимущество наслѣдниковъ и старшихъ братьевъ; что это дѣлаетъ ихъ истинными джентльменами, пользующимися общею любовью; тогда какъ младшіе братья должны считать милостью [1]), если ихъ просто воспитываютъ; обученіе чтенію и письму больше того, что приходится на ихъ долю; они могутъ, если имъ угодно, оставаться невѣждами и олухами. Это такъ подѣйствовало на ребенка, что онъ пожелалъ учиться; самъ сталъ приходить къ матери читать, и не отставалъ отъ няньки, пока она не выслушаетъ его урокъ. Я не сомнѣваюсь, что подобными же способами можно воздѣйствовать и на другихъ дѣтей; и, изучивъ ихъ характеръ, внушать имъ мысли, способныя возбудить у нихъ охоту къ ученію и заставить ихъ добиваться его, какъ своего рода забавы или развлеченія. Но при этомъ, какъ я уже сказалъ, никогда не слѣдуетъ вмѣнять имъ ученье въ обязанность или дѣлать его предметомъ докуки. Чтобы играючи научить дѣтей азбукѣ, можно употреблять кости и игрушки [2]) съ наклееными на нихъ буквами; можно придумать и множество другихъ способовъ, соотвѣтствующихъ спеціальнымъ характерамъ дѣтей, чтобы сдѣлать это обученіе забавой для нихъ.

149. Такъ, обманывая дѣтей, можно ознакомить ихъ съ буквами, можно выучить ихъ читать, причемъ они все время будутъ видѣть въ этомъ только забаву и усвоятъ, играя, то, что другихъ заставляютъ усвоять розгой. На дѣтей [3]) не слѣдуетъ возлагать никакой работы, никакого серьезнаго дѣла: ни ихъ души, ни ихъ тѣла не вы-

---

[1]) Каждый ребенокъ вправѣ требовать воспитанія отъ своихъ родителей,—и это право нельзя представлять какъ «милость», зависящую отъ соціальнаго обычая или родительскаго каприза. Да и внушать дѣтямъ, что они могутъ, если угодно, оставаться «невѣждами и олухами»—совершенно противорѣчитъ принципу воспитанія. Хитрости, вродѣ предлагаемой Локкомъ, устраняя одно зло, создаютъ другое, худшее. Д.

[2]) «Квинтиліанъ упоминаетъ о костяныхъ буквахъ для обученія чтенію: «Non excludo eburneas litterarum formas in lusum offerre». Онъ рекомендуетъ также въ качествѣ превосходнаго способа обученія письму употребленіе деревянныхъ табличекъ съ вырѣзанными на нихъ буквами, такъ что ребенокъ не рискуетъ ошибаться въ ихъ очертаніяхъ. Это было усовершенствованіемъ метода, примѣнявшагося въ Греціи. Въ Аѳинахъ учителя намѣчали буквы иглою на восковыхъ табличкахъ, а ученикъ въ свою очередь обводилъ ихъ иглою-же». (Compayré, i. 32, примѣчаніе).

[3]) Локкъ подразумѣваетъ самыхъ маленькихъ дѣтей. Д.

несутъ этого. Это вредитъ ихъ здоровью; и я не сомнѣваюсь, что принудительное сидѣнье надъ книгами въ возрастѣ, который не терпитъ подобнаго принужденія, было причиной того, что столько людей всю жизнь ненавидѣли книги и ученье. Это подобно пресыщенію, которое оставляетъ за собой непреодолимое отвращеніе.

150. Итакъ, я думаю, что если приспособить для этой цѣли игрушки, которыя обыкновенно не служатъ ни для какой цѣли, то можно ухитриться выучить дѣтей читать, причемъ ученье все время будетъ казаться имъ игрой. Напримѣръ, можно сдѣлать шаръ изъ слоновой кости, вродѣ тѣхъ, которые употребляются въ лотереѣ Королевскаго Дуба [1]), съ тридцатью двумя гранями, или лучше съ двадцатью четырьмя или съ двадцатью пятью; и на однихъ граняхъ приклеить букву А, на другихъ В, на третьихъ С, на четвертыхъ Д. Я бы ограничился для начала этими четырьмя буквами или, быть можетъ, даже двумя; съ тѣмъ, чтобы когда ребенокъ совершенно освоится съ ними, прибавлять постепенно другія, пока на шарѣ не окажется весь алфавитъ. Пусть этимъ шаромъ играютъ въ его присутствіи взрослые, причемъ выигрываетъ ставку тотъ, кто первый выкинетъ А или В, какъ при игрѣ въ кости выигрываетъ тотъ, кто выкинетъ шесть или семь. Такъ какъ эта игра ведется между вами, то не приглашайте ребенка принять въ ней участіе, чтобы онъ не счелъ ее обязательной для себя, пусть онъ воображаетъ, что это только игра старшихъ и въ такомъ случаѣ я не сомнѣваюсь, что ему захочется поиграть въ нее самому. А чтобы дать ему лишній поводъ считать это занятіе игрой, въ которую его принимаютъ только изъ расположенія къ нему, прячьте шаръ всякій разъ по окончаніи игры въ недоступное для него мѣсто, такъ какъ игра можетъ надоѣсть ему, если онъ будетъ имѣть возможность заниматься ею, когда угодно.

151. Чтобы поддержать его рвеніе, внушите ему мысль, что эта игра составляетъ привилегію взрослыхъ; когда же онъ освоится съ буквами, можно будетъ составлять изъ нихъ слога, и такимъ образомъ онъ выучится читать, самъ не зная какъ, никогда не подвергаясь брани или непріятностямъ и не пріобрѣтая отвращенія къ книгамъ изъ-за докуки и мученій, какія онѣ причиняли ему. Наблюдая дѣтей, вы можете убѣдиться, что они принимаютъ на себя огромный трудъ съ цѣлью выучиться различнымъ играмъ, которыя, будь онѣ обязательны для нихъ, внушали бы имъ отвращеніе, какъ скучная и тяжелая работа. Я знаю однаго очень знатнаго человѣка (еще болѣе заслуживающаго почтенія за свою ученость и добродѣтели, чѣмъ за свой санъ и высокое положеніе), который наклеилъ шесть гласныхъ буквъ на шести сторонахъ одной кости, а восемнадцать согласныхъ на сто-

---

[1]) Одна изъ многочисленныхъ лотерей, разрѣшенныхъ Карломъ II. Названа такъ по имени знаменитаго Роскобельскаго дуба, въ дуплѣ котораго онъ скрывался во время бѣгства. Порожденныя ею бѣдствія описаны въ замѣчательной брошюрѣ, озаглавленной: «The Arraignment, Trial, and Condemnation of Squire Lottery, alias Royal Oak Lottery, London 1699». (См. Hone, Every—day Book, ii. 712.). Д.

ронахъ трехъ другихъ костей, и устроилъ изъ этого игру для своихъ дѣтей, причемъ выигрывалъ тотъ, кто выбрасывалъ заразъ наибольшее число словъ этими четырьмя костями; такимъ способомъ его старшій сынъ, еще ходившій въ платьицѣ, играя, выучилъ склады, занимаясь съ величайшимъ рвеніемъ, безъ всякаго принужденія и ни разу не получивъ выговора.

152. Я видѣлъ, какъ маленькія дѣвочки по цѣлымъ часамъ, не жалѣя трудовъ, упражняются въ камешки (Dibstones) [1]); глядя на нихъ, я думалъ, что не достаетъ только какого-нибудь удачнаго ухищренія, которое могло бы направить это усердіе на что-нибудь болѣе полезное для нихъ; и мнѣ кажется, винить въ этомъ можно только небрежность взрослыхъ. Дѣти гораздо менѣе склонны лѣниться, чѣмъ взрослые; и взрослымъ надо поставить въ укоръ, что часть ихъ дѣятельнаго настроенія не обращается на полезныя вещи, которыя могли бы увлекать ихъ не меньше, чѣмъ ихъ обычныя занятія, если-бъ взрослые указывали путь вполовину такъ же охотно, какъ эти обезьянки готовы слѣдовать. Я представляю себѣ, что какіе-нибудь разумные португальцы ввели этимъ способомъ въ своей странѣ дѣтскую моду, о которой я упоминалъ, именно—неудержимую охоту учиться читать и писать; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи они съ колыбели учатъ другъ друга пѣть и танцовать.

153. Буквы, наклеиваемыя на сторонахъ кости или многогранника, всего лучше брать такого же размѣра, какъ въ Библіи in folio, и сначала маленькія, а не прописныя; научившись читать напечатанное такими буквами, они не замедлятъ ознакомиться и съ большими; но вначалѣ не слѣдуетъ сбивать ихъ съ толку разнообразіемъ. Съ такими костями вы можете устроить игру, вродѣ Королевскаго Дуба, на вишни или яблоки и т. п., что внесетъ разнообразіе въ занятія.

154. Кромѣ этихъ, можно изобрѣсти множество другихъ игръ, въ связи съ обученіемъ азбукѣ, и тѣ, кто одобряетъ этотъ способъ, не затруднятся придумать ихъ и пустить въ ходъ. Но четыре кости, о которыхъ я упоминалъ выше, кажутся мнѣ такими простыми и полезными, что трудно придумать что-нибудь лучше, да и врядъ ли въ этомъ есть надобность.

155. Такъ надо обучать чтенію, никогда не принуждая и не браня ребенка; учите его обманомъ, если можете, но не превращайте ученья въ обязательную работу. Лучше ему годомъ позднѣе научиться читать, чѣмъ пріобрѣсти отвращеніе къ ученью. Если вамъ приходится ссориться съ нимъ, то пусть это будетъ по поводу важныхъ

---

[1]) Первоначально для этой игры употреблялись таранныя кости («бабки», ἀστράγαλοι, tali) извѣстныхъ животныхъ, позднѣе замѣненныя камешками. Въ переводѣ Коста это мѣсто читается такъ: „Я видѣлъ, какъ маленькія дѣвочки, по цѣлымъ часамъ, не жалѣя трудовъ, упражнялись въ игрѣ, въ которой нужно подхватить съ земли камешекъ достаточно быстро, чтобы успѣть поймать на лету другой, брошенный тѣмъ временемъ вверхъ". Это точное описаніе дѣтской игры, извѣстной въ Западной Англіи подъ названіемъ: „Jack-stones". Д.

вещей, правды и добронравія; но не вмѣняйте ему въ обязанность азбуку. Прилагайте свое искусство къ тому, чтобы сдѣлать его волю уступчивой и податливой разуму; учите его любить хорошую репутацію и одобреніе; бояться дурного или низкаго мнѣнія о немъ, особливо вашего и его матери, и если это удастся, то все остальное будетъ достигнуто безъ труда. Но если вы хотите добиться этого, то, по моему мнѣнію, вамъ не слѣдуетъ стѣснять и связывать его правилами въ безразличныхъ вещахъ или журить за маловажныя вины, хотя бы даже онѣ казались другимъ важными; впрочемъ, объ этомъ я уже достаточно говорилъ.

156. Когда при помощи этихъ мягкихъ средствъ ребенокъ научится читать, нужно дать ему какую нибудь доступную забавную книгу, соотвѣтствующую его пониманію, содержаніе которой могло бы увлечь его и вознаградить за трудъ чтенія, но во всякомъ случаѣ не такую, которая наполняла бы его голову совершенно безполезнымъ хламомъ или внушала ему начала порока и безумія. Для этой цѣли, мнѣ кажется, наиболѣе подходятъ басни Эзопа, такъ какъ эти исторійки могутъ позабавить и заинтересовать ребенка, а взрослаго наводить на полезныя размышленія, и если его память удержитъ ихъ на всю жизнь, то онъ не будетъ раскаиваться впослѣдствіи оттого, что они окажутся на лицо, рядомъ съ его серьезными мыслями и дѣловыми заботами. Если въ книгѣ будутъ картинки, то она еще болѣе заинтересуетъ ребенка и поощритъ его къ чтенію, расширяя въ то же время его познанія, такъ какъ совершенно безполезно говорить дѣтямъ о такихъ предметахъ, о которыхъ они не имѣютъ представленія; это представленіе не можетъ быть дано звуками, а только самими предметами или ихъ изображеніями. Я думаю, поэтому, что какъ только онъ начнетъ читать по складамъ, ему нужно давать какъ можно больше картинокъ, изображающихъ животныхъ, съ напечатанными на нихъ названіями; это съ одной стороны побудитъ его читать, съ другой вызоветъ вопросы и обогатитъ его знаніями. «Рейнардъ Лисъ» [1]— другая книга, которой, какъ мнѣ кажется, можно пользоваться для той же цѣли. И если окружающіе ребенка будутъ часто говорить съ нимъ о прочитанныхъ исторіяхъ и выслушивать его пересказы, это, независимо отъ другихъ выгодныхъ сторонъ, еще болѣе поощритъ и пріохотитъ его къ чтенію, такъ какъ онъ будетъ видѣть, что есть люди, которые находятъ въ этомъ пользу и удовольствіе. Эти приманки, повидимому, совершенно игнорируются обычнымъ методомъ; и

[1]) Reynard the Fox (нѣмецк.: Reyneke Fuchs, Рейнеке Лисъ) знаменитый германскій „животный эпосъ“, сатира на общественныя отношенія Германіи въ феодальныя времена. Рейнеке Лисъ—церковь, старающаяся взять верхъ надъ своимъ дядей Изенгриномъ, волкомъ, олицетворяющимъ феодальныхъ бароновъ. Риѳмованное переложеніе этой исторіи опубликовано въ Германіи Генрихомъ Алькмааромъ въ 1498. Какстонъ еще раньше издалъ англійскій переводъ этой исторіи въ 1481. Во Франціи „она пріобрѣла такую популярность“, говоритъ Галламъ, „что самое названіе главнаго животнаго, называвшагося до 14 столѣтія goupil (vulpes), замѣнилось именемъ героя поэмы, Renard“. (i. 137). Д.

обыкновенно проходитъ много времени, прежде чѣмъ учащіеся найдутъ въ чтеніи какую нибудь пользу или удовольствіе, которыя могли бы поощрить ихъ; отъ этого они пріучаются смотрѣть на книги, какъ на модное развлеченіе или несносную докуку, ни на что не годную.

157. Молитву Господню, символъ вѣры и десять заповѣдей ребенокъ долженъ выучить наизусть; но, какъ мнѣ кажется, не по молитвеннику, а со словъ кого нибудь другого, еще раньше, чѣмъ научится читать. Но заучиваніе наизусть и обученіе чтенію не слѣдуетъ, по моему мнѣнію, смѣшивать, чтобы они не мѣшали другъ другу. Обученіе чтенію нужно сдѣлать, елико возможно, легкимъ и необязательнымъ.

Не знаю, какія еще книги на англійскомъ языкѣ, кромѣ поименованныхъ, способны заинтересовать ребенка и пріохотить его къ чтенію; но я склоненъ думать, что въ виду преобладанія въ воспитаніи дѣтей школьныхъ методовъ, дѣйствующихъ страхомъ розги, а не пріохочиваніемъ къ ученію, этого рода полезныя книги, затерявшіяся среди множества глупыхъ всякаго рода, остаются еще въ пренебреженіи, такъ какъ обычное преподаваніе считаетъ излишнимъ что либо, кромѣ Horn-book [1]), молитвенника, псалтыри и Библіи.

158. Что касается Библіи, которой обыкновенно пользуются для упражненія и усовершенствованія дѣтей въ искусствѣ чтенія, то, по моему мнѣнію, чтеніе этой книги подрядъ, глава за главой, до такой степени безполезно для дѣтей, какъ въ смыслѣ усовершенствованія въ чтеніи, такъ и въ смыслѣ ознакомленія съ религіей, что хуже этого, пожалуй, ничего и придумать нельзя. Какое удовольствіе или поощреніе можетъ извлечь ребенокъ изъ чтенія такихъ частей книги, въ которыхъ онъ ничего не понимаетъ? Какъ мало соотвѣтствуютъ способностямъ ребенка законы Моисея, Пѣснь Пѣсней, пророчества Ветхаго, посланія и апокалипсисъ Новаго Завѣта! И хотя разсказы евангелистовъ и Дѣянія нѣсколько доступнѣе, но въ цѣломъ они также совершенно не соотвѣтствуютъ дѣтскому пониманію. Я согласенъ, что принципы религіи надо извлекать отсюда и выражать ихъ въ словахъ Писанія; но все нужно предлагать ребенку въ такой формѣ, которая доступна его способностямъ и познаніямъ. Но ничего общаго съ этимъ не имѣетъ чтеніе Библіи подрядъ ради обученія чтенію. И какая странная путаница мыслей относительно религіи должна получиться въ головѣ ребенка—если только это чтеніе возбудитъ въ немъ какія-нибудь мысли—разъ онъ читаетъ въ раннемъ возрастѣ всю Библію подрядъ, какъ слово Божіе, не дѣлая никакихъ различій. Я склоненъ думать, что это и было причиною того, что нѣкоторые люди всю жизнь не могли придти къ яснымъ и опредѣленнымъ идеямъ относительно религіи.

159. Разъ уже я коснулся этого предмета, позвольте мнѣ ска-

---

[1]) Такъ назывался листокъ съ напечатанной на немъ азбукой и молитвой Господней, помѣщавшійся въ рамкѣ, подъ тонкой роговой пластинкой. Д.

зать, что въ Писаніи найдутся мѣста, которыя можно давать ребенку для пріохочиванія къ чтенію: таковы исторія Іосифа и его братьевъ, Давида и Галіафа, Давида и Іонафана и проч.; и другія, которыя онъ можетъ читать для своего поученія, напр., «какъ вы хотите, чтобы съ вами поступали другіе, такъ поступайте и вы съ ними», и тому подобныя простыя и доступныя моральныя правила, которыми, при тщательномъ выборѣ, можно часто пользоваться какъ для чтенія, такъ и для наставленія; пусть онъ перечитываетъ ихъ, пока они не запечатлѣются въ его памяти; позднѣе же, когда онъ созрѣетъ для ихъ пониманія, можно будетъ, при удобномъ случаѣ, напомнить о нихъ, какъ о незыблемыхъ и священныхъ правилахъ жизни и поведенія. Но чтеніе Библіи подрядъ, безъ разбора, я считаю совершенно не подходящимъ для дѣтей, пока они не ознакомятся съ наиболѣе ясными основными частями ея и не пріобрѣтутъ общаго представленія о томъ, чему, главнымъ образомъ, они должны вѣрить и слѣдовать; это представленіе, по моему мнѣнію, должно излагаться въ подлинныхъ словахъ Писанія, а не въ тѣхъ, къ употребленію и навязыванію которыхъ обнаруживаютъ склонность люди, увлекающіеся системами и аналогіями. Во избѣжаніе этого докторъ Уортингтонъ составилъ катехизисъ, въ которомъ всѣ отвѣты даны въ точныхъ словахъ Писанія [1]); примѣръ, достойный подражанія, и настолько здравая форма изложенія, что никакой христіанинъ не можетъ отвергнуть ее, какъ непригодную для его сына. Послѣ того, какъ онъ выучитъ наизусть молитву Господню, символъ вѣры и десять заповѣдей, онъ можетъ съ пользою заучивать изъ подобнаго катехизиса по вопросу въ день или въ недѣлю, соотвѣтственно своимъ способностямъ и памяти. Когда же онъ выучитъ и катехизисъ такъ твердо, что будетъ отвѣчать быстро и безъ запинки на всякій вопросъ, умѣстно внѣдрить въ его душу остальныя моральныя правила, разсѣянныя въ Библіи; это послужитъ наилучшимъ упражненіемъ его памяти и дастъ ему указанія, которыми онъ можетъ руководиться во всѣхъ дѣлахъ своей жизни.

(Письмо).

160. Когда онъ научится хорошо читать по-англійски, пора начать учить его письму [2]); для этого прежде всего надо научить пра-

---

[1]) Костъ очень разумно указываетъ, что теологъ можетъ легко составить такой катехизисъ и ввести въ него всѣ догматы своей секты, хотя бы по существу они не опирались на подлинныя мѣста Писанія. „Безплодно" говоритъ онъ, „извлекать отвѣты изъ Писанія; вопросы, на которые они служатъ отвѣтами, всегда опредѣляютъ смыслъ Писанія, согласно намѣренію того, кто предлагаетъ вопросъ, особливо, если онъ не стѣсняется помѣщать въ отвѣтѣ лишь столько словъ Писанія, сколько находитъ удобнымъ для себя". Д.

[2]) Нѣтъ основанія откладывать письмо до тѣхъ поръ, пока ребенокъ научится читать. Дѣти должны учиться чтенію и письму одновременно. Первое можетъ оказать существенную помощь второму. Такова практика нѣмецкихъ школъ. *Д.*

вильно держать перо; и онъ долженъ овладѣть этой стороной дѣла раньше, чѣмъ прикасается къ бумагѣ; такъ какъ не только дѣти, но и всякій, кто хочетъ научиться дѣлать что-нибудь хорошо, никогда не долженъ стремиться разомъ сдѣлать много или овладѣть двумя дѣйствіями заразъ, если ихъ возможно раздѣлить. Я считаю итальянскій способъ держать перо только большимъ и указательнымъ пальцами наилучшимъ, но въ этомъ случаѣ вы можете посовѣтоваться съ какимъ-нибудь хорошимъ учителемъ чистописанія или другимъ лицомъ, умѣющимъ писать четко и быстро. Когда онъ научится правильно держать перо, покажите ему, какъ онъ долженъ класть передъ собою бумагу и какое положеніе придавать своей рукѣ и тѣлу. Когда онъ овладѣетъ этими пріемами, нотрудно будетъ научить его писать при помощи доски съ вырѣзанными на ней буквами такой формы, какую вы находите лучшей; надо только помнить, что онѣ должны быть нѣсколько крупнѣе того почерка, который долженъ сдѣлаться для него обычнымъ; такъ какъ нашъ почеркъ постепенно становится мельче того, какимъ онъ былъ вначалѣ ученія, но никогда крупнѣе. Прикажите отпечатать нѣсколько оттисковъ съ этой пластинки красными чернилами на хорошей писчей бумагѣ; эти красныя буквы ребенокъ долженъ обводить хорошимъ перомъ, обмокнутымъ въ черныя чернила, причемъ вы покажете ему, откуда слѣдуетъ начинать и какъ писать каждую букву; такимъ образомъ онъ скоро освоится съ ихъ формами. Достигнувъ этого, онъ можетъ перейти къ упражненіямъ на бѣлой бумагѣ, и безъ труда научиться писать такимъ почеркомъ, какой вамъ желателенъ.

(Рисованіе).

161. Когда онъ научился писать четко и бѣгло, я считаю своевременнымъ не только продолжать упражненія въ письмѣ, но и присоединить къ нимъ рисованіе [1];—вещь, очень полезную для джентльмена во многихъ случаяхъ; особливо же въ путешествіи, такъ какъ она часто позволяетъ человѣку выразить немногими, удачно наброшенными штрихами, чего не передастъ и не сдѣлаетъ понятнымъ цѣлая страница исписанной бумаги. Сколько зданій можетъ увидѣть человѣкъ, сколько машинъ и костюмовъ, идею которыхъ нетрудно воспроизвести и сообщить при небольшомъ умѣньи рисовать; тогда какъ при описаніи на словахъ, хотя бы самомъ точномъ, мы всегда рискуемъ утратить представленіе о нихъ или сохранить лишь иска-

---

[1] Относительно рисованія можно сдѣлать то же замѣчаніе, что относительно письма. Нѣтъ причины откладывать его такъ долго, какъ совѣтуетъ Локкъ. Это упражненіе нравится дѣтямъ, пріучаетъ ихъ владѣть пальцами и внимательно наблюдать, и воспитываетъ эстетическія способности. Не требуется геніальности для элементарнаго рисованія. Каждый ребенокъ можетъ овладѣть имъ, насколько это необходимо для цѣлей Локка. *Д.*

женное. Я не хочу сказать, что желалъ бы сдѣлать вашего сына настоящимъ живописцемъ; для этого потребовалось бы больше времени, чѣмъ его останется у молодого джентльмена отъ другихъ, болѣе полезныхъ, занятій. Но ознакомиться съ перспективой и искусствомъ рисованія настолько, чтобы сносно воспроизводить на бумагѣ все, что увидишь, кромѣ лицъ, можно, думается мнѣ, въ короткое время, особливо если онъ обладаетъ способностями къ этому; но все, къ чему у него нѣтъ способностей—за исключеніемъ абсолютно необходимыхъ вещей—лучше оставить въ сторонѣ, чѣмъ допекать его безцѣльно; какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ, не безусловно необходимыхъ предметахъ должно господствовать правило: Nil invita Minerva[1]).

(Скоропись).

Скоропись, искусство, извѣстное, насколько я знаю, только въ Англіи[2]), быть можетъ заслуживаетъ изученія въ видахъ какъ болѣе быстраго записыванія того, что вы желаете сохранить для собственной памяти, такъ и для скрыванія записаннаго отъ постороннихъ глазъ. Кто овладѣлъ какой-либо азбукой, тому уже не трудно измѣнять ее для своего личнаго употребленія или по своей фантазіи и

---

[1]) „Ничего безъ внушенія Минервы", т. е. не предпринимай ничего такого, къ чему не призванъ богиней мудрости (не имѣешь природныхъ способностей).

[2]) Это ошибка. Скоропись была извѣстна уже грекамъ и римлянамъ. Изобрѣтеніе стенографіи у грековъ приписывается историку Ксенофонту; но говорятъ, что этотъ способъ былъ впервые примѣненъ Пифагоромъ и что поэтъ Энній первый выработалъ систему сокращеннаго письма, которое позволяло записывающему поспѣвать за ораторомъ. Говорятъ—хотя это не подтверждается никакими достовѣрными свидѣтельствами—будто онъ началъ съ примѣненія тысячи знаковъ собственнаго изобрѣтенія и увеличивалъ ихъ число по мѣрѣ надобности. Есть также авторы, которые приписываютъ изобрѣтеніе этого искусства Цицерону; онъ несомнѣнно примѣнялъ его ради быстроты и секретности. Онъ напоминаетъ своему другу Аттику, что писалъ знаками (διὰ σημείων). Цицеронъ обучилъ этому искусству Тиро, своего вольноотпущенника, который внесъ въ него значительныя улучшенія, и, какъ говорятъ, первый примѣнилъ его для записыванія публичныхъ рѣчей. Евсевій приписываетъ это изобрѣтеніе Тиро. Рѣчь Катона, относящаяся къ заговору Катилины, была сохранена благодаря стенографіи. Плутархъ сообщаетъ намъ въ своей жизни Катона, что по случаю этой рѣчи „Цицеронъ посадилъ въ сенатѣ нѣсколько писцовъ, которыхъ научилъ писать знаками и которые посредствомъ черточекъ, замѣнявшихъ цѣлыя слова, записали все, что онъ говорилъ". (Penny Cyclopaedia). Выше цитированное выраженіе изъ письма Цицерона можетъ относиться къ шифрованному письму. Первый англійскій учебникъ стенографіи, опубликованный въ 1588, былъ составленъ д-ромъ Тимофѣемъ Брайтомъ, методъ котораго заключался въ употребленіи произвольнаго знака для каждаго слова. Только къ 1602 была выработана полная стенографическая азбука и опубликована въ этомъ году Джономъ Уиллисомъ въ книгѣ, озаглавленной The Art of Stenographie or Short Writing by Spelling Characterie. Его азбука отличалась трудностью и сложностью, и была быстро усовершенствована другими. *Д.*

вносить въ нее сокращенія, соотвѣтствующія его надобностямъ. Система мистера Рича [1]),—наилучшая изъ извѣстныхъ мнѣ,—какъ мнѣ кажется, можетъ быть значительно сокращена и упрощена тѣмъ, кто хорошо знаетъ и принимаетъ въ соображеніе грамматику. Но для обученія этому способу сокращеннаго письма незачѣмъ торопиться съ поисками учителя; приняться за него можно, когда представится удобный случай, и во всякомъ случаѣ послѣ того, какъ онъ научится писать быстро и четко. Дѣтямъ рѣдко можетъ представиться надобность въ скорописи и имъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ приниматься за нее раньше, чѣмъ они вполнѣ овладѣютъ письмомъ.

(Французскій языкъ).

162. Какъ только онъ научился говорить по англійски, пора ему начать учиться какому-нибудь другому языку. Никто не сомнѣвается въ томъ, что этимъ языкомъ долженъ быть французскій. Причина та, что всѣ привыкли къ правильному способу обученія этого языка, который дѣти усвоиваютъ изъ постоянныхъ разговоровъ, а не посредствомъ изученія грамматическихъ правилъ. Латинскому языку можно обучать тѣмъ-же способомъ [2]), если воспитатель, будучи по-

---

[1]) Эта система опубликована 1654. Д.

[2]) Синтетическій языкъ вродѣ латинскаго врядъ-ли можно ставить на одну доску съ аналитическимъ вродѣ французскаго; притомъ методъ, подходящій для одной стадіи воспитанія, можетъ оказаться не подходящимъ для другой. Мы учимся родному языку въ разговорахъ, въ первые годы нашей жизни, но въ это время намъ приходится учиться лишь немногому; наши умственныя усилія ограничиваются почти исключительно запоминаніемъ названій и свойствъ вещей, выраженіемъ нашихъ простыхъ потребностей и индуктивнымъ уразумѣніемъ смысла того, что говорится окружающими. Такимъ образомъ, стимулъ къ изученію родного языка очень силенъ, а условія этого изученія, несмотря на незрѣлый возрастъ, болѣе благопріятны, чѣмъ условія изученія другого языка въ болѣе поздній періодъ жизни. Другіе языки будутъ изучаться съ быстротою, пропорціональною степени, въ какой мы обезпечиваемъ условія, аналогичныя тѣмъ, при которыхъ изучается родной языкъ. Осуществить вполнѣ тождественныя условія невозможно. Мы не нуждаемся въ новомъ языкѣ, какъ въ орудіи мысли; мы можемъ думать и говорить на родномъ языкѣ. Мы не въ состояніи, если только не живемъ среди лицъ, говорящихъ исключительно на томъ языкѣ, который намъ желательно изучить, осуществить ту постоянную практику уха и языка, благодаря которой ребенокъ дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи. Въ отношеніи современнаго языка это еще возможно, но очень немногіе родители могутъ подражать отцу Монтэня, который окружилъ своего ребенка воспитателями и слугами, говорившими исключительно по латыни, и самъ довольно бѣгло объяснялся на этомъ языкѣ. Умѣнье говорить по латыни раньше было въ ходу у ученыхъ и представлялось необходимымъ, когда студенты переходили изъ университета въ университетъ, и почти все профессіональное обученіе происходило на латинскомъ языкѣ. Colloquia Эразма были написаны съ цѣлью содѣйствовать этому умѣнью, и до сихъ поръ могутъ съ пользою употребляться учителемъ. Существуютъ и современныя руководства различныхъ системъ, но никакая система не можетъ обезпечить для мертваго языка того постояннаго внушенія и практики, въ которыхъ заключается секретъ быстраго овладѣнія роднымъ языкомъ. Д.

стоянно со своимъ питомцемъ, говоритъ съ нимъ только на этомъ языкѣ [1]) и требуетъ, чтобы онъ отвѣчалъ на немъ же. Но такъ какъ французскій языкъ—живой, и служитъ болѣе для разговора, то ему нужно учиться раньше, чтобы пріучить къ его звукамъ еще гибкіе органы рѣчи и выработать привычку правильно произносить по французски, которая дается тѣмъ труднѣе, чѣмъ позднѣе начинать.

(Латинскій языкъ).

163. Научившись бѣгло говорить и читать по французски, для чего требуется обыкновенно годъ или два, ребенокъ долженъ приняться за латынь, которую родители, несмотря на успѣшный опытъ съ французскимъ языкомъ, къ удивленію, не считаютъ нужнымъ преподавать тѣмъ же способомъ, посредствомъ разговора и чтенія. Нужно только позаботиться, чтобы, обучаясь этимъ иностраннымъ языкамъ, причемъ онъ не будетъ пользоваться никакими другими при чтеніи и разговорахъ съ воспитателемъ, мальчикъ не разучился читать по англійски; для предотвращенія этого матери или какому-нибудь другому лицу слѣдуетъ заставлять его ежедневно читать вслухъ Библію или другую англійскую книгу.

---

[1]) «Монтэнь, который учился латинскому языку по способу, рекомендуемому Локкомъ, сообщаетъ въ живомъ разсказѣ исторію своего ознакомленія съ этимъ языкомъ. «Латынь и греческій,» говоритъ онъ, «пышное украшеніе, покупаемое, однако, въ большинствѣ случаевъ черезчуръ дорогой цѣной. Я опишу здѣсь методъ, при помощи котораго ихъ можно пріобрѣсть дешевле, и сообщу объ опытѣ, который былъ произведенъ надо мною самимъ и можетъ быть повторенъ всякимъ, кому вздумается. Опытъ заключался въ слѣдующемъ: когда я былъ еще груднымъ младенцемъ и не умѣлъ говорить, мой отецъ поручилъ меня попеченіямъ одного нѣмца, ученаго врача, глубокаго знатока латыни, знакомаго и съ французскимъ языкомъ и достигшаго впослѣдствіи большой извѣстности. Этотъ человѣкъ, получавшій очень значительное жалованье, постоянно держалъ меня на рукахъ. У него были двое помощниковъ, не такіе ученые но говорившіе по латыни, и не употреблявшіе въ моемъ присутствіи иного языка. Что касается остальной семьи, то было постановлено въ качествѣ ненарушимаго правила, что ни отецъ, ни мать, ни слуга, ни ухаживавшая за мной дѣвушка (Chambrière) не должны обращаться ко мнѣ иначе, какъ на латинскомъ языкѣ, для чего они выучили нѣсколько латинскихъ выраженій. Успѣхи ихъ въ этомъ направленіи были замѣчательны: отецъ и мать освоились съ латинскимъ языкомъ настолько, что могли говорить на немъ довольно бѣгло, равно какъ и всѣ слуги, непосредственно имѣвшіе дѣло со мной. Мы такъ увлекались латынью, что употребленіе этого языка мало по малу распространилось по сосѣднимъ деревнямъ, гдѣ укоренились и сохранились до сихъ поръ римскія названія различныхъ орудій. Что до меня, то до шестилѣтняго возраста я такъ же мало понималъ французскій языкъ или перигорское нарѣчіе, какъ арабскій; и такимъ образомъ, безъ всякаго метода, безъ учебника, безъ грамматики или правилъ, безъ розогъ и слезъ, научился латинскому языку, насколько мои наставники могли научить меня». (Essais, l. i. ch. 25). Ст. Дж.

164. Латынь я считаю безусловно необходимой для джентльмена[1]), и дѣйствительно обычай, который преобладаетъ надъ всѣмъ, сдѣлалъ ее такой существенной частью воспитанія, что даже въ тѣхъ дѣтей, которымъ по выходѣ изъ школы никогда въ жизни не придется имѣть съ ней дѣла, вколачиваютъ латынь, заставляя ихъ понапрасну тратить

---

[1]) Де Квинси говоритъ: «Два обстоятельства, одно въ историческомъ положеніи латинскаго языка, а другое въ его внутреннемъ характерѣ, соединились, чтобы доставить ему такое высокое мѣсто въ нашемъ уваженіи, какого ни одинъ языкъ (даже греческій) никогда не занималъ и по существу дѣла не можетъ занимать. Эти обстоятельства слѣдующія:—латинскій языкъ имѣетъ міровое значеніе; онъ принадлежитъ не той или другой странѣ, но всѣмъ странамъ, гдѣ человѣческій интеллектъ отвоевалъ свои права и свое развитіе. Это единственный lingua franca; то есть, въ католическомъ смыслѣ, онъ таковъ для всей гуманизированной земли и для всей человѣческой семьи. Мы называемъ его мертвымъ языкомъ. Но развѣ это вѣрно? Онъ не умеръ, какъ умеръ греческій, какъ умеръ еврейскій, какъ умеръ санскритъ—которыми ни одинъ человѣкъ не пользуется, въ ихъ древней формѣ, въ своихъ сношеніяхъ съ другими людьми. Онъ до сихъ поръ остается общимъ діалектомъ, который связываетъ воедино великую imperium in imperiis—республику наукъ. Чтобы выразить понятно отношеніе этого великолѣпнаго языка къ человѣку и его интересамъ, я сказалъ-бы, что онъ имѣетъ такое же широкое и безразличное отношеніе къ нашей планетѣ, какъ луна среди небесныхъ тѣлъ. Ея свѣтъ и средства сообщенія, которыя она распространяетъ своимъ вліяніемъ на приливы, принадлежатъ одинаково всѣмъ націямъ. Если-бы великая азіатская семья народовъ, отъ Тегерана или, скажемъ, отъ Константинополя и Каира (городовъ, въ сущности азіатскихъ) до Пекина и отдаленнѣйшихъ островокъ той части Азіи, обладала общимъ языкомъ, при помощи котораго ихъ философы и государственные люди могли бы вступать въ сношенія другъ съ другомъ на всемъ обширномъ протяженіи Азіи,—какое внушительное впечатлѣніе произвелъ бы на насъ этотъ фактъ! Но мы, члены христіанскаго міра, обладаемъ этой возвышенной масонской связью братства, въ самомъ абсолютномъ смыслѣ. Но очевидно, что мы постепенно поглотили весь міръ въ процессѣ цивилизаціи. Такимъ образомъ латинскій языкъ служитъ и будетъ служить въ еще болѣе совершенной степени связью между самыми отдаленными мѣстами. Время такъ-же связывается этимъ замѣчательнымъ языкомъ, какъ пространство; и періоды въ исторіи человѣка, слишкомъ отдаленные одинъ отъ другого (какъ можно себѣ представить), чтобы имѣть что либо общее, связуются и будутъ связываться такими искуственными (и, вообще говоря, такими непостоянными) узами, какъ языкъ. Это положеніе латинскаго языка по отношенію къ исторіи человѣка уже само по себѣ сообщаетъ ему исключительный интересъ въ нашихъ глазахъ. Но далѣе, что касается его внутренней цѣнности, особенностей его структуры и удивительной силы, вытекающей изъ этой структуры, то эту тему я могу оставить безъ обсужденія. Скажу только, что для цѣлей утонченной реторики, онъ положительно не имѣетъ соперниковъ; изысканно искуственная форма его построенія даетъ ему это преимущество. Что-же касается до предполагаемой бѣдности словами, то я позволю себѣ сослаться на мнѣніе Цицерона, который въ трехъ различныхъ мѣстахъ своихъ произведеній утверждаетъ, что обиліе словъ составляетъ преимущество латинскаго языка передъ греческимъ». Сомнительно, придавалъ-ли бы Локкъ такое значеніе латинскому языку, если бы жилъ теперь. Съ тѣхъ поръ какъ онъ писалъ, выросли двѣ или три цѣнныя литературы, дѣлающія знаніе современныхъ языковъ болѣе чѣмъ когда-либо важнымъ; и новые предметы, ставшіе на научную почву, вступили въ состязаніе съ языками въ качествѣ орудій образованія. *Д.*

на нее много часовъ драгоцѣннаго времени. Можетъ-ли быть что-нибудь смѣшнѣе того, что отецъ тратитъ свои деньги и время своего сына, заставляя его изучать римскій языкъ, когда въ то же самое время предназначаетъ его для торговли, занимаясь которой тотъ, не находя примѣненія для своей латыни, не преминетъ забыть то немногое, что вынесъ изъ школы, и что—можно поставить десять противъ одного—ненавистно ему въ виду мученій, которымъ онъ подвергался? Возможно-ли было-бы повѣрить, если-бы примѣры этого рода не попадались среди насъ на каждомъ шагу, что ребенка могутъ принуждать къ изученію начатковъ языка, которымъ онъ никогда не будетъ пользоваться на предназначенномъ для него поприщѣ жизни, и все это время пренебрегаютъ научить его четко писать и вести счеты, что весьма полезно во всѣхъ положеніяхъ жизни, а въ торговомъ дѣлѣ—безусловно необходимо? Но хотя эти качества, требующіяся для промышленности и торговли и для дѣловыхъ занятій, рѣдко или никогда не пріобрѣтаются въ грамматическихъ школахъ, однако, не только джентльмены отдаютъ туда своихъ младшихъ сыновей, предназначаемыхъ для торговыхъ профессій, но и торговцы и фермеры посылаютъ туда своихъ дѣтей, хотя не имѣютъ ни намѣренія, ни возможности сдѣлать изъ нихъ ученыхъ. Если вы спросите ихъ, зачѣмъ они дѣлаютъ это, вашъ вопросъ покажется имъ такимъ-же страннымъ, какъ если-бы вы спросили, зачѣмъ они ходятъ въ церковь. Обычай замѣняетъ разумъ, и въ глазахъ тѣхъ, которые принимаютъ его за разумъ, такъ освящаетъ этотъ методъ что онъ почти религіозно соблюдается ими, и они цѣпляются за него, какъ будто ихъ дѣти получатъ не правовѣрное воспитаніе, если не вызубрятъ грамматику Лилли [1]).

165. Но при всей необходимости латыни для однихъ, и убѣжденіи въ ея необходимости для другихъ, которымъ она совершенно ни къ чему,—я не могу, поразсмысливъ объ этомъ предметѣ, одобрить обычнаго способа преподаванія ея въ грамматическихъ школахъ. Доводы противъ него такъ очевидны, такъ сильны, что побудили нѣсколькихъ разумныхъ лицъ не безъ успѣха отказаться отъ обычнаго пути и примѣнить новый методъ, хотя и не совсѣмъ тотъ, который я считаю наиболѣе удобнымъ и который состоитъ, въ короткихъ словахъ,

---

[1]) Вильямъ Лилли (Lilly, Lillye или Lilley, его имя различно пишется) родился около 1468 г., въ Одигэмѣ, въ Гэмпширѣ. Получивъ степень въ Оксфордѣ, онъ предпринялъ путешествіе на Востокъ и прожилъ пять лѣтъ въ Родосѣ, чтобъ овладѣть греческимъ языкомъ. По возвращеніи въ Англію въ 1509 г. онъ открылъ частную школу въ Лондонѣ, и сдѣлался первымъ преподавателемъ греческаго языка въ этой странѣ. Въ 1512 г. деканъ Колетъ, увлеченный его успѣхомъ, назначилъ его старшимъ учителемъ только что основанной Школы св. Павла. Эту должность онъ занималъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1523 г. Его главное произведеніе, о которомъ упоминаетъ Локкъ,—Brevissima Institutio seu Ratio Grammatices Cognoscendi, извѣстное подъ именемъ Грамматики Лилли (Lilly's Grammar) При всемъ ея несовершенствѣ съ современной точки зрѣнія, нельзя не признать, что она представляла громадный прогрессъ въ сравненіи съ предшествовавшими грамматиками. *Д.*

въ слѣдующемъ: вовсе не мучить дѣтей грамматикой, а учить ихъ латыни, какъ они учились англійскому языку, не затрудняя правилами, путемъ разговоровъ; вѣдь латынь, согласитесь, не болѣе неизвѣстна новорожденному ребенку, чѣмъ англійскій языкъ; а между тѣмъ онъ научается англійскому языку безъ учителя, правилъ и грамматики; можетъ тѣмъ же способомъ научиться и латинскому, какъ научился ему Туллій [1]), если при немъ постоянно находится кто-нибудь, разговаривающій съ нимъ на этомъ языкѣ. Мы часто видимъ, что француженка выучиваетъ дѣвочку англичанку говорить и читать по французски, не прибѣгая ни къ какимъ грамматическимъ правиламъ, а только болтая съ ней, и я удивляюсь что джентльмены упускаютъ изъ вида этотъ способъ для своихъ сыновей, какъ будто считаютъ ихъ болѣе тупыми и менѣе способными, чѣмъ дочерей.

166. Если, слѣдовательно, вамъ удастся найти человѣка, который хорошо зная латинскій языкъ, и находясь всегда при вашемъ сынѣ, будетъ говорить съ нимъ по латыни и не позволять ему говорить или читать на другомъ языкѣ то это окажется вѣрнымъ и настоящимъ способомъ, тѣмъ самымъ, который я предлагаю, какъ легчайшій и лучшій: онъ не только поможетъ ребенку безъ страданій и взысканій овладѣть языкомъ, за который другихъ сѣкутъ въ школѣ цѣлыхъ шесть или семь лѣтъ, но въ то же время облегчитъ вамъ задачу образовать его умъ и манеры и сообщитъ ему вдобавокъ свѣдѣнія въ различныхъ наукахъ, каковы значительная часть географіи, астрономія, хронологія, анатомія, кромѣ того, нѣкоторыя части исторіи и всѣ другія части познанія вещей, доступныхъ внѣшнимъ чувствамъ и требующихъ главнымъ образомъ памяти. Ибо здѣсь, если мы правильно возмемся за дѣло, начинается наше знаніе и эти вещи должны быть положены въ его основу; а не абстрактныя понятія логики и метафизики, которыя способны скорѣе забавлять, чѣмъ научать разумъ, когда онъ впервые пускается на поиски знанія. Прозанимавшись нѣкоторое время этими абстрактными спекуляціями и не добившись успѣха или той пользы, которой они ожидали, молодые люди способны придти къ низкому мнѣнію о наукѣ или о самихъ себѣ; ихъ подмываетъ прекратить свои занятія и забросить эти книги, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ непонятныхъ словъ и пустыхъ звуковъ; или порѣшить на томъ, что если и есть въ этихъ книгахъ подлинное знаніе, то они не способны уразумѣть его. Что это такъ, я могу удостовѣрить собственнымъ опытомъ. Въ числѣ предметовъ, которымъ долженъ учиться молодой джентльменъ при помощи этого метода, пока его сверстники всецѣло заняты латынью и другими языками, я могу помѣстить геометрію, такъ какъ знаю молодого джентльмена, воспитаннаго приблизительно этимъ способомъ, который могъ доказывать теоремы Эвклида, не достигнувъ еще тринадцати лѣтъ.

167. Но если вы не можете найти человѣка, который хорошо говоритъ по латыни и способенъ обучать вашего сына всѣмъ отрас-

---

[1]) Цицеронъ. Пер.

лямъ знанія по указанному методу, то всего лучше примѣнить способъ, наиболѣе близкій къ указанному: именно, возьмите какую-нибудь легкую и занимательную книгу, напр., басни Эзопа и пишите англійскій переводъ (насколько возможно буквальный) на одной строчкѣ, а латинскія слова, соотвѣтствующія англійскимъ, ставьте надъ ними въ другой строкѣ [1]). Пусть онъ читаетъ и перечитываетъ ихъ каждый день, пока

---

[1]) Этотъ методъ, называемый иногда подстрочнымъ, связывается обыкновенно съ именемъ Локка, но онъ гораздо древнѣе. Липсіусъ упоминаетъ о подстрочномъ переводѣ псалтыря, хранящемся въ Льежѣ и относящемся къ эпохѣ, близкой ко временамъ Карла Великаго. Интересный образчикъ приложенія этого метода находится въ Colloquium архіепископа Эльфрика (см. Analecta Saxonica Торпа). Онъ начинается такъ:—

We cildru biddath the, eala Lareow, thaet thu taece us sprecan*)
D. nos pueri rogamus te, Magister, ut doceas nos loqui Latialiter
(rihte), forthan ungelaerede we syndon and gewaemmodlice we sprecath.
recte, quia idiotae sumus et corrupte loquimur*)

---

*) «Мы, мальчики, просимъ тебя, учитель, научить насъ правильно говорить по латыни, ибо мы идіоты и говоримъ неправильно».

Эльфрикъ умеръ 1005 г. по Р. Х. Другія произведенія того-же типа изданіе Библіи Монтана съ подстрочнымъ латинскимъ переводомъ Пиньяни; Новый Завѣтъ Любена на греческомъ языкѣ съ подстрочными нѣмецкимъ и латинскимъ переводами; Дюмарсэ Méthode raisonnée pour apprendre la langue latine, опубликованный 1722 г.; аббатъ Оливе Pensées de Cicéron; и французскій трудъ аббата Редонвилье, Парижъ, 1768 г. Передо мною лежитъ подстрочный переводъ Gerusalemme Liberata Тассо, напечатанный въ Парижѣ въ годъ VI Революціи. Этотъ методъ былъ предложенъ англійской публикѣ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ мистеромъ Гамильтономъ и усердно рекомендовался въ Edinburgh Review (1826), никѣмъ инымъ, какъ достопочтеннымъ Сиднеемъ Смитомъ. Критику лучше удалось указать слабыя мѣста стараго метода обученія мертвымъ языкамъ, чѣмъ установить превосходство новаго. Онъ съ успѣхомъ показываетъ, что такъ называемый «Гамильтоновскій методъ» можетъ избавить учащихся отъ многихъ хлопотъ; но отнюдь не доказываетъ, что онъ можетъ дать ему знаніе языка. Тотъ, кто желаетъ научиться только читать на какомъ нибудь языкѣ, можетъ быстро достигнуть этого при помощи Локковскаго метода. Но если онъ желаетъ говорить и писать на этомъ языкѣ, то подстрочный методъ немного поможетъ ему. Его главное достоинство въ томъ, что онъ поощряетъ учащагося на той стадіи, когда поощреніе особенно важно. Пользуясь имъ, «мальчикъ видитъ что оказываетъ успѣхи и научается чему-нибудь съ самаго начала. Онъ не обезкураживается первымъ впечатлѣніемъ непреодолимыхъ трудностей; онъ получаетъ извѣстную плату съ первой минуты своего ученичества, а не принужденъ дожидаться награды до его окончанія». (С. Смитъ). Гамильтоновскій методъ вскорѣ вышелъ изъ употребленія, и его многочисленные «ключи» попадаются нынѣ только у букинистовъ. Недавно онъ нашелъ защитника въ лицѣ архидіакона Денисона, который преподавалъ этимъ методомъ французскій языкъ (см. Autobiography). Его можно примѣнять съ успѣхомъ въ теченіе короткаго времени, пока ученикъ еще не освоился съ конструкціей, но затѣмъ слѣдуетъ оставить. По поводу сокращеннаго метода обученія латинскому языку Демарсэ г. Компейрэ замѣчаетъ: «Этотъ методъ если бы даже онъ былъ превосходенъ самъ по себѣ, необходимо отбросить, какъ и всѣ способы, имѣющіе цѣлью устранить изъ обученія латинскому языку его неизбѣжную медленность и драгоцѣнныя, если можно такъ выразиться, трудности. Въ извѣстномъ смыслѣ, чѣмъ остроумнѣе и тоньше эти

не заучитъ латинскихъ словъ; а затѣмъ переходитъ къ другой баснѣ время отъ времени возвращаясь къ пройденному и возобновляя его въ своей памяти. Когда же онъ начнетъ учиться писать, то пусть переписываетъ ихъ, что, кромѣ упражненія въ письмѣ, подвинетъ его въ изученіи латыни. Это менѣе совершенный способъ, чѣмъ обученіе латыни посредствомъ разговоровъ, а потому ребенку слѣдуетъ твердо заучить спряженіе глаголовъ, а затѣмъ склоненіе существительныхъ и мѣстоименій; это поможетъ ему освоиться съ духомъ и характеромъ латинскаго языка, который измѣняетъ значеніе глаголовъ и существительныхъ не посредствомъ префиксовъ, какъ современные языки, а посредствомъ измѣненія послѣднихъ слоговъ. Этимъ, я думаю, могутъ ограничиться его познанія въ грамматикѣ, пока онъ не будетъ читать самостоятельно Sanctii Minerva [1]) съ примѣчаніями Сціоппія и Перизонія.

Замѣтьте также, что при обученіи дѣтей въ большинствѣ случаевъ, когда они становятся втупикъ, не слѣдуетъ, по моему мнѣ-

---

методы сокращенія и упрощенія, тѣмъ они хуже и вреднѣе; такъ какъ въ этомъ случаѣ, устраняя всякія усилія ума проникнуть въ духъ языка и сводя работу ребенка къ простому заучиванью словъ, они устраняютъ то, что даетъ цѣну изученію классическихъ языковъ—я подразумѣваю медленныя и прилежныя упражненія, въ которыхъ формируются интеллектуальныя способности ребенка и юноши. Было бы ошибкой усматривать въ изученіи латинскаго языка только видимую цѣль, именно: знаніе латинскаго языка. Забываютъ, что у каждаго народа, обладающаго среднимъ образованіемъ то есть системой занятій, цѣль которой развить разсудокъ, проницательность и вкусъ,—изученіе латинскаго языка пользовалось особенными привилегіями, признававшимися за нимъ, потому что этотъ языкъ превосходное орудіе интеллектуальной культуры. Безъ сомнѣнія, важно пріобрѣсть знакомство съ языкомъ, который представляетъ изъ себя ключъ къ великой литературѣ, а послѣ того, какъ перестала быть языкомъ народа, сдѣлался всемірнымъ языкомъ науки; но еще важнѣе воспользоваться полезными ресурсами, доставляемыми «изученіемъ, не утилитарнымъ и практическимъ, но искусственнымъ, грамматическимъ или техническимъ, языка, иного, чѣмъ нашъ родной языкъ.» Что-бы мы сказали о неловкомъ другѣ, который, видя, что мы намѣреваемся предпринять прогулку для упражненія нашихъ мускуловъ и укрѣпленія нашихъ членовъ, предложилъ бы подвести насъ въ своемъ экипажѣ? (G. Compayré, Histoire Critique des Doctrines de l'Education en France). Д.

[1]) Объ этой книгѣ Галламъ говоритъ: «Minerva другого уроженца Испаніи, Санхеца, называемаго обыкновенно Санкціемъ, первое изданіе которой появилось въ Саламанкѣ въ 1587, превосходила всѣ предшествующіе трактаты по грамматикѣ, особливо въ отношеніи правилъ синтаксиса, которыя онъ свелъ къ ихъ естественнымъ принципамъ, объяснивъ кажущіяся аномаліи. Его величали княземъ грамматиковъ, божественнымъ мужемъ, Меркуріемъ и Аполлономъ Испаніи, отцомъ латинскаго языка, учителемъ ученыхъ, въ панегирическомъ стилѣ Липсія или Сціоппія. Minerva, пополнявшаяся и исправлявшаяся въ разныя времена наиболѣе выдающимися учеными, Сціоппіемъ, Перизоніемъ и другими, болѣе современными, до сихъ поръ занимаетъ выдающееся мѣсто въ филологіи.» (Lit. Hist. ii. 28—29.) Сціоппій (Шоппъ) родился въ Палатинатѣ 1576, а умеръ въ 1649. Онъ былъ человѣкъ съ обширными знаніями и проницательностью. Перезоній былъ профессоромъ въ Франкерѣ. Онъ опубликовалъ цѣнное изданіе Минервы Санкція въ 1687, помѣстивъ въ немъ примѣчанія Сціоппія. Д.

нію, смущать ихъ еще больше, заставляя самихъ выпутываться изъ затрудненія [1]); напримѣръ, предлагая вопросы, вродѣ: какъ будетъ именительный падежъ?—въ предложеніи, которое они должны составить или: что значитъ a u f e r o? чтобы навести ихъ назначеніе a b s t u l e r e и т. п., когда они не могутъ правильно отвѣтить. Это значитъ только тратить время на сбиваніе ихъ съ толка, тогда какъ пока они учатся и занимаются прилежно, надо поддерживать въ нихъ хорошее настроеніе духа и дѣлать всякую вещь насколько возможно легкой и пріятной для нихъ. Поэтому, если они становятся втупикъ, помогите имъ немедленно преодолѣть затрудненіе, безъ всякаго выговора или упрека; памятуя, что болѣе суровые пріемы вытекаютъ только изъ тщеславія и сварливости учителя, ожидающаго, что дѣти моментально усвоятъ все, что онъ самъ знаетъ; тогда какъ ему слѣдовало-бы имѣть въ виду, что его дѣло насаждать въ нихъ привычки, а не вдалбливать сердито правила, мало къ чему пригодныя въ нашей жизни, и во всякомъ случаѣ, безполезныя для дѣтей, которыя забываютъ ихъ, лишь только выучатъ. Я не отрицаю, что въ наукахъ, упражняющихъ ихъ разумъ, можно иногда отступать отъ этого метода, и предлагать затрудненія съ цѣлью возбудить усердіе и пріучить душу пользоваться своею силою и сообразительностью въ разсужденіи. Но я думаю, что этого не слѣдуетъ дѣлать, пока дѣти еще малы, ни въ тѣхъ случаяхъ, когда они только приступаютъ къ изученію какого-нибудь предмета: тутъ все и безъ того трудно, и главное значеніе искусства учителя въ умѣньи облегчить все, насколько онъ можетъ; особливо-же при изученіи языковъ не слѣдуетъ ставить дѣтей втупикъ вопросами. Языки усвояются зубреніемъ, памятью и практикой, и на нихъ говорятъ всего лучше, когда забудутъ всѣ грамматическія правила. Я согласенъ, что грамматику того или другого языка приходится изучить очень тщательно, но только взрослому человѣку, когда онъ желаетъ изучить языкъ критически, чѣмъ врядъ ли станетъ заниматься кто-нибудь, кромѣ профессіональныхъ ученыхъ. Я полагаю, со мной согласятся, что если джентльмену слѣдуетъ изучить какой-нибудь языкъ, такъ это языкъ, своей родины, чтобы знать какъ можно лучше тотъ, которымъ онъ постоянно пользуется.

Есть и еще причина, въ силу которой учителя и приподаватели

---

[1]) Я полагаю что ни одинъ учитель-практикъ не согласится въ этомъ отношеніи съ Локкомъ. Немногіе разумно поставленные вопросы часто могутъ помочь ребенку справиться съ затрудненіемъ и, конечно, это имѣетъ гораздо болѣе высокое воспитательное значеніе, чѣмъ рѣшеніе затрудненія учителемъ. Съ другой стороны, неблагоразумно пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для вопросовъ. Въ чтеніи должны быть гладкія и спокойныя мѣста, позволяющія ученику спокойно и безъ помѣхи наслаждаться авторомъ. Не можетъ ребенокъ наслаждаться прекраснымъ мѣстомъ великаго классика, если его ежеминутно заставляютъ отвѣчать на какой-нибудь трудный грамматическій вопросъ. Мнѣ приходилось слышать въ нашихъ начальныхъ школахъ уроки чтенія, до такой степени переполненные вопросами, что бѣдныя дѣти лишались всякой возможности находить интересъ и удовольствіе въ содержаніи прочитаннаго. Д.

не должны ставить затрудненія своимъ питомцамъ, а наоборотъ должны выглаживать имъ путь и съ готовностью помогать всякій разъ, какъ замѣтятъ, что они затрудняются.

Дѣтскіе умы узки и слабы и обыкновенно способны схватывать лишь одну мысль заразъ. Что запало въ голову ребенка, то и наполняетъ ее на нѣкоторое время, особливо, если вызываетъ съ его стороны страстное отношеніе. Поэтому, умѣнью и искусству учителя надлежитъ очистить ихъ головы отъ всякихъ постороннихъ мыслей, пока они учатся чему-нибудь, чтобы освободить мѣсто для того, что онъ хочетъ вложить въ нихъ и что они должны усваивать со вниманіемъ и прилежаніемъ, безъ которыхъ урокъ пройдетъ безслѣдно. Натура дѣтей располагаетъ ихъ умы къ блужданію. Только новое занимаетъ ихъ; они съ увлеченіемъ хватаются за то, что представляется въ данный моментъ, и быстро удовлетворяются. Одно и тоже скоро надоѣдаетъ имъ и почти все ихъ удовольствіе въ перемѣнѣ и разнообразіи. Фиксировать ихъ летучія мысли противорѣчитъ естественному состоянію дѣтства.

Зависитъ ли это отъ особенностей ихъ мозга или отъ быстроты и неустойчивости ихъ животныхъ духовъ, надъ которыми душа еще не вполнѣ властна,—во всякомъ случаѣ легко замѣтить, что для дѣтей мучительно упорно сосредоточивать свои мысли на чемъ-нибудь одномъ [1]. Продолжительное непрерывное вниманіе одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, которую можно возложить на нихъ; а потому тотъ, кто требуетъ отъ нихъ прилежанія, долженъ постараться сдѣлать то, что онъ предлагаетъ имъ, насколько возможно занимательнымъ и пріятнымъ; по крайней мѣрѣ, долженъ позаботиться о томъ, чтобы занятія не соединялись съ какой-нибудь непріятной или устрашающей идеей. Если они не могутъ приняться за свои книги съ любовью и охотой, то нужно-ли удивляться, что ихъ мысли постоянно уносятся отъ того, что внушаетъ имъ отвращеніе, и ищутъ лучшаго развлеченія въ болѣе пріятныхъ предметахъ, за которыми и будутъ неизбѣжно гоняться.

Я знаю, что обычный методъ воспитателей добиваться вниманія со стороны своихъ учениковъ и сосредоточивать ихъ мысли на томъ предметѣ, которымъ они занимаются, заключается въ выговорахъ и наказаніяхъ за малѣйшее невниманіе. Но такое обращеніе безъ сомнѣнія производитъ совершенно обратное дѣйствіе. Запальчивыя слова

[1] Это ясный знакъ, что наши усилія заставить ихъ сосредоточивать свои мысли преждевременны. Непостоянство ребенка въ теченіе той фазы развитія, которая характерезируется этимъ признакомъ, такъ-же цѣнно, какъ его сосредоточенность въ болѣе поздній періодъ. Малолѣтній ребенокъ долженъ ознакомиться съ внѣшнимъ міромъ, запастись чувственными образами, прежде чѣмъ будетъ въ состояніи заниматься абстрактными размышленіями; и при исполненіи этой задачи его неугомонная непосѣдливость является помощью, а не помѣхой для него. Вначалѣ все въ этомъ мірѣ ново для него, и ненасытное любопытство, побуждающее знакомиться съ этими новинками,—полезнѣйшій инстинктъ, благодаря которому его невѣденіе въ концѣ концовъ разсѣивается. Д.

или побои со стороны воспитателя наполняютъ душу ребенка ужасомъ и страхомъ, которые немедленно завладѣваютъ ею всецѣло, не оставляя мѣста для другихъ впечатлѣній. Я думаю, всякій, кто читаетъ это, можетъ припомнить, какой безпорядокъ въ его мысляхъ вызывали нетерпѣливыя или повелительныя слова родителей или учителей; какъ они сбивали его на время съ толка, такъ что онъ переставалъ понимать, что ему говорятъ или что онъ самъ говоритъ. Онъ упускалъ изъ вида предметъ, о которомъ шла рѣчь, душа его наполнялась безпорядкомъ и смятеніемъ, и въ этомъ состояніи онъ утрачивалъ способность сосредоточить вниманіе на чемъ-бы то ни было.

Правда, родители и воспитатели должны устанавливать и утверждать свой авторитетъ, внушая почтительный страхъ душамъ тѣхъ, которые находятся на ихъ попеченіи; и управлять при его помощи; но разъ установивъ свое преобладаніе надъ ними, они должны пользоваться имъ съ величайшей умѣренностью и не дѣлать изъ себя такихъ пугалъ, въ присутствіи которыхъ ученики вѣчно должны дрожать. Такая строгость можетъ облегчить имъ управленіе, но она принесетъ мало пользы ихъ воспитанникамъ. Невозможно дѣтямъ научиться чему-нибудь, пока ихъ мысли захвачены или возмущены какой-бы то ни было страстью, особливо страхомъ, который производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе на ихъ еще нѣжный и слабый духъ. Держите душу въ непринужденномъ и спокойномъ состояніи, если хотите, чтобы она воспринимала ваши наставленія и накопляла знанія. Запечатлѣть четкія и правильныя буквы на трепещущей душѣ также невозможно какъ на трясущейся бумагѣ.

Великое искусство учителя заключается въ умѣньи захватить и удержать вниманіе ученика; разъ это достигнуто, онъ можетъ подвигаться впередъ настолько быстро, насколько это допускаютъ способности учащагося; безъ этого же всѣ его хлопоты и усердіе принесутъ мало или вовсе не принесутъ пользы. Для достиженія этого онъ долженъ заставить ребенка понять (насколько это возможно) пользу того, чему онъ учитъ его, показать ему, что, научившись, онъ можетъ дѣлать то, чего не умѣлъ дѣлать раньше, что даетъ ему извѣстную власть и дѣйствительное преимущество надъ другими, не научившимися. Къ этому онъ долженъ присоединить кротость во всѣхъ своихъ наставленіяхъ, и посредствомъ извѣстной нѣжности обращенія дать понять ребенку, что онъ любитъ его и желаетъ ему только добра,—вотъ единственный способъ пріобрѣсти любовь ребенка, которая заставитъ его слушать наставленія и находить удовольствіе въ урокахъ.

Только упорству надо противупоставлять повелительный тонъ и рѣзкое обращеніе. Всѣ остальные недостатки должно исправлять кротостью; ласковыя одобряющія слова окажутъ лучшее и болѣе дѣйствительное вліяніе на расположенную къ слушанію душу, и предупредятъ озлобленіе, которое грубыя и повелительныя ухватки часто вызываютъ въ хорошо настроенныхъ и благородныхъ душахъ. Правда, упорство и умышленная небрежность должны подавляться, хотя-бы цѣною побоевъ; но я склоненъ думать, что испорченность воспитанника часто

бываетъ результатомъ грубости воспитателя; и что большинство дѣтей рѣдко заслуживали бы побоевъ, еслибы ненужная и безтолковая суровость не испортила ихъ нрава и не внушила-бы имъ отвращенія къ учителю и ко всему, что исходитъ отъ него.

Неосторожность, забывчивость, непостоянство и блужданіе мысли естественные недостатки дѣтства; и потому, если въ нихъ не замѣчается умысла, къ нимъ нужно относиться мягко въ разсчетѣ на дѣйствіе времени. Если каждая подобная оплошность вызываетъ гнѣвъ и выговоръ, то поводы къ взысканіямъ и наказаніямъ будутъ представляться такъ часто, что воспитатель сдѣлается предметомъ страха и тревоги для своихъ воспитанниковъ; а этого уже достаточно, чтобы помѣшать имъ извлечь пользу изъ его уроковъ и сдѣлать безуспѣшными всѣ его методы преподаванія.

Пусть почтеніе, которое онъ сумѣлъ внушить имъ, умѣряется постоянными знаками нѣжности и расположенія настолько, чтобы привязанность могла укрѣплять ихъ чувство долга и дѣлать для нихъ пріятнымъ исполненіе его требованій. Это создастъ хорошее отношеніе между ними и воспитателемъ, заставитъ ихъ слушаться его, какъ своего друга, который любитъ ихъ и беретъ на себя трудъ ради ихъ пользы; при такихъ условіяхъ ихъ мысли въ его присутствіи будутъ свободны и непринужденны, а только при такомъ настроеніи умъ способенъ усвоять новыя свѣдѣнія, воспринимать и удерживать тѣ впечатлѣнія, безъ которыхъ всѣ ихъ труды и работа учителя пропадутъ даромъ; будетъ много непріятностей и мало ученія.

168. Когда, такимъ способомъ, съ помощью подстрочнаго перевода латинскаго на англійскій, онъ пріобрѣтетъ умѣренныя познанія въ латинскомъ языкѣ, ему можно будетъ двинуться дальше, перейти къ чтенію какой-нибудь легкой латинской книги, вродѣ Юстина [1]) или Евтропія; а чтобы сдѣлать чтеніе и пониманіе менѣе скучнымъ и труднымъ для него, позволяйте ему пользоваться, если онъ хочетъ, англійскимъ переводомъ. Не пугайтесь, если вамъ скажутъ, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ знать ихъ только механически. Если разсудить хорошенько, то это говоритъ вовсе не противъ, а въ пользу такого способа изученія языка. Языки можно изучать только механически [2]), и кто не умѣетъ говорить по англійски или по латыни

---

[1]) Юстинъ жилъ въ правленіе Антонина Пія. Локкъ подразумѣваетъ его сокращенное изложеніе всемірной исторіи. Евтропія нужно читать раньше Юстина, который гораздо труднѣе какъ въ отношеніи стиля, такъ и въ отношеніи содержанія. Д.

[2]) Эшемъ говоритъ: «Всѣ языки, какъ изучаемые, такъ и родной языкъ, должны усваиваться и усваиваются только посредствомъ подражанія. Какъ слышишь, такъ и говоришь; если не слышишь другого, то не говоришь и самъ; и кого слышишь, отъ того и учишься.» Но было-бы ошибкой предполагать, что изученіе языка есть дѣло одной памяти. Разумъ долженъ находить приложеніе на каждой стадіи его.

Ученикъ можетъ классифицировать и опредѣлять самъ подъ руководствомъ учителя, и трудъ памяти облегчается соотвѣтственно степени этихъ самостоятельныхъ усилій. Перейдя къ изученію словъ, онъ убѣдится, что

совершенно механически, такъ что, желая высказать какую-нибудь мысль сразу, не думая о правилахъ или о грамматикѣ, находить надлежащее выраженіе даннаго языка, тотъ не умѣетъ хорошо говорить на этомъ языкѣ и не владѣетъ имъ. Желалъ-бы я, чтобы кто-нибудь указалъ мнѣ языкъ, который можно изучить или на которомъ можно говорить съ помощью правилъ грамматики. Языки создавались не по какимъ-либо правиламъ, не искусственно, а дѣйствіемъ случая и общей практики народа. И тотъ, кто желаетъ говорить на нихъ хорошо, долженъ руководиться лишь однимъ правиломъ: не довѣряться ничему, кромѣ своей памяти и практики, усвоенной отъ тѣхъ, кто умѣетъ говорить правильно, то есть, иными словами, говорить механически.

Возможно, что меня спросятъ: значитъ, грамматика не нужна? и тѣ, которые затратили столько труда на сведеніе различныхъ языковъ къ правиламъ и опредѣленіямъ, тѣ, которые писали такъ много о склоненіяхъ и спряженіяхъ, о согласованіяхъ и синтаксисѣ, даромъ потратили свой трудъ и учились безцѣльно? Я не говорю этого; грамматика имѣетъ свое значеніе. Но вотъ что я считаю возможнымъ сказать: о ней хлопочатъ черезчуръ много безъ всякой надобности и мучатъ изъ-за нея тѣхъ, кому она вовсе не нужна; я подразумѣваю дѣтей въ томъ возрастѣ, когда ихъ обыкновенно допекаютъ ею въ грамматическихъ школахъ. [1]).

Нѣтъ ничего очевиднѣе того, что эти языки, усвоенные механически, служатъ съ достаточнымъ успѣхомъ для обычныхъ житейскихъ дѣлъ и отношеній. Мало того, знатныя представительницы слабаго пола, и именно тѣ изъ нихъ, которыя проводятъ свое время въ благовоспитанномъ обществѣ, показываютъ намъ, что съ помощью этого простого, естественнаго способа, безъ всякаго изученія и знанія грамматики, можно достигнуть высокой степени изящества и утонченности въ языкѣ: найдутся дамы, которыя, не имѣя понятія о глаголахъ и причастіяхъ, о нарѣчіяхъ и предлогахъ, говорятъ такъ-же чисто и правильно (онѣ, пожалуй, сочли бы плохимъ комплиментомъ, если-бы

они воплощаютъ въ себѣ исторію, мораль, религію, философію, соціальную жизнь и проч. народа, и въ изслѣдованіи этихъ вопросовъ найдетъ обильное упражненіе для высшихъ способностей своего ума. Локкъ останавливается слишкомъ исключительно на употребленіе языка, какъ средства сообщенія. Это, конечно, одно изъ главныхъ употребленій современнаго языка, но оно практически не существуетъ для мертвыхъ языковъ. Д.

[1]) Мистеръ Милль говоритъ: «Если-бы мальчикъ учился по латыни и по гречески на основаніи того же принципа, благодаря которому ребенокъ такъ легко и быстро научается родному языку, именно ознакомляясь со словаремъ посредствомъ практики и повторенія, не затрудняя себя грамматическими правилами—то эти правила усваивались-бы вдесятеро легче, послѣ того, какъ учащійся уже освоился съ практикой, для которой они предназначаются—средній школьникъ задолго до окончанія своего школьнаго ученья будетъ въ состояніи бѣгло и съ интересомъ читать всякаго обыкновеннаго латинскаго и греческаго автора, прозаика или поэта, пріобрѣтетъ основательное познаніе грамматической структуры обоихъ языковъ и будетъ имѣть сверхъ того достаточно времени для изученія другихъ предметовъ.» Д.

я сказалъ: какъ любой школьный учитель), какъ большинство джентльменовъ, учившихся по обычнымъ методамъ въ грамматическихъ школахъ. Итакъ, мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно обойтись безъ грамматики. Возникаетъ вопросъ, кто же долженъ ей учиться и когда? На него я отвѣчаю:

1. Люди учатся языкамъ ради обычныхъ общественныхъ отношеній и сообщенія мыслей въ повседневной жизни [1]), не имѣя въ

---

[1]) Это очень узкая точка зрѣнія на цѣль изученія языка,—точка зрѣнія курьера и коммивояжера. Языкъ, какъ мы уже видѣли, есть ключъ къ исторіи и внутренней жизни народа не только какъ ключъ къ его литературѣ, но и самъ по себѣ. Онъ имѣетъ также другое значеніе. Его изученіе заставляетъ насъ болѣе пристально вникать въ идеи, выражаемыя нашими словами. Это преимущество Локкъ, такъ хорошо понимавшій могущественное отраженное вліяніе словъ долженъ-бы былъ оцѣнить лучше, чѣмъ кто-либо. М-ръ Д. С. Милль говоритъ: «Мы рѣдко задумываемся о значеніи того, что видимъ каждый день; точно также, когда наше ухо привыкло къ звукамъ слова или фразы, мы не подозрѣваемъ, что они не связаны съ какой либо ясной идей въ нашемъ умѣ, и что намъ было-бы въ высшей степени трудно опредѣлить ее, или выразить какими-нибудь другими словами то, что, какъ намъ кажется, мы подразумѣваемъ подъ ними. Ясно, какимъ способомъ эта дурная привычка исправляется практикой точнаго перевода съ однаго языка на другой и разыскиванія значеній въ словарѣ, съ которымъ мы не освоились путемъ ранней и постоянной практики. Я не знаю болѣе сильнаго доказательства необычайной геніальности грековъ, чѣмъ то, что они сумѣли достигнуть такихъ блистательныхъ успѣховъ въ области абстрактной мысли, не зная, вообще говоря, другого языка, кромѣ своего собственнаго. Но и греки не были избавлены отъ послѣдствій этого недостатка. Ихъ величайшіе умы, тѣ, которые положили основаніе философіи и всей нашей интелектуальной культуры, Платонъ и Аристотель, постоянно сбивались благодаря словамъ; принимая случайности языка за дѣйствительныя отношенія въ природѣ, и предполагая, что вещи, которыя носятъ одно и тоже названіе на греческомъ языкѣ, должны быть одинаковы по своему существу. Не зная языка народа, мы никогда не узнаемъ доподлинно его мыслей, его чувствъ и его характера; а если мы не обладаемъ знаніемъ какого-нибудь другого народа, кромѣ нашего, то остаемся до самой своей смерти съ не вполнѣ развитымъ умомъ... Но если такъ полезно, съ этой точки зрѣнія, знать языкъ и литературу какого-нибудь другого культурнаго и цивилизованнаго народа, то всего цѣннѣе для насъ въ этомъ отношеніи языки и литература древнихъ. Въ современной и цивилизованой Европѣ не найдется двухъ націй, такъ рѣзко отличающихся одна отъ другой, какъ греки и римляне отличаются отъ всѣхъ насъ; не будучи однако, какъ нѣкоторые отдаленные восточные народы, до такой степени несходными съ нами, что для пониманія ихъ требовался бы трудъ цѣлой жизни. Еслибы изъ знакомства съ древними можно было извлечь только эту выгоду, то она одна уже доставила-бы изученію ихъ высокое мѣсто въ просвѣтительной системѣ образованія. Не слѣдуетъ говорить, что мы можемъ познакомиться съ ними изъ современныхъ сочиненій. Такимъ способомъ можно узнать о нихъ кое-что; и конечно это гораздо лучше, чѣмъ не знать ничего, но современныя книги не ознакомятъ насъ съ древней мыслью; они познакомятъ насъ съ мнѣніемъ того или другого писателя о древней мысли. Современныя книги не покажутъ намъ древнихъ грековъ и римлянъ; онѣ сообщатъ намъ мнѣніе того или другого писателя о древнихъ грекахъ и римлянахъ. Переводы не многимъ лучше... Изучая великихъ писателей древности, мы не только научаемся понимать душу древнихъ, но собираемъ запасъ мудрыхъ мыслей и наблюденій, еще не утратившихъ цѣнности для насъ самихъ, а въ то же

виду какого-бы то ни было другого употребленія. Для этой цѣли первоначальный методъ обученія языку посредствомъ разговоровъ служитъ съ достаточнымъ успѣхомъ и заслуживаетъ предпочтенія какъ наиболѣе дѣйствительный, удобный и естественный. Поэтому можно сказать, что для такого употребленія языка грамматика не необходима. Съ этимъ должны согласиться всѣ тѣ изъ моихъ читателей, которые понимаютъ то, что я говорю, и могутъ бесѣдовать съ другими, понимая ихъ, хотя никогда не учились грамматикѣ англійскаго языка. А въ такомъ положеніи, я думаю, находится подавляющее большинство англичанъ; по крайней мѣрѣ я еще не встрѣчалъ ни одного, который выучился-бы родному языку при помощи правилъ.

2. Есть другіе люди, большая часть дѣятельности которыхъ на этомъ свѣтѣ осуществляется при помощи ихъ языковъ или перьевъ; имъ полезно, если не необходимо, умѣть говорить точно и правильно, чтобы тѣмъ легче внушать свои мысли другимъ людямъ и производить большее впечатлѣніе. Съ этой точки зрѣнія не всякій способъ выраженія, хотя-бы онъ былъ понятнымъ, считается достаточнымъ для джентльмена. Онъ долженъ хорошо изучить грамматику въ числѣ другихъ вспомогательныхъ средствъ разговора,—но грамматику собственнаго языка, рѣчи, которой онъ пользуется,—чтобы отчетливо понимать языкъ своей страны и говорить правильно, не оскорбляя слуха тѣхъ, къ кому онъ обращается, солецизмами и грубыми неправильностями. А для этого необходима грамматика, но только грамматика родного языка, и только для тѣхъ, кто готовъ потрудиться надъ обработкой своей рѣчи и усовершествованіемъ своего стиля. Не слѣдуетъ ли всѣмъ джентльменамъ позаботится объ этомъ, пусть рѣшаютъ, принимая въ соображеніе тотъ фактъ, что недостатокъ правильности и грамматической точности рѣчи считается весьма неприличнымъ для лицъ этого званія, и обыкновенно навлекаетъ на повинныхъ въ такомъ изъянѣ обвиненіе въ томъ, что они получили плохое воспитаніе

время знокомимся съ извѣстнымъ количествомъ наиболѣе совершенныхъ и законченныхъ литературныхъ произведеній, созданныхъ человѣческимъ духомъ... Даже просто какъ языкъ, ни одинъ изъ современныхъ языковъ не представляетъ такой сильной дисциплины ума, какъ греческій и латинскій, въ виду ихъ правильной и сложной структуры.» (Inaugural adress at st. Andrews.)

Мнѣніе Локка о цѣнности грамматики такъ же узко, какъ его мнѣніе о цѣнности изученія языка. Объ этомъ м-ръ Милль говоритъ: «Разсмотримъ, что такое грамматика. Это самая элементарная часть логики. Это—начало анализа мыслительнаго процесса. Принципы и правила грамматики являются средствами согласованія формъ языка со всеобщими формами мысли. Разница между различными частями рѣчи, между падежами именъ существительныхъ, наклоненіями и временами глаголовъ, функціями причастій, есть разница въ мышленіи, а не только въ словахъ. Отдѣльныя имена существительныя и глаголы выражаютъ предметы и событія; но способы соединенія существительныхъ и глаголовъ выражаютъ отношенія предметовъ и событій, которыя могутъ быть познаны только интеллектомъ; и каждый различный способъ соотвѣтствуетъ различному отношенію. Построеніе каждой фразы есть урокъ логики». (Ib.) Д.

и якшались съ дурной компаніей, не соотвѣтствующей ихъ знатности. Если это такъ (а я думаю, что такъ оно и есть), то нельзя не удивляться, почему молодые джентльмены принуждены изучать грамматику иностраннаго и мертвыхъ языковъ и никогда не слышать о грамматикѣ своего родного языка; они даже не знаютъ, что подобная вещь существуетъ, а еще менѣе, что имъ не мѣшало-бы изучить ее. Никогда имъ не рекомендуютъ родного языка, въ качествѣ предмета, достойнаго попеченія и совершенствованія, хотя они ежедневно пользуются имъ, а въ позднѣйшемъ теченіи ихъ жизни о нихъ нерѣдко судятъ по изящному или неуклюжему способу выражаться на немъ. Напротивъ, на тѣхъ языкахъ, грамматиками которыхъ они такъ усердно занимаются, имъ, вѣроятно, врядъ-ли когда придется говорить или писать; если-же это когда-нибудь случится ненарокомъ, то имъ охотно извинятъ неправильности и ошибки. Если-бы какой-нибудь китаецъ познакомился съ нашимъ способомъ воспитанія, онъ, пожалуй, вообразилъ-бы, что всѣ наши молодые джентльмены готовятся быть учителями и профессорами мертвыхъ языковъ въ чужихъ странахъ, а не дѣловыми людьми на своей родинѣ.

3. Есть третій сортъ людей, которые занимаются двумя или тремя иностранными, мертвыми и (какъ ихъ принято называть) учеными языками, дѣлаютъ ихъ предметомъ своего изученія и гордятся своимъ знаніемъ. Безъ сомнѣнія, тѣ, которые принимаются за изученіе какого-либо языка съ этою цѣлью, и желаютъ обладать точнымъ критическимъ знаніемъ его, должны тщательно изучить его грамматику. Я бы не желалъ быть ошибочно понятымъ въ томъ смыслѣ, будто я недостаточно цѣню греческій и латинскій языки. Я согласенъ, что это—языки высокополезные и превосходные, и что незнакомый съ ними не можетъ занять мѣста среди ученыхъ въ нашей части свѣта. Но я думаю, что тѣ познанія, которыя джентльменъ обыкновенно желаетъ извлечь для своего употребленія изъ римскихъ и греческихъ писателей, онъ можетъ пріобрѣсти, не изучая грамматики этихъ языковъ, простымъ чтеніемъ, которое даетъ ему возможность понимать ихъ въ достаточной для его цѣлей степени. Въ какой мѣрѣ ему потребуется ознакомиться съ грамматикой и критическими тонкостями этихъ языковъ, онъ можетъ самъ рѣшить, если займется изученіемъ какого-либо предмета, требующаго этого. Это приводитъ меня къ другой части вопроса, именно:

Когда слѣдуетъ изучать грамматику?

Отвѣтъ, на основаніи всего предыдущаго, очевидно—таковъ: Если когда-либо слѣдуетъ изучать грамматику, то лишь тому, кто уже можетъ говорить на данномъ языкѣ; [1]) иначе, какъ онъ ее

[1]) „Этимъ методомъ пользовался Гиббонъ при изученіи греческаго языка. Сначала онъ ознакомился посредствомъ чтенія съ значеніемъ словъ, а затѣмъ обратился къ грамматикѣ, чтобы изслѣдовать философскую кон-

изучить? По крайней мѣрѣ это очевидно изъ практики мудрыхъ и ученыхъ народовъ древности. Они дѣлали частью воспитанія изученіе родного языка, а не иностранныхъ. Греки считали всѣ остальныя націи варварскими и питали презрѣніе къ ихъ языкамъ. И хотя греческая образованность пріобрѣла большое уваженіе среди римлянъ къ концу республики, но все же предметомъ изученія для ихъ молодежи былъ римскій языкъ; роднымъ языкомъ они должны были пользоваться, а потому родной языкъ и изучали.

Но—чтобы точнѣе опредѣлить время, подходящее для грамматики—я не вижу, какой смыслъ изучать ее иначе, какъ въ качествѣ вступленія къ реторикѣ; когда находятъ, что мальчику пора заняться шлифовкой своего языка и научиться говорить лучше, чѣмъ необразованные люди, тогда и слѣдуетъ усадить его за грамматическія правила, но не раньше. Грамматика не учитъ людей говорить, она учитъ ихъ говорить грамотно и согласно съ точными правилами языка, что составляетъ часть утонченности (elegancy), и тотъ, кто не нуждается въ послѣдней, не нуждается и въ первой: гдѣ нѣтъ надобности въ реторикѣ, тамъ можно обойтись безъ грамматики. Я не знаю, зачѣмъ тратить время и ломать голову надъ латинской грамматикой тому, кто не собирается стать критикомъ или говорить рѣчи и писать письма на латинскомъ языкѣ. Если кто-нибудь находитъ для себя необходимымъ или желательнымъ изучить досконально какой-нибудь иностранный языкъ и знать его вполнѣ точно, у него найдется время заняться его грамматикой. Если-же онъ пользуется языкомъ только для пониманія нѣсколькихъ книгъ, написанныхъ на немъ, не ставя своей цѣлью критическаго знанія самого языка, то, какъ я уже сказалъ, простое чтеніе приведетъ его къ этой цѣли, не нагружая его умъ многочисленными правилами и тонкостями грамматики.

169. Для упражненія въ письмѣ заставляйте его иногда переводить съ латинскаго на англійскій; но такъ какъ изученіе латинскаго языка есть ничто иное какъ заучиваніе словъ, занятіе очень скучное для малыхъ и для старыхъ, то присоединяйте къ нему какъ можно больше реальныхъ знаній, начиная съ того, что наиболѣе доступно чувствамъ; таковы познаніе минераловъ, растеній, животныхъ, а въ особенности лѣсныхъ и фруктовыхъ деревьевъ, ихъ частей и способовъ ихъ распространенія; при этомъ можно научить ребенка многому, что пригодится ему, когда онъ станетъ взрослымъ. Но главнымъ образомъ имѣйте въ виду географію, астрономію и анатомію. Однако, чему-бы вы ни учили его, старайтесь не обременять его черезчуръ многимъ заразъ; или дѣлать для него обязательнымъ что-либо, кромѣ добродѣтели или упрекать его за что-нибудь, кромѣ порока или явной склонности къ нему.

струкцію языка; онъ сравниваетъ это съ изученіемъ карты страны, по которой уже путешествовалъ. Я съ своей стороны, всегда, при путешествіи, какъ по языкамъ, такъ и по странамъ, находилъ чрезвычайно полезнымъ употреблять въ пути карту.“ *Ст. Дж.*

170. Если, однако, судьба въ концѣ концовъ приведетъ его въ школу и заставитъ изучать латинскій языкъ, то безполезно говорить съ вами о методѣ, который я считаю наилучшимъ для школы; вамъ придется подчиниться тому, который тамъ принятъ, не ожидая, что его измѣнятъ для вашего сына; но все-же добивайтесь всѣми возможными средствами, чтобы его не заставляли писать латинскія сочиненія и декламаціи, а особливо сочинять стихи какого-бы то ни было рода. Вы можете настаивать на томъ, что вовсе не собираетесь сдѣлать изъ него латинскаго оратора или поэта, а желали бы только, чтобы онъ вполнѣ свободно читалъ латинскихъ авторовъ; и при этомъ указывать, что учителя, съ успѣхомъ преподающіе современные языки, никогда не заставляютъ своихъ учениковъ сочинять рѣчи или стихи по французски или по итальянски, такъ какъ считаютъ своей обязанностью только обученіе языку, а не его примѣненію.

Сочиненія.

171. Но слѣдуетъ объяснить вамъ нѣсколько подробнѣе, почему я не желалъ-бы, чтобы его заставляли упражняться въ писаніи сочиненій и стиховъ. Что касается сочиненій, то они, конечно, претендуютъ на нѣчто полезное, именно, научить людей говорить красиво и толково о всякомъ предметѣ, что, безъ сомнѣнія, явилось бы преимуществомъ, если бы достигалось этимъ способомъ, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе приличествующаго джентльмену и болѣе полезнаго въ различныхъ случаяхъ жизни чѣмъ умѣнье говорить хорошо и кстати при всякихъ обстоятельствахъ. Но я утверждаю, что писаніе сочиненій, какъ оно дѣлается въ школахъ, ни на іоту не способствуетъ этому: въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ собственно занимается юнецъ, составляя сочиненія? Онъ сочиняетъ рѣчь на какую-нибудь латинскую пословицу, вродѣ Omnia vincit amor [1]), или Non licet in bello bis peccare [2]) и проч. Бѣдный малый, который ничего не знаетъ объ этихъ вещахъ, такъ какъ познаніе ихъ доставляется временемъ и наблюденіемъ, вынужденъ подвергать пыткѣ свой умъ, чтобы сказать что-нибудь о томъ, что онъ не знаетъ; это своего рода египетская туранія, приказаніе дѣлать кирпичи изъ матеріала, котораго нѣтъ. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ бѣдныя дѣти обыкновенно обращаются къ ученикамъ старшихъ классовъ съ просьбой: «пожалуйста, одолжите мнѣ немножко смысла» (Pray, give me a litle sense),—просьба, о которой трудно сказать, больше-ли въ ней разумнаго или смѣшного. Чтобы человѣкъ могъ говорить о какомъ-нибудь предметѣ, ему необходимо ознакомиться съ нимъ; безъ этого требовать отъ него разсужденій о предметѣ такъ-же нелѣпо, какъ заставлять слѣпого толковать о цвѣтахъ или глухого о музыкѣ. Развѣ вы не сочтете немного тро-

---

[1]) «Любовь все побѣждаетъ».

[2]) „Не позволяется дважды ошибаться на войнѣ“.

нувшимся всякаго, кто потребуетъ отъ человѣка, совершенно не свѣдущаго въ нашихъ законахъ, объяснить ему какой-нибудь спорный юридическій пунктъ? А что-же, спрашивается, понимаютъ школьники въ тѣхъ предметахъ, которые предлагаются имъ въ качествѣ темъ для сочиненій и разсужденій съ цѣлью изощрять и упражнять ихъ воображеніе.

172. Затѣмъ, примите въ соображеніе, на какомъ языкѣ пишутся эти сочиненія: на латинскомъ, на языкѣ, чуждомъ ихъ роднѣ, и давнымъ давно вымершемъ всюду; языкѣ, на которомъ вашъ сынъ—можно поставить тысячу противъ одного—ни разу въ жизни не будетъ произносить рѣчей, сдѣлавшись взрослымъ; языкѣ, настолько отличномъ по своему способу выраженія отъ нашего, что овладѣвъ имъ въ совершенствѣ, онъ почти ничего не пріобрѣтетъ отъ этого въ смыслѣ чистоты и гладкости своего англійскаго стиля. Кромѣ того, представляется такъ мало мѣста или поводовъ для произнесенія готовыхъ рѣчей на нашемъ родномъ языкѣ въ какой-бы то ни было области нашей англійской дѣловой жизни, что я не вижу никакого оправданія для этого рода упражненій въ нашихъ школахъ, если только не предполагать, что заставляя людей сочинять латинскія рѣчи, мы научаемъ ихъ хорошо говорить по англійски экспромтомъ. Я думаю, что этого можно вѣрнѣе достигнуть слѣдующимъ путемъ: предлагать молодымъ джентльменамъ разумные и полезные вопросы, соотвѣтствующіе ихъ возрасту и способностямъ, о предметахъ, не вполнѣ безызвѣстныхъ и не совершенно постороннихъ имъ; близкихъ къ тѣмъ, о которыхъ, когда они созрѣютъ для подобнаго рода занятій, имъ придется говорить экспромтомъ или послѣ непродолжительнаго размышленія на мѣстѣ, не прибѣгая къ перу; ибо я спрашиваю—разъ заходитъ рѣчь о результатахъ этого способа обученія говорить хорошо,—кто лучше говоритъ по поводу любого дѣла, когда его побуждаютъ къ этому какіе-либо возникшіе споры: тотъ-ли, кто привыкъ сочинять и записывать заранѣе то, что онъ собирается сказать; или тотъ, кто думаетъ только о дѣлѣ и, стараясь понять его насколько можетъ, имѣетъ обыкновеніе говорить только экспромтомъ? Всякій, кто приметъ это въ соображеніе, врядъ-ли будетъ склоненъ считать пріученіе молодого джентльмена къ составленію рѣчей и писанію сочиненій подходящимъ способомъ подготовки его къ дѣлу.

173. Но, можетъ быть, мнѣ скажутъ, что это—способъ упражнять и совершенствовать его въ латинскомъ языкѣ. Правда, что это должно быть его настоящимъ занятіемъ въ школѣ; но писаніе сочиненій вовсе не способствуетъ этому: оно заставляетъ умъ мучиться измышленіемъ, что-бы такое сказать, а не вникать въ значеніе словъ, которыя нужно заучить; и когда пишутъ сочиненія, то ищутъ, потѣя надъ этой задачей, мыслей, а не языка. Но такъ какъ изученіе языка само по себѣ не особенно легко и пріятно, то не слѣдуетъ загромождать его другими затрудненіями, какъ дѣлаетъ этотъ способъ. Наконецъ, если нужно изощрять способности мальчика подобными упражненіями, заставляйте его писать сочиненія по англійски, такъ какъ здѣсь ему

легко распоряжаться словами и онъ лучше разберется въ своихъ мысляхъ, излагая ихъ на родномъ языкѣ. Если-же нужно изучать латинскій языкъ, то слѣдуетъ дѣлать это легчайшимъ способомъ, не создавая утомленія и отвращенія такимъ скучнымъ занятіемъ, какъ сочиненіе рѣчей на этомъ языкѣ.

Стихи.

174. Если можно привести возраженія противъ писанія дѣтьми въ школѣ латинскихъ сочиненій, то еще болѣе имѣю я сказать, и съ гораздо большимъ вѣсомъ, противъ писанія ими стиховъ [1]), стиховъ какого-бы то ни было рода; такъ какъ, если ребенокъ не обладаетъ поэтическимъ геніемъ, то самая неразумная вещь на свѣтѣ—мучить его и заставлять тратить время на то, въ чемъ онъ никогда не можетъ имѣть успѣха; если же у него есть поэтическая жилка, то, по моему, самая странная вещь на свѣтѣ—желаніе или разрѣшеніе отца поощрять или совершенствовать ее [2]). Мнѣ кажется, родители должны стараться заглушить и подавить ее, елико возможно; я не знаю, на какомъ основаніи отецъ можетъ желать, чтобы его сынъ сдѣлался поэтомъ, если не хочетъ, чтобы онъ пренебрегъ всѣми остальными профессіями и дѣлами: да это еще не самое худшее; вѣдь если онъ окажется удачнымъ риѳмоплетомъ и пріобрѣтетъ репутацію генія, то сами можете разсудить, въ какой компаніи и въ какихъ мѣстахъ будетъ онъ, по всей вѣроятности, тратить свое время, да и свое со-

---

[1]) «Трудолюбивое бездѣлье, на которое тратится время въ англійскихъ классическихъ школахъ, заслуживаетъ самаго суроваго упрека. Съ какою цѣлью драгоцѣннѣйшіе годы юности безполезно растрачиваются на сочиненіе плохихъ латинскихъ и греческихъ стиховъ? Я не нахожу, чтобы отъ этого много выигрывали даже тѣ, кто научается въ концѣ концовъ писать хорошіе. Меня часто подмывало спросить этихъ любимцевъ природы и фортуны, неужели все серьезное и важное дѣло на свѣтѣ уже сдѣлано, что они могутъ тратить свое время и энергію на такія *nugae difficiles*.

Я не отрицаю пользы сочиненій на данномъ языкѣ съ цѣлью его тщательнаго изученія. Я не знаю болѣе дѣйствительнаго способа. Но развѣ не достаточно прозаическихъ сочиненій? Да и вообще, развѣ для этого непремѣнно требуются оригинальныя сочиненія? если можно называть оригинальными упражненія злополучныхъ школьниковъ, которые, не имѣя собственныхъ мыслей, сочиняютъ по памяти, пріобрѣтая пагубную привычку—бороться съ которой учитель долженъ бы былъ считать своей первой обязанностью—привычку нанизывать занятыя фразы. Упражненіе наиболѣе цѣнное, есть обратный переводъ на латинскій языкъ переведенныхъ отрывковъ хорошихъ авторовъ; къ этому можно присоединить, какъ и принято во многихъ континентальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, разговоръ на латинскомъ языкѣ.» (Д. С. Милль.). Д.

[2]) Этотъ небрежный отзывъ Локка о поэзіи бросаетъ яркій свѣтъ на печальный пробѣлъ въ его образованіи и даже умаляетъ его репутацію какъ философа. Если онъ лично не цѣнилъ поэтическихъ произведеній и наслажденія, которое они доставляютъ, то простое наблюденіе надъ человѣческой природой должно было бы внушить ему болѣе высокую оцѣнку ихъ субъективнаго и объективнаго значенія.» Ш. Ср. Введеніе, стр 29.

стояніе, ибо рѣдко случается, чтобы кто-нибудь находилъ золотыя и серебряныя копи на Парнасѣ. Тамъ пріятный воздухъ, но безплодная почва, и очень мало найдется людей, которые увеличили свое наслѣдственное состояніе насчетъ собранныхъ тамъ плодовъ. Поэзія и игра, которыя обыкновенно идутъ рука объ руку, сходны также въ томъ отношеніи, что рѣдко приноситъ пользу кому-либо, кромѣ тѣхъ, у кого нѣтъ ни кола ни двора. Состоятельные люди всегда оказываются въ проигрышѣ, и хорошо еще, если не поплатятся всѣмъ или большей частью своего состоянія. Итакъ, если вы не хотите, чтобы вашъ сынъ мололъ вздоръ въ какой-нибудь теплой компаніи, безъ которой подобные франты не могутъ утѣшаться виномъ или убивать свое время; если вы не хотите, чтобы онъ тратилъ свое время и состояніе на развлеченіе другихъ и презиралъ грязные акры, оставленные ему предками, то врядъ-ли вы будете стремиться, чтобы онъ сдѣлался поэтомъ или чтобы школьный учитель посвятилъ его въ искусство версификаціи. Но если кто-нибудь считаетъ поэзію желательной для своего сына и думаетъ, что ея изученіе повыситъ его способности и дарованія, то онъ долженъ признать, что чтеніе превосходныхъ греческихъ и римскихъ поэтовъ будетъ гораздо болѣе содѣйствовать этой цѣли, чѣмъ сочиненіе плохихъ виршей на чуждомъ языкѣ. А тотъ, кому желательно отличиться въ англійской поэзіи, врядъ-ли признаетъ, что для этого ему нужно дѣлать первыя попытки на латинскомъ языкѣ.

Заучиваніе на память.

175. Есть и еще одна вещь, очень часто примѣняемая обычнымъ методомъ грамматическихъ школъ, которая, на мой взглядъ, никуда не годится, развѣ только затруднять юношамъ обученіе языкамъ, которое, по моему мнѣнію, слѣдовало бы дѣлать, насколько возможно, легкимъ и пріятнымъ, устраняя изъ него по возможности все тягостное. То, что я подразумѣваю здѣсь, и на что жалуюсь, есть обязательное заучиваніе наизусть большихъ отрывковъ изъ читаемыхъ авторовъ; въ этомъ я не вижу рѣшительно никакой пользы [1]), осо-

[1]) Запоминаніе хорошихъ, удачно выбранныхъ и правильно понятыхъ отрывковъ, безъ сомнѣнія, представляетъ большую выгоду, какъ въ смыслѣ изученія языка, такъ и въ смыслѣ обогащенія души благородными мыслями, выраженными въ благородныхъ словахъ. Ошибочный пріемъ заставлять дѣтей заучивать стихи, которыхъ они не понимаютъ, въ надеждѣ, что ихъ значеніе можетъ обнаружиться въ одинъ прекрасный день подобно замершимъ звукамъ въ рожкахъ барона Мюнхгаузена. Каждый отрывокъ, заученный наизусть, долженъ быть удачно выбранъ, тщательно разъясненъ учителемъ и возобновляться въ памяти посредствомъ періодическаго повторенія. Слѣдующее замѣчаніе Галлама объ удовольствіи, которое ослѣпшій Мильтонъ находилъ въ поэзіи, заученной въ дни молодости, показываетъ, что на душу, одаренную воспріимчивостью къ поэзіи, заучиваніе наизусть произвело совершенно иное дѣйствіе: «Тогда то воспоминаніе о прочитанномъ въ молодости озарило его темную и одинокую тропу, какъ луна, выглянувшая изъ-за тучъ. Тогда то муза подлинно сдѣлалась его музой; не только вливая

бливо для того дѣла, которымъ они занимаются. Языки надо изучать только посредствомъ чтенія и разговоровъ, а не заучивая наизусть обрывки авторовъ; такъ какъ, начинивъ ими голову, человѣкъ пріобрѣтаетъ всѣ данныя сдѣлаться педантомъ и становится на вѣрный путь къ превращенію въ такового; а это всего менѣе годится для джентльмена. Ибо, что можетъ быть смѣшнѣе перемѣшиванія чужихъ великихъ и прекрасныхъ мыслей и изрѣченій съ собственнымъ скуднымъ матеріаломъ, который становится отъ этого еще замѣтнѣе, но отнюдь не привлекательнѣе, и также мало украшаетъ своего обладателя, какъ изношенное порыжѣвшее платье съ нашитыми на немъ яркими лоскутками и блестящими позументами. Конечно, если встрѣтится текстъ, достойный запоминанія, въ формѣ сжатаго и мѣткаго изрѣченія (какія часто попадаются у древнихъ авторовъ), то не слѣдуетъ упускать случая закрѣпить его въ умѣ ученика; превосходными изрѣченіями этихъ великихъ мастеровъ можно иногда пользоваться для упражненія памяти школьниковъ. Но заставлять ихъ заучивать на память уроки въ томъ порядкѣ, какъ они слѣдуютъ въ книгѣ, безъ выбора и разбора, значитъ, по моему мнѣнію, попусту расточать ихъ время и трудъ и внушать имъ пренебреженіе и отвращеніе къ учебникамъ, въ которыхъ они не находятъ ничего, кромѣ безполезной докуки.

176. Утверждаютъ, что дѣти должны заучивать свои уроки наизусть съ цѣлью упражненія и усовершенствованія памяти [1]). Жаль, что это мнѣніе опирается не на авторитетъ разума, а на необдуманную самоувѣренность, и что эта практика установлена не на основаніи точныхъ наблюденій, а на старинномъ обычаѣ; ибо очевидно, что сила памяти есть результатъ счастливой конституціи [2]), а не усо-

въ его душу творческое вдохновеніе, но и какъ дочь памяти, являющаяся съ отрывками старыхъ мелодій, голосами Эврипида, Гомера и Тассо, звуками, которые онъ любилъ въ юности и цѣнилъ какъ утѣшеніе старости. Тѣ, которые, хотя-бы и не испытавъ бѣдствія, поразившаго Мильтона привыкли, находясь вдали отъ книгъ, въ одиночествѣ или во время путешествія, въ промежуткахъ между дѣловыми хлопотами, утѣшаться поэтическими воспоминаніями, повторять прекрасныя строфы, ритмъ которыхъ издавна услаждалъ слухъ, припоминать чувства и образы, сохранившіе, въ силу ассоціаціи, чары, сообщенныя имъ годами юности,—тѣ чувствуютъ неоцѣнимое значеніе заучиванія наизусть въ тѣ годы, когда память въ полной силѣ, легко воспринимаетъ и навсегда удерживаетъ. Я, право, не знаю болѣе сильнаго аргумента среди многихъ, говорящихъ въ пользу воспитанія, налегающаго на поэзію, какъ у насъ, въ Англіи, чѣмъ тотъ, что оно закладываетъ основаніе для интеллектуальныхъ удовольствій въ преклонные годы.» (Lit. Hist. iv, 240). Д.

[1]) Это мнѣніе основывается на ошибочномъ предположеніи, будто память есть независимая способность. Въ дѣйствительности память есть душевное явленіе, представляющее результатъ разнообразныхъ душевныхъ операцій, каковы наблюденіе, воспріятіе, сужденіе, воображеніе, умозаключеніе, и зависитъ главнымъ образомъ отъ способа осуществленія этихъ операцій. Заучиваніе наизусть совершенствуетъ нашу память лишь въ томъ случаѣ, если соединяется съ усиленіемъ нашего контроля надъ вниманіемъ, съ осваиваніемъ нашей души съ ухищреніями, содѣйствующими памяти, и съ увеличеніемъ нашего запаса ассоціацій. Д.

[2]) Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что память, подобно

вершенствованія, достигнутаго упражненіемъ. Правда то, чѣмъ душа заинтересована и что она, изъ опасенія утратить, повторно запечатлѣваетъ на себѣ путемъ частой рефлексіи,—удерживается ею прочнѣе, но опять-таки соотвѣтственно ея природной силѣ задерживанія. Отпечатокъ на воскѣ или свинцѣ не держится такъ долго, какъ на мѣди или на стали. Правда, если часто возобновлять его, онъ можетъ сохраниться дольше; но всякая новая рефлексія есть новое впечатлѣніе; и мы должны принимать это въ расчетъ, если желаемъ знать, какъ долго умъ будетъ удерживать его. Но заучиваніе наизусть страницъ латыни такъ-же мало дѣлаетъ память способной удерживать что бы то ни было [1]), какъ вырѣзываніе какого нибудь изрѣченія на свинцѣ, не увеличиваетъ его способности прочно сохранять другія буквы. Если бы этотъ способъ упражненія памяти былъ способенъ сообщать ей силу и совершенствовать наши способности, то изъ всѣхъ людей актеры обладали-бы наилучшей памятью и представляли бы наилучшее общество. Но опытъ показываетъ, увеличиваютъ-ли заучиваемые ими отрывки ихъ способность запоминать другія вещи, и совершенствуются-ли ихъ способности пропорціонально тѣмъ усиліямъ, которыя ими дѣлаются при заучиваніи наизусть чужихъ словъ. Память такъ необходима во всѣхъ обстоятельствахъ и условіяхъ жизни, и безъ нея такъ мало можно сдѣлать, что намъ нечего опасаться, какъ бы она не ослабѣла и не испортилась изъ-за недостатка упражненія, если упражненіе можетъ сдѣлать ее сильнѣе. Но я боюсь, что эта способность души вообще не можетъ улучшаться и исправляться ка-

---

всѣмъ остальнымъ душевнымъ явленіямъ, зависитъ до извѣстной степени отъ природныхъ дарованій. Но также вѣрно и то, что она можетъ быть значительно усилена, при тщательномъ соблюденіи ея законовъ. Плохая память вообще связана съ несовершенствомъ чувственныхъ воспріятій, пренебреженіемъ къ обобщенію и классификаціи, интеллектуальной путаницей въ идеяхъ и ихъ символахъ, небрежнымъ разсужденіемъ, недостаткомъ интереса и его слѣдствіемъ, отсутствіемъ вниманія. Д.

[1]) Это не совсѣмъ точно. Привычка сосредоточиваться, развиваемая заучиваніемъ наизусть, можетъ быть приложена къ другимъ вещамъ; но Локкъ правъ, говоря, что люди могутъ запоминать извѣстный классъ вещей и не запоминать другихъ. Причина этого ясна. Мы запоминаемъ то, на чемъ сосредоточиваемъ вниманіе, а наше вниманіе зависитъ главнымъ образомъ отъ нашего интереса. Такъ какъ нашъ интересъ къ различнымъ вещамъ не одинаковъ, то не одинакова и способность вспоминать. Если бы память всецѣло зависѣла отъ «природной силы» удерживающей способности души, то мы должны были-бы ожидать, что она будетъ одинаково успѣшно удерживать все, что ей ввѣрено. Тотъ фактъ, что ея способность къ удерживанію мѣняется вмѣстѣ съ нашимъ интересомъ, ясно показываетъ, что она въ значительной степени зависитъ отъ нашихъ природныхъ или пріобрѣтенныхъ влеченій. Поэтъ, художникъ, натуралистъ, теологъ и безграмотный крестьянинъ смотрятъ на одну и ту-же сцену; и каждый уноситъ въ своей памяти ту группу фактовъ, многочисленныхъ и немногочисленныхъ, которая привлекла его вниманіе. Эти факты сохраняются въ памяти съ яркостью и постоянствомъ, пропорціанальными интенсивности вниманія, эмоціальному возбужденію, сопровождавшему вниманіе, ранѣе накопленному запасу идей, къ которымъ примыкаютъ новыя идеи, многочисленности случаевъ обращенія къ новымъ идеямъ и примѣненія ихъ въ новыхъ комбинаціяхъ, и т. д. Д

кими-либо упражненіями или усиліями съ нашей стороны [1]); по крайней мѣрѣ тѣми, которыя примѣняются для этой цѣли въ грамматическихъ школахъ. И если Ксерксъ могъ назвать по имени всякаго солдата своей арміи, въ которой насчитывалось по меньшей мѣрѣ сто тысячъ человѣкъ, то врядъ-ли онъ пріобрѣлъ эту удивительную способность благодаря заучиванію наизусть своихъ уроковъ въ дѣтствѣ. Этотъ способъ упражненія и усовершенствованія памяти посредствомъ скучнаго повторенія прочитаннаго, не глядя въ книгу, я думаю, мало употребляется при воспитаніи государей; а между тѣмъ, если бы онъ обладалъ преимуществами, которыя ему приписываются, имъ бы не слѣдовало пренебрегать въ отношеніи государей, такъ-же какъ и въ отношеніи самыхъ незнатныхъ школьниковъ: государи такъ-же нуждаются въ хорошей памяти, какъ всѣ остальные люди и, вообще говоря, не уступаютъ имъ этой способностью, хотя никогда не упражняли ее указаннымъ способомъ. Чѣмъ душа занята, чѣмъ она интересуется, то и запоминается всего лучше; если къ этому присоединить методъ и порядокъ, то этимъ, мнѣ кажется, сдѣлано все, что можно сдѣлать, для укрѣпленія слабой памяти; тотъ-же, кто вздумаетъ добиваться этого какимъ-нибудь другимъ путемъ, особливо нагружая ее вереницами чужихъ словъ, которыми учащійся вовсе не интересуется, тотъ по моему мнѣнію врядъ-ли достигнетъ результатовъ, окупающихъ хотя-бы только половину затраченнаго времени и труда.

Я не хочу этимъ сказать, что дѣтскую память не нужно упражнять. Я думаю, что ей слѣдуетъ давать занятіе, но оно не должно заключаться въ заучиваніи наизусть цѣлыхъ страницъ, которыя, какъ только урокъ отвѣченъ и задача исполнена, снова забываются, съ тѣмъ, чтобы уже больше не вспоминать. Это не улучшаетъ ни памяти, ни ума. Я уже указывалъ, что именно дѣти должны заучивать наизусть изъ авторовъ; когда эти мудрыя и полезныя изрѣченія запечатлѣлись въ ихъ памяти, нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы они не забывались и почаще спрашивать ихъ [2]); независимо отъ той пользы, которую эти изрѣченія могутъ имъ принести въ ихъ позднѣйшей жизни, какъ хорошія правила и наставленія, это будетъ пріучать ихъ часто задумываться надъ тѣмъ, о чемъ имъ слѣдуетъ помнить,—что и представляетъ единственный способъ сдѣлать память быстрой и дѣеспособной. Привычка часто сосредоточиваться будетъ удерживать

[1]) Такъ какъ память не имѣетъ самостоятельнаго существованія, а зависитъ отъ общаго воспитанія души, то объ этомъ общемъ воспитаніи и нужно главнымъ образомъ заботиться, имѣя въ виду ея улучшеніе. Д.

[2]) Періодическія повторенія безусловно важны для продолжительнаго сохраненія того, что запасено въ памяти. Всякое усиліе вниманія, связанное съ такими ретроспективными обзорами и подготовкой къ нимъ, усиливаетъ соотвѣтственныя пріобрѣтенія ума. Въ нѣкоторыхъ предметахъ конструктивныя упражненія обезпечиваютъ постоянный обзоръ нашихъ умственныхъ пріобрѣтеній; въ другихъ полезно дѣлать правильные, періодическіе экзамены съ цѣлью возобновленія прежнихъ знаній. Полезно также устраивать кумулятивные экзамены, чтобы по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ знаній не забывались старыя. Д.

ихъ умы отъ безцѣльнаго стремленія куда глаза глядятъ и возвращать ихъ мысли изъ безполезныхъ, невнимательныхъ блужданій; поэтому я и считаю полезнымъ давать имъ каждый день что нибудь для заучиванія на память, но во всякомъ случаѣ что-нибудь такое, что само по себѣ достойно запоминанія, и что, по вашему мнѣнію, имъ слѣдовало бы имѣть въ памяти всякій разъ, когда вы спрашиваете о немъ или они сами ищутъ его. Это заставитъ ихъ часто обращать свои мысли внутрь, а лучшей интеллектуальной привычки и пожелать нельзя.

177. Но кому-бы ни было ввѣрено обученіе ребенка въ теченіе этого нѣжнаго и податливаго періода его жизни, это во всякомъ случаѣ долженъ быть человѣкъ, который считаетъ латынь и языки самой маловажной частью воспитанія; и зная, насколько добродѣтель и благожелательная душа предпочтительнѣе всякой науки или языка, ставитъ своей главной задачей образовать душу своихъ школьниковъ и дать ей надлежащее направленіе; такъ какъ, если это достигнуто, хотя-бы при упущеніи всего остального, то въ свое время и все остальное будетъ пріобрѣтено, если-же это не достигнуто и не упрочено, если дурныя и порочныя привычки не искоренены, то языки и науки и всѣ прочія пріобрѣтенія воспитанія окажутся ни къ чему, развѣ только сдѣлаютъ человѣка еще болѣе вреднымъ или опаснымъ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько-бы ни трубили объ обученіи латинскому языку, какъ о важномъ и трудномъ дѣлѣ, мать можетъ обучить ему своего ребенка, если пожелаетъ затратить на это два или три часа въ день и заставлять его читать ей Евангеліе на латинскомъ языкѣ: для этого ей нужно только купить латинскій Новый Завѣтъ и, попросивъ кого-нибудь отмѣтить послѣдніе слога тамъ, гдѣ они являются долгими, въ словахъ, имѣющихъ больше двухъ слоговъ, (что достаточно для правильнаго произношенія и правильной разстановки ударенія), ежедневно читать его, сличая съ англійскимъ Евангеліемъ; въ такомъ случаѣ ей нельзя будетъ не понять латинскій текстъ. Когда-же она прочтетъ евангелистовъ по латыни, пусть тѣмъ-же способомъ читаетъ басни Эзопа, а затѣмъ пусть переходитъ къ Евтропію, Юстину и другимъ подобнымъ книгамъ. Я говорю объ этомъ не какъ о своей выдумкѣ, а какъ о фактѣ, лично мнѣ извѣстномъ и показавшемъ, что такимъ путемъ легко выучиться латинскому языку [1]).

[1]) Локкъ подразумѣваетъ здѣсь простое умѣнье читать по латыни. Врядъ-ли нужно говорить, что даже для этого умѣнья его способъ слишкомъ недостаточенъ и не надеженъ. Вся умственная дисциплина, доставляемая изученіемъ латинской грамматики, какъ уже замѣчено выше, теряется при такомъ упрощенномъ методѣ обученія. При всемъ томъ я думаю что методъ Локка можно примѣнять въ теченіе короткаго времени къ начинающимъ, чтобы пріохотить ихъ къ предмету. «Методъ изученія языковъ, въ особенности латинскаго, предлагаемый Локкомъ, имѣетъ то огромное преимущество, что при его примѣненіи юная душа сохраняетъ живость и бодрость, матерьялы легче перевариваются и усвояются и, проникая до внутреннихъ источниковъ дѣятельности, доставляютъ болѣе быстрый и прямой стимулъ энергіи учащагося. При обычныхъ методахъ, учащійся из-

Но вернемся къ тому, о чемъ я началъ говорить; тотъ, кто беретъ на себя обязанность воспитанія молодыхъ людей, особливо молодыхъ джентльменовъ, долженъ имѣть за собою нѣчто большее, чѣмъ латынь, чѣмъ даже знаніе свободныхъ наукъ: онъ долженъ быть человѣкомъ выдающейся добродѣтели и благоразумія, обладать здравымъ смысломъ, благодушіемъ и умѣньемъ держать себя съ достоинствомъ, непринужденно и ласково въ постоянныхъ сношеніяхъ съ своими питомцами. Но объ этомъ я подробно говорилъ въ другомъ мѣстѣ

178. Одновременно съ обученіемъ французскому и латинскому языкамъ, ребенокъ, какъ уже сказано, можетъ также приступить къ изученію ариѳметики, географіи, хронологіи, исторіи и геометріи. Ибо если эти предметы будутъ преподаваться ему на французскомъ или латинскомъ языкѣ [1]), когда онъ только начинаетъ понимать какой либо изъ нихъ, то онъ пріобрѣтетъ познанія въ этихъ наукахъ, а на придачу знаніе языка.

(Географія.)

Съ географіи, какъ мнѣ кажется, нужно начинать: такъ какъ изученіе фигуры земного шара, положенія и границъ четырехъ частей свѣта [2]) и отдѣльныхъ королевствъ и странъ связано только съ упражненіемъ глазъ и памяти, то ребенокъ будетъ съ удовольствіемъ заниматься этимъ. Насколько это вѣрно, можетъ показать слѣдующій примѣръ: въ домѣ, гдѣ я теперь живу, есть ребенокъ, котораго его мать такъ хорошо ознакомила этимъ способомъ съ географіей, что онъ зналъ границы четырехъ частей свѣта [2]), могъ указать любую страну на глобусѣ и любое графство на картѣ Англіи; зналъ всѣ большія рѣки, мысы, проливы и заливы на земномъ шарѣ и могъ найти долготу и широту любого пункта, имѣя еще менѣе шести лѣтъ отъ роду. Конечно, эти вещи, которыя ребенокъ усвоитъ при помощи зрѣнія и запечатлѣетъ въ своей памяти, не составляютъ всего, что

немогаетъ вадъ грамматическими упражненіями, имѣющими цѣлью усвоеніе правилъ и безчисленныхъ исключеній, и все это раньше, чѣмъ ему позволятъ увидѣть хоть клочекъ литературы. Когда-же, наконецъ, онъ переходитъ къ болѣе пріятной пищѣ, она постоянно приправляется вѣчными анализами и вопросами. Подобная система можетъ, пожалуй, производить солидныхъ педантовъ-грамматиковъ, но безплодна въ отношеніи истинной культуры.» Ш.

[1]) Это противно всякому здравому обученію. Усилія учителя должны быть направлены къ изолированію затрудненій. Если онъ прибавитъ къ трудностямъ предмета трудности мало знакомаго языка, то какъ предметъ, такъ и языкъ, пострадаютъ отъ раздѣленія вниманія между ними. Преподавать на иностранныхъ языкахъ можно лишь послѣ того, какъ ученикъ овладѣетъ ими почти какъ роднымъ. Д.

[2]) Въ то время Австралія не была еще открыта, острова же, присоединяемые нынѣ къ ней, не выдѣлялись—насколько они были извѣстны въ то время—въ особую часть свѣта. Пер.

онъ долженъ изучить на глобусѣ. Но все же это хорошій шагъ и подготовка къ дальнѣйшему, и значительно облегчитъ усвоеніе остального, когда разсудокъ созрѣетъ для этой задачи; кромѣ того, онъ выигрываетъ этимъ время; а удовольстіе узнавать разныя вещи облегчитъ ему усвоеніе языковъ.

(Ариѳметика—астрономія.)

179. Когда естественныя подраздѣленія земного шара хорошо запечатлѣлись въ его памяти, пора приняться за ариѳметику [1]. Подъ естественными подраздѣленіями земного шара я подразумѣваю различныя положенія частей суши и моря въ связи съ различными названіями и подраздѣленіями странъ, не касаясь тѣхъ искусственныхъ и воображаемыхъ линій, которыя придуманы въ видахъ преуспѣянія этой науки.

180. Ариѳметика есть легчайшій и, слѣдовательно, самый ранній родъ абстрактнаго разсужденія, доступный уму; и она такъ общеупотребительна во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и дѣятельности, что безъ нея врядъ ли можно обойтись въ чемъ бы то ни было. Во всякомъ случаѣ, ее никогда нельзя знать слишкомъ подробно, слишкомъ хорошо, а потому упражненія въ счетѣ нужно начинать такъ рано и вести ихъ такъ далеко, какъ только допускаютъ способности ребенка; и заниматься ими понемногу каждый день, пока онъ не овладѣетъ счисленіемъ. Когда онъ освоится съ сложеніемъ и вычитаніемъ, можно будетъ вести его дальше въ географіи; и познакомивъ его съ полюсами, поясами, параллельными кругами, объяснить ему, что такое долгота и широта, какъ употреблять карту, и по числамъ, указанныхъ на ея сторонахъ, опредѣлять относительное положеніе странъ и находить ихъ на земномъ глобусѣ. Когда онъ научится всему этому, можно перейти къ небесному глобусу, и, перебравъ еще разъ всѣ круги—причемъ особенно подробно остановиться на Эклиптикѣ или Зодіакѣ, чтобы запечатлѣть ихъ вполнѣ ясно и отчетливо въ его душѣ,—объяснить ему фигуры и положенія различныхъ созвѣздій, которыя можно указать сначала на глобусѣ, а затѣмъ въ небесахъ.

Когда это кончено и онъ довольно хорошо ознакомился съ созвѣздіями нашего полушарія, можно сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія о нашемъ планетномъ мірѣ; для этого слѣдуетъ сдѣлать чертежъ Коперниковской системы и объяснить положеніе планетъ и ихъ относительное разстояніе отъ солнца, центра ихъ обращенія. Это самый простой и естественный способъ подготовить его къ пониманію

[1] Трудно объяснить, почему Локкъ ставитъ ариѳметику послѣ географіи. Ариѳметику надо вводить на очень ранней стадіи воспитанія, хотя бы только ради цѣнной и пріятной интеллектуальной дисциплины, которую она доставляетъ. Это логика дѣтства. Д.

движенія и теоріи планетъ. Ибо, такъ какъ астрономы больше не сомнѣваются въ движеніи планетъ вокругъ солнца, то его слѣдуетъ ознакомить съ этой гипотезой, не только простѣйшей и наименѣе затруднительной для учащагося, но, повидимому, и наиболѣе правдоподобной. Но въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ частяхъ обученія, нужно стараться начинать съ дѣтьми съ простого и яснаго, сообщать имъ какъ можно меньше свѣдѣній заразъ, и хорошенько укоренять эти свѣдѣнія въ ихъ головахъ, прежде чѣмъ вы перейдете къ слѣдующему, или къ чему либо новому въ наукѣ. Дайте имъ сначала одну простую идею, и позаботьтесь, чтобы они усвоили ее правильно и вполнѣ поняли, прежде чѣмъ пойдете дальше; а затѣмъ присоединяйте къ ней другую простую идею, ближайшую на пути къ вашей цѣли; такимъ образомъ, подвигаясь легкими и незамѣтными шагами, не запутываясь и не смущаясь, дѣтскіе умы развернутся, и мысли ихъ расширятся гораздо больше, чѣмъ вы можетъ быть ожидаете. Когда-же мальчикъ выучился чему нибудь, нѣтъ лучшаго способа закрѣпить это въ его памяти, какъ поощрять его учить тому же другихъ.

(Геометрія.)

181. Когда онъ ознакомился такимъ путемъ съ глобусами, не будетъ неумѣстнымъ попытаться сообщить ему кое-какія свѣдѣнія по геометріи; причемъ, думается мнѣ, можно ограничиться первыми шестью книгами Эвклида. Я сомнѣваюсь, необходимо-ли и полезно-ли дѣловому человѣку знать больше. Во всякомъ случаѣ, если онъ обладаетъ даромъ и склонностью къ этой наукѣ, то, пройдя эти книги подъ руководствомъ учителя, будетъ въ состояніи продолжать самъ безъ его помощи.

Зато глобусы надо изучить какъ можно тщательнѣе, и я думаю, что начать это изученіе можно рано, если только воспитатель будетъ внимательно разбирать, что ребенокъ способенъ усвоить, что нѣтъ; причемъ можно руководиться слѣдующимъ правиломъ: дѣти могутъ научиться всему, что доступно ихъ чувствамъ, особливо зрѣнію, если при этомъ упражняется только ихъ память; такимъ образомъ очень маленькій ребенокъ можетъ заучить на глобусѣ, что такое экваторъ, что такое меридіанъ и проч., что такое Европа и что такое Англія, почти одновременно съ тѣмъ, какъ онъ узнаетъ комнаты своего дома, если только не сообщать ему слишкомъ много заразъ и не переходить къ новому, пока онъ не заучитъ и не выполнитъ какъ слѣдуетъ стараго.

(Хронологія).

182. Рука объ руку съ географіей должна идти хронологія. Я подразумѣваю общую часть ея, чтобы мальчикъ имѣлъ понятіе объ общемъ ходѣ временъ и о различныхъ важныхъ эпохахъ, на которыя

дѣлится исторія. Безъ этихъ двухъ наукъ—географіи и хронологіи—исторія, великая учительница благоразумія и гражданскаго знанія, изучать которую слѣдуетъ джентльмену или дѣловому человѣку, будетъ очень плохо усваиваться и принесетъ мало пользы; она превратится въ груду фактовъ, нагроможденныхъ въ безпорядкѣ и лишенныхъ всякой поучительности. Благодаря этимъ двумъ наукамъ дѣянія человѣчества размѣщаются на надлежащихъ мѣстахъ по эпохамъ и странамъ; при этомъ они гораздо легче удерживаются въ памяти и только при такомъ естественномъ порядкѣ могутъ навести на размышленія, дѣлающія человѣка лучше и разумнѣе.

183. Говоря о хронологіи, какъ о наукѣ, которую долженъ усвоить мальчикъ, я не имѣю въ виду мелкихъ разногласій, связанныхъ съ нею. Они безконечны и большинство ихъ такъ маловажны для джентльмена, что ему не стоитъ заниматься ими, если-бы даже рѣшеніе не представляло особыхъ трудностей. А потому весь этотъ ученый шумъ и пыль хронологовъ надо оставить въ сторонѣ. Самая полезная книга по этому предмету, какую я знаю,—небольшой трактатъ Страухія, напечатанный въ двѣнадцатую долю, подъ заглавіемъ Breviarium Chronologicum, изъ котораго можно выбрать все необходимое для молодого джентльмена по части хронологіи, такъ какъ нѣтъ надобности обременять учащагося всѣмъ, что содержится въ этомъ трактатѣ. Въ немъ указаны наиболѣе замѣчательныя и важныя эпохи, пріуроченныя къ Юліанскому періоду[1]): это самый удобный простой и надежный методъ, какой только можетъ быть примѣненъ къ хронологіи. Къ трактату Страухія можно прибавить таблицы Гельвика, книгу, къ которой слѣдуетъ во всѣхъ случаяхъ обращаться за справками.

(Исторія).

184. Нѣтъ ничего поучительнѣе и занимательнѣе исторіи. Первое изъ этихъ качествъ дѣлаетъ ее достойной изученія взрослыхъ людей, второе заставляетъ меня считать ее какъ нельзя болѣе подходящей для мальчика, которому, какъ скоро онъ освоится съ хронологіей, ознакомится съ различными эпохами[2]), принятыми въ нашей части свѣта и научится приводить ихъ къ Юліанскому періоду, можно дать для чтенія какую нибудь латинскую исторію. При выборѣ нужно руководствоваться легкостью стиля; такъ какъ, съ чего-бы онъ ни началъ, хронологія избавитъ его отъ путаницы; а занимательность предмета, побуждая его читать, незамѣтно освоитъ его съ языкомъ

[1]) Періодъ въ 7980 лѣтъ, начинавшійся за 4713 лѣтъ до нашей эры. Онъ примѣнялся, чтобы избѣжать путаницы, вытекающей изъ неизвѣстности даты сотворенія міра. Юліанскій періодъ полученъ умноженіемъ 28, числа лѣтъ солнечнаго цикла, на 19, число лѣтъ луннаго цикла, а произведенія на 15, число лѣтъ римскаго индикта: цикла, установленнаго Константиномъ Великимъ и принятаго Никейскимъ соборомъ. Д.

[2]) Подразумѣваются различныя лѣтосчисленія (эры). Перев.

безъ той отчаянной скуки и мученій, которыя достаются на долю дѣтей, когда имъ даютъ книги, превышающія ихъ способности; вродѣ римскихъ ораторовъ и поэтовъ, только для изученія римскаго языка. Когда онъ овладѣетъ посредствомъ чтенія легчайшими, вродѣ Юстина, Евтропія, Квинта Курція и проч., то не особенно затруднится и дальнѣйшими; и такъ, постепенно переходя отъ самыхъ простыхъ и легкихъ историковъ, будетъ въ концѣ концовъ читать наиболѣе трудныхъ и возвышенныхъ латинскихъ авторовъ, каковы Туллій, Виргилій и Горацій.

(Этика).

185. Такъ какъ познаніе добродѣтели съ самаго начала и во всѣхъ случаяхъ, когда онъ способенъ уразумѣть ее, внушается ему не столько правилами, сколько практикой; а любовь къ доброму имени, вмѣсто удовлетворенія своихъ влеченій, обращается для него въ привычку, то я не знаю, нужно-ли ему читать какія-нибудь разсужденія о морали, кромѣ тѣхъ, которыя онъ находитъ въ Библіи; и нужно-ли давать ему для ознакомленія какую-нибудь систему этики, пока онъ не въ состояніи читать Обязанности Туллія[1]), не какъ школьникъ, обучающійся латинскому языку, а какъ человѣкъ, желающій ознакомиться съ принципами и правилами добродѣтели, дабы руководствоваться ими въ своей жизни.

(Гражданское право).

186. Когда онъ довольно хорошо переварилъ Обязанности Туллія и присоединилъ къ нимъ De Officio Hominis et Civis Пуффендорфа, тогда, пожалуй, можно усадить его за De jure Belli et Pacis Гроція или—такъ какъ это, быть можетъ, лучшій изъ двухъ—за De jure naturali et Gentium Пуффендорфа; изъ нихъ онъ узнаетъ о естественныхъ правахъ людей, о происхожденіи и основаніи общества, и вытекающихъ отсюда обязанностяхъ. Эта общая часть гражданскаго права и исторія—предметы, которыми джентльменъ долженъ заниматься не слегка, а постоянно, никогда не разставаясь съ ними. Добродѣтельнаго и благонравнаго молодого человѣка, который хорошо освоился съ общей частью гражданскаго права (трактующей не о крючкотворствѣ частныхъ столкновеній, а о дѣлахъ и сношеніяхъ цивилизованныхъ націй вообще, на основаніи принциповъ разума), хорошо понимаетъ латынь и умѣетъ писать четко, можно выпустить въ свѣтъ съ увѣренностью, что онъ всюду найдетъ занятіе и почетъ.

---

[1]) De officiis Цицерона; болѣе замѣчательнымъ произведеніемъ древней литературы въ этой области является этика Аристотеля; та и другая книги для современнаго читателя сохраняютъ, конечно, только историческій интересъ. Перев.

(Законы).

187. Странно было бы предположить, что англійскій джентльменъ можетъ быть незнакомымъ съ законами своей родины. Это до такой степени необходимо во всякомъ положеніи, что я не знаю должности, отъ мирового судьи до министра, которую онъ могъ бы съ успѣхомъ выполнять безъ этихъ знаній. Я не подразумѣваю ябеды, кляузы или крючкотворной части законовъ: джентльменъ, задача котораго найти правильное мѣрило справедливости и неправды, а не освоиться съ искусствомъ обходить первую и безнаказанно разрѣшать себѣ вторую, долженъ быть такъ же далекъ отъ подобнаго способа изученія законовъ, какъ усерденъ въ ознакомленіи съ тѣмъ, что можетъ быть полезно для его родины. А для этой цѣли джентльмену, изучающему наши законы не съ цѣлью сдѣлать ихъ своей профессіей, слѣдуетъ, мнѣ кажется, ознакомиться съ нашей англійской конституціей и правленіемъ по старымъ книгамъ объ обычномъ правѣ, и по нѣкоторымъ болѣе современнымъ писателямъ, излагавшимъ, основываясь на нихъ, сущность этого правленія. Когда же онъ пріобрѣтетъ правильное понятіе о немъ, ему слѣдуетъ читать нашу исторію, присоединяя къ этому изученіе законовъ, изданныхъ въ царствованіе каждаго короля. Это сдѣлаетъ для него понятнымъ смыслъ нашихъ установленій и покажетъ, на какой почвѣ они выросли и какимъ вѣсомъ должны пользоваться.

(Реторика и логика).

188. Такъ какъ реторика и логика, при обычныхъ методахъ преподаванія, слѣдуютъ обыкновенно тотчасъ за грамматикой, то можетъ быть, покажется страннымъ, что я такъ мало говорилъ о нихъ. Причина та, что молодые люди извлекаютъ изъ нихъ мало пользы; я рѣдко или даже никогда не встрѣчалъ человѣка, который бы пріобрѣлъ искусство хорошо разсуждать или красно говорить, изучая правила, претендующія научить этому; а потому я бы желалъ, чтобъ молодой человѣкъ знакомился съ ними по самымъ коротенькимъ системамъ, какія только можно найти, не задерживаясь долго на разсмотрѣніи и изученіи этихъ формальностей. Правильное разсужденіе основывается не на предикадиментахъ и предикабиліяхъ, а на чемъ то другомъ, и не заключается въ умѣньи говорить по модусамъ и фигурамъ [1]). И такъ—переходя къ тому, что у насъ есть подъ руками—если вы хотите научить вашего сына хорошо разсуждать, заставьте

[1]) Предикаменты (praedicamenta) или категоріи—классы, на которые дѣлятся всѣ объекты знанія, именно (по Аристотелю): субстанція, количество, мѣсто, время, положеніе, обладаніе, дѣйствіе и страданіе. Предикабиліи (praedicabilia)—пять классовъ предикатовъ (сказуемыхъ): родъ, видъ, отличіе, свойство и акциденція. Модусъ и фигура различные формы силлогизмовъ. *Д.*

его читать Чиллингворта[1]); если же вы хотите, чтобъ онъ хорошо говорилъ, заставьте его основательно ознакомиться съ Тулліемъ, чтобы дать ему понятіе объ истинномъ краснорѣчіи; и читать вещи, написанныя на хорошемъ англійскомъ языкѣ, чтобы усовершенствовать его стиль въ отношеніи чистоты нашего языка.

189. Если польза и цѣль правильнаго разсужденія заключаются въ правильномъ понятіи и правильномъ сужденіи о вещахъ, въ умѣньѣ отличать истину отъ лжи, правду отъ неправды, и дѣйствовать соотвѣтственно, то ни въ какомъ случаѣ не допускайте, чтобы вашъ сынъ воспитывался въ искусствѣ формальныхъ диспутовъ, самъ ли практикуясь въ немъ или восхищаясь имъ въ другихъ; если только вы не хотите сдѣлать изъ него ничтожнаго казуиста, упрямаго въ спорѣ и гордящагося противорѣчіемъ другимъ; или, что еще хуже, оспаривающаго рѣшительно все, и убѣжденнаго въ томъ, что добиваться нужно не истины, а только побѣды въ спорѣ. Нѣтъ ничего болѣе недобросовѣстнаго и неподобающаго джентльмену, или кому-бы то ни было, претендующему на званіе разумнаго существа, чѣмъ нежеланіе уступать очевидному доводу и убѣждаться ясными аргументами. Есть ли что нибудь менѣе согласное съ приличной бесѣдой и цѣлью всякаго спора, какъ не принимать ни какого отвѣта, хотя-бы вполнѣ удовлетворительнаго, но продолжать диспутъ, пока двусмысленныя слова могутъ доставить терминъ (medius terminus) для уклоненія въ сторону или установленія различія[2]), не заботясь объ умѣстности или неумѣстности, смыслѣ или безсмыслицѣ, согласіи или про-

[1]) Чиллингвортъ былъ однимъ изъ любимыхъ писателей Локка. Его главное произведеніе, Религія Протестантовъ (The Religion of Protestants), опубликовано въ 1637 и представляетъ образчикъ строго логическаго разсужденія. Изученіе произведеній великихъ мыслителей конечно пріучаетъ умъ къ логическому мышленію, но не дѣлаетъ излишнимъ изученіе логики. Мистеръ Д. С. Милль говоритъ: „Ознакомленіе съ правильнымъ примѣненіемъ языка посредствомъ разговора и письма не дѣлаетъ излишними правила грамматики; точно также самое основательное знакомство съ раціоналистическими и опытными науками не дѣлаетъ излишнимъ знакомство съ правилами логики. Мы можемъ всю жизнь слышать правильныя разсужденія и видѣть искуссные эксперименты; но простое подражаніе не научитъ насъ тому-же: мы должны внимательно изучить, какъ это дѣлается. Въ абстрактныхъ вещахъ гораздо легче, чѣмъ въ чисто механическихъ, принять дурное за хорошее. Выяснить разницу между тѣмъ и другимъ дѣло логики. Логика излагаетъ общіе принципы и законы изысканія истины; условія, которыя сознательно или нѣтъ должны быть соблюдены, если умъ сдѣлалъ свое дѣло правильно. Логика ееть интеллектуальное дополненіе математики и физики. Эти науки представляютъ практику той способности, теорію которой даетъ логика. Она излагаетъ принципы, правила и предписанія, соблюденіе которыхъ иллюстрируется ими". (Inaugural. Adress at St. Andrews, p. 26). Высокая цѣнность логики быть можетъ всего лучше охарактеризована въ замѣчаніи: «она оттачиваетъ умъ». *Д.*

[2]) Локкъ имѣетъ въ виду то, что логики называютъ обманчивостью двусмысленнаго средняго, когда пользуясь двойственнымъ значеніемъ средняго термина (medius terminus), одну посылку сравниваютъ съ однимъ значеніемъ средняго термина, а другую съ другимъ. *Д.*

тиворѣчіи съ тѣмъ, что самъ-же говорилъ раньше. А вѣдь въ томъ то и заключаются пріемы и мастерство логическихъ диспутовъ, что оппонентъ не принимаетъ никакого отвѣта, а диспутантъ не сдается ни на какіе аргументы. Этого ни одинъ изъ нихъ не долженъ дѣлать, что бы ни сталось съ истиной или убѣжденіемъ, если только не хочетъ пріобрѣсти репутацію жалкаго простака, не способнаго поддержать то, что онъ утверждалъ, въ чемъ собственно и заключается главная цѣль и слава диспутированія. Истина обрѣтается и потверждается зрѣлымъ и основательнымъ разсмотрѣніемъ самихъ вещей, а не искусственными терминами и пріемами казуистики, они приводятъ людей не къ открытію истины, а къ недобросовѣстному и лукавому употребленію двусмысленныхъ словъ, что представляетъ самый безполезный и досадный способъ бесѣды; и всего менѣе подходитъ джентльмену или стороннику истины.

Врядъ-ли можно указать болѣе крупный изъянъ въ джентльменѣ, чѣмъ неумѣніе правильно выражаться въ письмѣ или разговорѣ. Тѣмъ не менѣе я, кажется, могу спросить читателя, не знаетъ-ли онъ очень много такихъ, которые живутъ на доходы съ своихъ имѣній, и, слѣдовательно, носятъ званіе джентльменовъ, качествами которыхъ имъ слѣдовало бы обладать,—а между тѣмъ не умѣютъ правильно разсказать простую исторію, не говоря уже о ясномъ и толковомъ изложеніи какого-нибудь дѣла. Я думаю, что это вина не столько ихъ самихъ, сколько ихъ воспитанія; такъ какъ, безъ всякаго пристрастія, долженъ признать, что мои соотечественники, разъ они усердно займутся чѣмъ нибудь, не уступятъ никому изъ своихъ сосѣдей. Они учились реторикѣ, но никогда не учились изящно выражаться, устно или письменно, на языкѣ, которымъ всегда пользуются; какъ будто названія фигуръ, украшавшихъ рѣчи тѣхъ, которые умѣли хорошо говорить, сами по себѣ составляютъ искусство и умѣнье хорошо говорить. Это послѣднее, какъ всѣ практическія вещи, пріобрѣтается не заучиваніемъ многихъ или немногихъ правилъ, а упражненіемъ и практикой, сообразно хорошимъ правиламъ или вѣрнѣе образамъ, пока не войдетъ въ привычку и не сдѣлается легкимъ.

(Стиль).

Для этого не мѣшаетъ, пожалуй, заставлять дѣтей, какъ скоро они способны къ тому, разсказывать обо всемъ, что они знаютъ, исправляя сначала самую важную ошибку въ построеніи разсказа [1]). Когда эта ошибка исправлена, укажите имъ слѣдующую, и такъ далѣе, пока всѣ, по крайней мѣрѣ грубыя, не будутъ исправлены одна

[1]) Это первый шагъ къ письменнымъ упражненіямъ. Правильно замѣчаніе Локка, что слѣдуетъ исправлять заразъ только одну ошибку, или одинъ классъ ошибокъ. Неумѣренная критика обезкураживаетъ ребенка и заставляетъ его черезчуръ заботиться о томъ, что онъ говоритъ, вслѣдствіе чего дѣлаетъ неестественнымъ и принужденнымъ или даже совсѣмъ замыкаетъ ему уста. Д.

за другой. Когда они научатся удовлетворительно разсказывать, можно заставить ихъ излагать эти разсказы письменно. Басни Эзопа, почти единственная, извѣстная мнѣ, книга, пригодная для дѣтей, можетъ доставить имъ матеріалъ для этихъ письменныхъ упражненій въ англійскомъ языкѣ, равно какъ и для чтенія и переводовъ при началѣ обученія латинскому языку. Когда они научатся писать безъ грамматическихъ ошибокъ и соединять въ послѣдовательномъ связномъ изложеніи различныя части разсказа, не прибѣгая къ ненужнымъ и неизящнымъ вставкамъ (какъ это обыкновенно бываетъ), тотъ, кто желаетъ вести ихъ дальше этого перваго шага къ умѣнью хорошо говорить, не требующаго никакой изобрѣтательности, можетъ обратиться къ Туллію, и, примѣняя на практикѣ правила, которыя этотъ мастеръ краснорѣчія даетъ въ своей первой книгѣ, de Inventione, § 20, показать имъ, въ чемъ заключается искусство и изящество хорошаго разсказа, соотвѣтственно его различнымъ предметамъ и цѣлямъ. На каждое изъ этихъ правилъ можно найти подходящіе примѣры, и такимъ образомъ показать, какъ пользовались ими другіе. Древніе классическіе авторы доставляютъ множество такихъ примѣровъ, которые годятся не только какъ матеріалъ для перевода, но и въ качествѣ образцовъ для подражанія.

Когда они научились писать по англійски связно, толково и послѣдовательно, и пріобрѣли довольно сносный повѣствовательный стиль, можно заставить ихъ практиковаться въ писаніи писемъ; при этомъ не слѣдуетъ требовать отъ нихъ остроумничанья или комплиментовъ, а нужно учить ихъ выражать свои мысли ясно, просто, толково, избѣгая безсвязности, путаницы или грубости. Когда же они достигнутъ этого, можно, для обогащенія ихъ мыслей, познакомить ихъ съ письмами Вуатюра [1]), какъ образцомъ переписки съ друзьями въ учтивомъ, веселомъ, шутливомъ или забавномъ тонѣ; и съ посланіями Туллія, какъ наилучшимъ образцомъ дѣловой или дружеской бесѣды. Писаніе писемъ такъ часто требуется во всѣхъ обстоятельствахъ человѣческой жизни, что ни одинъ джентльменъ не можетъ избѣжать необходимости проявить себя въ этомъ родѣ писаній. Обстоятельства будутъ ежедневно заставлять пользоваться перомъ, и умѣнье или неумѣнье владѣть имъ будутъ не только сопровождаться извѣстными послѣдствіями въ его дѣлахъ, но и подвергать его болѣе суровой критикѣ съ точки зрѣнія воспитанія ума и способностей, чѣмъ устныя разсужденія, такъ какъ мимолетные недостатки послѣднихъ умираютъ по большей части вмѣстѣ съ звукомъ, давшимъ имъ жизнь и потому не подлежатъ такой строгой критикѣ, легче ускользаютъ отъ наблюденія и осужденія.

Если бы методы воспитанія соотвѣтствовали своей настоящей цѣли, то, надо думать, такая необходимая вещь не оставлялась бы

[1]) Письма Вуатюра считались образцомъ эпистолярнаго стиля и находили много подражателей, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи. Слѣды ихъ вліянія можно замѣтить въ раннихъ письмахъ Локка съ материка. Д.

въ пренебреженіи, межъ тѣмъ, какъ совершенно ненужныя латинскія сочиненія и стихи всюду играютъ такую важную роль, заставляя дѣтей напрягать свои способности свыше силы, и мѣшая успѣшному изученію языковъ неестественными затрудненіями. Но такъ предписываетъ обычай, и кто осмѣлится не повиноваться ему? И разумно ли требовать отъ ученаго наставника деревенской школы (который знаетъ, какъ свои пять пальцевъ, всѣ тропы и фигуры реторики Фарнэби [1]), чтобы онъ обучилъ своихъ школьниковъ изящно выражаться по англійски, когда это такъ мало входитъ въ его задачу и соображенія, что мать школьника (которую онъ, конечно, презираетъ за невѣжество, такъ какъ она не прочла ни одной системы логики и реторики) далеко превосходитъ его въ этомъ отношеніи.

Умѣнье правильно писать и говорить придаетъ изящество и привлекаетъ благосклонное вниманіе къ тому, что человѣкъ имѣетъ сказать; и такъ какъ англійскій джентльменъ будетъ постоянно пользоваться англійскимъ языкомъ, то этотъ языкъ, главнымъ образомъ, ему и слѣдуетъ совершенствовать, прилагая величайшую заботу къ отдѣлкѣ и улучшенію своего стиля. Умѣнье лучше говорить или писать по латыни, чѣмъ по англійски, можетъ сдѣлать человѣка предметомъ разговоровъ, но онъ убѣдится, что для него полезнѣе умѣть правильно выражаться на родномъ языкѣ, которымъ онъ пользуется то и дѣло, чѣмъ заслужить пустую похвалу другихъ за весьма незначительное достоинство. Я нахожу, что этимъ всюду пренебрегаютъ и совершенно не заботятся объ усовершенствованіи молодыхъ людей въ ихъ родномъ языкѣ, чтобы они могли понимать его и владѣть имъ въ совершенствѣ. Если кто-либо изъ насъ владѣетъ роднымъ языкомъ съ большею, чѣмъ обыкновенно, легкостью и правильностью, то онъ обязанъ этимъ случайности, или своему дарованію или чему бы то ни было, только не своему воспитанію и не заботамъ учителя. Думать о томъ, какъ его питомецъ говоритъ или пишетъ по англійски, не пристало достоинству того, кто вскормленъ латынью и греческимъ языкомъ, хотя и не слишкомъ хорошо владѣетъ ими. Только эти ученые языки достойны того, чтобы ученые мужи занимались ими и преподавали ихъ; англійскій языкъ—языкъ непросвѣщенной черни; хотя мы и видимъ, что правительство нашихъ сосѣдей считаетъ достойнымъ государственной заботы поощрять и награждать усовершенствованіе родного языка [2]). Отдѣлка и усовершенствованіе родного языка

[1]) Томасъ Фарнэби родился въ Лондонѣ въ 1575 и, послѣ довольно богатой приключеніями юности, посвятилъ себя профессіи школьнаго учителя, въ которой пріобрѣлъ большую славу. По словамъ Вуда, онъ былъ „главный грамматикъ, риторъ, поэтъ, латинистъ и знатокъ греческаго языка своего времени; и школа его пользовалась такою популярностью, что изъ нея вышло больше церковниковъ и государственныхъ людей, чѣмъ изъ какой бы-то ни было англійской школы". Его Р е т о р и к а появилась въ 1625. Онъ умеръ 1647. Д.

[2]) Локкъ имѣетъ въ виду предпринимавшіеся во Франціи труды по усовершенствованію родного языка. Задачей Французской Академіи, основанной Ришелье въ 1637, было «очистить языкъ отъ вульгарныхъ, тех-

не считается у нихъ маловажнымъ дѣломъ; для этого учреждаются коллегіи и стипендіи [1]), и въ ихъ средѣ становится предметомъ честолюбія и соревнованія писать правильно; и мы видимъ, чего они достигли, какое широкое распространеніе удалось имъ доставить одному изъ самыхъ плохихъ языковъ въ нашей части свѣта, если сравнимъ, чѣмъ онъ былъ нѣсколько царствованій тому назадъ и что представляетъ изъ себя теперь. Великіе люди Рима ежедневно упражнялись въ родномъ языкѣ; и мы находимъ въ лѣтописяхъ имена ораторовъ, которые учили императоровъ латинскому языку [2]), хотя онъ былъ ихъ роднымъ языкомъ.

Греки еще болѣе заботились о своемъ языкѣ. Всякая другая рѣчь, кромѣ ихъ собственной, была для нихъ варварской; и, повидимому, ни одинъ иностранный языкъ не изучался и не цѣнился въ средѣ этого ученаго и проницательнаго народа; хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что они заимствовали свою науку и философію у чужихъ народовъ.

Я не высказываюсь здѣсь противъ латинскаго и греческаго языковъ; я думаю, что ихъ нужно изучать и что джентльменъ долженъ по меньшей мѣрѣ хорошо понимать латынь. Но какими бы иностранными языками ни занимался молодой джентльменъ (чѣмъ больше онъ будетъ знать по этой части, тѣмъ лучше), языкъ, который ему слѣдуетъ изучать критически, стараясь пріобрѣсти умѣнье выражаться на немъ легко, ясно и изящно,—это его собственный языкъ; и для достиженія этого онъ долженъ заниматься имъ ежедневно.

ническихъ или порожденныхъ невѣжествомъ искаженій и установить неизмѣнный образецъ». Академики считали своей обязанностью сохранять скрупулезную правильность въ собственныхъ сочиненіяхъ, принимая въ соображеніе мотивы, методъ, стиль, структуру каждаго отдѣльнаго слова. (Галламъ). Въ видахъ осуществленія этого намѣренія, Академія рѣшила составить словарь, грамматику и два трактата, о реторикѣ и о поэзіи; но какъ и слѣдовало ожидать, не замедлили убѣдиться, что большой коллегіи очень трудно выполнить общій трудъ, каждый пунктъ котораго долженъ обсуждаться всѣми членами. Словарь Академіи появился только въ 1694. Academia della Crusca во Флоренціи оказала подобную же услугу итальянскому языку, опубликовавъ знаменитый Vocabolario degli Academici, плодъ непрерывной сорокалѣтней работы. Въ 1713 была основана Академія въ Медридѣ, которая въ періодъ 1726—1739 опубликовала цѣнный словарь испанскаго языка. Д.

[1]) Я не знаю, какія коллегіи имѣетъ здѣсь въ виду Локкъ, кромѣ Академіи. Академики же не получали жалованья. См. въ Dict. Phil. статью Вольтера «Académie». Локкъ крайне преувеличиваетъ цѣнность трудовъ Академіи. Истинными усовершенствователями французскаго языка въ 17 столѣтіи были не пресловутые «сорокъ», а великіе писатели этого вѣка. „Сорокъ“ могли только, по выраженію Монтескьё, регистрировать декреты народа. Въ тоже время учрежденіе Академіи оказало косвенное вліяніе на языкъ, установивъ понятіе о правильности и неправильности языка, и такимъ образомъ способствуя возникновенію чего-то вродѣ грамматической совѣсти. См. опытъ Матью Арнольда объ „Академіяхъ“. Д.

[2]) Такъ знаменитый риторъ и грамматикъ Фронтонъ былъ назначенъ Антониномъ Піемъ учить латинскому языку двухъ его пріемныхъ сыновей, Марка Аврелія и Люція Вера. Д.

(Натуральная философія) [1].

190. Натуральной философіи, какъ спекулятивной науки, я полагаю, у насъ нѣтъ, и, можетъ быть, я вправѣ утверждать, что намъ никогда не удастся сдѣлать ея наукой. Ходъ природы устроенъ мудростью и совершается путями, черезчуръ превосходящими наши способности изслѣдованія или постиженія, чтобы мы могли когда-нибудь свести ихъ къ наукѣ. Такъ какъ натуральная философія есть познаніе началъ, свойствъ и дѣйствій вещей, каковы они въ самихъ себѣ, то я полагаю, что она распадается на двѣ части: одна занимается духами, ихъ природой и свойствами, другая—тѣлами. Первую относятъ обыкновенно къ метафизикѣ; но какъ бы ни называть ученіе о духахъ, я думаю, что оно должно предшествовать изученію матеріи и тѣла, не какъ наука, которую можно изложить методически въ видѣ системы и трактовать на основаніи принциповъ знанія, а какъ извѣстное расширеніе нашихъ умовъ по направленію къ болѣе вѣрному и болѣе полному пониманію интеллектуальнаго міра, причемъ нами руководятъ какъ разумъ, такъ и откровеніе. А такъ какъ наиболѣе ясныя и обширныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о другихъ духахъ, кромѣ Бога и нашихъ собственныхъ душъ, сообщаются намъ Небомъ въ откровеніи, то я полагаю, что, по крайней мѣрѣ молодые люди должны черпать свои познанія изъ откровенія. Для этой цѣли, мнѣ кажется, было бы полезно составить хорошую библейскую исторію для чтенія молодежи; и если въ ней будетъ изложено все подходящее для нихъ въ надлежащемъ порядкѣ послѣдовательности, съ опущеніемъ того, что доступно только для болѣе зрѣлаго возраста, то этимъ самымъ будетъ избѣгнута путаница, обыкновенно порождаемая чтеніемъ Писанія подъ рядъ, какъ оно изложено въ Библіи. Будетъ достигнутъ также другой полезный результатъ: именно благодаря этому чтенію, дѣтскіе умы освоятся съ понятіемъ и вѣрой въ духовъ, которые играютъ такую важную роль во всѣхъ событіяхъ этой исторіи,—а это въ свою очередь будетъ хорошей подготовкой къ изученію тѣлъ, ибо безъ допущенія и знанія духа, наша философія будетъ слабой и несовершенной въ своей главной части, отказываясь отъ размышленій о превосходнѣйшей и могущественнѣйшей части творенія.

191. Я думаю также, что было-бы полезно сдѣлать изъ этой библейской исторіи краткое и толковое извлеченіе, содержащее все главное и наиболѣе существенное, и знакомить съ нимъ дѣтей, лишь

---

[1]) Natural philosophy. Подъ этимъ названіемъ подразумѣвалось всякое ученіе объ общихъ законахъ, процессахъ и порядкѣ природы, т. е. всѣ знанія, кромѣ чисто-описательныхъ (natural history). И теперь физико-химическія науки носятъ въ англійскомъ языкѣ названіе „natural philosophy". Оттого мы не переводимъ этого термина выраженіями „натуръфилософія", „философія природы" или „естественная философія", имѣющими специфическое значеніе. Перев.

[2]) Локкъ подразумѣваетъ здѣсь ученія о вселенной, выводящія „систему натуральной философіи изъ первыхъ принциповъ тѣлъ вообще", какія предлагались древними и Декартомъ. См. §§ 193, 194. Д.

только они научатся читать. Хотя такимъ образомъ они съ раннихъ поръ пріобрѣтутъ нѣкоторое понятіе о духахъ, но это не противорѣчитъ тому, что я говорилъ выше, именно, что по моему мнѣнію не слѣдуетъ смущать дѣтей, пока они малы, представленіями о духахъ: я подразумѣвалъ подъ этимъ вредное вліяніе на ихъ нѣжныя души раннихъ представленій о домовыхъ, призракахъ, привидѣніяхъ, которыми няньки и другія окружающія дѣтей лица склонны запугивать ихъ, чтобъ добиться послушанія, что нерѣдко сопровождается для нихъ дурными послѣдствіями на всю жизнь, порабощая ихъ души разнымъ страхамъ, зловѣщимъ опасеніямъ, слабости и суевѣрію; такъ что, вступивъ въ свѣтъ и общеніе съ людьми и стыдясь своей слабости, они, желая совершенно излечиться отъ нея, и сбросить съ души удручающій ее гнетъ, нерѣдко отбрасываютъ всякую мысль о духахъ вообще, и такимъ образомъ впадаютъ въ другую, еще худшую крайность.

192. Причина, по которой я бы желалъ предпослать это изученію тѣлъ, и основательно закрѣпить въ умахъ доктрину Писанія, прежде чѣмъ молодые люди займутся натуральной философіей, заключается въ томъ, что матерія, будучи вещью, съ которой всѣ наши чувства постоянно имѣютъ дѣло, способна до такой степени овладѣвать душою и исключать всѣ остальныя бытія, кромѣ матеріи, что предразсудокъ, основанный на подобныхъ принципахъ, часто не оставляетъ мѣста для допущенія духовъ или признанія такой вещи, какъ не матеріальныя существа in rerum natura [1]), а между тѣмъ, очевидно, что при помощи одной только матеріи и движенія нельзя объяснить ни одного изъ великихъ явленій природы, хотя-бы, напримѣръ, тяготѣнія, которое по моему мнѣнію невозможно объяснить какимъ либо естественнымъ дѣйствіемъ матеріи или какимъ-либо другимъ закономъ движенія, а только положительной волей высшаго Существа, постановившаго такъ [2]). И такъ какъ всемірный потопъ не можетъ быть толково разъясненъ безъ допущенія чего-либо, выходящаго изъ

---

[1]) Въ природѣ вещей.

[2]) Въ объясненіе этихъ и послѣдующихъ, наивныхъ, съ современной точки зрѣнія, разсужденій можно напомнить, что во времена Локка только математическая астрономія (небесная механика) стала уже на степень точной науки; законы физики и химіи еще предстояло открыть; а область жизни, предметъ біологическихъ наукъ, — оставалась почти незатронутой научнымъ изслѣдованіемъ. При такихъ условіяхъ трудно было, не прибѣгая къ вмѣшательству сверхъестественныхъ агентовъ, разъяснить «ходъ природы», дать цѣльную картину міра во времени и пространствѣ. Попытки въ этомъ направленіи неизбѣжно отрывались отъ научной почвы и превращались какъ у Декарта, напр.,—въ схоластическую паутину. Только умы пророческой складки предвидѣли возможность полнаго устраненія сверхъестественныхъ агентовъ изъ міра дѣйствительности (осуществившагося окончательно лишь въ 19 вѣкѣ. съ торжествомъ эволюціонной теоріи); но умъ Локка не былъ умомъ пророческаго типа, онъ держался имѣющихся данныхъ, съумѣлъ подвести имъ итоги, и привести въ систему (въ своей философіи) элементы теоріи познанія, легшей въ основу научнаго міропониманія, не предугадывая всѣхъ ея послѣдствій. Перев.

рамокъ обычнаго хода природы, то я предлагаю обсудить, нельзя-ли, допустивъ, что Богъ перемѣстилъ на время центръ тяжести земли (вещь сама по себѣ столь-же понятная, какъ тяготѣніе, и вызванная, быть можетъ, какимъ-либо легкимъ измѣненіемъ неизвѣстныхъ намъ причинъ), объяснить Ноевъ потопъ болѣе удовлетворительно, чѣмъ это достигается какой-либо изъ существующихъ гипотезъ. Мнѣ возразятъ, что это произвело-бы только частичный потопъ. Но разъ допустивъ перемѣщеніе центра тяжести, не трудно представить себѣ; что божественная сила могла заставить его вращаться, втеченіе извѣстнаго времени, вокругъ центра земли, на надлежащемъ разстояніи отъ послѣдняго, вслѣдствіе чего потопъ сдѣлался-бы всемірнымъ, и, какъ мнѣ кажется, всѣ явленія, описанныя Моисеемъ, объяснились бы проще, чѣмъ они объясняются придуманными для этого неуклюжими гипотезами. Но здѣсь не мѣсто для этого вопроса, о которомъ я упомянулъ только мимоходомъ, чтобъ показать необходимость прибѣгать къ чему-либо, кромѣ простой матеріи и ея движенія, при объясненіи природы; для этого, понятія о духахъ и ихъ силахъ, сообщаемыя въ Библіи, которая такъ много приписываетъ ихъ дѣйствію, могутъ служить хорошей подготовкой; причемъ слѣдуетъ отложить до болѣе удобнаго случая болѣе полное изложеніе этой гипотезы и ея приложеніе ко всѣмъ подробностямъ потопа и ко всѣмъ затрудненіямъ, которыя можетъ представить его исторія, изложенная въ писаніи.

193. Но вернемся къ изученію натуральной философіи. Хотя міръ полонъ ея системами, но я не знаю ни одной, которую можно было бы преподавать молодому человѣку въ качествѣ науки, такъ чтобы онъ могъ съ увѣренностью искать въ ней истину и достовѣрность, ожидаемыя отъ всякой науки. Я не дѣлаю отсюда вывода, что ихъ не нужно читать. Въ нашъ ученый вѣкъ джентльмену необходимо ознакомиться съ ними для разговора съ людьми; но дадимъ-ли мы ему систему Декарта, какъ самую модную, или предпочтемъ сообщить краткій обзоръ этой и различныхъ другихъ системъ, я во всякомъ случаѣ думаю, что системы натуральной философіи, распространенныя въ нашей части свѣта, слѣдуетъ читать скорѣе для ознакомленія съ гипотезами и для пониманія терминовъ и способа выраженіе различныхъ школъ, чѣмъ въ надеждѣ получить изъ нихъ толковое, научное и удовлетворительное познаніе природы. Могу сказать одно: что современные корпускуляріанцы [1]) даютъ въ большинствѣ случаевъ болѣе понятныя объясненія, чѣмъ перипатетики, господствовавшіе въ школахъ непосредственно передъ ними. Кто захочетъ оглянуться на прошлое и ознакомиться съ различнымя мнѣніями древнихъ, тотъ можетъ обратиться къ Интеллектуальной Системѣ Д-ра Кодуорта [2]), въ которой ученѣйшій авторъ съ такою

---

[1]) Атомисты. Пер.

[2]) Cudworth. True Intellectual System of the Universe (Истинная Интеллектуальная Система Вселенной), напеч. 1678; обзоръ философскихъ ученій пытающійся доказать, что всѣ они предполагаютъ идею Бога. Пер.

точностью и разумѣніемъ собралъ и изложилъ мнѣнія греческихъ философовъ, что у него лучше, чѣмъ у кого-бы то ни было изъ извѣстныхъ мнѣ авторовъ, можно видѣть, на какихъ принципахъ они основывались и какія главныя гипотезы раздѣляли ихъ. Но я не хочу отклонять кого-бы то ни было отъ изученія природы изъ-за того, что не всѣ знанія, которыми мы обладаемъ или можемъ обладать о ней, могутъ быть возведены на степень науки. Есть очень много вещей, которыя полезно и необходимо знать джентльмену; и много другихъ, которыя вознаградятъ любознательнаго человѣка за его трудъ удовольствіемъ и пользою. Но ихъ надо искать, по моему мнѣнію, скорѣе у такихъ авторовъ, которые занимались раціональными опытами и наблюденіями, чѣмъ у сочинителей чисто спекулятивныхъ системъ. Работы мистера Бойля [1], равно какъ и другихъ, писавшихъ объ экономіи, растеніеводствѣ, садоводствѣ и т. п., могутъ пригодиться для джентльмена, который ознакомился съ модными системами натуральной философіи.

194. Хотя извѣстныя мнѣ системы физики не возбуждаютъ надежды найти достовѣрное или научное знаніе въ какомъ либо-трактатѣ, претендующемъ вывести систему натуральной философіи изъ первыхъ принциповъ тѣлъ вообще, однако, несравненный мистеръ Ньютонъ показалъ намъ, насколько математика, прилагаемая къ извѣстнымъ частямъ природы, можетъ, опираясь на принципы, оправдываемые фактами, подвинуть насъ въ познаніи нѣкоторыхъ, если можно такъ выразиться, спеціальныхъ отдѣловъ непостижимой вселенной. И если бы другіе могли дать намъ такое-же вѣрное и ясное описаніе остальныхъ частей природы, какое онъ даетъ въ своей удивительной книгѣ Philosophiae naturalis Principia Mathematica [2]) относительно нашего планетнаго міра и важнѣйшихъ явленій, наблюдаемыхъ въ немъ, то мы могли бы надѣяться достигнуть со временемъ болѣе правильнаго и достовѣрнаго познанія различныхъ частей этого колоссальнаго механизма, чѣмъ имѣли основаніе ждать до сихъ поръ. И хотя очень немногіе обладаютъ достаточными математическими познаніями, чтобы понять его доказательства; но такъ какъ наиболѣе свѣдущіе математики, разсматривавшіе эти доказательства, признали ихъ безупречными, то его книга заслуживаетъ чтенія и доставитъ не мало свѣта и удовольствія тому, кто, желая понять движенія, свойства и дѣйствія огромныхъ массъ матеріи въ нашей солнечной системѣ, тщательно продумаетъ его заключенія, которыя можно считать хорошо доказанными положеніями.

---

[1]) Робертъ Бойль, 1626—1691, знаменитый натуралистъ 17 вѣка, занимался изслѣдованіями въ области физики и химіи, помѣщая ихъ главнымъ образомъ въ Philosophical Transactions Англійскаго Королевскаго Общества. Особенно важны его изслѣдованія природы газовъ. (Законъ Бойля). Перев.

[2]) «Математическіе Принципы Натуральной Философіи». Великое произведеніе Ньютона появилось 1687, за шесть лѣтъ до напечатанія мыслей Локка. *Д.*

(Греческій языкъ).

195. Таковы, вкратцѣ, мои мысли о занятіяхъ молодого джентльмена; возможно, что меня спросятъ, какъ это я опустилъ греческій языкъ, хотя у грековъ надо искать, такъ сказать, источникъ и основаніе всей учености, какою мы обладаемъ въ нашей части свѣта. Я согласенъ съ этимъ; и прибавлю, что никто не можетъ считаться ученымъ, если не знаетъ греческаго языка. Но я разсматриваю здѣсь не воспитаніе профессіональнаго ученаго, а воспитаніе джентльмена, для котораго по общему признанію необходимо при нынѣшнихъ условіяхъ знаніе латинскаго и французскаго языковъ. Когда онъ сдѣлается взрослымъ, то если у него будетъ охота продолжать свои занятія и ознакомиться съ греческой ученостью, онъ не затруднится самостоятельно ознакомиться съ этимъ языкомъ; если-же у него нѣтъ этой склонности, то занятія подъ руководствомъ воспитателя будутъ потерей труда и онъ затратитъ значительную часть своего времени и усилій на то, что съ пренебреженіемъ заброситъ, какъ только получитъ свободу. Великъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, процентъ тѣхъ—даже въ средѣ самихъ ученыхъ—которые сохраняютъ знаніе греческаго языка, вынесенное изъ школы, или совершенствуются въ немъ настолько, что свободно читаютъ и вполнѣ понимаютъ греческихъ авторовъ?

Въ заключеніе этой части, касающейся научныхъ занятій молодого джентльмена, не мѣшаетъ напомнить воспитателю, что его дѣло не столько научить своего питомца всему познаваемому, сколько возбудить въ немъ любовь и уваженіе къ знанію и поставить его на вѣрный путь къ пріобрѣтенію знаній и самосовершенствованію, если у него будетъ охота къ этому.

Я сообщу здѣсь читателю мысли одного разумнаго автора [1]) о языкахъ, причемъ постараюсь передать ихъ какъ можно ближе, въ его собственныхъ выраженіяхъ. Онъ говоритъ: «Врядъ-ли можно черезчуръ обременить дѣтей знаніемъ языковъ. Они полезны людямъ во всѣхъ положеніяхъ и открываютъ имъ доступъ одинаково къ самымъ глубокимъ и къ болѣе легкимъ и занимательнымъ областямъ знанія. Если это мѣшкотное изученіе откладывать до нѣсколько болѣе зрѣлаго возраста, то у молодыхъ людей не хватитъ либо рѣшимости заняться имъ, либо выдержки довести его до конца. Если-же у кого либо хватитъ настойчивости, то ему не совсѣмъ удобно будетъ затрачивать на языки время, предназначенное для другого употребленія. Ему придется изучать слова въ такомъ возрастѣ жизни, который уже ушелъ дальше ихъ, и долженъ быть посвященъ дѣламъ; словомъ терять лучшее и прекраснѣйшее время жизни. Широкій фундаментъ знанія языковъ можетъ быть основательно заложенъ только тогда, когда всякая вещь легко производитъ глубокое впечатлѣніе на душу; когда память свѣжа, быстра и упорна; когда голова и сердце еще свободны отъ заботъ, страстей и плановъ; а тѣ, отъ кого зависитъ ребенокъ, обла-

[1]) La Bruyère, Moeurs du Siècle, pp. 577, 662.

дають достаточнымъ авторитетомъ, чтобы заставить его усердно и непрерывно заниматься. Я убѣжденъ, что немногочисленность истинныхъ ученыхъ и многочисленность поверхностныхъ претендентовъ на ученость—результатъ пренебреженія этимъ правиломъ».

Я думаю, каждый согласится съ этимъ наблюдательнымъ джентльменомъ, что самое подходящее время для изученія языковъ наши ранніе годы. Но родители и воспитатели должны обсудить, какимъ именно языкамъ слѣдуетъ учиться ребенку. Ибо надо признать безполезнымъ трудомъ и потерей времени изученіе языка, которымъ онъ по всей вѣроятности, не будетъ пользоваться въ предстоящей для него жизни, или который онъ, какъ можно замѣтить по его характеру, не преминетъ совершенно забросить и забыть, лишь только достигнетъ зрѣлаго возраста, избавится отъ гувернера и получитъ возможность отдаться своимъ наклонностямъ, вовсе не располагающимъ его къ занятіямъ учеными языками или какими бы то ни было, кромѣ навязываемыхъ ему ежедневнымъ употребленіемъ или какой нибудь спеціальной необходимостью.

При всемъ томъ, ради тѣхъ, которымъ предназначается быть учеными, я приведу здѣсь то, что тотъ же авторъ присоединяетъ въ дополненіе къ предыдущимъ замѣчаніямъ. Слова его заслуживаютъ вниманія всѣхъ, кто желаетъ быть истиннымъ ученымъ, и потому могутъ указать воспитателямъ, какія правила они должны внушать своимъ питомцамъ для руководства при ихъ будущихъ занятіяхъ.

«Изученіе подлиннаго текста», говоритъ онъ, «надо всячески рекомендовать. Это самый короткій, надежный и пріятный способъ всякаго изученія. Черпайте изъ первоисточника, а не берите изъ вторыхъ рукъ. Никогда не откладывайте въ сторону великихъ писателей, занимайтесь ими, запечатлѣвайте ихъ въ своей душѣ и при случаѣ цитируйте; поставьте своей задачей понять ихъ вполнѣ во всемъ объемѣ и во всѣхъ частностяхъ; ознакомляйтесь вполнѣ съ принципами оригинальныхъ авторовъ, приводите ихъ въ связь, а затѣмъ дѣлайте свои выводы. Въ такомъ положеніи были первые комментаторы, и вы не должны успокаиваться, пока не достигнете того-же. Не довольствуйтесь занятымъ свѣтомъ и не руководитесь чужими мнѣніями, исключая развѣ тѣхъ случаевъ, когда собственное сужденіе измѣняетъ вамъ и оставляетъ васъ въ темнотѣ. Толкованія другихъ комментаторовъ не ваши и не долго удержатся въ вашей памяти. Напротивъ, ваши собственныя наблюденія продуктъ вашего ума, въ которомъ останутся, и всегда будутъ подъ рукой въ случаѣ бесѣды, обсужденія и спора. Не лишайте себя удовольствія сознавать, что вы не становитесь въ тупикъ при чтеніи, развѣ только передъ непреодолимыми затрудненіями, гдѣ сами комментаторы и схоліасты останавливаются и не могутъ ничего сказать. Эти многословные толкователи другихъ мѣстъ, готовые расточать тщательную и показную ученость по поводу того, что само по себѣ ясно и просто, не жалѣютъ словъ и трудовъ тамъ, гдѣ этого вовсе не требуется. Убѣдитесь путемъ собственнаго изученія, что только лѣность людей поощряетъ педантизмъ не столько обогащать

библіотеки, сколько загромождать ихъ хламомъ, погребая хорошихъ авторовъ подъ грудой примѣчаній и комментаріевъ, и вы увидите, что лѣность дѣйствуетъ противъ себя самой и противъ собственныхъ интересовъ, умножая чтеніе и изслѣдованія, и увеличивая труды, которыхъ старалась избѣжать».

Хотя это разсужденіе касается, повидимому, только настоящихъ ученыхъ, но оно такъ важно для правильной постановки ихъ воспитанія и занятій, что, я надѣюсь, меня не будутъ порицать за то, что я помѣстилъ его здѣсь; особливо, если примутъ въ соображеніе, что она можетъ пригодиться и для джентльмена, если ему вздумается когда нибудь проникнуть глубже поверхности и пріобрѣсти солидныя, удовлевлетворительныя и самостоятельныя знанія въ какой либо области ученья.

Говорятъ, будто порядокъ и постоянство существенно отличаютъ одного человѣка отъ другого; я во всякомъ случаѣ увѣренъ, что хорошій методъ болѣе, чѣмъ что либо другое, расчищаетъ и облегчаетъ путь учащемуся, помогая ему успѣшно и далеко заходить въ своихъ изслѣдованіяхъ. Его воспитатель долженъ взять на себя трудъ втолковать ему это, пріучить его къ порядку [1]) и научить его методичности въ умственной работѣ; показать ему, въ чемъ она заключается и въ чемъ ея преимущество, ознакомить его съ различными методическими пріемами, съ переходами отъ общаго къ частному и отъ частнаго къ общему, упражнять его въ обоихъ, и показать ему, въ какихъ случаяхъ каждый изъ нихъ наиболѣе подходитъ и какимъ цѣлямъ онъ наилучше служитъ.

Въ исторіи слѣдуетъ руководиться порядкомъ времени [2]), въ философскихъ изслѣдованіяхъ порядкомъ природы, то есть при всякомъ движеніи впередъ переходить изъ того мѣста, гдѣ мы находимся, къ непосредственно прилегающему къ нему ближайшему; или, въ умственной дѣятельности, отъ уже пріобрѣтеннаго знанія къ ближайшему, находящемуся съ нимъ въ связи и такъ далѣе, подвигаясь къ цѣли черезъ простѣйшія и наименѣе сложныя части, на которыя можетъ быть

---

[1]) „По этому поводу Гельвецій дѣлаетъ замѣчаніе, которое слѣдовало бы возвести въ правило: „Порядокъ удлиняетъ день, безпорядокъ сокращаетъ его". Тотъ, кто не соблюдаетъ порядка въ занятіяхъ, умретъ невѣждой; а тотъ, кто не соблюдаетъ его въ жизни, никогда не будетъ мудрымъ". Ст. Дж.

[2]) Есть другой принципъ, съ которымъ нужно сообразовать порядокъ занятій, именно послѣдовательность умственнаго развитія. Замѣчаніе Локка относительно порядка, которому нужно слѣдовать въ философскихъ изслѣдованіяхъ (то есть въ физическихъ наукахъ), превосходно. Слова: „При всякомъ движеніи впередъ надо идти изъ того мѣста, гдѣ мы находимся, къ примыкающему къ нему ближайшему"—слѣдовало-бы написать на дверяхъ каждой школы и каждой лабораторіи. Изученіе „обыкновенныхъ вещей" есть лучшій переходный путь къ формальному изученію различныхъ отраслей физической науки, къ которымъ они относятся. Географія ближайшихъ окрестностей есть лучшее введеніе къ географіи міра. Мѣстная исторія есть лучшее введеніе къ національной, національная къ всеобщей,—и такъ во всѣхъ другихъ предметахъ. Д.

раздѣленъ предметъ. Для этой цѣли полезно пріучить питомца хорошо различать, то есть имѣть различныя понятія тамъ, гдѣ умъ можетъ найти какую-либо реальную разницу; но тщательно избѣгать словесныхъ различеній тамъ, гдѣ нѣтъ различныхъ и отчетливо ясныхъ идей.

(Отдѣлъ XXV. §§ 196—209).

(Внѣшніе таланты.—Танцы.)

196. Кромѣ того, что пріобрѣтается при помощи учебныхъ занятій и книгъ, есть извѣстные внѣшніе таланты (accomplishments), необходимые для джентльмена и пріобрѣтаемые упражненіемъ; для нихъ надо удѣлить часть времени и имѣть учителей.

Такъ какъ танцы придаютъ движеніямъ изящество, сохраняющееся всю жизнь, и болѣе, чѣмъ что-либо, сообщаютъ дѣтямъ мужественность и приличную увѣренность, то учить имъ, я думаю, никогда не можетъ быть слишкомъ рано, лишь только возрастъ и силы позволяютъ это. Но вы должны пригласить хорошаго учителя, который знаетъ и умѣетъ научить тому, что изящно и прилично и что придаетъ свободу и непринужденность всѣмъ движеніямъ тѣла. Если онъ не умѣетъ научить этому, то лучше бы его совсѣмъ не было: природная неотесанность гораздо лучше жеманныхъ обезьяньихъ позъ; и я думаю, что гораздо пристойнѣе раскланиваться на манеръ честнаго сельскаго джентльмена, чѣмъ на манеръ плохого танцмейстера. Что же касается собственно фигуръ и пріемовъ танца, то я почти вовсе не придаю имъ значенія, поскольку они не содѣйствуютъ общему изяществу движеній.

(Музыка.)

197. Считается, что музыка имѣетъ нѣчто родственное съ танцами; и умѣнье хорошо играть на нѣкоторыхъ инструментахъ высоко цѣнится многими. Но она требуетъ отъ молодого человѣка такой огромной затраты времени для пріобрѣтенія весьма посредственнаго искусства, и часто заводитъ въ такую дурную компанію, что по мнѣнію многихъ гораздо лучше обойтись безъ нея; и дѣйствительно, я такъ рѣдко слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ способныхъ и дѣловыхъ людей восхвалялся и одобрялся за успѣхи въ музыкѣ [1]), что нахожу возможнымъ поставить это искусство на послѣднемъ мѣстѣ среди всѣхъ прочихъ талантовъ. Нашей короткой жизни не хватитъ на

[1]) „Локкъ судитъ о музыкѣ, какъ и о поэзіи, очень поверхностно и пристрастно. Онъ ни слова не говоритъ о ея утончающемъ и облагораживающемъ вліяніи. Изъ его словъ можно заключить, что обученіе музыкѣ требуется только для цѣлей пустого тщеславія“. Ш.

ознакомленіе со всѣми вещами, да и душа не можетъ быть все время занята пріобрѣтеніемъ какихъ-либо знаній. Слабость нашей конституціи, какъ душевной, такъ и тѣлесной, требуетъ частаго отдыха; и тотъ, кто хочетъ съ пользою употребить свою жизнь, долженъ посвятить значительную часть ея развлеченію. Во всякомъ случаѣ, нельзя отказать въ немъ молодымъ людямъ, если вы только не желаете, состаривъ ихъ чрезмѣрной торопливостью, увидѣть, какъ они преждевременно сойдутъ въ могилу или впадутъ во второе дѣтство. А потому я и думаю, что время и трудъ, посвященные серьезнымъ занятіямъ, должны употребляться на самыя полезныя и важныя вещи, притомъ съ примѣненіемъ самыхъ простыхъ и легкихъ методовъ, какіе только можно придумать; и можетъ быть, какъ я уже замѣтилъ выше, одинъ изъ важнѣйшихъ секретовъ воспитанія заключается въ умѣніи добиться того, чтобы тѣлесныя и душевныя упражненія служили отдыхомъ одни для другихъ. Я не сомнѣваюсь, что нѣчто подобное можетъ быть достигнуто благоразумнымъ человѣкомъ, который будетъ принимать въ соображеніе характеръ и наклонности своего питомца. Вѣдь тотъ, кто усталъ отъ занятій или танцевъ, не желаетъ немедленно лечь спать, а предпочитаетъ заняться чѣмъ-нибудь другимъ, что можетъ доставить ему удовольствіе и развлеченіе. Одно слѣдуетъ всегда помнить: никакое занятіе не можетъ служить развлеченіемъ, если оно не дѣлается съ удовольствіемъ.

(Верховая ѣзда.—Фехтованіе.)

198. Фехтованіе [1]) и верховая ѣзда считаются такой необходимой частью воспитанія, что пренебрегать ими было-бы признано большимъ упущеніемъ; верховая ѣзда, которой учатся только въ большихъ городахъ,—одно изъ полезнѣйшихъ для здоровья упражненій, какое можно имѣть въ этихъ мѣстахъ довольства и роскоши; и съ этой точки зрѣнія умѣстно въ занятіяхъ джентльмена, пока онъ живетъ въ городѣ. Поскольку-же оно даетъ человѣку твердую и граціозную посадку въ сѣдлѣ, и дѣлаетъ его способнымъ пріучить своего коня разомъ останавливаться, быстро поворачиваться и подниматься на дыбы, оно полезно для джентльмена, какъ въ мирное время, такъ и на войнѣ. Но достаточно-ли оно важно, чтобы сдѣлать его серьезнымъ занятіемъ и тратить на него больше времени, чѣмъ нужно для

---

[1]) Повидимому, у нашихъ предковъ фехтованіе составляло важную часть воспитанія даже тѣхъ, которые готовились къ мирнымъ профессіямъ. По крайней мѣрѣ, даже Мильтонъ, который, хотя и не сдѣлался священникомъ, но воспитывался для церкви, не безъ удовольствія вспоминаетъ о своемъ умѣньѣ фехтовать: «Будучи очень худощавымъ, я, однако, не имѣлъ недостатка въ мужествѣ и силѣ; и постоянно упражнялся въ искусствѣ владѣть шпагой, насколько это было совмѣстимо съ моими привычками и годами. Постоянно имѣя при себѣ это оружіе, я готовъ былъ потягаться со всякимъ, хотя бы гораздо сильнѣйшимъ, чѣмъ я; и чувствовалъ себя вполнѣ безопаснымъ противъ нападенія всякаго открытаго врага». (Second Defence of the People of England). Ст. Дж.

упражненій, предпринимаемыхъ иногда исключительно ради здоровья, я предоставляю рѣшать родителямъ и воспитателямъ, которые должны помнить, что во всѣхъ отдѣлахъ воспитанія наибольшее количество времени и прилежанія должно быть посвящено тому, что будетъ имѣть наиболѣе важное значеніе и наиболѣе частое примѣненіе въ обычномъ теченіи и обстоятельствахъ той жизни, для которой предназначается молодой человѣкъ.

199. Что касается фехтованія, то оно кажется мнѣ упражненіемъ полезнымъ для здоровья, но опаснымъ для жизни. Увѣренность въ своемъ искусствѣ порождаетъ наклонность къ ссорамъ у тѣхъ, которые думаютъ, что умѣютъ владѣть шпагой. Это убѣжденіе часто дѣлаетъ ихъ болѣе, чѣмъ нужно, щекотливыми въ вопросахъ чести, при малѣйшемъ вызовѣ или даже безъ вызова. Молодые люди, съ ихъ горячей кровью, склонны думать, что напрасно учились фехтованію, если никогда не проявятъ своего искусства и мужества на дуэли; и повидимому, это разсужденіе не лишено основанія. Но сколько печальныхъ трагедій оно породило, о томъ свидѣтельствуютъ слезы многихъ матерій. Тотъ, кто не умѣетъ фехтовать, постарается избѣгать общества буяновъ и картежниковъ и не будетъ проявлять такой мелочной щепетильности, наносить оскорбленія или рѣзко оправдывать ихъ, что и служитъ обыкновенно поводомъ къ ссорѣ. На поединкѣ же посредственное искусство фехтованія скорѣе подводитъ человѣка подъ ударъ противника, чѣмъ защищаетъ отъ него. И конечно, смѣлый человѣкъ, вовсе не умѣющій фехтовать, и потому ставящій все на первый ударъ, и не теряющій времени на парированіе, имѣетъ перевѣсъ надъ посредственнымъ фехтовальщикомъ, особливо, если искусенъ въ борьбѣ. А потому, если нужно принимать мѣры противъ подобныхъ случаевъ и подготовлять своего сына къ дуэлямъ, то я лучше желалъ бы, чтобъ мой былъ хорошимъ борцомъ, чѣмъ ординарнымъ фехтовальщикомъ; послѣднее же—все, чего можетъ достигнуть въ этомъ искусствѣ джентльменъ, если не будетъ постоянно торчать въ фехтовальной залѣ и упражняться ежедневно. Но такъ какъ фехтованіе и верховая ѣзда вообще считаются необходимой принадлежностью воспитанія джентльмена, то трудно совершенно отказать въ этихъ знакахъ отличія человѣку этого званія. Поэтому я предоставляю отцу разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ характеръ его сына и положеніе, которое онъ, вѣроятно, будетъ занимать, допускаютъ или побуждаютъ сообразоваться съ обычаемъ, который, имѣя очень мало общаго съ цивилизованной жизнью, былъ къ тому же совершенно не знакомъ самымъ воинственнымъ націямъ, и кажется немного прибавилъ силы или мужества тѣмъ, которые усвоили его; если только мы не думаемъ, что воинское искусство или доблесть преуспѣли, благодаря дуэлямъ, вмѣстѣ съ которыми вошло въ обычай фехтованіе, съ тѣмъ, я полагаю, чтобы вмѣстѣ съ ними и исчезнуть.

200. Вотъ мои мысли относительно образованія и внѣшнихъ талантовъ. Всего важнѣе добродѣтель и мудрость:

Nullum numen abest si sit prudentia [1]).

Научите его господствовать надъ своими склонностями и подчинять свои влеченія разуму. Разъ это достигнуто и путемъ постоянной практики превращено въ привычку, труднѣйшая часть задачи исполнена.

Чтобы добиться этого отъ молодого человѣка, я не знаю лучшаго средства, чѣмъ любовь къ похвалѣ и одобренію, которую и нужно внушать ему всѣми силами. Постарайтесь сдѣлать душу, какъ можно болѣе чувствительной къ чести и сраму; и если вамъ удалось это—вы вложили въ его душу начало, которое будетъ вліять на его дѣйствія въ вашемъ отсутствіи, съ которымъ нельзя и сравнивать страхъ боли, причиняемой розгой, и которое будетъ хорошимъ поводомъ для позднѣйшей прививки принциповъ морали и религіи.

(Ремесло).

201. Мнѣ осталось прибавить лишь одну вещь, но при первомъ упоминаніи о ней я рискую навлечь на себя подозрѣніе въ томъ, что забылъ, о чемъ идетъ рѣчь и что я писалъ выше о воспитаніи, всецѣло принаровленномъ къ призванію джентльмена, съ которымъ ремесло, повидимому, совершенно несовмѣстимо. При всемъ томъ, не могу не сказать, что я желалъ бы научить его ремеслу, ручному труду; даже двумъ, тремъ ремесламъ, но одному изъ нихъ особенно основательно.

202. Такъ какъ наклонность дѣтей къ дѣятельности всегда слѣдуетъ направлять на что-нибудь полезное для нихъ, то можно принимать въ соображеніе двоякаго рода выгоды, вытекающія изъ ихъ занятій: 1. Само искусство, пріобрѣтаемое упражненіемъ, стоитъ пріобрѣсти. Таковы не только знаніе языковъ и наукъ, но искусство живописи, токарное ремесло, садоводство, обработка желѣза и всѣ другія полезныя ремесла. 2. Упражненіе, безотносительно къ результатамъ, полезно для здоровья.

Знаніе нѣкоторыхъ вещей такъ необходимо пріобрѣсти дѣтямъ, пока они молоды, что часть ихъ времени должна быть посвящена усовершенствованію въ нихъ, хотя эти занятія вовсе не содѣйствуютъ укрѣпленію здоровья. Таковы чтеніе и письмо, и всѣ остальныя сидячія занятія, съ цѣлью воспитанія ума, которыя неизбѣжно занимаютъ значительную часть времени джентльмена съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Другія ручныя ремесла, которыя заключаются въ физическомъ трудѣ и пріобрѣтаются физическимъ трудомъ, не только увеличиваютъ нашу

---

[1]) „Ни одно божество не отсутствуетъ, если на лицо,—благоразуміе“. Локкъ не точно цитируетъ Ювенала. Знаменитый сатирикъ говоритъ:

„Nullum numen habes, si sit prudentia“. (X, 365)

„Не имѣешь божества (т. е. не нуждаешься въ божествѣ), если обладаешь благоразуміемъ. Цицеронъ, кажется, доказываетъ, что тотъ, кто обладаетъ благоразуміемъ, обладаетъ всѣми остальными добродѣтелями, такъ какъ не обладать ими—признакъ неблагоразумія. Д.

ловкость и силу, но и укрѣпляютъ наше здоровье, особливо, если практикуются на открытомъ воздухѣ. Въ нихъ, слѣдовательно, можно соединить обученіе съ улучшеніемъ здоровья, и изъ нихъ слѣдуетъ выбрать подходящія, въ качествѣ отдыха для того, чье главное занятіе заключается въ урокахъ и книгахъ. При этомъ выборѣ нужно принимать въ разсчетъ возрастъ и наклонности учащагося, и всегда избѣгать принужденія. Ибо приказаніе и насиліе часто создаютъ отвращеніе, но никогда не излѣчиваютъ отъ него; и тотъ, кто дѣлаетъ что-нибудь по принужденію, броситъ это дѣло при первой возможности, и извлечетъ изъ него мало пользы и развлеченія, пока будетъ имъ заниматься.

(Живопись).

203. Изъ всѣхъ искусствъ я бы предпочелъ искусство живописца, если бъ не было противъ него кое-какихъ доводовъ, на которые трудно возразить. Во-первыхъ, плохая живопись—одна изъ самыхъ скверныхъ вещей на свѣтѣ; а для того, чтобы научиться рисовать сносно, требуется черезчуръ много времени. Если человѣкъ обладаетъ природной наклонностью къ живописи, то можно опасаться, что она заставитъ его пренебрегать всѣми другими болѣе полезными занятіями; если же у него нѣтъ этой склонности, то время, трудъ и деньги, затраченныя на это искусство, окажутся выброшенными за окно. Другая причина, по которой я противъ живописи въ воспитаніи джентльмена, заключается въ томъ, что это развлеченіе—сидячее, занимающее не столько тѣло, сколько душу. Болѣе серьезнымъ занятіемъ джентльмена я считаю ученье; а въ качествѣ развлеченія и отдыха отъ него, требуется какое-нибудь физическое упражненіе, дающее отдыхъ головѣ и укрѣпляющее здоровье и силу. По этимъ двумъ причинамъ я не стою за живопись.

(Развлеченія).

204. Для деревенскаго джентльмена я бы предложилъ прежде всего одно изъ слѣдующихъ занятій, а еще лучше оба: именно, садоводство или сельское хозяйство вообще, и работы по дереву, вродѣ плотничьей, столярной, токарной, такъ какъ онѣ могутъ служить подходящимъ и здоровымъ развлеченіемъ для кабинетнаго или дѣлового человѣка. Душа не выдерживаетъ постояннаго занятія однимъ и тѣмъ же; и люди, ведущіе сидячую или кабинетную жизнь, должны имѣть какое-нибудь упражненіе, которое въ одно и то же время давало бы развлеченіе ихъ душамъ и занятіе ихъ тѣламъ, а я не знаю болѣе подходящихъ для деревенскаго джентльмена упражненій, соотвѣтствующихъ этой цѣли, чѣмъ два вышеуказанныя; когда погода или время года не позволяютъ заняться однимъ, можно взяться за другое. Кромѣ того, пріобрѣтя опытность въ одномъ изъ нихъ, онъ можетъ контролировать и учить своего садовника; другое же даетъ

ему возможность устраивать и дѣлать много разныхъ вещей, пріятныхъ и полезныхъ; хоть я не ставлю ихъ главной цѣлью работы, а только приманкой къ ней, такъ какъ имѣю въ виду главнымъ образомъ развлеченіе полезнымъ и здоровымъ ручнымъ трудомъ, какъ отдыхъ отъ другихъ, болѣе серьезныхъ, мыслей и занятій.

205. Великіе люди древности какъ нельзя лучше умѣли соединять ручной трудъ съ государственными дѣлами и не считали униженіемъ своего достоинства находить въ первомъ отдыхъ отъ вторыхъ. Повидимому, всего чаще они занимались и развлекались въ часы досуга земледѣліемъ. Гедеонъ у евреевъ былъ взятъ отъ молотьбы, а Цинциннатъ у римлянъ отъ плуга, командовать войсками своей страны и вести ихъ противъ непріятеля; очевидно, ихъ умѣнье дѣйствовать цѣпомъ или плугомъ и хорошо работать этими инструментами не мѣшало имъ искусно владѣть оружіемъ и не дѣлало ихъ менѣе способными вести войну или управлять государствомъ. Они были великіе полководцы и государственные люди такъ-же, какъ хозяева. Катонъ Старшій [1]), который съ великой славой исполнялъ всѣ должности республики, оставилъ намъ письменное доказательство своей опытности въ сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ; и, какъ мнѣ помнится, Киръ отнюдь не считалъ садоводство ниже своего достоинства и величія престола, такъ какъ показывалъ Ксенофонту большую плантацію фруктовыхъ деревьевъ, насаженныхъ имъ самимъ [2]). Древнія лѣтописи, какъ евреевъ, такъ и язычниковъ, полны примѣрами этого

---

[1]) Маркъ Порцій Катонъ Цензоръ (234—149 до Р. Х.) написалъ книгу о сельскомъ хозяйствѣ (De re Rustica). Д.

[2]) «Я нигдѣ не могъ найти у древнихъ авторовъ основанія для сообщенія Локка. Быть можетъ, впрочемъ, онъ намекаетъ на то мѣсто въ Домостроѣ Οἰκονομικός Ксенофонта, гдѣ Сократъ разсказываетъ Критовулу анекдотъ о Кирѣ Младшемъ и Лизандрѣ. По прибытіи Лизандра въ Сарды съ подарками отъ союзниковъ, Киръ принялъ его съ большимъ почетомъ и показалъ ему свое имѣніе, носившее на древне-персидскомъ языкѣ названіе Рая. Лакедемонянинъ восхищался красотою плантанціи, гдѣ деревья, вѣроятно финиковыя пальмы, размѣщенныя правильными рядами, на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга, образовали по всѣмъ направленіямъ тѣнистыя аллеи, наполнявшія воздухъ благоуханіемъ. Онъ, однако, удивлялся не столько самимъ плантаціямъ, сколько энергіи Кира, устроившаго ихъ. «Ты удивляешься этому?»—сказалъ Киръ.—«Но многія изъ этихъ деревьевъ насажены моими руками». Взглянувъ на его роскошную одежду, на великолѣпные браслеты и цѣпи, Лизандръ воскликнулъ: «Что ты говоришь, Киръ? Неужели эти руки сажали когда-нибудь деревья?» На что Киръ отвѣтилъ: «Ты удивляешься этому, Лизандръ? Клянусь Митрой, что когда я здоровъ, то не сажусь за ужинъ, пока не вспотѣю отъ военныхъ упражненій или земледѣльческихъ работъ». (Ксенофонтъ, Οἰκονομ., 20—25). Ст. Дж.

Слова Локка о «величіи и достоинствѣ престола» показываютъ, что онъ ошибочно подразумѣвалъ Кира Старшаго, основателя персидскаго царства, тогда какъ Ксенофонтъ говоритъ о Кирѣ Младшемъ, который никогда не былъ царемъ, хотя Цицеронъ, въ De Senectute, говоритъ о немъ какъ о царѣ. Ошибка, еще болѣе очевидная въ раннихъ изданіяхъ, была указана Костомъ при жизни автора, но исправлена только послѣ его смерти. Даже теперь, какъ показываетъ только что цитированное замѣчаніе, оно осталась не вполнѣ исправленной. Д.

рода, если требуются примѣры для рекомендаціи полезныхъ развлеченій.

206. Не думайте также, что я по ошибкѣ называю эти и имъ подобныя упражненія и работы развлеченіемъ и отдыхомъ; развлеченіе заключается не въ бездѣльѣ (какъ легко можетъ убѣдиться всякій), а въ доставленіи отдыха утомленной части посредствомъ перемѣны занятій; и тотъ, кто думаетъ, что развлеченіе не можетъ заключаться въ утомительномъ трудѣ, забываетъ раннее вставанье, верховую ѣзду, зной, холодъ и голодъ, связанные съ охотой, которая, какъ извѣстно, является обычнымъ развлеченіемъ самыхъ знатныхъ людей. Копаніе земли, посадка деревьевъ, прививка доставляли бы не меньше развлеченія людямъ, чѣмъ пустой модный спортъ, если-бъ они научились находить въ нихъ удовольствіе, которое приносятъ съ собой привычка и умѣнье. И я не сомнѣваюсь, что найдутся люди, которые, будучи вынуждены часто садиться за карты или другую игру по приглашенію лицъ, которымъ неудобно отказать, больше устаютъ отъ этихъ развлеченій, чѣмъ отъ самыхъ серьезныхъ занятій, хотя бы игра не внушала имъ отвращенія и они были бы не прочь иногда развлечься ею.

207. Игра, которой знатные люди, особливо дамы, отдаютъ столько времени, ясное доказательство, въ моихъ глазахъ, того, что люди не выносятъ полной праздности; они должны дѣлать что-нибудь; иначе какъ бы они могли просиживать по нѣсколько часовъ за такимъ занятіемъ, которое, вообще говоря, доставляетъ больше непріятностей, чѣмъ удовольствія людямъ, которые берутся за него? Несомнѣнно, игра не даетъ удовлетворенія тѣмъ, которые размышляютъ объ этомъ времяпровожденіи, когда она кончилась, и не приноситъ пользы ни душѣ, ни тѣлу; если же она заходитъ такъ далеко, что затрагиваетъ состояніе, то превращается въ промыселъ, въ которомъ везетъ лишь немногимъ; притомъ, въ лучшемъ случаѣ, счастливый игрокъ—лишь жалкій промышленникъ, набивающій свои карманы въ ущербъ своей репутаціи.

Развлеченіе нужно не для тѣхъ людей, которые чуждаются дѣла и не утомляются профессіональными занятіями. Нужно умѣть регулировать время развлеченія такъ, чтобы оно доставляло отдыхъ и освѣженіе упражнявшейся и утомленной части, и сверхъ того что-нибудь, не только пріятное въ настоящемъ, но и полезное въ будущемъ. Только тщеславіе и гордость богатыхъ и знатныхъ ввели въ моду невыгодныя и опасныя времяпровожденія (pastimes) (какъ они называются) и распространили убѣжденіе, что обучаться или заниматься чѣмъ-нибудь полезнымъ есть развлеченіе, не достойное джентльмена. Это и было причиной, доставившей такую популярность картамъ, костямъ и попойкамъ; и очень многіе посвящаютъ имъ свои часы досуга, только подчиняясь господствующему обычаю, и за отсутствіемъ какого нибудь лучшаго занятія, а не потому, что находятъ въ этомъ времяпровожденіи дѣйствительное удовольствіе. Они не могутъ вынести бремени не занятыхъ часовъ и скуки ничегонедѣланія; но, не

выучившись никакому полезному ремеслу, которое-бы могло развлечь ихъ, прибѣгаютъ, съ цѣлью убить время, къ этимъ тупымъ или вреднымъ развлеченіямъ, въ которыхъ разумный человѣкъ, еще не испорченный привычкой, не находитъ ничего пріятнаго.

208. Я не хочу этимъ сказать, что желалъ-бы запретить молодому джентльмену принимать участіе въ невинныхъ развлеченіяхъ, которыя въ ходу среди молодежи его возраста и положенія. Я настолько далекъ отъ желанія видѣть его до такой степени суровымъ и угрюмымъ, что, наоборотъ, убѣждалъ бы его относиться какъ можно любезнѣе ко всѣмъ увеселеніямъ и развлеченіямъ своихъ сверстниковъ и никогда не отвергать съ отвращеніемъ и брюзжаньемъ ихъ приглашеній, разъ они приличествуютъ джентльмену и честному человѣку. Хотя, что касается картъ и костей, то по моему мнѣнію всего вѣрнѣе и лучше вовсе не учиться играть въ нихъ, и такимъ образомъ гарантировать себя отъ этого опаснаго искушенія и вредной траты полезнаго времени. Но если даже сдѣлать уступку праздному и веселому времяпровожденію и всѣмъ приличнымъ моднымъ забавамъ, то и въ такомъ случаѣ у молодого человѣка останется достаточно времени отъ его серьезныхъ и главныхъ занятій, чтобы научиться почти всякому ремеслу. Не по недостатку времени, а по недостатку прилежанія, люди бываютъ искуссны только въ какомъ-нибудь одномъ ремеслѣ; и тотъ, кто регулярно затрачиваетъ часъ въ день на подобное развлеченіе, въ короткое время достигнетъ гораздо большаго, чѣмъ самъ воображалъ; и это заслуживаетъ поощренія хотя-бы только для того, чтобы вывести изъ моды обычныя, вредныя, безполезныя увеселенія и показать, что въ нихъ нѣтъ надобности. И если-бы люди съ юности отучались отъ этого шалопайства, въ которомъ иные безполезно проводятъ значительную часть своей жизни, безъ всякаго дѣла или развлеченія, то у нихъ нашлось-бы достаточно времени для пріобрѣтенія искусства и навыка въ сотняхъ вещей, которыя, будучи далекими отъ ихъ настоящей профессіи, ни чуть, однако, не мѣшали бы ей. По этой и по другимъ, указаннымъ выше, причинамъ лѣнивое, бездѣльное настроеніе, вялое, сонное времяпровожденіе всего менѣе должны быть терпимы и допускаемы у молодыхъ людей. Это собственно болѣзненное состояніе, состояніе человѣка съ разстроеннымъ здоровьемъ, и не должно быть терпимо ни у кого, какого бы онъ ни былъ возраста или положенія.

209. Къ выше перечисленнымъ ремесламъ можно прибавить изготовленіе духовъ [1]), лакированіе, гравированіе и различные роды обработки желѣза, мѣди и серебра; если-же, какъ это и бываетъ съ большинствомъ молодыхъ джентльменовъ, онъ проводитъ значительную часть своего времени въ большомъ городѣ, то можетъ учиться вырѣзывать, шлифовать и оправлять драгоцѣнные камни или заниматься

---

[1]) Во времена Локка вошло въ моду приготовленіе духовъ. Многія дамы заводили собственные перегонные кубы для приготовленія лавендной воды, мятной воды и т. п. Д.

шлифованіемъ оптическихъ стеколъ. При огромномъ разнообразіи затѣйливыхъ ремесленныхъ работъ не можетъ не найти человѣкъ такой, которая придется ему по душѣ и по вкусу, если только онъ не лѣнтяй и не бездѣльникъ, чего нельзя предполагать при правильномъ воспитаніи. А такъ какъ онъ не можетъ все время заниматься ученьемъ, чтеніемъ и разговоромъ, то, кромѣ времени, посвященнаго этимъ занятіямъ, у него останется много свободныхъ часовъ и если онъ не затратитъ ихъ указаннымъ способомъ, то затратитъ хуже. Ибо я думаю, что молодой человѣкъ рѣдко пожелаетъ сидѣть сложа руки; если-же у него проявляется такая наклонность, то это—недостатокъ, который нужно исправить.

(Отдѣлъ XXVI. §§ 210—211).

(Бухгалтерія).

210. Но если заблуждающіеся родители, испуганные неприличными выраженіями «ремесло» и «ручной трудъ», не хотятъ и слышать о какихъ-либо занятіяхъ этого рода для своихъ дѣтей, то есть одна вещь, относящаяся къ торговлѣ, которую, по здравомъ обсужденіи, они признаютъ безусловно необходимой для своихъ сыновей.

Хотя счетоводство не поможетъ джентльмену нажить состояніе, но, можетъ быть, нѣтъ болѣе дѣйствительнаго и полезнаго способа сохранить то состояніе, какимъ онъ обладаетъ. Рѣдко случается, чтобы тотъ, кто ведетъ счетъ своимъ доходамъ и расходамъ, и такимъ образомъ, постоянно имѣя передъ глазами положеніе своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, допустилъ ихъ до разстройства, и я не сомнѣваюсь, что многіе запутывались, сами того не замѣчая, или окончательно разстраивали принявшія дурной оборотъ дѣла, только потому, что не заботились о счетахъ или не умѣли вести ихъ. Поэтому, я-бы посовѣтовалъ всякому джентльмену основательно изучить счетоводство и не думать, что это искусство не требуется для него, потому что получило свое названіе[1]) отъ торговыхъ людей, которыми главнымъ образомъ практикуется.

211. Разъ мой юный барченокъ пріобрѣлъ умѣнье вести счета (дѣло, требующее больше разума, чѣмъ ариѳметика), отцу не мѣшаетъ требовать, чтобы онъ примѣнялъ это искусство въ своихъ личныхъ дѣлахъ. Я не хочу сказать, что онъ долженъ записывать каждую пинту вина или каждый проигрышъ: для подобныхъ вещей достаточно общей рубрики расходовъ; я не желалъ-бы также, чтобы его отецъ относился черезчуръ придирчиво къ этимъ счетамъ и отыскивалъ въ

---

[1]) Англійскій терминъ, „merchants' accounts", значитъ буквально „купеческіе счеты". Пер.

нихъ поводы бранить сына за его издержки; онъ долженъ помнить, что самъ былъ когда-то молодымъ человѣкомъ и имѣлъ соотвѣтственныя мысли, и не забывать, что его сынъ тоже въ правѣ имѣть ихъ и пользоваться тѣмъ-же снисхожденіемъ. Если, слѣдовательно, я желаю заставить молодого джентльмена вести счеты, то вовсе не съ тѣмъ, чтобы вмѣшиваться въ его расходы (онъ долженъ пользоваться правомъ располагать, какъ ему угодно, тѣмъ, что отецъ выдаетъ ему), но только для того, чтобы съ раннихъ поръ пріучить его къ этому и сдѣлать для него привычнымъ и легкимъ то, что ему полезно и необходимо практиковать въ теченіе всей жизни. Одинъ знатный венеціанецъ, находя, что расходы его сына, мотавшаго отцовское состояніе, становятся чрезмѣрно высокими, приказалъ своему кассиру выдавать на будущее время молодому человѣку не болѣе той суммы, которую тотъ могъ бы сосчитать. Подумаешь, пожалуй, что это—небольшая сдержка для расходовъ молодого джентльмена, который можетъ свободно брать, сколько въ состояніи пересчитать; однако же, для человѣка, привыкшаго не думать ни о чемъ, кромѣ погони за удовольствіями, это условіе оказалось весьма серьезнымъ затрудненіемъ, которое и привело, наконецъ, къ слѣдующему трезвому и полезному размышленію: если мнѣ такъ трудно пересчитывать деньги, которыя я хочу истратить, то какихъ-же трудовъ и усилій стоило моимъ предкамъ не только считать, но и наживать ихъ? Эта разумная мысль, подсказанная небольшимъ усиліемъ, требовавшимся отъ него, оказала на его душу такое сильное дѣйствіе, что заставила его образумиться и сдѣлаться расчетливымъ хозяиномъ. Во всякомъ случаѣ, каждый долженъ согласиться, что наилучшій способъ держать себя въ рамкахъ благоразумія,—это постоянно имѣть передъ глазами состояніе своихъ дѣлъ, благодаря правильному веденію счетовъ.

(Отдѣлъ XXVII. §§ 212—214).

(О путешествіи).

212. Послѣднимъ отдѣломъ воспитанія является обыкновенно путешествіе, которое считается увѣнчаніемъ дѣла и завершеніемъ образованія. Я согласенъ, что путешествіе въ чужіе края представляетъ большія выгоды, но время, обычно выбираемое для отправки молодыхъ людей заграницу, кажется мнѣ какъ разъ такимъ, когда они наименѣе способны извлечь эти выгоды. Послѣднія сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующему: во-первыхъ, освоиться съ языкомъ; во вторыхъ, набраться ума-разума, ознакомившись съ нравами, обычаями и образомъ жизни, не похожими на родные, особливо на нравы своего прихода или околодка. Но именно въ возрастѣ между шестнадцатью и двадцатью однимъ годами, обычно избираемомъ для путешествія, люди на-

именѣе способны къ такимъ успѣхамъ. Наиболѣе подходящее время для ознакомленія съ иностранными языками и пріобрѣтенія правильнаго произношенія есть, по моему мнѣнію, возрастъ между семью и четырнадцатью или шестнадцатью годами; и въ это время, конечно, полезенъ и необходимъ воспитатель, который будетъ сопровождать ихъ и учить, кромѣ языковъ, другимъ вещамъ. Но отпустить ихъ далеко отъ родительскихъ глазъ подъ надзоромъ гувернера въ такое время, когда они считаютъ себя уже слишкомъ взрослыми, чтобы подчиняться руководству другихъ, а въ то же время не обладаютъ достаточнымъ благоразуміемъ и опытностью, чтобы быть самостоятельными, развѣ это не значитъ подвергать ихъ величайшимъ опасностямъ въ такое время, когда они наименѣе защищены или ограждены отъ нихъ? До этого бурнаго, кипучаго періода жизни воспитатель, можно надѣяться, будетъ сохранять извѣстный авторитетъ: ни упорство юношескаго возраста, ни искушенія и примѣры другихъ не отобьютъ мальчика отъ рукъ воспитателя до пятнадцати или шестнадцати лѣтъ; но затѣмъ, когда онъ начинаетъ водиться со взрослыми и считать самого себя взрослымъ; когда онъ находитъ удовольстіе и предметъ тщеславія въ порокахъ взрослыхъ и считаетъ постыднымъ оставаться подъ контролемъ и руководствомъ другого,—чего можно ожидать отъ самаго заботливаго и разсудительнаго гувернера, разъ онъ не обладаетъ властью принудить къ повиновенію, а его питомецъ не обнаруживаетъ охоты повиноваться; напротивъ, подчиняясь своей горячей крови и господствующему обычаю, болѣе расположенъ слушать подстрекательства своихъ товарищей, такихъ-же благоразумныхъ, какъ онъ самъ, чѣмъ увѣщанія воспитателя, въ которомъ видитъ теперь врага своей свободы? И когда-же человѣкъ болѣе способенъ сбиться съ пути, какъ не въ этотъ періодъ неопытности и необузданности? Именно въ эту пору жизни наиболѣе требуется надзоръ и авторитетъ родителей и друзей. Податливость болѣе ранняго дѣтства, еще не доросшаго до упрямства, облегчаетъ руководство и управленіе; позднѣе-же разумъ и предусмотрительность начинаютъ дѣйствовать и напоминать человѣку о его пользѣ и преуспѣяніи. И такъ, я считаю, что всего удобнѣе отправлять молодого джентльмена за границу или въ болѣе юные годы, подъ руководствомъ воспитателя, котораго онъ будетъ слушаться; или нѣсколькими годами позднѣе, безъ воспитателя, въ такомъ возрастѣ, когда онъ можетъ управлять самимъ собою, и замѣчать все, что ему попадется въ чужихъ краяхъ достопримѣчательнаго, и такого, что можетъ оказаться ему полезнымъ по возвращеніи; когда, кромѣ того, ознакомившись какъ слѣдуетъ съ законами и обычаями, съ естественными и моральными преимуществами и изъянами своей родины, онъ имѣетъ матеріалъ для обмѣна мыслями съ иностранцами и можетъ извлекать изъ бесѣды съ ними полезныя свѣдѣнія.

213. То обстоятельство, что путешествія устраиваются иначе, является, какъ мнѣ кажется, причиной того, что многіе молодые джентльмены извлекаютъ изъ своей поѣздки очень мало пользы. Если они и привозятъ домой знакомство съ мѣстами и людьми, которыхъ

видѣли, то часто оно исчерпывается восхищенiемъ вреднѣйшими и пустѣйшими изъ заграничныхъ обычаевъ, прiятнымъ воспоминанiемъ о томъ, что они испытали, когда ихъ свобода впервые распустила крылья; а не о томъ, что могло бы сдѣлать ихъ умнѣе и лучше. Да и можетъ ли быть иначе, разъ они отправляются заграницу въ такомъ возрастѣ, когда находятся подъ присмотромъ другого, который заботится обо всемъ необходимомъ для нихъ и дѣлаетъ за нихъ наблюденiя? Находясь на попеченiи гувернера и считая себя избавленными отъ необходимости стоять на собственныхъ ногахъ или отвѣчать за свое поведенiе, они рѣдко затрудняютъ себя изслѣдованiями или полезными наблюденiями по собственной инициативѣ. Ихъ мысли направлены къ забавѣ и удовольствiю, причемъ всякiй контроль они считаютъ униженiемъ для себя; но они рѣдко даютъ себѣ трудъ вникнуть въ планы и подходы, и принять въ соображенiе прiемы, характеры и наклонности тѣхъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, чтобы знать, какъ къ нимъ относиться. Объ этомъ долженъ позаботиться ихъ спутникъ; его дѣло—выручать ихъ изъ затруднительнаго положенiя и отвѣчать за ихъ безчинства.

214. Я согласенъ, знанiе людей есть такая трудная наука, что нельзя ожидать, чтобы молодой человѣкъ быстро прiобрѣлъ его. Но, во всякомъ случаѣ, мало прока въ его поѣздкѣ заграницу, если путешествiе не заставляетъ его по временамъ открывать глаза, не дѣлаетъ его осторожнымъ и сдержаннымъ, не прiучаетъ его заглядывать глубже внѣшности, и подъ безобиднымъ покровомъ вѣжливаго и любезнаго обращенiя сохранять свободу и безопасность въ сношенiяхъ съ иностранцами и съ людьми вообще, не утрачивая ихъ добраго мнѣнiя. Тотъ, кто отправляется заграницу въ возрастѣ и съ мыслями человѣка, желающаго извлечь изъ путешествiя пользу для себя, можетъ всюду знакомиться и бесѣдовать съ выдающимися людьми; но, хотя это въ высшей степени полезно для путешествующаго джентльмена, однако, скажите мнѣ, найдется ли хоть одинъ изъ сотни молодыхъ джентльменовъ, отправляющихся заграницу подъ руководствомъ воспитателей, посѣтившiй какого-нибудь замѣчательнаго человѣка? Почти никто изъ нихъ не знакомится съ такими людьми, бесѣда съ которыми могла бы показать ему, что считается хорошимъ воспитанiемъ въ этой странѣ и что въ ней достойно замѣчанiя; хотя отъ такихъ лицъ въ одинъ день можно узнать больше, чѣмъ за цѣлый годъ шатанiй по гостинницамъ. И право, удивляться тутъ нечему; достойные и даровитые люди не склонны вступать въ близкiя отношенiя съ мальчуганомъ, нуждающимся еще въ гувернерѣ; тогда какъ молодой джентльменъ и иностранецъ, являющiйся въ качествѣ взрослаго и выражающiй желанiе познакомиться съ обычаями, нравами, законами и образомъ правленiя страны, въ которой онъ находится, найдетъ радушный прiемъ и содѣйствiе у лучшихъ и наиболѣе свѣдущихъ людей, всегда готовыхъ принять, поощрить и поддержать неглупаго и любознательнаго иностранца.

(Заключеніе).

215. Все это, какъ бы ни было оно справедливо, боюсь, не заставитъ измѣнить обычай, относящій путешествіе къ самому опасному періоду жизни человѣка; по причинамъ, но имѣющимъ ничего общаго съ его преуспѣяніемъ. Маленькаго мальчика восьми или десяти лѣтъ нельзя отправить заграницу, изъ опасенія, какъ бы чего не случилось съ нѣжнымъ дитятей, хотя въ это время онъ подвергается вдесятеро меньшей опасности, чѣмъ въ возрастѣ шестнадцати или восемнадцати лѣтъ. Но съ другой стороны, нельзя держать его дома, пока минуетъ бурный возрастъ, такъ какъ къ двадцати одному году онъ долженъ уже вернуться, жениться и производить потомство. Отецъ не можетъ откладывать дольше выдѣлъ, да и матери не терпится имѣть новую серію малютокъ для забавы; и вотъ, мой молодой джентльменъ долженъ, во что бы то ни стало, получить жену, которую высмотрѣли для него, пока онъ подросталъ; хотя его силы, его способности и его будущность нисколько-бы не пострадали, еслибы онъ отложилъ на время женитьбу и постарался, пріобрѣтя опытъ и знанія, нѣсколько опередить своихъ дѣтей, которыя при существующихъ условіяхъ часто слѣдуютъ черезчуръ близко по пятамъ своихъ отцовъ, что вовсе не приноситъ удовольствія ни отцу, ни сыну. Но разъ молодой джентльменъ уже носится съ матримоніальными проектами, пора предоставить его его возлюбленной.

216. Хотя я подошелъ теперь къ концу моихъ замѣтокъ о воспитаніи, внушенныхъ мнѣ наблюденіями, но пусть не думаетъ читатель, будто я вижу въ-нихъ законченный трактатъ объ этомъ предметѣ. Есть тысячи другихъ вещей, требующихъ разсмотрѣнія; особливо, если принимать въ расчетъ разнообразные темпераменты, различныя наклонности и спеціальные недостатки, которые встрѣчаются у дѣтей и требуютъ спеціальныхъ средствъ. Разнообразіе такъ велико, что потребовался-бы цѣлый томъ; да и его-бы не хватило. Душа каждаго человѣка такъ-же, какъ и его лицо, представляетъ извѣстныя особенности, отличающія ее отъ всѣхъ остальныхъ; и врядъ ли найдутся двое дѣтей, въ воспитаніи которыхъ можно прилагать совершено одинаковый методъ. Кромѣ того, я думаю, что принцъ, дворянинъ (nobleman) и сынъ обыкновеннаго джентльмена должны получать различное воспитаніе. Но такъ какъ я желалъ высказать здѣсь лишь нѣкоторыя общія точки зрѣнія относительно главной задачи и цѣли воспитанія, предназначаемаго вдобавокъ для сына джентльмена, причемъ разсматривалъ послѣдняго, въ его младенческомъ возрастѣ, какъ бѣлый листъ или воскъ, изъ котораго можно лѣпить, что угодно; то и ограничился лишь главными пунктами, которые считалъ необходимыми въ воспитаніи молодого джентльмена вообще; и публикую теперь мои случайныя мысли, въ надеждѣ, что хотя онѣ далеко не представляютъ полнаго трактата объ этомъ пред-

метѣ, или такого, въ которомъ каждый найдетъ то, что подходитъ для его ребенка, но все же могутъ кое-что освѣтить для тѣхъ, кого забота о своихъ дорогихъ крошкахъ дѣлаетъ настолько смѣлыми, что они рискуютъ совѣтоваться съ собственнымъ разумомъ, въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей, не полагаясь всецѣло на старый обычай.

Джонъ Локкъ.

О ВОСПИТАНІИ РАЗУМА.

(Of the conduct of the understanding).

„Quid tam temerarium tamque indignum sapientis gravitate atque constantia, quam aut falsum sentire, aut quod non satis explorate perceptum sit, et conditum, sine ulla dubitatione defendere?“

Cic. *De natura Deorum*, lib. I.

„Есть ли что-нибудь болѣе безразсудное и менѣе достойное серьезности и твердости мудраго, чѣмъ ложно чувствовать или отстаивать безъ всякихъ колебаній то, что принято и признано безъ достаточнаго изслѣдованія?“

Циц. *О природѣ боговъ, кн. I.*

1. Введеніе.—Высшая инстанція, къ которой прибѣгаетъ человѣкъ въ своемъ поведеніи, есть его разумъ; ибо хотя мы различаемъ способности души и признаемъ верховное распоряженіе за волей, какъ дѣятелемъ, но истина въ томъ, что человѣкъ, который есть дѣятель, рѣшается на тотъ или другой волевой актъ подъ вліяніемъ какого-нибудь предыдущаго знанія или видимости знанія, воспринятаго разумомъ. Ни одинъ человѣкъ не принимается за что-бы то ни было безъ того или другого намѣренія, которое и служитъ для него мотивомъ того, что онъ дѣлаетъ; и какими-бы способностями мы ни пользовались, разумъ, хорошо или дурно освѣдомленный, постоянно руководитъ съ помощью того свѣта, которымъ онъ обладаетъ; и этимъ свѣтомъ, истиннымъ или ложнымъ, управляются всѣ его дѣйствующія силы. Сама воля, хотя-бы она считалась абсолютной и не подлежащей контролю, никогда не отказываетъ въ повиновеніи предписаніямъ разума. Храмы имѣютъ свои священныя изображенія, и мы видимъ, какое вліяніе они всегда оказывали на значительную часть человѣчества. Но, по истинѣ, идеи и образы въ человѣческихъ душахъ суть невидимыя силы, которыя постоянно управляютъ ими, и которымъ онѣ всѣ съ готовностью подчиняются. Поэтому въ высшей степени важно тщательно позаботиться о разумѣ, о томъ чтобы онъ шелъ правильнымъ путемъ въ поискахъ знанія, и въ сужденіяхъ, которыя онъ дѣлаетъ.

Логика, которой нынѣ пользуются, такъ долго владѣла каѳедрой, какъ единственное искусство, преподаваемое въ школахъ, для направленія ума при изученіи наукъ и искусствъ, что усомниться въ достаточности для веденія разума правилъ, служившихъ ученому міру въ теченіе двухъ или трехъ послѣднихъ тысячелѣтій и принимавшихся учеными безъ всякихъ жалобъ на ихъ недостатки, значило-бы, пожалуй, навлечь на себя упрекъ въ пристрастіи къ новизнѣ. И я бы не сомнѣвался, что подобная попытка была-бы признана тщеславной или дерзкой, еслибъ ее не оправдывалъ авторитетъ великаго лорда Веруламскаго [1]), который, не думая рабски, что наука не можетъ быть подвинута дальше того, до чего она дошла, потому что она не двигалась въ теченіе вѣковъ, не успокоивался на лѣнивомъ одобреніи и восхищеніи тѣмъ, что есть, потому, что оно есть, но расширялъ свой умъ для того,

---

1) Бэкона. Пер.

что можетъ быть. Въ придисловіи къ Novum Organum онъ высказывается относительно логики: «Qui summas dialecticae partes tribuerunt, atque inde fidissima scientiis praesidia comparari putarunt, verissime et optime vidreunt intellectum humanum sibi permissum merito suspectum esse debere. Verum infirmior omnino est malo medicina, nec ipsa mali expers. Si quidem dialectica, quae recepta est, licet ad civilia et artes, quae in sermone et opinione positae sunt, rectissime adhibeatur; naturae tamen subtilitatem longo intervallo non attingit, et prensando quod non capit, ad errores potius stabiliendos et quasi figendos, quam ad viam veritati aperiendam valuit».

«Тѣ», говоритъ онъ, «которые приписывали такое значеніе логикѣ, очень хорошо и правильно замѣчали, что не безопасно довѣриться разуму, предоставленному самому себѣ и не опирающемуся на извѣстныя правила. Но лѣкарство не устранило зла, а сдѣлалось его частью, такъ какъ логика, водворившаяся въ школахъ, хотя она, быть можетъ, годится въ гражданскихъ дѣлахъ и искусствахъ, состоящихъ въ рѣчахъ и мнѣніяхъ, далеко отстаетъ отъ утонченностей реальныхъ дѣйствій природы; и, хватаясь за то, чего не въ силахъ достигнуть, послужила скорѣе къ установленію и утвержденію заблужденій, чѣмъ къ открытію пути къ истинѣ». Немного ниже онъ говоритъ: «Безусловно необходимо ввести лучшій и болѣе совершенный способъ примѣненія и дѣятельности человѣческаго ума и разума». «Necessario requiritur ut melior et perfectior mentis et intellectus humani usus et adoperatio introducatur».

2. Способности.—Существуетъ, очевидно, большое разнообразіе въ людскихъ разсудкахъ, и естественныя конституціи людей обусловливаютъ такую значительную разницу между ними въ этомъ отношеніи, которую искусство и усердіе не въ силахъ преодолѣть; повидимому въ самой природѣ однихъ отсутствуетъ основаніе для достиженія того, чего другіе достигаютъ легко. Среди людей одинаковаго воспитанія существуетъ большое неравенство дарованій. Американскіе лѣса, какъ и Аѳинскія школы, порождаютъ людей съ различными способностями, принадлежащихъ къ одному и тому же племени. Хотя это такъ, но все же я думаю, что большинство людей далеко не достигаютъ того, чего могли-бы достигнуть, въ различныхъ доступныхъ имъ степеняхъ, вслѣдствіе пренебреженія своимъ разумомъ [1]). Немногочисленныя правила логики считаются достаточными въ этомъ случаѣ для тѣхъ, кто претендуетъ на высшее преуспѣяніе, причемъ, какъ мнѣ кажется, упускаются изъ вида и оставляются безъ вниманія очень многіе природные дефекты разума, способные къ исправленію. И нетрудно замѣтить, что люди грѣшатъ весьма многочисленными ошибками въ упражненіи и усовершенствованіи этой способности

1) Одинъ французскій писатель выразилъ эту мысль въ болѣе эпиграмматической формѣ: «Il n'y a personne peut être qui a fait tout ce qu'il pouvait». («Быть можетъ нѣтъ никого, кто сдѣлалъ все, что могъ». Ст. Дж.)

души, которыя препятствуютъ ихъ успѣхамъ и оставляютъ ихъ въ невѣжествѣ и заблужденіи всю жизнь.

3. Разсужденіе.—Кромѣ отсутствія опредѣленныхъ идей, и недостатка проницательности и умѣнья находить и приводить въ порядокъ промежуточныя идеи, есть три ошибки, въ которыя впадаютъ люди по отношенію къ своему разуму, отчего эта способность не оказываетъ имъ услугъ, которыя можетъ оказать и для которыхъ предназначена. И тотъ, кто размышляетъ надъ дѣлами и разсужденіями людей, найдетъ ихъ недостатки этого рода очень частыми и очень замѣтными.

1. Первый присущъ тѣмъ, которые вообще рѣдко разсуждаютъ, а дѣйствуютъ и думаютъ на основаніи примѣра другихъ,—родителей, сосѣдей, священниковъ, словомъ тѣхъ, кого имъ угодно избрать предметомъ своей неразсуждающей вѣры, чтобы избавить себя отъ труда и тяготы мышленія и самостоятельнаго разсужденія.

2. Второй свойственъ тѣмъ, которые ставятъ страсть на мѣсто разума, и рѣшивъ подчинить ей свои дѣйствія и аргументы, никогда не пользуются своимъ и не слушаются чужого разума, поскольку это не соотвѣтствуетъ ихъ настроенію, интересамъ или пристрастіямъ: они, какъ легко замѣтить, довольствуются обыкновенно словами, не выражающими идей, хотя въ иныхъ случаяхъ, къ которымъ относятся безразлично, оказываются не лишенными способности разсуждать и внимать разуму, если никакая тайная наклонность не мѣшаетъ имъ подчиниться ему.

3. Третій родъ характеризуетъ тѣхъ, которые охотно и искренно слѣдуютъ разуму, но за недостаткомъ того, что можно назвать широкимъ, здоровымъ, разностороннимъ смысломъ, не охватываютъ всего, что относится къ вопросу и можетъ имѣть значеніе для его рѣшенія. Мы всѣ близоруки и очень часто видимъ лишь одну сторону дѣла; наше поле зрѣнія не захватываетъ всего, что имѣетъ съ нимъ связь. Отъ этого недостатка, я думаю, не свободенъ ни одинъ человѣкъ. Мы видимъ только отчасти, а въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы не можемъ вывести правильнаго заключенія изъ нашего частичнаго знанія. Это могло бы научить самаго чваннаго почитателя своихъ собственныхъ дарованій, какъ полезно для него говорить и совѣтоваться съ другими, даже съ тѣми, которые уступаютъ ему по способностямъ, сообразительности и проницательности; ибо разъ никто не видитъ всего, и мы различно смотримъ на одну и ту же вещь соотвѣтственно нашему различному, если можно такъ выразиться, положенію относительно нея, то нѣтъ ничего нелѣпаго въ мысли и ничего унизительнаго въ попыткѣ удостовѣриться, не обладаетъ ли другой свѣдѣніями, ускользнувшими отъ насъ, которыя могутъ оказаться полезными для нашего разума, если онъ ознакомится съ ними. Способность разсуждать рѣдко или никогда не обманываетъ тѣхъ, которые полагаются на нее; ея выводы, на чемъ бы она ихъ ни строила, очевидны и достовѣрны; но всего чаще сбиваетъ ее съ вѣрнаго пути то обстоятельство—и, можетъ быть, только оно

одно—что принципы, изъ которыхъ мы выводимъ заключенія, основанія, на которыхъ мы строимъ, представляютъ только часть; упущено нѣчто, что слѣдовало бы принять въ расчетъ, чтобы сдѣлать его правильнымъ и точнымъ. Здѣсь мы можемъ представить себѣ, какимъ огромнымъ и почти безконечнымъ преимуществомъ пользуются передъ нами ангелы и отдѣльные духи (separate spirits), которые, соотвѣтственно различнымъ степенямъ возвышенія надъ нами, обладаютъ болѣе обширнымъ разумѣніемъ; быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ, получая точное и совершенное представленіе о всѣхъ конечныхъ вещахъ, входящихъ въ сферу ихъ разсмотрѣнія, могутъ во мгновеніе ока сопоставить всѣ ихъ разсѣянныя и почти безконечныя отношенія. Душа, вооруженная такимъ образомъ, можетъ быть спокойна за достовѣрность своихъ заключеній!

Въ этомъ мы можемъ видѣть причину, въ силу которой иные люди науки и мысли, которые разсуждаютъ правильно и любятъ истину, не оказываютъ большихъ успѣховъ въ ея изысканіи. Заблужденіе и истина смѣшаны въ ихъ умахъ; ихъ заключенія слабы и несостоятельны, и они часто ошибаются въ своихъ сужденіяхъ. Причина въ томъ, что они вступаютъ въ общеніе только съ однимъ сортомъ людей, читаютъ только одинъ сортъ книгъ, интересуются только однимъ сортомъ свѣдѣній; они отгораживаютъ себѣ въ интеллектуальномъ мірѣ маленькій Гесемъ [1]), гдѣ, какъ имъ кажется, свѣтитъ солнце и царитъ ясный день; тогда какъ вся обширная окружающая область одѣта для нихъ мракомъ и ночью, вслѣдствіе чего они избѣгаютъ ее. Они ведутъ довольно оживленную торговлю съ знакомыми корреспондентами въ маленькомъ заливчикѣ; и, замыкаясь въ этихъ предѣлахъ, довольно ловко оперируютъ товарами и продуктами того уголка, которымъ довольствуются; но не отваживаются пуститься въ великій океанъ знаній, съ цѣлью ознакомиться съ естественными богатствами, накопленными въ другихъ мѣстахъ, не менѣе цѣнными, не менѣе солидными, не менѣе полезными, чѣмъ доставшіяся на ихъ долю: они въ полномъ восторгѣ отъ изобилія и довольства своего крошечнаго уголка, въ которомъ, на ихъ взглядъ, сосредоточились всѣ блага міра. Тѣ, которые живутъ такимъ образомъ на своей тѣсной территоріи, не желая выглянуть за предѣлы, отведенные для ихъ изслѣдованій случаемъ, упрямствомъ или лѣнью, и оставаясь чуждыми познаніямъ, разсужденіямъ и достиженіямъ остального человѣчества, уподобляются обитателямъ Маріанскихъ острововъ, которые, не имѣя никакихъ сношеній съ обитаемыми частями міра, отдѣленными отъ нихъ обширнымъ пространствомъ моря, считали себя единственнымъ народомъ, существующимъ въ мірѣ. И хотя въ отношеніи жизненныхъ удобствъ они не дошли даже до употребленія огня, съ которымъ познакомили ихъ не такъ давно испанцы при своихъ плаваніяхъ изъ Акапулько

---

[1]) Земля Гесемъ въ Египтѣ была выбрана родомъ Іакова, переселившимся туда при Іосифѣ, чтобъ жить отдѣльно отъ египтянъ питавшихъ отвращеніе къ пастухамъ, какими были евреи. (Быт., XLVI, 34). *Перев.*

въ Маниллу; тѣмъ не менѣе, несмотря на нужду и невѣжество почти во всемъ, они продолжали считать себя счастливѣйшимъ и мудрѣйшимъ народомъ вселенной, даже послѣ того какъ узнали отъ испанцевъ о существованіи націй, знакомыхъ съ науками, искусствами и удобствами жизни, о которыхъ они не имѣли понятія. Но за это никто, я думаю, не будетъ считать ихъ глубокими натуралистами или основательными метафизиками; никто не подумаетъ, что самый сообразительный изъ нихъ обладаетъ широкими взглядами въ этикѣ или политикѣ; никто не согласится, что наиболѣе способный изъ нихъ ушелъ въ своемъ разумѣніи дальше свѣдѣній о немногихъ предметахъ своего и сосѣднихъ острововъ, что далеко не достаточно для пріобрѣтенія той просвѣщенной широты ума, которая украшаетъ душу, посвятившую себя исканію истины, при помощи литературы и свободнаго обмѣна взглядами и чувствами съ мыслящими людьми всѣхъ круговъ. Пусть-же люди, желающіе постичь то, что всякій на словахъ желаетъ постичь—истину въ ея полномъ объемѣ—не сужаютъ и не ограничиваютъ добровольно своихъ взглядовъ. Пусть они не думаютъ, что истина заключается только въ тѣхъ наукахъ, которыя они изучаютъ, или въ тѣхъ книгахъ, которыя они читаютъ. Отвергать знанія другихъ людей, не потрудившись знакомиться съ ними, не значитъ доказывать ихъ негодность. Это значитъ впадать въ добровольную слѣпоту. «Испытывай всѣ вещи и удерживай крѣпко то, что хорошо»,—таково божественное правило, преподанное Отцомъ свѣта и истины, и трудно понять, какимъ другимъ путемъ люди могутъ придти къ истинѣ и овладѣть ею, если не будутъ рыться и отыскивать ее, какъ золото и скрытое сокровище; но тотъ, кто дѣлаетъ это, долженъ встрѣтить землю и мусоръ, прежде чѣмъ доберется до чистаго металла; песокъ, голыши и щебень обыкновенно бываютъ смѣшаны съ нимъ; но золото все-же остается золотомъ и обогатитъ человѣка, который не жалѣетъ трудовъ, чтобы отыскать и отдѣлить его. Нечего также опасаться быть обманутымъ этой смѣсью. У каждаго человѣка есть пробный камень, если только онъ захочетъ пользоваться имъ, чтобы отличить настоящее золото отъ блестящей слюды, истину отъ правдоподобія. И дѣйствительно, примѣненіе этого пробнаго камня, какимъ является природный разсудокъ, портится и искажается только заносчивыми предразсудками, надменной предвзятостью и искусственнымъ суженіемъ ума. Отсутствіе упражненія, охватывающаго постигаемыя вещи въ ихъ полномъ объемѣ, ослабляетъ и губитъ эту благородную способность. Прослѣдите сами, не такъ-ли это. Деревенскій батракъ обладаетъ обыкновенно скудными крохами знанія, потому что его идеи и представленія сосредоточены въ тѣсныхъ рамкахъ малочисленнаго общества и однообразныхъ занятій; ремесленникъ провинціальнаго городка нѣсколько превосходитъ его; носильщики и мастеровые большихъ городовъ превосходятъ ихъ. Деревенскій джентльменъ, покончивъ съ латынью и университетскимъ ученіемъ, возвращается въ свою усадьбу и вступаетъ въ сношеніе съ сосѣдями того-же пошиба, находящими удовольствіе только въ охотѣ и попойкахъ; съ

ними онъ проводитъ время, съ ними бесѣдуетъ, и не выноситъ общества, въ которомъ говорятъ о чемъ-либо, кромѣ кларета и безпутства. Подобный патріотъ, получившій такое прекрасное образованіе, не преминетъ, какъ мы и увидимъ это, проявить себя замѣчательными рѣшеніями въ качествѣ судьи и выдающимися доказательствами своего политическаго искусства, если сила его кошелька и партіи доставятъ ему болѣе или менѣе выдающееся положеніе. Въ сравненіи съ нимъ, конечно, ординарный завсегдатай столичной кофейни,—замѣчательный политикъ, настолько-же превосходящій его, насколько человѣкъ, имѣющій сношенія съ Уайтголломъ и дворомъ, превосходитъ простого лавочника. Пойдемъ дальше: одинъ ослѣпленъ рвеніемъ и непогрѣшимостью своей секты и не желаетъ взглянуть въ книгу или вступать въ разговоръ съ человѣкомъ, выражающимъ сомнѣніе по поводу тѣхъ вещей, которыя въ его глазахъ священны. Другой разсматриваетъ наши религіозныя разногласія съ безпристрастнымъ и справедливымъ равнодушіемъ, и такимъ образомъ находитъ, по всей рѣроятности, что ни одна изъ религій не можетъ претендовать на полную непогрѣшимость. Эти подраздѣленія и системы созданы людьми и несутъ на себѣ признаки ихъ слабости; и въ тѣхъ, съ которыми онъ расходится и которыя отвергалъ огуломъ, пока у него не открылись глаза, онъ находитъ теперь гораздо больше такого, съ чѣмъ можно согласиться, чѣмъ подозрѣвалъ и могъ вообразить раньше. Который-же изъ двухъ, надо полагать, будетъ правильнѣе судить о нашихъ религіозныхъ разногласіяхъ, и ближе подойдетъ къ истинѣ, къ которой якобы стремятся всѣ? Я предполагаю, что всѣ эти люди, приведенные мною въ примѣръ, такъ неодинаково просвѣщенные истиной и подвинувшіеся въ знаніи, обладаютъ одинаковыми природными дарованіями; вся разница между ними зависитъ отъ различной степени простора, который былъ предоставленъ ихъ разуму при собираніи свѣдѣній и обогащенія ума идеями, понятіями, наблюденіями, дающими ему занятіе и образующими его.

Быть можетъ, мнѣ возразятъ: «кого-же хватитъ на все это?» Я отвѣчу: человѣка хватитъ на большее, чѣмъ можно воображать. Всякій знаетъ, что требуется его дѣломъ, и чего люди могутъ по справедливости ожидать отъ него, соотвѣтственно избранной имъ профессіи; чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ, онъ найдетъ время и случай запастись знаніями, если только не захочетъ, въ силу узости ума, лишать себя тѣхъ пособій, которыя имѣются у него подъ руками. Я не говорю, что для того, чтобы быть хорошимъ географомъ, человѣкъ долженъ посѣтить каждую гору, рѣку, мысъ и бухту на всемъ пространствѣ земли, осмотрѣть всѣ зданія и земли, какъ будто собирается сдѣлать покупку; но во всякомъ случаѣ каждый долженъ согласиться, что тотъ, кто часто путешествуетъ по какой-нибудь странѣ и изъѣздилъ ее вдоль и поперекъ, знаетъ ее лучше, чѣмъ тотъ, кто подобно лошади на мельницѣ, вертится въ одномъ и томъ-же тѣсномъ пространствѣ, и не выходитъ за предѣлы двухъ, трехъ полей. Кто изучитъ лучшія книги по каждой наукѣ и ознакомится съ

важнѣйшими авторами различныхъ философскихъ и религіозныхъ сектъ, тотъ убѣдится, что ознакомленіе съ воззрѣніями человѣчества по самымъ важнымъ и существеннымъ вопросамъ не требуетъ безконечныхъ трудовъ. Пусть онъ упражняетъ свободу своего разума и пониманія въ такихъ широкихъ размѣрахъ,—и его умъ окрѣпнетъ, воспріимчивость расширится, способности усовершенствуются; и свѣтъ, который отдаленныя и разсѣянныя части истины бросаютъ одна на другую, настолько поможетъ его сужденію, что онъ рѣдко впадетъ въ существенное заблужденіе и не преминетъ обнаружить ясный умъ и основательныя знанія. По крайней мѣрѣ, это единственный, извѣстный мнѣ, способъ достигнуть надлежащаго усовершенствованія разума въ полной мѣрѣ его способностей, и отличить двѣ наиболѣе различныя вещи въ мірѣ, какія я знаю: логическаго крючкотвора и умнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ тотъ, кто хочетъ окрылить такимъ образомъ свой умъ и распространить свои поиски истины на всѣ области, долженъ вырабатывать опредѣленныя идеи обо всемъ, что занимаетъ его мысли, и подвергать самостоятельному и безпристрастному обсужденію все, что воспринимаетъ отъ другихъ, въ ихъ писаніяхъ или разговорахъ. Онъ не долженъ допускать, чтобы почтительность или предубѣжденіе придавали красоту или безобразіе какому бы то ни было изъ ихъ мнѣній.

4. О практикѣ и привычкахъ. Мы родимся съ дарованіями и силами, способными почти на все, или по крайней мѣрѣ такими, которые могутъ завести насъ гораздо дальше, чѣмъ можно себѣ представить; но только упражненіе этихъ силъ можетъ дать намъ умѣнье и ловкость въ чемъ-либо, и ведетъ насъ къ совершенству.

Среднихъ лѣтъ хлѣбопашецъ врядъ-ли можетъ пріобрѣсти манеры и языкъ джентльмена, хотя тѣло его такъ же пропорціанально, сочлененія такъ-же гибки и природныя дарованія ничуть не ниже. Ноги танцмейстера и пальцы музыканта продѣлываютъ какъ-бы естественно, безъ мыслей или усилій, удивительно правильныя и сложныя движенія. Заставьте ихъ помѣняться ролями, и они тщетно будутъ пытаться производить подобныя-же движенія не пріученными къ нимъ членами, и потребуется много времени и продолжительная практика, чтобы достигнуть хоть нѣкоторой степени совершенства. Какія невѣроятныя и поразительныя тѣлодвиженія продѣлываются акробатами и канатными плясунами! Не менѣе удивительные результаты могутъ быть достигнуты почти во всѣхъ ремеслахъ; но я называю тѣ, которымъ удивляются люди потому, что платятъ деньги за показъ. Всѣ эти удивительныя движенія, которыя кажутся непостижимыми и почти невѣроятными неопытнымъ зрителямъ, представляютъ простые результаты упражненія и усердія людей, чьи тѣла не отличаются никакими особенностями отъ тѣлъ изумленныхъ зѣвакъ.

Какъ тѣло, такъ и душа: практика дѣлаетъ ее тѣмъ, что она есть; и даже тѣ преимущества, которыя считаются природными дарованіями, оказались-бы при ближайшемъ разсмотрѣніи продуктомъ

упражненія, поднявшимся до такой высоты, только благодаря повторнымъ дѣйствіямъ. Нѣкоторые люди отличаются находчивостью въ шуткахъ; другіе умѣньемъ разсказать кстати анекдотъ или забавную исторію. Это считается обыкновенно дѣйствіемъ чисто природныхъ способностей, тѣмъ болѣе, что не пріобрѣтается на основаніи какихъ нибудь правилъ, и тѣ, которые отличаются по этой части, не изучаютъ ее намѣренно, какъ ремесло. Тѣмъ не менѣе, вѣрно то, что первая удачная острота, доставившая человѣку похвалу, поощряетъ его пробовать дальше, направляетъ его мысли и усилія въ эту сторону, такъ что въ концѣ концовъ онъ пріобрѣтаетъ навыкъ, самъ того не замѣчая; и то, что приписывается всецѣло природѣ, является въ гораздо большей степени результатомъ упражненія и практики. Я не отрицаю, что природная наклонность часто можетъ дать первый толчекъ, но она не далеко заведетъ человѣка безъ примѣненія и упражненія; и только практика доводитъ душевныя способности, какъ и тѣлесныя, до возможнаго для нихъ совершенства. Не мало хорошихъ поэтическихъ дарованій заглушаются ремеслами и никогда не приносятъ плодовъ за отсутствіемъ усовершенствованія. Мы видимъ, что пріемы разсужденія, даже объ одномъ и томъ-же предметѣ, весьма различны при дворѣ и въ университетѣ. И тотъ, кто пройдется изъ Вестминстеръ-голла на Биржу, найдетъ большую разницу въ характерѣ и манерѣ разговора; а между тѣмъ нельзя-же думать, что всѣ тѣ, которымъ приходится вести дѣла въ Сити, родились съ иными способностями, чѣмъ тѣ, которые воспитывались въ университетѣ или училищахъ правовѣдѣнія.

Все это мы говоримъ лишь для того, чтобы показать, что бросающіяся въ глаза различія умовъ и дарованій людскихъ вытекаютъ не столько изъ природныхъ способностей, сколько изъ пріобрѣтенныхъ привычекъ. Смѣшнымъ покажется тотъ, кто вздумаетъ сдѣлать хорошаго танцора изъ деревенскаго работника, которому минуло пятьдесятъ лѣтъ. Не лучшихъ успѣховъ добьется и тотъ, кто попытается въ этомъ возрастѣ научить хорошо разсуждать или красно говорить человѣка, который никогда не практиковался въ этомъ,— ему не поможетъ собраніе лучшихъ правилъ логики или ораторскаго искусства. Никто еще ничему не научился, слушая или запоминая правила; практика должна укоренить въ немъ привычку дѣйствовать, не размышляя о правилахъ; и вы также мало можете надѣяться сдѣлать экспромтомъ хорошаго живописца или музыканта посредствомъ чтенія или объясненія, въ чемъ заключается искусство живописи и музыки, какъ послѣдовательнаго мыслителя или строгаго логика посредствомъ набора правилъ, показывающихъ, въ чемъ заключается хорошее разсужденіе.

Такъ какъ дефекты и слабости человѣческаго разума, равно какъ и другихъ способностей, часто вытекаютъ изъ недостатка правильнаго упражненія нашихъ душъ, то я склоненъ думать, что вина вообще ошибочно взваливается на природу, и часто жалуются на недостатокъ способностей, когда причина заключается въ недо-

статочномъ упражненіи ихъ. Часто случается встрѣчать людей, которые проявляютъ достаточно проницательности и сообразительности въ торговомъ дѣлѣ, а попробуйте разсуждать съ ними о религіи, и они покажутся совершенными тупицами.

5. Идеи.—Я не буду здѣсь, разсуждая о правильномъ воспитаніи и усовершенствованіи рузума, повторять о необходимости добиваться ясныхъ и опредѣленныхъ идей и дѣлать предметомъ мышленія ихъ, а не употребляемые для ихъ обозначенія звуки, равно какъ и о необходимости точно опредѣлять значеніе словъ, которыми мы пользуемся ири изысканіи истины или въ разсужденіяхъ о ней съ другими. Объ этихъ помѣхахъ нашему разуму въ пріобрѣтеніи знанія я достаточно распространялся въ другомъ мѣстѣ, такъ что здѣсь нѣтъ надобности толковать объ этомъ предметѣ.

6. Принципы.—Есть другая ошибка, тормазящая или сбивающая съ пути людей въ ихъ познаніи, о которой я тоже говорилъ; но считаю необходимымъ вернуться къ ней здѣсь, чтобы изслѣдовать ее обстоятельно и найти корень, изъ котораго она выростаетъ, — это привычка удовлетворяться принципами, вовсе не очевидными и очень часто невѣрными. Нерѣдко встрѣчаются люди, которые утверждаютъ свое мнѣніе на основаніяхъ, не болѣе достовѣрныхъ, чѣмъ построенныя на нихъ и принятыя въ уваженіе къ нимъ положенія. Эти основанія таковы и такого рода: основатели и лидеры моей партіи хорошіе люди, слѣдовательно ихъ утвержденія истинны; это мнѣніе секты, которая заблуждается, слѣдовательно оно ложно; это давно уже принято свѣтомъ, слѣдовательно это истина; или: это ново и, слѣдовательно, ложно.

Такія и многія подобныя положенія, отнюдь не являющіяся мѣриломъ истины и лжи, большинство людей дѣлаетъ критеріями, пріучая свой разумъ судить на ихъ основаніи. Не удивительно, что привыкнувъ опредѣлять истину и ложь такимъ неправильнымъ мѣриломъ, они должны принимать заблужденіе за достовѣрность и съ большою увѣренностью принимать такія вещи, для допущенія которыхъ у нихъ нѣтъ основанія.

Всякій, кто претендуетъ на обладаніе хотя-бы крупицей разума, долженъ, когда эти ложныя правила подвергнуты испытанію, признать ихъ несостоятельными и такими, которыхъ онъ не одобрилъ бы у тѣхъ, кто расходится съ нимъ во взглядахъ; и тѣмъ не менѣе вы можете видѣть, что убѣдившись въ этомъ, онъ возвращается къ ихъ употребленію и при первомъ-же случаѣ разсуждаетъ, исходя изъ тѣхъ-же основаній. Невольно подумаешь, что люди руководящіеся такими неправильными мѣрилами, даже послѣ того, какъ увидѣли, что на нихъ нельзя положиться, добровольно обманываютъ самихъ себя и вводятъ въ заблужденіе свой разумъ! При всемъ томъ это не заслуживаетъ порицанія въ такой мѣрѣ, какъ можно подумать съ перваго взгляда; такъ какъ я думаю, что большинство этихъ людей разсуждаетъ вполнѣ искренно и не обманываетъ ни себя, ни другихъ. Они убѣждены въ томъ, что говорятъ, и думаютъ, что слова ихъ

имѣютъ вѣсъ, хотя имѣли случай убѣдиться, что они лишены его; но люди были-бы невыносимы для самихъ себя и возбуждали-бы пренебреженіе со стороны другихъ, если-бы принимали мнѣнія безъ всякаго основанія, и стояли за то, въ пользу чего не могутъ привести никакихъ доводовъ. Умъ долженъ имѣть какое-нибудь основаніе—истинное или ложное, солидное или легковѣсное,—на которое онъ могъ-бы опереться; и, какъ я уже замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, онъ не принимаетъ никакого положенія, пока не обоснуетъ его на какой-нибудь гипотезѣ; до тѣхъ поръ онъ остается безпокойнымъ и неувѣреннымъ. Такъ, сами наши характеры побуждаютъ насъ къ правильному употребленію нашего разума, если-бъ только мы хотѣли, какъ должно, слѣдовать наклонностямъ нашей природы.

Въ нѣкоторыхъ важныхъ вопросахъ, особливо религіозныхъ, людямъ не позволено всегда колебаться и сомнѣваться; они должны принять и исповѣдывать тѣ или другіе догматы; и было-бы зазорно, болѣе того, было-бы противорѣчіемъ, черезчуръ тягостнымъ для того, чтобы чья либо душа могла постоянно выдерживать его, серьезно претендовать на убѣжденіе въ истинности какой-либо религіи и не умѣть указать основаніе своей вѣры, ни сказать что-нибудь въ пользу предпочтенія, оказываемаго данному мнѣнію передъ всѣми остальными, а для этого люди должны пользоваться тѣми или другими принципами, которые могутъ быть лишь такими, какими они въ силахъ обладать и оперировать; и говорить, что они не искренно убѣждены въ нихъ и не увѣрены въ тѣхъ, которыми пользуются, значило бы противорѣчить опыту и утверждать, что они не впадаютъ въ заблужденіе, хотя мы сами на это жалуемся.

Если такъ—возразятъ мнѣ—то почему же они не пользуются надежными и безспорными принципами, а опираются на такія основанія, которыя могутъ обмануть ихъ и, очевидно, служатъ поддержкой заблужденію не меньше, чѣмъ истинѣ?

На это я отвѣчу, что причина, по которой они не пользуются лучшими и болѣе достовѣрными принципами, заключается въ томъ, что они не могутъ дѣлать этого; но эта неспособность вытекаетъ не изъ недостатка природныхъ дарованій (ибо тѣ немногіе, которые находятся въ такомъ положеніи, заслуживаютъ извиненія), а изъ недостатка практики и упражненія. Немного найдется людей, которые съ юности пріучаются къ строгому разсужденію, къ прослѣживанію связи всякой истины, черезъ длинную цѣпь выводовъ, съ ея отдаленными принципами, и къ соблюденію этой связи; и въ томъ, что человѣкъ, не пріучившійся къ такому употребленію своего разума путемъ частой практики, оказывается неспособнымъ къ нему въ зрѣлые годы, такъ же мало удивительнаго, какъ и въ томъ, что не можетъ сразу начать гравировать или рисовать, плясать на канатѣ или писать хорошимъ почеркомъ тотъ, кто никогда не упражнялся въ какомъ либо изъ этихъ искусствъ.

Мало того, большинству людей это до такой степени чуждо, что

они даже не замѣчаютъ своего изъяна; они выполняютъ свое обычное профессіональное дѣло, какъ говорится, на зубокъ, какъ выучили его, и если терпятъ когда-нибудь неудачу, то приписываютъ ее чему угодно, только не недостатку пониманія или умѣнія, такъ какъ въ этомъ отношеніи считаютъ себя (не зная ничего лучшаго) безупречными; если-же интересъ или прихоть обратятъ ихъ мысли на какой-нибудь предметъ, то и о немъ они разсуждаютъ на свой ладъ: хорошій или плохой, онъ соотвѣтствуетъ ихъ привычкамъ, и лучшаго они не знаютъ, а потому всякій разъ, какъ имъ случится впасть въ ошибку, которая соотвѣтственнымъ образомъ отразится на ихъ дѣлѣ, они приписываютъ ее несчастному случаю или чужому промаху, но отнюдь не недостатку собственнаго разума: этого никто въ себѣ не замѣчаетъ и на это никто не жалуется [1]). Отчего бы ни зависѣла неурядица въ его дѣлѣ, во всякомъ случаѣ не отъ недостатка правильнаго мышленія и сужденія съ его стороны: онъ не видитъ въ себѣ такихъ изъяновъ, но увѣренъ, что приводитъ въ исполненіе свои планы съ достаточнымъ успѣхомъ по собственному разумѣнію, или по крайней мѣрѣ привелъ-бы, если-бъ не помѣшала несчастная случайность, надъ которой онъ не властенъ. Такимъ образомъ, будучи доволенъ этимъ близорукимъ и весьма несовершеннымъ употребленіемъ своего разума, онъ никогда не затрудняетъ себя изысканіемъ методовъ усовершенствованія своего ума, и живетъ всю жизнь безъ всякаго представленія о строгомъ разсужденіи, устанавливающемъ непрерывную связь длинной цѣпи выводовъ изъ надежныхъ оснований, какая требуется для установленія и уясненія большинства тѣхъ спекулятивныхъ истинъ, въ которыя большинство людей должны вѣрить и которыми они въ высшей степени заинтересованы. Не стану упоминать здѣсь о томъ, о чемъ еще буду имѣть случай говорить болѣе обстоятельно, именно, что во многихъ случаяхъ недостаточно одного ряда заключеній, но слѣдуетъ разсмотрѣть и сопоставить многіе различныя и противоположныя дедукціи, безъ чего невозможно составить себѣ правильное сужденіе о разбираемомъ пунктѣ. Чего-же можно ожидать отъ людей, которые либо не видятъ надобности въ такого рода разсужденіяхъ, либо если и видятъ, то не знаютъ, какъ за нихъ приняться и какъ съ ними справиться? Съ такимъ-же успѣхомъ вы могли-бы поручить земледѣльцу, почти незнакомому съ цифрами и никогда не подводившему суммы, состоящей изъ трехзначнаго числа, заняться длиннымъ коммерческимъ счетомъ и подвести правильный итогъ.

Что-же нужно дѣлать въ этомъ случаѣ? Отвѣчаю: нужно всегда помнить, что, какъ я уже говорилъ выше, наши душевныя способности совершенствуются и дѣлаются полезными для насъ такимъ же точно способомъ, какъ и наши тѣла. Если вы хотите, чтобы чело-

[1]) „Tout le monde se plaint de sa mémoire, et personne ne se plaint de son jugement". (Всѣ жалуются на свою память и никто не жалуется на свой разсудокъ). — Rochefoucault, Ref. 113. — Ст. Дж.

вѣкъ хорошо писалъ или рисовалъ, танцовалъ или фехтовалъ, или выполнялъ ловко и легко какое-нибудь другое физическое упражненіе, то какъ-бы ни были велики его природныя силы и проворство, гибкость и ловкость, никто не ожидаетъ отъ него умѣнья, если онъ не практиковался въ этихъ вещахъ, и не затратилъ времени и труда на пріученіе своей руки или другихъ членовъ къ этимъ движеніямъ. Тоже и съ душою; если вы хотите, чтобы человѣкъ хорошо разсуждалъ, вы должны пріучать его къ этому съ раннихъ поръ, упражнять его умъ въ наблюденіи связи идей и прослѣживаніи ихъ послѣдовательности. Всего болѣе способствуетъ этому математика, которую, поэтому, и слѣдуетъ преподавать всѣмъ, у кого есть на это время и возможность, не столько для того, чтобы сдѣлать ихъ математиками, сколько для того, чтобы сдѣлать ихъ разумными созданіями; ибо хотя мы всѣ называемъ себя таковыми, потому что родимся съ возможностью стать ими, если захотимъ, но въ дѣйствительности природа даетъ намъ только задатки; мы родимся, чтобы стать, если намъ угодно, разумными созданіями, но только практика и упражненіе дѣлаютъ насъ ими и мы не заходимъ дальше того, до чего доводятъ насъ усердіе и прилежаніе. И потому всякій, кто обратитъ вниманіе на заключенія, удовлетворяющія людей въ непривычныхъ для нихъ областяхъ мышленія, убѣдится, что не всѣ они раціональны.

На это мало обращаютъ вниманія, потому что въ своихъ частныхъ дѣлахъ каждый разсуждаетъ достаточно толково, чтобы заслужить названіе разумнаго. Но ошибка въ томъ, что тотъ, кто оказывается разсудительнымъ въ одномъ, признается разсудительнымъ во всемъ остальномъ, и думать или говорить иначе считается несправедливой обидой и безсмысленнымъ осужденіемъ, на которое никто не рѣшится. Это похоже на низведеніе человѣка ниже достоинства его природы. Правда, тотъ, кто разсуждаетъ хорошо въ чемъ-нибудь одномъ, обладаетъ умомъ, по природѣ способнымъ хорошо разсуждать и о другихъ вещахъ, съ той-же или быть можетъ съ еще большей силой и ясностью, лишь бы его разумъ хорошо примѣнялся. Но вѣрно и то, что кто можетъ разсуждать хорошо объ извѣстнаго рода вещахъ, вовсе не можетъ разсуждать о другихъ, хотя возможно, что спустя годъ онъ будетъ въ состояніи дѣлать это. Однако, пока разумъ человѣка измѣняетъ ему и не помогаетъ разсуждать, мы не можемъ называть его разумнымъ, хотя-бы онъ могъ сдѣлаться таковымъ со временемъ благодаря упражненію.

Поговорите съ людьми, получившими скудное и плохое воспитаніе, мысли которыхъ никогда не возвышались надъ заступомъ и плугомъ и всегда оставались въ кругу обычной работы поденщика. Попробуйте вывести мысли такого человѣка, привыкшаго въ теченіе многихъ лѣтъ двигаться по одной и той же тропинкѣ, изъ тѣсныхъ предѣловъ, въ которыхъ сосредоточилась его жизнь, вы убѣдитесь, что онъ не болѣе способенъ разсуждать, чѣмъ почти полный дикарь. Два-три правила, на которыхъ непосредственно основываются ихъ заключенія, управляютъ, какъ вы убѣдитесь, мыслями большинства лю-

дей; этими правилами, истинными или ложными, они всегда руководились; отнимите ихъ, и они совершенно растеряются, ихъ компасъ и путеводная звѣзда утрачены, разумъ остается безпомощнымъ; и потому они либо немедленно вернутся къ своимъ старымъ правиламъ, какъ основаніямъ всяческой истины, либо вмѣстѣ съ ними откажутся отъ всякой истины и изслѣдованія и рѣшатъ, что такой вещи, какъ достовѣрность, не существуетъ. Если же вы пытаетесь расширить ихъ мысли и утвердить ихъ на болѣе отдаленныхъ и надежныхъ принципахъ, то они оказываются не въ состояніи понять ихъ, а если и поймутъ, то не знаютъ, что съ ними дѣлать, такъ какъ не привыкли къ длиннымъ дедукціямъ изъ отдаленныхъ принциповъ и не могутъ справиться съ ними.

Что же, значитъ разумъ взрослыхъ людей не можетъ совершенствоваться или расширяться? Я не говорю этого, но вотъ что, мнѣ кажется, я могу сказать: это недостижимо безъ прилежанія и усердія, требующихъ больше времени и труда, чѣмъ могутъ удѣлить имъ взрослые люди, жизненный путь которыхъ опредѣлился, а потому это рѣдко дѣлается. И сама эта способность достигать чего-либо только посредствомъ практики и упражненія, приводитъ насъ обратно къ тому, что я установилъ раньше,—именно, что только практика совершенствуетъ наши умы, какъ и наши тѣла, и мы не должны ожидать отъ нашего разума того, къ чему онъ не подготовленъ привычкой.

Не всѣ американцы[1]) родятся съ худшими способностями, чѣмъ европейцы, а между тѣмъ никто изъ нихъ не достигаетъ такихъ успѣховъ въ искусствахъ и наукахъ. И въ семьѣ бѣднаго земледѣльца тотъ изъ дѣтей, которому удалось случайно получить образованіе и выйти въ люди, безконечно превосходитъ способностями остальныхъ, тогда какъ останься онъ дома, они были бы того-же размѣра, что у его братьевъ.

Тотъ, кому приходится имѣть дѣло съ учениками, особливо если онъ преподаетъ имъ математику, можетъ замѣтить, какъ постепенно открываются ихъ умы, равно какъ и то, что только упражненіе открываетъ ихъ. Иногда они будутъ долго возиться съ какимъ нибудь доказательствомъ, не вслѣдствіе недостатка доброй воли и прилежанія, но потому что дѣйствительно не усматриваютъ связи между двумя идеями, какъ нельзя болѣе ясной для того, чей разумъ болѣе изощренъ упражненіемъ. Тоже испытаетъ и взрослый человѣкъ, приступая къ изученію математики; непониманіе вслѣдствіе недостатка упражненія часто задерживаетъ его на гладкомъ пути, и онъ самъ изумляется, усмотрѣвъ наконецъ связь, какъ могла его затруднять такая простая вещь.

7. М а т е м а т и к а.—Я упомянулъ о математикѣ, какъ о способѣ укоренить въ душѣ привычку разсуждать точно и послѣдовательно; не потому чтобы я считалъ необходимымъ для всѣхъ людей быть глубокими математиками, а потому что привыкнувъ къ тому способу

---

[1]) Подразумѣваются аборигены Америки, т. е. индѣйцы. П е р е в.

разсужденія, какого требуетъ эта наука, они будутъ способны переносить его въ другія области знанія, съ какими имъ придется имѣть дѣло. Ибо во всѣхъ родахъ разсужденія съ каждымъ отдѣльнымъ аргументомъ нужно оперировать, какъ съ математическимъ доказательствомъ, нужно прослѣживать связь и послѣдовательность идей, пока умъ не доберется до источника, изъ котораго онѣ вытекаютъ, хотя въ провѣркѣ вѣроятности этого еще недостаточно для рѣшенія, какъ въ демонстративномъ (demonstrative) знаніи.

Если истины устанавливаются доказательствомъ, то дальнѣйшаго изслѣдованія не требуется; но въ вѣроятностяхъ, гдѣ нѣтъ доказательства для установленія истины внѣ всякихъ сомнѣній, недостаточно прослѣдить одинъ аргументъ до его источника и разсмотрѣть его сильныя и слабыя стороны, а нужно, разсмотрѣвъ такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ всѣ аргументы, сопоставить ихъ другъ съ другомъ и взвѣсить, и только послѣ этого разумъ остановится на опредѣленномъ рѣшеніи.

Къ этому способу разсужденія долженъ пріучаться разумъ, способу, настолько отличному отъ того, которымъ пользуются неученые люди, что даже ученые иногда имѣютъ о немъ очень слабое представленіе или не имѣютъ никакого. Оно и не удивительно, разъ пріемы диспута въ школахъ уводятъ далеко отъ этого метода, налегая на какой - нибудь частный аргументъ, успѣхомъ котораго опредѣляется истина или ложь вопроса и рѣшается побѣда диспутанта или оппонента; это все равно, что подводитъ балансъ счета съ помощью одной какой-нибудь суммы, приписываемой и отписываемой, когда есть сотни другихъ, которыя слѣдовало-бы принять въ расчетъ.

Итакъ, слѣдовало-бы пріучать умы людей, и притомъ съ раннихъ поръ, не основывать свои мнѣнія на какой-нибудь одной точкѣ зрѣнія, когда цѣлый рядъ другихъ должны быть приняты въ расчетъ и сопоставлены, чтобы возможно было составить правильное сужденіе. Это расширяло-бы умы и сообщало надлежащую свободу разуму, гарантирующую отъ заблужденія, въ которое впадаютъ подъ вліяніемъ предубѣжденія, лѣни или торопливости; такъ какъ, думается мнѣ, никто не можетъ одобрить такого воспитанія разума, которое уводитъ его отъ истины, хотя на практикѣ оно обычно примѣняется.

На это, быть можетъ, возразятъ, что предлагаемое мною обращеніе съ разумомъ требуетъ, чтобы каждый сдѣлался ученымъ, пользовался всѣми научными пособіями и упражнялся во всѣхъ родахъ разсужденія. На это я отвѣчаю, что для тѣхъ, кто имѣетъ время и средства, чтобы достигнуть знанія, позорно нуждаться въ какихъ-либо вспомогательныхъ средствахъ или пособіяхъ для образованія разума, которыя можно достать, и о которыхъ, полагаю, идетъ здѣсь рѣчь. Мнѣ кажется, что тѣ, кого усердіе и дарованія ихъ предковъ избавили отъ постоянныхъ заботъ о кускѣ хлѣба, должны посвящать часть своего досуга своимъ головамъ и расширять свои умы посредствомъ занятій и опытовъ во всѣхъ родахъ и предметахъ разсужденія. Я упо-

миналъ выше о математическихъ наукахъ; изъ нихъ алгебра даетъ новыя вспомогательныя средства и точки зрѣнія разуму. Я предлагаю эти науки, какъ уже сказано, не для того, чтобы сдѣлать каждаго человѣка заправскимъ математикомъ или глубокимъ знатокомъ алгебры; но, во всякомъ случаѣ, я думаю, что изученіе ихъ принесетъ громадную пользу даже взрослымъ людямъ; во первыхъ, убѣждая ихъ на опытѣ, что для того, чтобы человѣкъ хорошо разсуждалъ, недостаточно обладать способностями, которыми онъ доволенъ, и которыя служатъ ему удовлетворительно въ обычныхъ дѣлахъ. Изученіе этихъ наукъ покажетъ человѣку, что хотя бы онъ считалъ свой разумъ очень хорошимъ, послѣдній можетъ измѣнять ему во многихъ, и весьма ясныхъ вещахъ. Это уничтожитъ самомнѣніе, какимъ отличается большинство людей, и они будутъ менѣе склонны думать, что ихъ умы не нуждаются въ пособіяхъ, что остроту и проницательность ихъ разума нѣтъ надобности дополнять чѣмъ либо.

Во-вторыхъ, изученіе математики показало-бы имъ необходимость раздѣлять въ разсужденіи всѣ отдѣльныя идеи, разсматривать отношенія, существующія между тѣми, которыя имѣютъ связь съ даннымъ изслѣдованіемъ, отбрасывать и совершенно не принимать въ расчетъ тѣхъ, которыя не относятся къ обсуждаемому положенію. Въ другихъ областяхъ, не занимающихся количествомъ, это такъ-же безусловно требуется для правильнаго разсужденія, хотя въ нихъ это условіе не такъ легко соблюдается и не такъ тщательно выполняется. Въ тѣхъ отрасляхъ знанія, гдѣ математическому доказательству по общему мнѣнію нѣтъ мѣста, люди разсуждаютъ какъ-бы оптомъ; и если могутъ основать на суммарномъ и безтолковомъ обзорѣ или на частичномъ разсмотрѣніи видимость вѣроятности, то обыкновенно остаются довольными, особливо, если это происходитъ на диспутѣ, гдѣ хватаются за всякую соломинку и усердно раздуваютъ все, чѣмъ можно хоть сколько-нибудь прикрасить аргументацію. Но только тотъ умъ находится на пути къ истинѣ, который ясно различаетъ всѣ части, и, опуская то, что не относится къ дѣлу, выводитъ заключеніе изъ сопоставленія всѣхъ отдѣльныхъ данныхъ, которыя могутъ повліять на него. Есть и другая, не менѣе полезная привычка, пріобрѣтаемая изученіемъ математическихъ доказательствъ, именно привычка ума къ длинной цѣпи выводовъ; но я уже упоминалъ о ней и не стану возвращаться къ этому предмету.

Что касается людей, средства и время которыхъ болѣе ограничены, то достаточныя для нихъ знанія не такъ обширны, какъ можно бы думать, и потому не могутъ подать поводъ къ возраженію.

Никто не обязанъ знать все. Знаніе и наука, вообще—занятіе лишь тѣхъ, которые пользуются довольствомъ и досугомъ. Тѣ, которые имѣютъ спеціальныя профессіи, должны понимать ихъ, и нѣтъ ничего неразумнаго и практически неосуществимаго въ заявленіи, что имъ слѣдуетъ думать и разсуждать правильно о томъ, что составляетъ ихъ ежедневное занятіе. Тотъ, кто отрицаетъ за ними способ-

ность къ этому, ставитъ ихъ на одинъ уровень со скотами и надѣляетъ ихъ тупостью, лишающей права называться разумнымъ созданіемъ.

8. Религія.—Кромѣ своей спеціальной профессіи, доставляющей средства къ жизни, каждый заинтересованъ въ будущей жизни, о которой обязанъ позаботиться. Это направляетъ его мысли къ религіи, и здѣсь ему особенно важно понимать и разсуждать правильно. Поэтому люди не могутъ быть избавлены отъ обязанности понимать слова и пріобрѣтать общія понятія, относящіяся къ религіи. Одинъ день въ недѣлю—кромѣ другихъ дней отдыха—даетъ въ христіанскомъ мірѣ достаточно времени для этого (при отсутствіи другихъ часовъ досуга), лишь-бы они пожелали воспользоваться отдыхомъ отъ своихъ ежедневныхъ трудовъ и заняться пріобрѣтеніемъ этого знанія съ такимъ-же усердіемъ, какое часто проявляютъ въ очень многихъ, другихъ совершенно безполезныхъ вещахъ, и лишь-бы тѣ, которые пожелаютъ заняться съ ними, направили ихъ, соотвѣтственно ихъ различнымъ способностямъ, на правильный путь къ пріобрѣтенію знанія. Природный складъ ихъ умовъ такой-же, какъ у другихъ людей, и у нихъ не оказалось-бы недостатка разума для усвоенія познанія религіи, еслибы имъ было оказано хоть небольшое содѣйствіе и поощреніе въ этомъ. Извѣстны примѣры самыхъ простыхъ людей, достигшихъ высокаго пониманія религіи; хотя они не такъ часты, какъ можно было-бы пожелать, но все же ихъ наберется достаточно, чтобы показать, что люди этого класса не должны необходимо оставаться въ грубомъ невѣжествѣ, и что гораздо большее число ихъ можно сдѣлать разумными созданіями и христіанами (ибо врядъ-ли можно признать таковыми тѣхъ, кто, нося это имя, не знаетъ даже начатковъ этой религіи), если надлежащимъ образомъ позаботится о нихъ. Ибо, если не ошибаюсь, французскіе крестьяне (классъ народа, терпящій гораздо болѣе тяжелую нужду, чѣмъ англійскіе поденщики), принадлежащіе къ реформированной религіи, проявили въ ней гораздо больше пониманія и могли-бы лучше объяснить ее, чѣмъ представители высшихъ классовъ у насъ*).

Но если даже будетъ рѣшено, что люди низшаго класса должны оставаться при скотскомъ тупоуміи въ вещахъ, которыя ближайшимъ образомъ касаются ихъ, для чего я не вижу никакихъ основаній, то это не извиняетъ тѣхъ, которые обладаютъ болѣе значительными средствами и лучшимъ воспитаніемъ, если они пренебрегаютъ своимъ разумомъ и не стараются употреблять его, какъ должно, и получить правильное познаніе тѣхъ вещей, для которыхъ главнымъ образомъ онъ данъ имъ. Во всякомъ случаѣ, тѣ, кому богатое состояніе доставляетъ возможность и вспомогательныя средства образованія, не такъ малочислены, чтобы нельзя было ожидать значительныхъ

*) Объ этомъ предметѣ философъ говоритъ на основаніи собственнаго опыта, такъ какъ въ бытность свою въ Лангедокѣ, онъ всячески старался ознакомиться съ мнѣніями и нравами гугенотовъ. Ср. Lord. King. Life of Locke.—Ст. Дж.

успѣховъ въ знаніяхъ всякаго рода, особливо, въ наиболѣе важномъ и всеобъемлющемъ, если-бы люди пожелали правильно пользоваться своими способностями и изучать свой разумъ.

9. Идеи.—Внѣшніе тѣлесные предметы, которые постоянно навязываются нашимъ чувствамъ и возбуждаютъ наше влеченіе, не могутъ не наполнять наши головы яркими и прочными идеями этого рода. Въ этомъ отношеніи нѣтъ надобности побуждать умъ къ накопленію большого запаса; они сами навязываются достаточно часто и обыкновенно воспринимаются въ такомъ изобиліи и удерживаются такъ тщательно, что въ душѣ не хватаетъ мѣста или вниманія для другихъ, болѣе важныхъ и нужныхъ. Поэтому, чтобы сдѣлать разумъ способнымъ къ такому разсужденію, о которомъ я говорилъ выше, нужно позаботиться наполнить его моральными и болѣе абстрактными идеями, ибо такъ какъ онѣ не навязываются сами собою чувствамъ, а должны быть построены для разума, то люди такъ склонны пренебрегать способностью, которая, какъ они готовы думать, ни въ чемъ ни нуждается, что, я боюсь, умы большинства людей менѣе снабжены такими идеями, чѣмъ воображаютъ. Они часто употребляютъ слова,—можно-ли, въ такомъ случаѣ, заподозрить, что у нихъ нѣтъ идей? То, что сказано въ третьей книгѣ моего опыта, избавляетъ меня отъ необходимости отвѣчать на этотъ вопросъ*). Но чтобы убѣдить людей, какъ важно для ихъ разума обладать такими абстрактными идеями, прочно укоренившимися въ немъ, позвольте мнѣ предложить вопросъ: какъ можетъ кто либо знать, что онъ обязанъ быть справедливымъ, если въ его умѣ нѣтъ опредѣленныхъ идей долга и справедливости,—разъ это знаніе заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ усмотрѣніи совпаденія или несовпаденія этихъ идей? То-же можно сказать обо всемъ остальномъ, что касается нашей жизни и нравовъ. И если люди затрудняются усмотрѣть совпаденіе или несовпаденіе двухъ угловъ, которые находятся передъ ихъ глазами на чертежѣ, то возможно-ли замѣтить это въ идеяхъ, не выражаемыхъ никакими, доступными чувствамъ объектами, кромѣ звуковъ, съ которыми они не представляютъ никакого сходства, почему и должны быть отчетливо запечатлѣны въ душѣ, какъ идеи, если мы хотимъ составить о нихъ ясное сужденіе! Это одна изъ первыхъ вещей, которыми должна заняться душа при правильномъ воспитаніи разума, безъ чего она не пріобрѣтаетъ способности правильно разсуждать объ этихъ вещахъ. Но слѣдуетъ позаботиться, чтобы въ этихъ и во всѣхъ другихъ идеяхъ не затаилось несообразностей и чтобы они имѣли реальное существованіе, если предполагается реальное существованіе, а не были простыми химерами съ предполагаемымъ существованіемъ.

10. Предразсудокъ.—Каждый жалуется на предразсудки, вводящіе въ заблужденіе другихъ людей или партіи, какъ будто самъ

---

*) Въ третьей книгѣ «Опыта о человѣческомъ разумѣ» Локкъ подробно распространяется (особливо въ гл. 10, 11) о склонности людей удовлетворяться словами, въ которыя не вкладывается опредѣленной и ясной идеи или представленія. Перев.

онъ свободенъ отъ нихъ и не имѣетъ ни одного. Въ этомъ всѣ упрекаютъ другъ друга, значитъ всѣ согласны, что это недостатокъ и помѣха знанію. Въ чемъ же лѣкарство? Ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, чтобы каждый оставилъ въ покоѣ предразсудки другого и занялся своими собственными[1]). Обвиняя другихъ, никто не исправляется самъ; онъ грѣшитъ противъ того же правила, и считаетъ себя чистымъ. Единственный способъ устранить изъ міра эту важную причину невѣжества и затрудненія—каждому безпристрастно изслѣдовать самого себя. Если другіе неправильно распоряжаются съ своими умами, то развѣ это превращаетъ мои заблужденія въ истины? Или развѣ это должно заставить меня полюбить ихъ и обманывать самого себя? Если другимъ нравится имѣть бѣльма на глазахъ, то развѣ это должно мѣшать мнѣ снять мои при первой возможности? Каждый высказывается противъ слѣпоты, а между тѣмъ, кто не жалѣетъ того, что слѣпитъ ему зрѣніе и отнимаетъ у его ума ясный свѣтъ, который долженъ вести его къ истинѣ и знанію? Ложныя или сомнительныя положенія, принимаемыя за безспорныя, затемняютъ истину для тѣхъ, кто основывается на нихъ. Таковы обыкновенно предразсудки, внѣдряемые воспитаніемъ, партіей, почтеніемъ, модой, интересомъ и проч. Таковъ сучокъ, который каждый видитъ въ глазу ближняго своего, не замѣчая въ своемъ бревна. Ибо, гдѣ вы найдете человѣка, который всегда готовъ изслѣдовать свои принципы и разсмотрѣть, таковы ли они, чтобъ выдержать испытаніе? А между тѣмъ, это одна изъ первыхъ задачъ, за которую долженъ взяться и къ которой долженъ отнестись добросовѣстно всякій, кто хочетъ правильно воспитать свой разумъ для изысканія истины и знанія.

Тѣмъ, которые желаютъ отдѣлаться отъ этой великой помѣхи знанію (ибо только для нихъ я пишу), тѣмъ, которые готовы избавиться отъ власти этого великаго и опаснаго обманщика, предразсудка, облекающаго ложь видимостью истины, и такъ ловко сбивающаго съ толку умы людскіе, что они пребываютъ въ темнотѣ, увѣренные, что видятъ яснѣе, чѣмъ кто бы то ни было, кто не смотритъ ихъ глазами, я укажу признакъ, по которому можно узнать предразсудокъ. Кто крѣпко держится за какое-нибудь мнѣніе, тотъ долженъ предполагать (если только не презираетъ самого себя), что его убѣжденія построены на хорошихъ основаніяхъ, что онъ соглашается лишь постольку, поскольку очевидность истины принуждаетъ его къ этому, и что доказательства, а не склонность или фантазія, дѣлаютъ его такимъ увѣреннымъ и положительнымъ въ своихъ утвержденіяхъ. Но если, послѣ всѣхъ этихъ заявленій, онъ не выноситъ никакого противорѣчія своему мнѣнію, если онъ не можетъ терпѣливо выслушать, а тѣмъ менѣе разсмотрѣть и взвѣсить аргументы другой стороны, то не сознается ли онъ этимъ самымъ, что имъ владѣетъ предразсудокъ

---

[1])«Tout le monde trouve a redire en autruy, ce qu'on trouve à redire en luy». (Всякій находитъ достойнымъ порицанія въ другомъ то, что находятъ достойнымъ порицанія въ немъ).—Rochef. Reflect. Mor. 33.—Ст. Дж.

и что не очевидность истины, а какое-нибудь лѣнивое предубѣжденіе, какое-нибудь излюбленное предвзятое мнѣніе желаетъ онъ сохранить непотревоженнымъ? Ибо если то, что онъ отстаиваетъ, хорошо защищено очевидностью—какъ онъ утверждаетъ—и если онъ видитъ его истинность, то почему бы ему бояться подвергнуть его испытанію? Если его мнѣніе установлено на твердомъ основаніи, если аргументы, подтверждающіе его и нашедшіе согласіе съ его стороны, ясны, хороши и убѣдительны, то почему бы ему бояться провѣрить, доказательны они или нѣтъ? Тотъ, чье согласіе заходитъ дальше этой очевидности, проявляетъ этотъ избытокъ приверженности только въ силу предразсудка; и на дѣлѣ сознается въ этомъ, когда отказывается слушать то, что высказываютъ противъ него, заявляя этимъ самымъ, что онъ ищетъ не очевидности, а спокойнаго пользованія мнѣніемъ, которое ему нравится, причемъ осуждаетъ заранѣе, не выслушавъ и не разсмотрѣвъ, все, что можетъ оказаться въ противорѣчіи съ нимъ; что это такое, какъ не предразсудокъ? «qui aequum statuerit, parte inaudita altera, etiamsi aequum statuerit, haud aequus fuerit». [1]) Тотъ, кто захочетъ показать себя въ подобномъ случаѣ приверженцемъ истины, не поддающимся предвзятому мнѣнію или пристрастію, которыя могутъ сбить его съ толка, долженъ сдѣлать двѣ вещи, не совсѣмъ обычныя и легкія.

11. Безразличіе.—Во-первыхъ онъ не долженъ быть пристрастнымъ къ какому-либо мнѣнію, или желать, чтобы оно оказалось истиннымъ, пока не убѣдится, что оно дѣйствительно таково; а затѣмъ, у него не должно быть нужды въ такомъ желаніи; такъ какъ ничто ложное не заслуживаетъ нашего расположенія, или желанія, чтобы оно заняло мѣсто и пріобрѣло силу истины; а между тѣмъ, подобное желаніе вещь самая обыкновенная. Люди пристрастны къ извѣстнымъ положеніямъ не въ силу ихъ доказательности, а изъ почтенія и привычки; и думаютъ, что должны стоять за нихъ, иначе все погибнетъ, хотя никогда не разсматривали ихъ основаній и не пытались выяснить ихъ себѣ или другимъ. Мы должны ревностно бороться за истину, но прежде всего мы должны быть увѣрены, что это истина, иначе мы боремся противъ Бога, который есть Богъ истины, и творимъ дѣло дьявола, который есть отецъ и распространитель лжи; и наше рвеніе, какъ бы ни было оно горячо, не извинитъ насъ, такъ какъ здѣсь очевидно предвзятое мнѣніе.

12. Провѣрка.—Во-вторыхъ, онъ долженъ дѣлать то, что будетъ ему вовсе не по душѣ, разъ онъ считаетъ это дѣло ненужнымъ или себя самого неспособнымъ къ нему. Онъ долженъ провѣрять, точно-ли его принципы истинны или нѣтъ, и насколько онъ можетъ положиться на нихъ. Что чаще мѣшаетъ этому, недостатокъ охоты или недостатокъ умѣнья, я не берусь опредѣлить; но я увѣренъ, что это долженъ дѣлать всякій, кто заявляетъ о своей любви къ истинѣ

---

[1]) «Кто постановилъ рѣшеніе, не выслушавъ другую сторону, тотъ, хотя бы рѣшеніе оказалось справедливымъ, не будетъ справедливъ».

и не хочетъ обманывать самого себя, что вѣрнѣе оставляетъ человѣка въ дуракахъ, чѣмъ софистика другихъ. Мы всегда расположены дурачить самихъ себя и дѣлаемъ это охотно, но намъ не нравится, если насъ дурачатъ и проводятъ другіе. Неумѣнье, о которомъ я говорю, не есть какой-либо природный изъянъ, дѣлающій людей неспособными провѣрять собственные принципы. Для такихъ правила воспитанія разума безполезны, но ихъ очень немного. Большинство составляютъ тѣ, которыхъ обезсилила дурная привычка никогда не упражнять свои мысли; ихъ умственныя способности ослабѣли отъ неупотребленія и утратили то богатство и силу, которыя природа предназначила имъ пріобрѣсть путемъ упражненія. Тѣ, которые находятся въ условіяхъ, позволяющихъ имъ изучить первыя правила ариѳметики и могутъ выучиться подводить обыкновенную сумму, способны на это, если только они пріучили свои умы къ разсужденію; но тѣ, которые совершенно пренебрегали упражненіемъ своего разума этимъ способомъ будутъ вначалѣ очень далеки отъ такого умѣнья, и такъ же мало способны дѣлать это, какъ человѣкъ, неопытный въ счетѣ, вести торговую книгу, и можетъ быть найдутъ не менѣе страннымъ, если отъ нихъ потребуютъ этого. Тамъ не менѣе, надо признать неправильнымъ употребленіемъ нашего разума построеніе нашихъ воззрѣній (въ вещахъ, относительно которыхъ намъ важно знать истину) на принципахъ, которые вводятъ насъ въ заблужденіе. Мы принимаемъ наши принципы случайно, на вѣру, не изслѣдуя ихъ, и вѣримъ цѣлой системѣ, рѣшивъ, что они истинны и основательны: это ли не дѣтское, постыдное, безсмысленное легковѣріе?

Въ этихъ двухъ вещахъ, именно, въ одинаково безразличномъ отношеніи ко всякой истинѣ—я подразумѣваю принятіе ея, любовь къ ней, какъ къ истинѣ, но не любовь къ ней въ силу какихъ нибудь другихъ мотивовъ, прежде чѣмъ мы узнаемъ, что она истина—и въ провѣркѣ нашихъ принциповъ, въ отказѣ принимать ихъ и строить на нихъ, пока мы не вполнѣ убѣждены, какъ разумныя созданія, въ ихъ основательности, истинности и достовѣрности, заключается та свобода разума, которая необходима для разумнаго существа и безъ которой онъ не заслуживаетъ названія разума. Это фантазія, капризъ, сумасбродство, все, что угодно, только не разумъ, если онъ вынужденъ принимать и усваивать мнѣнія въ силу какого бы то ни было авторитета, кромѣ своего собственнаго, на основаніи воображаемой, а не усматриваемой очевидности. Это было справедливо названо обманомъ, и изъ всѣхъ обмановъ это худшій и опаснѣйшій. Ибо мы обманываемъ самихъ себя, а это сильнѣйшій изъ всѣхъ обмановъ, и притомъ обманываемъ въ такихъ вещахъ, изъ которыхъ должны съ величайшимъ тщаніемъ устранять всякій обманъ. Міръ склоненъ строго порицать тѣхъ которые обнаруживаютъ равнодушіе къ мнѣніямъ, особливо въ религіи. Я боюсь, что это основа великаго заблужденія и дурныхъ послѣдствій. Быть равнодушнымъ къ тому, которое изъ двухъ мнѣній вѣрно, есть правильное настроеніе ума, предохраняющее его отъ обмана и заставляющее изслѣдовать съ тѣмъ-же без-

различіемъ, пока онъ не сдѣлаетъ все, что можетъ, для нахожденія истины; а это единственный прямой и вѣрный путь. Но быть равнодушнымъ къ тому, принимаешь ли истину или ложь, есть прямая дорога къ заблужденію. Тѣмъ, которые неравнодушны къ тому, какое мнѣніе истинно, слѣдуетъ поставить это въ вину; они предполагаютъ, безъ изслѣдованіи, что то, котораго они держатся, и есть истина, и затѣмъ считаютъ своихъ долгомъ ревниво отстаивать его. Они, какъ видно изъ ихъ горячности и рвенія, неравнодушны къ своимъ мнѣніямъ; но, какъ мнѣ кажется, совершенно равнодушны къ тому, истинны эти мнѣнія или ложны, разъ не могутъ выносить никакихъ сомнѣній или возраженій; очевидно также, что они не вырабатывали ихъ сами и, стало быть, никогда не изслѣдовали ихъ, а потому не знаютъ, да и не не интересуются знать, истинны они или ложны.

Таковы обычныя и наиболѣе общія ошибки, которыя, мнѣ кажется, должны быть избѣгаемы или исправляемы людьми при правильномъ воспитаніи разума, и на которыя слѣдуетъ обращать особенное вниманіе въ воспитаніи. Я думаю, что дѣло послѣдняго, въ отношеніи знанія, не усовершенствовать ученика во всѣхъ или въ одной какой-нибудь наукѣ, а сообщить его уму ту свободу, то настроеніе и тѣ привычки, которыя сдѣлаютъ его способнымъ овладѣть любою отраслью знанія, за какую онъ примется, или какая ему понадобится въ дальнѣйшемъ теченіи его жизни.

Это, и только это, значить заботиться о правильныхъ принципахъ, а не внушать почтеніе и благоговѣніе къ извѣстнымъ догмамъ подъ благозвучнымъ названіемъ принциповъ,—догмамъ, которыя часто такъ далеки отъ истины и очевидности, присущихъ принципамъ, что должны быть отброшены какъ ложныя и ошибочныя; и нерѣдко заставляютъ людей, получившихъ такое воспитаніе, когда они выступятъ въ свѣтъ и убѣдятся, что не могутъ поддержать принциповъ, принятыхъ и усвоенныхъ такимъ образомъ, отбрасывать всякіе принципы и превращаться въ совершенныхъ скептиковъ, равнодушныхъ къ знанію и добрдодѣтели.

Есть различные изъяны и дефекты разума, зависящіе или отъ природнаго склада души или отъ усвоенныхъ дурныхъ привычекъ, и препятствующіе его успѣхамъ въ познаніи. При обстоятельномъ изслѣдованіи души ихъ нашлось-бы, пожалуй, не меньше, чѣмъ тѣлесныхъ болѣзней, и каждый изъ нихъ до нѣкоторой степени омрачаетъ и ослабляетъ разумъ, а потому требуетъ вниманія и исцѣленія. Я укажу нѣкоторые изъ нихъ, съ цѣлью побудить людей, особливо тѣхъ, которые дѣлаютъ знаніе своей профессіей, заглянуть въ самихъ себя и изслѣдовать, не поощряютъ-ли они какихъ-нибудь неправильностей при оперированіи своей интеллектуальной способностью, препятствующихъ въ изысканіи истины.

13. Обобщенія.—Спеціальныя фактическія данныя несомнѣнно являются основаніями, на которыхъ строится наше граждан-

ское и естественное знаніе [1]): польза, которую извлекаетъ изъ нихъ разумъ, заключается въ возможности выводить изъ нихъ заключенія, которыя могутъ считаться постоянными правилами знанія, а слѣдовательно и практики. Умъ часто не извлекаетъ той пользы, которую долженъ-бы былъ извлечь изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ отчетахъ гражданскихъ или естественныхъ историковъ, вслѣдствіе чрезмѣрной торопливости или чрезмѣрной медлительности въ обобщеніи частныхъ фактовъ, о которыхъ они сообщаютъ.

Таковы тѣ, которые усердно занимаются чтеніемъ, но мало подвигаются отъ этого въ познаніи. Они находятъ удовольствіе въ исторіяхъ, которыя читаютъ и, можетъ быть, сумѣютъ пересказать ихъ, такъ какъ во всемъ, что читаютъ, не видятъ ничего, кромѣ занятныхъ исторій; не продумывая ихъ, не дѣлая для себя обобщеній изъ того, что прочли, они извлекаютъ очень мало пользы изъ массы отдѣльныхъ данныхъ, которыя либо проходятъ черезъ ихъ головы, либо складываются въ нихъ. Они постоянно пичкаютъ себя чтеніемъ; но такъ какъ ничего не перевариваютъ, то оно даетъ имъ груду сырыхъ матерьяловъ.

Если ихъ память хорошо удерживаетъ прочитанное, то можно сказать, что они обладаютъ матерьяломъ знанія, но подобно строительнымъ матерьяламъ, онъ не приноситъ никакой пользы, если его оставляютъ лежать въ видѣ безпорядочной груды, безъ всякаго употребленія. Противоположность имъ представляютъ тѣ, которые не извлекаютъ пользы изъ фактическихъ данныхъ вслѣдствіе совершенно обратнаго отношенія. Они склонны выводить общія заключенія и строить аксіомы изъ каждаго частнаго факта, который имъ попадется. Они извлекаютъ изъ исторіи такъ же мало истинной пользы, какъ первые; мало того, обладая торопливымъ и дѣятельнымъ духомъ, получаютъ отъ нея больше вреда, такъ какъ руководиться въ своихъ мысляхъ ошибочнымъ правиломъ хуже, чѣмъ не имѣть никакого; заблужденіе приноситъ больше вреда дѣятельнымъ людямъ, чѣмъ невѣжество медлительнымъ и неповоротливымъ. Всего лучше поступаютъ тѣ, которые, воспринимая матеріалъ и полезныя указанія, иногда изъ единичныхъ фактическихъ данныхъ, пользуются ими для подтвержденія или опроверженія своихъ несовершенныхъ выводовъ, съ цѣлью установить правила, на которыя можно положиться, такъ какъ они оправдываются достаточной и осторожной индукціей отъ частныхъ фактовъ. Тотъ, кто не продумываетъ такимъ образомъ прочитаннаго, только нагружаетъ свой умъ разсказами, которыми можно зимнимъ вечеромъ занять другихъ; а тотъ, кто готовъ возводить каждый фактъ въ правило, получитъ множество противорѣчивыхъ выводовъ, годныхъ лишь для того, чтобы смущать и сбивать его, если онъ вздумаетъ ихъ сравнивать, или вводить его въ заблужденіе, если онъ довѣрится тѣмъ, которые по своей новизнѣ или въ силу какого-нибудь другого каприза наиболѣе нравятся ему.

---

1) «Civil and natural knowledge», т. е., по современной терминологіи, общественныя и естественныя науки. Перев.

14. Пристрастіе.—Рядомъ съ этими мы можемъ помѣстить тѣхъ, которые позволяютъ своимъ природнымъ темпераментамъ или страстямъ вліять на ихъ сужденія, особливо о людяхъ и вещахъ, которые могутъ имѣть какое-либо отношеніе къ ихъ обстоятельствамъ и интересамъ. Истина проста, чиста, не выноситъ никакихъ примѣсей. Она сурова и непреклонна ко всякимъ побочнымъ интересамъ, и такимъ же долженъ быть разумъ, значеніе и превосходство котораго заключается въ сообразованіи съ нею. Думать обо всемъ именно такъ, какъ оно есть въ себѣ, настоящее дѣло разума, хотя люди не всегда употребляютъ его для этого. Всякій съ перваго слова согласиться, что такимъ должно быть правильное употребленіе разума. Никто не броситъ открытаго вызова здравому смыслу, утверждая, будто мы не должны стараться судить и узнавать вещи такими, каковы они сами по себѣ; а между тѣмъ постоянно дѣлается противоположное; и люди склонны извинять себя и думать, что они вправѣ такъ поступать подъ тѣмъ предлогомъ, что это дѣлается для Бога или праваго дѣла; то есть, въ дѣйствительности, для самихъ себя, своего убѣжденія или партіи; для того, что различныя секты людей, особливо въ религіозныхъ вещахъ, величаютъ Богомъ и правымъ дѣломъ. Но Богъ не требуетъ, чтобы люди злоупотребляли для него своими способностями или лгали себѣ и другимъ; а это умышленно дѣлаютъ тѣ, которые не позволяютъ своему разуму составить правильное впечатлѣніе о вещахъ, предлагаютъ ихъ вниманію, и намѣренно устраняются отъ правильныхъ мыслей обо всемъ, поскольку они заинтересованы въ изслѣдованіи. Что касается праваго дѣла, то оно не нуждается въ такихъ дурныхъ вспомогательныхъ средствахъ; если оно хорошо, истина поддержитъ его, и ему не требуется фальши и лжи.

15. Аргументы.—Весьма сродни этому погоня за аргументами, которые говорятъ въ пользу одной стороны вопроса, и полное пренебреженіе и отбрасываніе тѣхъ, которые благопріятны для другой стороны. Развѣ это не значитъ добровольно вводить въ заблужденіе разумъ? Принимать мнѣнія, наиболѣе выгодныя для нашей власти, пользы и вліянія, а затѣмъ искать аргументовъ въ ихъ пользу,—это такъ далеко отъ уваженія, подобающаго истинѣ, что глубоко унижаетъ ее. Истина, освѣщенная такимъ способомъ, также мало пригодна для насъ, какъ заблужденіе, потому что принятое нами такимъ путемъ одинаково можетъ оказаться истиннымъ или ложнымъ; и тотъ не исполнилъ своего долга, кто случайно наткнулся на истину, на пути къ выгодѣ.

Есть другой, но болѣе невинный способъ собиранія аргументовъ, очень распространенный среди книжныхъ людей, старающихся запастись аргументами pro и contra въ вопросахъ, которыми они занимаются. Это не помогаетъ имъ разсуждать правильно и аргументировать сильно, но даетъ возможность распространяться многословно о любой сторонѣ вопроса, не имѣя твердаго и опредѣленнаго мнѣнія: такъ какъ подобные аргументы, заимствованные изъ мыслей другихъ

людей, сохраняясь только въ памяти, дѣйствительно даютъ готовый матеріалъ для многословной рацеи, имѣющей нѣкоторую видимость разума но не помогаютъ намъ судить правильно. Такое разнообразіе аргументовъ только сбиваетъ разумъ, полагающійся на нихъ, если онъ не заходитъ дальше такого поверхностнаго способа изслѣдованія; это значитъ мѣнять истину на видимость, только въ угоду нашему тщеславію. Надежный и единственный способъ пріобрѣсти истинное знаніе,—это образовать въ нашемъ умѣ ясныя прочныя понятія о вещахъ, присоединивъ опредѣленныя имена къ этимъ опредѣленнымъ идеямъ. Ихъ мы и должны разсматривать въ ихъ различныхъ отношеніяхъ; а не забавляться расплывчатыми названіями и словами неопредѣленнаго значенія, которыя можно употреблять въ различныхъ смыслахъ, какіе для насъ требуются. Въ усмотрѣніи отношеній между нашими идеями заключается истинное знаніе, и разъ человѣкъ замѣчаетъ, въ какой мѣрѣ онѣ согласуются одна съ другою, онъ будетъ способенъ судить о томъ, что говорятъ другіе, не нуждаясь для своего руководства въ аргументахъ другихъ, оказывающихся часто лишь благовидной софистикой. Это научитъ его правильно ставить вопросъ, и видѣть, куда онъ клонится, и такимъ образомъ онъ будетъ стоять на собственныхъ ногахъ и знать собственнымъ разумомъ. Напротивъ, собирая и заучивая наизусть аргументы, онъ получаетъ изъ вторыхъ рукъ; и если кто нибудь спроситъ объ основаніяхъ, на которыхъ они построены, онъ будетъ поставленъ втупикъ, и принужденъ спасовать съ своимъ принятымъ на вѣру знаніемъ.

16. Торопливость.—Трудъ ради труда противоестественъ. Разумъ, какъ и всѣ остальныя способности, выбираетъ всегда кратчайшій путь, чтобы окончить его, немедленно овладѣваетъ пріобрѣтеннымъ такимъ образомъ знаніемъ и принимается за какое-нибудь новое изслѣдованіе. Но при этомъ легкость или торопливость часто вводятъ его въ заблужденіе и заставляютъ пользоваться неподходящими путями изслѣдованія, которые не приводятъ къ цѣли: иногда онъ опирается на свидѣтельство, когда свидѣтельство не имѣетъ никакого значенія, потому что легче вѣрить, чѣмъ быть научно освѣдомленнымъ; иногда довольствуется однимъ аргументомъ и удовлетворяется имъ, какъ формальнымъ доказательствомъ, тогда какъ изслѣдуемая вещь недоступна формальному доказательству и потому должна быть подвергнута испытанію вѣроятностей, причемъ всѣ существенные аргументы pro и contra должны быть разсмотрѣны и сопоставлены. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ умъ рѣшаетъ на основаніи вѣроятностей въ изслѣдованіяхъ, гдѣ формальное доказательство можетъ имѣть мѣсто. Всѣ эти и различныя другія неправильныя приложенія разума къ изысканію истины—результатъ лѣни, нетерпѣнія, привычки и недостатка практики и вниманія. Для каждаго вопроса надо разсмотрѣть природу и характеръ доказательствъ, которымъ онъ доступенъ, чтобы сдѣлать изслѣдованіе такимъ, какимъ какимъ оно должно быть. Это избавитъ отъ безполезной затраты труда, и скорѣе приведетъ насъ къ открытію и обладанію той истиной, которую мы

въ состоянiи найти. Умножать разнообразiе аргументовъ, особливо пустыхъ, каковы чисто словесные, значитъ не только попусту терять трудъ, но и безцѣльно загромождать память, только мѣшая ей схватить и удержать истину во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые доступны формальному доказательству. При этомъ послѣднемъ способѣ доказательства истина и достовѣрность усматриваются и душа вполнѣ овладѣваетъ ими, тогда какъ при вышеуказанномъ она только блуждаетъ вокругъ нихъ, забавляется недостовѣрностями. Дѣйствительно этотъ поверхностный способъ даетъ матерiалъ для болѣе обильнаго правдоподобнаго словоизверженiя, но не расширяетъ познанiя, какъ бы требовалось. Таже торопливость и нетерпѣнiе ума мѣшаютъ прослѣдить аргументы до ихъ истиннаго основанiя; люди видятъ кое что предполагаютъ гораздо больше и такимъ образомъ дѣлаютъ скачекъ къ заключенiю. Это краткiй путь къ выдумкѣ и фантазiи, равно какъ (если твердо держаться его) къ упорству, но безъ сомнѣнiя самый далекiй путь къ знанiю. Ибо тотъ, кто желаетъ знать, долженъ прослѣдить связь доказательствъ, чтобы увидѣть истину и ея основанiе; и потому, если онъ изъ торопливости перескочитъ черезъ то, что долженъ былъ разсмотрѣть, ему слѣдуетъ вернуться обратно и начать сызнова, иначе онъ никогда не достигнетъ знанiя.

17. Непостоянство.—Другой недостатокъ, сопровождающiйся такими же дурными послѣдствiями, какъ этотъ, и также вытекающiй изъ лѣни, съ примѣсью тщеславiя, есть метанье отъ одного рода знанiй къ другому. Есть темпераменты, которымъ быстро надоѣдаетъ одно и то же. Постоянство и усидчивость—вещи, невыносимыя для нихъ; долго заниматься однимъ и тѣмъ же предметомъ для нихъ такъ же нестерпимо, какъ для придворной дамы долго появляться въ одномъ и томъ же туалетѣ.

18 Поверхностность. — Другiе, съ цѣлью производить впечатлѣнiе универсальнаго знанiя, прiобрѣтаютъ кое-какiя поверхностныя свѣдѣнiя во всемъ. Тѣ и другiе могутъ наполнить свои головы поверхностными понятiями о вещахъ, но очень далеки отъ пути къ прiобрѣтенiю истины или знанiя.

19. Универсальность.—Я ничего не имѣю противъ влеченiя ко всѣмъ родамъ знанiя; оно безъ сомнѣнiя чрезвычайно полезно и необходимо для образованiя души; но должно осуществляться инымъ путемъ и для иной цѣли: не ради разговора и не изъ тщеславнаго стремленiя наполнить голову всевозможными обрывками, чтобы обладатель этого хлама могъ принимать участiе въ разговорѣ на любую тему, какъ будто ничто не можетъ обойтись безъ него и его голова представляетъ такой богатый складъ, что въ ней найдется все, что бы ни потребовалось. Обладать реальнымъ и истинымъ познанiемъ во всѣхъ или въ большинствѣ областей мышленiя, есть дѣйствительное преимущество, и очень важное. Но врядъ-ли умъ одного и того-же человѣка можетъ достигнуть этого, и примѣры тѣхъ, которые до извѣстной степени приблизились къ этому, такъ малочисленны, что я не знаю, можно-ли ихъ предлагать въ качествѣ образца для

обыкновеннаго воспитанія. Основательное ознакомленіе съ своей спеціальной профессіей, а также съ религіей, которая является профессіей всякаго человѣка, какъ таковаго, занимаетъ обыкновенно все время, которымъ человѣкъ располагаетъ; да и то лишь немногіе ознакомляются съ этими предметами, которые составляютъ настоящее и подлинное дѣло каждаго, такъ основательно, какъ бы слѣдовало. Но хотя это такъ, и лишь очень немногіе люди простираютъ свои мысли къ универсальному знанію, однако я не сомнѣваюсь, что еслибъ избрать вѣрный путь и установить правильные методы, то люди, имѣющіе мало дѣла и много досуга, могли бы заходить въ этомъ направленіи гораздо дальше, чѣмъ это дѣлается обыкновенно. Обращаясь къ дѣлу, замѣтимъ, что цѣль и значеніе извѣстнаго ознакомленія съ тѣми отраслями знанія, которыя не относятся къ постоянному занятію человѣка,—въ томъ, что оно осваиваетъ наши умы со всякаго рода идеями и съ правильными методами изслѣдованія ихъ связей и отношеній. Это даетъ уму свободу, а упражненіе разума въ различныхъ способахъ изслѣдованія и разсужденія, выработанныхъ наиболѣе свѣдущими людьми, пріучаетъ умъ къ осмотрительности и сообразительности и сообщаетъ ему гибкость, необходимую для того, чтобы пристально и легко слѣдить за всѣми уклоненіями и оборотами изучаемаго предмета. Кромѣ того, это влеченіе ко всѣмъ наукамъ безразлично, прежде чѣмъ душа будетъ захвачена одной изъ нихъ и исполнится любви и восхищенія къ излюбленному предмету, предупредитъ другое зло, очень обыкновенное у тѣхъ, которые съ самаго начала занимаются только одной какой-нибудь отраслью знанія. Стоитъ человѣку погрузиться въ изученіе какой нибудь отдѣльной отрасли знаня и она сдѣлается для него всѣмъ. Душа такъ настроится подъ вліяніемъ близкаго знакомства съ этимъ предметомъ, что все, даже самое отдаленное, будетъ подводить подъ одну и ту же точку зрѣнія. Метафизикъ будетъ сводить хлѣбопашество и садоводство непосредственно къ абстрактнымъ понятіямъ; естественная исторія (history of nature) ничего не означаетъ въ его глазахъ. Напротивъ, алхимикъ будетъ сводить божество къ правиламъ своей лабораторіи: объяснять мораль солью, сѣрой и меркуріемъ (ртутью) и находить въ самомъ Писаніи и его священныхъ тайнахъ аллегорическое указаніе на философскій камень. Я слышалъ однажды человѣка, обладавшаго большими свѣдѣніями въ музыкѣ, который серьезно пріурочивалъ Моисеевскіе семь дней первой недѣли къ музыкальнымъ нотамъ, утверждая что они дали начало мѣрѣ и методу творенія. Немаловажная вещь оберечь умъ отъ такого навожденія, а это, я думаю, всего вѣрнѣе достигается, если дать ему правильное и равномѣрное представленіе обо всемъ интеллектуальномъ мірѣ, чтобы онъ могъ видѣть порядокъ, значеніе и красоту цѣлаго, и оцѣнивать по достоинству отдѣльныя области различныхъ знаній, соотвѣтственно порядку и полезности каждой изъ нихъ.

Если старые люди не видятъ въ этомъ необходимости и не считаютъ этого осуществимымъ, то по крайней мѣрѣ въ воспитані

молодыхъ это слѣдуетъ осуществить. Задача воспитанія, какъ я уже замѣтилъ, нестолько сообщить дѣтямъ основательное знаніе наукъ, сколько расширить и настроить ихъ души наилучшимъ образомъ для того, чтобы они могли овладѣть любою, когда сами примутся за нее. Если люди въ теченіе долгаго времени пріучаются только къ одному виду или методу мышленія, то ихъ умы привыкаютъ къ нему и нелегко обращаются къ другому. Поэтому, чтобы сдѣлать ихъ свободными, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, знакомить ихъ со всѣми родами знанія и упражнять ихъ разумъ въ его разнообразныхъ и многочисленныхъ отросляхъ. Но я имѣю въ виду при этомъ не разнообразіе и обиліе знаній, а разнообразіе и свободу мышленія, усиленіе способностой и дѣятельности души, а не расширеніе ея владѣній.

20 Чтеніе.—Въ эту ошибку, мнѣ кажется, склонны впадать охотники до чтенія. Предполагается, что тѣ которые обо всемъ читали, все понимаютъ, но это не всегда бываетъ. Чтеніе доставляетъ уму только матеріалы знанія; мышленіе дѣлаетъ то, что мы читаемъ, нашимъ. Мы принадлежимъ къ роду жвачныхъ [1]), и намъ недостаточно нагрузиться обильнымъ матеріаломъ; если мы не пережуемъ его снова, онъ не дастъ намъ силы и питанія. Нѣкоторые авторы дѣйствительно являются образцами глубокой мысли, точнаго и остраго разсужденія, и послѣдовательности въ идеяхъ. Свѣтъ, который они бросаютъ, принесетъ огромную пользу читателю, если онъ будетъ слѣдовать и подражать имъ; все остальное въ лучшемъ случаѣ только частности, которыя годятся для превращеніе ихъ въ знаніе, но это можетъ быть сдѣлано только посредствомъ нашего размышленія и изслѣдованія значенія, силы и связи того, что сказано; и въ такомъ случаѣ, поскольку мы понимаемъ и видимъ связь идей, постольку оно становится нашимъ; безъ этого же остается безсвязнымъ матеріаломъ, загромождающимъ нашъ умъ. Память можетъ обогатиться, но сужденіе немного улучшится, и запасъ знанія не возрастаетъ оттого, что человѣкъ въ состояніи повторять сказанное другими или приводить найденные у нихъ аргументы. Такое знаніе есть знаніе только по наслышкѣ, а выставленіе его на показъ есть въ лучшемъ случаѣ только повтореніе наизусть, очень часто при слабыхъ и несостоятельныхъ принципахъ. Вѣдь не все, что содержится въ книгахъ, построено на вѣрныхъ основаніяхъ, и не всегда оно правильно выведено изъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ будто бы ностроено. Изслѣдованіе, которое требуется, чтобы открыть это, не всегда доступнно уму читателя, особливо такого, который преданъ какой нибудь партіи и разыскиваетъ только то, что можетъ оказаться кстати для ея воззрѣній. Такіе люди добровольно уклоняются отъ истины и отъ всякой истинной пользы, которую можно извлечь изъ чтенія. Другіе, болѣе индифферентные, часто страдаютъ недостаткомъ вниманія и усердія. Умъ отступаетъ передъ трудомъ прослѣдить всякій аргументъ до его корня и посмотрѣть, на какомъ

---

[1]) Ruminating: тутъ игра словами (ruminating—„пережевывающій жвачку“ и „размышляющій“), не передаваемая въ переводѣ. Перев.

базисѣ и настолько твердо онъ стоитъ; а между тѣмъ это-то и даетъ преимущество одному человѣку передъ другимъ въ отношеніи чтенія. Умъ долженъ при посредствѣ строгихъ правилъ подчиниться этой, вначалѣ нелегкой, обязанности; практика и упражненіе сдѣлаютъ ее легкой, настолько, что тѣ, которые освоились съ нею, такъ сказать съ перваго взгляда овладѣваютъ аргументомъ, и въ большинствѣ случаевъ сразу видятъ его основанія. Кто пріобрѣлъ эту способность, тотъ, можно сказать, пріобрѣлъ вѣрный ключъ къ книгамъ, и путеводную нить, чтобы пробираться въ лабиринтѣ разнообразныхъ мнѣній и авторовъ къ истинѣ и достовѣрности. Начинающимъ нужно указать эту нить и научить ихъ, какъ ею пользоваться, для того, чтобы они могли извлечь пользу изъ чтенія.

Тѣ, которые чужды этой практикѣ, найдутъ ее, пожалуй, слишкомъ большой помѣхой занятіямъ людей, и подумаютъ, что тотъ, кто долженъ останавливаться передъ каждымъ аргументомъ, чтобы разсмотрѣть его и прослѣдить шагъ за шагомъ до источника, не далеко уйдетъ въ чтеніи книгъ. Я отвѣчу, что это дѣльное возраженіе, и должно быть взвѣшено тѣми, которые читаютъ не ради знанія, а ради разговоровъ; и что я ничего не скажу противъ него. Но я изслѣдую здѣсь воспитаніе разума въ его стремленіи къ знанію, и тѣмъ, которые ставятъ себѣ эту цѣль, могу сказать, что тотъ, кто идетъ спокойно и тихо, упорно подвигаясь впередъ по правильно намѣченному пути, скорѣе достигнетъ цѣли своего путешествія, чѣмъ тотъ, кто гоняется за всѣмъ встрѣчнымъ, хотя бы онъ мчался весь день во весь опоръ.

Къ этому позвольте мнѣ прибавить, что такой способъ мышленія и пользованія чтеніемъ будетъ помѣхой и тормазомъ только въ началѣ; когда же практика и упражненіе сдѣлаютъ его привычнымъ, онъ будетъ примѣняться въ большинствѣ случаевъ безъ остановки или перерыва въ чтеніи. Движеніе и соображеніе души, напрактиковавшейся въ этомъ удивительно быстры, и человѣкъ, привыкшій къ подобнаго рода размышленіямъ, съ одного взгляда видитъ то, что могъ-бы изложить другому только въ длинномъ разсужденіи, въ формѣ полной и постепенной дедукціи. Кромѣ того, когда первыя затрудненія преодолены, удовольствіе и очевидная польза, получаемая отъ этого, поощряютъ и побуждаютъ душу къ чтенію, которое безъ этого не можетъ быть названо серьезнымъ занятіемъ.

21. Промежуточные принципы (Intermidiate principles).—Въ качествѣ вспомогательнаго средства можно, я думаю, предложить слѣдующее: чтобы избѣжать длинной вереницы мыслей, ведущей къ отдаленнымъ и первымъ принципамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, умъ долженъ установить ея различныя стадіи; то есть, промежуточные принципы, къ которымъ онъ можетъ обращаться при разсмотрѣніи тѣхъ положеній, какія ему встрѣтятся. Хотя это не самоочевидные принципы, но если они выведены изъ нихъ путемъ осторожной и безупречной дедукціи, то на нихъ можно положиться, и они служатъ какъ безспорныя истины, для доказательства другихъ, зависящихъ отъ нихъ, пунктовъ болѣе близкимъ и короткимъ путемъ

чѣмъ при обращеніи къ отдаленнымъ и общимъ принципамъ. Эти послѣдніе могутъ служить маяками, указывающими, что лежитъ на прямомъ пути къ истинѣ, а что совершенно въ сторонѣ отъ него. Такъ поступаютъ математики, которые не возвращаются при каждой новой проблемѣ къ первымъ аксіомамъ черезъ весь рядъ промежуточныхъ положеній. Извѣстныя теоремы, установленныя ими на надежныхъ доказательствахъ, служатъ для рѣшенія множества проблемъ, которыя отъ нихъ зависятъ и разрѣшаются такъ-же достовѣрно, какъ еслибы умъ заново прослѣдилъ всѣ звенья цѣпи, связующей ихъ съ первыми самоочевидными принципами. Нужно только позаботиться о томъ, чтобы и въ другихъ наукахъ устанавливать эти промежуточные принципы съ такой-же осторожностью, точностью и безразличіемъ, съ какими математики устанавливаютъ свои великія теоремы.

Если этого не дѣлается, если вмѣсто этого люди принимаютъ принципы въ той или другой наукѣ на вѣру, въ силу склонности, интереса и проч., наскоро, безъ надлежащаго разсмотрѣнія и самой безукоризненной провѣрки, то они ставятъ самимъ себѣ ловушку, и, насколько отъ нихъ зависитъ, настраиваютъ свой разумъ къ принятію лжи и заблужденія.

22. Предпочтеніе. — Какъ бываетъ пристрастіе къ извѣстнымъ мнѣніямъ которое, какъ уже замѣчено, способно вводить разумъ въ заблужденіе, такъ весьма обыкновенно пристрастіе къ извѣстнымъ занятіямъ, которое весьма вредитъ и преуспѣянію. Люди способны переоцѣнивать и превозносить тѣ науки, въ которыхъ они особенно свѣдущи, какъ будто та отрасль знанія, съ которой человѣкъ ознакомился, одна достойна изученія, а все остальное праздныя и пустыя забавы, сравнительно безполезныя и неважныя. Это вздорное тщеславіе, вытекающее изъ слабого и узкаго пониманія, есть результатъ невѣжества, а не результатъ знанія. Нѣтъ ничего дурнаго въ томъ, что всякій любитъ науку, которую онъ сдѣлалъ предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій; созерцаніе ея красотъ и сознаніе ея полезности побуждаетъ человѣка съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ и рвеніемъ заниматься его и преуспѣвать въ ней. Но презрѣніе ко всякому другому знанію, какъ будто оно ничто въ сравненіи съ правомъ или медициной, съ астрономіей или химіей, или-быть можетъ. съ какой нибудь, еще болѣе низкой [1]) отраслью знанія, въ которой я пріобрѣлъ кое-какія познанія или оказалъ извѣстные успѣхи, есть не только признакъ тщеславнаго или слабаго ума, но и помѣха воспитанію разума, такъ какъ замыкаетъ его въ тѣсныхъ предѣлахъ и мѣшаетъ ему заглянуть въ другія области интеллектуальнаго міра, быть можетъ, еще болѣе прекрасныя и еще болѣе плодотворныя, чѣмъ

---

[1]) Въ этомъ замѣчаніи, равно какъ и въ послѣдующихъ разсужденіяхъ Локка о богословіи, слышатся отголоски среднихъ вѣковъ, когда единственной наукой признавалась теологія, да, пожалуй, также ея „служанка",—философія (схоластическая). Но, конечно, во времена Локка трудно было предвидѣть все значеніе, которое пріобрѣла съ тѣхъ поръ точная наука и выдвинутое ею научное міросерцаніе. Пер.

та, въ которой онъ работаетъ, и способныя доставить ему, кромѣ новыхъ познаній, пріемы или указанія, которые помогутъ ему лучше разрабатывать свою собственную область.

23. Теологія.—Есть дѣйствительно одна наука (при ихъ нынѣшнемъ подраздѣленіи) стоящая несравненно выше всѣхъ остальныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда испорченность не превращаетъ ее въ ремесло или партійное дѣло, ради низкихъ или дурныхъ цѣлей и мірскихъ интересовъ; я подразумѣваю теологію, которая, содержа знаніе о Богѣ и его созданіяхъ, о нашемъ долгѣ по отношенію къ нему и нашимъ ближнимъ, и о нашемъ настоящемъ и будущемъ состояніи, является увѣнчаніемъ всего остальнаго знанія, направленнаго къ его истинной цѣли, то есть къ прославленію и почитанію Создателя и къ счастью человѣчества. Изученіе этой благородной науки есть обязанность всякаго человѣка, и каждый, кто можетъ назваться разумнымъ созданіемъ, способенъ къ нему. Въ дѣлахъ природы и словахъ откровенія она начертана для человѣчества такими крупными и ясными буквами, что всякій, кто не совершенно слѣпъ, можетъ видѣть и читать въ нихъ ея первые принципы и самыя необходимыя части, а отсюда, разъ у него есть время и усердіе, переходить къ болѣе абстрактнымъ отдѣламъ и погружаться въ безконечныя глубины, наполненныя сокровищами мудрости и знанія. Это наука, которая дѣйствительно расширяла-бы человѣческіе умы, еслибъ ее изучали, или если бы ее позволено было изучать всюду съ той свободой, любовью къ истинѣ и милосердіемъ, которымъ она учитъ, а не превращали, противно ея природѣ, въ дѣло распри, раздора, злобы и низкихъ обмановъ. Я больше ничего не скажу здѣсь объ этомъ, прибавлю только, что дѣлать свой разумъ правиломъ и мѣриломъ для другого человѣка, значитъ, безъ сомнѣнія, злоупотреблять имъ, такъ какъ онъ не годится и неспособенъ къ такому употребленію [1]).

24. Предпочтеніе.—Это предпочтеніе, побуждающее совершенно неосновательно считать всѣ остальныя изслѣдованія незначительными или презрѣнными, часто доходитъ до того, что побуждаетъ вносить въ другія отрасли знанія то, что вовсе не принадлежитъ имъ и не имѣетъ ничего общаго съ ними. Есть люди, которые такъ пріучили свои головы къ математическимъ фигурамъ, что отдавая предпочтеніе методамъ этой науки, вводятъ линіи и чертежи въ изученіе божества или въ изслѣдованіе политическихъ вопросовъ, какъ будто безъ нихъ нельзя ничего знать; другіе, привыкшіе къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ, сводятъ натуральную философію къ метафизическимъ понятіямъ и общимъ абстракціямъ логики; а какъ часто случается встрѣчать трактаты, въ которыхъ религія и мораль излагаются въ лабораторныхъ терминахъ и дѣлается попытка усовершенствовать ихъ при помощи методовъ и понятій химіи. Но тотъ, кто желаетъ поза-

---

[1]) Быть можетъ, читатель замѣтитъ, что этотъ параграфъ о теологіи вставленъ послѣ написанія всей книги; такъ какъ начальныя слова слѣдующаго параграфа „это предпочтеніе“ непосредственно примыкаютъ къ заключительнымъ словамъ § 22. Ст. Дж.

ботиться о воспитаніи своего разума, направить его на вѣрный путь, къ познанію вещей, долженъ избѣгать этого неподобающаго смѣшенія и не увлекаться тѣмъ, что оказалось полезнымъ и необходимымъ въ одной наукѣ, до перенесенія его въ другую, гдѣ оно можетъ только сбивать и смущать разумъ. Несомнѣнная истина, что „res nolunt male administrari»; не менѣе вѣрно и то, что «res nolunt male intelligi«. [1]) Вещи должны приниматься въ соображеніе такими, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ; въ такомъ случаѣ онѣ покажутъ намъ, какъ ихъ нужно понимать. Чтобы получить правильныя представленія о нихъ, мы должны подчинить нашъ разумъ неустранимой природѣ и неизмѣняемымъ отношеніемъ вещей, а не пытаться подчинить вещи нашимъ предвзятымъ мнѣніямъ.

Есть другое пристрастіе, очень распространенное среди ученыхъ людей и не менѣе вредное и смѣшное, чѣмъ предыдущее, именно фантастическое и странное приписываніе всего знанія древнимъ или, наоборотъ, современникамъ. Это увлеченіе древностью въ области поэзіи Горацій остроумно описалъ и охарактеризовалъ въ одной изъ своихъ сатиръ. То же увлеченіе древностью можно наблюдать въ отношеніи всѣхъ наукъ. Иные не желаютъ допускать мнѣнія, не освященнаго авторитетомъ древнихъ, которые-де всѣ были гигантами знанія. Въ сокровищницу истины или знанія нельзя принимать ничего, что не носитъ на себѣ клейма Греціи или Рима, и съ того времени люди врядъ ли не утратили способность видѣть, думать или писать. Другіе съ такимъ-же сумасбродствомъ презираютъ все, что оставили намъ древніе, и, увлекаясь новѣйшими изобрѣтеніями и открытіями, отбрасываютъ то, что явилось раньше, какъ будто старость означаетъ тлѣніе, и истина подвержена гніенію и ржавчинѣ. Я думаю, что въ отношеніи природныхъ дарованій люди во всѣ времена были одинаковы. Мода, дисциплина и воспитаніе значительно различались въ разные вѣка у разныхъ народовъ, и приводили къ тому, что одно поколѣніе сильно отличалось отъ другого въ отношеніи искусствъ и наукъ; но истина всегда одинакова; время не измѣняетъ ее; она не становится лучше или хуже въ зависимости отъ древняго или новаго происхожденія. Многіе выдающіеся люди прошлыхъ вѣковъ потрудились надъ ея изысканіемъ и изложеніемъ; но хотя знаніе, завѣщанное ими намъ, достойно изученія, однако они не исчерпали всѣхъ его сокровищъ; они оставили огромную долю усердію и проницательности позднѣйшихъ вѣковъ и то же сдѣлаемъ мы. Для нихъ было ново то, что современный человѣкъ принимаетъ съ почтеніемъ, какъ древность, но оно не было хуже оттого, что являлось новостью; и то, что теперь принимается какъ новое, будетъ для потомства старымъ, но отъ этого не утратитъ своей истинности или достоинства. Нѣтъ основанія противупоставлять по этому поводу древнихъ и новыхъ другъ другу, или брезговать той или другой стороной. Тотъ, кто разумно направляетъ

---

[1]) Буквально: „дѣла (или „вещи“) не хотятъ, чтобы ими плохо управляли“ и „вещи не хотятъ, чтобы ихъ плохо понимали“. Пер.

свой умъ въ поискахъ истины, будетъ пользоваться всякимъ свѣтомъ и всякими вспомогательными средствами, у кого-бы ихъ не нашелъ, не преклоняясь передъ заблужденіями и не отбрасывая истинъ, которыя могутъ оказаться примѣненными къ нимъ.

Другого рода пристрастіе можно наблюдать у однихъ къ общепринятымъ, у другихъ—къ исключительнымъ воззрѣніямъ; иные склонны заключать, что общее мнѣніе не можетъ не быть истиннымъ; глаза такого множества людей, думаютъ они, не могутъ не видѣть правильно; умы такого множества людей всякаго рода не могутъ заблуждаться, на этомъ основаніи они не рѣшаются отвергать общепринятыхъ мнѣній даннаго мѣста и вѣка и не допускаютъ дерзкой мысли быть умнѣе своихъ сосѣдей. Они довольствуются тѣмъ, что идутъ вмѣстѣ съ толпой и такъ какъ это незатруднительно, то имъ кажется, что они идутъ вѣрнымъ путемъ или по крайней мѣрѣ онъ служитъ имъ не хуже вѣрнаго. Но при всей популярности правила „vox populi, vox Dei", я не припомню, чтобы Богъ возвѣщалъ свои глаголы черезъ толпу, или природа свои истины черезъ стадо. Съ другой стороны иные избѣгаютъ всякихъ общепринятыхъ мнѣній какъ ложныхъ или вздорныхъ. Прозвище многоголоваго звѣря достаточное основаніе въ ихъ глазахъ для заключенія, что тамъ не можетъ быть сколько нибудь серьезной или важной истины. Общепринятыя мнѣнія годятся для вульгарныхъ умовъ и приспособлены для своихъ цѣлей правителями. Тотъ, кто желаетъ познать истину вещей, долженъ отказаться отъ общихъ и избитыхъ путей, на которыхъ постоянно толкутся слабыя и рабьи души. Такимъ прихотливымъ вкусамъ нравятся только странныя, ни на что не похожія, мнѣнія: все общепринятое носитъ на себѣ печать звѣря, и они считаютъ ниже своего достоинства слушать или принимать его; ихъ умъ гоняется только за парадоксами; ихъ они ищутъ, ихъ принимаютъ, ихъ распространяютъ, и такимъ способомъ думаютъ выдѣлиться изъ толпы. Но общепринятое и не общепринятое вовсе не отличительные признаки истины или лжи, и потому не могутъ опредѣлять направленіе нашихъ изслѣдованій. Мы не должны судить о вещахъ по мнѣніямъ людей, но о мнѣніяхъ по вещамъ. Толпа разсуждаетъ плохо, и потому къ ней нужно относиться недовѣрчиво, не полагаться на нее, и не слѣдовать за ней какъ за надежнымъ вождемъ, но философы, отказавшіеся отъ ортодоксальныхъ воззрѣній и популярныхъ доктринъ своей страны, приходили къ такимъ же экстравагантнымъ и нелѣпымъ мнѣніямъ, какъ общепринятыя. Безумно было бы отказываться дышать общимъ для всѣхъ воздухомъ или утолять жажду водою, потому что чернь пользуется ею для тѣхъ же цѣлей; и обратно, если есть житейскія удобства, не вошедшія въ общее употребленіе, то неразумно отвергать ихъ только потому, что они не представляютъ общаго обычая страны, извѣстнаго каждому поселянину.

Истина, общепризнанная или нѣтъ, есть мѣрило знанія и задача разума; все, что внѣ ея, поощряется ли оно общимъ признаніемъ или рекомендуется какъ рѣдкость, есть невѣжество или нѣчто еще худшее.

Есть и еще пристрастіе, подъ вліяніемъ котораго люди обманываютъ самихъ себя и извлекаютъ мало пользы изъ чтенія,—я имѣю въ виду предпочтеніе, оказываемое мнѣніямъ тѣхъ писателей и налеганіе на тѣ авторитеты, которые благопріятны для нашихъ мнѣній.

Ничто, кажется не причинило такого вреда людямъ, посвятившимъ себя наукамъ, какъ приравниваніе чтенія къ ученью и отождествленіе начитаннаго человѣка съ человѣкомъ съ большими знаніями, или, во всякомъ случаѣ, признаніе начитанности чѣмъ-то почетнымъ. Все, что можетъ быть изложено въ сочиненіяхъ, представляетъ или факты или разсужденія. Факты бываютъ трехъ родовъ: 1. Относящіеся къ естественнымъ агентамъ, наблюдаемымъ въ обыкновенныхъ дѣйствіяхъ тѣлъ одного на другое, въ видимомъ теченіи вещей, предоставленныхъ самимъ себѣ, или въ экспериментахъ, производимыхъ надъ ними, причемъ дѣйствующее и подвергающееся дѣйствію сопоставляются спеціальнымъ и искусственнымъ способомъ. 2. Относящіеся къ надѣленнымъ волей агентамъ, болѣе спеціально къ дѣйствіямъ людей въ обществѣ, составляющимъ гражданскую и моральную исторію. 3. Относящіеся къ мнѣніямъ.

Въ этихъ трехъ группахъ заключается, какъ мнѣ кажется, то, что обычно называютъ ученьемъ; къ нимъ можно, пожалуй, прибавить особую рубрику критическихъ сочиненій, которыя въ сущности сводятся тоже къ фактамъ, къ установленію того, въ какомъ смыслѣ такой-то человѣкъ или группа людей употребили такое-то слово или фразу, т. е. какія идеи они обозначали такими-то звуками.

Подъ разсужденіями (reasonings) я понимаю всѣ открытія общихъ истинъ, сдѣланныя человѣческимъ разумомъ, найдены ли они путемъ интуиціи, формальнаго доказательства или вѣроятной дедукціи. Это собственно и есть знаніе, хотя, быть можетъ, не единственное (такъ какъ могутъ быть также познаваемы истина или вѣроятность частныхъ положеній), но во всякомъ случаѣ, какъ можно предположить, это собственно и есть дѣло тѣхъ, которые желаютъ усовершенствовать свой разумъ и пріобрѣтать знанія посредствомъ чтенія.

Книги и чтеніе считаются важными вспомогательными средствами разума и орудіями знанія, да таковы они и есть; и тѣмъ не менѣе я позволю себѣ поставить вопросъ, не оказываются ли они для многихъ препятствіемъ и не мѣшаютъ ли они книжнымъ людямъ пріобрѣтать истинное и основательное знаніе. Я думаю, что позволительно сказать слѣдующее: ни одна сторона воспитанія разума не требуетъ такой осмотрительности и тщательности, какъ пользованіе книгами; иначе оно можетъ оказаться скорѣе невиннымъ развлеченіемъ, чѣмъ полезнымъ употребленіемъ времени, и мало прибавитъ къ нашимъ познаніямъ.

Нерѣдко случается встрѣчать, даже среди тѣхъ, кто стремится къ знанію, людей, которые съ неустаннымъ усердіемъ посвящаютъ все свое время книгамъ, не досыпаютъ, не доѣдаютъ, но читаютъ, читаютъ и читаютъ, и тѣмъ не менѣе не особенно подвигаются въ дѣйствительномъ знаніи, хотя въ ихъ интеллектуальныхъ способно-

стяхъ не замѣчается какихъ-либо дефектовъ, которымъ можно-бы было приписать эти слабые успѣхи. Ошибка здѣсь въ обычномъ предположеніи, будто благодаря чтенію познанія автора сообщаются читателю; но это достигается не простымъ чтеніемъ, а чтеніемъ и пониманіемъ того, что онъ пишетъ. Подъ этимъ я подразумѣваю не простое пониманіе того, что утверждается или отрицается въ каждомъ положеніи (хотя охотники до чтенія даже объ этомъ не всегда считаютъ нужнымъ позаботиться), а уясненіе и прослѣживаніе хода разсужденій автора, опредѣленіе силы и ясности ихъ связей, и изслѣдованіе основаній. Безъ этого человѣкъ можетъ читать разсужденія очень разумнаго автора, изложенныя на понятномъ для него языкѣ и въ понятныхъ для него положеніяхъ, и тѣмъ не менѣе не усвоить ни іоты его знанія, которое заключается только въ усмотрѣнной, достовѣрной или вѣроятной, связи идей, которыми онъ пользуется въ своемъ разсужденіи; знанія читателя возрастаютъ лишь постольку, поскольку онъ понимаетъ это; поскольку онъ видитъ эту связь, постольку онъ знаетъ истину или вѣроятность мнѣній автора.

Все, что онъ усваиваетъ безъ этого пониманія, онъ принимаетъ на вѣру, полагаясь на автора, но вовсе не воспринимая его знанія. Я не удивляюсь, поэтому, встрѣчая людей, которые на каждомъ шагу сыплютъ цитатами и ссылаются на авторитеты: вѣдь это единственное основаніе, на которомъ они основываютъ большинство своихъ собственныхъ воззрѣній; такимъ образомъ они обладаютъ въ дѣйствительности знаніемъ, усвоеннымъ изъ вторыхъ рукъ, или на вѣру, то есть оказываются правыми лишь въ томъ случаѣ, если правъ тотъ, у кого они заимствовали свое мнѣніе; это нельзя назвать знаніемъ. Писатели нашего или прошлыхъ вѣковъ могутъ быть надежными свидѣтелями фактовъ, о которыхъ они сообщаютъ и которые мы принимаемъ, полагаясь на ихъ авторитетъ; но дальше этого довѣріе къ нимъ не можетъ заходить; оно вовсе не распространяется на истину или ложь мнѣній, требующихъ критики и провѣрки со стороны разума, которымъ они сами пользовались, пріобрѣтая знанія; также должны поступать и другіе, если хотятъ раздѣлить ихъ знаніе. Конечно, для насъ очень выгодно, что они взяли на себя трудъ найти доказательства и изложить ихъ въ такомъ порядкѣ, при которомъ они могутъ показать истину или вѣроятность ихъ заключеній, и мы обязаны имъ великой признательностью за то, что они избавили насъ отъ поисковъ этихъ доказательствъ, собранныхъ ими для насъ, тѣмъ болѣе, что мы, весьма возможно, не нашли-бы ихъ, несмотря на всѣ наши труды, или не сумѣли бы освѣтить такъ хорошо, какъ это сдѣлано ими. Въ этомъ отношеніи мы существенно обязаны разумнымъ писателямъ всѣхъ вѣковъ за открытія и разсужденія, оставленныя ими для нашего поученія, лишь бы только мы умѣли пользоваться ими какъ слѣдуетъ, то есть не пробѣгать ихъ наскоро, запоминая ихъ мнѣнія или отдѣльныя замѣчательныя мѣста, а вникать въ ихъ разсужденія, разсматривать ихъ доказательства, а затѣмъ судить объ истинности или ложности, вѣроятности или невѣроятности того, что они утверждаютъ,

не на основанiи мнѣнія, которое мы составили себѣ объ авторѣ, а на основанiи доказательствъ, которыя онъ приводитъ, и очевидности, которую онъ указываетъ намъ въ самихъ вещахъ. Знать значитъ видѣть, а если такъ, то безумно убѣждать насъ, что мы видимъ глазами другого человѣка, какъ бы онъ ни старался убѣдить насъ, что то, что онъ утверждаетъ, очевидно. Пока мы не увидимъ своими собственными глазами и не постигнемъ своимъ собственнымъ разумомъ, мы останемся въ темнотѣ, такими же далекими отъ знанія какъ были, хотя бы вѣрили всякому ученому автору.

Всѣ согласны, что Эвклидъ и Архимедъ обладали знаніями и умѣли доказать то, что утверждали; но если кто-нибудь станетъ читать ихъ сочиненія, не усматривая связи ихъ доказательствъ, и не видя того, что они показываютъ, то хотя онъ можетъ понять всѣ ихъ слова, однако у него не прибавится знаній: онъ можетъ вѣрить, но онъ не знаетъ того, что они говорятъ, и не подвинется ни на іоту въ математическихъ знаніяхъ благодаря такому чтенію этихъ признанныхъ математиковъ.

25. Торопливость.—Рвеніе и усиленная погоня души за знаніями, не регулированныя толково, часто являются препятствіемъ къ ихъ пріобрѣтенію. Душа стремится къ дальнѣйшимъ открытіямъ и новымъ объектамъ, къ уловленію разнообразныхъ познаній, и потому часто не останавливается на томъ, что передъ ней находится, достаточно долго, чтобы хорошо ознакомиться съ нимъ, а спѣшитъ въ погоню за тѣмъ, чего еще не видитъ. Тотъ, кто проѣзжаетъ по странѣ на почтовыхъ, можетъ на основаніи своихъ мимолетныхъ наблюденій разсказать объ ея общемъ характерѣ, дать отрывочное описаніе встрѣчныхъ горъ и долинъ, болотъ и рѣкъ, лѣсовъ и степей. Такія поверхностныя идеи и наблюденія онъ можетъ собрать при быстромъ переѣздѣ; но болѣе полезныя наблюденія надъ почвой, растеніями, животными и обитателями, надъ ихъ различными родами и особенностями, по необходимости ускользаютъ отъ него; и рѣдко люди открываютъ богатыя залежи, не порывшись въ землѣ. Природа обыкновенно помѣщаетъ свои сокровища и драгоцѣнности въ скалистомъ грунтѣ. Если предметъ труденъ и смыслъ лежитъ глубоко, умъ долженъ остановиться надъ нимъ и заняться имъ, усердно размышляя и пристально всматриваясь, пока не преодолѣетъ затрудненія и не овладѣетъ истиной. Но при этомъ нужно стараться избѣгать противуположной крайности; не слѣдуетъ цѣпляться за каждую безполезную тонкость и ожидать разоблаченія тайнъ науки отъ каждаго пустого вопроса или сомнѣнія. Для того, кто будетъ выкапывать и осматривать каждый голышъ, который попадется ему на дорогѣ, такъ же мало шансовъ вернуться обогащеннымъ и нагруженнымъ алмазами, какъ и для того, кто проѣзжаетъ по странѣ во весь опоръ. Истины не становятся лучше или хуже отъ своей очевидности или трудности; ихъ цѣнность измѣряется ихъ полезностью и значеніемъ. Незначительныя наблюденія не должны отнимать у насъ ни минуты, тѣ-же, которыя расширяютъ наши взгляды и освѣщаютъ намъ путь къ дальнѣйшимъ и полезнымъ откры-

тіямъ, не должны быть оставляемы въ сторонѣ, хотя-бы намъ пришлось остановиться на нашемъ пути и затратить часть нашего времени на внимательное разсмотрѣніе.

Есть другого рода торопливость, которая часто и легко вводитъ въ заблужденіе душу, предоставленную самой себѣ и своему собственному руководству. Разумъ естественно торопится не только пріобрѣсти разнообразныя знанія (что заставляетъ его перескакивать черезъ одну отрасль знанія, чтобы поскорѣе добраться до другой), но и расширить свои взгляды, черезчуръ поспѣшно принимая общія наблюденія и заключенія безъ должнаго разсмотрѣнія частностей, на которыхъ основываются эти общія аксіомы. Это какъ будто расширяетъ запасъ его знаній, но это знанія фиктивныя, а не реальныя; подобныя теоріи, построенныя на узкихъ основаніяхъ, не отличаются устойчивостью, и если не падаютъ сами собою, то врядъ ли могутъ устоять противъ нападеній. Такимъ образомъ, люди, черезчуръ торопливые въ построеніи общихъ понятій и плохо обоснованныхъ теорій, разочаровываются въ своихъ знаніяхъ, когда займутся изслѣдованіемъ этихъ поспѣшно усвоенныхъ принциповъ, или попытаются защищать ихъ отъ нападенія другихъ. Общія наблюденія, выведенныя изъ частныхъ—жемчужины знанія, сосредоточивающія большой запасъ въ маломъ пространствѣ; но именно поэтому ихъ нужно дѣлать съ большимъ тщаніемъ и осторожностью; иначе, если мы принимаемъ подделку за истину, наша потеря и стыдъ будутъ тѣмъ больше, когда наше сокровище подвергнется строгому изслѣдованію. Одинъ, два частныхъ факта могутъ послужить указаніями для изслѣдованія, и тѣ, которые пользуются этими указаніями, хорошо дѣлаютъ; но если они превращаютъ ихъ въ заключеніе и немедленно возводятъ въ общія правила, то дѣйствительно уходятъ впередъ, но только обманывая самихъ себя положеніями, выдаваемыми въ истины безъ достаточнаго основанія. Дѣлать подобныя обобщенія значитъ, какъ уже было замѣчено, нагромождать складъ матеріаловъ, который врядъ ли можетъ назваться знаніемъ, и во всякомъ случаѣ это похоже на собираніе всякаго хлама, не приведеннаго въ порядокъ и не находящаго употребленія; тотъ, кто дѣлаетъ изъ всего обобщеніе, обладаетъ именно такимъ безполезнымъ изобиліемъ, къ которому примѣшано много фальшиваго. Обѣихъ этихъ крайностей надо избѣгать и наилучше воспользуется своими занятіями тотъ, кто удержитъ свой разумъ на среднемъ пути между ними.

26. П р е д у б ѣ ж д е н і е.—Дѣйствуютъ-ли тутъ пристрастіе къ тому, что внесло первый свѣтъ и пониманіе въ ихъ умы, и недостатокъ силы и усердія, необходимыхъ для изслѣдованія; или просто люди довольствуются всякой видимостью знанія, правильнаго или ошибочнаго, и разъ овладѣвъ ею, крѣпко держатся за нее,—во всякомъ случаѣ, многіе остаются при своихъ первыхъ умозаключеніяхъ и очень упорно держатся за первыя, появившіяся у нихъ, мнѣнія; они часто питаютъ къ своему первому воззрѣнію такую-же нѣжность, какъ къ своему первенцу, и ни за что не хотятъ отступиться отъ разъ

высказаннаго сужденія или отъ разъ сдѣланнаго предположенія или догадки. Это погрѣшность въ воспитанія разума, такъ какъ подобная твердость или, вѣрнѣе, закоснѣлость ума вытекаетъ не изъ преданности истинѣ, а изъ подчиненія предразсудку. Это неразумная дань предубѣжденію, которая свидѣтельствуетъ о почтеніи не къ истинѣ, будто-бы отыскиваемой нами, а къ первой попавшейся находкѣ, какой-бы она ни была. Это, очевидно, нелѣпое употребленіе нашихъ способностей, и явное проституированіе ума, который такимъ образомъ подчиняется и отдается во власть первому встрѣчному. Этого никогда не слѣдуетъ допускать или принимать въ качествѣ вѣрнаго пути къ знанію, пока разумъ (дѣло котораго сообразоваться съ тѣмъ, что онъ находитъ во внѣшнихъ объектахъ) не можетъ собственнымъ упорствомъ измѣнять этого, и заставлять неизмѣнную природу вещей согласоваться съ его собственными поспѣшными опредѣленіями, чего никогда не будетъ. Что-бы мы ни воображали, вещи идутъ своимъ ходомъ и сохраняютъ неизмѣнными свои связи, соотвѣтствія и отношенія.

27. Уступчивость.—Въ противуположную, но не менѣе опасную крайность впадаютъ тѣ, которые всегда подчиняютъ свое сужденіе послѣднему человѣку, котораго они слушали или читали. Истина никогда не западаетъ въ души этихъ людей и не придаетъ имъ какой либо опредѣленной окраски; но, подобно хамелеону, они принимаютъ тотъ цвѣтъ, который находится передъ ихъ глазами и немедленно теряютъ его при встрѣчѣ съ другимъ, принимая этотъ послѣдній. Порядокъ, въ которомъ мнѣнія представляются или воспринимаются нами, ничего не говоритъ объ ихъ правильности и не долженъ быть причиной предпочтенія. Первое или послѣднее,—это въ данномъ случаѣ есть результатъ случайности, а не мѣрило истинности или ложности. Это каждый долженъ признать и соотвѣтственно тому сохранять при изысканіи истины свой умъ свободнымъ отъ всякихъ подобныхъ случайностей. Со стороны человѣка столь-же разумно выбирать воззрѣнія по жребію, опредѣлять свое убѣжденіе, бросая кости, какъ принимать его за новизну или держаться за него, потому, что оно первое пришло ему въ голову, и онъ никогда не думалъ иначе. Хорошо взвѣшенные доводы должны опредѣлять сужденіе; умъ долженъ быть всегда готовъ прислушиваться къ нимъ и подчиняться имъ и на основаніи ихъ свидѣтельства и голоса удерживать или отвергать всякое воззрѣніе, безразлично, будетъ-ли оно старымъ знакомымъ или совершеннымъ незнакомцемъ.

28. Практика.—Хотя душевныя способности совершенствуются упражненіемъ, но ихъ не слѣдуетъ подвергать напряженію, превышающему ихъ силы. «Quid valeant humeri, quid ferre recusent» [1])—должно быть сдѣлано мѣриломъ разумѣнія всякаго, кто желаетъ не только успѣшно дѣйствовать, но и сохранить силу своихъ способностей и не подорвать своего разума тѣмъ, что слишкомъ тяжело для него. Душа, занятая работой, непосильной для нея, подобно тѣлу, при-

---

[1]) „Что выдерживаютъ плечи, что они отказываются нести“.

нужденному поднимать чрезмѣрно тяжелый грузъ, часто надрывается и вслѣдствіе этого становится неспособной или пріобрѣтаетъ отвращеніе ко всякому мощному усилію. Надорванный мускулъ рѣдко возстановляетъ свою прежнюю силу или, по крайней мѣрѣ, слабость остается очень долго, а воспоминаніе о ней еще дольше; оно заставляетъ человѣка остерегаться примѣнять эту часть для какого нибудь значительнаго усилія. Тоже происходитъ и съ душой, изнуренной какой либо непосильной попыткой; она или утрачиваетъ способность къ усиліямъ, или останавливается передъ всякимъ крупнымъ предпріятіемъ, по крайней мѣрѣ съ большимъ трудомъ снова набирается силы для предмета, требующаго размышленія и обдумыванія. Разумъ долженъ подходить къ труднымъ и головоломнымъ отдѣламъ знанія, требующимъ всей силы мысли и полнаго напряженія ума, постепенно и незамѣтно, и при такомъ постепенномъ подходѣ ничто не окажется черезчуръ труднымъ для него [1]). Пусть мнѣ не возражаютъ, что при такомъ медленномъ движеніи впередъ невозможно овладѣть наукой во всемъ ея объемѣ. Трудно представить себѣ, какъ далеко настойчивость можетъ завести человѣка; во всякомъ случаѣ, лучше медленно подвигаться по каменистой дорогѣ, чѣмъ сломить ногу и сдѣлаться калѣкой. Тотъ, кто начинаетъ съ теленка, можетъ подъ конецъ поднять быка, но тотъ, кто пытается сразу поднять быка, можетъ такъ обезсилить себя, что потомъ не подниметъ и теленка. Когда умъ пріучитъ себя путемъ нечувствительныхъ переходовъ къ вниманію и упорному размышленію, онъ пріобрѣтетъ способность бороться съ затрудненіями, расправляться съ ними, безъ всякаго вреда для себя, и послѣ этого дѣло пойдетъ гладко. Темная проблема, запутанный вопросъ не будутъ смущать, обезкураживать или обезсиливать умъ. Но хотя не слѣдуетъ подвергать неподготовленный умъ чрезмѣрному напряженію, которое можетъ обезкуражить или ослабить его на будущее время, однако это не должно превращаться въ боязливое избѣганіе всякихъ недоразумѣній и лѣнивую возню съ обыкновенными и очевидными вещами, не требующими мышленія и прилежанія. Это значило бы блуждать по поверхности вещей, не проникая и не заглядывая вглубь; а если умъ привыкъ удовлетворяться этимъ лѣнивымъ созерцаніемъ очевидной внѣшности, то онъ рискуетъ остаться при этомъ и не пойти глубже, разъ это не можетъ быть сдѣлано безъ усилій и раскопокъ. Кто въ теченіе нѣкотораго времени привыкалъ заниматься лишь тѣмъ, что дается само собою съ перваго взгляда, тотъ имѣетъ основаніе опасаться, что ему никогда не удастся принудить себя ломать голову

---

[1]) Въ томъ же смыслѣ Мильтонъ въ своемъ трактатѣ о воспитаніи осуждаетъ нелѣпую практику „принужденія невооруженныхъ знаніемъ дѣтскихъ умовъ составлять сочиненія, стихи и разсужденія, которыя должны быть актами самаго зрѣлаго сужденія и конечной работой головы, наполненной продолжительнымъ чтеніемъ и наблюденіемъ, правилами изящнаго и многочисленными открытіями. Нельзя вымучивать эти вещи у бѣдныхъ юнцовъ, точно кровь изъ носу, или плоды, срываемые недозрѣлыми“. Ст. Дж.

надъ вещами, поворачивая ихъ въ умѣ на разный ладъ, съ цѣлью разоблачить ихъ болѣе скрытыя и болѣе цѣнныя тайны.

Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что методы изученія, къ которымъ школьники привыкаютъ съ самаго начала, при первомъ ознакомленіи съ науками, сохраняютъ надъ ними вліяніе въ теченіе всей жизни и укореняются въ ихъ умахъ; особливо, если они пользуются такимъ универсальнымъ примѣненіемъ, какъ установленные. Ученики должны быть сначала вѣрующими и такъ какъ правила учителей внушаются имъ какъ аксіомы, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они сохраняютъ это значеніе, и, въ силу пріобрѣтеннаго однажды авторитета, вводятъ въ заблужденіе тѣхъ, которые считаютъ это достаточнымъ извиненіемъ для себя, если сбиваются на хорошо проторенной дорогѣ.

29. Слова.—Я съ достаточной подробностью говорилъ о злоупотребленіи словами въ другомъ мѣстѣ [1]), и въ виду того, что науки переполнены ими, совѣтую тѣмъ, которые желали-бы правильно воспитать свой разумъ, не принимать никакого термина, хотя-бы освященнаго авторитетомъ школьнаго языка, пока они не составили себѣ яснаго понятія о томъ, что онъ выражаетъ. Слово можетъ часто употребляться и пользоваться большой популярностью у разныхъ авторовъ, какъ будто оно означаетъ какое то реальное бытіе; но тѣмъ не менѣе, если тотъ, кто читаетъ, не можетъ связать никакой ясной идеи съ этимъ бытіемъ, то, конечно, оно останется для него пустымъ звукомъ безъ значенія, и онъ не больше узнаетъ изъ всего, что говорится о немъ и приписывается ему, чѣмъ если-бы все это утверждалось о пустомъ звукѣ. Тѣ, которые желаютъ подвинуться въ знаніи, а не обманывать и не начинять себя пустословіемъ, должны поставить себѣ основнымъ правиломъ не принимать словъ за вещи и не предполагать, что названія, употребляемыя въ книгахъ, означаютъ реальныя сущности въ природѣ, пока не составятъ себѣ ясныхъ и отчетливыхъ идей объ этихъ сущностяхъ. Быть можетъ со мной не согласятся, если я отнесу «субстанціальныя формы» и «интенціональные виды» къ числу такихъ терминовъ, которые можно по справедливости заподозрить въ безсодержательности. Но, во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что для того, кто не можетъ составить опредѣленной идеи о томъ, что они собою замѣняютъ, они не означаютъ рѣшительно ничего, и все, что, какъ ему кажется, онъ знаетъ о нихъ, есть знаніе о ничто, и въ цѣломъ представляетъ только ученое невѣжество. Не безъ основанія предполагаютъ, что немало такихъ пустыхъ терминовъ найдется у нѣкоторыхъ ученыхъ писателей, которые прибѣгаютъ къ нимъ, что-бы заплатать свои системы тамъ, гдѣ ихъ разумъ не можетъ доставить понятій о вещахъ. При всемъ томъ я думаю, что предположеніе какихъ-либо реальностей въ природѣ, соотвѣтствующихъ этимъ и подобнымъ словамъ, серьезно смущало однихъ и совершенно сбивало съ толка другихъ при изученіи природы. Когда люди имѣютъ

[1]) Опытъ о человѣческомъ разумѣ, кн. III, гл. 10,11.

какія-либо концепціи, они могутъ, если послѣднія не слишкомъ темны и отвлеченны, объяснить ихъ и термины, въ которыхъ они излагаются. Ибо наши концепціи суть нечто иное какъ идеи, которыя всѣ созданы изъ простыхъ идей: слѣдовательно, если онѣ не могутъ дать намъ идеи, выражаемыхъ ихъ словами, то ясно, что онѣ не имѣютъ никакихъ. Чего же ради мы будемъ гоняться за концепціями того, кто не имѣетъ никакихъ или не имѣетъ ясныхъ идей? Тотъ, кто самъ не зналъ, что онъ подразумѣваетъ подъ ученымъ терминомъ, ничему не научитъ насъ, сколько бы мы ни ломали головы. Способны-ли мы понять всѣ операціи природы и способы ихъ осуществленія, это вопросъ изслѣдованія; но несомнѣнно то, что мы можемъ ихъ понять лишь постольку, поскольку ясно представляемъ себѣ, и потому нагроможденіе терминовъ тамъ, гдѣ у насъ нѣтъ ясныхъ представленій, какъ будто они что то содержатъ, или, вѣрнѣе что-то скрываютъ, есть простое ухищреніе ученаго тщеславія, имѣющее цѣлью прикрыть какой-нибудь изъянъ въ гипотезѣ или въ разумѣ. Слова созданы не для того, чтобы скрывать, но для того, чтобы объяснять и показывать; если тѣ, которые претендуютъ научать, употребляютъ ихъ иначе, то подъ ними дѣйствительно скрывается нѣчто; но это нѣчто есть попросту невѣжество, заблужденіе или софистика автора, такъ какъ ничего иного за ними нѣтъ.

30. Блужданіе.—Я отмѣтилъ въ одномъ изъ предыдущихъ параграфовъ этого опыта, что въ нашихъ думахъ существуетъ опредѣленная послѣдовательность и теченіе идей, и каждый можетъ замѣтить это на самомъ себѣ. На это, я полагаю, слѣдуетъ обратить извѣстное вниманіе при воспитаніи нашего разума; и я думаю, что можетъ оказаться очень полезнымъ, если мы пріобрѣтемъ посредствомъ практики такую власть надъ нашими умами, что будемъ въ состояніи направлять этотъ потокъ идей такимъ образомъ, что по мѣрѣ появленія новыхъ, непрерывно вступающихъ въ наши мысли въ силу опредѣленной послѣдовательности, будемъ способны посредствомъ выбора управлять ими такъ, что нашему вниманію будутъ представляться только тѣ, которыя относятся къ нашему настоящему изслѣдованію, и въ порядкѣ, наиболѣе полезномъ для того открытія, къ которому мы идемъ; или, по крайней мѣрѣ, если какія нибудь постороннія и непрошенныя идеи навяжутся сами собою, то мы въ состояніи будемъ отбросить ихъ и помѣшать имъ отвлечь нашъ умъ отъ его настоящей работы и увлечь наши мысли въ сторону отъ предмета, занимающаго насъ. Я подозрѣваю, что это не такъ легко дается, какъ мы можетъ быть склонны воображать; и насколько я знаю, это можно считать если не главнымъ, то однимъ изъ главныхъ отличій, благодаря которымъ иные люди такъ отстаютъ въ своихъ разсужденіяхъ отъ другихъ, хотя повидимому не уступаютъ имъ природными дарованіями. Я былъ бы радъ найти вѣрное и дѣйствительное средство противъ этого блужданія мыслей. Тотъ, кто предложитъ такое средство, окажетъ большую услугу любящей изслѣдованіе и размышленіе части человѣчества,

и может быть поможетъ немыслящимъ людямъ сдѣлаться мыслящими. Я долженъ сознаться, что до сихъ поръ не открылъ иного способа заставлять наши мысли пристально заниматься своимъ дѣломъ, кромѣ старанія, насколько хватитъ силъ, посредствомъ частаго напряженія вниманія и прилежанія, пріобрѣсти привычку вниманія и прилежанія. Кто наблюдаетъ за дѣтьми, тотъ убѣдится, что даже напрягая всѣ свои силы, они не могутъ удержать свои мысли отъ блужданія. Я убѣжденъ, что противъ этого не помогутъ сердитая брань и побои, такъ какъ они немедленно наполняютъ ихъ головы всѣми идеями, которыя могутъ породить страхъ, испугъ и смущеніе. Если мы будемъ осторожно возвращать ихъ мысли къ дѣлу, выводя ихъ на дорогу и руководя ими на томъ пути, которымъ они должны слѣдовать, безъ всякихъ выговоровъ, кромѣ простого замѣчанія (если безъ него нельзя обойтись) по поводу ихъ разсѣянности, то, я полагаю, это вѣрнѣе будетъ пріучать ихъ къ вниманію, чѣмъ всѣ болѣе грубые методы, которые только развлекаютъ ихъ мысли, и, являясь помѣхой тому прилежанію, ради котораго примѣняются, порождаютъ противуположную привычку.

31. Различеніе (Distinction).—Различеніе и раздѣленіе (если я правильно понимаю значеніе этихъ словъ) вещи весьма различныя; первое есть усмотрѣніе разницы, которую природа сообщила вещамъ; второе—раздѣленіе, проводимое нами тамъ, гдѣ его еще нѣтъ; по крайней мѣрѣ, если позволительно понимать ихъ въ этомъ смыслѣ, то, мнѣ кажется, я могу сказать о нихъ, что первое въ высшей степени необходимо и плодотворно для истинаго знанія; второе же, если имъ злоупотреблять, только путаетъ и смущаетъ разумъ. Способность замѣчать малѣйшее различіе въ вещахъ свидѣтельствуетъ о быстротѣ и ясности наблюденія, которыя помогаютъ разуму настойчиво и вѣрно подвигаться по пути къ знанію. Но хотя полезно различать всякое измѣненіе, находимое въ природѣ, однако не слѣдуетъ подраздѣлять вещи на различные классы на основаніи каждаго замѣчаемаго у нихъ различія. Это заведетъ насъ, если слѣдовать такимъ путемъ, въ частности (такъ какъ каждый индивидуумъ отличается чѣмъ нибудь отъ другого), и мы не въ состояніи будемъ установить какихъ либо общихъ истинъ, или, во всякомъ случаѣ будемъ путаться въ нихъ. Распредѣленіе различныхъ вещей по различнымъ классамъ даетъ возможность уму дѣлать болѣе общіе и болѣе широкіе обзоры, но мы должны постараться соединять ихъ только въ томъ и настолько, насколько они согласуются между собою, ибо настолько они могутъ быть объединены при разсмотрѣніи, такъ какъ сама сущность, которая объединяетъ всѣ вещи, при всей своей общности, можетъ доставить намъ ясныя и раціональныя концепціи. Если мы будемъ взвѣшивать и имѣть въ виду то, что представляютъ изъ себя разсматриваемыя нами вещи, то это всего лучше научитъ насъ, когда мы должны или не должны вдаваться въ дальнѣйшія подраздѣленія, полученныя только путемъ надлежащаго изученія вещей, чему полную противуположность представляетъ способъ словесныхъ различеній, дѣ-

лаемыхъ по капризу, въ ученыхъ и произвольно выбранныхъ терминахъ, прилагаемыхъ наудачу, и не сопровождающихся никакими опредѣленными понятіями, а всецѣло приспособленныхъ для утонченныхъ словопреній или пустого шума диспутовъ, но не устраняющихъ никакихъ затрудненій и не подвигающихъ впередъ знаніе. Всякій предметъ, который мы разсматриваемъ и относительно котораго желаемъ пріобрѣсти знаніе, мы должны, я полагаю, дѣлать настолько общимъ и широкимъ, насколько онъ допускаетъ это; въ этомъ не можетъ быть ничего опаснаго, если его идея установлена и опредѣлена; потому что въ этомъ случаѣ мы легко отличимъ ее отъ всякой другой идеи, хотя бы объединенной подъ тѣмъ же названіемъ. Вѣдь именно въ видахъ борьбы съ путаницей двусмысленныхъ словъ и таящимся въ ней великимъ искусствомъ софистики умножались различенія и считалось необходимымъ пользоваться ими. Но если каждая отдѣльная абстрактная идея имѣетъ особое извѣстное имя, то не представляется такой надобности въ этихъ многочисленныхъ схоластическихъ различеніяхъ, хотя во всякомъ случаѣ умъ по прежнему долженъ наблюдать различія, существующія въ вещахъ и по нимъ отличать послѣднія одну отъ другой.

Итакъ, нельзя считать вѣрнымъ путемъ къ знанію переполненіе головы искусственными схоластическими различеніями, которыми часто наполнены сочиненія ученыхъ мужей; предметы, о которыхъ они трактуютъ, иногда такъ раздѣлены и подраздѣлены, что умъ самаго внимательнаго читателя теряетъ способность разобраться въ нихъ, какъ это по всей вѣроятности было и съ самимъ авторомъ; ибо если вещи измельчены въ пыль, то безплодно искать или дѣлать видъ, что находишь въ нихъ порядокъ, или ожидать ясности. Чтобы избѣжать путаницы, порождаемой недостаточнымъ или чрезмѣрнымъ подраздѣленіемъ, требуется большое искусство мышленія и писанія, представляющаго только воспроизведеніе нашихъ мыслей; но мнѣ кажется, трудно опредѣлить словами предѣлы середины между этими двумя вредными крайностями: ясныя и отчетливыя идеи,—вотъ единственный, извѣстный мнѣ, регуляторъ. Но что касается словесныхъ различеній, принятыхъ и прилагаемыхъ къ обычнымъ терминамъ, т. е. двусмысленныхъ словъ, то они, мнѣ кажется, скорѣе дѣло критики и словарей, чѣмъ реальнаго знанія и философіи, такъ какъ первыя въ большинствѣ случаевъ объясняютъ смыслъ словъ и даютъ ихъ различныя значенія. Искусное оперированіе терминами и умѣнье опровергать и доказывать съ ихъ помощью считается, я знаю, важной частью учености; но это ученость, отличная отъ знанія, такъ какъ знаніе состоитъ только въ усмотрѣніи соотвѣтствій и отношеній между идеями, что дѣлается безъ словъ; вмѣшательство звуковъ вовсе не помогаетъ этому. Оттого мы и видимъ, что всего менѣе примѣняются различенія тамъ, гдѣ всего больше знанія: я подразумѣваю математику, гдѣ люди опредѣлили идеи, безъ присвоенныхъ имъ названій, вслѣдствіе чего здѣсь нѣтъ мѣста для двусмысленности, и потому нѣтъ надобности въ различеніи. Въ спорѣ оппонентъ пользуется самыми широкими и двусмы-

сленными терминами, что-бы запутать своего противника неопредѣленностью своихъ выраженій: послѣдній ожидаетъ этого, и потому съ своей стороны старается проводить самыя детальныя различенія и думаетъ, что въ этомъ отношеніи онъ не можетъ хватить черезъ край; да и дѣйствительно не можетъ, на томъ пути, гдѣ побѣду можно одержать безъ истины и безъ знанія. Въ этомъ, мнѣ кажется и состоитъ искусство диспутированія. Употребляйте самыя двусмысленныя слова, какія только можете, аргументируя въ пользу одной стороны, и прилагайте самыя тонкія различенія, какія только можете, къ каждому термину другой стороны, чтобы поставить втупикъ своего оппонента; такимъ образомъ, въ учености этого сорта, гдѣ не ставится никакихъ границъ различенію, иные люди усматриваютъ въ послѣднемъ всю остроту ума, и потому, чтобы они ни читали и о чемъ бы ни думали, ихъ главное занятіе забавляться различеніями и умножать подраздѣленія; во всякомъ случаѣ въ большемъ количествѣ, чѣмъ требуетъ природа вещей. Здѣсь, какъ я уже говорилъ, по моему мнѣнію нѣтъ другого правила, кромѣ надлежащаго и правильнаго разсмотрѣнія вещей, каковы онѣ въ самихъ себѣ. Тотъ, кто установилъ въ своемъ умѣ опредѣленныя идеи съ присоединенными къ нимъ именами, будетъ въ состояніи усматривать ихъ различіе другъ отъ друга, что и есть настоящее различеніе; если-же недостатокъ словъ не даетъ терминовъ, соотвѣтствующихъ каждой отдѣльной идеѣ, то онъ сумѣетъ приложить подходящіе и отличные термины къ общимъ и двусмысленнымъ именамъ, которыми ему приходится пользоваться. Вотъ, насколько мнѣ извѣстно, все, что требуется по части отличительныхъ терминовъ, и при такихъ словесныхъ различеніяхъ каждый терминъ, связанный съ полнымъ значеніемъ того, что онъ отличаетъ, является только особымъ именемъ для особой идеи. Если они таковы, и люди обладаютъ ясными и опредѣленными представленіями, соотвѣтствующими ихъ словеснымъ различеніямъ, то ихъ можно считать правильными и допустимыми, поскольку они могутъ служить для уясненія чего либо въ предметѣ, подлежащемъ разсмотрѣнію. Это и кажется мнѣ настоящимъ и единственнымъ мѣриломъ различеній и подраздѣленій, котораго тотъ, кто желаетъ правильно воспитать свой разумъ, не долженъ искать въ изобрѣтательномъ остроуміи и авторитетѣ писателей, а найдетъ только въ разсмотрѣніи самихъ вещей, приведенъ ли онъ къ нему собственными размышленіями или книжными указаніями. Наклонность сваливать въ одну кучу вещи, между которыми можно замѣтить извѣстное сходство, есть противуположная погрѣшность разума, которая не преминетъ вводить его въ заблужденіе и нагромождая такимъ образомъ вещи, помѣшаетъ уму составить о нихъ отчетливыя и точныя представленія.

32. Уподобленія (Similes). — Къ этому недостатку позвольте мнѣ присоединить другой, родственный ему по крайней мѣрѣ по имени, именно стремленіе ума по поводу каждаго новаго понятія немедленно устремиться на поиски уподобленій, чтобы сдѣлать его яснѣе для себя; это, быть можетъ, хорошій и полезный пріемъ при

изложеніи нашихъ мыслей другимъ, но отнюдь не правильный методъ составленія самыхъ вѣрныхъ понятій о чемъ либо, такъ какъ уподобленія всегда грѣшатъ въ какомъ либо пунктѣ и не обладаютъ той точностью, которую должны имѣть наши представленія по отношенію къ вещамъ, если мы хотимъ думать правильно. Это дѣйствительно дѣлаетъ людей пріятными собесѣдниками, такъ какъ всего охотнѣе выслушиваются рѣчи тѣхъ, которые умѣютъ вложить свои мысли въ души другихъ людей съ наибольшей непринужденностью и легкостью; при этомъ не важно, хорошо ли разработаны эти мысли и соотвѣтствуютъ-ли онѣ вещамъ; немногіе люди заботятся о сути ученья, лишь бы оно давалось легко. Тѣ, которые въ своихъ рѣчахъ дѣйствуютъ на воображеніе и вызываютъ въ умѣ слушателей вереницу представленій, смѣняющуюся такъ-же быстро, какъ ихъ слова, встрѣчаютъ одобреніе въ качествѣ говоруновъ, и слывутъ за людей съ яснымъ мышленіемъ. Ничто не содѣйствуетъ этому въ такой степени какъ уподобленія, при помощи которыхъ они, какъ имъ кажется, лучше понимаютъ сами, потому что ихъ лучше понимаютъ другіе. Но одно дѣло правильно думать, и другое найти правильный способъ излагать свои мысли—вѣрныя или невѣрныя—другимъ, доступно и ясно. При помощи хорошо подобранныхъ уподобленій, метафоръ и аллегорій, въ соединеніи съ методомъ и порядкомъ, это достигается всего лучше, такъ какъ, будучи заимствованы отъ объектовъ, уже извѣстныхъ и знакомыхъ разуму, они схватываются, лишь только высказаны, и благодаря выведенному такимъ образомъ соотвѣтствію, вещь, которую они должны объяснить и истолковать, кажется понятной. Такъ фантазія сходитъ за знаніе, и то, что высказано красиво, принимается по ошибкѣ за хорошо обоснованное. Я говорю это не съ цѣлью осудить метафоры или отвергнуть всякое украшеніе рѣчи; я имѣю здѣсь дѣло не съ риторами и ораторами а съ философами и друзьями истины, которымъ могу предложить лишь одно правило для испытанія, дѣйствительно-ли, прилагая свои мысли къ чему либо для усовершенствованія своего познанія, они представляютъ себѣ находящійся передъ ними предметъ такимъ, какъ онъ есть въ себѣ самомъ. Способъ открыть это заключается въ наблюденіи, не употребляемъ-ли мы, ставя предметъ передъ самими собой или передъ другими, только заимствованныхъ представленій и идей, чуждыхъ вещамъ, прилагая ихъ къ послѣднимъ путемъ приспособленія, въ виду извѣстнаго соотвѣтствія или воображаемаго сходства ихъ съ разсматриваемымъ предметомъ. Образныя и метафорическія выраженія годятся для иллюстраціи болѣе туманныхъ и непривычныхъ идей, съ которыми душа еще не вполнѣ освоилась, но въ такомъ случаѣ ими нужно пользоваться для иллюстраціи идей, которыми мы уже обладаемъ, а не для описанія тѣхъ, которыхъ у насъ еще нѣтъ. Такія заимствованныя и иносказательныя идеи могутъ слѣдовать за реальной и подлинной истиной, отмѣчать ее, когда она найдена, но никоимъ образомъ не должны становиться на ея мѣсто и приниматься за нее. Если все наше изысканіе не зашло дальше уподобленія и мета-

форы, то мы можемъ быть увѣрены, что скорѣе фантазируемъ, чѣмъ знаемъ; и еще не проникли внутрь и въ реальность вещи, какова бы она ни была, но довольствуемся тѣмъ, что доставляетъ намъ наше воображеніе, а не сами вещи.

33. Согласіе.—Во всемъ воспитаніи нашего разума нѣтъ ничего болѣе важнаго, чѣмъ знать, когда и гдѣ, и въ какой мѣрѣ давать согласіе, и, можетъ быть, нѣтъ ничего болѣе труднаго. Охотно говорятъ, и никто не сомнѣвается въ этомъ, что наше согласіе или несогласіе и ихъ степени должны регулироваться очевидностью, которую несутъ съ собою вещи, и тѣмъ не менѣе мы видимъ, что люди не становятся лучше благодаря этому правилу; иные твердо усвояютъ доктрины на шаткихъ основаніяхъ, иные безъ всякихъ основаній, иные наперекоръ правдоподобію; одни допускаютъ достовѣрность и не колеблятся въ томъ, чего держатся; другіе колеблятся во всемъ, а есть и такіе, которые отвергаютъ все, какъ недостовѣрное. Что-же въ такомъ случаѣ дѣлать новичку, искателю, постороннему? Отвѣчаю: пользоваться своими глазами. Есть соотвѣтствіе въ вещахъ, совпаденіе и несовпаденіе въ идеяхъ, различимое въ весьма различныхъ степеняхъ, и есть глаза у людей, чтобы видѣть это, если имъ угодно; только эти глаза могутъ быть омрачены или ослѣплены, а способность различать ослаблена или утрачена. Интересъ и страсть ослѣпляютъ; привычка подбирать односторонніе аргументы, даже противъ своихъ убѣжденій, омрачаетъ разумъ и заставляетъ его постепенно утрачивать способность ясно различать между истиной и ложью, и такимъ образомъ примыкать къ правой сторонѣ. Не безопасно играть съ заблужденіемъ и облекать его для себя самихъ или для другихъ въ форму истины. Душа мало-по-малу утрачиваетъ свою естественную склонность къ реальной подлинной истинѣ, незамѣтно примиряется со всѣмъ, чему можно придать хоть какую нибудь видимость послѣдней; и если вначалѣ воображенію позволяютъ занять мѣсто разсудка ради забавы, то впослѣдствіи оно узурпируетъ его роль въ силу практики, и то, что рекомендуется этимъ льстецомъ (ищущимъ только угодить), принимается за благо. Этотъ куртизанъ, воображеніе, знаетъ столько пріемовъ обмана, столько способовъ придать окраску, видимость, сходство, что тотъ, кто не остерегается принимать что-либо, кромѣ самой истины, кто не слѣдитъ, какъ можно тщательнѣе, чтобы его умъ не подчинился чему-либо другому, не преминетъ попасть въ его сѣти. Кто склоненъ вѣрить, тотъ на половину уже согласился; а кто часто аргументируетъ наперекоръ собственному разсудку, внушая ложь другимъ, тотъ самъ не далекъ отъ того, чтобы повѣрить себѣ. Это устраняетъ огромное разстояніе, существующее между истиной и ложью; почти сводитъ ихъ вмѣстѣ и заставляетъ васъ считать незначительной разницу между вещами, которыя такъ сближаются; а когда вещи доведены до такого положенія, страсть, интересъ и проч. легко и незамѣтно опредѣляютъ, что будетъ считаться вѣрнымъ.

34. Безразличіе.—Я говорилъ выше, что мы должны относиться совершенно безразлично ко всѣмъ мнѣніямъ, не желать, чтобы то или

другое изъ нихъ оказалось вѣрнымъ, и не стараться придавать ему такую видимость, но, оставаясь индифферентными, принимать и усвоять ихъ соотвѣтственно тому, насколько доказательства, и только доказательства, свидѣтельствуютъ объ ихъ истинности. У тѣхъ, которые такъ поступаютъ, т. е. сохраняютъ умъ индифферентнымъ къ мнѣніямъ, способнымъ убѣждаться только очевидностью, разумъ всегда окажется достаточно проницательнымъ, чтобы отличить доказательное отъ недоказательнаго, ясное отъ сомнительнаго; и если они даютъ свое согласіе или отказываютъ въ немъ только на основаніи этого мѣрила, то будутъ убѣждены въ мнѣніяхъ, которыми обладаютъ. Такъ какъ послѣднихъ, пожалуй, окажется не много, то эта предосторожность будетъ имѣть еще то хорошее послѣдствіе, что заставитъ ихъ размышлять и покажетъ имъ необходимость больше заниматься изслѣдованіемъ; безъ чего умъ становится вмѣстилищемъ нелѣпицъ, а не складомъ истинъ. Тѣ, которые не сохраняютъ въ душѣ этого безразличія ко всему, кромѣ истины, не предполагаемой, а доказанной, надѣваютъ на глаза цвѣтные очки и смотрятъ на вещи сквозь фальшивыя стекла, а затѣмъ извиняютъ себя тѣмъ, что поддались фальшивой видимости, которую въ дѣйствительности сами для себя создали. Я не ожидаю, что при соблюденіи указаннаго правила согласіе будетъ у каждаго строго сообразоваться съ основательностью и ясностью доказательствъ, подтверждающихъ каждую истину; или что люди будутъ совершенно избавлены отъ заблужденій; это больше, чѣмъ можетъ достигнуть человѣческая природа при помощи какихъ угодно средствъ; я не расчитываю на такую недостижимую привилегію: я говорю лишь о томъ, что долженъ дѣлать тотъ, кто хочетъ честно поступать съ своею душой и правильно пользоваться своими способностями при изысканіи истины; мы измѣняемъ имъ гораздо чаще, чѣмъ онѣ измѣняютъ намъ. Люди имѣютъ больше основанія жаловаться на дурное употребленіе, чѣмъ на недостатокъ способностей; и дѣйствительно жалуются на него, когда рѣчь идетъ о другихъ. Тотъ, кто въ виду своего равнодушія ко всему, кромѣ истины, не позволяетъ своему согласію ни обгонять доказательства, ни отставать отъ нихъ, приучится изслѣдовать, и изслѣдовать тщательно, вмѣсто того, чтобы предполагать; и никто не окажется въ затруднительномъ положеніи или въ опасности изъ-за неумѣнья усвоить истины, необходимыя въ его положеніи или обстоятельствахъ. На всякомъ другомъ пути, кромѣ этого, люди обречены на ортодоксію; они съ раннихъ поръ всасываютъ принятыя мнѣнія своей страны и партіи, и такимъ образомъ никогда не спрашиваютъ объ ихъ истинности, и ни одинъ изъ сотни не изслѣдуетъ ея. Ихъ одобряютъ за эту неразсуждающую увѣренность въ своей правотѣ. Кто изслѣдуетъ, тотъ врагъ ортодоксіи, такъ какъ возможно, что онъ разойдется съ принятыми доктринами. Такимъ образомъ, люди, безъ всякаго усердія или самостоятельнаго изученія, пріобрѣтаютъ по наслѣдству мѣстныя истины (такъ какъ онѣ не вездѣ одинаковы) и пріучаются соглашаться безъ доказательствъ. Это вліяетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ думаютъ, такъ какъ

изслѣдовалъ-ли хоть одинъ изъ сотни этихъ ревностныхъ ханжей въ любой партіи мнѣнія, за которыя онъ такъ упорно держится, и думалъ-ли когда-нибудь, что это его задача и обязанность? Тотъ, кто считаетъ необходимымъ подобное изслѣдованіе, заподазривается въ равнодушіи, а кто принимается за него,—въ склонности къ отступничеству. А если человѣкъ способенъ заставить свой умъ принимать и упорно отстаивать положенія, доказательности которыхъ онъ никогда не разсматривалъ, и притомъ въ вопросахъ величайшей важности для него, то что же помѣшаетъ ему примѣнять тотъ-же короткій и удобный путь въ менѣе важныхъ вещахъ? Такъ пріучаемся мы одѣвать наши души, какъ и наши тѣла, по общепринятой модѣ; и не дѣлать этого значитъ заслужить обвиненіе въ фантазерствѣ или въ чемъ-нибудь худшемъ. Преобладаніе этого обычая (кто осмѣлится спорить съ нимъ?) создаетъ близорукихъ ханжей и осторожныхъ скептиковъ; а тѣ, кто отрекается отъ него, рискуютъ быть обвиненными въ ереси; ибо если взять весь свѣтъ, то какая часть его совмѣщаетъ истину съ ортодоксіей? А между тѣмъ только послѣдняя (которой удалось распространиться всюду) судитъ о заблужденіи и ереси: аргументы и доказательства ничего не значать въ этомъ случаѣ и нигдѣ не принимаются въ оправданіе, но во всѣхъ обществахъ отвергаются непогрѣшимой мѣстной ортодоксіей. Это-ли путь къ истинѣ и правильному согласію, о томъ можно судить по мнѣніямъ, распространеннымъ и господствующимъ въ разныхъ обитаемыхъ частяхъ земли. Я никогда еще не встрѣчалъ объясненія, почему неудобно принимать истину на основаніи ея собственной доказательности: я убѣжденъ, что если это не въ состояніи поддержать ее, то нѣтъ никакой обороны противъ заблужденія, и въ такомъ случаѣ истина и ложь только различныя названія однѣхъ и тѣхъ-же вещей. Поэтому человѣкъ можетъ (и долженъ) пріучаться давать свое согласіе только на основаніи доказательствъ, и лишь въ этомъ случаѣ находится на вѣрномъ пути къ истинѣ.

Люди, которымъ не хватаетъ знаній, находятся обыкновенно въ одномъ изъ слѣдующихъ трехъ состояній: или полнаго невѣденія, или сомнѣнія въ какомъ-либо положеніи, которое они принимали раньше, или склонны принять теперь; или, наконецъ, они съ увѣренностью принимаютъ и провозглашаютъ, безъ всякаго изслѣдованія, и не опираясь на основательные аргументы.

Первый изъ этихъ трехъ находится въ наилучшемъ состояніи, потому что душа его сохраняетъ еще полную свободу и безразличіе, и, слѣдовательно, можетъ успѣшнѣе добиваться истины, не имѣя предубѣжденія, способнаго сбить ее съ толка.

35. Ибо невѣжество, съ безразличнымъ отношеніемъ къ истинѣ, ближе къ этой послѣдней, чѣмъ мнѣнія, вытекающія изъ необоснованной склонности, которая является великимъ источникомъ заблужденія; и тотъ, кто идетъ подъ руководствомъ вожатаго, который—можно поставить сто противъ одного—способенъ дать ему только ложныя указанія, скорѣе собьется съ пути, чѣмъ тотъ, кто еще не сдѣлалъ ни

шага и можетъ распросить о вѣрномъ пути. Послѣдній изъ трехъ находится въ худшемъ положеніи изъ всѣхъ; ибо, если человѣкъ можетъ быть убѣжденъ и вполнѣ увѣренъ въ чемъ-либо безъ всякаго изслѣдованія, то чего онъ не можетъ признать за истину? И если онъ принялъ на вѣру ложь, то какими средствами исправить того, кто можетъ вѣрить безъ изслѣдованія? Изъ двухъ остальныхъ, незнающій находится въ лучшемъ положеніи, такъ какъ можетъ добиваться истины методомъ, соотвѣтствующимъ его состоянію; то есть, изслѣдуя непосредственно природу самой вещи, не спрашивая мнѣнія другихъ и не занимаясь ихъ вопросами и диспутами, и интересуясь лишь тѣмъ, что онъ самъ можетъ найти путемъ ревностнаго изысканія истины. Тотъ, кто дѣйствуетъ на основаніи другихъ принциповъ въ своихъ занятіяхъ науками, хотя бы онъ рѣшился разсматривать ихъ и судить о нихъ свободно, долженъ, однако, въ концѣ концовъ, принять чью-либо сторону и присоединиться къ какой либо партіи, отъ которой онъ не отстанетъ, пока его не заставятъ отказаться отъ нея; такимъ образомъ, умъ незамѣтно увлекается защитой во что бы то ни стало и заражается предубѣжденіемъ. Я не хочу сказать, что человѣкъ не долженъ принимать мнѣніе, которое онъ разсмотрѣлъ, если только онъ разсматривалъ его безъ предвзятой цѣли, но самый вѣрный и надежный способъ—не имѣть никакого мнѣнія о предметѣ, пока не разсмотрѣлъ его самъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мнѣнія или системы другихъ людей. Напримѣръ, еслибы моей задачей было изученіе медицины, не было-ли бы надежнымъ и удобнымъ путемъ для этого обратиться къ самой природѣ и ознакомиться съ исторіей болѣзней и ихъ лѣченіемъ, вмѣсто того, чтобы принимать принципы догматистовъ, методистовъ или химиковъ, вдаваться въ споры, касающіеся каждой изъ этихъ системъ и считать ихъ истинными, пока я не провѣрилъ всего, что могутъ сказать съ цѣлью разубѣдить меня въ нихъ? Или, предполагая, что Гиппократъ, или какая-нибудь другая книга содержитъ все искусство медицины, не было-ли бы прямымъ путемъ къ познанію послѣдней читать, изучать и обдумывать эту книгу, взвѣшивать и сравнивать ея части съ цѣлью найти истину, вмѣсто того, чтобы принимать доктрины партій, которыя, хотя и признаютъ ея авторитетъ, уже перетолковали и приладили всѣ ея тексты къ своему пониманію, такъ что, настроившись ими, я сильнѣе рискую не понять ея истиннаго смысла, чѣмъ еслибы принялся за нее съ умомъ не подготовленнымъ докторами и комментаторами моей секты, чьи разсужденія, толкованія и языкъ, съ которымъ я освоился, будутъ, конечно, бить въ одну точку, вслѣдствіе чего всякое иное и, можетъ быть, вѣрное толкованіе автора покажется мнѣ дикимъ, натянутымъ и страннымъ. Ибо слова, не имѣя своего собственнаго изначальнаго смысла, внушаютъ слушателю то значеніе, которое онъ привыкъ влагать въ нихъ, каково бы ни было мнѣніе того, кто ихъ употребляетъ. Это, мнѣ кажется, очевидно; а если такъ, то всякій, у кого возникаютъ сомнѣнія относительно воззрѣній, принятыхъ имъ безъ разсмотрѣнія, долженъ, насколько это ему удастся, привести себя

въ состояніе невѣдѣнія по отношенію къ этому вопросу; и отбросивъ совершенно всѣ свои прежнія понятія и мнѣнія другихъ, разсмотрѣть, съ полнымъ безразличіемъ вопросъ въ его источникѣ, не склоняясь ни въ какую сторону и не обращая вниманія на свои или чужія не провѣренныя мнѣнія. Я согласенъ, что это не легко дается; но я изслѣдую не легкій путь къ мнѣнію, а вѣрный путь къ истинѣ, которымъ долженъ слѣдовать тотъ, кто честно относится къ своему разуму и своей душѣ.

36. Вопросы.—Безразличіе, которое я рекомендую, поможетъ также правильно ставить вопросъ, возбуждающій сомнѣніе, безъ чего нельзя придти къ ясному и точному рѣшенію.

37. Настойчивость.—Другимъ плодомъ этого безразличія и разсмотрѣнія вещей въ нихъ самихъ, независимо отъ нашихъ собственныхъ мнѣній и отъ понятій и разсужденій другихъ людей, явится то, что каждый будетъ вести работу своей мысли тѣмъ методомъ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ природѣ вещи, и схватыванію имъ того, что она внушаетъ ему; по этому пути онъ долженъ двигаться непрерывно и настойчиво, пока не придетъ къ хорошо обоснованному рѣшенію, на которомъ можетъ успокоиться. Если мнѣ возразятъ, что для этого потребуется, чтобы каждый человѣкъ сдѣлался ученымъ, оставилъ всѣ другія дѣла и предался всецѣло изслѣдованію, я отвѣчу, что отъ тѣхъ, у кого есть на это время, нельзя и требовать меньшаго. Положеніе и обстоятельства нѣкоторыхъ людей не требуютъ большого объема знаній; добываніе необходимыхъ для жизни средствъ поглощаетъ большую часть ихъ времени. Но недостатокъ времени у однихъ людей не оправдываетъ невѣжества и нерадивости тѣхъ, которые обладаютъ досугомъ; и всякій имѣетъ возможность пріобрѣсти столько знанія, сколько отъ него требуется и ожидается; тотъ-же, кто не дѣлаетъ этого, обнаруживаетъ любовь къ невѣжеству и отвѣчаетъ за это.

38. Предубѣжденіе.—Разнообразіе недуговъ человѣческой души такъ же велико, какъ и разнообразіе тѣлесныхъ недуговъ; иные имѣютъ эпидемическій характеръ; немногіе ускользаютъ отъ нихъ; и всякій, если онъ заглянетъ въ самого себя, найдетъ какой нибудь дефектъ, спеціально ему свойственный. Врядъ-ли найдется человѣкъ, свободный отъ какой нибудь идіосинкразіи. Иной увѣренъ, что его дарованія никогда не измѣнятъ ему въ случаѣ нужды; и потому считаетъ излишнимъ трудомъ запасаться какими-либо вспомогательными средствами. Его разумъ представляется ему кошелькомъ Фортуната, изъ котораго всегда можно добыть деньги, ничего не положивъ въ него предварительно; и вотъ онъ сидитъ, сложа руки, довольный собой, не стараясь обогатить свой умъ знаніемъ. Онъ—самопроизвольный продуктъ почвы, не нуждающійся въ обработкѣ. Такіе люди могутъ выкладывать свои прирожденныя богатства передъ невѣждой; но лучше имъ не тягаться съ знающимъ человѣкомъ. Мы родимся невѣждами во всемъ. Внѣшность вещей, окружающихъ насъ, производитъ впечатлѣніе, на нерадиваго, но никто не проникаетъ въ ихъ внутрен-

ность безъ труда, вниманія и усердія. Камни [1]) и лѣсъ растутъ сами собой, но симметрическаго и удобнаго для житья зданія нельзя получить безъ труда и усилій. Богъ создалъ интеллектуальный міръ гармоническимъ и прекраснымъ помимо насъ; но онъ не можетъ разомъ войти въ наши головы; мы должны овладѣвать имъ по кусочкамъ и устраивать его нашимъ собственнымъ усердіемъ, иначе у насъ не получится ничего кромѣ мрака и хаоса, каковъ-бы ни былъ порядокъ и свѣтъ въ вещахъ, находящихся внѣ насъ.

39. Уныніе.—Съ другой стороны, есть люди, которые угнетаютъ собственныя души, падая духомъ при первомъ затрудненіи, и рѣшая, что освоиться съ какой либо наукой или подвинуться въ знаніи дальше, чѣмъ необходимо для ихъ обычнаго дѣла, выше ихъ способностей. Они сидятъ сиднемъ, думая что у нихъ нѣтъ ногъ для ходьбы; какъ тѣ, о которыхъ я сейчасъ упоминалъ, дѣлаютъ тоже, воображая, что у нихъ есть крылья, на которыхъ они могутъ воспарить въ высоту когда имъ вздумается. Первымъ можно напомнить пословицу: «Use legs, and have legs» [2]). Никто не знаетъ своихъ способностей, пока не испыталъ ихъ. А относительно разума можно сказать съ полной увѣренностью, что его сила вообще больше, чѣмъ думаютъ, не подвергнувъ его испытанію. „Viresque acquirit eundo“ [3]).

А потому наилучшее лѣкарство въ данномъ случаѣ приняться за работу и усердно прилагать свои мысли къ дѣлу; ибо въ борьбѣ ума, какъ и въ военной борьбѣ, „dum putant se vincere vicere“ [4]). Убѣжденіе въ томъ, что мы предолѣемъ всѣ затрудненія, съ какими встрѣтимся въ наукѣ, почти всегда помогаетъ намъ справиться съ ними. Никто не знаетъ силы свего ума, равно какъ и силы настойчиваго регулярнаго прилежанія, пока не испыталъ ихъ. Вѣрно одно: тотъ, кто пускается въ путь на слабыхъ ногахъ, не только уйдетъ дальше, но и сдѣлается сильнѣе того, кто, обладая мощной конституціей и крѣпкими членами, сидитъ сиднемъ.

Нѣчто подобное люди замѣчаютъ за собою, когда (какъ это часто бываетъ) умъ пугается чего либо, представляемаго лишь въ общихъ чертахъ и различаемаго неясно и на извѣстномъ разстояніи. Вещи, которыя представляются душѣ въ такомъ видѣ, кажутся состоящими изъ однихъ затрудненій и погруженными въ непроницаемый мракъ. Но, сказать по правдѣ, это только призраки, которые умъ ставитъ передъ собою, потакая собственной лѣности. Онъ ничего не различаетъ ясно въ отдаленныхъ и собранныхъ въ кучи вещахъ; а отсюда трусливо заключаетъ, что въ нихъ нельзя открыть ничего болѣе яснаго. Надо только подойти поближе, и окутывавшій ихъ туманъ, напущенный нами самими, разсѣется, и то, что казалось намъ въ этомъ туманѣ безобразными гигантами, съ которыми и думать нечего бо-

---

[1]) Заблужденіе относительно роста камней было когда-то всеобщимъ, а въ необразованныхъ кругахъ сохранилась и понынѣ. Пер.

[2]) „Пользуйся ногами, и у тебя будутъ ноги“.

[3]) „И пріобрѣтаетъ силы, ходя“.

[4]) „Побѣждаютъ, пока думаютъ, что побѣдятъ“.

роться, окажется ординарной и естественной величины и формы. Къ вещамъ, которыя представляются очень темными при разсматриванiи издали и въ цѣломъ, надо приближаться постепенными и правильными шагами; и сначала разсматривать то, что наиболѣе замѣтно, доступно и видимо въ нихъ. Расчленяйте ихъ на отдѣльныя составныя части; а затѣмъ въ надлежащемъ порядкѣ сводите все, что должно быть узнано относительно каждой изъ этихъ частей, къ простымъ и яснымъ вопросамъ; тогда все, что кажется темнымъ, смутнымъ, черезчуръ труднымъ для нашихъ способностей, явится передъ нашимъ разумомъ въ ясной картинѣ, и умъ проникнетъ въ то, что раньше пугало его и удерживало на извѣстномъ разстоянiи, какъ вполнѣ таинственное. Я ссылаюсь на опытъ моего читателя: не случалось-ли съ нимъ чего нибудь подобнаго; особливо когда, будучи занятъ одной вещью, онъ нечаянно задумывался о другой. Я спрашиваю его, не пугался-ли онъ иногда внезапнаго представленiя о непредолимыхъ затрудненiяхъ, которыя однако исчезали, когда онъ принимался серьезно и методически разсматривать этотъ якобы страшный предметъ; въ результатѣ не оставалось никакого повода къ удивленiю, и его самого забавляла мысль, что онъ испугался созданной имъ самимъ перспективы по отношенiю къ предмету, который при ближайшемъ разсмотрѣнiи оказался не болѣе страшнымъ и запутаннымъ, чѣмъ различныя другiя вещи, съ которыми онъ давно уже справился безъ всякихъ затрудненiй. Этотъ опытъ долженъ научить насъ, какъ поступать съ такими пугалами, которыя должны скорѣе возбуждать нашу силу, чѣмъ ослаблять наше усердiе. Самый вѣрный путь для учащагося въ этомъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, не подвигаться скачками и большими шагами; пусть слѣдующее, за что онъ примется, будетъ дѣйствительно слѣдующимъ, то есть возможно тѣснѣе связаннымъ съ тѣмъ, что онъ уже знаетъ; пусть оно будетъ отличнымъ, но не отдаленнымъ отъ уже знакомаго; пусть оно будетъ новымъ, чего онъ не зналъ раньше, чтобы разумъ могъ подвигаться впередъ; но захватываетъ какъ можно меньше за одинъ разъ, чтобы его путь былъ ясенъ и надеженъ. Всю, пройденную такимъ путемъ, территорiю онъ долженъ удерживать за собою. Это отчетливое постепенное наростанiе знанiя прочно и надежно; оно несетъ съ собою собственный свѣтъ на каждой ступени своего поступательнаго движенiя, совершающагося легко и въ порядкѣ; ничто не приноситъ такой пользы разуму. И хотя это можетъ, пожалуй, показаться черезчуръ медленнымъ и томительнымъ путемъ къ познанiю, но я позволю себѣ съ увѣренностью заявить, что тотъ, кто испытаетъ это надъ самимъ собой или надъ тѣмъ, кого онъ будетъ учить, убѣдится, что подвигается при помощи этого метода быстрѣе, чѣмъ подвинулся бы при помощи какого угодно другого. Важнѣйшая часть истиннаго знанiя заключается въ раздѣльномъ воспрiятiи вещей, раздѣльныхъ въ себѣ. Иные люди достигаютъ болѣе яснаго свѣта и знанiя простой постановкой отдѣльнаго вопроса, чѣмъ другiе, обсуждая предметъ гуртомъ и затрачивая на это цѣлые часы. Въ этомъ случаѣ,

тотъ, кто ставитъ вопросъ, просто отдѣляетъ и расчленяетъ части одну отъ другой и располагаетъ ихъ, когда они расчленены, въ надлежащемъ порядкѣ. Это часто, безъ всякихъ дальнѣйшихъ хлопотъ, разрѣшаетъ сомнѣніе, и показываетъ душѣ, гдѣ лежитъ истина. Совпаденіе или несовпаденіе идей, когда они раздѣлены и разсмотрѣны въ отдѣльности, во многихъ случаяхъ воспринимается немедленно: и такимъ образомъ пріобрѣтается ясное и прочное знаніе, тогда какъ вещи, взятыя гуртомъ, въ общей, безпорядочной кучѣ, могутъ породить въ душѣ только смутное знаніе, которое собственно вовсе не представляетъ знанія; или по крайней мѣрѣ, когда придется его изслѣдовать и пустить въ ходъ, принесетъ меньше пользы, чѣмъ полное отсутствіе знанія. Въ виду этого позволю себѣ повторить здѣсь то, что уже говорилъ не разъ, а именно: что изучая что-нибудь слѣдуетъ предлагать душѣ какъ можно меньше заразъ; когда же это немного и понято и вполнѣ усвоено, переходить къ ближайшей, непосредственно слѣдующей части, къ еще неизвѣстному, простому, незапутанному предложенію, относящемуся къ изучаемому предмету, и способному уяснить то, что главнымъ образомъ имѣется въ виду.

40. Аналогія.—Аналогія очень полезна для ума во многихъ случаяхъ, особливо въ натуральной философіи; и главнымъ образомъ та часть, которая заключается въ удачныхъ и успѣшныхъ опытахъ. Но въ этомъ отношеніи нужно держаться въ предѣлахъ истиннаго значенія аналогіи. Напримѣръ: кислое купоросное масло оказалось полезнымъ въ такомъ то случаѣ, поэтому селитряный спиртъ или уксусъ могутъ употребляться въ подобномъ же случаѣ. Если хорошее дѣйствіе зависитъ исключительно отъ кислоты, то опытъ можетъ оказаться успѣшнымъ; но если въ купоросномъ маслѣ есть что-нибудь другое, кромѣ кислоты, что производитъ желательное для насъ хорошее дѣйствіе, то мы ошибаемся насчетъ аналогіи и нашъ разумъ впадаетъ въ заблужденіе вслѣдствіе ошибочнаго предположенія аналогіи тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

41. Ассоціація.—Хотя во второй книгѣ моего опыта о человѣческомъ разумѣ я говорилъ объ ассоціаціи идей, но тамъ я излагалъ вопросъ исторически, давая обзоръ дѣятельности разума въ этомъ и другихъ направленіяхъ, а не имѣя въ виду изысканія средствъ противъ этого недостатка [1]); съ этой послѣдней точки зрѣнія она также заслуживаетъ вниманія тѣхъ, которые стремятся уяснить себѣ обстоятельно правильный способъ воспитанія своего разума; и тѣмъ большаго вниманія, что это, быть можетъ, одна изъ самыхъ частыхъ причинъ нашихъ ошибокъ и заблужденій, и одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ, трудно излѣчимыхъ, душевныхъ недуговъ, такъ какъ очень

---

[1]) Локкъ коснулся ассоціаціи идей лишь мимоходомъ, обративъ вниманіе почти исключительно на неправильную или даже патологическую (сумасшествіе) дѣятельность души въ этомъ направленіи. Но онъ далъ толчекъ къ уясненію общей роли этого процесса въ душевной жизни, и созданію «ассоціаціонной» психологіи, разработанной позднѣе Гертли (Hartley, 1704—1757) и его продолжателями (Пристли, Юмъ и др.) Пер.

трудно убѣдить человѣка, что вещи не таковы, какими они постоянно являются ему.

Только въ силу этого промаха, въ который разумъ впадаетъ легко и незамѣтно, хрупкія и шаткія основанія становятся непогрѣшимыми принципами, не терпящими прикосновенія и сомнѣнія; такія противоественныя связи становятся въ силу привычки столь-же естественными для ума, какъ связь между солнцемъ и свѣтомъ, огнемъ и теплотой, и ему кажется, будто они несутъ съ собою такую же естественную убѣдительность, какъ самоочевидныя истины. Можно-ли въ такомъ случаѣ приступить къ лѣченію съ надеждой на успѣхъ? Многіе твердо принимаютъ ложь за истину; не только потому, что они никогда не думали иначе, но и потому, что, ослѣпленные съ самаго начала, они никогда не могли иначе думать; по крайней мѣрѣ, если не обладаютъ силой ума, способной оспаривать власть привычки и всматриваться въ собственные принципы. Но такую свободу ума лишь немногіе чувствуютъ за собою, и еще меньшему числу она разрѣшается другими; такъ какъ главное искусство и задача учителей и руководителей въ большинствѣ сектъ подавлять, насколько могутъ, эту живую обязанность каждаго человѣка по отношенію къ самому себѣ, которая представляетъ первый твердый шагъ къ правдѣ и истинѣ во всей вереницѣ ихъ поступковъ и мнѣній. Это даетъ поводъ подозрѣвать, что подобные учителя сами сознаютъ ложность или слабость проповѣдуемыхъ ими ученій, разъ не допускаютъ изслѣдованія основъ, на которыхъ они построены; тогда какъ тѣ, которые ищутъ только истину, и только ею желаютъ обладать, только ее проповѣдывать, свободно подвергаютъ свои принципы испытанію; съ удовольствіемъ допускаютъ ихъ изслѣдованіе; предоставляютъ людямъ опровергать ихъ, если тѣ могутъ; и если въ нихъ окажется что-нибудь слабое и несостоятельное, охотно допускаютъ разоблаченіе этого изъяна, чтобы ни имъ самимъ, ни другимъ не приходилось придавать какому бы то ни было принятому положенію большаго значенія, чѣмъ допускаетъ и гарантируетъ его доказанная истинность.

Мнѣ извѣстна важная ошибка всякаго рода людей, склонныхъ внушать принципы своимъ дѣтямъ и школьникамъ; что, въ концѣ концовъ, если разсмотрѣть хорошенько, сводится къ стремленію заставить ихъ проникнуться понятіями и воззрѣніями своихъ учителей на почвѣ неразсуждающей вѣры, и твердо держаться ихъ, не спрашивая, истинны они или ложны. Какой характеръ можетъ быть приданъ этому, и для какой надобности практикуется это въ отношеніи черни, предназначенной для работы и преданной своему чреву, я здѣсь не стану изслѣдовать. Но что касается болѣе благородной части человѣчества, положеніе которой оставляетъ ей досугъ для занятій науками и для изысканія истины, то я вижу только одинъ правильный способъ внушить ей принципы: стараться, елико возможно, чтобы, въ ранніе годы, идеи, не имѣющія естественной связи, не соединялись въ ихъ головахъ; и почаще внушать въ качествѣ руководства для дальнѣйшей жизни и занятій тоже правило: т. е., не допу-

скать, чтобы идеи соединялись въ разумѣ въ какой-либо иной или болѣе сильной комбинаціи, чѣмъ та, которая опредѣляется ихъ собственной природой и соотвѣтствіемъ, и почаще провѣрять, обусловлена-ли ассоціація идей, которыя оказываются связанными въ ихъ умахъ, очевиднымъ согласіемъ между самими идеями, или обычной и господствующей привычкой ума соединять ихъ, такимъ образомъ, въ мысляхъ.

Таковы предосторожности противъ этого зла, прежде чѣмъ оно прочно укоренилось въ разумѣ въ силу привычки; но тотъ, кто хочетъ устранить его, когда оно уже закрѣплено привычкой, долженъ тщательно наблюдать за быстрыми и почти незамѣтными движеніями души въ ея обычныхъ дѣйствіяхъ. То, что я говорилъ въ другомъ мѣстѣ о превращеніи идей чувства въ идеи разсудка, можетъ служить провѣркой этого. Скажите кому-нибудь, несвѣдущему въ живописи, когда онъ видитъ бутылки, курительныя трубки и другія вещи, нарисованныя очень естественно, что онъ не видитъ выпуклостей,— вы не убѣдите его, пока онъ не ощупаетъ; онъ не повѣритъ, что въ силу мгновеннаго жонглерства его собственныхъ мыслей произошла подстановка одной идеи на мѣсто другой. Какъ часто можно встрѣтить подобные примѣры въ аргументаціи ученыхъ, которые, привыкнувъ соединять въ умѣ двѣ идеи, нерѣдко подставляютъ одну на мѣсто другой; и я склоненъ думать, часто сами не замѣчаютъ этого! Находясь подъ властью такого самообмана, они неспособны къ убѣжденію, и считаютъ себя ревностными поборниками истины, хотя въ дѣйствительности отстаиваютъ заблужденіе. Это смѣшеніе двухъ различныхъ идей, которыя въ силу привычнаго связыванія въ умѣ почти сливаются для нихъ въ одну, наполняетъ ихъ головы ложными взглядами и ихъ разсужденія ложными выводами.

42. Ложные выводы.—Правильная дѣятельность разума состоитъ въ открытіи и усвоеніи истины, а это послѣднее въ усмотрѣніи очевиднаго или вѣроятнаго согласія или несогласія между идеями, утверждающими или отрицающими одна другую. Отсюда очевидно, что правильное употребленіе и воспитаніе разума, задача котораго есть изысканіе истины, и только истины, заключается въ томъ, чтобы поддерживать умъ въ состояніи полнаго безразличія, не позволяющаго ему склоняться въ ту или другую сторону дальше, чѣмъ допускаетъ очевидность, доставляемая знаніемъ, или чѣмъ позволяетъ перевѣсъ вѣроятности, оправдывающій согласіе или вѣру; между тѣмъ, очень трудно найти разсужденіе, въ которомъ бы нельзя было замѣтить, что авторъ не только поддерживаетъ (это разумно и правильно) извѣстную сторону вопроса, но и обнаруживаетъ склонность и пристрастіе къ ней, и явное желаніе, чтобы она оказалась истинной. Если меня спросятъ, какъ отличать авторовъ, обнаруживающихъ такую склонность или пристрастіе, я отвѣчу: наблюдая, какъ въ своихъ писаніяхъ или разсужденіяхъ они увлекаются своею наклонностью подмѣнять идеи вопроса, или подмѣняя термины, или прибавляя и присоединяя къ нимъ другія, отчего разсматриваемыя идеи

такъ измѣняются, что становятся болѣе пригодными для ихъ цѣли, и приводятся такимъ образомъ къ болѣе легкому и близкому согласію или болѣе очевидному и рѣзкому несогласію одна съ другою. Это явная и прямая софистика; но я далекъ отъ мысли, что всюду, гдѣ она проявляется, это дѣлается съ сознательною цѣлью обмануть и ввести въ заблужденіе читателей. Предразсудки и склонности людей, очевидно, обманываютъ этимъ путемъ ихъ самихъ; и подъ вліяніемъ такого предубѣжденія въ пользу одной стороны, стремленіе къ истинѣ уводитъ ихъ отъ истины. Наклонность подсказываетъ и незамѣтно вводитъ въ ихъ разсужденіе благопріятные для нея термины, а съ ними соотвѣтственныя идеи; и въ результатѣ принимается, въ такой оболочкѣ, какъ ясное и очевидное, то, что въ своемъ натуральномъ состояніи, при употребленіи только точныхъ, опредѣленныхъ идей, не могло бы быть вовсе допущено. Это наведеніе глянца на свои утвержденія, эти пріемы, благодаря которымъ, какъ принято думать, объясненія становятся красивыми, доступными и изящными, составляютъ такой существенный признакъ такъ называемаго искусства хорошо писать, что трудно представить себѣ, чтобы авторы согласились отказаться отъ того, что такъ содѣйствуетъ распространенію ихъ мнѣній и доставляетъ имъ такую высокую репутацію, ради болѣе трезваго и сухого способа изложенія, соблюдающаго точное соотвѣтствіе однихъ и тѣхъ же терминовъ съ одними и тѣми же идеями; рѣзкая и грубая опредѣленность разрѣшается только математикамъ, которые прокладываютъ себѣ путь и доставляютъ признаніе истинѣ неопровержимыми доказательствами.

Но если авторовъ нельзя заставить отказаться отъ такихъ наводящихъ пріемовъ писанія; если они не считаютъ удобнымъ строже относиться къ истинѣ и ученію, употребляя неизмѣнные термины и простые не софистическіе аргументы, то читателямъ важно не обманываться ложными выводами и не поддаваться господствующимъ способамъ внушенія. Самое вѣрное и дѣйствительное средство достигнуть этого—фиксировать въ умѣ ясныя и отчетливыя идеи, освобожденныя отъ шелухи словъ; и точно также, слѣдя за ходомъ аргументаціи, имѣть въ виду не слова, а идеи автора, наблюдая, какъ онъ связываетъ и раздѣляетъ ихъ въ вопросѣ. Тотъ, кто дѣлаетъ это, будетъ въ состояніи отбросить все излишнее; онъ увидитъ, что относится, что связано, что непосредственно имѣетъ дѣло съ вопросомъ, что скользитъ мимо него. Это укажетъ ему всѣ постороннія идеи въ разсужденіи и гдѣ именно они введены; и хотя онѣ, быть можетъ, ослѣпили писателя, но читатель замѣтитъ, что онѣ не бросаютъ свѣта на его разсужденія и не придаютъ имъ силы.

Хотя это самый вѣрный и удобный способъ читать книги съ пользою, не давая вводить себя въ заблужденіе громкимъ именамъ и правдоподобнымъ рѣчамъ; но такъ какъ онъ труденъ и скученъ для тѣхъ, которые не пріучились къ нему, то нельзя ожидать, что каждый (среди тѣхъ немногихъ, кто дѣйствительно стремится къ истинѣ) будетъ такимъ способомъ оберегать свой разумъ отъ сознательной или

безсознательной софистики, которая закрадывается въ аргументацію большинства книгъ. Нельзя, конечно, предположить, что тотъ, кто пишетъ противъ своего убѣжденія или рѣшился поддерживать воззрѣнія партіи, къ которой онъ принадлежитъ, откажется отъ какого-бы то ни было оружія, помогающаго ему отстаивать свое дѣло; а потому такихъ авторовъ нужно читать съ большими предосторожностями. Да и тѣ, которые пишутъ въ защиту мнѣній, составляющихъ ихъ искреннное убѣжденіе, и вѣрятъ въ свою правдивость, считаютъ, что они могутъ позволить себѣ, во имя своей похвальной привязанности къ истинѣ, выражать свое уваженіе къ ней, наряжая ее въ наилучшія краски и облекая въ наилучшія выраженія, чтобы облегчить ей доступъ въ умы читателей и какъ можно глубже запечатлѣть въ нихъ.

Такъ какъ мы вправѣ предположить, что таково отношеніе къ своему дѣлу большинства писателей, то читателямъ, которые обращаются къ нимъ за поученіемъ, не слѣдуетъ забывать объ осмотрительности, приличествующей серьезному стремленію къ истинѣ, и нужно всегда быть настороже противъ всего, что можетъ скрыть и исказить послѣднюю. Если они не обладаютъ умѣньемъ представлять себѣ мнѣнія автора въ чистыхъ идеяхъ, отдѣленныхъ отъ звуковъ и такимъ образомъ освобожденныхъ отъ ложнаго освѣщенія и обманчивыхъ украшеній рѣчи, то имъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, упорно хранить въ умѣ точно формулированный вопросъ, ставить его въ теченіе всего разсужденія, и не допускать никакого измѣненія въ терминахъ, посредствомъ прибавленія, устраненія или подстановки какого нибудь другого. На это способенъ всякій, была-бы лишь охота; а у кого нѣтъ на это охоты, тотъ очевидно дѣлаетъ свой разумъ только складочнымъ мѣстомъ хлама, заимствованнаго у другихъ—я подразумѣваю ложныя и недоказательныя разсужденія—а не хранилищемъ истины для собственнаго употребленія, которая окажется основательной и полезной для него, когда представится случай пустить ее въ ходъ. Честно-ли поступаетъ такой человѣкъ съ своимъ умомъ, правильно-ли воспитываетъ свой разумъ,—я предоставляю судить его собственному разуму.

43. Основныя истины.—Такъ какъ умъ человѣческій очень узокъ и такъ медленно осваивается съ вещами и разбирается въ новыхъ истинахъ, что никто не способенъ даже въ гораздо большій срокъ, чѣмъ отведенный для нашей жизни, познать всѣ истины, то благоразумно съ нашей стороны при нашихъ поискахъ знанія сосредоточивать наши мысли на основныхъ и существенныхъ вопросахъ, тщательно избѣгая пустячныхъ, и не позволяя себѣ отклоняться отъ главной цѣли ради чисто случайныхъ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить, какая масса времени у многихъ молодыхъ людей затрачивается на чисто логическія изысканія. Это все равно, какъ еслибы человѣкъ, который намѣренъ сдѣлаться живописцемъ, тратилъ все свое время на разсматриваніе нитокъ различныхъ тканей, которыя онъ собирается рисовать, или пересчитываніе волосковъ каждой кисти, которую онъ намѣренъ употреблять для накладыванія красокъ. Болѣе того,

это гораздо вреднѣе, чѣмъ для начинающаго живописца тратить свои учебные часы на такіе безполезные пустяки; такъ какъ живописецъ въ концѣ концовъ увидитъ, что всѣ его труды остаются безплодными, не помогаютъ и не научаютъ его рисовать, и слѣдовательно совершенно ненужны; тогда какъ люди, предназначающіе себя для ученой карьеры, часто до того переполняютъ и разгорячаютъ свои головы диспутами о логическихъ вопросахъ, что принимаютъ эти пустопорожнія и безполезныя тонкости за реальное и существенное знаніе и воображаютъ, будто ихъ разумъ настолько просвѣщенъ наукой, что имъ нѣтъ надобности вдаваться въ изученіе природы вещей, или снисходить до ремесленной пачкотни экспериментальнаго изслѣдованія. Это, очевидно, настолько неправильное употребленіе разума, и притомъ на профессіональномъ пути къ знанію, что его нельзя обойти молчаніемъ; сюда можно присоединить обиліе вопросовъ и способъ трактованія ихъ въ школахъ. Перечень всѣхъ частныхъ ошибокъ этого рода, какія дѣлаетъ или можетъ дѣлать каждый человѣкъ, былъ-бы безконеченъ; достаточно указать, что поверхностныя и маловажныя открытія, и наблюденія, которыя не содержатъ въ себѣ ничего важнаго и не служатъ ключами къ дальнѣйшему знанію, должны считаться незаслуживающими изслѣдованія.

Есть основныя истины, служащія фундаментомъ, базисомъ для множества другихъ и обусловливающія ихъ достовѣрность. Это плодотворныя истины, которыя доставляютъ богатый матерьялъ уму, и, подобно небеснымъ свѣтиламъ, нетолько прекрасны и содержательны въ самихъ себѣ, но и бросаютъ свѣтъ на другія вещи, которыя безъ нихъ оставались-бы невидимыми или неузнанными. Таково удивительное открытіе мистера Ньютона, что всѣ тѣла тяготѣютъ другъ къ другу, которое можетъ считаться базисомъ натуральной философіи; значеніе этого открытія въ уразумѣніи нашей солнечной системы уже вызвало изумленіе ученаго міра; а какъ далеко оно поведетъ насъ въ уразумѣніи другихъ вещей, если будетъ правильно прилагаться, пока еще и сказать нельзя. Великое правило нашего Спасителя: «люби ближняго, какъ самого себя», такая-же основная истина для устройства человѣческаго общества, такъ что, по моему мнѣнію, ея одной достаточно для уясненія всѣхъ случаевъ и сомнѣній въ области соціальной морали. Таковы истины, къ изысканію которыхъ мы должны стремиться, дабы обогащать ими свой умъ. Это приводитъ меня къ другому, не менѣе необходимому, условію воспитанія разума.

44. Обоснованіе.—Надо пріучаться во всякомъ вопросѣ изслѣдовать и находить, на чемъ онъ основывается. Большинство затрудненій, встрѣчающихся на нашемъ пути, если хорошенько разсмотрѣть и прослѣдить ихъ, приводятъ насъ къ какому-нибудь положенію, которое, разъ оно признано истиннымъ, устраняетъ сомнѣніе и даетъ легкое рѣшеніе вопроса; тогда какъ частные и поверхностные аргументы, которыхъ не мало найдется на каждой сторонѣ, наполняя голову разнообразными мыслями, а уста многословными рѣчами, служатъ для игры ума и развлеченія компаніи, не приводя къ основанію

вопроса, единственному мѣсту успокоенія и остановки для пытливаго духа, стремящагося только къ истинѣ и знанію.

Напримѣръ, если спросятъ, имѣетъ-ли турецкій султанъ законное право отбирать все, что ему вздумается, у своихъ подданныхъ, то этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ предварительнаго рѣшенія основного вопроса: обладаютъ-ли всѣ люди одинаковыми естественными правами; когда же эта истина установлена разумомъ и сохраняется въ умѣ при всѣхъ дебатахъ и разнообразныхъ правахъ людей въ обществѣ, она легко кладетъ имъ конецъ, показывая, на какой сторонѣ находится истина.

45. Перенесеніе мыслей.—Врядъ-ли есть что-нибудь болѣе благопріятное для преуспѣянія познаній, для облегченія жизни и для устройства дѣлъ, чѣмъ способность человѣка распоряжаться собственными мыслями; и врядъ-ли найдется что-нибудь труднѣе во всемъ воспитаніи разума, чѣмъ пріобрѣсть полное господство надъ ними. Умъ, у бодрствующаго человѣка, всегда занятъ какимъ-нибудь предметомъ; и если мы лѣнивы или не заинтересованы, то легко можемъ перемѣнить его, и по произволу перенести наши мысли на другой, съ него на третій, не имѣющіе никакого отношенія ни между собою, ни къ первому. Отсюда люди черезчуръ поспѣшно заключаютъ и часто говорятъ, что нѣтъ ничего свободнѣе мысли, и было-бы хорошо, если-бы это было вѣрно; но во многихъ случаяхъ вѣрно противоположное, во многихъ случаяхъ нѣтъ ничего непокорнѣе и неукротимѣе нашихъ мыслей; онѣ не желаютъ направляться на тѣ предметы, которые мы имъ указываемъ, ни отрываться отъ тѣхъ, которыми заняты; но вопреки волѣ человѣка устремляются за тѣми идеями, которыя имѣютъ въ виду, и онъ ничего не можетъ съ ними подѣлать.

Я не намѣренъ здѣсь снова заводить рѣчь о томъ, чего уже касался выше; именно, о томъ, какъ трудно для ума, суженнаго тридцати-или сорокалѣтней привычкой оперировать надъ скуднымъ запасомъ очевидныхъ и обыкновенныхъ идей, расшириться до воспріятія болѣе обильнаго запаса и освоиться съ такими идеями, которыя доставятъ ему болѣе обильный матеріалъ для полезнаго размышленія; теперь я говорю не объ этомъ. Недостатокъ, которымъ я намѣренъ заняться, съ цѣлью найти противъ него лѣкарство, — испытываемая нами иногда трудность перенести наши мысли съ одного предмета на другой въ тѣхъ случаяхъ, когда идеи одинаково знакомы намъ.

Предметы, рекомендуемые нашимъ мыслямъ какой либо изъ нашихъ страстей, властно завладѣваютъ нашими умами и не хотятъ оставить ихъ или удалиться; но, какъ будто бы страсть сдѣлалась на время шерифомъ мѣста и заняла его со всей своей милиціей, предметъ, навязанный такимъ образомъ разуму, завладѣваетъ имъ, точно обладаетъ законнымъ правомъ на исключительное вниманіе. Я думаю врядъ-ли найдется человѣкъ, хотя бы самаго спокойнаго темперамента, который-бы не испытывалъ иногда этой тираніи надъ своимъ разумомъ и не страдалъ отъ ея неудобства. Можетъ-ли кто нибудь сказать о себѣ, что любовь или гнѣвъ, страхъ или горе никогда не

приковывали его ума къ какому нибудь грузу, такъ что онъ не могъ обратиться ни къ какому другому предмету? Я употребляю выраженіе грузъ потому, что онъ тяготѣетъ надъ душею, отнимая у нея силу и способность предаваться другимъ мыслямъ; самъ же почти или вовсе не подвигаетъ ее въ познаніи той вещи, которая такъ захватила ея вниманіе. Люди, находящіеся въ такомъ состояніи, кажутся иногда не въ своемъ умѣ и какъ будто подъ властью какихъ то чаръ. Они не видятъ того, что происходитъ передъ ихъ глазами, не слышатъ громкихъ рѣчей компаніи, и, если внезапно привести ихъ въ себя, кажутся людьми, вернувшимися изъ какой-то отдаленной области, хотя въ дѣйствительности не уходили дальше своего внутренняго тайника, гдѣ были всецѣло поглощены вознею съ той куклой, которая занимаетъ ихъ въ данный моментъ. Смущеніе, которое испытываютъ благовоспитанные люди послѣ такихъ припадковъ задумчивости, уносящихъ ихъ далеко отъ компаніи, въ бесѣдѣ которой они должны принимать участіе, достаточно показываетъ, что мы должны считать изъяномъ въ воспитаніи разума эту неспособность пользоваться имъ для тѣхъ цѣлей и въ тѣхъ случаяхъ, когда нуждаемся въ его помощи. Умъ долженъ быть всегда свободнымъ и готовымъ обратиться къ разнообразнымъ, представляющимся ему, объектамъ, и заниматься ихъ разсмотрѣніемъ такъ долго какъ найдетъ это нужнымъ. Прилѣпляться къ какому нибудь объекту до неспособности оторваться отъ него ради другого, который мы считаемъ болѣе подходящимъ для нашего размышленія, значитъ сдѣлать послѣднее безполезнымъ для насъ. Еслибы такое состояніе оставалось постояннымъ, всякій, не обинуясь, назвалъ-бы его полнымъ помѣшательствомъ; и пока оно длится и возращается черезъ извѣстные промежутки времени, подобное обращеніе мыслей вокругъ одного и того-же предмета такъ-же мало подвигаетъ насъ впередъ, какъ ѣзда на мельничной лошади, пока она совершаетъ свое круговое движеніе.

Я согласенъ, что надо сдѣлать извѣстныя уступки законнымъ страстямъ и естественнымъ наклонностямъ. Каждый человѣкъ, кромѣ случайныхъ пристрастій, имѣетъ любимыя занятія, которымъ его душа предается съ особымъ усердіемъ; но всетаки самое лучшее, если она всегда остается свободной и въ распоряженіи человѣка, готовая работать надъ тѣмъ и такъ, какъ онъ ей указываетъ. Этого мы должны добиваться, если только не хотимъ допустить въ нашемъ разумѣ такого изъяна, по милости котораго иногда какъ бы лишаемся его; ибо дѣло обстоитъ немногимъ лучше въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не можемъ имъ пользоваться для цѣлей, которыя интересуютъ насъ и въ данную минуту нуждаются въ немъ. Но прежде чѣмъ подумать о подходящихъ лѣкарствахъ противъ этого недуга, мы должны ознакомиться съ различными причинами его и сообразовать съ ними лѣченіе, чтобы работать съ надеждой на успѣхъ.

Мы уже упоминали объ одной изъ нихъ, настолько извѣстной всѣмъ мыслящимъ людямъ и настолько знакомой имъ по личному опыту, что никто не сомнѣвается въ ея существованіи. Господству-

ющая страсть такъ увлекаетъ наши мысли къ своему предмету и интересу, что страстно влюбленный человѣкъ неспособенъ думать о своихъ обычныхъ дѣлахъ; нѣжная мать, горюющая о потерѣ ребенка, не въ силахъ принимать участіе въ бесѣдѣ знакомыхъ или друзей.

Но хотя страсть наиболѣе очевидная и общая, однако не единственная причина, связывающая разумъ и приковывающая его на время къ какому-нибудь предмету, отъ котораго его невозможно оторвать.

Независимо отъ нея, мы часто находимъ, что разумъ, занявшись какимъ-нибудь предметомъ, представившимся ему случайно, безъ всякаго участія со стороны какой-нибудь страсти, постепенно увлекается имъ и, точно шаръ, пущенный съ горы, не можетъ остановиться или уклониться въ сторону; хотя, когда пылъ остынетъ, убѣждается, что всѣ эти ревностныя усилія были направлены на пустяки, не стоющіе вниманія, и всѣ затраченные труды пропали даромъ.

Есть и третьяго рода причина, еще болѣе низкаго свойства: своего рода ребячество, если можно такъ выразиться, разума, который во время этого припадка безъ конца забавляется и играетъ съ какой-нибудь ничтожной куклой, не преслѣдуя при этомъ никакихъ цѣлей и тѣмъ не менѣе не находя въ себѣ силы разстаться съ нею. Какая-нибудь пошлая сентенція или обрывокъ стихотворенія забирается въ человѣческую голову и поднимаетъ въ ней такую возню, которой нѣтъ угомона; человѣкъ не находитъ себѣ мѣста, не можетъ ни на чемъ сосредоточить вниманія, а несносный гость остается въ душѣ и владѣетъ мыслями, несмотря на всѣ попытки отдѣлаться отъ него. Не знаю, каждый ли испыталъ на себѣ самомъ это несносное вторженіе вздорныхъ идей, докучающихъ разуму и мѣшающихъ ему заняться чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ. Но жалобы на это я слышалъ не разъ отъ людей очень одаренныхъ. Причина, почему я высказываю это сомнѣніе, заключается въ томъ, что я слышалъ о другомъ, подобномъ же, но гораздо болѣе странномъ, случаѣ, именно о видѣніяхъ, которыя бываютъ у нѣкоторыхъ людей, когда они лежатъ тихо, но въ бодрствующемъ состояніи, въ темнотѣ или съ закрытыми глазами. Тогда передъ ними проходятъ одно за другимъ множество разнообразныхъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ очень странныхъ; причемъ едва лишь появится одно, какъ уступаетъ мѣсто другому, которое въ ту же минуту исчезаетъ, замѣняясь третьимъ; и такъ они слѣдуютъ одно за другимъ непрерывной вереницей, причемъ безполезно пытаться остановить или удержать какое-нибудь изъ нихъ,—его немедленно отталкиваетъ слѣдующее за нимъ, добивающееся своей очереди. Я говорилъ объ этомъ фантастическомъ явленіи съ разными лицами, изъ которыхъ нѣкоторые оказались хорошо знакомыми съ нимъ, другіе же настолько незнакомыми, что съ трудомъ могли представить себѣ или повѣрить въ возможность чего-либо подобнаго. Я зналъ одну даму, съ превосходными дарованіями, которая дожила до тридцати съ лишнимъ лѣтъ, не испытавъ ничего подобнаго; такъ что слушая мой разговоръ объ этомъ явленіи съ другимъ лицомъ, не могла отдѣлаться отъ мысли,

что мы подшучиваемъ надъ нею; но нѣсколько времени спустя, послѣ того какъ ей случилось однажды лечь въ постель, выпивъ значительное количество жидкаго чая (по предписанію доктора), она сообщила намъ при слѣдующей встрѣчѣ, что ей пришлось испытать то, въ чемъ наша бесѣда не могла убѣдить ее. Она видѣла длинную вереницу разнообразныхъ лицъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, какъ мы описывали; все это были незнакомцы и посторонніе люди, какихъ она вовсе не знала раньше, да и не желала знать; появившись, они исчезали; никто не останавливался и никакими усиліями ей не удавалось задержать ихъ; они проходили торжественной процессіей, появляясь и исчезая. Кажется, это явленіе имѣетъ физическую причину, которая заключается въ составѣ и движеніи крови и животныхъ духовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда воображеніе увлечено страстью, я не знаю иного способа освободить душу и сдѣлать ее способной заниматься тѣми мыслями, къ какимъ желаетъ обратить ее человѣкъ, кромѣ подавленія этой страсти или уравновѣшенія ея какою-нибудь другою; а это искусство достигается изученіемъ страстей и знакомствомъ съ ними.

Тѣ, которые способны увлекаться самопроизвольнымъ теченіемъ мыслей, не возбуждаемыхъ страстью или интересомъ, должны всячески стараться останавливать ихъ, а не поощрять душу къ такимъ пустымъ занятіямъ. Люди знаютъ цѣну тѣлесной свободы, и потому не выносятъ добровольно цѣпей и оковъ. Имѣть умъ, скованный въ теченіе извѣстнаго времени, есть конечно, еще худшее зло, и сохраненіе свободы за нашей лучшей частью заслуживаетъ величайшаго попеченія и усердія. Въ этомъ случаѣ наши труды не пропадутъ даромъ; усилія и борьба возьмутъ верхъ, если мы постоянно прибѣгаемъ къ нимъ въ подобныхъ случаяхъ. Никогда не слѣдуетъ снисходить къ этимъ вздорнымъ устремленіямъ мысли; какъ скоро мы замѣчаемъ, что душа начинаетъ заниматься пустяками, мы должны останавливать ее и мѣшать ей, вводить новые и болѣе серьезные предметы размышленія, и не отступаться до тѣхъ поръ, пока не заставимъ ее отказаться отъ принятаго ею направленія. Сначала это, быть можетъ, окажется затруднительнымъ, если мы дозволили противоположной привычкѣ укорениться въ насъ; но постоянныя усилія возмутъ понемногу свое, и борьба сдѣлается для насъ легкой. Когда-же человѣкъ подвинулся въ этомъ направленіи настолько, что можетъ по произволу удерживать душу отъ случайныхъ и безцѣльныхъ устремленій, онъ не преминетъ пойти и дальше въ своихъ попыткахъ принуждать ее къ болѣе важнымъ размышленіямъ, и въ концѣ концовъ пріобрѣтетъ полную власть надъ своею душею и станетъ господиномъ надъ своими мыслями, то есть будетъ переносить ихъ съ одного предмета на другой такъ-же легко, какъ кладетъ вещь, находящуюся у него въ рукѣ, и беретъ вмѣсто нея другую. Эта свобода ума очень важна какъ въ дѣловыхъ, такъ и въ научныхъ занятіяхъ; и тотъ, кто пріобрѣтетъ ее, будетъ пользоваться немалымъ преимуществомъ быстроты и легкости во всѣхъ избранныхъ и полезныхъ занятіяхъ своего разума.

Третій и послѣдній случай захвата души, о которомъ я упоминалъ,—вторженіе извѣстныхъ словъ или сентенцій, которыя не выходятъ изъ памяти и поднимаютъ шумъ въ головѣ—совпадаетъ обыкновенно съ празднымъ состояніемъ ума или съ очень лѣнивымъ и небрежнымъ занятіемъ. Лучше было бы, конечно, обходиться безъ такихъ пустыхъ и безполезныхъ повтореній: всякая встрѣчная идея, схваченная на удачу, болѣе полезна и болѣе способна внушить что-нибудь достойное размышленія, чѣмъ безцѣльная возня съ пустыми звуками. Но такъ какъ бдительность души и принужденіе разума взяться за работу съ извѣстной дозой усердія въ большинствѣ случаевъ немедленно освобождаютъ его отъ этихъ лѣнивыхъ спутниковъ, то, когда они смущаютъ насъ, намъ остается только прибѣгнуть къ этому дѣйствительному средству, всегда имѣющемуся у насъ подъ рукой.

Содержаніе.

О воспитаніи разума.

Цѣна 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ склада Петербургъ, (Кабинетская, 18) за пересылку не платятъ.

Тип. „Сѣверъ", Спб., Невскій, 1...

2011141631